



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1881 (viii)

Per. 278975 d. 153

М.

АНЮБОВИЧА.

(См. на оборотѣ).

АВГУСТЪ

1881

ДѢЛО ²³

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 8

СОДЕРЖАНІЕ.

1. КРУТЫЯ ГОРКИ. Романъ. (Часть вторая. Главы VIII—XIV). . . . Я. П. ПОЛОДСКАГО.
2. СПАРТАКЪ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Окончаніе). . . . РАФАЭЛЯ ДЖОВАННОЛИ.
3. НЕВѢДОМАЯ УЛИЦА. Набросокъ. М. АЛБОВА.
4. НУМА РУМЕСТАНЪ. Романъ. (Главы VII—IX). . . . АЛЬФОНСА ДОДЭ.
5. ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ (1848—1871). . . . ГАЛЬФРАНКА.
6. ИЗЪ-ЗА ПУСТЯКОВЪ. Разсказъ изъ петербургской жизни Б. М. СТАНЮКОВИЧА.

(См. на оборотѣ).

7. ПИСАТЕЛЬ. Романъ. (Часть вторая.
Главы IX—XV). РОБЕРТА ГАЛЬТА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

8. ИДЕАЛИЗАТОРЫ РАСКОЛА. И. ХАРЛАМОВА.
Русскіе диссиденты.—Старовѣры и духовные христіане, *И. Юзова*. Спб., 1881 г.—Значеніе сектантства въ русской народной жизни, ст. *А. Прулавина*, „Русская Мысль“, 1881 г., № 1-й. — Программа для собранія свиденій о русскомъ расколѣ или сектантствѣ, *А. Прулавина*, М., 1881 г.
9. ЗАМѢТКИ ЗЕМЦА О ЗЕМСКИХЪ ИЗДАНИЯХЪ И ЗЕМСКИХЪ ПРИЕМАХЪ. ЗЕМЦА.
10. ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ. (Литературная хроника). И. К—ВА.
11. НОВЫЯ КНИГИ.
Устраненіе чтенія лекцій въ академической или университетской системѣ преподаванія наукъ. *В. Герасимова*. Спб., 1881 г.—*Н. С. Лѣсковъ*. „Русская рознь“. Очерки и рассказы (1880 — 1881 гг.), Спб., 1881 г.—*Л. Е. Поповъ*. Популярныя очерки по естествознанію. Спб., 1881 г.—*Г. Врандесъ*. Главныя теченія литературы XIX столѣтія; лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ Университетѣ. Москва, 1881 г.
12. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. И. Ш.
(Проектъ новой внутренней политики).
13. НАШИ ВИДЫ НА УРОЖАЙ. (1881 г.) И. К.
14. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ:
I. Ирландскія дѣла Б.
II. Реформы въ Турціи и панисламизмъ Ж—БА.
15. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ОТКРОВЕННОГО ПИСАТЕЛЯ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 8



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881



ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно приобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871	годъ съ пересылкою	10	р.
” 1872	” ”	10	”
” 1876	” ”	8	”
” 1877	” ”	10	”
” 1880	” ”	12	”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1881 года.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VIII.

Разъ Ознобинъ вышелъ на улицу, папирось купить, и на обратномъ пути изъ табачной лавочки совершенно неожиданно столкнулся съ Николаемъ Николаевичемъ Ерошинымъ, который, стоя на троттуарѣ, искалъ глазами извозчика (въ Петербургѣ лѣтомъ можно иногда пройти полъ-улицы и не найти ни одного свободного извозчика).

И вотъ, они стоятъ другъ противъ друга... Ознобинъ въ дорожной, лѣтней фуражкѣ пыльнаго цвѣта, Ерошинъ въ прошлогодней, соломенной шляпѣ тоже пыльнаго цвѣта... Ознобинъ худощавъ, смутенъ и глядитъ старымъ студентомъ изъ духовной академіи; Ерошинъ по-прежнему широкъ, плотенъ, бородасть и глядитъ выходцемъ изъ Америки.

— А поѣдете со мной на дачу... говорить Ерошинъ, и большіе, сѣрые съ искрой глаза его насмѣшливо щурятся.

— Э... когда-нибудь заберусь къ вамъ... тянетъ ему въ отвѣтъ Ознобинъ, мигая глазами, тоже сѣрыми, хотъ и небольшими.

— Мы съ вами разнакомимся, если вы такой кисляй. И чего вы трусите?—Этой самой дѣвки, которой вы трусите—сегодня не предвидится... Она, если не въ Парголовѣ, такъ въ Лѣсномъ, а не въ Лѣсномъ, то... чортъ ее знаетъ...

Ознобина замѣтно коробить: онъ тотчасъ-же смѣкаетъ, о комъ это говорить Ерошинъ съ такимъ пренебреженіемъ, и смотритъ на желтую собаку, которая, прихрамывая, перебѣгаетъ улицу, завидя другую черную собаченку, которая вертится у дверей кондитерской.

— Вотъ... купилъ папиросы, и съ собой у меня денегъ нѣтъ... да надо еще и поработать...

— Билетъ я вамъ куплю, и вы мнѣ послѣ заплотите... это пустяки; а работать сегодня вамъ нечего... Ёдемъ!.. Леканиды не будетъ... Да и какое вамъ дѣло до ея капризовъ, хочетъ она васъ видѣть или не хочетъ?.. Вамъ то что?.. Какой-же вы послѣ этого мужчина!.. Пфу!

— Да поймите-же вы, Христа ради, я самъ до поры до времени не хочу ее видѣть... Э... это мой капризъ... понимаете...

— Эй, извозчикъ!.. На Царскосельскую машину—двугривенный.

— Тридцать.

— Не дамъ..

— Двадцать-пять...

— Садитесь, Ознобинъ, не капризничайте...

Ознобинъ хоть и капризничаетъ, но повинуется, потому - что самъ чувствуетъ, ему нужно чѣмъ-нибудь встряхнуть себя, до такой степени онъ залежался и пониъ духомъ послѣ долгаго труда надъ проектомъ о возсозданіи городовъ по новому типу, на новыхъ, соціально-гигіеническихъ началахъ.

На станцію пріѣзжаютъ они за полчаса до отхода поѣзда. На дебаркадерѣ Ознобинъ встрѣчаетъ Петю Клима и не сразу узнаетъ его.

Петя въ сѣрыхъ брюкахъ, въ партикулярномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ... Съ нимъ подъ-руку какая-то дѣвушка, одного съ нимъ роста, стройная и красивая.

Петя, очевидно, и фарситъ какъ - будто (шляпа немного набекрень смѣкаетъ), и какъ-будто совѣстится... Онъ, не торопясь, въ толпѣ подходитъ къ Ознобину и рекомендуетъ ему свою спутницу, Надежду Михайловну Васкову—сестру его мачихи—Мины Михайловны. Ознобинъ смотритъ на нее, нагибая голову, точно разсматриваетъ насѣкомое, и равнодушно пожмаетъ ей руку. Ерошинъ смотритъ на неѣ во всѣ глаза, какъ на диковину, и лѣвой рукой машинально разглаживаетъ свою пушистую, окладистую бороду.

— Вы въ Павловскѣ? спрашиваетъ Ознобинъ своего бывшаго ученика.

— Нѣтъ.

— Уговорите его поѣхать, говорить Надя.

— Э... я не умѣю его уговаривать, отвѣчаетъ Ознобинъ, оглядывая Петю въ новомъ платьѣ и съ такимъ выраженіемъ, какого онъ никогда еще не видѣлъ въ лицѣ его. — Я уговаривалъ его остаться въ гимназіи...

— Я вамъ сказалъ, что не останусь—и не остался...

— Надя, когда ты вернешься домой? спрашиваетъ Петя свою молодую спутницу.

— Завтра утромъ, и прямо на свою новую квартиру. Приходи завтра вечеромъ. Весь день я буду хлопотать... Надо-же на что-нибудь рѣшаться...

— Вотъ и хорошо, что я не буду въ Павловскѣ, — ты почувешь наверху въ комнатѣ, которая предназначалась для моихъ ночлеговъ...

Съ этими словами Петя отводитъ ее отъ Ознобина.

— Замѣчательное личико! вслухъ замѣчаетъ Брошинъ.

— Сестра Мини Клинь—и этимъ для меня все сказано... Ничего не можетъ быть хорошаго! рѣшаетъ Ознобинъ.

И затѣмъ они усаживаются въ вагонъ 2-го класса.

А у 3-го класса, опершись на окно, стоитъ Петя и разговариваетъ съ своей тетей.

— Ну, такъ кому-же прикажешь кланяться, — Ксенію? спрашиваетъ въ окно выглядывающій профиль Нади.

— Кланяйся Ксенію...

— А еще кому?

— Кому хочешь...

— А Дуню, кланяться?

Петя смотритъ ей въ глаза, ловитъ на губахъ ея дрогнувшую улыбку и ничего не отвѣчаетъ.

— Что-же ты молчишь?..

— Я уже сказалъ, — кланяйся кому хочешь, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, говоритъ Петя, но что-то болѣзненно-свѣдливое разливается по лицу его.

Надя съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, безъ малѣйшей улыбки устремляетъ на него загадочнымъ блескомъ засвѣтившіяся, темно-лазурные глаза свои.

Второй звонокъ.

— Поблагодари за меня сестру твою за деньги... Я ихъ отдамъ ей, когда заработаю... Хотѣлъ ей благодарственное письмо послать, да раздумалъ...

— А какъ-бы она была рада увидѣть тебя такимъ, какъ ты сегодня... Ты глядишь такимъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ; эта шляпа идетъ къ тебѣ...

— Я никому не желаю нравиться, лжетъ Петя, потому - что полжизни отдалъ - бы для того только, чтобъ понравиться этой дѣвушкѣ, стоявшей за окномъ, въ тѣни отъ стѣны дебаркадера, и въ глазахъ, нѣсколько близорукаго Пети, казавшейся призракомъ...

— И я ни кому не желаю... задумчиво отзывается этотъ запертый въ вагонъ, живой и плѣнительный призракъ, положивъ на край окна свою бѣлую фарфоровую ручку.

— Да, но ты не желаешь нравиться, потому, что не можешь не нравиться; а я—потому, что не могу нравиться, если - бы и желалъ... разница!

— Ну, Ксенія, а можетъ и еще кто-нибудь, сказали-бы иначе...

— Ахъ, Боже мой! Ксенія!.. Охота тебѣ говорить о ней!.. Ксенія—дита...

Третій звонокъ.

— Прощай... прощайте, Надежда Михайловна!

— Прощай, не хандри, радуйся, что у тебя есть другъ, который...

Петя отступилъ, и свистокъ заглушилъ послѣднія слова ея. Машина запыхтѣла, и вагоны двинулись постепенно ускоряющимся ходомъ, и не прошло минуты, какъ они, уже вылетѣвъ изъ-подъ кровли дебаркадера, неслись дальше по желѣзнымъ рельсамъ...

„Ну кто теперь ее догонитъ, кто ее вернетъ?“ невольно, съ тайнымъ сокрушеніемъ думаетъ Петя... Онъ снимаетъ шляпу, проводитъ по-лбу рукой и, пробравшись въ буфетъ, беретъ со стола первую попавшуюся ему газету.

Часы идутъ, и ровно черезъ часъ съ четвертью послѣ отхода поѣзда, Ознобинъ и Ерошинъ, не торопясь, проходятъ по улицамъ Павловска и разговариваютъ.

— Удивительное э... дѣло! говорить Ознобинъ.— Вы думаете, что меня это развлекаетъ, что мнѣ нужна ваша толпа и э... ваша музыка... Глинку или Сѣрова, развѣ они сыгравтъ, э... это нѣмцы! Русской пѣсни э... не сыгравтъ... Для меня-же во всемъ свѣтѣ

есть одна, которая понимаетъ, какъ надо... Ээ... какъ надо пѣть...

— Кто такая?

— Леканида Александровна.

Ерошинъ останавливается и глядитъ на него съ изумленіемъ.

— Что съ вами?.. Да она еще и играть не умѣетъ... поеть, какъ всё поють въ ихней консерваторіи...

— Ну, нѣ-э-тъ!.. А впрочемъ, думайте какъ вамъ угодно — у меня свое мнѣніе, и э... за десятокъ нотъ, ею пропѣтыхъ, я не возьму цѣлой оперы, пропѣтой вашей Патти...

„Право, онъ съума сошелъ“, думаетъ Ерошинъ.

— Такого пониманья и такой глубины нѣтъ у э... вашихъ итальянскихъ примадонъ... поють какъ соловьи или вонъ шарманка, которую наигрываютъ...

— Да какой глубины... чувства, что ли?.. А развѣ у ней есть чувство?.. Это все ваша фантазія... почтенный мой, Иванъ Несторовичъ...

— Фантазія или не фантазія — я вамъ вотъ что скажу... Видѣли вы сейчасъ ребенка, дѣвочку лѣтъ шести... у калитки стояла?..

— Ну, видѣлъ...

— Ну, я заглянулъ-ей въ глаза и — не нашелъ въ нихъ души: что собачьи, что кошачьи, что ея — всё-равно. Видали вы эту мамзель — сестрицу мадамъ Кляинъ — что вышла изъ вагона и впереди насъ одна пошла?..

— Ну, видѣлъ...

— Ну, и на нее я гляжу какъ на деревянную куклу или какъ вотъ на этотъ фонарь. Вы отъ нее въ восхищеніи, даже походка ея вамъ нравится... а я... ледъ... Ничего и никто мнѣ не нравится, и я совершенно равнодушенъ къ судьбѣ своей — хоть въ солдаты меня отдавайте, хоть ругайте меня на чемъ свѣтъ стоитъ... Стало-быть... э... я человекъ почти-что мертвый... А запой при мнѣ ваша сестра... хоть „горныя вершины“, хоть „на горахъ сіонскихъ“ Сѣрова... Что хочетъ запой — оживу, хоть на время э... да, воскресну... и тогда, можетъ быть, и вашъ нѣмецкій оркестръ мнѣ... э... понравится... Вы полагаете — я ее боюсь... а я... э... самого себя боюсь... Ея презрѣнье можетъ съума свести меня...

— Жалѣю я васъ, дорогой Иванъ Несторовичъ... Но вотъ и жена...

Игъ навстрѣчу скорыми шагами, точно обрадованная, что увидала

ихъ, шла Александра Александровна, простоволосая, въ утренней распашенкѣ и въ туфляхъ... Но чѣмъ ближе она подходила, тѣмъ становилось очевиднѣе, что Ерошина не съ добрыми вѣстями идетъ къ нимъ и что она разстроена...

— Никола!.. Ахъ, Никола!..

Она слегка припала на грудь своему мужу и затѣмъ продолжала задыхающимся голосомъ:

— Какъ я рада, какъ я рада... хоть ты пріѣхалъ.. Ахъ!

— Что такое?

— Ради Бога... Никола... найди мнѣ доктора... я никого не знаю... Я въ ужасѣ..

Ерошинъ испуганно поглядѣлъ ей въ лицо.

— Леля играла... ничего не было... вдругъ, замѣчаю, глазки мутны... ее стошнило... я уложила ее... смѣрила температуру— жаръ 39°... вся горитъ... Что съ ней! Боже мой, Боже мой!

— Къ чему такое отчаянье! развѣ дѣти не бываютъ больны!.. Доктора... конечно, нужно доктора; но кто здѣсь изъ докторовъ... и есть-ли дѣтскій докторъ?..

— Э... кажется, есть одинъ дѣтскій... докторъ... я слышалъ... Ранетскій... хорошій, говорятъ, докторъ... Если хотите, я разыщу его... поѣду въ адресный столъ и разыщу...

Только тутъ Александра Александровна замѣтила Ознобина и чуть не бросилась къ нему съ такимъ-же порывомъ, съ какимъ она встрѣтила мужа.

— Идите, побѣжайте на нашъ счетъ, привезите намъ Ранетскаго какъ можно скорѣй, милый нашъ, дорогой нашъ! Буду какъ Бога ждать васъ... благослови васъ Богъ!..

— Ступайте, Ознобинъ, если вы не устали...

— И если я его найду—привезти къ вамъ? А гдѣ вы живете?

— А вотъ, заверните въ эту улицу, номеръ дачи 15-й.

„Ну, хорошо, что не 13-й“, подумалъ суетливый Ознобинъ и, не поклонясь Орѣшину, пошелъ назадъ, по направленію къ главнымъ улицамъ города.

— Пожалуйста, другъ мой, не волнуйся, не тревожь себя... у дѣтей бываетъ и 40 и 41° и, слава Богу, все проходитъ благополучно... говорилъ Ерошинъ женѣ, всходя на невысокій балконъ, полузавѣшенный парусиной и уставленный горшками цвѣтовъ.

Въ дверяхъ, на порогѣ, встрѣтилъ ихъ маленькій сыночекъ ихъ—

по-прежнему веселый, и непременно радостно-бы закричалъ: „папа!“ если-бы Александра Александровна, тотчасъ-же притопнувъ на него, не прошипѣла: „молчи и помни, что больна сестра твоя, а она тутъ близко, у меня въ спальнѣ“...

Ерошинъ-же нагнулся, поднялъ своего мальчугана и поцѣловалъ его.

ГЛАВА IX.

Не прошло и двухъ дней, какъ Ознобинъ сталъ человѣкомъ необходимымъ для огорченной и напуганной Александры Александровны, — человѣкомъ, безъ котораго она не могла-бы быть спокойной ни на одну минуту.

Ознобинъ-же принялъ въ горѣ ея самое горячее участіе (можетъ быть, потому, что она была сестрой Леканиды, а можетъ быть, и потому, что радъ былъ чѣмъ-нибудь наполнить пустоту дней своихъ). Давно уже жилъ онъ безъ привязанностей, а такъ-какъ привязываться къ чужой семьѣ свойственно всѣмъ холостымъ, въ особенности-же такимъ, какъ Ознобинъ, — онъ не могъ не чувствовать, что семья Ерошинныхъ его привлекаетъ, и что это не простая, а, такъ-сказать, идеальная семья. Все возводитъ въ идеаль, прежде чѣмъ къ чему-нибудь стремиться — было свойствомъ души его.

Николай Николаевичъ не могъ каждое утро не быть въ Петербургѣ. Для той конторы, которую онъ завѣдывалъ, время было самое горячее, и онъ долженъ былъ давать направленіе всѣмъ дѣламъ и отвѣчать на множество запросовъ, и такъ-какъ положиться ему было не на кого — онъ каждое утро уходилъ, садился въ вагонъ и ѣхалъ.

И въ первый разъ со дня своего замужества, Александра Александровна съ нимъ ссорилась... Казалось, даже семейный миръ ея былъ нарушенъ болѣзью ея малютки. Каждое утро, послѣ бессонной ночи, проведенной у постели больного ребенка, она входила въ комнату мужа и, видя, что онъ запираетъ бумаги въ свой портфель или стоитъ въ надвинутой на брови шляпѣ, словомъ — собирается ее покинуть, — обращалась къ нему съ мольбой не уѣзжать, а затѣмъ, съ злыми упреками, что онъ безчувственный отецъ, съ каменнымъ сердцемъ или совсѣмъ безъ сердца, что онъ не любилъ ее никогда и не любить дѣтей своихъ...

— Я люблю ихъ не меньше твоего, усовѣщевалъ ее Николай Николаевичъ,—но если ты дома, если и Ознобинъ здѣсь, то... развѣ я не повосенъ за мою больную?.. И если она въ опасности, что могу я сдѣлать, чѣмъ могу я помочь? Развѣ я докторъ!.. И какъ могу я не ѣхать, пойми ты это... меня ждутъ, безъ меня денегъ не выдадутъ... Я долженъ...

— Э! Велика важность, что безъ тебя денегъ не выдадутъ... провались она—эта контора... и эта служба!... Я-бы все забыла на твоёмъ мѣстѣ...

И Александра Александровна принималась плакать.

— Ну, а если меня отставить и я потеряю жалованье,—чѣмъ я буду содержать тебя?

— Ничего мнѣ не нужно... ни твоего жалованья, ничего, ничего!.. бессмысленно твердила убитая своимъ горемъ несчастная мать.

Ерошинъ насупливалъ брови, заходилъ къ больному ребенку, приглядывался губами къ щекѣ его и, прослезившись, уѣзжалъ.

Наплакавшись, Александра Александровна стучалась въ дверь къ Ознобину, который только-что протиралъ глаза, такъ-какъ онъ плохо спалъ ночь, ухаживая за больной, вмѣстѣ съ матерью: перемѣнная холодные компрессы на ея головкѣ, щупая пульсъ или глядя на часы, чтобъ не опоздать и во время дать лекарство.

— Вы еще спите?

— Сейчасъ одѣнусь...

— Послушайте...

— Сейчасъ, сейчасъ! Что прикажете?

— Когда прійдетъ докторъ?

— Раньше двухъ часовъ не прійдетъ.

— Раньше двухъ часовъ! Боже мой!..

И, ломая руки, она ходила по всей дачѣ и сердилась на прислугу и никакого вниманія не обращала на своего просыпающагося мальчуганчика, который, стоя съ голыми ножками на своей кровати, собирался идти ловить рыбу... и кричалъ: „Луиза! А гдѣ моя дочка!..“

Однажды, Ознобинъ, около трехъ часовъ по-полудни, проводивши доктора, полулежалъ, погруженный въ кресло, въ той сторонѣ балкона, которая была занавѣшана парусиной, слегка колеблемой вѣтеркомъ, и заставлена горшками съ зеленью. Вытанувъ ноги и понуравъ голову, Ознобинъ думалъ. „Мнѣ, однако-же, пора

бѣлье и бѣнать; правда, меня здѣсь почти-что никто не видитъ, но пора... вотъ прїѣдетъ Николай Николаевичъ — отправлюсь въ городъ. — Что, коли прачка да не выстирала мнѣ ни одной рубашки?.. Я еще сорокъ копѣекъ долженъ ей... Жаль, если дѣвочка умереть... не ее жаль — мать жаль... Если-бы узнала земля, что завтра отъ нее оторвется ибѣсяцъ и уйдетъ куда-то въ невѣдомое пространство, Боже мой, какой-бы страшный вопль, миллиардомъ устъ человѣческихъ, подняла наша планета! Какое-бы это было страшное событіе... Вѣдь все, все было-бы потрясено, все!.. Да и уцѣлѣла-ли-бы она послѣ такой катастрофы? Такъ и мать боится, что ея маленькій спутникъ отъ нее оторвется... Конечно, солнцу все ни почемъ: какое ему дѣло до этихъ маленькихъ, вокругъ него вертящихся шариковъ... А, можетъ быть, и на солнцѣ отразилось-бы это земное событіе, такъ-какъ все въ мірѣ связано... Но какъ-бы отразилось? Такъ-же, какъ гибель какого-нибудь села или городка на судьбѣ государства... У земли есть одна только сила, равная солнцу — это философія... Ту не смутитъ ни какими частными потерями... ни какимъ воплемъ или погибелью... Но жизнь-бы увала, если-бы, вмѣсто материнскаго чувства, въ женщинахъ царилъ разумъ... Этого нѣтъ, да и быть не можетъ... Да и семейства-бы не было, если-бы на землѣ не было инстинктовъ роковыхъ и неизбѣжныхъ. Умъ въ жизни играетъ маленькую роль — очень маленькую... Это онъ напрасно думаетъ руководить человѣчествомъ... Э...“

Но въ это время, по ступенькамъ, ведущимъ на балконъ, застучали каблучки, на солнцѣ мелькнуло бѣлое платье, и сердце Ознобина дрогнуло. На балконъ, опуская зонтикъ, влетѣла Леканида... и прїостановилась: она тоже не ожидала увидѣть „каналью“ Ознобина и въ такой позѣ... домашней, небрежной... покоящимся въ камышевыхъ качающихся креслахъ...

Ознобинъ такъ остоленѣлъ или, лучше сказать, такъ замеръ, что не только не привсталъ, даже не пошевелился...

— Ну что, легче ей? спросила его Леканида.

Ознобинъ молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, легче ей, или ей хуже?

— Не знаю, отвѣчалъ Ознобинъ.

Леканида влетѣла въ дверь, и за ея порогомъ пропала изъ глазъ его.

Ознобинъ очнулся. Кровь, прихлынувшая къ головѣ и щекамъ его, медленно стала отливать, и сердце мало-по-малу успокоилось.

„Она узнала, что ребенокъ боленъ, все бросила и приѣхала: это хорошо“, подумалъ Ознобинъ.

„Она увидѣла меня — забыла все и, подѣ влияніемъ родственнаго чувства, первая со мной заговорила; это тоже хорошо“.

„Я не всталъ, я ей не поклонился... но... не могла-же она не замѣтить, какъ она потрясла меня своимъ неожиданнымъ появленіемъ; это тоже не дурно... И хорошо, что я не поклонился: зачѣмъ? — вѣдь она меня не принимаетъ... Какое-же право я имѣю ей кланяться?.. Но кто-бы что ни говорилъ, сердце мое не обманывалось, — она будетъ добрая мать, а стало-быть... если она когда-нибудь будетъ женой Ознобина — онъ будетъ цѣнить и уважать ее“... (Какъ видите, Ознобинъ, несмотря ни на какія передраги, все еще по временамъ надѣялся быть ея мужемъ).

И, какъ помѣшанный, Ознобинъ сталъ тихо и крѣтко улыбаться, точно передъ умственнымъ взоромъ его возникало царство небесное, или слышалось ему пѣнье блаженныхъ духовъ, которые ждутъ его.

ГЛАВА X.

И онъ дождался.

Только-что въ головѣ его возникла мысль встать и походить по саду или перебраться въ паркъ и тамъ посидѣть на скамеечкѣ, какъ вдругъ опять зашуршѣло платье, и на порогѣ изъ гостиной появилась Леканида. Она была уже безъ шляпки, безъ перчатокъ и безъ зонтика, и оттого-ли, что загаръ не приставалъ къ лицу ея — она была или казалась блѣдной, или оттого, что, побуждаемая сестрой своей, дала ей слово преодолѣть себя и заговорить, т. е. помириться съ Ознобинымъ, ей же сильно этого не хотѣлось, и это самопринужденье, этотъ шагъ не могли не волновать ее... Не оттого-ли верхняя часть лица ея, съ черными, продолговатыми глазами, казалась еще прекраснѣе, а нижняя часть лица, съ большимъ ртомъ и яйцеобразнымъ подбородкомъ — еще грубѣе и неприятнѣе?

Мелькомъ взглянувъ на Ознобина, прошла она мимо его, но, въ трехъ шагахъ, не доходя до ступенекъ, приостановилась, полуобернулась и сказала своимъ рокочущимъ голосомъ:

— Какъ, однако-же, вы невѣжливы: я прохожу мимо, а вы и не удостоиваете меня даже кивкомъ головы!

— Я вѣдь съ вами не знакома, такъ зачѣмъ-же... пробормотала Ознобинъ, улыбаясь какъ пристыженный школьникъ, опершись обѣими руками въ ручки кресель и слегка привставая, отчего качающееся кресло нагнулось впередъ и онъ едва удержался.

— А кто виновата, что мы раззнакомились? повернувшись къ Ознобину и ставъ передъ нимъ, проговорила Леканида.

— Судьба виновата, отвѣчала Ознобинъ, откидывая назадъ свою голову.

— Такъ я за судьбу не отвѣчаю. И если виновата судьба, то нѣтъ вамъ и причины въ чемъ-либо обвинять меня.

— Я не обвиняю васъ! поднимая очарованные глаза, пролепетала Ознобинъ; и онъ не могъ не поднять глазъ своихъ, — она стояла уже на шагъ отъ колѣнъ его, и ему казалось, что она въ эти полгода не только разцвѣла, но и выросла.

— Очень благодарна вамъ за вашу рекомендацію у Орѣшниковыхъ. Пользуюсь случаемъ васъ лично благодарить. Можетъ быть, я и соглашусь на его предложеніе... Я всегда знала, что вы человекъ добрый и великодушный...

— Такъ-что, если-бы я былъ злой и малодушный, то, быть можетъ, вы-бы и не лишили меня вашего расположенія...

— Именно... не лишила-бы: злыхъ я не боюсь, а малодушныхъ заставляю бояться... Не будь вы добрый и наивно-честный человекъ, мнѣ были-бы смѣшны ваши претензіи — и только. Но... вы способны были не только смѣшить, но и злить меня...

— Я не знаю... можно-ли... э... (Ознобинъ уже началъ тянуть рѣчь свою, самъ того не замѣчая) э... можно ли чувство, каково-бы оно ни было, называть претензіей.

— Да, сдвинувъ брови и кивнувъ головой, рѣзко отозвалась Леканида. — Можно, когда его навязываютъ.

— Да что вы за ребенокъ? Э... развѣ можно на васъ что-нибудь насильно навязывать! нѣсколько одушевленная и сдѣлавъ жестъ обѣими руками, т. е. слегка разставивъ ихъ, не протягивая, заговорилъ Ознобинъ. — А если я надѣялся, такъ что-жъ изъ этого! Я и теперь надѣюсь...

— Вы?

— Я.

— На что?

— На все...

— Такъ вы значитъ несправимы!!

— Несправимъ... И попомните мое слово, что всё ваши теперешніе кавалеры, которые ногтя вашего не стоятъ, вамъ надождать и опротивать; что вы хоть и увлекаетесь, но, рано или поздно, раскаетесь... и тогда...

— Тогда я приду и скажу вамъ: спасите меня, Ознобинъ, я погибал! насмѣшливо произнесла Леканида.

— Придете и скажете... съ жаромъ подтвердилъ слова ея Ознобинъ.

— Никогда!

Леканида пожала плечами и отвернулась.

— Впрочемъ, ждите, пока я сама приду къ вамъ... Можетъ быть!.. А!.. Какой вы человекъ!.. Ну, если-бы вы разсуждали, вы-бы сами поняли, что между нами ничего нѣтъ общаго,—ни одной мысли вашей, ни одного взгляда вашего я не раздѣляю, ни въ чемъ вамъ не сочувствую и отрицаю то, передъ чѣмъ вы благоговѣете... Поняли-ли вы, наконецъ, что ни въ нашихъ характерахъ, ни въ нашихъ цѣляхъ—ничего нѣтъ общаго...

— Спасибо вамъ, что вы мнѣ все это говорите; но если вы наполовину честны, наполовину справедливы и наполовину добры, то что-нибудь одно—или эта половина восторжествуетъ въ васъ надъ другой половиной—надъ всёмъ безчестнымъ, несправедливымъ и злымъ, или напротивъ... И, если случится первое,—то мы когда-нибудь другъ друга поймемъ, а если случится второе,—то—что-же дѣлать... Погибайте!...

Леканида стояла передъ нимъ холодная, какъ мраморъ, съ наспуленными бровями и сверкающими, расширенными зрачками. Ей хотѣлось сказать ему, что онъ уже давно погибъ въ глазахъ ея, погибъ для жизни, погибъ для мысли, погибъ для общества, погибъ для народа, для всего погибъ, и что не ему пророчить ей о какой-то гибели... Уже губы ея дрогнули, чтобъ начать все это говорить ему, какъ вдругъ вошла Александра Александровна и со слезами на распухшемъ лицѣ схватила ее за руку.

— Ахъ, пойдешь, сказала она,—пойдемъ, посмотри, кажется, она стала тяжелѣй дышать... Иванъ Несторовичъ! Другъ мой! Пойдите.. или мнѣ это такъ кажется... Боже мой! Боже мой!..

Ознобинъ вскочилъ и поддержалъ ее подъ-руку.

Леканида бросилась въ спальную, гдѣ лежала больная малютка.

Въ полисадникѣ послышался добродушный голосъ Ерошина, разговаривавшаго съ сыномъ, котораго онъ засталъ рожущимся въ песокъ безъ всякаго присмотра.

ГЛАВА XI.

Какъ мы знаемъ, Петя рѣдко читалъ газеты и, весь поглощенный своими домашними и учебными интересами, мало интересовался внѣшней политикой.

Въ этомъ случаѣ онъ ничѣмъ почти и не отличался отъ своихъ сотоварищей, съ тою только разницею, что иные изъ нихъ и безъ газетъ готовы были вѣрить всякому слуху и всякой домашней сплетнѣ, въ родѣ тѣхъ, какія были слышны зимой за обѣдомъ у Померанскихъ, по поводу вопроса: воевать намъ съ Турціей или не воевать, вступаться за славянъ или не вступаться...

Изъ газеты, которая попала въ руки нашему Петѣ, онъ узналъ о турецкихъ звѣрствахъ, о возстаніяхъ въ Герцеговинѣ и Босніи, о волненіяхъ въ Болгаріи, о двусмысленной политикѣ Австріи, о появленіи генерала Черняева въ Сербіи... и проч... и пр. Сербія готовилась къ войнѣ.

„Не уйти-ли и мнѣ туда... подраться съ этими живодерами-турками за славянъ, вмѣстѣ съ славянами, подумалъ Петя.— Убьютъ—и слава Богу, по крайней-мѣрѣ не даромъ“...

И не мудрено, что такая мысль забрела ему въ голову.

Петя положительно не зналъ, что ему дѣлать... Учебники ему опротивѣли... до экзаменовъ нужно было дожидаться еще цѣлый годъ; онъ-же упрямо сознавалъ себя способнымъ хоть завтра-же ихъ выдержать. Ёхать къ Орѣшнинъ въ деревню ему было стыдно. Орѣшнинъ, думалъ онъ, никогда не повѣритъ, чтобъ онъ, не будучи лѣнтяемъ, могъ такъ скандально покончить свое гимназическое учебное поприще. Неожиданное появленіе Нади хотъ и отодвинуло далеко на задній планъ всѣ его прежнія невзгоды и страданія, но то, что озарило дни его тепломъ и свѣтомъ, ничего не общало ему въ будущемъ, кромѣ новой борьбы или новыхъ страданій... „Боже мой! Боже мой! сталъ иногда думать онъ, за-

крывая лицо руками или погружая въ подушку носъ свой.— Погибъ я... навсегда погибъ!.. Какъ можетъ любить или уважать меня эта дѣвушка, если я... я такой свотъ, такой болванъ!.. Не успѣла она пріѣхать, и что-жъ— дернула-же меня нелегкая такъ отозваться о родной сестрѣ ея!.. Такъ наобедничать!.. Какое мнѣ дѣло до поведенія моей мачихи? И, что еще всего ужаснѣе, кто-же въ цѣломъ свѣтѣ больше всѣхъ заботится о моихъ матеріальныхъ нуждахъ, какъ не Мина Михайловна? Кто снабжалъ меня бѣльею, кто прислалъ мнѣ денегъ на экипировку... Она... и я очернилъ ее въ глазахъ молодой дѣвушки, въ глазахъ родной сестры! Въ любовныхъ пашняхъ очернилъ ее!.. О, пропащій я человѣкъ, пропащій! Да и какое мнѣ дѣло судить о другихъ... Развѣ я безукоризненнѣе велъ себя, развѣ я не поддался соблазну?.. И она это знаетъ! Да, да, да—она это знаетъ! Или сама эта дура Дунья ея на себя наговорила, или отецъ мой постарался... И послѣ этого мнѣ еще думать, что я вправѣ ожидать взаимности!.. Нѣтъ, нѣтъ... Хоть она и добра и пріятлива, она не можетъ не быть обо мнѣ самаго дурного мнѣнія... Я пошлякъ въ глазахъ ея... иначе и быть не можетъ!.. О! Какъ я хорошо понимаю вопросъ ея: „не поклонится-ли Дуня?“.. А!..

Но Петя старался не думать о своемъ новомъ горѣ и положилъ заняться ежедневнымъ прочитываніемъ всѣхъ газетъ и затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, бѣжать въ Сербію и умереть или прославиться...

Прославиться и быть достойнымъ любви,—въ юные годы это почти-что одно и то-же. И чѣмъ юнѣ душа, тѣмъ ей легче жертвовать жизнію и легче вѣрить, что прославиться ничего не стоитъ, стоитъ только не бояться ни пуль, ни штыковъ, ни ранъ, ни смерти и преодолѣть всевозможныя опасности или препятствія.

Сколько людей, собою рискующихъ, думаютъ „панъ или пропаль!“ но не дѣлаются панами и не пропадаютъ, а доживаютъ вѣкъ свой, какъ и всѣ простые смертныя, безъ всякой надежды попасть въ исторію... Иногда имя ихъ попадаетъ на страницы женскаго сердца, и это еще великое, не всѣмъ въ удѣлъ достающееся счастье.

У Пети были еще въ карманѣ мелкія деньги; онъ закурилъ и продолжалъ читать газету... Всю ее прочелъ онъ съ первой строчки до послѣдней и все еще чего-то искалъ глазами.

И не замѣчалъ Петя, сидя въ углѣ на диванчикѣ, что уже прошло часа полтора, что опять стала скопляться публика и заходить въ буфетъ (кто за рюмкой водки, кто для того, чтобы закурить сигару), и что опять уже кассиръ, того гляди, что откроетъ свое занавѣшенное окошечко и начнетъ продавать билеты.

— Пета! Это ты, дружище! и къ Петѣ подошелъ бывший его товарищъ Елкинъ, прозванный Поджабриннымъ.

— А, Елкинъ! почему-то смутившись, отозвался Петя, положилъ на столъ газету и осмотрѣлся.

Высокій и не по лѣтамъ испитый Елкинъ, весь облеченъ былъ въ коричневый лѣтній костюмъ, при часахъ, съ фуляромъ, выглядывающимъ изъ бокового кармана, въ цилиндрѣ и съ тросточкой подъ мышкой. Онъ жевалъ бутербродъ и разглядывалъ Петю, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ, потому-что не нашелъ его въ воротникѣ съ серебряной тесьмою и съ кепи.

— Ты тоже на музыку... а?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Петя,—я сейчасъ уйду...

— Поѣдемъ... запуская зубы въ бутербродъ, промямлилъ Елкинъ.

— Чего я тамъ не видѣлъ... да у меня и времени нѣтъ.

— Что-же ты дѣлаешь?

— Ничего не дѣлаю, а времени нѣтъ.

— Ха!..

Елкинъ прожевалъ свой бутербродъ, поглядѣлъ на входящихъ и вымолвилъ:

— Понимаю... Ишь какъ нарядился... я не сразу и узналъ тебя... Что никогда не зайдешь? Приходи завтра въ Демидронъ, я тамъ буду...

— Въ какой Демидронъ?

— Ха!.. Удивительный ты, братецъ, человѣкъ!.. Неужели ты еще и этого не знаешь?.. Какъ тебѣ не совѣстно... Приходи ко мнѣ—поѣдемъ вѣстѣ... во-первыхъ, выпьемъ, во-вторыхъ—я тебя съ одной дѣвочкой познакомлю... Хочешь?.. Если твоя возьметъ—не буду въ претензіи... Въ этихъ вещахъ, я люблю, братецъ ты мой, по-пріятельски... Этого товару на всѣхъ достаточно... Къ тому-же, надо тебѣ сказать, я влюбленъ... Такуя, братецъ ты мой, прелесть каждый разъ встрѣчаю на музыкѣ, что съума схожу... Должно быть, купеческаго рода... Говорятъ, пріѣхала съ

теткой жениховъ искать... Поѣдемъ въ Павловскъ—я тебѣ покажу ее...

— Ну ее! Я не женихъ.

— Да вѣдь и я не женихъ... вотъ нашелъ дурака!.. А прикинутъся женихомъ—почему нѣтъ... Я уже и пустилъ брандера... зашелъ въ ту самую булочную, куда ея горничная за булками ходитъ... Я ее, братецъ ты мой, выслѣдилъ... Захожу къ булочницѣ, спрашиваю сухарей, да и говорю, при этой самой горничной: Ахъ, чортъ возьми! говорю.—Тутъ, недалеко отъ васъ, въ деревянномъ желтомъ домикѣ, на балконѣ выходитъ такая душка, что, будь я съ ней знакомъ, непремѣнно-бы посватался... Кто такая? спрашиваетъ... Да не знаю, говорю; а самъ тотчасъ-же пускаюсь описывать ее: росту средняго, говорю, шляпка голубая... перчатки свѣтло-коричневныя, зонтикъ бѣлый съ цвѣточками... Горничная стоитъ — чухна должно быть, ждетъ сдачи... ухмыляется... Непремѣнно-бы, говорю, посватался!.. Надоѣло, говорю, поблещь-то жить!.. Ну, вотъ увидишь, эта чухна горничная тотчасъ-же все это передастъ кому слѣдуетъ, и не сегодня, такъ завтра я познакомлюсь съ ней... Поѣдемъ, я тебѣ покажу ее...

— Извини, не могу сегодня.

— Ну, такъ завтра вечеромъ, около девяти, заѣзжай ко мнѣ... Посидимъ, потолкуемъ и отправимся въ Демидронъ... Приѣдешь?.. А я все тамъ-же обитаю... помнишь, куда ты за алгеброй заходилъ ко мнѣ, — на Офицерской... Ба! Никакъ кассу отперли... Прощай, дружище... бѣгу за билетомъ...

Хотя между Петей и этимъ уличнымъ ловеласомъ ничего не было общаго, все-же Петя былъ радъ, что къ нему, провалившемуся на экзаменахъ, подошелъ и узналъ его—недавній товарищъ, одинъ изъ выдержавшихъ экзамены зрѣлости; и не только подошелъ, но ни слова объ этомъ недавнемъ прошломъ не упомянулъ ему, какъ-будто это было давнымъ-давно и какъ будто и ученье, и эти экзамены такая вещь, о которыхъ и вспоминать-то не стоитъ.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что серьезные и, такъ-сказать, нравственно-выдержанные мальчики чуждаются вѣтренныхъ и безнравственныхъ товарищей—или наоборотъ. Нерѣдко самая рознь ихъ характеровъ и воспитанья или ихъ нравственныхъ принциповъ взаимно привлекаетъ ихъ. Елкина нерѣдко тянуло къ Пе-

тѣ желанье направить его на путь истинный, иначе сказать — развратить; Петя-же, въ свободныя минуты, радъ былъ, что у него подъ бокомъ вретъ и хвастается своими дешевыми побѣдами человѣкъ, который никогда его не спроситъ о томъ, что онъ думаетъ, что его волнуетъ или какое у него горе, такъ-какъ самъ никогда ни о чемъ не думаетъ и ничѣмъ не волнуется, — человѣкъ, по натурѣ совершенно ему чуждый и въ то-же время близкій, говорящій ему *ты* и ничѣмъ не стѣсняющійся въ его присутствіи...

Раза два, въ молодой жизни своей, Петя былъ ему обязанъ тѣмъ, что, внутренно смѣясь и, такъ-сказать, заражаясь его легкомысліемъ, самъ иногда смотрѣлъ на свою жизнь легче, а стало-быть, легче и выносилъ ее.

„Ну, отчего я не такой-же пролазь, какъ и онъ, отчего я не рожденъ для такихъ-же походовъ? Можетъ-быть, и я былъ-бы также доволенъ и прекраснымъ поломъ, и судьбой своей“, думалъ Петя.

Кажется, стоитъ пожелать — и будешь такой-же. Какъ не такъ! И дуракомъ, и даже вѣтренникомъ трудно сдѣлаться не родившись ни дуракомъ, ни вѣтренникомъ — не только-что великимъ человѣкомъ или гениемъ, что, конечно, далеко не такъ пріятно, хоть, можетъ-быть, и завиднѣе.

Какъ-бы то ни было, Петя рѣшилъ, если на душѣ у него не будетъ легче, завтра-же отправиться къ Елену и позволить ему вести себя, куда онъ хочетъ — хоть къ чорту на рога, хоть на шабашъ, когда танцуютъ вѣдьмы и жиды съ лягушкой вѣнчаютъ.

ГЛАВА XII.

Дома, на столѣ, Петю ожидала записка отца его, слѣдующаго содержанія:

„Тебя никогда дома нѣтъ. Приказываю тебѣ переѣзжать въ Павловскъ скорѣй какъ можно и занять тамъ отведенную комнату, — иначе въ городѣ кормись самъ, такъ-какъ я для тебя стола особеннаго держать не буду. Поздравляю съ выходомъ изъ гимназіи.

Отецъ твой А. Клинь“.

Блинъ писалъ удлиненными узкими буквами, нѣсколько крючковатыми, но писалъ разборчиво, особливо для тѣхъ, кто привыкъ къ рукѣ его. Записка была не запечатана и положена къ нему на столъ Михѣемъ.

Михѣй былъ трезвъ, потому-что у него не было ни копѣйки... Трезвый онъ былъ пугливъ, молчаливъ и, въ надеждѣ на подачку, не въ мѣру старателенъ. Пьяный—онъ былъ смѣтливъ или золь, хихикалъ или ругался, смотря по обстоятельствамъ. Передъ старымъ баринномъ онъ постоянно становился на вытяжку и глядѣлъ ему прямо въ глаза; къ Петѣ потерялъ уже значительную дозу уваженія и позволялъ себѣ иногда съ нимъ фамильярничать; Любовь Петровну ненавидѣлъ и считалъ ее почему-то главной виновницей всѣхъ бѣдъ своихъ, изъ которыхъ главная заключалась въ томъ, что та прятала ключи отъ рому и водки и, несмотря на такую строгость, безпрестанно обзывала его пьяницей.

— Ничего не прикажете? спросилъ Михѣй Петю, когда тотъ, прочитавъ записку отца своего, стоялъ въ раздумьи.

— Какой часть?

— Да ужъ шестого четверть-съ. Папенька ваша съ часъ мѣста будетъ какъ уѣхали.

— Готовили чтонибудь для обѣда сегодня или...

— А не знаю-съ... кажется, готовили-съ...

— Ну такъ дай мнѣ чего-нибудь закусить.

Черезъ четверть часа, Петю позвали въ чайную, тамъ нашель онъ свой приборъ, миску со щами и, съ разливной ложкой, Любовь Петровну.

Любовь Петровна была невесела.

— Слышала?—спросила она Петю.

— Что такое?

— Хотите, чтобъ вы безпремѣнно въ Павловскѣ ѣхали... Напалъ на меня, точно я причина, точно я держу васъ здѣсь на привязи. Слушать-то тошно, не то что...

— Не беспокойтесь, я скоро уѣду, холодно отвѣчалъ Петя.

Заморивши аппетитъ своей тарелкою щей и кускомъ вываренной въ нихъ говядины съ хрѣномъ, Петя всталъ, и не прошло десяти минутъ, какъ его уже не было дома.

На другой день съ утра онъ укладывался: досталъ откуда-то чемоданъ и уложилъ въ него все бѣлье свое, какъ черное, такъ

и выстиранное. Холстинный мѣшокъ наполнилъ онъ своими книгами и тетрадами, туда-же вложилъ онъ и свою чернильницу, выливши чернила въ песочницу, вытеревъ ее влочкикомъ оберточной бумаги и завернувши въ тряпку.

И Любовь Петровна, и Михѣй думали, что барченокъ собирается переѣзжать на дачу— и ему помогали.

Въ три часа Петя вышелъ, зашелъ къ N, гдѣ Надя наняла себѣ комнату, и узналъ, что Надежда Михайловна Баскова приѣхала, но что теперь ее дома нѣтъ.

Петя ушелъ въ кондитерскую читать газеты.

Въ патомъ часу, изъ кондитерской, онъ опять зашелъ къ ней, и ему опять сказали, что ее дома нѣтъ.

Послѣ скуднаго обѣда, Петя опять одѣлся (онъ очень берегъ свое платье и укладывался и обѣдалъ въ однихъ старыхъ гимназическихъ брюкахъ, даже безъ жилета и безъ галстука). Одѣвшись, онъ вышелъ и пошелъ на Офицерскую исвать Елкина (Поджабрина тожъ).

Вечеръ былъ тихій, душный, пыльный, и въ воздухѣ пахло не то паренымъ вѣвникомъ, не то конюшней. Солнце еще стояло высоко... Экипажи попадались не часто, зато возы съ дровами, вупленными съ барокъ, для отопленья казенныхъ зданій, обозы съ хлопкомъ и платформы запоздалыхъ дачниковъ, съ дешевой домашней утварью, то и дѣло мѣшали переходить съ одного троттуара на другой. Квартиры, выходящія на улицу, казались пусты... На дворахъ бѣгали ребятишки, съ заднихъ надворныхъ квартиръ выходили мастеровые или, на гулянье въ какой-нибудь садъ, принарядившіяся дѣвицы, на лицахъ которыхъ было написано: „мы идемъ, потому-что мы свое дѣло сдѣлали и намъ скучно... Авось и на нашу долю выпадетъ какое-нибудь интересное приключенье“.

Елкина Петя засталъ отдыхающимъ на широкомъ диванѣ, въ однихъ нитяныхъ носкахъ и подтяжкахъ.

— Знаешь, въ которомъ часу я всталъ сегодня? такимъ вопросомъ встрѣтилъ онъ Елкина.

— Не знаю.

— Въ четвертомъ часу... Такъ съ тѣхъ поръ и не выходилъ... Ты представить себѣ не можешь, какъ провелъ я ночь... Вотъ ужъ именно, братецъ ты мой, жизнь свою подвергалъ опасности.

— Какимъ это образомъ?

— Не спросаясь броду—да сунулся въ воду... Если-бы не кухарка-нѣмка — не вышелъ-бы живой... Дернулъ-же чортъ въ третьемъ часу ночи прѣхать мужу... Никто и не ожидалъ его, подлеца... Вообрази себѣ мое положеніе!

Тутъ Елкинъ началъ рассказывать, въ какомъ онъ былъ положеніи; но я не нахожу никакой возможности передать моимъ читателямъ, въ особенности читательницамъ, рассказъ его.

Это было комичное и въ то-же время очень скабрзное происшествіе...

Елкинъ рассказывалъ и объ ужасѣ той барыни, которая вдругъ ночью услышала шаги мужа, раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ, — и о своемъ бѣгствѣ черезъ корридоръ въ кухню, куда, черезъ часъ, невидимой рукой были выброшены его платье и обувь, — и о томъ, какъ стукнули о полъ сапоги его и какъ онъ вздрогнулъ, — и о томъ, какъ хихикала кухарка, которая оказалась ничуть не хуже барыни... И все это рассказывалъ Елкинъ не торопясь, вдаваясь въ мельчайшія подробности и совершенно серьезнымъ тономъ. Петя смотрѣлъ на него, какъ на человѣка въ самомъ дѣлѣ рискующаго собой, ради плезиру; смотрѣлъ съ нѣкоторой завистью и соболѣзнованьемъ, что еще больше подстрекало Елкина къ пріятельской откровенности.

Елкинъ, какъ видно, былъ не бѣдный, двадцати-двухъ-лѣтній юноша. Квартирка его небольшая, но очень приличная, хотя онъ этого и не говорилъ, не была его собственной—онъ жилъ у тетки, которая была его крестной матерью. Тетка эта была въ деревнѣ, и Елкинъ одинъ въ ея квартирѣ хозяйничалъ. Угостилъ Петю чаемъ и, заговоривши его часовъ до 10-ти, спросилъ: „а что, ѣхать-ли намъ въ Демидронъ, или не ѣхать?“

— Лучше ужъ не ѣхать, сказалъ Петя, — ты усталъ, ишь лицо какое измятое...

— Гм! Не ѣхать! А что, если поѣдемъ? Ты не гляди, что у меня лицо измятое, — я, братъ, неутомимый.

— Ну, поѣдемъ, сказалъ Петя. Ему было все равно, куда-бы ни ѣхать, хоть въ глубинѣ души своей онъ чувствовалъ нѣчто похожее на стыдъ и угрызеніе.

— Да ужъ, я думаю, что надо будетъ поѣхать, — не сидѣть-

же здѣсь въ духотѣ. Выпьемъ бутылочку шампанскаго, и ты увидишь, какъ это освѣжаетъ.

— Ну, братъ, я не буду пить,—гдѣ намъ такъ роскошничать! У меня и денегъ нѣтъ.

— У меня у самого не золотыя горы, братецъ ты мой... ну, да хватитъ еще на нынѣшній вечеръ. Погоди, я сейчасъ умоюсь—вѣришь-ли, еще не умывался. Оттого, братецъ ты мой, и измятымъ кажуся тебѣ...

Онъ перешагнувъ въ свою спальню, гдѣ стоялъ умывальникъ, и, не переставая болтать, пустилъ струю воды, взялъ мыло, засучилъ рукава и сталъ себѣ руки мыть; потомъ вымылъ лицо, потомъ завернулъ это лицо въ полотенце и не столько вытеръ, сколько высушилъ физиономію.

— Такъ вытираться выучилъ меня дядюшка Алтынниковъ... Вѣришь-ли, братецъ, еле ходилъ, оплешивѣлъ, опаршивѣлъ и ни единой морщины!

Говоря это, онъ развернулъ полотенце и высунулъ изъ двери лицо свое.

— Теперь, братецъ ты мой, надо напомадиться. Ты никогда не помадишься?

И онъ опять вернулся въ свою гардеробную.

„Чортъ знаетъ, подумалъ Петя,—неужели это тотъ самый долговязый гимназистъ, котораго всѣ мы называли Поджабринымъ, который долбилъ латинскія фразы, такъ плохо учился по-гречески и такой былъ мастеръ подсказывать.“

Медленно причесывался и одѣвался Еленинъ; наконецъ, причесанный и одѣтый модникомъ, вышелъ къ Петѣ.

— На внѣшность, и только на внѣшность, братецъ ты мой, женщины обращаютъ свое вниманіе. Бостюмъ, воротнички, чистые ногти, перчатки, это, братецъ ты мой, для нихъ главное, все остальное вздоръ, даже и красоты не надо... Вотъ ты увидишь... Но, по дружбѣ, я скажу тебѣ... очень мнѣ, это въ тебѣ не нравится, что ты собою не занятъ—вонъ палецъ выпачканъ. Покажи... что это... чернильное пятно?

— Должно-быть, чернильное... Сегодня я чернильницу мылъ; должно-быть, запачкалъ.

— Ну, и скверно! Ты что думаешь? Нынче и дѣвчонки — и тѣ на это обращаютъ вниманіе. А перчатки есть?

- Никогда... отвѣчалъ Петя, чуть не съ негодованіемъ.
- Ты вспомни, Петя, ты уже не гимназистъ теперь... И если ты хочешь успѣвать, братецъ ты мой...
- Да не хочу я успѣвать! уже съ досадою произнесъ Петя.
- Ну, не хочешь, какъ хочешь, согласился Ельинъ, — ѣдемъ!

ГЛАВА XIII.

Было уже около часу пополудни. Въ маленькой квартирѣ Нади штора на окнѣ была спущена и на столикѣ горѣла свѣчка. Она только-что кончила переписку какаго-то конспекта, записала въ записную книжку нѣсколько адресовъ и стала раздѣваться.

Раздавшійся вдали звонокъ нисколько не удивилъ ее. Кто-же лѣтомъ, съ острововъ и съ дачъ, не возвращается поздно? Она-же и не успѣла еще узнать своихъ сосѣдей... Хозяйка говорила ей, что у ней живутъ люди смиренные: одинъ помѣщикъ, одинъ студентъ, одна курсистка и одинъ офицеръ. Въ эту ночь, если не всѣ жильцы, то, вѣроятно, большинство ихъ отсутствовало. За стѣнами, въ сосѣднихъ комнатахъ, Надѣ не было слышно ни шаговъ, ни шороха, ни говора... Такъ было тихо, что стукъ колесъ или экипажей раздавался въ комнатѣ Нади, точно окно ея выходило не на дворъ, а на улицу.

Вслѣдъ за звонокомъ, минуты черезъ двѣ или три, въ комнату къ Надѣ постучалась сонная горничная и спросила ее, можно-ли войти къ ней.

- Что такое? полураскрывъ дверь, спросила Надя.
- Тотъ самый, что былъ у васъ, какъ вещи ваши привезли.
- Ну?
- Спрашиваетъ—можно-ли войти.
- Кто такой... Клинь?
- Петръ Егорычъ, говорить.
- Скажи ему, что я спать ложусь...
- Сегодня онъ два раза былъ и васъ спрашивалъ...
- Скажи ему, что завтра утромъ, до 11 часовъ, я буду ждать его.

Горничная пошла обратно въ переднюю.

Надя была недовольна такимъ позднимъ посѣщеніемъ Пети и, расчесывая на ночь волосы, ходила по комнатѣ отъ стола къ холодной желѣзной печкѣ, — отъ печки къ столу, но и трехъ разъ не успѣла она прогуляться такимъ образомъ, какъ опять вошла горничная и сказала:

— Не уходить, хочеть непременно видѣть васъ.

— Скажи ему, что не могу принять его... или постой, скажи ему, чтобъ онъ въ передней подождалъ меня — я къ нему выйду.

Надя накинула на себя вышитую ночную кофточку, одну изъ подаренныхъ ей въ первый день святой недѣли, еще въ Рязани, въ томъ домѣ, гдѣ жила она, взяла свѣчу и, съ распущенной косой, по узенькому корридору, прошла въ переднюю или комнату безъ оконъ, гдѣ стояла вѣшалка и какіе-то пустыя деревянныя ящики съ клеймами.

Петя сидѣлъ на одномъ изъ этихъ ящиковъ, былъ блѣденъ какъ полотно, глаза его горѣли, и шляпа въ рукѣ его была также неподвижна, какъ и весь онъ. Появленіе Нади со свѣчей, почти въ томъ-же видѣ, въ какомъ онъ впервые увидалъ ее въ квартирѣ отца, казалось сильно поразило его воображеніе. Но и Надя была поражена дикимъ взглядомъ и его неподвижностью.

— Петя! Это ты! Что тебѣ!.. Зачѣмъ ты?

Петя глядѣлъ на нее и не двигался.

— Да что съ тобой? дрогнувъ сердцемъ, проговорила Надя, ближе освѣтивъ лицо его и поглядѣвъ ему въ глаза.

— Прощай! сказалъ Петя. — Мы больше не увидимся...

— Отчего? испуганно спросила Надя.

— Оттого, что я безумецъ, оттого, что я безумно полюбилъ тебя...

Надя дрогнула и какъ-бы застыла на мѣстѣ. Затѣмъ, она оглянулась... Горничной не было, должно-быть спать легла... только за дверью, въ комнатѣ хозяйки, кто-то кашлянулъ...

— Петя, ты съума сошелъ...

— Да, сошелъ... но вѣдь мы больше не увидимся. Ты даже въ комнату свою не хочешь пустить меня...

— Меня здѣсь никто не знаетъ, и что подумаютъ, если я поздно по ночамъ буду принимать къ себѣ, да еще влюбленныхъ! Петя, утро вечера мудренѣе, — приходи завтра или напиши мнѣ письмо; я по чистой совѣсти буду отвѣчать тебѣ... по

чистой совѣсти. Если ты мнѣ вѣришь, если ты не пересталъ еще уважать меня, то уйди...

— Надя, ты меня не презираешь?

— За что я буду презирать тебя?

Петя дышалъ тяжело—онъ былъ какъ-бы въ лихорадкѣ. Ей стало нестерпимо жаль его, она колебалась, не пригласить-ли его въ себѣ въ комнату, не успокоить-ли, не обласкать-ли...

Но въ комнатѣ хозяйки опять послышался кашель.

— И какъ это ты могъ подумать, что я тебя презираю!.. Я какъ близкаго, какъ родного, какъ друга люблю тебя, и ты это знаешь, и приходишь ко мнѣ ночью... И Богъ-знаетъ что приходитъ тебѣ въ голову... Здѣсь слышно каждое наше слово... То-же я думаю и въ моей комнатѣ... Завтра, Петя, или ты приди ко мнѣ или я приду къ тебѣ,—мы поговоримъ обо всемъ... Поговоримъ хладнокровно, спокойно, нието намъ не помѣшаетъ... Когда ты переѣзжаешь въ Павловскъ?

— Я, въ Павловскъ! Никогда! какъ-бы очнувшись, проговорилъ Петя.

Надя опять поглядѣла на него, слегка пожала плечами и задумалась.

— Хорошо, это твое дѣло, — прощай, мой милый. Завтра...

Петя протянулъ ей руку, —рука была холодна какъ ледь.

— Мы оба сегодня будемъ плохо спать... Прощай и не забудь честнаго слова, которое ты далъ мнѣ.

— Какое честное слово?

— Что-бы ни было—беречь себя для будущаго... Все наше въ будущемъ. Все, все, даже любовь моя...

Отстранивъ одной рукой свѣчу, чтобъ не подпалить ею падающихъ на плечи волосъ своихъ, она подошла къ нему, наклонилась, поцѣловала и чуть не вскрикнула—свѣча упала на полъ и погасла. Надя почувствовала себя въ вѣбныхъ судорожныхъ объятіяхъ.

Похолодѣвшими губами припалъ онъ къ ея назадъ откинутой шеѣ...

Съ неимоверною силой оттолкнувъ его, съ закружившейся головой, шатаясь въ темнотѣ по узенькому корридору, ушла она въ свою комнату и, увидѣвъ изъ-за опущенной шторы разсвѣтъ, заперла на задвижку дверь свою.

Изъ комнаты-же, гдѣ жила хозяйка, въ темную переднюю отворилась дверь, и въ бѣломъ балахонѣ появилась фигура старухи, тоже со свѣчей въ рукахъ.

Петя увидѣлъ скуластое лицо, съ отвислымъ подбородкомъ, черную на щекѣ заплатку, круглые испуганные глаза и услышалъ дрожащій голосъ:

— Кто тутъ? Татьяна! Татьяна!

— Я ухожу, велите вашей горничной затворить за мной двери, сказалъ Петя и, сбѣжавъ съ невысокой лѣстницы, очутился на пустомъ мощенномъ дворѣ, освѣщенномъ утренней зарей.

„Что это? Или я пьянъ?“ подумалъ Петя, проходя въ сквозные ворота съ отворенной калиткой, мимо спящаго на скамейкѣ дворника.

Гдѣ-то пѣли пѣтухи... гдѣ-то какъ-будто звонили, откуда-то доносился грохотъ несущихся дрожекъ.

Петя шелъ домой, какъ во снѣ, и почти не сознавалъ, что съ нимъ было, гдѣ онъ и почему онъ на улицѣ. Только ныла душа его.

ГЛАВА XIV.

На другой день, въ обѣденное время, Егоръ Антоновичъ Клинь зашелъ къ себѣ на квартиру, чтобъ, заперевшись въ своемъ кабинетѣ, заняться кое-какими счетами.

— Что, Петя, еще не уѣзжалъ въ Павловскъ? спросилъ онъ Михѣя.

— Сегодня-же утромъ изволили уѣхать-съ.

— А!

— Утромъ, сегодня-съ.

— Да что ты мнѣ повторяешь, дуракъ, — слышу, что сегодня утромъ.

Въ тотъ-же день, къ обѣду, Егоръ Антоновичъ возвратился въ Павловскъ на дачу. За столомъ онъ спросилъ:

— А гдѣ-же Петька?

— Онъ не пріѣзжалъ, сказала Мина Михайловна.

— Гм! Въ городѣ и Михѣй, и твоя Любовь Петровна заявили мнѣ, что съ утра онъ съ ними простился и поѣхалъ къ намъ на дачу.

Ксенія вопросительно поглядѣла на старика, потомъ на мать свою.

Прошло съ тѣхъ поръ трое сутокъ, и Мина Михайловна получила письмо отъ сестры своей слѣдующаго содержанія:

„Если Петя нѣтъ у васъ въ Павловскѣ, какъ объ этомъ заявилъ на дняхъ Егоръ Антоновичъ, то его и въ Петербургѣ нѣтъ—онъ исчезъ. Употребляю съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ разыскать, куда онъ дѣвался. Наканунѣ своего исчезновенія, онъ заходилъ ко мнѣ поздно вечеромъ, и въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я никогда его не видала. Онъ заходилъ прощаться, говорилъ, что мы никогда не увидимся. Меня мучаетъ совѣсть, зачѣмъ я его не спросила и даже не позвала къ себѣ въ комнату. Но мнѣ казалось, что онъ просто бредитъ, и я не давала вѣры словамъ его, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту нисколько о нихъ не думала. Меня утѣшаетъ мысль, что онъ взялъ съ собой чемоданчикъ и мѣшечекъ съ книгами. Не значить-ли это, что онъ переѣхалъ на дачу къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей? Ты себѣ представить не можешь, какъ мнѣ жаль этого молодого человѣка... Въ немъ бродятъ великія силы, и дай Богъ, чтобъ силы эти не погибли... Я занята и раньше воскресенья не могу быть у васъ. Цѣлую Ксенію и кланяюсь твоему мужу.

„Прощай. Сестра твоя, Нада“.

Я. П. Пелонскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА XXI.

СПАРТАКЪ ВЪ ЛУКАНИИ. — ПТИЦЕЛОВЪ, ПОПАВШІЙ ВЪ СОБСТВЕННЫЕ СИЛКИ.

— Нѣтъ, Мирца, ты должна, наконецъ, открыть мнѣ ужасную тайну, которую вотъ уже два года скрываешь отъ меня. Если въ тебѣ есть хоть капля жалости ко мнѣ, ты не станешь терзать меня долѣе! Скажи-же мнѣ, почему ты не можешь любить меня, зачѣмъ ты должна бѣжать отъ меня, хотя и говоришь, что я дорогъ тебѣ такъ-же какъ и ты мнѣ; мнѣ нужно знать, наконецъ, изъ-за чего я гибну, — ты вѣдь видишь, что безъ твоей любви я чахну, умираю!

Такъ говорилъ, двадцать дней спустя послѣ похоронъ Кресса, Арториесъ, загораживая Мирцѣ выходъ изъ палатки брата.

Лагерь гладіаторовъ былъ перенесенъ теперь въ городъ Аргументумъ, расположенный въ южной Луканіи, откуда къ Спартаку сбѣжали новыя толпы рабовъ, и численность гладіаторской арміи достигла теперь восьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Самъ Спартакъ, во главѣ двухтысячнаго кавалерійскаго отряда, отправился на рекогносцировку, имѣя цѣлью проникнуть до горы Вултура, откуда, по слухамъ, шелъ на него Крессъ съ шестнадцатью легіонами.

Арториксъ, два года боровшійся со своимъ чувствомъ, рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ вождя, чтобы вырвать у Мирцы мучительную и необъяснимую тайну, являющуюся препятствіемъ ихъ любви.

— Арториксъ, что это значить? проговорила съ легкимъ упрехомъ дѣвушка, стараясь отстранить гладиатора, загородившаго ей дорогу.

— Развѣ ты не знаешь? сказалъ Арториксъ, нѣжно заглядывая въ глаза молодой дѣвушкѣ. — Я люблю тебя и не могу жить безъ тебя. Спартакъ тоже меня любитъ и, я увѣренъ, съ радостью согласится на нашъ бракъ. Отчего-же ты упорно отказываешься? Можетъ быть, я тебѣ опротивѣлъ? Можетъ быть, ты полюбила другого? Отвѣчай! Говори!

— Отвѣчай и ты, сказала дѣвушка взволнованнымъ голосомъ, устремляя на юношу взглядъ, полный любви. — Зачѣмъ ты снова пришелъ мучить меня? Развѣ не говорила я тебѣ тысячу разъ, что я не могу быть твоей женой, никогда, никогда!

— Но почему-же, скажи мнѣ ради всѣхъ боговъ! вскричалъ Арториксъ, блѣднѣя. — Скажи мнѣ, почему? Вотъ все, о чемъ я прошу тебя. Вѣдь имѣеть-же право человекъ, который могъ-бы быть счастливѣйшимъ изъ людей, знать причину, почему онъ долженъ быть самымъ жалкимъ, несчастнымъ изъ смертныхъ!

Эти слова, вырвавшіяся у Арторикса изъ глубины наболѣвшаго сердца, произвели на Мирцу сильное впечатлѣніе. Она низко опустила голову, и слезы тихо покатались по ея щекамъ.

— Не спрашивай, прошептала она чуть слышно. — Не старайся проникнуть роковую тайну. Судьба рѣшила, что мы навсегда должны остаться чужими другъ другу. Жестоко, безжалостно такое рѣшеніе, но неотвратимо... Оставь меня, бѣги... ищи себѣ другую... а меня... забудь!

Несчастливая дѣвушка закрыла лицо руками и громко зарыдала.

Арториксъ бросился къ ней и, покрывая поцѣлуями ея руки, старался утѣшать ее. Но, отстранивъ его отъ себя, Мирца сквозь слезы продолжала:

— Оставь меня... бѣги, милый! Видишь какъ я страдаю... Понимаешь, чего мнѣ стоитъ отказаться отъ тебя? Вѣдь я гордилась-бы твоей любовью, я была-бы счастливѣйшей изъ женщинъ... Но, мнѣ нельзя быть счастливой, нельзя, нельзя, никог-

да! Уйди-же и не увеличивай своиими настояніями моихъ мукъ... оставь меня одну съ моимъ горемъ и будь счастливъ.

— Но какъ же могу я быть счастливымъ безъ тебя! съ отчаяніемъ вскричалъ Арториксъ.— Вѣдь ты моя жизнь, свѣтъ моихъ очей, въ тебѣ одной мое счастье!

— О, боги, что за пытка! воскликнула бѣдная дѣвушка, ломая руки.

Въ это время, на преторіи передъ палаткой проходила Цетуль — рабыня-негритянка, бѣжавшая въ гладіаторскій лагерь изъ Тарента дней десять тому назадъ, послѣ того какъ госпожа ея, жена одного патриція, приказала отрѣзать ей языкъ за то, что она выболтала одну изъ ея позорныхъ тайнъ. Увидавъ негритянку, Мирца громко позвала ее, желая какъ-нибудь покончить мучительное объясненіе.

— Цетуль, Цетуль!

Затѣмъ, обращаясь къ юношѣ, она сказала:

— Теперь, Арториксъ, ты уже долженъ будешь, волей-неволей, оставить меня.

Молодой гладіаторъ взялъ ея руку и, прижавъ ее къ своимъ губамъ, тихо проговорилъ:

— А все таки ты должна-же будешь когда-нибудь открыть мнѣ твою тайну!..

— Никогда!

Въ эту минуту Цетуль подошла къ молодой дѣвушкѣ, и Арториксъ удалился, полный самыхъ противоположныхъ ощущеній.

— Хочешь, пойдемъ вмѣстѣ принести въ жертву богу Марсу эту овцу? сказала Мирца негритянкѣ, указывая на бѣлую овечку, привязанную къ одному изъ столбовъ палатки.

Несчастливая рабыня, онѣмѣвшая вслѣдствіе безчеловѣчія своей госпожи, кивнула головой въ знакъ согласія.

Мирца стала одѣваться въ костюмъ, приспособленный къ войнѣ. Бѣдняжка понимала, что теперь, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ увеличивались опасности, грозившія ея возлюбленному брату, и рѣшила никогда не отходить отъ него даже во время сраженія, чтобы помогать ему или, въ худшемъ случаѣ, раздѣлить его гибель. Съ этой цѣлью она выучилась владѣть оружіемъ и уже успѣла значительно усовершенствоваться въ этомъ. Верховой вѣдѣ ее давно обучилъ самъ Спартагъ.

Накинувъ поверхъ латъ бѣлую ралиш, Мирца вышла изъ палатки, въ сопровожденіи Цетуль, которая вела на веревкѣ жертвенную овцу. Отойдя мили полторы отъ лагеря, онѣ поднялись на маленькій пригорокъ, гдѣ стоялъ храмъ, посвященный Марсу Луканскому *).

Здѣсь, по всѣмъ правиламъ греческаго, а не римскаго, ритуала, она принесла въ жертву богу войны овцу, призывая его благосклонность на гладіаторское войско и на его верховнаго вождя.

Тѣмъ временемъ Спартакъ со своимъ отрядомъ во весь опоръ прискакалъ въ лагерь; встрѣтивъ развѣдчиковъ непріятельскихъ, онъ напалъ на нихъ, разбилъ и, взявъ семь человѣкъ въ плѣнъ, узналъ, что Крассъ со всѣми своими легіонами идетъ на Аргументумъ.

Тотчасъ-же войско стало готовиться къ битвѣ, и черезъ два дня, около полудня, Крассъ показался изъ-за сосѣднихъ холмовъ со своимъ войскомъ, выстроеннымъ въ боевой порядокъ.

Затрубили трубы съ обѣихъ сторонъ, и обѣ арміи устремились другъ на друга. Вскорѣ битва закипѣла по всей линіи. Четыре часа уже продолжался бой съ одинаковымъ ожесточеніемъ и стойкостью съ обѣихъ сторонъ. Но въ сумеркамъ лѣвое крыло гладіаторовъ, состоявшее преимущественно изъ новобранцевъ, начало подаваться подъ напоромъ римскихъ легіоновъ. Беспорядокъ и переполохъ увеличивались каждую минуту, грозя перейти въ открытое бѣгство. Тогда Арториксъ, командовавшій этимъ крыломъ, слѣзъ съ коня и безъ шлема, раздробленнаго ударомъ римскаго меча, несмотря на рану въ голову и грудь, бросился впередъ, стараясь своимъ примѣромъ удержатъ малодушныхъ. Но всѣ его усилія были напрасны, и его легіоны отступали и отступали.

Внѣ себя отъ гнѣва, Спартакъ бросился къ своему лѣвому крылу, крича громкимъ голосомъ солдатамъ:

— Неужели ваши прежнія побѣды надъ римлянами превратили ихъ въ львовъ, а васъ въ трусливыхъ зайцевъ?.. Остановитесь! Назадъ! За мной дружнѣй, и мы снова обратимъ ихъ въ бѣгство, какъ обращали до сихъ поръ!

*) Храмъ бога Марса, принадлежавшаго къ числу наиболѣе чтимыхъ въ Италіи, строился обыкновенно внѣ городскихъ стѣнъ, чтобы предохранить ихъ отъ опасностей войны.

Съ этими словами онъ бросилъ на враговъ щитъ и, схвативъ въ лѣвую руку мечъ одного изъ убитыхъ гладіаторовъ, кинулся на римлянъ съ обоими мечами, какъ дѣлывалъ это будучи учителемъ въ гладіаторской школѣ. Благодаря своему, по-истинѣ волшебному, искусству въ фехтованіи, онъ разсыпалъ направо и налѣво смертоносные удары, устилая свой путь трупами, между тѣмъ какъ ни одинъ римскій мечъ, ни одно копье не могли даже коснуться его. Невредимымъ вышелъ онъ изъ этой битвы, какъ невредимымъ оставался во всѣхъ предыдущихъ *), несмотря на то, что всегда бросался туда, гдѣ шла самая горячая сѣча.

При видѣ такой безпримѣрной храбрости своего предводителя, гладіаторы ободрились и снова устремились на римлянъ. Спартакъ перешелъ къ сосѣднему легіону, чтобы и тамъ своимъ примѣромъ возстановить упавшій духъ гладіаторовъ.

Но въ это время центръ его боевой линіи, противъ котораго были направлены главныя усилія римлянъ, совершенно разстроился. Брассъ двинулся на него во главѣ лучшаго изъ своихъ легіоновъ — третьяго, состоявшаго исключительно изъ ветерановъ Марія и Суллы. Не будучи въ состояніи выдержать напора густой колонны этихъ испытанныхъ воиновъ, одушевленныхъ личнымъ примѣромъ претора, разстроенные ряды гладіаторовъ окончательно смѣшались и вскорѣ обратились въ беспорядочное бѣгство.

Съ лѣваго крыла Спартакъ видѣлъ печальную картину пораженія своего центра и, бросившись къ своему коню, оставленному имъ позади фронта, поскакалъ во весь опоръ къ резерву, гдѣ стояла его кавалерія. Въ одно мгновеніе онъ съ шестью тысячами всадниковъ понесся во флангъ легіонамъ, преслѣдовавшимъ бѣгущихъ гладіаторовъ. Войско было спасено отъ окончательнаго пораженія, но гладіаторы потеряли восемь тысячъ человѣкъ убитыми и тысячу двѣсти человѣкъ плѣнными, тогда-какъ число погибшихъ римлянъ не превышало пяти тысячъ.

Брассъ хотѣлъ выдвинуть собственную кавалерію, но наступившая темнота помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

Отступивъ въ свой лагерь, Спартакъ, при помощи Граница и

*) Луцій Флоръ.

прочихъ вождей, принялся приводить въ порядокъ свои разстроенные легіоны.

Когда это ему нѣсколько удалось, онъ приказалъ развести большіе бивуачные огни, чтобы лучше ввести въ заблужденіе непріятеля, и затѣмъ, вскорѣ послѣ полуночи, тихо снялся съ лагера и двинулся по направленію къ югу. Идя съ величайшей поспѣшностью, не щадя ни людей, ни коней, онъ прибылъ къ полудню въ Нерулуму, гдѣ остановился всего на четыре часа, и затѣмъ снова двинулся далѣе, намѣреваясь пробраться на южную оконечность полуострова и переплыть оттуда въ Сицилію.

Въ Пандозіи его догналъ гонецъ римскаго военачальника, который, отказавшись нѣсколько недѣль тому назадъ отъ выдачи Эвтибиды, дѣйствительно находившейся въ его лагерѣ, теперь предлагалъ обмѣнять тысячу двѣсти плѣнныхъ, взятыхъ имъ при Аргументумѣ, на сто римскихъ патриціевъ, оставшихся еще въ рукахъ Спартака.

Предложеніе это было тотчасъ-же принято вождемъ гладіаторовъ, и рѣшено было, что обмѣнъ произойдетъ въ Росціанумѣ, черезъ три дня. Но Спартакъ полагалъ—и не безъ основанія—что римскій военачальникъ сдѣлалъ ему такое выгодное предложеніе съ цѣлью задержать его на пути, такъ-какъ, благодаря своей необыкновенной быстротѣ, онъ настолько ушелъ впередъ, что нагнать его не было никакой возможности. Поэтому Спартакъ рѣшился отправить въ Росціанумъ сотню римскихъ патриціевъ подъ конвоемъ тысячи двухсотъ всадниковъ, которые вели въ поводу столько-же осѣдланныхъ коней для своихъ будущихъ товарищей. Мамилію, начальствовавшему этимъ отрядомъ, было строжайше приказано выдать римскихъ патриціевъ не иначе, какъ получивъ плѣнныхъ гладіаторовъ, и затѣмъ тотчасъ-же посадить ихъ на коней и скакать къ Темезѣ, гдѣ Спартакъ рассчитывалъ быть черезъ четыре дня. При малѣйшемъ признакѣ измѣны со стороны римлянъ, Мамилій долженъ былъ немедленно перерѣзать всѣхъ римскихъ плѣнныхъ и скакать на соединеніе со Спартаконъ, предоставивъ плѣнныхъ гладіаторовъ ихъ собственной участи.

По дорогѣ изъ Пандозіи въ Темезу, гладіаторское войско наткнулось на вооруженный отрядъ, въ первую минуту принятый развѣдчиками за римлянъ. Однако, вскорѣ оказалось, что это пя-

тысячный легіонъ рабовъ, собранныхъ въ южной Луканіи Каемъ Каниціемъ, прогнаннымъ когда-то изъ лагеря за непокорность и интриги. Раскаившись въ своемъ поведеніи, онъ привелъ Спартаку пять тысячъ новобранцевъ и далъ вѣдыву отнынѣ безусловно повиноваться его приказаніямъ.

Спартакъ братски обнялъ своего старого товарища и распредѣлилъ вновь прибывшихъ по всѣмъ легіонамъ, назначивъ начальникомъ одного изъ нихъ самого Каниція.

Въ условленный день прибылъ Мамилій съ плѣнными гладіаторами. Въ присутствіи всего войска, Спартакъ сказалъ имъ братскую рѣчь; строго порицая ихъ за то, что они живыми сдались въ плѣнъ врагу, онъ напомнилъ, что не всегда у него будетъ въ рукахъ сотня римскихъ патриціевъ для выкупа ихъ, и что если-бъ не эта счастливая случайность, они всѣ висѣли-бы теперь вдоль большой дороги. Затѣмъ онъ приказалъ имъ взять снова оружіе и разойтись по своимъ легіонамъ.

Безъ всякихъ препятствій дошелъ Спартакъ до Темезы и, расположившись здѣсь лагеремъ, сталъ готовиться къ переправѣ. Онъ завязалъ сношенія съ нѣсколькими морскими разбойниками, крѣпировавшими вдоль береговъ Тарентскаго залива, и уговорился съ ними о переправѣ за тридцать талантовъ. Граникъ уже передалъ имъ, по условію, десять талантовъ впередъ, но наканунѣ дня, назначеннаго для отплытія, они неожиданно снялись съ якоря и распустили паруса, по всей вѣроятности испугавшись мести римлянъ за помощь, оказанную ихъ смертельнымъ врагамъ *).

Въ то время, какъ Спартакъ и прочіе вожди печально смотрѣли на паруса корсарской флотилии, начинавшіе уже скрываться за горизонтомъ, къ нимъ во весь опоръ прискакалъ отрядъ развѣдчиковъ съ извѣстіемъ, что на нихъ идетъ Крассъ со всѣмъ своимъ войскомъ.

Дѣйствительно, простоявъ двадцать дней въ Луканіи, гдѣ собрано было около четырехъ новыхъ легіоновъ, преторъ Сициліи наступалъ теперь, во главѣ стотысячной арміи, на гладіаторовъ, грозя опрокинуть ихъ въ море.

Услыхавъ о приближеніи непріятеля, Спартакъ тотчасъ-же выстроилъ свои войска въ боевой порядокъ и, прежде чѣмъ успѣлъ

*) Аппіанъ Алек., Плутархъ, Луцій Флоръ.
„Дѣло“, № 8, 1881 г. I.

подойти Крассъ съ главными силами, напалъ съ шестью легионами на его передовой корпусъ и заставилъ его обратиться въ безпорядочное бѣгство. Но онъ не могъ воспользоваться своей побѣдой: бѣглецы тотчасъ-же укрылись за легионы самого претора, въ стройномъ порядкѣ двигавшіеся за ними.

Спартакъ остановился и сталъ ждать. Вскорѣ по всей линіи завязалась жестокая сѣча, продолжавшаяся три часа безъ всякаго перевѣса на чью-либо сторону. Рѣшившись перебраться въ Сицилію, Спартакъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты принимать рѣшительную битву при такомъ значительномъ численномъ превосходствѣ римлянъ и поэтому, когда Крассъ ввелъ въ дѣло нѣсколько новыхъ легионовъ, онъ приказалъ своимъ войскамъ быстро отступить. Принявъ это отступление за бѣгство, римляне бросились за ними въ погоню, но не успѣли сдѣлать нѣсколько сотъ шаговъ, какъ наткнулись на вторую линію изъ шести легионовъ, выстроенныхъ Граникомъ, по приказанію Спартака, позади первой. Разстроенные погоней, римляне смѣшались при первомъ натискѣ свѣжихъ гладіаторскихъ легионовъ, и Крассъ долженъ былъ выслать впередъ весь свой резервъ, чтобы остановить успѣхи гладіаторовъ. Завязалась новая битва: опять гладіаторскіе легионы вынуждены были отступить, вслѣдствіе слишкомъ большого неравенства силъ. Но въ это время Спартакъ снова успѣлъ выстроить отдохнушіе первые шесть легионовъ, такъ-что римляне снова встрѣтили предъ собой свѣжія силы. Отступая, такимъ образомъ, попеременно то первой, то второй линіей, Спартакъ съ двѣнадцатю легионами въ теченіи цѣлаго дня выдерживалъ напоръ двадцати легионовъ Красса, не давая ему возможности извлечь какую-нибудь пользу изъ этой битвы.

Къ вечеру Спартакъ достигъ Темезы, гдѣ соединился съ тремя легионами, оставленными имъ въ этой крѣпости въ видѣ гарнизона.

Въ тотъ-же вечеръ Крассъ, приказавъ своимъ легионамъ расположиться лагеремъ на вершинѣ одного изъ холмовъ, окружавшихъ Темезу, сказалъ своему квестору Скрофѣ:

— Что ни говори, а этотъ проклятый рабъ умѣетъ сражаться такъ, что его, пожалуй, можно принять за хорошаго полководца!

— Говори прямо, что этотъ Спартакъ отличный полководецъ. со вздохомъ отвѣчалъ Скрофа.

Хотя римляне въ послѣдней битвѣ потерпѣли большій уронъ

чѣмъ гладіаторы, не приобрета никакихъ существенныхъ выгодъ, тѣмъ не менѣе Крассъ донесъ сенату о своей новой побѣдѣ и объявлялъ, что дней черезъ двадцать онъ совершенно окружитъ Спартака и заставитъ его положить оружіе.

Спартакъ дѣлалъ видъ, что готовится къ долгой и упорной оборонѣ въ Темезѣ. Онъ приказалъ очистить вѣрностные рвы, починить стѣны и башни и приготовить всѣ оборонительныя орудія. Гражданамъ было строго запрещено подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ выходить изъ города, всѣ ворота восторожно днемъ и ночью охранялись гладіаторами.

Всѣ эти приготовления произвели страшный переполохъ въ городѣ.

Темезинцамъ уже рисовались впереди всѣ ужасы гладіаторскаго владычества, продолжительной осады и неразлучнаго съ нею голода.

Къ Спартаку была послана депутація съ просьбой покинуть городъ, наложивши на него какую-угодно контрибуцію. Вождь гладіаторовъ принялъ темезинцевъ очень любезно и отвѣтилъ, что охотно исполнитъ ихъ желаніе, если только горожане выдадутъ ему всѣ имѣющіеся у нихъ корабли, лодки, барки, плоты и челноки, а если ихъ не хватитъ для переправы войска, то вышлютъ всѣхъ своихъ кораблестроителей съ достаточнымъ количествомъ матеріаловъ для постройки недостающаго числа судовъ.

Городской совѣтъ, патриціи и народъ беспрекословно согласились исполнить требованіе Спартака, не видя другого способа избавиться отъ долгой и ужасной осады, и вскорѣ все побережье Тарентскаго залива покрылось множествомъ судовъ и сотнями рабочихъ, строившихъ лодки для будущей флотиліи Спартака.

Съ своей стороны, Крассъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ своихъ пословъ, требуя отовсюду немедленной присылки всѣхъ осадныхъ орудій, понимая, что безъ тарановъ, катапультъ и бамитовъ осада затянется слишкомъ на долго.

Пока римскій преторъ готовился къ упорной осадѣ, а вождь гладіаторовъ къ переправѣ въ Сицилію, гдѣ возстаніе должно было запылать съ небывалою до того силою, Эвтибида, раздраженная, нетерпѣливая, ходила по римскому лагерю, досадуя, что желанная месть такъ долго заставляетъ себя ждать. Мучимая бездѣйствіемъ, она составила смѣлый планъ: открыть, нѣтъ-ли возможности взобраться гдѣ-нибудь на городскую стѣну и произвести нечаянное нападеніе.

Съ этою цѣлью она приказала двумъ купленнымъ ею въ Тарентѣ рабнямъ приготовить темную мазь, которою нѣсколько дней подъ-рядъ намазывала себѣ лицо, шею и руки, такъ-что цвѣтомъ кожи она стала совершенно походить на негритянку.. Тогда она одѣлась рабней и, взявъ въ руку амфору, съ какой обыкновенно рабни ходили за водой, вышла однажды рано утромъ изъ римскаго лагеря и направилась въ городу. Ей было извѣстно, что неподалеку отъ него долженъ быть ключъ, откуда сосѣдніе земледѣльцы брали воду для питья. Осторожно двигаясь въ полумракѣ, Эвтибида вскорѣ дошла до холма, по другую сторону котораго долженъ былъ находиться ключъ. Но, прислушавшись, она рѣшила, что подходить къ нему было-бы опасно: сдержанный гулъ голо-совъ, прерываемый отъ времени до времени звяканьемъ оружія, доно-сился оттуда. Очевидно, ключъ охранялся отрядомъ гладіаторовъ.

Пройдя около мили, Эвтибида взошла на поросшій кустарникомъ пригорокъ, отстоявшій довольно далеко отъ городскихъ стѣнъ и, осмотрѣвшись, замѣтила сквозъ утренній туманъ какое - то зданіе, возвышавшееся на вершукѣ одного изъ сосѣднихъ холмовъ. Подойдя немного ближе, она догадалась, что это долженъ быть храмъ Марса Луванскаго, о которомъ она слышала еще въ лагерѣ.

Тихо подкравшись къ лавровой рощѣ, окружавшей это знаме-нитое святилище, она осторожно обошла его и, убѣдившись, что гладіаторовъ въ немъ нѣтъ, рѣшилась войти. Дворъ и портикъ были пусты. Эвтибида собиралась уже было уходить, какъ вдругъ замѣтила подъ портикомъ старика, въ которомъ, по костюму, тотчасъ-же узнала жреца. Онъ стоялъ у колонны, очевидно, по-груженный въ глубокую задумчивость. Эвтибида подошла къ нему и, низко кланаясь, стала просить позволенія набрать воды въ водоемъ храма, потому - что всѣ ключи сторожатся гладіаторами, а хозяинъ ея убѣждалъ въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни капли воды.

Жрецъ повелъ ее къ водоему, жалуясь по дорогѣ на плохія времена, на войну, на гладіаторовъ, не пускающихъ никого изъ города, даже для жертвоприношенія богамъ.

— Вотъ ужъ двадцать дней какъ храмъ нашего великаго бога пустъ, сказалъ жрецъ.— А бывало, каждый день здѣсь толпились богомольцы. Сколько было однихъ даровъ! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Хорошо, я скажу своему господину отъ твоего имени, что

если онъ хочетъ предохранить свой домъ и поле отъ опустошенія, то пусть пришлетъ дары богу Марсу, сказала Эвтибида, стараясь коверкать латинскія слова.

— Сами боги внушили тебѣ эту прекрасную мысль! радостно воскликнулъ жрецъ. — Да, прибавилъ онъ черезъ минуту, — набожность сохраняется теперь только въ сердцахъ женщинъ. Мужчины всѣ — эпикурейцы, не вѣрующіе въ боговъ своей родины. Вотъ я сказалъ тебѣ сію минуту, что за послѣдніе двадцать дней здѣсь никого не было — но я обмолвился, потому-что сюда два раза уже приходила приносить жертву Марсу одна дѣвушка изъ гладіаторскаго лагеря, кажется, гречанка родомъ... Добрая, набожная дѣвушка, и притомъ очень красивая.

Глаза Эвтибиды свергнули адской радостью. Она вспыхнула, и только благодаря толстому слою краски, покрывавшей ея лицо, жрецъ не замѣтилъ впечатлѣнія, произведеннаго его словами на мнимую рабыню.

— Да, продолжалъ между тѣмъ старикъ, — дѣвушка, одѣтая въ латы и шлемъ и опоясанная мечомъ. Съ ней всегда приходитъ негрятянка, такая-же какъ ты, но только нѣмая, бѣдняжка, потому-что бывшая ея госпожа приказала отрѣзать ей языкъ.

Эвтибида сдѣлала жестъ ужаса. Затѣмъ, помолчавъ немного, проговорила:

— Вотъ, приходится отъ враговъ — потому-что мой хозяинъ говоритъ, что это наши враги — отъ враговъ приходится намъ учиться благочестію!.. Завтра - же я непремѣнно вернусь сюда съ дарами отъ моего хозяина... на зарѣ, потому-что боюсь гладіаторовъ.

Жрецъ горячо одобрилъ ея прекрасныя намѣренія, обѣщая ей покровительство бога Марса за ея рѣдкую набожность. Онъ самъ вывелъ ее изъ храма и указалъ закрытую дорожку, по которой можно было безопасно спускаться и подниматься къ храму.

Какъ торжествовала Эвтибида, возвращаясь въ лагерь, какъ сердце ея билось радостью — рассказывать нечего. Совершенно неожиданно она нашла гораздо больше чѣмъ искала. Корыстолюбіе и продажность жреца не подлежали никакому сомнѣнію. Подкупить его было весьма легко; а при его содѣйствіи, по всей вѣроятности, можно будетъ отыскать какую-нибудь незамѣтную лазейку въ городъ. А главное — при помощи этого жреца ей можно будетъ нанести самый

ужасный, смертельный ударъ Спартаку. Эвтибида знала очень хорошо, какъ любитъ онъ свою сестру: ея смерть будетъ для него въ тысячу разъ тяжелѣе собственной.

Вернувшись въ лагерь, она весь день не выходила изъ палатки; съ наступленіемъ ночи отправилась къ Крассу и рассказала ему о своихъ планахъ и открытіяхъ. Римскій военачальникъ вполне одобрилъ задуманную ею попытку и предоставилъ въ ея полное распоряженіе казну квестора. Эвтибида сказала, что покажьсть ей нужно немного и взяла у Скрофы всего пять талантовъ.

Часа за два до солнечнаго восхода, она вышла изъ лагеря, ведя за собой быка, нагруженнаго хлѣбомъ и виномъ. Жрецъ, котораго звали Аіемъ Стендидіемъ, вѣсть съ двумя другими своими товарищами, находившимися при храмѣ, встрѣтилъ миную рабыню у воротъ храма, осыпая ее похвалами за ея усердіе и наказывая передать глубокую благодарность благочестивому ея хозяину.

Нѣсколько разъ Эвтибида приходила затѣмъ въ храмъ Марса Луванскаго, принося разные дары то отъ хозяина, то отъ его жены, то отъ сосѣдей, убѣжавшихъ вѣсть съ нимъ въ дѣсь. Каждый разъ она не упускала случая поговорить съ Аіемъ Стендидіемъ, стараясь внушить къ себѣ довѣріе и приготовить его къ предстоящему признанію.

Наконецъ, однажды, замѣтивъ что хитрый жрецъ самъ начинаетъ уже догадываться, что она ходитъ къ нему такъ часто не проста, она открылась ему во всемъ. Стендидій счелъ долгомъ удивиться.

— А, такъ ты не рабыня!.. А я думалъ... Ты такъ хорошо притворяешься...

— Это была военная хитрость.

— Что-жь, я тебя не думаю порицать... Такъ ты предана дѣлу римлянъ... Благочестивый народъ! Боги да помогутъ имъ одержать побѣду надъ ихъ врагами!

— А скажи, согласился-бы ты помочь имъ въ этомъ? спросила Эвтибида, пристально смотря въ глаза старикъ.

— Постараюсь... на сколько могу...

— Разумѣется, прервала его Эвтибида, — Крассъ сьумѣетъ достойно наградить твое усердіе.

Глаза Аія Стендидія загорѣлись, и онъ сталъ разсыпаться въ увѣреніяхъ въ своей преданности. Переговоры объ условіяхъ были окончены весьма скоро. Стендидій сказалъ, что воспользуется пер-

вѣшь посѣщеніемъ Мирцы, чтобы, подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, пробраться къ одному мѣсту городской стѣны, гдѣ, по его мнѣнію, взобраться на нее очень легко. Эвтибида обѣщала ему за это пять серебрянныхъ талантовъ.

Куртизанка ушла, условившись, что съ этого дня она будетъ каждую ночь навѣдываться къ нему.

На другой день, не безъ труда, Эвтибида смыла съ себя темную краску и, надѣвъ свои доспѣхи, ночью отправилась къ храму Марса, имѣя съ собою три таланта изъ пяти, обѣщанныхъ Стендидію. Однако, въ эту ночь онъ не могъ сообщить ей ничего новаго. На слѣдующую Эвтибида пришла снова, но не застала своего соумышленника. Два другіе жреца сказали ей, что наканунѣ дѣвушка изъ гладіаторскаго лагеря приносила жертву богу Марсу и Стендидій ушелъ вмѣстѣ съ нею изъ храма.

Всю ночь и весь слѣдующій день Эвтибида, внѣ себя отъ нетерпѣнія, ждала старика; онъ вернулся, наконецъ, къ вечеру. Однако, свѣденія, имъ сообщенныя, были не особенно утѣшительны: оказалось, что Спартакъ давно уже приказалъ починить стѣны въ томъ мѣстѣ, на которое рассчитывалъ Стендидій, такъ-что о нечаянномъ нападеніи нечего было и думать.

— Ну, а когда придетъ сюда снова Мирца, сестра Спартака? спросила Эвтибида послѣ долгаго молчанія.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать... отвѣчалъ, запинаясь, Стендидій. Можетъ быть, она придетъ послѣ-завтра... въ праздникъ нашего бога. Она сказала мнѣ... что собирается... принести ему богатые дары... чтобы снискать его покровительство гладіаторскому войску и въ особенности его вождю...

— О, Юпитеръ, и вы, Эривіи, вскричала Эвтибида въ припадкѣ свирѣпаго восторга, — наконецъ-то, вы услышали мою молитву! Наконецъ-то, мнѣ удастся отомстить ему страшной, кровавой мстью!

— О какой мести говоришь ты? съ удивленіемъ спросилъ жрецъ. — Ты знаешь, что боги не одобряютъ и не покровительствуютъ мести.

— Ну, а если она справедлива? сказала Эвтибида. — Если она вызвана незаслуженной и смертельной обидой? Тогда, разумѣется, ее одобряютъ и ей покровительствуютъ не только боги ада, но и боги Олимпа. Не правда-ли, Стендидій?

Съ этими словами она сняла съ плеча золотую цѣпь, на которой висѣлъ ея маленькій, усыпанный драгоценными камнями, мечъ, и подала и то и другое жрецу.

— Не правда-ли, Стендидій, повторила она, — боги покровительствуютъ мести, если она справедлива?

— Ну, если она справедлива, тогда, разумѣется, другое дѣло. Тогда, стало-быть, несправедлива была обида! отвѣчалъ жрецъ, осматривая жаднымъ взоромъ драгоценный подарокъ и стараясь опредѣлить про себя, сколько онъ можетъ стоить.

— Вотъ видишь, вотъ видишь! воскликнула Эвтибида, снимая съ головы серебряный шлемъ, поверхъ котораго извивалась золотая змѣйка съ двумя огромными рубинами вмѣсто глазъ.

Пока Стендидій пожиралъ глазами эту новую драгоценность, Эвтибида торжественнымъ голосомъ сказала:

— Великому, необходимому Марсу приношу я этотъ скромный даръ и завтра принесу еще пять талантовъ — съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты, жрецъ его, помогъ мнѣ въ моей мести. Согласенъ-ли ты на это?

— Еще-бы! Клянусь Касторомъ и Поллуксомъ! воскликнулъ поспѣшно Стендидій. — Разъ она справедлива... Я былъ-бы дурной жрецъ моего бога, если-бы не помогалъ дѣлу, которому онъ, очевидно, долженъ покровительствовать.

— Завтра ночью ты спрячешь въ храмъ двухъ моихъ воиновъ...

— Какъ? Въ храмъ? Освернить священное убѣжище! Подвергнуться опасности быть повѣшенному гладіаторами, если они какъ-нибудь замѣтятъ двухъ твоихъ воиновъ!.. съ ужасомъ воскликнулъ Стендидій, отступая нѣсколько шаговъ.

— Но какъ-же иначе ты можешь помочь мнѣ?.. спросила Эвтибида.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчалъ старикъ, — я не могу позволить пролить кровь этой дѣвушки, Мирцы, въ храмъ моего Бога. На то я и жрецъ... Другое дѣло, если-бъ нужно было... захватить ее въ плѣнъ и потомъ... выдать тебѣ...

Зеленые глаза Эвтибиды засвѣтились зловѣщей радостью.

— Да, да, да! крикнула она. — Въ плѣнъ, живьемъ... я сама, своими руками убью ее, если Спартакъ добровольно не предастъ себя въ мои руки.

— Что ты съ ней сдѣлаешь... этого я не хочу, не долженъ

знать. Мнѣ важно только, чтобы я, жрецъ бога Марса, не замаралъ своихъ рукъ въ крови одного изъ его богомольцевъ. А тамъ ужъ твоё дѣло, лицомѣрно замѣтилъ Стендидій.

— Твоя правда, твоя правда! согласилась Эвтибида.—И такъ завтра ночью здѣсь, въ храмѣ, ты спрячешь двухъ моихъ вонювъ; они схватятъ ее, свяжутъ и унесутъ. Хорошо?

Такъ-какъ старикъ все еще колебался, то она сняла съ пальца золотой перстень съ дорогимъ сапфиромъ и, подавая его жрецу, повторила:

— Хорошо?

— Хорошо-то—хорошо, отвѣчалъ тотъ, пряча перстень въ карманъ,—но только лучше, чтобы это было не въ храмѣ. Не слѣдуетъ освернять жилища боговъ и навлекать на себя ихъ гнѣвъ. Я лучше покажу твоимъ воинамъ одно мѣстечко на дорогѣ. Недалеко отсюда, въ ивовой рощицѣ. Отличное мѣстечко: кажется, будто нарочно выдуманно, чтобы ловить птичекъ въ западню.

— Ну, а что, если она убѣжить?

— Не убѣжить, говорю тебѣ! Мѣсто такое, что лучшаго нарочно не выдумашь.

— Ну, хорошо!.. Пусть будетъ по-твоему. Не хочу оскорблять твоей чувствительной совѣсти, съ ироніей сказала Эвтибида.

Затѣмъ, послѣ небольшого раздумья, она прибавила:

— А не можетъ-ли какъ-нибудь случиться...

— Чего? спросилъ Стендидій.

— Что твои благочестивыя сомнѣнія снова проснутся завтра и заговорятъ такъ громко, что ты найдешь нужнымъ спастись отъ нихъ со всѣмъ своимъ добромъ... напримѣръ, въ Темезу?

При этихъ словахъ она устремила пронизательный взглядъ на жреца, стараясь угадать, что таится на днѣ этой продажной души.

— Что ты говоришь? Какъ это тебѣ пришло въ голову! воскликнулъ Стендидій съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства.

— Знаешь-ли, продолжала Эвтибида,—мнѣ пришла въ голову отличная мысль.

— Какая-же?

— А вотъ какая: ничего не говоря двумъ твоимъ товарищамъ, ты, вмѣстѣ со мной, спрячешь въ укромное мѣсто дары, которые я принесла твоему богу, и потомъ пойдешь со мной въ лагерь. Общаю, что ты останешься доволенъ сегодняшнимъ днемъ... Я устрою

въ честь твою великолѣпный пиръ, достойный такого благочестиваго жреца и честнаго гражданина какъ ты.

— Клянусь богами, ты, кажется, не довѣряешь мнѣ.

— Нѣтъ! Но бываютъ люди съ такой чувствительной совѣстью!..

— Но я право не знаю...

— Слѣдуетъ-ли тебѣ идти со мной? Но какъ-же быть иначе? Кто-же поможетъ мнѣ принести обѣщанные тебѣ десять талантовъ? Или пять? Я, кажется, обѣщала пять?

— Десять, десять, ты обѣщала десять!.. торопливо сказала Стендидій.

— Все равно. Если даже я сказала пять, это ошибка; я намѣрена принести въ жертву Богу десять талантовъ, если онъ поможетъ мнѣ въ моей нести.

Послѣ этихъ словъ, всякія колебанія сдѣлались невозможны, и Стендидій, спрятавъ хорошенько подаренныя ему вещи, послѣдовалъ за Эвтибидой въ римскій лагерь.

Крассъ настолько довѣрялъ теперь Эвтибидѣ, что позволялъ ей входить и уходить изъ лагера, когда и съ кѣмъ угодно. Ее пропустили безъ всякаго затрудненія чрезъ ворота лагера, и она провела жреца въ свою палатку, гдѣ въ пятидесяти-лѣтнемъ фалернскомъ онъ утопилъ печаль, причиненную ему недовѣріемъ гречанки.

Глубокой ночью Эвтибида, перекинувъ черезъ плечо мечъ и надѣвъ на голову маленькій стальной шлемъ, вышла вмѣстѣ съ Стендидіемъ изъ римскаго лагера, сопровождаемая двумя рабамикаппадокійцами, принадлежащими Марку Крассу.

Пока маленькая группа идетъ къ храму Марса Луканскаго, перенесемъ на минуту въ Темезу. Тамъ уже третій день флотилія Спартака ждетъ первой темной ночи, чтобы сняться съ якоря. Наконецъ, такая ночь наступила. Лишь только закатилось блѣдное солнце, скрывавшееся весь день въ сѣромъ туманѣ, Спартакъ приказалъ тихонько сняться съ лагера тремъ легионамъ, такъ-какъ большаго числа людей его маленькая флотилія не могла помѣстить, и повелъ ихъ къ морскому побережью. Размѣстившись по лодкамъ, одни изъ гладіаторовъ распустили паруса, другіе принялись за весла и около полуночи отвалили отъ берега.

Но тотъ-же вѣтеръ, который покрылъ небо черными облаками, мѣшалъ гладіаторамъ подвигаться впередъ. Несмотря на геркуле-

совскія усилія гребцовъ и матросовъ, флотилія не могла плыть къ Сициліи и была прибита вѣтромъ снова къ берегамъ материка. Однако, усердно работая веслами, гладіаторы проплыли довольно большое пространство вдоль берега. Но къ утру вѣтеръ настолько усилился, что грозилъ разбить всѣ суда о прибрежныя утесы. Тогда Граникъ, назначенный Спартакомъ начальникомъ первыхъ трехъ легионовъ, приказалъ пристать къ берегу и высадился близъ Никотеры, откуда тотчасъ-же отправилъ къ Спартаку легкую лодочку съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся.

Тѣмъ временемъ оба каппадокійца, приведенные Эвтибидою изъ лагеря, съ полуночи стояли въ засадѣ недалеко отъ дороги, ведущей изъ города въ храмъ Марса Луканскаго. Въ разстояніи полета камня стоялъ часоволь, за которымъ былъ расположенъ гладіаторскій сторожевой постъ. Отъ времени до времени порывъ вѣтра доносилъ до слуха каппадокійцевъ сдержанный гулъ голосовъ.

— Такъ ты говоришь, Эрциданъ, что намъ нужно во что-бы то ни стало захватить эту амазонку живьемъ? сказалъ чуть слышно одинъ изъ каппадокійцевъ другому.

— Да, Аскубари, нужно, отвѣчалъ Эрциданъ, — но только дѣло въ томъ, удастся-ли намъ это?

— Да, удастся-ли!

— Говоря откровенно, сказалъ снова Эрциданъ, — я заранѣе рѣшилъ, что если она начнетъ сопротивляться, то я ее тутъ-же и прикончу мечомъ или кинжаломъ. Вѣдь если намъ отсюда слышенъ шопотъ гладіаторовъ, то имъ оттуда будутъ очень хорошо слышны крики этой дѣвчонки.

— Еще-бы! И въ ту-же минуту они накинутся на насъ, и намъ не сдобровать; до гладіаторовъ — рукой подать, а до нашего лагеря часъ ходьбы.

— Твоя правда, твоя правда! Клянусь Юпитеромъ!.. Это предпріятіе начинаетъ меня беспокоить.

— А меня ужъ давно беспокоить.

Оба каппадокійца замолчали, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Послѣ довольно продолжительной паузы, одинъ изъ нихъ шепнулъ:

— Эрциданъ!

— Что?

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову?

— Вѣроятно, что дѣло это труднѣе, чѣмъ тебѣ казалось сначала?

— О, это мнѣ ужъ не разъ приходило въ голову! Нѣтъ, теперь я думалъ о томъ, какъ хорошо было-бы выпутаться изъ этого дѣла съ честью, не подвергаясь никакой опасности.

— Да, было-бы очень хорошо! Но только какъ-же это сдѣлать?

— Вотъ какъ: когда наша амазонка станетъ подходить къ намъ, мы оба возьмемся за луки и, въ разстояніи шаговъ двѣнадцати, пустимъ въ нее двѣ добрыя стрѣлы — одну въ шею, другую въ сердце. Тогда ужъ ей не крикнуть! Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Отлично, Аскубари!

— А той, Эвтибидѣ, мы скажемъ, что она начала сопротивляться и, волей-неволей, намъ пришлось ее прикончить.

— Превосходно!

— Ну такъ какъ-же? Ты согласенъ?

— Согласенъ!

— А увѣренъ-ли ты, Эрциданъ, что попадешь ей въ шею?

— Совершенно увѣренъ. А ты, Аскубари, не промахнешься?

— Вотъ увидишь.

Оба ваппадокійца приготовили луки и молча стали караулить, не спуская глазъ съ дорожки.

Эвтибида тѣмъ временемъ бродила по окрестности, нетерпѣливо ожидая, когда, наконецъ, займется заря. Часы казались ей безконечными. Разъ пять подходила она чуть-ли не къ самому сторожевому посту гладіаторовъ, сгорая нетерпѣніемъ увидѣть — не идетъ-ли Мирца. Наконецъ, взглянувъ на бѣлѣвшія на горизонтѣ вершины Аппениновъ, она замѣтила, что висѣвшія надъ ними тучки начинаютъ окрашиваться слабымъ оранжево-краснымъ цвѣтомъ. Ей вздохнулось легко: это значило, что занимается день.

Она снова вышла на дорожку и тихонько стала подходить къ гладіаторскому посту. Но не успѣла она сдѣлать и двухсотъ шаговъ, какъ ее остановилъ тихій, но грозный окрикъ:

— Кто идетъ?

Это былъ гладіаторскій патруль, обходившій на зарѣ всѣ сторожевые посты.

Ничего не отвѣчая, Эвтибида повернулась назадъ и бросилась бѣжать къ рощицѣ, стараясь дѣлать какъ можно меньше шума.

Не получивъ отвѣта, патруль, состоявшій изъ девана и пяти гладіаторовъ, погнался за ней.

Вскорѣ бѣглянка и ея преслѣдователи добѣжали до ивовой рошицы, гдѣ, съ натянутыми луками, стояли два каппадокійца.

— Слышишь топотъ? спросилъ Аскубари Эрцидана.

— Слышу.

— Такъ приготовься-же.

— Я готовъ!

Первые лучи зари начали уже нѣсколько разсѣвять ночную темноту, и сквозь утренній туманъ каппадокійцы могли разглядѣть маленькаго воина, быстро приближавшагося въ нимъ.

— Она! шепнулъ Аскубари своему товарищу.

— Да... на ней кольчуга... шлемъ... и она такъ мала, что не можетъ быть мужчиной. Цѣлься!

Оба каппадокійца прицѣлились, и черезъ нѣсколько мгновеній двѣ стрѣлы, свистя, соскочили съ тетивъ и вонзились—одна въ бѣлую шею, другая въ серебряную кольчугу Эвтибиды.

Пронзительный, протяжный крикъ раздался въ ночной тишинѣ, и въ ту-же минуту каппадокійцы услышали топотъ приближавшагося гладіаторскаго патруля и громкій крикъ:

— Къ оружію!

Каппадокійцы бросились бѣжать со всѣхъ ногъ по направленію къ римскому лагерю, между тѣмъ какъ патруль остановился, наткнувшись на Эвтибиду, лежавшую посреди дороги.

Она истекала кровью и стонала отъ боли, но не могла проговорить ни слова.

Гладіаторы наклонились надъ нею; всѣ шестеро разомъ спросили, кто она и гдѣмъ она ранена.

Въ это время солнце уже показалось изъ-за горизонта и освѣтило лицо раненой.

— Эвтибида! вскричали всѣ шестеро въ одинъ голосъ.

Въ эту минуту прибѣжали гладіаторы сторожевого поста вмѣстѣ съ сотникомъ, и всѣ столпились вокругъ гречанки.

— Она ранена; стало-быть, кто-то здѣсь былъ, сказалъ сотникъ.—Бѣгите въ догонку за ея убійцами. Они не могли уйти далеко.

Пятьдесятъ гладіаторовъ побѣжали по направленію къ храму

Марса Луканскаго. Прочіе мрачно стояли вокругъ окровавленнаго тѣла женщины, причинившей имъ столько зла.

Эвтибида, блѣдная какъ полотно, металась въ предсмертныхъ мукахъ, склоняя голову то на одно плечо, то на другое. Отъ времени до времени она стонала отъ боли и бѣшенства и судорожно открывала ротъ, какъ-будто желая произнести проклятіе.

— Эвтибида! Подлая предательница! воскликнулъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія сотникъ. — Что ты здѣсь дѣлала въ такую пору? Кто тебя ранилъ? Я ничего не понимаю... но увѣренъ, что тутъ кроется какое-нибудь новое предательство...

Эвтибида испустила отчаянный стонъ и сдѣлала рукою знакъ, чтобъ ее оставили одну.

— Нѣтъ, сурово проговорилъ сотникъ, — ты измѣнически погубила тридцать тысячъ нашихъ братьевъ, — пусть-же наше присутствіе напоминаетъ тебѣ о твоихъ злодѣйствахъ и дѣлаетъ болѣе ужасными твои предсмертныя муки.

Въ это время пятьдесятъ гладіаторовъ, погнавшихся за каппадокійцами, вернулись назадъ запыхавшіеся, ведя съ собою Эрцидана; раненный стрѣлою въ ногу, онъ попался въ плѣнъ, другому удалось спастись.

Каппадокіецъ тотчасъ-же рассказалъ все, что ему было извѣстно, и гладіаторы поняли въ чемъ дѣло.

— Что случилось? спросилъ въ эту минуту женскій голосъ.

Это была Мирца, шедшая въ храмъ Марса Луканскаго въ сопровожденіи Петуль.

— Эвтибида приготовила для тебя западню, отвѣчалъ сотникъ, — но вмѣсто тебя сама въ нее попала.

Гладіаторы разступились; Мирца вошла въ кругъ и увидѣла предъ собою умирающую Эвтибиду.

Услыхавъ голосъ ненавистой ей сестры Спартака, Эвтибида подняла голову и, устремивъ на нее глаза, полные безсильной злобы и отчаянія, попыталась что-то сказать, но посинѣлыя губы ея только исказились судорожной гримасой. Она вытянула впередъ руки, сдѣлала отчаянную попытку броситься на нее, но, испустивъ послѣдній стонъ, закрыла глаза, безсильно откинула назадъ голову и упала на землю бездыханная.

— Слава богамъ! воскликнулъ сотникъ. — Покрайней мѣрѣ на этотъ разъ птицеловъ попался въ собственныя сѣти.

ГЛАВА XXII.

Последніа вѣтви.—Браданское пораженіе.

Въ то самое время когда Эвтибида получала достаточное вознаграженіе за всѣ свои злодѣяства, въ Темезскую гавань прибыла лодочка съ вѣстникомъ, посланнымъ Граникомъ къ вождю гладіаторовъ.

Спартакъ былъ очень огорченъ неудачей переправы и долго обдумывалъ, что ему предпринять. Наконецъ, обращаясь къ Арториксу, онъ сказалъ:

— Ну что-жь! Разъ Граникъ съ пятнадцатью тысячами стоитъ у Никотеры, отчего-бы намъ не перевезти туда - же всего войска? Въ горахъ мы будемъ непобѣдимѣе, чѣмъ за стѣнами этой крѣпости.

Въ теченіи восьми ночей онъ дѣйствительно перевезъ туда все свое войско. Каждую ночь онъ дѣлалъ вылазки, чтобы лучше скрыть свои намѣренія.

Но какъ только самъ Спартакъ съ послѣдними тремя легіонами отплылъ отъ берега, темезинцы бросились къ Крассу увѣдомить его обо всемъ случившемся.

Крассъ пришелъ въ неистовую ярость, узнавъ объ исчезновеніи врага, котораго онъ уже считалъ въ своихъ рукахъ. Онъ жестоко бранилъ темезинцевъ, что они, по трусости, не увѣдомили его какимъ-нибудь способомъ о приготовленіяхъ Спартака и лишили его, такимъ образомъ, возможности однимъ ударомъ покончить эту позорную войну.

Наложивъ тяжелую пеню на городъ за его малодушіе, Крассъ въ тотъ-же день снялся съ лагеря и пошелъ на Никотеру. Но движеніе по дурнымъ горнымъ дорогамъ потребовало гораздо больше времени, чѣмъ переправа моремъ, бывшая для Красса невозможною, такъ-какъ гладіаторы забрали рѣшительно всѣ годныя къ плаванію суда. Когда Крассъ подступилъ къ Никотерѣ, Спартака тамъ уже не было. Онъ уже нѣсколько дней какъ ушелъ далѣе къ югу, провозглашая повсюду освобожденіе рабовъ и набирая новыя силы. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Сцилли (нынѣ Реджіо), гдѣ рѣшился укрѣпиться и ждать римлянъ. За-

навъ чрезвычайно крѣпкія позиціи, онъ окружилъ свой лагерь такимъ высокимъ частоколомъ и окопалъ такимъ глубокимъ рвомъ, что Крассъ нашелъ его неприступнымъ.

Тогда римскій военачальникъ приказалъ приступить къ гигантской работѣ, которая показалась-бы намъ неправдоподобной, если-бы о ней не свидѣтельствовали единогласно всѣ историки этой эпохи.

„Подойдя къ непріятельскому валу и видя его неприступность, онъ задумалъ построить отъ моря до моря стѣну въ триста стадій, чтобы отрѣзать врагамъ возможность добывать себѣ съѣстные припасы и голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ. Велика была эта работа и до такой степени трудна, что ее считали превосходящей человѣческія силы. Однако, въ непродолжительный срокъ, онъ воздвигъ эту стѣну, снабдивъ ее рвомъ, шириною и глубиною въ тридцать локтей“ *).

Въ то время какъ сто тысячъ римлянъ работало надъ этой цивилической постройкой, Спартакъ обучалъ два новыхъ легіона, образованные изъ одиннадцати тысячъ рабовъ, собранныхъ имъ во время послѣдняго похода. Никакого безпокойства или волненія нельзя было замѣтить въ немъ; онъ уже обдумалъ средство выйти изъ западни, которую съ такими невѣроятными трудностями устраивалъ ему Крассъ.

— Скажи мнѣ, Спартакъ, обратился къ нему однажды его любимецъ Арториксъ, — развѣ ты не замѣчаешь, что римляне заперли насъ какъ мышей въ мышеловкѣ.

— Ты думаешь?

— Но какъ-же это не думать? Они скоро кончатъ стѣну, и тогда намъ ни входа, ни выхода.

— На Везувіи бѣдняга Клодій Глабръ тоже думалъ поймать насъ какъ мышей въ мышеловку.

— Но черезъ десять дней нечего будетъ ѣсть!

— Кому?

— Намъ.

— Добудешь.

— Но откуда, когда намъ не будетъ выхода изъ лагера?

*) Плутархъ.

— А кто-же тебѣ сказалъ, мой милый Арториксъ, что черезъ десять дней мы еще останемся въ этомъ лагерѣ?

Замолчалъ Арториксъ и опустилъ голову, пристыженный мыслью, что усумнился въ своемъ вождѣ. Но Спартакъ подошелъ къ нему и, ласково ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлалъ Арториксъ, предупредивъ меня, что у насъ припасовъ всего на десять дней. А насчетъ нашей участи не бойся: я уже придумалъ какъ намъ выбраться отсюда и оставить Красса съ разинутымъ ртомъ предъ своей громадной стѣной.

— Но все-таки нужно сказать, этотъ Крассъ хорошій полководецъ.

— Лучшій изъ всѣхъ, съ которыми намъ пришлось сражаться до сихъ поръ, отвѣчалъ Спартакъ.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— А все-таки онъ насъ не побѣдил!

— И не побѣдитъ, пока ты живъ!

— Я такой-же человѣкъ какъ и всѣ.

— Нѣтъ, ты человѣкъ, какого еще не рождала женщина! съ энтузіазмомъ воскликнулъ Арториксъ. — Только ты, ты одинъ могъ создать изъ приниженныхъ рабовъ это грозное войско. Пока ты живъ, оно будетъ побѣждать римскіе легіоны, будетъ дѣлать по тридцати миль въ день, будетъ переносить голодъ, жажду и всѣ лишения, будетъ совершать невозможное. Умри ты — оно разсѣется, какъ дымъ: черезъ двадцать дней война кончится и отъ шестнадцати нашихъ легіоновъ останется одно имя. О, да сохранять тебя боги до дня окончательной побѣды!

— Такъ ты вѣришь въ возможность окончательной побѣды? грустно покачавъ головою, спросилъ Спартакъ.

— Отчего-же мнѣ не вѣрить въ нее?

— Оттого-что изъ десяти милліоновъ рабовъ, стонущихъ подъ римскимъ ярмомъ, подъ наши знамена не собралось и ста тысячъ, оттого-что рабство слишкомъ принизило души этихъ несчастныхъ, и въ нихъ нѣтъ больше силъ разорвать свои цѣпи; вотъ почему мы не можемъ побѣдить и не побѣдимъ. Если еще была надежда на побѣду, то въ Италия, при помощи покоренныхъ, но не порабощенныхъ народовъ. Здѣсь-же намъ остается только погибнуть, и мы погибнемъ!

Онъ замолчалъ. Потомъ со вздохомъ прибавилъ:

— Пусть, по крайней мѣрѣ, наша борьба послужитъ благороднымъ примѣромъ потомкамъ! Пусть наша кровь будетъ сѣменемъ свободы.

Восемь дней спустя послѣ описаннаго разговора, вечеромъ, центуріоны и деканы всѣхъ легіоновъ, обходили всѣ палатки гладіаторовъ, передавая имъ приказанія Спартака сниматься съ лагеря, какъ можно тише, не дожидаясь обычнаго сигнала.

Всадники еще наканунѣ, по его-же приказанію, отправились въ прилегавшій къ тылу лагеря лѣсъ и навезли оттуда огромное количество прутьевъ, сучьевъ и бревенъ.

Съ наступленіемъ ночи, гладіаторы зажгли въ своемъ лагерѣ бивуачные огни, и Спартакъ, пользуясь дождемъ и снѣгомъ, дѣлавшими темную осеннюю ночь еще болѣе непроглядною, тихо вывелъ свои легіоны изъ-за окоповъ и повелъ ихъ къ берегу Тарентскаго залива, гдѣ всего грознѣе возвышалась римская стѣна и гдѣ римляне, вполнѣ убѣжденные въ ея неприступности, не держали даже карауловъ. Тутъ онъ приказалъ бросать въ ровъ бревна и фашины, привезенныя восьмью тысячами всадниковъ изъ лѣса, затѣмъ поверхъ фашинъ было положено шесть тысячъ мѣшковъ съ землею, заранѣе приготовленные гладіаторами. Когда, такимъ образомъ, образовалась громадная насыпь, наравнѣ со стѣной, Спартакъ спокойно перешелъ по ней со своими легіонами на другую сторону *).

Передавъ начальство надъ войскомъ Граніеву, онъ приказалъ ему идти впередъ, не обращая вниманія ни на снѣгъ, ни на непогоду, пока не дойдетъ до самой Кавлоніи, отстоявшей въ пяти дняхъ пути отъ римскаго лагеря. Самъ-же онъ со всей конницей скрылся въ ближайшемъ лѣсу. Такъ-какъ римляне рѣшительно не допускали возможности нападенія съ тыла, то Спартакъ могъ два дня простоять никѣмъ не замѣченный, заботясь лишь о томъ, чтобы всѣ случайно натолкнувшіеся на его отрядъ крестьяне и путешественники забирались въ плѣнъ.

На третій день, провѣдавъ, что два римскихъ легіона производятъ фуражировку по сосѣдству, онъ совершенно неожиданно напалъ на нихъ и въ какіе нибудь полчаса разбилъ на голову и гналъ до самаго римскаго лагеря, изрубивъ больше половины.

*) Плутархъ.

Затѣмъ, не давъ Крассу времени оправиться отъ удивленія, причиненнаго появленіемъ съ тылу непріятеля, котораго онъ караулилъ съ фронта, Спартакъ повернулъ назадъ и унесся по дорогѣ въ Кавлонію.

— Фуриі ада! съ бѣшенствомъ вскричалъ Крассъ, ударивъ себя кулакомъ по лбу.—Враждебный римскому народу богъ взялъ подъ свое покровительство этого гладіатора! Я окружаю его—онъ ускользаетъ; я разбиваю его—онъ набираетъ новыя войска и возвращается сильнѣе прежняго; я жду, что не сегодня-завтра онъ сдася отъ голода—онъ нападаетъ на меня съ тылу! Это настоящій колдунъ и заклинатель!

— Нѣтъ—это просто великій полководецъ!

Такъ отвѣчалъ молодой Катонъ, заслужившій своей храбростію, выносливостію и соблюденіемъ дисциплины званіе контуберналія при римскомъ вождѣ.

Маркъ Крассъ окинулъ дерзкаго юношу гнѣвнымъ взглядомъ и, казалось, хотѣлъ-было дать ему грозный урокъ за его непрошенное вѣщательство, но, сдержавшись, спокойно сказалъ:

— Ты, кажется, правъ, смѣлый юноша.

— Если ты называешь меня смѣлымъ потому, что я говорю правду, то смѣлѣе меня не было человѣка на землѣ! гордо отвѣчалъ Катонъ.

Замолчалъ Крассъ. Молчали Скрофа, Мушіи и прочіе вожди, погруженные въ тяжелыя размышленія. Наконецъ, Крассъ сказалъ:

— Гнаться за нимъ можно, но догнать—никогда; онъ несется какъ вѣтеръ и уже опередилъ насъ на нѣсколько дней... А между тѣмъ, у него восемьдесятъ тысячъ человѣкъ!.. Что, если съ такими силами онъ бросится на Римъ? О боги, а я вчера еще писалъ сенату, что войну отнынѣ можно считать оконченною... Что намъ дѣлать?.. Какъ помочь бѣдѣ?..

Въ отвѣтъ на эти вопросы Красса, вожди единогласно заявили, что слѣдуетъ тотчасъ-же обо всемъ донести сенату, объявивъ ему, что теперь война приняла еще болѣе грозный характеръ, чѣмъ прежде, и что для окончанія ея необходимо выслать противъ Спартака, кромѣ арміи Красса, еще армію Помпея, возвращающагося изъ Испаніи послѣ Серторіанской войны, и армію Лукулла, побѣдившаго Митридата и находящагося на пути въ Ита-

лію. Поставленный такимъ образомъ между трехъ стотысячныхъ арій, предводительствуемыхъ тремя лучшими полководцами республики, Спартакъ въ нѣсколько дней, разумѣется, будетъ уничтоженъ. Иначе война можетъ затянуться на неопредѣленный срокъ; одинъ Крассъ не въ состояніи покончить ее.

Несмотря на всю горечь такого совѣта, Крассъ послѣдовалъ ему и отправилъ въ сенатъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ послать гонцовъ къ Помпею и Лукуллу, чтобы поторопить ихъ возвращеніе на родину *). Затѣмъ, снявшись съ лагеря, онъ двинулся по слѣдамъ гладиаторовъ.

Между тѣмъ, Спартакъ, догнавъ свои легіоны у Кавлоніи, повелъ ихъ дальше къ сѣверу, по направленію къ Поликаструму. Но здѣсь онъ былъ остановленъ новымъ бунтомъ, снова возбужденнымъ тѣмъ-же Каіемъ Каниціемъ. Склонивъ на свою сторону пять легіоновъ, онъ кричалъ, что слѣдуетъ разбить Красса и потомъ идти на Римъ. Ни просьбы, ни угрозы не могли помочь, и Каі Каницій съ пятью легіонами окопался миляхъ въ десяти отъ Спартака **).

Спартакъ отправилъ Граника и Арторикса убѣдить его вернуться, но Каницій и его товарищи твердили одно и то-же, что мѣстность очень благопріятна и что слѣдуетъ ждать здѣсь Красса и дать ему рѣшительную битву.

Огорченный безумнымъ упорствомъ отдѣлившихся отъ него легіоновъ, Спартакъ не имѣлъ духа бросить ихъ на произволь судьбы, зная, что въ такомъ случаѣ имъ грозитъ поголовное истребленіе. Онъ рѣшился ждать, пока они одумаются, и такимъ образомъ терялъ драгоцѣнное время, давая возможность римлянамъ навестать все то, что онъ такъ счастливо выигралъ.

Дѣйствительно, на четвертый день, Крассъ, двигавшійся почти съ такой-же быстротой какъ и Спартакъ, показался передъ высотами, занимаемыми легіонами Каниціи. Завязалась битва. Тридцатитысячный корпусъ Каія Каниція стойко выдерживалъ напоръ почти стотысячной римской арміи, но, разумѣется, былъ-бы истребленъ, если-бы на выручку къ нему не подоспѣлъ со всѣми своими силами Спартакъ. Съ прибытіемъ его, битва загорѣлась съ

*) Плутархъ, Аппіанъ Александрійскій.

***) Плутархъ.

удвоенной яростью и продолжалась до наступленія ночной темноты. Гладіаторы потеряли двѣнадцать тысячъ, римляне десять тысячъ человѣкъ, но ни одна изъ сторонъ не уступила другой ни няди земли.

Однако, ночью Спартакъ, уступавшій Крассу численностью, снялся съ лагеря и, возстановивъ согласіе въ своей арміи, двинулся со всѣми силами къ Бизаніануму. Крассъ пошелъ по его пятамъ, не рѣшаясь, однако, напасть на него.

Но не долго царилъ согласіе въ лагерѣ гладіаторовъ. Каниціи и Бастъ снова начали смуту и, отдѣлившись отъ Спартака со своими двумя легіонами, расположились лагеремъ въ шести миляхъ отъ него. Спартакъ снова остановился.

Два дня стоялъ Крассъ въ виду гладіаторскаго войска, осматривая позицію и готовясь къ рѣшительной битвѣ. На третій онъ послалъ ночью одинъ изъ своихъ легіоновъ въ обходъ позиціи Каниціи, приказавъ ему спрятаться за горою и ударить въ тылъ гладіаторамъ только тогда, когда Скрофа съ тремя другими легіонами нападетъ на нихъ съ фронта. Такимъ способомъ Крассъ надѣялся истребить оба отдѣлившіеся легіона, прежде чѣмъ Спартакъ подоспѣетъ имъ на помощь. Затѣмъ онъ разсчитывалъ безъ труда разбить и самого Спартака, у котораго послѣ такой потери должно было оставаться всего пятьдесятъ-восемь тысячъ человѣкъ, тогда какъ у него ихъ было девяносто.

Ливій Мамеркъ, начальникъ легіона, посланнаго въ тылъ Каниціи и Басту, исполнилъ это движеніе съ такимъ искусствомъ, что гладіаторы ничего не замѣтили. Опасаясь, что блескъ шлемовъ и панцирей подъ солнечными лучами откроетъ присутствіе его воиновъ, Мамеркъ приказалъ имъ обмотать себѣ голову и грудь ползучими травами и вѣтвями виноградниковъ *).

Въ такомъ видѣ солдаты тихо лежали за холмомъ, выжидая времени. Но на бѣду римлянъ, на вершущѣ скрывавшаго ихъ холма, стоялъ маленькій храмикъ, посвященный Юпитеру-Освободителю.

Мирца, безпредѣльно преданная брату и притомъ чрезвычайно набожная, никогда не упускала случая принести жертву богамъ, въ надеждѣ тѣмъ снискать ихъ покровительство Спартаку

*) Пугаркъ.

и его войску. Въ этотъ день она, въ сопровожденіи своей неразлучной Цегуль, тоже пошла въ храмъ отца боговъ, заклать на его алтарѣ бѣлаго козленка. Взойдя на вершину холма, она увидѣла лежавшихъ въ травѣ римскихъ солдатъ; засада была такимъ образомъ открыта двумя женщинами, приносившими жертву богамъ *).

Не подавъ и вида о своемъ открытіи, Мирца совершила обрядъ жертвоприношенія и затѣмъ тотчасъ-же спустилась съ холма и побѣжала предупредить Кая Каниція о поставленной римлянами засадѣ. Потомъ она сѣла на коня и поскакала извѣстить Спартава.

Не теряя времени Каницій и Кастъ вывели свои легіоны и стремительно бросились на Ливія Мамерка. Послѣдній мужественно встрѣтилъ неожиданное нападеніе и тотчасъ-же послалъ къ Крассу контуберналія съ просьбой о поддержаніи. Крассъ немедленно послалъ къ нему два легіона. То-же самое сдѣлалъ и Спартакъ. Эта стычка разрослась и вскорѣ превратилась въ рѣшительную битву. Бой продолжался съ такимъ ожесточеніемъ, *какого еще не было ни въ одной изъ предъидущихъ битвъ **).* Только ночная темнота заставила сражающихся разойтись.

Римлянъ погубило одиннадцать слишкомъ тысячъ; гладіаторовъ двѣнадцать тысячъ триста, въ томъ числѣ и начальники легіоновъ Каницій, Кастъ и Индумаръ, храбро сражавшіеся въ первыхъ рядахъ.

Четыре часа спустя послѣ битвы, Спартатъ снялся съ лагера и снова ушелъ въ горы.

На другой день Крассъ, осматривая поле сраженія, къ удивленію своему и всего своего войска, замѣтилъ, что изъ всѣхъ убитыхъ гладіаторовъ *только двое были ранены въ спину, всѣ же прочіе погибли отъ ранъ спереди, борясь лицомъ къ лицу съ неприятелемъ ***).*

Послѣ Клармонской битвы, когда Спартакъ снова укрылся въ горы, Крассъ горько пожалѣлъ, что написалъ сенату письмо съ просьбой поторопить возвращеніе Помпея и Лукулла. Въ дѣйствительности онъ одинъ выдерживалъ всю тяжесть войны и настолько обезси-

*) Плутархъ.

**) Плутархъ.

***) Плутархъ.

лилъ Спартака, что тотъ уже не рѣшался вступить съ нимъ въ открытый бой; а между тѣмъ честь окончанія войны припишутъ себѣ два другіе полководца. Крассъ рѣшился ускорить развязку и окончательно раздавить гладиаторовъ, прежде чѣмъ двинется въ Луканію Помпей, уже прибывшій со своимъ войскомъ въ Римъ. Съ этою цѣлью, поручивъ своему квестору Скрофѣ преслѣдовать Спартака по пятамъ, не давая ему ни одного дня отдыха, онъ самъ, взявъ съ собой всего двадцать тысячъ человѣкъ, послѣдно двинулся къ Потенціа, разсылая во всѣ города своихъ трибуновъ для набора новыхъ легионовъ и обѣщая богатныя награды всѣмъ, кто добровольно поступитъ въ его войско.

Такимъ образомъ въ самомъ непродолжительномъ времени онъ набралъ три новыхъ легиона.

Не зная, что Крассъ раздѣлилъ свои силы, Спартакъ кружилъ по Луканскимъ горахъ, желая утомительными переходами измучить римскую армію и затѣмъ уже напасть на нее при выгодныхъ для себя условіяхъ, когда ея численное превосходство будетъ мѣнѣе чувствительно. Согласно приказанію Красса, Скрофа неотступно преслѣдовалъ гладиаторовъ, нападая при всякомъ удобномъ случаѣ на ихъ арьергардъ. Нерѣдко ему удавалось захватывать въ плѣнъ десятокъ другой гладиаторовъ, которыхъ онъ и вѣшалъ по дорогѣ. Нечего и говорить какое бѣшенство возбуждало въ Спартакѣ такое безчеловѣчіе и какую въ немъ возбуждало жажду мести.

Однажды, дойдя до рѣки Казуентуса, разлившейся отъ недавнихъ дождей, гладиаторское войско должно было остановиться для наведенія пловучаго моста. Этимъ воспользовался Скрофа и, направъ со всей своей кавалеріей на хвостъ гладиаторской колонны, отрѣзалъ отъ арьергарда нѣсколько сотъ человѣкъ.

Это привело Спартака въ такую ярость, что онъ тотчасъ-же далъ сигналъ къ бою; выстроивъ свои легионы, онъ сказалъ, что теперь имъ нужно побѣдить, либо умереть: за спиной у нихъ рѣка, и имъ нѣтъ никакого спасенія въ случаѣ пораженія.

Гладиаторскіе легионы кинулись на римлянъ съ остервенѣніемъ; черезъ два часа битва была рѣшена окончательно. Римляне бѣжали. Напрасно Скрофа бросался въ самыя опасныя мѣста, думая своимъ примѣромъ остановить бѣгущихъ. Напрасно трибуны съ горстью храбрыхъ силились удержатъ напоръ гладиаторовъ. Охваченные паническимъ страхомъ, римляне бѣжали, и самъ кве-

сторъ, раненный въ ногу и въ лицо, съ большимъ трудомъ былъ спасенъ отъ плѣна отрядомъ своей кавалеріи *).

Пораженіе римлянъ было полное. Десять слишкомъ тысячъ ихъ легло на полѣ битвы, тогда-какъ гладіаторы потеряли всего восемь-соть человѣкъ. Паническій страхъ, охватившій римскихъ солдатъ, былъ такъ великъ, что, переправившись вплавь черезъ Акри, гдѣ многіе изъ нихъ утонули, они бѣжали до самой крѣпости Турись, отстоявшей въ двухъ дняхъ пути отъ мѣста ихъ пораженія.

Велико было ликование гладіаторовъ. Ободренные этой внезапной побѣдой, они послали къ Спартаку выборныхъ, прося его вести ихъ снова на враговъ и обѣщая такую-же рѣшительную побѣду.

Но Спартакъ не послушался ихъ просьбъ. Крассъ со всѣми своими легионами уже мчался на соединеніе съ квесторомъ. Благодаря полученнымъ имъ подкрѣпленіямъ, даже послѣ недавнихъ потерь, силы его достигали ста-десяти тысячъ человѣкъ, тогда-какъ у Спартака ихъ было всего шестьдесятъ. Пророчество его о невозможности борьбы съ Римомъ на итальянской почвѣ начинало сбываться.

Прибывъ въ Турись, Крассъ осматривалъ упреками своихъ бѣглецовъ и повлялся, что вторично подвергнетъ ихъ децимированію, если только они еще разъ побѣгутъ предъ гладіаторами. Затѣмъ, простоявъ въ крѣпости нѣсколько дней, онъ снова пошелъ на Спартака, стоявшаго, какъ онъ узналъ черезъ своихъ развѣдчиковъ, лагеремъ на берегу Брадана.

Прошло десять дней послѣ казуэнтской битвы. Спартакъ задумчиво шелъ по дозорной дорогѣ своего лагеря, когда къ нему подошелъ одинъ изъ его контуберналиевъ и сказалъ, что три гладіатора, только-что прибывшіе изъ Рима, привезли ему какое-то очень важное письмо.

Спартакъ тотчасъ пошелъ въ свою палатку, гдѣ увидалъ трехъ гладіаторовъ, переодѣтыхъ крестьянами. Письмо, привезенное ими, было отъ Валеріи Мессалы.

Поблѣднѣлъ Спартакъ, услыхавъ дорогое ему имя, и дрожащими руками взялъ свертокъ папируса. Оставшись одинъ, онъ развернулъ папирусъ и прочелъ слѣдующее:

*) Плутархъ.

„Непобѣдимому и доблестному Спартаку отъ Валеріи Мессалы
привѣтъ“.

„Такъ-какъ всемогущіе боги оказались враждебными твоему благородному предпріятію, о мой возлюбленный Спартакъ; такъ-какъ, всѣ побѣды, которыя ты, благодаря своему нечеловѣческому мужеству и великимъ дарованіямъ, въ теченіи трехъ лѣтъ одерживалъ надъ римскими легіонами, не привели ни къ чему; такъ-какъ твое дѣло осуждено отнынѣ на неминуемую гибель, потому-что противъ тебя призванъ изъ Азіи Лукуллъ и въ эту самую минуту выступаетъ изъ Рима Помпей со всей своей арміей, то залинаю тебя твоей любовью, именемъ нашей бѣдной Постуміи, откажись отъ борьбы, ставшей совершенно невозможной.

„Женщина, которую ты любишь, не можетъ просить тебя ни о чемъ недостойномъ тебя. Положить оружіе послѣ трехъ лѣтъ борьбы, послѣ столькихъ побѣдъ, обезсмертившихъ твое имя—не постыдно: ты побѣжденъ не врагами, а злымъ рокомъ, противъ котораго безсильны человѣческая доблесть и мужество.

„Прежде чѣмъ явятся на поле дѣйствія Помпей и Лукуллъ, сдѣйся Брассу. Не желая уступить чести побѣды надъ тобой своимъ соперникамъ, онъ согласится на почетныя для тебя условія.

„Откажись-же отъ того, что уже отнято у тебя судьбой, и вернись ко мнѣ, въ мою Тускуланскую виллу, гдѣ ждетъ тебя любовь самая нѣжная, самая пламенная, какою только когда нибудь зналъ человѣкъ. Вдали отъ людей съ ихъ тревоженіями, мы съ нашей дочерью проведемъ весь остатокъ нашей жизни среди самаго безоблачнаго счастья.

„О Спартакъ, несчастная мать вмѣстѣ съ беззащитной дочерью на колѣняхъ молятъ тебя — сохрани себя для нихъ! Рука моя дрожитъ, и слезы сами собой падаютъ на папирусъ. Сжался-же надо мной! Я умру отъ отчаянія, если тебя не станетъ!..

Валерія“.

Что чувствовалъ злополучный гладіаторъ, читая это письмо, невозможно и передать словами. Слезы катились по его щекамъ и падали на папирусъ, смоченный слезами Валеріи. Дочитавъ письмо, онъ поднесъ его къ губамъ и страстно, бѣшено сталъ цѣловать, рыдая какъ безумный. Потомъ онъ опустился на скамейку и, съ отчаяніемъ схватившись за голову руками, принялся думать.

Долго сидѣлъ онъ неподвижно, и только по тяжелому дыханію

и первому подергиванію мускуловъ на лицѣ, можно было догадаться о тяжелыхъ испытываемыхъ имъ мукахъ. Наконецъ, онъ какъ-будто очнулся, вытеръ глаза и, поцѣловавъ еще разъ письмо Валеріи, спряталъ его на грудь. Потомъ онъ надѣлъ кольчугу и шлемъ, опоясался мечомъ, взялъ въ руку щитъ и, пославъ за Маммилиемъ, приказалъ ему быть готовымъ съ тремястами всадниковъ къ выступленію.

Четверть часа спустя, переговоры предварительныя съ Граникомъ, Спартакъ во главѣ отряда выѣхалъ изъ лагеря.

Не успѣлъ онъ покинуть палатку, какъ туда вошла Мирца въ сопровожденіи Арторикса.

Молодой гладиаторъ умолялъ дѣвушку открыть ему, наконецъ, роковую тайну, недозволявшую ей быть его женою. Мирца, по обыкновенію, отказывалась со слезами и вздохами.

— Но я не могу, не могу жить такъ долѣе, говорилъ Арториксъ.—Если ты мнѣ расскажешь все,—почемъ знать, быть можетъ, я тоже покорюсь неотвратимой судьбѣ. Но знать о твоей любви, чувствовать возможность счастья и отказываться отъ него по какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ—это невозможно, это превосходить силы человѣческія!

— Арториксъ, умоляю тебя, именемъ твоихъ боговъ, именемъ Спартака—не настаивай больше. Если-бъ ты зналъ какъ ты меня терзаешь! Я не могу, не могу ничего сказать тебѣ!

— Ну, такъ слушай-же Мирца, вскричалъ Арториксъ, обезумѣвъ отъ горя.—Если ты не можешь открыть мнѣ этой тайны, то и я, клянусь тебѣ, не могу выносить долѣе такой пытки. Видѣть тебя каждый день, любоваться твоей чудной красотой, знать о твоей любви и на-вѣки отказаться отъ тебя—я не въ силахъ. Лучше разомъ покончить съ собой! Прощай!

Съ этими словами онъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и высоко занесъ его надъ своимъ сердцемъ.

— Остановись! Остановись! раздирающимъ голосомъ вскричала Мирца, бросаясь къ нему на шею.—Я все, все расскажу тебѣ...

Рыданія не дали ей докончить.

— Лучше опозорить себя... въ твоихъ глазахъ, продолжала она сквозъ слезы,—чѣмъ видѣть твою смерть... Слушай... я не

могу быть твоей... потому-что я... о, мой милый, какая пытка! Нѣтъ, погоди, я все скажу тебѣ...

Она снова зарыдала и, закрывъ лицо руками, нѣсколько минутъ не могла выговорить ни слова. Но сдѣлавъ надъ собой отчаянное усиліе, она проговорила:

— Рабыня... подъ палкой хозяина сводника... я... я... была продажной женщиной!

Она въ изнеможеніи опустила голову и, казалось, готова была лишиться чувствъ.

Лицо Арторикса исказилось, глаза свергнули ненавистью и, поднявъ вверхъ руку, вооруженную кинжаломъ, онъ крикнулъ:

— О, будьте вы прокляты, гнусные торговцы человѣческимъ тѣломъ!

Потомъ, бросившись къ ногамъ несчастной дѣвушки, онъ схватилъ ее за руки и, покрывая ихъ горячими поцѣлуями, повторять:

— О, не плачь, не плачь, моя милая! Что-жъ? Развѣ ты менѣе чиста, менѣе невинна отъ этого? Насиліемъ могли осквернить твое тѣло, но не твою душу!

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня! воскликнула Мирца, вырывая руки и снова закрывая ими лицо.— Я должна бѣжать отъ тебя, скрыть свой позоръ, я не въ силахъ теперь смотрѣть тебѣ въ глаза...

Съ этими словами она вырвалась, скрылась во внутренность палатки и бросилась на шею своей вѣрной Цетуль.

Арториксъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ глазами полными любви на пологъ, за которымъ исчезла дѣвушка, и ушелъ со вздохомъ облегченія; препятствіе, казавшееся Мирцѣ непреодолимымъ, вовсе не было такимъ въ его глазахъ.

На другой день, вскорѣ послѣ солнечнаго восхода, къ Марку Крассу, стоявшему лагеремъ въ разстояніи одного дня пути отъ Спартака, явился всадникъ съ вощенной табличкой, на которой было написано слѣдующее:

„Марку Лицинію Крассу, императору, отъ Спартака
привѣтъ.“

„Мнѣ нужно переговорить съ тобою. Въ десяти миляхъ отъ твоего лагеря, въ десяти отъ моего, на большой Опидіевой дорогѣ стоитъ вилла патриція Тита Осилія. Я жду тебя тамъ съ

тремя стами своихъ всадниковъ. Не пожелаешь-ли ты прибыть туда-же съ тремя стами своихъ? Честно явился я къ тебѣ и полагаюсь вполне на твою честность.

Спартакъ“.

Крассъ тотчасъ-же согласился на это предложеніе; позвавъ къ себѣ гладіаторскаго гонца, онъ приказалъ ему вернуться тотчасъ-же къ Спартаку и передать отъ его имени, что черезъ четыре часа онъ будетъ въ указанномъ мѣстѣ и что съ своей стороны полагается на честность гладіатора точно такъ, какъ Спартакъ положился на его честность.

За два часа до полудня Крассъ подѣхалъ въ виллѣ Тита Осилія во главѣ трехсотъ римскихъ всадниковъ. У воротъ его встрѣтилъ Маммилій, одинъ изъ центуріоновъ и десять дебановъ гладіаторскаго отряда. Принявъ коня, они почтительно провели римскаго полководца въ маленькую пинакотеку, гдѣ ждалъ его Спартакъ. Услыхавъ шумъ шаговъ, онъ пошелъ на встрѣчу своему гостю и, поднеся, въ знакъ почтенія, руку къ губамъ, проговорилъ:

— Привѣтъ тебѣ, благородный Маркъ Крассъ.

Знакомъ приказавъ своимъ удалиться, онъ отступилъ во внутренность комнаты, чтобы дать дорогу римлянину.

— Привѣтъ и тебѣ, доблестный Спартакъ, вѣжливо отвѣчалъ, въ свою очередь, Крассъ.

Нѣсколько минутъ оба вождя молча измѣряли другъ-друга глазами.

Гладіаторъ цѣлой головой и плечами былъ выше патриція. Стройныя формы его атлетической фигуры еще рѣзче отбѣняли небольшой ростъ и значительную тучность Красса. И въ то время какъ Спартакъ внимательно всматривался въ рѣзкія и строгія черты худощаваго и смуглаго, чисто римскаго лица Красса, послѣдній любовался мужественной красотой фракіяца и благородствомъ, которымъ дышало всякое движеніе его.

Всего удивительнѣе для Красса было то, что онъ не могъ подавить въ себѣ чувство невольнаго уваженія, возбуждаемаго въ немъ этимъ человѣкомъ.

Спартакъ первый прервалъ молчаніе.

— Скажи мнѣ, Крассъ, не кажется-ли тебѣ, что эта война затянулась уже слишкомъ? сказалъ онъ.

Крассъ нѣсколько мгновеній колебался отвѣтомъ.

— Да, затянулась гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало-бы, отвѣчалъ онъ, наконецъ.

— Не кажется-ли тебѣ, что пора-бы прекратить ее? спросилъ снова Спартакъ.

Сѣро-желтые глаза Красса сверкнули на мгновеніе свойственными имъ фосфорическимъ блескомъ, и онъ тотчасъ-же спросилъ:

— Но какъ-же это сдѣлать?

— Заключивъ миръ.

— Миръ? съ удивленіемъ переспросилъ Крассъ.

— Отчего это тебя удивляетъ?

— Отчего?.. Отчего!.. Но какъ-же намъ заключить миръ?

— Какъ!? Разумѣется, какъ всегда заключается миръ между двумя воюющими сторонами.

— Вотъ какъ! воскликнулъ съ насмѣшливой улыбкой Крассъ. — Ты хочешь, чтобъ съ тобой заключили миръ какъ съ Ганнибаломъ, Антиохомъ, Митридатомъ...

— Почему-же и не такъ? отвѣчалъ съ чуть замѣтной ироніей Спартакъ.

— Почему не такъ! повторилъ, съ досадой, Крассъ. — Да развѣ вы—воюющая сторона?

— Мы союзъ воюющихъ сторонъ, отвѣчалъ Спартакъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я было думалъ, что вы шайка презрѣнныхъ рабовъ, возмущившихся противъ своихъ законныхъ господъ! саркастически отвѣчалъ Крассъ.

— погоди, разсудимъ! спокойно возразилъ Спартакъ. — Презрѣнные ли мы, объ этомъ спроси своихъ воиновъ; рабами сдѣлало насъ римское насиліе—это правда, но презрѣнными мы никогда не были. Что-же касается законности вашего господства надъ нами, то объ этомъ мы говорить не будемъ.

— Однимъ словомъ, сказалъ Крассъ,—ты хочешь заключить съ Римомъ миръ, какъ-будто ты Ганнибалъ или Митридатъ. Ну, такъ говори-же, какихъ провинцій ты требуешь? Сколько желаешь военныхъ издержекъ?

Гнѣвно сверкнули глаза фракійца, и онъ уже готовъ былъ отвѣтить Крассу очень рѣзко. Однако, онъ удержался и, проведя рукою по лбу, проговорилъ:

— Я пришолъ сюда не для того, чтобы оскорблять тебя или слышать оскорбленія!

— А развѣ тебѣ не кажется оскорбительнымъ для достоинства римскаго народа и сената предложеніе заключить миръ съ возмущившимися рабами и гладіаторами?

Спартакъ опустилъ голову.

— Да, я забылъ, что ты римлянинъ, проговорилъ онъ.

Послѣ нѣкоторой паузы Крассъ сказалъ:

— Ты обезсиленъ и просишь мира. Хорошо. Каковы-же твои условія?

— У меня семьдесятъ тысячъ человекъ; ты знаешь самъ и въ Римѣ знаютъ, умѣютъ-ли они сражаться. Во всей Италиі миллионы рабовъ стонутъ подъ вашимъ игомъ; они доставляютъ и впредь будутъ доставлять мнѣ новыя силы. Война тянется уже три года и можетъ затянуться еще на три, на четыре, на десять лѣтъ. Я усталъ, а не обезсиленъ.

— Ты забываешь, что Помпей идетъ на тебя изъ Рима, а Лукуллъ не сегодня—завтра высадится въ Бриндизи.

— И Лукуллъ также! воскликнулъ Спартакъ, блѣднѣя. — Клянусь Юпитеромъ, римляне оказываютъ большую честь гладіаторамъ! Но отчего-же, высылая противъ насъ всѣ силы государства, вы считаете недостойными себя вступать съ нами въ мирныя переговоры?

Крассъ ничего не отвѣтилъ и только пожалъ плечами.

Помолчавъ съ минуту, Спартакъ прибавилъ:

— Если я забылъ Помпея и Лукулла, то ты тоже забылъ, что когда Крассъ, Помпей и Лукуллъ побѣдятъ меня, то слава этой побѣды—если только такую побѣду можно назвать славною—будетъ раздѣлена между Лукулломъ, Помпеемъ и Крассомъ.

Закусилъ губы патрицій, потому-что на этотъ разъ Спартакъ задѣлъ его за живое. Но онъ притворился, будто не разслышалъ его словъ, и повторилъ:

— Каковы твои условія... говори, каковы-же твои условія?

— Наше войско будетъ распущено; римскій сенатъ торжественно даруетъ всѣмъ моимъ товарищамъ помилованіе; всѣ они, какъ гладіаторы, такъ и рабы, разойдутся по гладіаторскимъ школамъ. Я и немногіе изъ моихъ товарищей, бывшіе прежде ру-

діаріями, а также и всѣ начальники, до сотниковъ вѣлнчательно, будутъ считаться рудіаріями.

— На такихъ условіяхъ я предпочитаю раздѣлить честь побѣды съ Лукулломъ и Помпеемъ.

— Но если ты не прочь заключить миръ, то скажи-же каковы твои условія?

— Ты и сто человѣкъ по твоему выбору—сохраняете жизнь и свободу. Остальные пусть положатъ оружіе и сдадутся безъ всякихъ условій. Сенатъ рѣшитъ ихъ участь.

— Знаю! Ихъ ждетъ... началъ было Спартакъ, но Крассъ не далъ ему договорить:

— Или-же, прервалъ онъ,—если ты усталъ, то оставь ихъ. Обѣщаю тебѣ свободу, римское гражданство и званіе квестора въ одной изъ нашихъ армій. Лишенные твоего мудраго руководства, они въ восемь дней будутъ совершенно уничтожены.

Лицо Спартака вспыхнуло негодованіемъ.

— Оставить ихъ!?. Измѣнить!?. проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Нѣтъ, при такихъ условіяхъ лучше погибнуть вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ на полѣ битвы.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ выходу.

— Прощай, Маркъ Крассъ! сказалъ онъ.

Но, подойдя къ порогу, онъ остановился и, обернувшись къ римскому вождю, спросилъ:

— Увидишься съ тобой въ первой битвѣ?

— Увидимся.

— Обѣщаешь сражаться со мной?

— Обѣщаю.

— Прощай, Крассъ.

— Прощай.

Выйдя изъ виллы Тита Осилія, Спартакъ приказалъ своему отряду садиться на коней и поскакалъ въ лагерь, не проговоривъ ни слова во все время пути.

На другой день, переправившись черезъ Браданъ, онъ повелъ свои войска на Петилій, куда и прибылъ къ вечеру, намѣреваясь слѣдовать далѣе. Но на другой день, рано утромъ, къ нему былъ приведенъ римскій всадникъ, остановленный гладіаторскимъ развѣдомъ. При немъ найдено было письмо, въ которомъ Лукуллъ извѣщалъ Красса о благополучной высадкѣ своего войска въ

Бриндизи (Брундузіумъ) и о немедленномъ выступленіи на соединеніе съ Крассомъ *).

Для гладіаторовъ исчезла всякая надежда. Искать спасенія оставалось только въ отчаянной битвѣ съ Крассомъ.

Повернувъ назадъ, Спартакъ снова подошелъ къ Брандану и расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу его, въ разстояніи восьми миль отъ Красса.

Въ теченіи ночи Крассъ переправилъ свои легіоны тоже на лѣвый берегъ и приказалъ разбивать лагерь всего въ двухъ миляхъ отъ гладіаторовъ.

Занималась заря; четыре римскія когорты продолжали еще углублять ровъ своихъ окоповъ, когда три гладіаторскія когорты, посланныя на рекогносцировку, подошли къ римскому лагерю и, забросавъ ровъ фашинами, съ ожесточеніемъ напали на римлянъ.

На шумъ битвы выскочили изъ-за вала прочія когорты легіона, занятаго земляными работами, и устремились на помощь своимъ товарищамъ. Съ своей стороны, гладіаторы, увидавъ изъ своего лагеря завязавшуюся битву, маленькими кучками спѣшили на помощь своимъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу число сражающихся все увеличивалось и увеличивалось, и стычка принимала размѣры сраженія.

Въ это время Спартакъ находился въ своей палаткѣ; онъ свернулъ въ трубочку папирусъ, на которомъ былъ написанъ его отвѣтъ Валеріи и, запечатавъ его восковой печатью, передалъ одному изъ трехъ гладіаторовъ, присланныхъ къ нему вдовою Судлы.

— Вамъ всѣмъ довѣряю я это письмо, говорилъ онъ имъ взволнованнымъ голосомъ. — Передайте его вашей госпожѣ, которой вы такъ преданы...

— Мы и тебѣ преданы и за тебя готовы сложить свои головы, прервалъ его гладіаторъ, получившій письмо.

— Благодарю васъ, дорогіе братья, сказалъ Спартакъ и, продолжая прерванную рѣчь, прибавилъ:

— Возите его уединенными тропинками и непроторенными дорогами, чтобы не повстрѣчаться съ непріятельскими разбѣдами. Если, по несчастью, кто-нибудь изъ васъ погибнетъ, пусть осталь-

*) Аппіанъ Александрійскій, „Гр. Война“. I, 120.

ныне доставятъ это письмо вашей госпожѣ. Поѣзжайте и пусть боги будутъ вамъ спутниками!

Онъ проводилъ ихъ до дверей палатки. Выйдя на преторій, онъ услышалъ шумъ битвы. Видя совершенную невозможность прекратить начавшуюся схватку, онъ рѣшился тотчасъ-же напасть всѣми силами на Красса, не дожидаясь нападенія римлянъ.

Приказавъ трубачамъ трубить сборъ всѣмъ легионамъ, онъ сталъ выводить ихъ въ поле. То-же самое сдѣлалъ и римскій полководецъ. Стычка, послужившая поводомъ къ генеральному сраженію, была прекращена; услыжавъ призывные сигналы своихъ легионовъ, какъ гладіаторы, такъ и римляне разошлись по своимъ частямъ, и обѣ арміи выстроились въ боевомъ порядкѣ одна противъ другой.

Проходя передъ фронтомъ своихъ легионовъ, Спартакъ говорилъ:

— Братья! Отъ сегодняшней битвы зависитъ наша судьба. За нами Лукуллъ, который высадился въ Бриндази и идетъ на насъ. Съ фланга намъ угрожаетъ Помпей; съ фронта стоитъ Крассъ. Необходимо разбить Красса, чтобы потомъ броситься на Помпея, или погибнуть всѣмъ на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ мужественнымъ воинамъ. Братья, не отступать ни на шагъ. Смерть или побѣда!

Такъ говорилъ Спартакъ. Въ эту минуту ему подвели вороного нумидійскаго коня поразительной красоты, служившаго ему больше года и очень имъ любимаго. При видѣ прекраснаго животнаго, онъ вынулъ изъ ноженъ мечъ и, вонзивъ его въ грудь своего любимца, крикнулъ на все поле:

— *Мнѣ не нужно сегодня коня: если я буду побѣдителемъ, то выберу любого изъ коней непріятеля; побѣжденный — не буду нуждаться въ конѣ ни сегодня, ни завтра, ни когда-бы то ни было *)*.

Гладіаторы поняли грозный смыслъ его словъ и этого поступка, и грозными криками они требовали вести ихъ на римлянъ.

По знаку Спартака, затрубили трубы; все войско всколыхнулось!

Какъ горный потокъ въ весеннее половодье бѣшено несется по скатамъ горъ, все опрокидывая и разрушая на своемъ пути, такъ точно гладіаторы бросились на римлянъ.

При этомъ ужасномъ ударѣ, смѣшались легионы Красса и быстро стали отступать.

*) Плутархъ: Жизнь Марка Красса.

„Дѣло“, № 8, 1881 г. I.

Замѣтивъ это, Спартакъ, сражавшійся впереди десятаго легіона, приказалъ трубить сигналъ, условленный заранѣе между нимъ и Мамиліемъ.

Тотчасъ-же Мамилій, стоявшій за фронтомъ гладіаторской линіи, выдвинулъ восьмитысячный кавалерійскій корпусъ къ лѣвому флангу и, развернувъ фронтъ, во весь опоръ бросился на правый флангъ римлянъ.

Но Крассъ, наблюдавшій за битвой съ высоты небольшого пригорка, послалъ четыре свѣжихъ легіона на смѣну своего почти разбитаго центра и въ то-же время приказалъ Квинту съ десятию тысячами коней атаковать, въ свою очередь, гладіаторскую конницу. Съ необыкновенной быстротой развернули фронтъ двадцать изъ тридцати торизъ римской кавалеріи, и Мамилій, думавшій обрушиться на флангъ Красса, былъ встрѣченъ превосходными силами непріятельской конницы, съ которою и завязалъ жесточайшую сѣчу. Въ то-же время Мумній съ четырьмя другими легіонами резерва двинулся противъ праваго фланга гладіаторовъ, ничѣмъ не защищеннаго. Граникъ пошелъ на встрѣчу ему съ двумя легіонами — единственными, остававшимися еще въ резервѣ — и остановилъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля.

Но численное превосходство римлянъ было слишкомъ велико. Въ то время, какъ легіоны ихъ, сражавшіеся съ фронта, тѣснимыя Спартакомъ, все болѣе и болѣе подавались назадъ и, наконецъ, бросились бѣжать, Крассъ сигналомъ приказалъ разбитымъ войскамъ очистить фронтъ и, ставъ лично во главѣ четырехъ легіоновъ резерва, устремился въ образовавшееся пустое пространство. Разстроенные преслѣдованіемъ бѣгущихъ, гладіаторы наткнулись на свѣжія силы, и бой въ центрѣ закипѣлъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ.

Между тѣмъ остальные пять тысячъ римскихъ всадниковъ, объѣхавъ лѣвый флангъ гладіаторской конницы, сражавшейся съ десятию тысячами всадниковъ Квинта, ударили ей въ тылъ и въ четверть часа разбили ее на голову. Въ то же самое время Мумнію удалось обойти правый флангъ, несмотря на все искусство и энергію Граника и на нечеловѣческую храбрость гладіаторовъ.

Съ этой минуты не надежда на побѣду, а жажда мести, желаніе подороже продать свою жизнь одушевляли гладіаторовъ.

Лѣвый и правый флангъ, тѣснимые двойными и тройными си-

лами римлянъ, значительно подались назадъ. Только центръ, гдѣ сражался Спартакъ, держался еще противъ непріятеля.

Граникъ, видя пораженіе своихъ легионовъ, бросился туда, гдѣ выпѣла самая жестокая сѣча и, убивъ собственноручно одного трибуна, двухъ декановъ и восемь или десять человѣкъ солдатъ, израненный, окровавленный, изнеможенный, погибъ, наконецъ, смертью храбрыхъ, пронзенный двадцатью мечами.

Македонянинъ Эростенъ, начальникъ десятаго легиона, погибъ съ нимъ рядомъ.

Въ центрѣ погибъ молодой и изящный Теулопихъ, сражаясь во главѣ своего легиона.

Ковница, разбитая на голову, видѣла гибель своего безстрашного вождя Мамилія, пронзеннаго стрѣлою.

Наступилъ вечеръ, а бой все еще продолжался, но уже сосредоточиваясь на нѣсколькихъ пунктахъ, гдѣ отчаянно боролись кучки храбрыхъ.

Все это время Спартакъ не только не отступилъ ни на шагъ, но съ тысячею гладиаторовъ, окружившихъ его, врѣзался клиномъ въ ряды шестого римскаго легиона; ветераны Марія и Суллы не могли устоять противъ ихъ бѣшеной храбрости. Громкимъ голосомъ Спартакъ призывалъ Красса, напоминая ему его обѣщаніе.

Трибунъ Мамеркъ съ толпой храбрѣйшихъ легионеровъ бросился на Спартака, но въ одно мгновеніе ова былъ имъ убитъ. Та же участь постигла двухъ центуріоновъ *) и восемь человѣкъ десятниковъ, желавшихъ показать своимъ подчиненнымъ какъ слѣдуетъ отражать эти удары. Но отъ волшебнаго меча фракійца защититъ не могло никакое человѣческое искусство, и они показали только своимъ товарищамъ какъ слѣдуетъ умирать.

Рядомъ со Спартакомъ являлъ чудеса храбрости Вибсалда, начальникъ одинадцатаго легиона, человѣкъ гиганскаго роста и геркулесовской силы, напоминавшій собою Овномана. Кучка храбрецовъ, именъ которыхъ не сохранила исторія, сражались какъ львы, нагромождая вокругъ себя груды вражескихъ труповъ.

Мракъ ночи спустился уже на поле битвы, а римляне, одержавшіе окончательную побѣду на всѣхъ пунктахъ, должны были все еще сражаться и сражаться.

*) Цугтархъ.

Взошла луна и освѣтила своими блѣдными лучами эту ужасную картину кроваваго побоища. Тридцать слишкомъ тысячъ гладіаторовъ лежали мертвыми на громадной полянѣ въ перемежку съ восемнадцатью тысячами римлянъ. Битва была окончена, а съ нею вмѣстѣ и кампанія. Шестнадцать тысячъ гладіаторовъ въ разсыпную, кучками и маленькими отрядами, бѣжали въ сосѣдніе лѣса и горы.

Только въ однои мѣстѣ продолжали звенѣть мечи и раздаваться дикіе крики сраженія.

Здѣсь нѣсколько сотъ человекъ, столпившихся вокругъ Спартака, продолжали защищаться съ упорствомъ, котораго, казалось, ничто не могло преодолѣть.

— Крассъ, гдѣ ты? кричалъ отъ времени до времени Спартакъ.—Ты обѣщалъ сражаться со мной. Крассъ, гдѣ ты?

Луна поднялась высоко на горизонтѣ. Битва приближалась къ концу. Два послѣдніе товарища Спартака пали. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, весь покрытый ранами, безъ шлема, Спартакъ все еще защищался среди горы труповъ. Какъ молнія сверкалъ его грозный мечъ, и одинъ за другимъ падали всѣ, пытавшіеся напасть на него грудъ съ грудью. Наконецъ, дротикъ, пущенный въ него на разстояніи десяти шаговъ, тяжело ранилъ его въ лѣвую ногу. Онъ упалъ на колѣно и, прижавшись спиной къ стѣнѣ изъ труповъ, прикрылъ себя щитомъ и продолжалъ защищаться, подобно Гѣркулесу, окруженному центаврами *). Пораженный семью или восемью дротиками, пущенными въ него въ одно время съ разныхъ сторонъ, онъ опрокинулся, прошептавъ только два слова:

— Прости... Валерія...

И умеръ.

Долго стояли въ безмолвномъ удивленіи вокругъ него римляне, видѣвшіе какъ онъ сражался отъ начала и до конца битвы.

Такъ окончилъ свои дни этотъ необыкновенный человекъ. Великія военныя дарованія, обширный умъ, безграничная храбрость соединялись въ немъ съ рѣдкой скромностью и безкорыстіемъ и дѣлали его не только первымъ полководцемъ, но и лучшимъ человекомъ своего времени.

*) Плутархъ. Жизнь Марка Красса.

Два часа спустя, римляне ушли въ свой лагерь. Зловѣщая тишина поля битвы, печально освѣщаемого луною, нарушалась только стонами раненныхъ, умиравшихъ подъ горами труповъ.

Какая-то тѣнь бродить по полянѣ, съ трудомъ подвигаясь между безчисленными трупами, ее покрывавшими. Однако, хотя и медленно, тѣнь эта приближается все больше и больше къ тому мѣсту, гдѣ всего свирѣпѣе и всего продолжительнѣе была битва. Отъ времени до времени, когда лунный свѣтъ падаетъ прямо на нее, тѣнь эта сверкаетъ металлическими отблесками. Очевидно, это воинъ — римлянинъ или гладиаторъ — привлеченный на поле побоища какойнибудь нѣжной привязанностью.

Воинъ дошелъ, наконецъ, до мѣста, гдѣ трупы лежали цѣлою горою. Здѣсь онъ остановился и, нагнувшись къ землѣ, сталъ осматривать одно за другимъ тѣла убитыхъ, пока не нашелъ, наконецъ, трупа Спартака. Тогда, опустившись на колѣно, онъ приподнял его бѣлокурою головою и долго не спускалъ съ нея глазъ.

Лучъ луннаго свѣта упалъ на лицо убитаго, все еще мужественно прекрасное, и воинъ, припавъ къ нему, залился горючими слезами.

Это была Мирца. Еще съ вечера Спартакъ, знавшій, что онъ долженъ умереть, приказалъ увести сестру подальше отъ боя. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ ея смерти и желалъ избавить ее отъ зрѣлища собственной гибели. Хотя и со слезами, Мирца покори-лась волѣ брата, но теперь, когда все было кончено, она вернулась — въ послѣдній разъ взглянуть на дорогія черты.

— Спартакъ, братъ мой возлюбленный! повторяла она севозь слезы, покрывая поцѣлуями его лицо. — Что они съ тобой сдѣлали! Сколько ранъ, о боги! — сколько крови!

Въ эту минуту до слуха дѣвушки достигъ чей-то жалобный стонъ. Но не обращая на него вниманія, она продолжала:

— Ужь никогда не увижу я твоихъ добрыхъ глазъ, милый, дорогой братъ мой! Никогда не услышу я твоего ласковаго голоса! О, Спартакъ, прости, прости на-вѣкъ!

Снова жалобный стонъ пронесся въ ночной тишинѣ. Но Мирца не слышала его: съ рыданіями цѣловала она лицо брата.

Вдругъ кто-то тихо назвалъ ее по имени.

Она вскочила въ суетврномъ ужасѣ и стала озираться кругомъ. Нигдѣ не видно было живой души. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу.

— Кто... кто меня зоветъ? пролепетала она, съ трудомъ шевеля губами.

Никакого отвѣта.

Мирца стояла на мѣстѣ точно окаменѣлая, не смѣя пошевелиться.

— Мирца! раздалось на этотъ разъ совершенно внятно.

— Боги!.. Арториксъ! Ты ли это?.. вскричала дѣвушка, узнавъ знакомый голосъ.

Бросившись въ тому мѣсту, откуда раздавался стонъ, она увидѣла плавающего въ лужѣ собственной крови Арторикса, блѣднаго, холодющаго, но еще сохранявшаго искру жизни.

Мирца припала къ нему и, покрывая его лицо горячими поцѣлуями, восклицала торопливо.

— Ты живъ... ты живъ... мой милый, возлюбленный Арториксъ!.. О, я спасу тебя!.. Я перевяжу тебѣ раны... я отогрѣю тебя своими поцѣлуями... я проведу тебя въ безопасное мѣсто...

Умиравшій очнулся отъ своего оцѣпенѣнія подъ вліяніемъ этихъ страстныхъ поцѣлуевъ и, отвернувъ на половину свои потускнѣлые глаза, прошепталъ чуть слышно:

— Уже? Мы соединились въ Элизіумъ? Какъ скоро! Такъ мы уже въ Элизіумѣ, о моя Мирца?.. Но почему такъ холодно... въ Элизіумѣ?..

— Нѣтъ! воскликнула дѣвушка, удваивая свои ласки, — нѣтъ, мы не въ Элизіумѣ... Это я, твоя Мирца... Ты живъ... Мы будемъ счастливы...

Арториксъ закрылъ глаза, какъ-будто желая лучше насладиться гармоніей дорогого голоса. Когда - же этотъ голосъ умолкъ, онъ устремилъ на дѣвушку на мгновеніе ожившій взглядъ и, медленно охвативъ ея шею своими ослабѣвшими руками, прошепталъ:

— Такъ это не сонъ... Я еще живъ... и мнѣ дано передъ смертью счастье увидѣть, поцѣловать тебя...

— Да, да... но ты не умрешь, ты будешь жить, милый, обожаемый Арториксъ... Смерть такъ ужасна...

— О, я умираю спокойно!.. Гезу услышала... мою молитву!..

Голосъ молодого гладіатора постепенно слабѣлъ; волненіе, радость совершенно истощили послѣднія силы.

— О, Мирца! воскликнулъ онъ, цѣлуя любимую дѣвушку... Прощай, я умираю!..

Дѣвушка почувствовала какъ холодѣють его губы и какъ судорожно трепетала въ послѣднемъ предсмертномъ вздохѣ его грудь.

— погоди, вскричала она, ты умрешь не одинъ... Умрешь вмѣстѣ и вмѣстѣ переселишься въ Элизіумъ...

Съ этими словами она быстро выхватила изъ ноженъ бинжалъ Арторикса и твердой рукой вонзила его себѣ въ грудь, не испустивъ ни стона.

Кровь хлынула ручьемъ изъ раны. Она-же, крѣпко обнявъ своего возлюбленнаго, прошептала:

— Съ тобой хочу я умереть и перейти въ міръ, гдѣ живутъ добрыя души...

— Что-ты сдѣлала! пробормоталъ чуть слышно умирающій.

— Хочу раздѣлить съ тобой твою участь, о мой возлюбленный...

Она тоже начинала терять сознание; ударъ былъ смертеленъ. Обнявъ еще крѣпче дорогаго ей человѣка, она прижалась устами къ его устамъ, и оба они застыли на-вѣкъ въ долгомъ, послѣднемъ поцѣлуѣ.

Въ эту минуту два гладіатора, осторожно пробираясь между трупами, подошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ убитый Спартакъ. Завернувъ тѣло въ темную шерстяную пенулу, они унесли его съ поля битвы. Пройдя около двухъ миль, они вышли на дорогу, гдѣ стояла крестьянская телѣга, запряженная парой быковъ.

Положивъ на телѣгу тѣло Спартака, они завалили его мѣшками хлѣба, лежавшими тутъ-же на землѣ. Телѣга тронулась, и гладіаторы пошли за ней слѣдомъ.

Эти два гладіатора были Ацилій и Аввилій, сыновья Либедія, дворецкаго тускуланской виллы Валеріи. Они, по всей вѣроятности, везли тѣло своего убитаго вождя къ женщинѣ такъ сильно его любившей, чтобы избавить дорогаго трупъ отъ поруганія, которому на другой день предали-бы его надменные побѣдители.

ЗАБЛЮЧЕНІЕ.

Пятнадцать дней спустя послѣ Брананскаго пораженія, гладіаторская война была окончена. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, спасшихся отъ всеобщей гибели, разбѣянные по горамъ, безъ вождей,

безъ взаимной связи, были почти всё изрублены отрядами Красса и Помпея, подоспѣвшаго на мѣсто дѣйствія. Только шесть тысячъ человѣкъ были взяты живьемъ и повѣшены по дорогѣ отъ Капуи до Рима.

Осматривая тѣла убитыхъ въ Бранданской битвы, напрасно искали между ними тѣло Спартака. Его не оказалось среди павшихъ гладиаторовъ, что возбудило множество самыхъ удивительныхъ толковъ и предположеній *).

Въ то время, какъ Крассъ и Помпей, полные взаимной зависти, подходили къ Риму и каждый изъ нихъ приписывалъ себѣ честь окончанія войны и потому каждый требовалъ себѣ консульства, — въ то самое время Валерія Мессала, въ глубокомъ траурѣ, сидѣла въ конклявѣ своей тускуланской виллы.

Она была блѣдна; глаза ея были красны отъ слезъ; лицо хранило слѣды долгой и тяжелой печали. Передъ нею на подставкѣ изъ бѣлаго мрамора стояла бронзовая позолоченная погребальная урна превосходной работы. Лѣвой рукой Валерія подпирала склоненное чело; въ правой держала развернутый папирусъ.

Вся фигура несчастной женщины напоминала собой статую матери Ниобеи и, казалось, говорила: „Взгляните, можетъ-ли быть горе равное моему“!

У подножія мраморной подставки урны стояла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ пяти, потрогивая своими маленькими ручками барельефы и рѣзныя гирлянды, украшавшія погребальную урну. Отъ времени до времени она вскидывала на мать свои большіе голубые глаза, какъ-будто желая упрекнуть ее за непонятное молчаніе.

Бѣдная женщина встрепелась и, устремивъ взглядъ на папирусъ, который держала въ правой рукѣ, снова принялась читать его.

Вотъ что было на немъ написано.

„Божественной Валеріи Мессалѣ отъ Спартака

„привѣтъ.

„Изъ любви къ тебѣ, о, моя возлюбленная Валерія, я вступилъ въ переговоры съ Крассомъ. Но преторъ Сициліи предложилъ мнѣ купить жизнь и свободу цѣною измѣны.

*) Аппіанъ Александрійскій, Плутархъ.

„Я предпочелъ быть неблагодарнымъ къ тебѣ, безчеловѣчнымъ къ моей дочери, чѣмъ продать своихъ братьевъ и покрыть своимъ вѣчнымъ позоромъ.

„Когда ты получишь это письмо, меня, по всей вѣроятности, не будетъ уже въ живыхъ. Мы наканунѣ страшной, послѣдней битвы, въ которой я долженъ погибнуть со всѣми своимъ войскомъ.

„Такова воля враждебнаго рока.

„Наканунѣ смерти чувствую необходимость просить у тебя, обожаемая Валерія, прощенія за всѣ муки, причиненныя мною тебѣ. Прости и будь счастлива. Умирая, я буду благословлять тебя.

„Будь тверда и живи,—живи ради меня, ради нашей невинной дѣвочки. Вотъ мое завѣщаніе; вотъ послѣдняя просьба умирающаго.

„Слезы душатъ меня. Прощай. Тебѣ мой послѣдній поцѣлуй, моя послѣдняя мысль, послѣднее бѣненіе моего сердца.

Спартакъ“.

Окончивъ чтеніе этого письма, она поднесла его къ губамъ и громко зарыдала.

— О, мама! отчего ты такъ плачешь? спросила сквозь слезы дѣвочка.

— Бѣдная, бѣдная моя дѣвочка! воскликнула Валерія прерывающимся отъ рыданія голосомъ.—Это ничего, ничего... пройдетъ!

Она привлекла къ себѣ головку дѣвочки и прижалась губами къ ея розовымъ щечкамъ.

— Ты говоришь „ничего“ и плачешь? сказала Постумія съ упрекомъ въ голосъ. — Когда я плачу безъ причины, ты говоришь, что я скверная... Ну а теперь ты, мама, скверная!

— О, моя дорогая дѣвочка, какъ ты мила и вмѣстѣ съ тѣмъ жестока! воскликнула Валерія, цѣлуя еще съ большей горячностью прелестную малютку. — Если-бъ ты знала какъ мнѣ больно!

— А мнѣ тоже больно, когда ты плачешь, мама!

— Да, да, бѣдняжка, ты права, проговорила Валерія сквозь слезы,—я была скверная... но больше не буду... Я буду любить тебя, тебя одну, моя радость... Ну а ты, будешь любить свою бѣдную маму?

— Да, да, вѣрно, вотъ такъ! и она изъ всѣхъ силъ сжала своими маленькими ручками голову матери.

Но тотчасъ-же, съ переимчивостью, свойственной всемъ дѣтямъ, она соскочила съ ея колѣнъ и снова принялась играть около урны.

Въ конклавѣ наступила долгая тишина.

Вдругъ Постумія спросила:

— А скажи мнѣ, мама, что тамъ внутри?..

Глаза Валеріи подернулись влагой.

— Бѣдная, бѣдная дѣвочка! воскликнула она.

Потомъ, съ трудомъ сдерживая душившія ее рыданія, она проговорила:

— Въ этой урнѣ, бѣдняжка, лежитъ пепель твоего отца!

И она залилась горячими слезами.

К О Н Е Ц Ъ .

НЕВЪДОМАЯ УЛИЦА.

НАВРОСОКЪ.

Невѣдомая улица... Знаете ли вы Невѣдомую улицу? Я полагаю, нѣтъ. Очерку Невѣдомой улицы я долженъ предпослать замѣчаніе, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ идиллическихъ мѣстностей Петербурга, къ которымъ, какъ извѣстно, можно причислить: дальнія линіи Васильевскаго острова, Выборгскую и Петербургскую стороны, Чекуши и т. п.

За предѣлами Малой Невы начинается совсѣмъ особенный міръ.

Каждому туристу, вступающему въ предѣлы Невѣдомой улицы, дѣлается очевидно, что это — одно изъ тѣхъ благословенныхъ мѣстъ, куда совсѣмъ не достигаютъ бурныя волны столичной жизни, и гдѣ въ значительной степени проявляется буколически-халатный элементъ. Чувство, охватывающее туриста, это — чувство покоя и какого-то тупого млѣнія, чувство нѣсколько аналогичное съ тѣмъ, которое, вѣроятно, знакомо вамъ, если вы предавались когда-нибудь наиблагодушнѣйшему въ своемъ родѣ занятію — въ лѣтнія сумерки, гдѣ-нибудь въ полѣ или на опушкѣ лѣса, что ли, лежать на спинѣ, разметавъ по землѣ праздныя руки, и неподвижно глядѣть въ бездонную глубину яснаго неба... По крайнѣйшій мѣрѣ, меня это чувство охватывало всецѣло всегда, когда, попавъ въ пестрый баламутъ, грохотъ и круговращеніе столичнаго „центра“ и вырвавшись оттуда, я возвращался въ мирныя предѣлы Невѣдомой улицы.

Ступая по ея деревяннымъ мосткамъ и отмахиваясь по временамъ отъ назойливо-лѣзущихъ въ лицо вѣтвей калины и акаціи, я всегда

чувствовалъ, что неумолчно-шумящія волны столичной жизни, уже давно, позади меня, ослаблявшія свой приборъ, здѣсь, въ Невѣдомой улицѣ, даютъ о себѣ знать только безсильнымъ гуломъ. Эти волны не могутъ въ нее ворваться. Невѣдомая улица выставляетъ оплотомъ свои животрепещущіе мостки, понагнувшіеся столбы съ классическими масляниками-коптилками, и нескончаемые заборы... Жизнь здѣсь имѣетъ свой цвѣтъ и запахъ; струясь по Невѣдомой улицѣ и пересѣкающимъ ее переулкамъ, она влечетъ свои волны медленно и безшумно и не простираетъ ихъ далѣе Невѣдомой улицы и пересѣкающихъ ее переулковъ.

Можно сказать, почти не боясь ошибиться, что образъ жизни ея обывателей сложился по разъ навсегда определенному образцу и застылъ въ своихъ определенныхъ рамкахъ.

Я упомянулъ вскользь о заборахъ. Эти послѣдніе представляютъ весьма значительный процентъ въ суммѣ пространства, занимаемаго Невѣдомой улицей. За ними скрываются огороды. Нѣкоторые изъ переулковъ представляютъ изъ себя только два параллельныхъ ряда заборовъ, вдоль которыхъ, на разстояніи чуть не пушечнаго выстрѣла, торчатъ фонарные столбы съ масляниками-коптилками. Въ одномъ изъ переулковъ, далеко отбѣжавъ отъ линіи заборовъ, красуется полицейская будка съ фронтономъ въ дорическомъ вкусѣ.

Полиѣйшее безлюдье царитъ въ этихъ переулкахъ. Единственные представители живыхъ существъ — группа псовъ, живописно расположившихся на деревянномъ троттуарѣ, или случайно забредшій сюда, благодаря пытливымъ свойствамъ своего духа, козелъ со сломаннымъ рогомъ и обрывкомъ веревки на шеѣ, лаюмъ пыльными листьями лопушника, который въ изобиліи произрастаетъ въ канавахъ, огибающихъ Невѣдомую улицу и ея окрестности; единственные намеки на цивилизацію — какой-нибудь осколокъ домашней посуды или оставленный за штатомъ башмакъ, посредникъ дороги, предающійся разложенію... И все это исчезаетъ зимой, когда снѣгъ покроетъ все дѣвственно-бѣлой, пушистой периной, въ которой нога проваливается по самыя ляжки, и гдѣ одинъ вольный вѣтеръ гуляетъ свободно...

* * *

Изъ оконъ моей квартиры (о двухъ комнатахъ, великодушно уступленныхъ мнѣ за 7 р. въ мѣсяцъ вдовой брандмейстера Перескоковой) отлично была видна значительная часть Невѣдомой улицы. Домъ вдовы брандмейстера Перескоковой стоялъ на углу, образуемомъ пересѣченіемъ Невѣдомой улицы Испанскимъ переулкомъ (почему именно „Испанскимъ“ — объяснить не могу), представляя такимъ образомъ, при посредствѣ трехъ оконъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, очень удобный обсервационный пунктъ для наблюденія.

Я и теперь помню предметы, которые представлялись глазамъ прямо изъ оконъ моей квартиры.

Уголъ насупротивъ занимало длинное, сѣрое, деревянное зданіе, въ одинъ ярусъ, съ подвальнымъ этажемъ. Надъ окнами, прямо подъ крышей, ближе къ углу, торчала, нѣсколько покривившись на бокъ, съ выгнутыми краями, темно-желѣзная вывѣска трактирнаго заведенія, занимавшаго весь этажъ. Наклонно прикрѣпленная подъ крышей, со своими выгнутыми краями, вывѣска являла изъ себя нѣкоторое подобіе распростертыхъ крыльевъ какой-нибудь хищной птицы. На одномъ крылѣ было начертано: „Traiteur“, на другомъ — „Трактиръ“, внизу надпись: „Отрада“. Тутъ-же была изображена группа бильярдныхъ игроковъ, въ какихъ-то фантастическихъ лиловыхъ казакинахъ, съ руками на-отмашъ и вывернутыми ногами. Дожди и безпощадное время разстроили нѣсколько живописную группу. Одинъ изъ казакиновъ игралъ съ облупившимся лицомъ, отъ другого оставались одни ноги. Непосредственно отъ угла начинающійся заборъ скрывалъ группу принадлежавшихъ трактиру кустовъ калины и акаціи, съ двумя тремя врытыми въ землю столиками и скамейками — на что намекало прибитое надъ калиткой изображеніе свѣтло-коричневой руки съ протанутымъ перстомъ и надписью: „въ хотъ всатъ отърада“.

* * *

Въ первое время моего пребыванія въ Невѣдомой улицѣ, каждое утро будила меня пронзительная трель пастушьей трубы. Вскочишь, бывало, какъ встрепанный и сидишь, недоумѣвая, пока не наступитъ то состояніе, когда и смѣшно ужъ и думать о какомъ-бы то ни было снѣ. Скоро я, однако, освоился съ этой

особенностью моего мѣстопробыванія и привыкъ просыпать этотъ первый моментъ пробуждающейся вокругъ меня жизни.

Тогда, около 8-ми часовъ, стали меня будить жалобныя взвизгиванья кофейной мельницы, которыя вылетали изъ смежной съ моею спальнею комнаты, принадлежащей къ апартамантамъ хозяйки.

Встанешь и сядешь въ окошку. О снѣ грѣшно уже думать, хотя-бы въ силу того соображенія, что все окружающее давно на ногахъ и занято дѣломъ.

Сидишь и наблюдаешь, какъ семенитъ спѣшнымъ шагомъ и не глядя по сторонамъ, въ сенать, мой сосѣдъ, надворный совѣтникъ Каламбуровъ.

Дробной, такъ называемой сорочьею походкою, мелькаетъ мимо моихъ оконъ нѣмка изъ Ревеля, Каролина-Луиза Зоннабандвурстъ, съ солиднымъ узломъ въ лѣвой рукѣ, изъ котораго выглядываютъ разнообразныхъ форматовъ коробки, изъ лиловой и радужной бумаги, издѣлія собственныхъ рукъ нѣмки Зоннабандвурстъ, которая поспѣшаетъ за разноску своего товара по городу.

Плыветъ затѣмъ, колыхаясь, мимо меня представительная фигура другого моего знакома, подпоручика въ отставкѣ, Нарциса Пявкина. Проплываетъ она неторопливымъ, исполненнымъ внушительнаго достоинства шагомъ, давъ мнѣ время разсмотрѣть досконально ватную, неопредѣленнаго цвѣта куцавейку, лопнувшую вдоль спинки и составляющую характерную часть костюма отставнаго подпоручика Пявкина... Этого самаго господина, нѣсколько часовъ спустя, вы можете встрѣтить въ какой-нибудь людной улицѣ, гдѣ онъ тихимъ, фланёрски-выжидательнымъ шагомъ мелькаетъ тамъ и сямъ между прохожими и, вѣроятно, не преминетъ вдругъ очутиться рядомъ съ вашимъ плечомъ, причемъ, распространивъ вокругъ себя легкій спиртуозный букетъ, попроситъ васъ конфиденціальнымъ шепотомъ объ одолженіи „благор-р-родному равену офицеру“, только что вышедшему изъ больницы...

Вотъ появляется изъ калитки другая моя сосѣдка, чиновница Курочкина, съ большой платяной корзиной въ рукахъ. Поставивъ на землю корзину и сдѣлавъ надъ глазами рукою щитокъ, она не преминетъ помотрѣть въ теченіи нѣсколькихъ секундъ вдоль переулка и затѣмъ принимается доставать изъ корзины многообраз-

ный ассортиментъ сырого бѣлья и неспѣшно и истово драпшировать ихъ въ живописномъ порядкѣ заборъ...

Замретъ опять Невѣдомая улица, замретъ, примѣрно, часовъ до четырехъ. Около этого времени она мгновенно вдругъ оживится гулькимъ топотомъ и галдежомъ. Это возвращается по домамъ длинная вереница рабочихъ съ ближайшей фабрики. На нѣсколько минутъ улица запестрѣетъ массой разнообразныхъ головъ — и стихнетъ опять.

* * *

Любилъ я лѣтніе вечера въ Невѣдомой улицѣ.

Охладившій воздухъ не шелохнется. На Малой Невѣ тихо, развѣ кой-гдѣ всколыхнется на мгновеніе поверхность воды и разойдутся концентрическіе круги... Это рыба плеснула.

Въ такіе вечера, на плоту тони всегда можно застать сутуловатую фигуру старѣйшаго аборигена Невѣдомой улицы, отставного капитана Полосаткина. Старъ онъ до того, что чуть уже не мохомъ поросъ и тугъ на оба уха. Съ круглыми совиными очками на слезащихся припухлыхъ глазахъ и въ фуражкѣ съ околышемъ, превратившейся въ замасленный блинъ, сидитъ онъ на скамеечкѣ, опершись локтями на колѣни, и удить, неподвижный какъ изваяніе. На землѣ, у его ногъ, двѣ удочки. Третья, съ длиннымъ, гибкимъ удилицемъ, у него въ рукахъ. На скамейкѣ жестяная коробка изъ подъ сардиновъ, въ которой извиваются темно-красные черви, да лейка съ водой, гдѣ полощутся трофеи сегодняшней лова: пары двѣ красноперыхъ окуньковъ, да пискаръ серебристый...

Облитый заревомъ заката, старикъ такъ весь и застылъ въ своей позѣ, точно все его жизненныя силы сосредоточились въ одномъ напряженномъ вниманіи, которое устремлено на одинъ пуньтъ на поверхности воды, гдѣ тихо колыхнется поплавокъ его удочки.

Его сосредоточенности не въ силахъ разрушить даже шумный приходъ молодежи, въ лицѣ юнаго коллежскаго регистратора Репейникова, одѣтаго въ коломанковый балахонъ, и двухъ дѣвицъ Пѣрушкиныхъ. Молодые люди намѣрены кататься.

Со стремительной удалью юноша Репейниковъ бросается въ

лодку и, стоя на днѣ ея, въ положеніи колосса-родосскаго, готовится переплывать барышень.

— А что, если вы насъ утопите, Иванъ Николаичъ? говоритъ старшая дѣвица Пѣрушкіна, заноса въ лодку лѣвую ножку и цѣпляясь за руку кавалера.

— Вы тогда маменькѣ пожалуетесь, острить юноша.

— Хи-хи-хи, звенятъ дѣвицы.

— Мы скоро воротимся?

— Мы совсѣмъ не воротимся, отвѣчаетъ Репейниковъ, поплевавъ въ ладони, и беретъ за весла.

— Хи-хи хи!

Лодка отплываетъ...

Капитанъ Полосаткинъ надѣваетъ на крючокъ новаго червяка, вмѣсто проглоченнаго рыбой, далеко закидываетъ поплавокъ и погружается опять въ напряженное оцѣпенѣніе...

* *
* *

А на улицѣ между тѣмъ звенятъ дѣтскіе голоса...

Звонче всѣхъ раздается дискантъ Ромашки Скворешникова. Онъ главный воротила мелкаго народа.

Вотъ, какъ ураганъ, мчится онъ мимо моихъ оконъ, погоняя воображаемую тройку и съ упоеніемъ завятаго возницы нахлѣстывая средняго мальчугана, изображающаго коренника. И коренникъ, и пристажки весьма добросовѣстно относятся къ своимъ амплудъ рьяныхъ коней, загибая на-сторону головы и топя на бѣгу ногами, отчего поднятая съ дороги пыль стоитъ надъ ними густымъ облакомъ.

Наконецъ, играющіе умаялись и обтираютъ вспотѣвшія лица.

— Въ „палочку“ предлагаетъ Ромашка Скворешниковъ, вѣрный своему престижу авторитета.

Для избранія сторожа палочки ребята становятся вокругъ Скворешникова. Тотъ нараспѣвъ произноситъ мистическую формулу: „занке-дранке-триледу-тиберь-таберь-фаберь-фу“... и т. д., съ каждымъ произносимымъ словомъ тыкая въ грудь по порядку играющихъ. Жеребій выпадаетъ мальчугану, изображавшему коренника. Остальные моментально разбѣгаются.

Пока сторожъ внимательно засматриваетъ во всѣ углы, съ цѣлью

открытія кого-либо изъ спрятавшихся, изъ-за ближайшаго забора показывается крадучись Ромашка Свворешниковъ, стремительно схватываетъ палочку и испускаетъ торжественный вопль:

— Палочка украдена!..

Такъ и остается зазѣвавшійся мальчуганъ во всю игру сторожить палочки.

* *
* *
* *

Сѣрыя тучи мрачно ползутъ по небу. Въ воздухѣ какая-то мутная игла. Дома Невѣдомой улицы точно нахмурились, точно ждуть пасмурно чего-то.

Вокругъ мертвенно-тихо. Не шелохнетъ. Изрѣдка набѣжить пѣвѣсть-откуда взявшійся вихрь, сброситъ съ забора позабытую штуку бѣлья, хлопнетъ мимоходомъ ставнемъ, заворотитъ игриво подолъ поспѣвающей домой обывательницы — и мчится далѣе. вздымая тяжелое облако пыли и бросая его на стѣны домовъ...

Вотъ на мгновеніе прорѣзалъ спертый воздухъ яркій зигзагъ молніи, а затѣмъ прогремѣлъ гдѣ-то вдали тихій раскатъ.

Нѣсколько крупныхъ капель дождя шлепнулось на землю.

„Дождикъ, дождикъ, перестань,
Я поѣду на Ердань,
Бо-огу молиться,
Христу поклониться“...

Но тучи знай-себѣ несутся, не обращая вниманія на заклинанія дѣтскихъ голосовъ, съ упованіемъ взывающихъ къ сѣрому небу..

— Васютка-а!! дребезжитъ гдѣ-то на улицѣ зовущій воскликъ. — Долго-ль тебя клика ать?.. Отецъ ругается!

— Сейча-а-ась!..

„Я у Бога сирота,
Отворяю ворота
Съ золотымъ замочкомъ,
Шелковымъ платочкомъ!..“

Но вотъ, какъ-бы въ отвѣтъ на заклинанія, хлынулъ съ неба стремительный ливень, отъ котораго разсыпаются во всѣ лопатки улепетывающіе по домамъ ребятишки.

* *
* *

Конѣцъ октября. Поздній вечеръ затушеваль всё дома Невѣдомой улицы въ одну безразличную темень. Частій дождикъ мягко лоскочетъ въ окно, періодически усиливаясь — и тогда онъ барабанить дробно, какъ сыплющійся на полъ горохъ. На улицѣ тишь. Рѣдко въ которомъ окнѣ брезжится свѣтъ. Изрѣдка прошелястятъ шаги какого-нибудь запоздалаго обывателя, шлепающаго по лужамъ...

Я сижу и слушаю, какъ заводять въ печной трубѣ вѣтеръ свою монотонно-глушую ноту и дождь барабанить. Свѣчка на столѣ тускло мигаетъ, отчего по стѣнамъ ходять какія-то безобразныя тѣни. Въ хозяйкиной комнатѣ мѣрно чикаетъ маятникъ.

Я поздно ложила спать. Я имѣлъ привычку въ такіе осенніе, ненастные вечера бодрствовать до полночи. Сидишь въ своемъ старомъ креслѣ, созерцая приглядѣвшіяся стѣны — и какое-то монотонное, тягучее чувство сковываетъ тебя, — чувство, въ которомъ и апатія, и грусть, и мечты запоздалыя — вмѣстѣ... Плывуть и проходятъ мимо тебя нескончаемой вереницей какіе-то туманные образы, безъ всякой опредѣленной формы и подобія — и навѣваетъ ихъ эта тягучая скука, глядящая со стѣнъ, рулады вѣтра и дробь частаго дождика, чиканье маятника и миганье нагорѣвшей свѣчки...

Да, я въ каждый подобный вечеръ доставлялъ себѣ это удовольствіе... Не пожимайте плечами, читатель! Вѣдь отыскаль-же Достоевскій особенный родъ жгучаго наслажденія въ страданіи, доставляемомъ зубною болью...

На улицѣ сильно хлопнула дверь. По звуку задрезавшихъ стёколъ, я догадываюсь, что это дверь трактирнаго заведенія „Отрады“. Непосредственно затѣмъ раздавшійся гвалтъ нѣсколькихъ голосовъ разомъ будить ночное безмолвіе Невѣдомой улицы.

Одинъ голосъ, въ самомъ высокомъ діпазонѣ, очевидно — женскій, плачетъ и жалуется.

— Я честная, я честная, да!.. Я не позволю, я честная! За что — же это теперича, милосливный государь... Ежели я выхожу сирота, такъ меня по скулъ?.. И гдѣ-жъ это показано? торопливо и захлебываясь жалуется кому-то женскій голосъ.

— Она вотъ на мнѣ теперича *поддѣлку* разорвала! перебиваетъ надтреснутый мужской баритонъ, — новую *поддѣлку* мнѣ попортила! Пушай она мнѣ, значить, за *поддѣлку* отвѣтить!

— Онъ говорить, что я гулящая! Онъ меня гулящей назвалъ! — надрывается опять женскій голосъ, переходя въ какой-то металлическій визгъ; — онъ мнѣ скулу своротилъ! Всѣ видѣли! Я самому господину приставу покажу...

— А ты чего смотришь? Двинь ее по другой скулѣ-то, коли цѣла осталась... внушаетъ чей-то суровый басъ.

— Съ еѣмъ я гуляла? Докажи, что я гулящая! У самого Аксютка таскается... да!.. съ Федоромъ... Сама видѣла!

Наступаетъ кратчайшая пауза, во время которой, вѣроятно, происходитъ что-нибудь моментальное, потому-что вслѣдъ затѣмъ раздается отчаянный вопль:

— Городовой!!

— Вотъ тебѣ и Аксютка!..

— Городово-ой!!!...

— Ну, въ полицію, такъ въ полицію... Наплевать! А она мнѣ за *поддѣвку* отвѣтить сперва должна!

Голоса удаляются.

— Ловко потрафилъ! Х—ха!

— За *поддѣвку* отвѣтить!

— Я мужняя жена! Не гулящая я, не гулящая! уже чуть слышно въ отдаленіи...

— Дебоширы окаянные... О-охъ, Господи! Фабричные.. шепчеть за тонкой стѣной разбуженная діалогомъ вдова брандмейстера Перескокова.

Опять тишина, и опять дождикъ назойливо барабанитъ въ окошко...

* *
* *

Да, немногосложна своими перипетіями жизнь Невѣдомой улицы.

Проживите здѣсь годъ—я беру самый обширный промежутокъ времени—увѣжайте и воротитесь опять въ нее, черезъ нѣсколько лѣтъ—запасъ вашихъ наблюденій очень немного пополнится.

Колоритъ, лежащій на Невѣдомой улицѣ, всегда одинъ и тотъ-же. Всякія „вѣянья“ проходятъ здѣсь мимо. Пусть другіе ищутъ и борятся—явленія здѣсь идутъ своимъ чередомъ и не найдется той силы, которая могла бы нарушить ихъ неизмѣнную послѣдовательность...

М. Альбовъ.

НУМА РУМЕСТАНЪ.

РОМАНЪ

Альфонса Додэ.

ГЛАВА VII.

Passage du Saumon.

Въ ожиданіи мебели, отправленной съ поѣздомъ малой скорости, Вальмажуры поселились въ знаменитомъ Passage du Saumon, гдѣ издавна останавливались пріѣзжіе изъ Апса и его окрестностей и который такъ живо сохранился въ воспоминаніяхъ тетушки Порталь. Здѣсь, подъ самой крышей, они заняли комнату и каморку. Темная и душная каморка, гдѣ спали мужчины, представляла собой нѣчто вродѣ деревяннаго чулана; комната была не многимъ больше каморки, но казалась имъ великолѣпною съ изъѣденною червями мебелью краснаго дерева, съ истрепаннымъ ковромъ на полу, давно утратившемъ краску, съ чердачнымъ окномъ, откуда видѣлся кусокъ неба, желтаго и туслаго, какъ длинная, стеклянная, отлогая съ обѣихъ сторонъ крыша пассажа. Въ этомъ уголѣ они сами стряпали на маленькой печкѣ свою южную пищу, поддерживая воспоминанія родины сильнымъ запахомъ чеснока и поджареннаго лука. Старикъ Вальмажуръ, любившій полакомиться и поболтать въ веселой компаніи, предпочелъ-бы спускаться къ общему столу, приводившему его въ восторгъ своею бѣлою скатертью, судками и солонками изъ накладнаго серебра, и принять участіе въ шумныхъ разговорахъ господъ коммерческихъ повѣренныхъ,

сѣхъ которыхъ доносился вплоть до пятаго этажа, — но маленькая провансалка рѣшительно воспротивилась этому.

Она очень удивилась, что тотчасъ по прибытіи не увидала осуществленія блестящихъ обѣщаній Нумы — того ежедневнаго дохода въ двѣсти франковъ, который, послѣ посѣщенія парижанъ, наполнилъ ея фантастическую головку звономъ пяти-франковыхъ монетъ. Къ тому-же непошрная дороговизна парижской жизни до того поразила ее, что съ перваго-же дня ею овладѣла та безотчетная тревога, которую парижскій народъ называетъ „la peur de manquer“. О, если бы она была одна, она сьумѣла-бы извернуться, питаясь, анчоусами и оливками, какъ во время поста, одними ей-Богу! Но у „ея мужиковъ“ были волчьи зубы, ставшіе здѣсь еще длиннѣе, чѣмъ на родинѣ, такъ-какъ въ Парижѣ было не такъ жарко, и ей каждую минуту приходилось открывать свою „saquette“, большой спитый ею самую ситцевый мѣшокъ, гдѣ побрякивали три тысячи франковъ, вырученные отъ продажи ихъ имущества. Размѣнъ каждой двадцати-франковой монеты стоилъ ей такихъ усилій и борьбы, словно она разставалась съ камнями своей фермы, съ лозами своего послѣдняго виноградника. Свойственная ей, какъ крестьянкѣ, подозрительность и жадность, страхъ быть обчислительной, побудившій ее продать ферму, вмѣсто того, чтобы сдать въ аренду, — удваивались неизвѣстностью, таинственнымъ мракомъ, окружавшимъ Парижъ, этотъ громадный Парижъ; она не видала его изъ своей комнатки на чердакѣ, не ропотъ его, не умолкавшій въ этомъ шумномъ рыночномъ кварталѣ ни днемъ, ни ночью доносился до нея.

Никогда путникъ, заблудившійся въ дремучемъ лѣсу, не охранялъ своего чемодана съ такой боязливостью, съ какой провансалка прижимала къ себѣ мѣшокъ, когда переходила черезъ улицу въ своей зеленой юбкѣ, въ арлезианскомъ чепчикѣ, привлекавшихъ на себя вниманіе прохожихъ, когда заходила въ лавки; ея утиная походка, ея манера давать всѣмъ предметамъ какія-то странныя названія, называть сельдерей — *des „àrî“*, багдажаны — *des mēginjanes*, дѣлали изъ нея, французенки юга, такую же заблудившуюся въ столицѣ Франціи иностранку, какъ если-бы она пріѣхала изъ Стокгольма или Нижняго-Новгорода. Вначалѣ смиренная и вкрадчивая, она вдругъ, подѣ вліяніемъ улыбки или грубой выходки кого-нибудь торговца, выведеннаго изъ терпѣнія

ея привычкою безконечно торговаться, входила въ ярость, которая искажала судорогами ея хорошенькое, смуглое, правильное, какъ у мадонны, личико и выражалась жестами бѣсноватой и шумными, многогѣщивыми, тщеславными изліяніями. Тогда на сцену являлась исторія о двоюродномъ братѣ Пюифурса и его наслѣдствѣ, о двухстахъ франкахъ въ вечеръ, объ ихъ покровителѣ Руместанѣ, о которомъ она говорила, какъ о вещи, находящейся въ полномъ ея распоряженіи, называя его то просто—Нума, то—le ministre, съ напыщенностью, казавшейся еще смѣшнѣе ея обычной фамиллярности. Все это катилось и перемѣшивалось въ потокахъ офранцузеннаго южнаго нарѣчія, пока, наконецъ, недовѣріе снова не брало верхъ; тогда крестьянка, испугавшись своей болтливости, внезапно нѣмѣла, сжимая губы такъ-же крѣпко, какъ крѣпко затягивала шнуры своего мѣшка.

Черезъ недѣлю она уже сдѣлалась легендарною личностью въ этой мѣстности, образуемой входъ въ улицу Монмартръ, наполненной исключительно магазинами, и изливающей черезъ раскрытыя двери лавокъ, вмѣстѣ съ запахомъ овощей, свѣжаго мяса и колониальныхъ товаровъ, секреты всѣхъ домовъ квартала. Вотъ эти-то вопросы, предлагаемые ей здѣсь съ насмѣшливымъ видомъ каждое утро, при сдачѣ съ платы за ея скудныя покупки, эти намеки на постоянно откладываемый дебютъ ея брата, на наслѣдство бедуина, эти раны, наносимыя ея самолюбію, еще болѣе, чѣмъ страхъ передъ нуждою, —озлобляли Одиберту противъ Нумы, противъ его обѣщаній, въ которыхъ она вначалѣ отнеслась съ такимъ законнымъ недовѣріемъ, какъ истинная дочь юга, гдѣ, вслѣдствіе большей легкости воздуха, слова летаютъ быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

— Ахъ, если бы тогда заставили его подписать бумагу!

Это сдѣлалось у нея пунктомъ помѣшательства, и каждое утро, когда Вальмажуръ отправлялся къ министру, она непременно нащупывала лежавшій въ карманѣ его пальто листъ гербовой бумаги.

Но у Руместана дожидались подписи и не такія бумаги, какъ эта; голова его была полна заботами о болѣе важныхъ вещахъ, чѣмъ тамбурины. Онъ начиналъ дѣятельность въ министерствѣ съ тѣмъ трескомъ и лихорадкою разрушенія, съ тѣми благими порывами, которыми обыкновенно знаменуютъ вступленіе въ должность. Все казалось ему новымъ: и обширныя комнаты

зданія министерства, и расширенный горизонтъ его высокаго положенія. Достигнуть перваго ряда, „покорить Галлію“, какъ онъ выражался, еще не самый трудный подвигъ; главное—удержаться на высотѣ, оправдать свой успѣхъ умными реформами, прогрессивными мѣрами!.. Полный усердія, онъ справлялся, совѣтовался, разсуждалъ и буквально окружилъ себя свѣтилами. Съ извѣстнымъ профессоромъ Бешю онъ изучалъ недостатки университетскаго воспитанія, средства искоренить въ лицахъ вольтеріанскій духъ; онъ призывалъ на помощь опытность своего помощника по департаменту изящныхъ искусствъ, де-ла-Кальметъ, двадцать девять лѣтъ состоявшаго на службѣ, и директора оперы, де-Кардальяка, сѣмълѣтшаго удержаться послѣ трехъ банкротствъ, чтобы преобразовать по новымъ планамъ консерваторію, художественную выставку, музыкальную академію...

Но дѣло въ томъ, что онъ не слушалъ этихъ господъ, говорилъ по цѣлымъ часамъ и вдругъ, взглянувъ на часы, вставалъ и, наскоро простившись, отпускалъ ихъ: время было ѣхать въ совѣтъ или въ палату.

— Вотъ судьба!.. Какое существованіе! Нѣтъ ни одной минуты для себя!.. И такъ, рѣшено, любезный другъ... Присылайте поскорѣе вашъ докладъ.

Доклады эти накоплялись на конторкѣ Межана, который, несмотря на свои способности и добрую волю, едва справлялся съ текущими дѣлами и не тревожилъ сна великихъ реформъ. Какъ всѣ вступающіе въ должность министры, Руместанъ привелъ съ собой и своихъ людей—блестящій персоналъ улицы Скрибъ: барона Лаппара, вивонта Ропморъ; они придавали новому кабинету аристократическій оттѣнокъ, хотя сами находились въ совершенномъ оцѣпенѣніи и въ полномъ невѣжествѣ относительно дѣлъ.

Когда Вальмажуръ въ первый разъ явился въ улицу Гренель, его принялъ Лаппара, занимавшійся преимущественно отдѣломъ изящныхъ искусствъ, отправляя безпрестанно нарочныхъ—драгунновъ и кирасировъ—къ актрисамъ маленькихъ театровъ съ письменными приглашеніями, въ большихъ министерскихъ конвертахъ, на ужинъ. Иногда въ конвертѣ даже ничего не было, онъ просто служилъ предлогомъ для того, чтобы въ день срока платежа по векселю, выставить на видъ внушающую довѣріе фигуру кирасира министерства.—Господинъ баронъ принялъ тамбуринщика съ

добродушнымъ, нѣсколько надменнымъ, видомъ важнаго господина, принимающаго одного изъ своихъ арендаторовъ. Протянувъ ноги, чтобы не измять своихъ брюкъ цвѣта bleu de France, онъ говорилъ съ нимъ, едва раскрывая губы и не переставая полировать и подпиливать свои ногти.

— Очень трудно въ настоящую минуту... министръ такъ занять... Скоро, черезъ нѣсколько дней... Васъ предупредить, мой любезный.

Когда-же музыкантъ наивно признался, что дѣло-то спѣшное, что средствъ ихъ хватить не на вѣкъ, господинъ баронъ, кладя свою пилку на край конторки, самымъ серьезнымъ тономъ предложилъ ему придѣлать къ своему тамбурину вращающуюся стрѣлку.

— Стрѣлку къ тамбурину? Зачѣмъ?

— Боже мой, для того, мой милый, чтобы употреблять его, какъ *boite à plaisir* *) во время „мертваго“ сезона.

При слѣдующемъ посѣщеніи, Вальмажуръ имѣлъ дѣло съ ви-контомъ Рошморъ. Приподнявъ свою завитую въ мелкіе локоны голову изъ-за запыленной кнпы бумагъ, гдѣ она совершенно исчезала, онъ добросовѣстно распросилъ о механизмѣ дудки, дѣлалъ замѣтки, старался вникнуть и въ концѣ-концовъ объявилъ, что онъ преимущественно занимается отдѣломъ духовныхъ дѣлъ. Послѣ этого, несчастный музыкантъ уже никогда никого не заставлялъ, такъ-какъ весь кабинетъ послѣдовалъ за министромъ въ тѣ недоступныя области, гдѣ скрывался его превосходительство. Однако, онъ не утратилъ ни спокойствія, ни смѣлости и, слушая уклончивые отвѣты швейцаровъ, видя какъ они пожимали плечами, онъ по-прежнему широко раскрывалъ свои удивленные, блестящіе глаза съ той полунасмѣшливой искрой въ глубинѣ ихъ, въ которой заключается вся выразительность провансальскаго взгляда.

— Ладно, ладно... я найду въ другой разъ.

И дѣйствительно онъ опять приходилъ. Если-бы не его высокія гамаша и висѣвшій на перевязи инструментъ, его можно-бы

*) Такъ называются большія, раскрашенныя яркими цвѣтами коробки, имѣющія форму барабана; съ ними торговцы ходятъ по ярмаркамъ или изъ села въ село. Въ нихъ лежатъ всякія сласти — леденцы, пряники, — которые торговецъ не продаетъ, а разыгрываетъ въ лотерею; для этого къ коробѣ придѣлана стрѣлка, вращающаяся въ центрѣ циферблата съ номерами. При счастіи можно за одинъ су выиграть большой пряникъ, стоящій, по крайней мѣрѣ, четыре су.

Прим. пер.

было принять за одного изъ служащихъ въ этомъ домѣ, до того пощёнія его были правильны, хотя съ каждымъ утромъ они становились затруднительнѣе.

Одинъ видъ высокихъ сводчатыхъ воротъ заставлялъ теперь биться его сердце. Въ глубинѣ свода видѣлся старинный отель Ожеро съ своимъ обширнымъ дворомъ, гдѣ уже складывали на зиму дрова, съ своими двумя подъѣздами, по которымъ было такъ трудно подниматься подъ насмѣшливыми взглядами прислуги. Все увеличивало его волненіе: серебряныя цѣпи швейцаровъ, обшитыя галунами шляпы, всѣ эти безконечныя принадлежности величественной обстановки, отдѣлявшей музыканта отъ его покровителя. Но еще болѣе боялся онъ сценъ, ждавшихъ его на своей квартирѣ, гнѣвно сдвинутыхъ бровей Одиберты, вотъ почему онъ все-таки и продолжалъ ходить, отчаявшись въ успѣхѣхъ. Наконецъ, консьержъ сжалился надъ нимъ и посоветовалъ ему, если онъ хочетъ видѣть министра, ждать его на станціи Saint-Lazare, въ моментъ отхода поѣзда въ Версаль. Онъ отправлялся туда и караулилъ въ большой залѣ перваго этажа, оживленной въ часъ отхода парламентскихъ поѣздовъ совершенно своеобразныхъ видомъ. Депутаты, сенаторы, министры, журналисты, правая, лѣвая — всѣ партіи толпились здѣсь, такія-же пестрыя и многочисленныя, какъ покрывавшія стѣны сивія, зеленыя, красныя объявленія; всѣ кричали, шептались; одна группа слѣдила за другою; одинъ отходилъ въ сторону и пережевывалъ свою будущую рѣчь; другой — какой-нибудь корридорный ораторъ — потрясалъ стекла раскатами своего голоса, которому никогда не суждено раздаваться въ палатѣ. Акценты сѣвера и юга, разнообразія мнѣній и темпераментовъ, сплетеніе честолюбія и интригъ, шумный топотъ лихорадочной толпы, политика со всѣми ея атрибутами, — все это совершенно было у мѣста въ этой неопредѣленности ожиданія, въ этой толкотнѣ срочнаго путешествія, когда, при звукѣ свистка, поѣздъ стремится вдоль длинной перспективы рельсовъ, дисковъ, локомотивовъ, по зыбкой почвѣ, полной случайностей и неожиданныхъ приключеній.

По прошествіи пяти минутъ, Вальмажуръ увидѣлъ Руместана; опершись на руку секретаря, который несъ его портфель, онъ шелъ въ распахнувшемся пальто, съ сіяющимъ лицомъ, такой, какимъ Вальмажуръ увидѣлъ его въ первый день на эстрадѣ ам-

фитеатра; издали еще онъ узналъ его голосъ, его ласковыя слова, его дружескія изліянія:— „Будьте увѣрены... положитесь на меня... Это такъ-же вѣрно, какъ-будто вы уже имѣете его“...

Министръ въ это время находился еще въ медовомъ мѣсяцѣ власти. Въ политическихъ парламентскихъ схватокъ, далеко не столь ожесточенныхъ, какъ можно-бы было думать, имѣющихъ значеніе соперничества краснабаевъ и перебранки адвокатовъ, защищающихъ противоположныя интересы,—онъ, насколько ему было извѣстно, не имѣлъ враговъ, такъ-какъ въ теченіи трехнедѣльной министерской карьеры не успѣлъ еще утомить просителей. Онъ еще пользовался кредитомъ; развѣ только двое или трое изъ чающихъ уже начинали терять терпѣніе и поджидать его появленія. Ускоря шага, мимоходомъ привѣтствовалъ онъ этихъ немногихъ громкимъ: „Здравствуйте, пріятель!“ Эти слова предупреждали и въ то-же время обезоруживали упреки, фамиллярно отстраняли требованія на приличное разстояніе, разочаровывали просителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ были для нихъ лестны. Это „bonjour, ami!“ было просто находкой и притомъ отличалось совершенно истинетивною двусмысленностью.

При видѣ музыканта, подходившаго къ нему своей раскачивающей походкой, съ широкой улыбкой, обнажавшей его бѣлыя зубы, Нумѣ очень хотѣлось пустить въ ходъ свое дипломатическое „здравствуйте пріятель!“ Но какъ-же назвать пріателемъ этого неотесаннаго мужика въ маленькой войлочной шляпѣ, въ сѣрой жакеткѣ, изъ подъ которой виднѣлись руки, бурья, какъ на деревенскихъ фотографіяхъ? Онъ предпочелъ принять свой „министерскій видъ“ и гордо пройти мимо, оставивъ за собою бѣднагу, пораженнаго, уничтоженнаго, оттертаго въ сторону толпою, тѣснившуюся за великимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, Вальмажуръ снова пришелъ на другой день, приходилъ и въ слѣдующіе дни; но онъ уже не смѣлъ приближаться и сидѣлъ на краю скамейки, какъ одна изъ тѣхъ покорныхъ, печальныхъ фигуръ, которыя попадаются на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ; по наружности это солдаты или эмигранты, готовые на всѣ случайности тяжелой судьбы. Руместанъ не могъ избѣгнуть встрѣчи съ этой нѣмой фигурой, всегда стоявшей поперекъ его дороги. Какъ ни притворялся онъ, будто не узнаетъ его, какъ ни старался смотрѣть въ другую сторону и говорить громче,—улыбка его жертвы была все на томъ-же мѣ-

стѣ и оставалась тамъ вплоть до ухода поѣзда. Нума, конечно, предпочелъ-бы грубыя требованія, крикливую сцену, которая повлекла-бы за собою вмѣшательство полиціи и освободила-бы его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что онъ, министръ, отправлялся иногда съ другой станціи, вѣхалъ по линіи лѣваго берега, чтобы избѣгнуть этого живого угрызения совѣсти. Такъ въ жизни людей самаго высокаго положенія бывають подобныя ничтожныя непріятности, равносильныя маленькому камешку въ сапогѣ-скороходѣ.

Но музыкантъ не терялъ терпѣнія.

— Значить, онъ нездоровъ... говорилъ онъ самъ себѣ въ такіе дни и упорно возвращался къ своему посту. А дома сестра съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидала его возвращенія.

— Ен, бѣ! Ну, что? Видѣлъ ты его, министра?.. Подписалъ онъ бумагу?

И еще больше, чѣмъ неизмѣнное: „non p̄e p̄o g e!“ ее выводило изъ себя невозмутимое хладнокровіе брата, бросавшаго въ уголь свой барабанъ, перевязь котораго уже оставила слѣдъ на его плечѣ, — безчувственное, беззаботное хладнобровіе, встрѣчающееся у южныхъ натуръ такъ-же часто, какъ и живой темпераментъ. Тогда странное маленькое созданіе приходило въ ярость. Да что-же у него было въ жилахъ вмѣсто крови! Неужели же это никогда не кончится? — „Берегись, если я вдругъ возьмусь за дѣло!“ ... А онъ преспокойно выжидаль окончанія бури, затѣмъ вынималъ изъ футляра дудку и палочку съ наконечникомъ изъ слоновой кости, перетиралъ ихъ шерстяной тряпочкой, боясь, чтобы они не отсырѣли, и, принимаясь поларовать ихъ, общалъ завтра вѣзаться за дѣло лучше, попытаться еще разъ сходить въ министерство и, если Руместана не будетъ дома, постараться увидать его жену.

— Ah, va! Ну, вотъ еще, его жену... ты вѣдь знаешь, что она не любитъ твоей музыки... Вотъ, если-бы барышня... она-такъ дѣйствительно — раг эзепле!..

И она покачала головою.

— И женѣ, и барышнѣ, — всѣмъ имъ наплевать на васъ... замѣчалъ старикъ Вальмажуръ, сидя на корточкахъ передъ торфянымъ огнемъ, который его дочь изъ экономіи засыпала золою, что служило предметомъ вѣчной ссоры между ними.

Подъ вліяніемъ профессиональной ревности, онъ въ глубинѣ души

нисколько не огорчался неудачами сына. Табъ-какъ всѣ эти затрудненія, вся эта крупная передрага въ ихъ жизни соотвѣтствовали его цыганскимъ вкусамъ, его привычкамъ бродячаго музыканта, то онъ сначала радовался путешествію, радовался при мысли увидѣть Парижъ — „Парижъ — рай женщинъ и адъ лошадей“, какъ говорили провансальскіе извозчики, причемъ въ ихъ воображеніи рисовались гуріи, покрытыя легкими одѣянiями, и лошади, корчившіяся и поднимавшіяся на дыбы среди пламени. Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ холодъ, лишенія, дождь. Изъ страха передъ Одибертой и изъ уваженія къ министру, онъ ограничивался вначалѣ тѣмъ, что, дрожа отъ холода въ своемъ углу, ворчалъ, изрѣдка подпуская словечко или подмигивалъ глазомъ; но измѣна Руместана, гнѣвныя изліянія дочери дали и ему, въ свою очередь, возможность обратить обвиненія противъ дѣтей. Онъ мстилъ за всѣ раны, нанесенныя его самолюбію успѣхами сына и мучившія его уже десять лѣтъ. Онъ пожималъ плечами, слушая дудку.

— Играй, играй, говорилъ онъ про себя; — не много изъ этого выйдетъ толку...

Вслѣдъ затѣмъ онъ громко спрашивалъ: не жестоко-ли человекъ въ его лѣтахъ потащить въ такую даль, въ эту „Сиберию“, чтобы онъ околѣлъ тамъ отъ холода и нужды; онъ вспоминалъ свою „бѣдную святую жену“, которая, впрочемъ, по его же милости умерла съ гори, „высохла, какъ коза“, по выраженію Одиберты, — по цѣлымъ часамъ охалъ и кривлялся, прислонившись, весь красный, головою къ очагу, пока, наконецъ, дочь, утомленная его жалобами, не отдѣлывалась отъ него двумя-тремя су, съ которыми онъ отправлялся къ виноторговцу выпить стаканчикъ сладкаго. Тамъ его отчаянье тотчасъ стихало; тамъ было тепло, печка пытѣла. Тамъ старый шутъ, согрѣвшись и одушевившись, овладѣвалъ привычнымъ ему остроуміемъ героя итальянской комедіи, съ большимъ носомъ, съ тонкими губами, съ маленькимъ, сухимъ, искривленнымъ туловищемъ. Онъ потѣшалъ зрителей своими гасконадами, острилъ по поводу тамбурина сына, ради котораго они терпѣли въ гостинницѣ всякаго рода непріятности.

Дѣйствительно, Вальмажуръ, подстрекаемый вѣчнымъ ожиданіемъ дебюта, упражнялся на своемъ инструментѣ до середины ночи, и сосѣди жаловались на пронзительныя трели его флейты, на непрерывное жужжаніе тамбурина, отъ котораго дрожала лѣст-

ница, словно на пятомъ этажѣ помѣщался безпрестанно вращающійся гончарный кругъ.

— Ничего, продолжай... говорила Одиберта брату, когда хозяйка гостиницы протестовала. Не доставало еще, чтобы въ Парижѣ, гдѣ вѣчно стоитъ такой содомъ, что цѣлую ночь невозможно сомкнуть глазъ, человѣкъ не имѣлъ права упражняться „на своей музыкѣ“!

И онъ продолжалъ на ней упражняться. Но въ концѣ-концовъ имъ отказали отъ квартиры; при мысли о необходимости покинуть этотъ пассажъ, пользующійся такою славою въ Апсѣ и напоминавшій о родинѣ, имъ казалось, что тяжесть изгнанія еще увеличивалась, что они подвигались еще дальше къ сѣверу.

Наканунѣ переѣзда, Одиберта, послѣ обычной безплодной экскурсіи тамбуринщика, наскоро накормила своихъ „мужиковъ“; въ продолженіи всего завтрака она не говорила ни слова, но блескъ ея глазъ и увѣренный видъ показывали, что она на что-то рѣшилась. Покончивъ съ ѣдой, она предоставила имъ собрать со стола и накинула на плечи свою длинную мантилью цвѣта ржавчины.

— Два мѣсяца, два мѣсяца скоро, какъ мы въ Парижѣ!.. сказала она, стискивая зубы. — Довольно съ насъ... Поиду-ка я сама поговорю съ этими министрами!

Она поправила ленту на своемъ отчаянномъ маленькомъ чепчикѣ, который на ея зачесанныхъ широкими прядями волосахъ принималъ видъ военной каски, и быстро вышла изъ комнаты, на каждомъ шагу подкидывая старательно вычищенными каблучками подолъ своего грубаго шерстянаго платья. Отецъ и сынъ съ испугомъ посмотрѣли другъ на друга, не пытаясь удержать ее, такъ-какъ прекрасно знали, что это только еще болѣе распалитъ ея гнѣвъ. Все это время они провели вдвоемъ, едва обмѣнявшись тремя словами. Дождь барабанилъ по стеклянной крышѣ; одинъ полировалъ палочку и дудку, другой стряпалъ обѣдъ на огнѣ, стараясь разжечь его по возможности ярко, чтобы хоть разъ дѣсьта нагрѣться во время долгаго отсутствія Одиберты. Наконецъ, въ корридорѣ раздались частые шаги ея короткихъ ногъ. Она вошла; она вся сіяла.

— Жаль, окно выходитъ не на улицу, сказала она, снимая плащъ, на которомъ не было ни капли дождя. — Вы могли бы увидѣть внизу прекрасную карету, въ которой я пріѣхала...

— Барета!.. Ты шутишь?

— И лакеи... съ галунами... То-то пойдутъ разговоры въ гостилицѣ!

Наконецъ, среди безмолвія удивлявшихся слушателей, она сказала словами и мимикой исторію своей экспедиціи. Прежде всего, вмѣсто того, чтобы спрашивать министра, который никогда бы ее не принялъ, она узнала адресъ — „можно получить все, что угодно, если говорить съ людьми вѣжливо“ — адресъ сестры, высокой барышни, пріѣзжавшей съ нимъ въ Вальмажуръ. Она живетъ не въ министерствѣ, а у своихъ родителей, въ кварталѣ съ маленькими дурно-мощеными улицами, съ запахомъ аптекъ и москательныхъ лавокъ, напомнившимъ Одибертѣ родную провинцію. И далеко-же это было, пришлось долго идти! Наконецъ, она нашла домъ, на площади, гдѣ были аркады, какъ и вокругъ площади въ Апеѣ. Ахъ, что за славная барышня! Какъ хорошо она ее приняла, безъ всякой гордости, хотя въ домѣ у нея все было очень богато, съ чудною позолотою въ комнатахъ и съ занавѣсками, и такъ и этакъ развѣшанными по всѣмъ сторонамъ.

„А, здравствуйте!.. Такъ вы въ Парижѣ?.. Какими судьбами?.. Давно-ли?“ А когда она узнала, какъ Нума ихъ водить за носъ, сейчасъ позвонила своей гувернантѣ — и она тоже настоящая дама, въ шляпѣ — и всѣ трое поѣхали въ министерство. „Нужно было видѣть, съ какой поспѣшностью, съ какими низкими поклонами, до самой земли, всѣ эти старые лакеи бросались растворять передъ нею двери!“

— Такъ, стало-быть, ты видѣла министра? робко спросилъ Вальмажуръ, когда она остановилась, переводя дыханіе.

— Еще бы не видѣть!.. И вѣжливъ-же онъ, увѣряю тебя!.. Ахъ, бѣдный простякъ; вѣдь говорила я тебѣ, что нужно пустить въ дѣло барышню. Это она такъ быстро обстроила все дѣло и безъ долгихъ разговоровъ... Черезъ недѣлю будетъ большой праздникъ съ музыкой въ министерствѣ, чтобы показать тебя директорамъ. А послѣ этого сейчасъ: кра-кра — бумага и подпись.

Но лучше всего было то, что барышня сама проводила ее, въ каретѣ министра, до самыхъ дверей ея дома.

— И какъ ей хотѣлось подняться сюда... прибавила провансалька, подмигивая отцу и искривляя свое хорошенькое личико въ многозначительную гримасу.

Все лицо старика съ его истрескавшейся, какъ сухая фига, кожей съежилось съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто онъ говорилъ: — „Понялъ... ни слова больше!“... О, онъ теперь уже не смѣялся надъ тамбуриномъ. Самъ Вальмажуръ, по-прежнему покойный, не понялъ коварнаго намека своей сестры. Онъ думалъ только о предстоящемъ дебютѣ и, снявъ со стѣны тамбуринъ, началъ повторять всѣ свои пѣсни, оглашая на прощанье весь пассажъ, изъ конца въ конецъ, цѣлымъ букетомъ трелей на самые затѣйливые мотивы.

ГЛАВА VIII.

Возвратъ юности.

Министръ и его жена оканчивали завтракъ въ великолѣпной, слишкомъ уже обширной, столовой первого этажа, которую, казалось, не могли согрѣть ни толстыя гардины, ни калориферы, отопливавшіе весь домъ, ни паръ, поднимавшійся отъ обильнаго завтрака. Въ это утро они случайно были одни. На скатерти, посреди десерта, всегда очень разнообразнаго за столомъ южанина, стояли сигарный ящикъ, чашка настоя желѣзняка, замѣняющаго провансальцамъ чай, и большіе картонны съ рядами разноцвѣтныхъ карточекъ, на которыхъ были записаны имена сенаторовъ, депутатовъ, ректоровъ, профессоровъ, академиковъ, свѣтскихъ людей, — словомъ всего ординарнаго и экстраординарнаго персонала, посѣщавшаго вечера въ домъ министра; между этими картонками было нѣсколько болѣе высокихъ, съ карточками привилегированныхъ, приглашенныхъ на первую серію „маленькихъ концертовъ“. Мадамъ Руместанъ, пересматривая ихъ, останавливалась на извѣстныхъ именахъ, между тѣмъ какъ Нума, выбирая себѣ сигару, которую онъ обыкновенно курилъ послѣ завтрака, искоса слѣдилъ за женою, отыскивая на этой спокойной физиономіи выраженіе неодобренія или протеста противъ той, нѣсколько безтолковой, манеры, съ какой были сдѣланы первыя приглашенія.

Но Розалія ничего не требовала. Всѣ эти приготовленія были для нея совершенно безразличны. Съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ министерствѣ, она чувствовала себя еще болѣе далекою

отъ мужа, благодаря этимъ непрерывнымъ обязанностямъ, постоянной толпѣ народа и слишкомъ открытой жизни, уничтожавшей всякую интимность. Къ этому присоединилось все еще горькое для нея сожалѣніе о томъ, что у нея нѣтъ дѣтей, что она не слышитъ вокругъ себя неутомимыхъ маленькихъ шаговъ, серебристаго, звонкаго смѣха, которые бы изгнали изъ ея столовой ледяной оттѣнокъ табль д'ота.

Среди неловкаго безмолвія, воцарившагося къ концу завтрака, до столовой долетали, ослабленные разстояніемъ, звуки, — порывы музыкальной гармоніи, сопровождаемой стукомъ молотковъ внизу, гдѣ приколачивали гардины, устраивали эстраду для концерта, въ то время, какъ музыканты дѣлали общую репетицію, пробовали свои пьесы. Дверь открылась. Начальникъ кабинета вошелъ съ бумагами.

— Какъ, — еще просьбы?

Руместанъ всплилъ. Это, наконецъ, невозможно! Если-бы просителемъ явился даже самъ папа, — теперь уже нѣтъ ни одного свободнаго мѣста!

Межанъ съ невозмутимымъ видомъ положилъ передъ нимъ пакетъ писемъ, карточекъ и надушенныхъ записокъ.

— Трудно отказать... вы общали...

— Я?... Да я ни съ кѣмъ ни говорилъ...

— Посмотрите... *Любезный господинъ министръ, напоминаю вамъ о вашемъ добромъ словѣ...* Или вотъ это... *Генералъ говорилъ мнѣ, что вы были такъ добры, что предложили ему...* Или еще... *Напоминаю господину министру о его обѣщаніи...*

— Что-же это? Лунатикъ я, что-ли? воскликнулъ Руместанъ въ изумленіи.

По правдѣ-же дѣло объяснялось тѣмъ, что лишь только былъ назначенъ срокъ концерта, Руместанъ сталъ говорить всякому, съ кѣмъ встрѣчался въ палатѣ или въ сенатѣ: „Вы знаете, десятаго числа я рассчитываю на васъ“... А такъ-какъ онъ еще прибавлялъ: „совершенно интимно“, то понятно, что люди не забывали о такомъ лестномъ приглашеніи.

Смущенный, что его такъ уличили въ присутствіи жены, онъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, накинудся на нее.

— Хороша тоже твоя сестра съ своимъ тамбуринщикомъ...

Очень мнѣ нужно было затѣвать всю эту суматоху... Я рассчитывалъ начать наши концерты гораздо позднѣе... Но эта дѣвочка загорѣлась такимъ нетерпѣніемъ: „Нѣтъ, нѣтъ... сейчасъ, сейчасъ“... Да и ты тоже торопила не меньше ея... Будь я проклятъ, если этотъ тамбурина не вскружилъ вамъ головы!

— О, нѣтъ, не мнѣ! улыбаясь сказала Розалія.—Я даже очень опасался, что парижане не поймутъ этой чужеземной музыки. Въмѣстѣ съ нею нужно-бы было перенести въ Парижъ широкій горизонтъ Прованса, его костюмы, фарандолу... Но прежде всего — прибавила она серьезнымъ тономъ — нужно было исполнить данное обѣщаніе.

— Обѣщаніе, обѣщанію... повторялъ Нума; — скоро нельзя будетъ уже ни одного слова сказать.

Чувствуя положительную потребность подразнить кого-нибудь, онъ обратился къ своему секретарю.

— Боже мой! Не всѣ южане похожи на васъ, мой милый; не всѣ такіе холодные, благоразумные, скупые на слова... Вы извращенный южанинъ, вы ренегатъ, вы — franciot, какъ говорятъ у насъ... Хорошъ южанинъ, нечего сказать!.. Человѣкъ, который никогда не солгалъ... и не любить чая изъ желѣзняка! прибавилъ онъ съ комическимъ негодованіемъ.

— И я не такой ужъ franciot, какъ можно-бы подумать, судя по моей наружности, господинъ министръ, возразилъ Межанъ все такъ-же спокойно. Когда я, двадцать лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ въ Парижъ, отъ меня такъ и несло родиной: и я отличался тѣмъ-же апломбомъ, тѣмъ-же акцентомъ, тѣми-же жестами, тою-же болтливостью и изобрѣтательностью, какъ...

— Какъ Бомпаръ, подсказалъ Руместанъ, который не любилъ, чтобы другіе смѣялись надъ его завадычнымъ другомъ, но самъ себя не ставилъ этого въ вину.

— Ну, да, почти до такой-же степени, какъ Бомпаръ... Какой-то инстинктъ побуждалъ меня никогда не говорить ни слова правды... Въ одно прекрасное утро мною овладѣлъ стыдъ, и я сталъ работать надъ собою, чтобы исправиться. Что касается внѣшнихъ проявленій этой страсти къ преувеличенію, то съ ними еще можно совладать, понижая голосъ, не давая воли рукамъ; но все, что кипитъ внутри, что просится наружу... Наконецъ, я рѣшился на героическое средство. Всякій разъ, когда я ловилъ

себя на лжи, я осуждалъ себя на молчаніе въ продолженіи остальной части дня... вотъ какъ мнѣ удалось передѣлать свою натуру... Тѣмъ не менѣе инстинктъ все еще живъ во мнѣ, тамъ, въ глубинѣ моего молчанія, моей холодности... Иногда мнѣ случается вдругъ остановиться на половинѣ фразы; это не оттого, что я не нахожу слова; напротивъ, — я удерживаюсь, чувствуя, что солгу.

— Ужасный вѣгъ! Нѣтъ возможности спастись отъ него... промолвилъ добродушный Нума, съ философскою невозмутимостью посылая въ потолоку клубы дыма своей сигары. — Что касается меня, то его вліяніе проявляется у меня преимущественно въ этой манерѣ общанія, въ этой страсти кидаться людямъ на шею и благодѣтельствовать имъ даже противъ ихъ воли...

Дежурный приставъ прервалъ его, возгласивъ на порогѣ двери особеннымъ конфиденціальнымъ тономъ: — „Господинъ Бешю пріѣхалъ...“

Министръ не могъ удержаться отъ выраженія досады.

— Я завтракаю, и хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ!

Приставъ извинился, замѣтивъ, что господинъ Бешю сказалъ, будто „его превосходительство сами изволили“... Руместанъ успокоился...

— Хорошо, хорошо, — я иду... Пусть подождетъ въ моемъ кабинетѣ.

— Это невозможно, замѣтилъ Межанъ; — вашъ кабинетъ занятъ... Главный совѣтъ, вѣдь вы знаете... вы сами назначили часъ.

— Въ такомъ случаѣ у Лаппара...

— Туда я помѣстилъ тульского епископа, робко замѣтилъ приставъ; господинъ министръ изволилъ приказать мнѣ...

Оказалось, что всѣ комнаты заняты; вездѣ сидѣли лица, которыхъ онъ конфиденціалью просилъ зайти въ этотъ часъ, когда навѣрное можно было застать его дома; большинство изъ нихъ были люди съ положеніемъ; ихъ нельзя было заставить ждать въ приемной вмѣстѣ съ остальной мелюзгой.

— Возьми мой маленькій салонъ... Я уйду, сказала Розалія, вставая.

Пока приставъ и секретарь отправились размѣщать посѣтителей и просить ихъ подождать, министръ наскоро допивалъ свой чай, обжигался и нѣсколько разъ повторялъ: — „я заваленъ по горло, по горло...“

— Чего ему еще нужно, этому несносному Бешю? спросила Розалія, инстинктивно понижая голосъ въ этомъ переполненномъ домѣ, гдѣ за каждою дверью сидѣло по чужому человѣку.

— Чего онъ хочетъ? Директорскаго мѣста, вотъ чего! Это акула, собирающаяся поглотить Дансэрта; она только ждетъ, когда его выбросятъ за бортъ, чтобы пожрать его.

Она быстро подошла къ нему.

— Господинъ Дансэртъ оставляетъ министерство?

— Развѣ ты его знаешь?

— Отецъ мой часто говорилъ мнѣ про него... Это его землякъ, другъ дѣтства... Онъ считаетъ его благороднымъ и чрезвычайно умнымъ человѣкомъ.

Руместанъ пробормоталъ какіе-то резоны: „Дурныя стремленія... вольтеріанецъ... Это входило въ планъ реформъ. Да, наконецъ, онъ уже очень старъ“.

— И на его мѣсто ты хочешь назначить Бешю?

— О, я знаю, что онъ, бѣдняжка, не обладаетъ способностью нравиться дамамъ.

Она презрительно улыбулась.

— Я такъ-же мало забочусь о его дерзостяхъ, какъ и о его благосклонности... Но я не могу простить ему его клерикальныхъ гримасъ, его выставленной на показъ благонамѣренности. Я уважаю всѣ убѣжденія, всѣ вѣрованія... Но если въ мірѣ существуетъ что-нибудь отвратительное, ненавистное, Нума, такъ это — ложь, это — лицемеріе.

Помимо воли голосъ ея возвысился; она говорила съ жаромъ, краснорѣчиво; нѣсколько холодное лицо ея засвѣтилось выраженіемъ благородства и прямоты, покрылось розовою краскою благороднаго негодованія.

— Тшъ... тшъ! останавливалъ ее Нума, указывая на дверь.

Конечно, онъ соглашался съ тѣмъ, что это не совсѣмъ справедливо. Старикъ Дансэртъ приноситъ большую пользу въ своей должности. Но что же дѣлать? Онъ далъ слово.

— Возьми его назадъ, сказала Розалія... Послушай, Нума, для меня, прошу тебя.

Это было нѣжное приказаніе, подчеркнутое пожатіемъ маленькой ручки, опиравшейся на его плечо. Онъ былъ тронутъ. Давно уже его жена, повидямому, вовсе не интересовалась его жизнью и

съ молчаливою снисходительностью слушала, когда онъ повѣрялъ ей свои безпрерывно мѣнявшіеся проекты. Эта просьба польстила ему.

— Развѣ можно отказать вамъ въ чемъ-нибудь, дорогая моя?

И поцѣлуй, который онъ напечатлѣлъ на кончикахъ ея пальцевъ, дрожью пробѣжалъ по ея рукѣ подъ узкую кружевную манжетку. У нея были такія красивыя руки!.. Тѣмъ не менѣе эта обязанность сказать человѣку въ лицо непріятную вещь была для него мучительна; сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ всталъ съ мѣста.

— Смотри, я здѣсь... я слушаю... сказала она, ласково грозя ему пальцемъ.

Онъ прошелъ въ сосѣдній маленькій салонъ и оставилъ за собою дверь полуотворенною, чтобы придать себѣ смѣлости и чтобы жена могла слышать ихъ разговоръ. О, начало было твердо и энергично.

— Я въ отчаяніи, мой милый Бешю... То, что я хотѣлъ сдѣлать для васъ, невозможно...

Изъ отвѣтовъ ученаго слышна была только плаксивая, умоляющая интонація, прерываемая шумнымъ сопѣніемъ его длиннаго, какъ у тапира, хобота. Но, къ великому удивленію Розаліи, Руместанъ не уступалъ и продолжалъ защищать Дансѣрта тономъ убѣжденія, казавшагося удивительнымъ въ человѣкѣ, которому только-что внушили всѣ эти аргументы. Конечно, ему не легко было измѣнить данному слову, но не лучше-ли было поступить такъ, чѣмъ совершить несправедливость? Это была мысль его жены, положенная на музыку, переложенная на другой тонъ и исполненная съ широкими драматическими жестами, отъ которыхъ приходили въ движеніе гардины.

— Наконецъ, прибавилъ онъ, внезапно мѣняя тонъ, — я намѣренъ вознаградить васъ за это маленькое разочарованіе...

„О, Боже мой“!.. воскликнула Розалія въ полголоса... Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ цѣлый градъ удивительныхъ общаній: командорскій крестъ къ будущему новому году, первое свободное мѣсто въ Главномъ Совѣтѣ и т. д., и т. д. Проситель, для виду, пытался протестовать, но Нума тотчасъ прервалъ его:

— Оставьте, оставьте... это просто дѣло справедливости... Такіе люди, какъ вы, слишкомъ рѣдки...

Опьяненный благосклонностью, не находя словъ отъ избытка усердія, министръ положительно кончилъ-бы тѣмъ, что предло-



жилъ свой собственный портфель, если-бы Бешю не удался. Когда онъ былъ уже на порогѣ, Нума остановилъ его еще разъ.

— Я рассчитываю на васъ въ воскресенье, любезный профессоръ... Я открываю рядъ маленькихъ концертовъ... Въ интимномъ кружкѣ, вы понимаете... между избранными друзьями...

Возвратившись къ Розалии, онъ спросилъ:

— Ну, что ты скажешь?.. Надѣюсь, я ни въ чемъ не уступилъ ему?

Это было такъ смѣшно, что она встрѣтила его громкимъ смѣхомъ. Когда онъ узналъ, чему она смѣется, и услышалъ обо всѣхъ новыхъ обязательствахъ, взятыхъ имъ на себя, онъ, казалось, самъ пришелъ въ ужасъ.

— Ну, ничего... ничего... я все-таки очень тебѣ благодарна.

Она оставила его съ улыбкою, напомиравшею прежніе дни; на душѣ у нея было легко отъ сознанія сдѣланнаго добраго дѣла; быть можетъ, она была счастлива и оттого, что чувствовала, какъ въ глубинѣ сердца зашевелилось что-то такое, что она давно уже считала умершимъ.

— Ангель! промолвилъ тронутый Руместанъ, провожая ее нѣжнымъ взглядомъ.

Въ это время вошелъ Межанъ, чтобы напомнить ему о Совѣтѣ.

— Знаете-ли, другъ мой, обратился къ нему Нума,—когда ищешь счастье обладать такою женою... бракъ—рай земной... Торопитесь жениться.

Межанъ, не отвѣчая, покачалъ головою.

— Какъ! Развѣ ваши дѣла стоятъ плохо?

— Боюсь, что да. Мадамъ Руместанъ обѣщала мнѣ спросить свою сестру, а такъ-какъ она съ тѣхъ поръ никогда не говоритъ со мною объ этомъ...

— Хотите, я возьму это на себя? Я отлично лажу съ своей маленькой свояченицей. Бьюсь объ закладъ, что уговорю ее.

Въ чайникѣ оставалось немного чая. Наливая себѣ новую чашку, Руместанъ принялся увѣрять въ дружбѣ своего секретаря. О, почести не измѣнили его. Межанъ по-прежнему его неизмѣнный лучший другъ. Въ обществѣ Межана и Розалии онъ чувствуетъ себя болѣе твердымъ, болѣе способнымъ...

— Ахъ, другъ мой, что это за женщина! Если-бы вы знали,

какъ она была ко мнѣ добра, снисходительна!.. Когда я подумаю, что мнѣ...

Ему положительно стоило усилія удержаться отъ признанія, которое, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, просилось наружу.

— Не любить ее было бы просто преступленіемъ, прибавилъ онъ.

Баронъ де-Лаппара быстро вошелъ, съ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Мадмуазель Вашелери пришла, объявилъ онъ.

Лицо Нумы вспыхнуло; свергнувшая въ глазахъ молнія осушила набѣгавшую на нихъ слезу умиленія.

— Гдѣ она?.. У васъ?

— У меня уже сидѣлъ монсеньоръ Липманъ, сказалъ Лаппара съ легкой усмѣшкою, подумавъ о возможности подобной встрѣчи.—Я помѣстилъ ее внизу, въ большой залѣ. Репетиція кончена.

— Хорошо, иду.

— Не забудьте о Совѣтѣ... попытался замѣтить Межанъ.

Но Руместанъ, не слушая его, поспѣшилъ внизъ, по крутой лѣстницѣ, соединявшей частную квартиру министра съ нижнимъ этажемъ, предназначеннымъ для официальныхъ пріемовъ.

Послѣ исторіи съ мадамъ д'Эспарбесъ онъ всегда остерегался серьезныхъ любовныхъ связей сердечнаго или тщеславнаго характера, которыя могли бы навсегда разрушить его семейную жизнь. Онъ, конечно, не былъ образцовымъ мужемъ, но контрактъ, уже надорванный по всѣмъ направленіямъ, все еще держался. Розалія, хотя уже предупрежденная первымъ опытомъ, была слишкомъ благородна, чтобы ревниво наблюдать за мужемъ; вѣчно тревожась, она вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не имѣла доказательствъ его невѣрности. И теперь, если бы Нума подозрѣвалъ, какую роль суждено играть въ его жизни, этому новому капризу, онъ поспѣшилъ-бы снова подняться по лѣстницѣ скорѣе, чѣмъ спускался. Но судьба наша всегда забавляется тѣмъ, что интригуетъ насъ, подходитъ къ намъ закутанная и замаскированная, удваивая, благодаря этой таинственности, прелесть первыхъ встрѣчъ. Съ какою стати Нума сталъ-бы остерегаться этой дѣвочки, которую онъ увидѣлъ нѣсколько дней тому назадъ изъ окна своей кареты, въ то время, какъ она переходила черезъ дворъ министерскаго дома, перепрыгивая черезъ лужи, подобравъ одною рукою юбку, а другою держа надъ собою зонтикъ по всѣмъ правиламъ чисто па-

рижскаго бульварнаго шика. Длинные, выгнутыя рѣсницы надъ плутовскимъ носикомъ, бѣловурные волосы, подвязанные на спинѣ по-американски и слегка завивавшіеся по концамъ подъ вліяніемъ сырости воздуха, полная и изящная ножка на подвертывавшихся высокихъ каблучкахъ,—вотъ все, что онъ успѣлъ разглядѣть. Въ тотъ-же вечеръ онъ, не придавая этому никакого особеннаго значенія, спросилъ Лаппара:

— Бьюсь объ закладъ, что эта маленькая мордочка, которую я встрѣтилъ сегодня утромъ на дворѣ, шла къ вамъ.

— Да, господнъ министръ, она шла ко мнѣ, но ради васъ...

И онъ прибавилъ, что ее звали Башелери.

— Какъ! Дебютантка въ Буффахъ?.. Сколько-же ей лѣтъ?.. Вѣдь это ребенокъ!

Газеты въ эту зиму много говорили объ Алисъ Башелери, откопанной какимъ-то моднымъ маэстро въ маленькомъ провинціальномъ театрѣ. Весь Парижъ хотѣлъ слышать, какъ она поетъ пѣсню „Маленькаго булочника“, припѣвъ которой она выкрикивала съ неподражаемымъ мальчишескимъ ухарствомъ: „Chaud! Chaud! Les p'tits pains d'gruau!“ Это была одна изъ тѣхъ примадоннъ, которыя въ каждый сезонъ полдюжинами появляются на бульварныхъ театрахъ,—бумажное свѣтило, раздутое газомъ и рекламами, напоминавшее собою маленькіе розовые шары, существующіе только въ продолженіи одного дня среди солнечнаго свѣта и пыли публичныхъ садовъ. И знаете-ли, чего она приходила просить въ министерствѣ? Позволенія участвовать въ первомъ концертѣ. Маленькая Башелери — въ министерствѣ народнаго просвѣщенія!.. Это было такъ смѣшно, такъ безумно, что Нумъ захотѣлось услышать эту просьбу отъ нея лично. Министерскимъ письмомъ, отъ котораго пахло сумкой и перчатками кирасира, онъ увѣдомлялъ, что приметъ ее на слѣдующій день. На слѣдующій день мадмуазель Башелери не явилась.

— Она, вѣроятно, раздумала, сказалъ Лаппара; — вѣдь она еще такой ребенокъ!

Министръ обидѣлся, въ теченіи двухъ дней не говорилъ болѣе о ней, а на третій послалъ за пѣвицей.

Теперь она дожидалась въ большой бальной залѣ, красной съ золотомъ, имѣвшей чрезвычайно внушительный видъ съ своими окнами, поднимавшимися отъ самаго пола и выходившими въ обна-

женный въ это время года садъ, съ своими гобеленовскими обоями и большою статуею Мольера, сидѣвшаго и мечтавшаго въ глубинѣ ея. Плейселевскій рояль и нѣсколько пюпитровъ для репетицій едва занимали одинъ изъ угловъ обширной залы, которая своимъ холоднымъ видомъ, напоминавшимъ пустой музей, произвела-бы впечатлѣнiе на всякаго другого, кромѣ маленькой Башелери, но вѣдь она была такой ребенокъ! Введенная въ искушенiе широкимъ, блестящимъ, навощеннымъ паркетомъ, она забавлялась тѣмъ, что скользила изъ одного конца залы въ другой, закутанная въ шубу, засунувъ руки въ крошечную муфту, поднося въверху торчавшій подъ шапочкою носикъ, со всѣми приемами корифейки, танцующей „балетъ на льду“ въ „Пророкъ“.

Руместанъ засталъ ее за этимъ упражненiемъ.

— Ахъ! Господинъ министр...

Она остановилась сконфуженная, съ опущенными рѣсницами, нѣсколько запыхавшаяся. Онъ вошелъ съ высоко поднятою головою, торжественною походкою, желая нѣсколько загладить странность этого свиданiя и дать урокъ дѣвчонкѣ, заставлявшей ждать превосходительныхъ особъ. Но она тотчасъ обезоружила его. Да и возможно-ли было устоять?.. Она такъ мило рассказала о своемъ маленькомъ дѣлѣ, о внезапно овладѣвшемъ ею честолюбивомъ желанiи участвовать въ концертѣ, о которомъ такъ много говорили; это дало-бы ей возможность показать свое пѣнiе въ области оперетокъ и водевилей, надѣвшихъ ей ужасно. А потомъ, послѣ нѣкотораго размышленiя, ей стало страшно.

— Такъ, такъ страшно... Неправда-ли, маман?

Теперь только Руместанъ замѣтилъ толстую даму въ бархатной мантильѣ, въ шляпѣ съ перьями, подходившей къ нимъ изъ глубины залы и дѣлавшей реверансъ въ три приема. Мадамъ Башелери, бывшая пѣвица Cafés-concerts, съ бордоскимъ акцентомъ, съ такимъ же маленькимъ носомъ, какъ у дочери, исчезавшимъ среди широкаго, какъ у устричной торговли, лица, — была одною изъ тѣхъ ужасныхъ маменекъ, которыя, являясь возлѣ своихъ дочекъ,лицетворяютъ печальное будущее, грозящее ихъ красотѣ. Но Нума не былъ расположенъ предаваться философскимъ размышленiямъ; онъ весь находился подъ влиянiемъ грации вѣтряной юности въ законченномъ, и восхитительно законченномъ, тѣлѣ и театральнаго

жаргона въ соединеніи съ наивнымъ смѣхомъ. „Это шестнадцатилѣтній смѣхъ“, говорили театральныя дамы.

— Шестнадцать лѣтъ!.. Сколько-же ей было, когда она поступила на сцену?

— Она родилась въ театрѣ, господинъ министръ... Отецъ ея, теперь уже оставившій дѣла, былъ директоромъ театра „Folies Bordelaises“.

— Я актриса по наслѣдству, не правда-ли? сказала Алиса съ гримаской, обнаружившей тридцать-два блестящихъ зуба, выстроившихся тѣснымъ правильнымъ строемъ, какъ на парадѣ.

— Алиса, Алиса!.. Ты непочтительно говоришь съ его превосходительствомъ...

— Оставьте... вѣдь она ребенокъ!

Благосклоннымъ, почти отеческимъ жестомъ онъ пригласилъ ее сѣсть рядомъ съ нимъ на диванѣ, похвалилъ ее за ея честолюбивыя стремленія, за любовь къ высокому искусству, за желаніе не довольствоваться легкимъ, но гибельнымъ, успѣхомъ въ опереткахъ. Но для этого нужно трудиться, много трудиться, серьезно заниматься.

— О, что касается этого, воссиянула дѣвочка, размахивая сверткомъ нотъ,—я каждый день занимаюсь два часа съ Вотеръ!

— Съ Вотеръ?.. Прекрасно... Превосходная метода!—Онъ съ видомъ знатока сталъ разсматривать свертокъ.

— А что вы поете?.. А, а! Вальсъ изъ „Mireille“... пѣсню Магали... Да вѣдь это наше, южное...

Покачивая головою и опустивъ вѣки, онъ началъ напѣвать:

O Magali, ma bien-aimée,
Fuyons tous deux sous la ramée,
Au fond du bois silencieux...

Она продолжала:

La nuit sur nous étend ses voiles
Et tes beaux yeux

И Руместанъ подхватилъ во весь голосъ:

Vont faire palir les étoiles...

Она вдругъ прервала его:

— Подождите, мамаша будетъ намъ акомпанировать.

Отстранивъ пиитры, отгнѣвъ рояль, она насильно усадила за него свою мать... Нечего сказать, — рѣшительная маленькая дѣвица!..

Министръ, слѣдившій пальцемъ по нотахъ дуэта, въ теченіи секунды колебался. Что, если кто-нибудь ихъ услышитъ?.. Не бѣда! Вотъ уже три дня, какъ въ этой залѣ каждое утро шли репетиціи... И они начали.

Они оба пѣли стоя, съ одного нотнаго листа, а мадамъ Башелери аккомпанировала на память. Наклоненныя къ нотахъ головы ихъ почти касались другъ друга; дыханія ихъ сливались вмѣстѣ съ ласкающими звуками мелодіи. Нума воодушевился, пѣлъ съ выраженіемъ; на высокихъ нотахъ, чтобы лучше вытянуть ихъ, размахивалъ руками. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ играть важную политическую роль, ему чаще приходилось говорить, чѣмъ пѣть; голосъ его огрубѣлъ, отяжелѣлъ, какъ вся его фигура; но онъ по-прежнему пѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, и въ особенности съ этимъ ребенкомъ.

Онъ совершенно забылъ и объ епископѣ, и о Главномъ Совѣтѣ, тщетно ожидавшемъ его вѣрнуть большого зеленого стола. Разъ или два у входа въ залу, звеня своею серебряною цѣпью, появлялась блѣдная фигура дежурнаго пристава, но онъ тотчасъ исчезалъ, пугаясь, что засталъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ поющаго дуэтъ съ актрисой маленькихъ театровъ. Но Нума уже не былъ министромъ; это былъ корзинщикъ Венсанъ, преслѣдующій неуловимую Магали въ ея кокетливыхъ метаморфозахъ. И какъ она ловко убѣгала, какъ умѣла увертываться съ дѣтскою шаловливостью, съ жемчужнымъ поддразнивающимъ смѣхомъ, пока, наконецъ, побѣжденная, не отдалась ему, склонивъ свою безумную, забуржившуюся отъ бѣготни, головку на плечо своего друга!..

Голосъ мамаши, мадамъ Башелери, разрушилъ это очарованіе; когда пьеса кончилась, она обернулась и воскликнула:

— Какой у васъ голосъ, господинъ министр! Какой голосъ!

— Да... я пѣвалъ во времена молодости, сказалъ онъ съ отѣвкомъ тщеславія.

— Но вы и теперь еще поете превосходно — *maguenification*... Неправда-ли, Вѣбѣ, какая разница съ господиномъ де-Лаппара?

Вѣбѣ, свертывавшая ноты, слегка пожала плечами, какъ - бы желая показать, что такая неоспоримая истина даже не достойна отвѣта. Руместанъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ:

— А, господинъ де-Лаппара!?

— Да, онъ иногда приходитъ ѣсть съ нами bouillabaisse, а послѣ обѣда они съ Вѣвѣ поють дуэты.

Въ эту минуту приставъ, не слыша болѣе музыки, рѣшился снова войти съ предосторожностями укротителя, входящаго въ клѣтку дикаго звѣря.

— Иду, иду... сказалъ министръ и затѣмъ обратился къ дѣвочкѣ, принимая самый важный „министерскій видъ“, чтобы дать ей почувствовать іерархическое разстояніе, отдѣлявшее его отъ его секретаря:—Позвольте васъ поздравить, сударыня. У васъ большой талантъ, и если вамъ угодно пѣть здѣсь въ воскресенье, то я очень охотно готовъ доставить вамъ это преимущество.

Она вскрикнула, какъ ребенокъ: „Правда?.. О, какъ это любезно“. И однимъ прыжкомъ кинулась ему на шею.

— Алиса!.. Алиса!.. Что ты?..

Но она была уже далеко и бѣжала черезъ залы, въ высокой анфиладѣ которыхъ она казалась такою маленькою, — ребенкомъ, совершеннымъ ребенкомъ.

Онъ былъ очень взволнованъ этой лаской и подождать съ минуту, прежде чѣмъ подняться наверхъ. Передъ нимъ, въ помертвѣвшемъ саду, заблѣкъ солнечный лучъ скользилъ по газону, согрѣвая и оживляя зимній ландшафтъ. И онъ тоже чувствовалъ, какъ въ него, до самаго сердца, проникала какая-то нѣга, какъ-будто это гибкое, полное жизни, тѣло, коснувшись его, сообщило ему долю своего весенняго тепла. „Ахъ, хорошая вещь юность!“ Онъ машинально взглянулъ въ зеркало, и въ немъ проснулась забота, которой онъ не зналъ уже впродолженіи многихъ лѣтъ... Какая перемена, *bon Diou!*.. Онъ растолстѣлъ, благодаря сидячему образу жизни и экипажамъ, которыми онъ злоупотреблялъ; цвѣтъ лица испортился отъ бессонныхъ ночей; волосы на вискахъ порѣдѣли и посѣдѣли; кромѣ того, его поразила ширина его щекъ, широкое плоское разстояніе между носомъ и ухомъ.

„Что, если-бы отпустить бороду, чтобы скрыть это... Да, но борода выросла бы бѣлая... А ему было всего сорокъ пять лѣтъ. Да, политика старить!“

Здѣсь, въ теченіи этой одной минуты, онъ узналъ жестокое чувство, испытываемое женщиной, которая видитъ, что она уже окончательно утратила прелесть и неспособна внушать любовь, хотя

еще можетъ чувствовать ее сама. Его покраснѣвшія вѣки вслухли отъ подступившей слезы, и это, чисто человѣческое, горькое чувство, не имѣвшее ничего общаго съ честолюбіемъ, казалось еще болѣе жгучимъ въ этомъ дворцѣ властелина. Но съ свойственною ему подвижностью впечатлѣній, онъ скоро утѣшился, подумавъ о своей славѣ, о своемъ талантѣ, о своемъ высокомъ положеніи. Неужели же все это не въ силахъ было поспорить съ юностью и красотою, въ дѣлѣ любви?

— Вздоръ какой!..

Онъ упрекнулъ себя въ глупости, отогналъ печаль обычнымъ движеніемъ плечъ и пошелъ наверхъ отпустить Совѣтъ, такъ-какъ у него уже не оставалось болѣе времени для предсѣдательства.

— Что съ вами сегодня, господинъ министръ?.. Вы кажетесь совсѣмъ помолодѣвшимъ.

Болѣе десяти разъ къ нему обращались въ теченіи дня съ этимъ комплиментомъ, вслѣдствіе его хорошаго расположенія духа и остроумія, привлекавшаго всеобщее вниманіе въ корридорахъ палаты, гдѣ онъ нѣсколько разъ машинально начиналъ напѣвать: „O Magali, ma bien aimée“.

Сидя на скамьѣ министровъ, онъ слушалъ, съ очень лестнымъ для оратора вниманіемъ, нескончаемую рѣчь о таможенномъ тарифѣ и, опустивъ вѣки, улыбался блаженною улыбкою. Представители лѣвой, боявшіеся его извѣстнаго коварства, съ трепетомъ говорили между собою: „Нужно держать ухо востро... Руместанъ что-то замышляетъ“. А передъ нимъ просто рисовалась фигура маленькой Башелери, которую ему пріятно было воскрешать въ своемъ воображеніи среди пустоты жужжавшей въ залѣ рѣчи, заставляя ее двигаться передъ министерскою скамьей, разсматривать всѣ ея прелести: ея волосы, спускавшіеся бѣлокурными прядями на середину лба, цвѣтъ лица, свѣжій, какъ цвѣты розоваго боярышника, рѣзвую походку дѣвочки, имѣвшей уже видъ женщины.

Однако, къ вечеру, когда онъ возвращался изъ Версаля вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по кабинету, имъ еще разъ овладѣла тоска. Въ душной атмосферѣ наполненнаго дымомъ вагона, съ тою фамилярною веселостью, которую Руместанъ всюду приносилъ съ собою, разговаривали о какой-то ярко-красной, бар-

хатной шляпкѣ, обрамлявшей лицо, блѣдное, какъ у креолки, и появившейся на дипломатической трибунѣ; она, къ счастью, не замедлила отвлечь вниманіе отъ таможенныхъ тарифовъ и подняла вверхъ носы всѣхъ достопочтенныхъ депутатовъ, какъ въ классѣ школьниковъ, когда на серединѣ греческаго перевода въ воздухѣ вдругъ заверзится залетѣвшая въ комнату бабочка.— „Кто такая?“ Никто ее не зналъ.

— Объ этомъ нужно спросить генерала, весело замѣтилъ Нума, обращаясь къ маркизу д'Эспальонъ-д'Обордъ, военному министру, старикашкѣ, все еще падкому на любовныя дѣла.— Хорошо, хорошо... не оправдывайтесь; она все время смотрѣла на васъ.

Генераль сдѣлалъ гримасу, которая, какъ пружина, подняла къ самому носу его желтую, какъ у стараго козла, эспаньолку.

— Нѣтъ, женщины ужь очень давно перестали смотрѣть на меня... Онѣ заглядываются только вотъ на такихъ балбесовъ!

Тотъ, кого генераль снабдилъ этимъ эпитетомъ на своемъ безцеремонномъ языкѣ, особенно дорогомъ всѣмъ военнымъ изъ дворянства, былъ молодой Лаппара, сидѣвшій въ углу вагона съ портфелемъ министра на колѣняхъ и почтительно молчавшій въ этомъ обществѣ важныхъ сановниковъ. Руместанъ почувствовалъ себя уязвленнымъ, самъ не зная почему, и съ живостью сталъ противорѣчить. По его мнѣнію, существовали другія вещи, которыя женщины выше цѣнятъ въ мужчинѣ, чѣмъ юность.

— Онѣ только говорятъ такъ.

— Я ссылаюсь на этихъ господъ.

Господа эти, тучные, въ сюртукахъ, плотно обхватывавшихъ брюшко, или, напротивъ, тощіе, высохшіе, плѣшивые или совершенно сѣдые, беззубые, съ ввалившимися губами, непремѣнно страдавшіе какимъ-нибудь недугомъ, министры, помощники государственнаго секретаря,—все раздѣляли мнѣіе Руместана. Пренія оживились подъ грохотъ колесъ, среди обычнаго крика парламентскаго поѣзда.

— Наши министры повздорили, замѣчали въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ журналисты, пытаясь уловить хоть нѣсколько словъ черезъ перегородку.

— Человѣка извѣстнаго, человѣка, пользующагося властью, грешѣлъ Нума, вотъ кого онѣ любятъ. Возможность сказать себѣ, что тотъ, чья голова склоняется къ ихъ колѣнямъ, зна-

менитый, могущественный человекъ, одинъ изъ рычаговъ міра, — вотъ что ихъ волнуетъ!

— Ну, разувѣтся!

— Прекрасно, прекрасно!

— Я того же мнѣнія, какъ и вы, любезный товарищъ.

— Ну, а я вамъ говорю, что когда я былъ простымъ поручикомъ генеральнаго штаба и когда, бывало, въ воскресенье, выходилъ въ парадной формѣ, съ двадцатипятилѣтнею молодостью да съ новыми аксельбантами, такъ по дорогѣ сплошь да рядомъ приходилось встрѣчать женскіе взгляды, которые такъ и ожгутъ васъ, какъ кнутомъ, отъ затылка до самыхъ пятокъ, такіе взгляды, что въ мои годы не привлечешь густыми эполетами!.. Даже теперь еще, когда мнѣ захочется почувствовать весь огонь и всю искренность подобнаго взгляда, увидѣть это нѣмое объясненіе въ любви посреди улицы, — знаете-ли, что я дѣлаю? Я беру съ собою одного изъ своихъ адъютантовъ, молодца, съ свѣжими зубами, съ широкою грудью, и доставляю себѣ удовольствіе пройти съ нимъ подъ-руку... *Sacré mon-de-Dieu!*...

Руметанъ молчалъ вплоть до Парижа. Имъ снова овладѣла меланхолія сегодняшняго утра; къ ней присоединились гнѣвъ и негодованіе противъ глупаго ослѣпленія женщинъ, способныхъ увлекаться первымъ попавшимся смазливимъ болваномъ. „Ну, скажите, что было особеннаго въ этомъ Лаппара?“ Не принимая участія въ спорѣ, онъ сидѣлъ, съ фатовскимъ видомъ поглаживая свою бѣлокурую бороду, въ безупречно сшитомъ платьѣ, въ рубашкѣ, съ широкимъ, низко вырѣзаннымъ, воротомъ. „Такъ-бы и треснулъ его! Именно такую мину долженъ былъ корчить этотъ Лаппара, когда пѣлъ дуэтъ изъ „Migaille“ съ этой маленькой Башелери. Вѣроятно, она была любовницей“... Эта мысль возмущала его; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось знать, убѣдиться.

Едва они очутились наединѣ, въ то время, какъ карета направлялась къ министерству, Нума, не глядя на Лаппара, грубо спросилъ:

— Давно вы знаете этихъ женщинъ?

— Какихъ женщинъ, господинъ министръ?

— Ну, да этихъ Башелери...

Онъ только и думалъ, что о нихъ. Ему казалось, что и другіе такъ-же были заняты ими, какъ онъ. Лаппара засмѣялся.

О, да, — уже давно; это были его землячки. Семейство Башелери, Folies Bordelaises — приятныя воспоминанія восемнадцатилѣтней молодости. Когда онъ былъ еще лиценстомъ, его сердце такъ сильно билось отъ пылавшей въ немъ страсти къ мамашѣ, что всѣ пуговицы мундира грозили отскочить отъ сотрясенія.

— А теперь его заставляетъ биться дочка? спросилъ Руместанъ равнодушнымъ тономъ, протирая перчаткою стекло, чтобы взглянуть на мокрую, темную улицу.

— О, дочка совсѣмъ другого рода натура... Несмотря на ея наивныя ужимочки, это очень холодная, очень серьезная дѣвица... Я не знаю, чего она добивается, но во всякомъ случаѣ чего-нибудь такого, чего я не въ состоянїи дать ей.

Нума почувствовалъ облегченіе.

— А, въ самомъ дѣлѣ?.. И, несмотря на это, вы продолжаете ходить въ нишъ?

— О, да... Это семейство Башелери такое забавное... Отецъ, бывший директоръ, сочиняетъ комическіе куплеты для Cafés-concerts; мамаша поетъ ихъ съ должною мимикою, поджариваетъ въ масле бѣлые грибы и приготовляетъ такую bouillabaisse, какой вы не найдете у самого Рубіона; крики, беспорядокъ, брэнчанье, кутежъ — настояція Folies-Bordelaises въ семейной обстановкѣ! Маленькая Башелери всему этому задаетъ тонъ, крутится какъ вихрь, ужинаетъ, распѣваетъ рулады, но ни на одно мгновеніе не теряетъ головы.

— Э, дружище, вы навѣрное рассчитываете, что въ одинъ прекрасный день она потеряетъ ее, да еще въ вашу пользу.

Принявши вдругъ очень серьезный видъ, министръ прибавилъ:

— Дурная среда для васъ, молодой человекъ. Нужно быть серьезнѣе, чортъ возьми!.. Folie-bordelaise не можетъ продолжаться всю жизнь.

Взявъ его за руку, онъ спросилъ:

— Развѣ вы еще не думаете о жепитѣбѣ?

— Нѣтъ, господинъ министр... Я совершенно доволенъ те-перешнимъ своимъ положеніемъ... Развѣ какой-нибудь необыкновенный случай...

— Мы найдемъ для васъ этой случай. Съ вашими именемъ, съ вашими связями... И совершенно увлекшись новою мыслью, онъ вдругъ воскликнулъ: — Что вы скажете о надмузель Ле-Беснуа?

Бордосецъ, несмотря на свою смѣлость, поблѣднѣлъ отъ радости и испуга.

— О, господи! министръ, я никогда-бы не дерзнулъ...

-- Отчего-же нѣтъ?.. Напротивъ, совсѣмъ напротивъ... вы знаете, какъ я васъ люблю, дитя мое... я былъ-бы счастливъ, увидѣвъ васъ въ нашей семьѣ... я чувствовалъ-бы себя болѣе твердымъ, болѣе...

Онъ вдругъ остановился на серединѣ фразы, вспомнивъ, что утромъ то-же самое говорилъ Межану.

„Ну что-жъ, бѣда не велика!.. Дѣло сдѣлано!“ Онъ пожалъ плечами и откинулся въ уголъ кареты. — „Наконецъ, Гортензія, вѣдь, свободна; она выберетъ... Такимъ образомъ, я могу во всякомъ случаѣ помочь молодому человѣку выбраться изъ дурной среды“.

Руместанъ былъ искренно увѣренъ, что дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ этого чувства.

ГЛАВА IX.

Вечеръ въ министерствѣ.

Сентъ-Жерменское предмѣстье имѣло въ этотъ вечеръ необычайную фізіономію. Узенькія, въ обыкновенное время мирныя и рано засыпавшія улицы, просыпались отъ грохота omnibusовъ, свернувшихъ съ обыкновеннаго своего пути; напротивъ, улицы привыкшія къ бурному волненію, къ непрерывному шуму главныхъ парижскихъ артерій, зіяли, какъ русло отведенной рѣки, безмолвныя, пустыя, какъ-будто расширенныя, охраняемыя при вѣздѣ высокими силуэтомъ муниципальнаго гвардейца на конѣ или сумрачною тѣнью цѣлой цѣпи городскихъ, выстроенныхъ на асфальтовой мостовой, прятавшихъ руки въ рукава шинели и покрывавшихъ экипажамъ: — Нѣтъ проѣзда!

— А что, развѣ пожаръ? спрашивала какая-нибудь испуганная фигура, высунувшись изъ окна кареты.

— Нѣтъ, сударь; сегодня вечеръ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Послѣ этого городской снова возвращался къ исполненію своей

служебной обязанности, а кучеръ отъѣзжалъ, раздражаясь проклятіями, такъ-какъ приходилось дѣлать длинный крюкъ по лѣвому берегу, гдѣ расположенныя безъ всякой системы улицы еще носить на себѣ характеръ путаницы стараго Парижа.

Дѣйствительно, ярко освѣщенное съ двухъ фасадовъ зданіе министерства, костры, по случаю холода горѣвшіе по срединѣ улицы, медленно передвигавшійся свѣтъ отъ вереницы экипажей, сосредоточенныхъ на одномъ мѣстѣ, издали, казалось, раскидывали надъ цѣлымъ кварталомъ зарево пожара, которое еще усиливалось голубою прозрачностью и морозною сухостью воздуха. Но подойдя ближе, зритель быстро успокоивался при видѣ ровнаго свѣта, бѣлою пеленою окутывавшаго до верху сосѣдніе дома, на которыхъ, какъ днемъ, можно было прочесть золоченныя надписи — „Мэрія VII округа... Министерство почтъ и телеграфовъ“, — и терявшася, какъ отблескъ бенгальскаго огня, какъ волшебное сценическое освѣщеніе, въ высокихъ, обнаженныхъ и неподвижныхъ деревьяхъ.

Между прохожими, которые останавливались, несмотря на холодъ, и выстраивались любопытною шеренгою у воротъ министерства, особенно суетилась маленькая курьезная фигура съ утиною походкою, закутанная съ ногъ до головы въ длинный крестьянскій плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлась только пара пронзительныхъ глазъ. Она переходила съ мѣста на мѣсто, вся съежившись, стуча отъ холода зубами, но не чувствуя мороза подъ вліяніемъ лихорадочнаго возбужденія и опьяненія. То она кидалась къ экипажамъ, вытянувшимся веревницею вдоль улицы Гренель и незамѣтно подвигавшимся впередъ, смотрѣла на нетерпѣливо храпѣвшихъ и побрякивавшихъ богатою сбруею лошадей и на виднѣвшіеся сквозь запотѣвшія стекла каретныхъ дверей свѣтлыя контуры всевозможныхъ оттѣнковъ; то возвращалась къ воротамъ, куда, вслѣдствіе особой привилегіи, внѣ очереди въѣзжала карета какого-нибудь высокаго сановника. Она протискивалась впередъ со словами: „извините... пропустите, пожалуйста; дайте взглянуть“. При блескѣ плошекъ, подъ полосатыми полотняными навѣсами, съ трескомъ отбидывались подножки, и на ковры изливались потоки шелестящаго шелка и воздушныя облака тюля и цвѣтовъ. Маленькая фигура съ жадностью выдвигалась впередъ

и едва успѣвала отскакивать, чтобы не быть раздавленной новыми подѣзжавшими экипажами.

Одиберта захотѣла собственными глазами посмотрѣть, какъ это все будетъ происходить. Съ какою гордостью смотрѣла она на эту толпу, на это освѣщеніе, на пѣшихъ и конныхъ солдатъ, на весь этотъ уголъ Парижа, перевернутаго вверхъ дномъ ради тамбурина Вальмажура. Вѣдь празднествъ устраивался въ честь его. И она убѣждала себя, что всѣ эти красивые господа и прекрасныя дамы только и говорили, что о Вальмажурѣ. Отъ воротъ, выходившихъ на улицу Гренель, она перебѣгала на улицу Бельшась, куда выѣзжали экипажи, подходила къ группѣ муниципальных гвардейцевъ, къ кучерамъ, стоявшимъ въ своихъ длинныхъ армякахъ вокругъ пылавшаго посреди улицы костра, и удивлялась, слушая, какъ эти люди говорили о холодахъ, необыкновенно сильныхъ въ эту зиму, о томъ, что картофель замерзаетъ въ погребахъ, вообще о предметахъ, неизмѣвшихъ ничего общаго ни съ празднествомъ, ни съ ея братомъ. Въ особенности раздражала ее та медленность, съ которою подвигался безконечный рядъ экипажей; она такъ желала-бы увидѣть, какъ въѣдетъ послѣдняя карета, и сказать себѣ: „Наконецъ-то... начинаютъ... Теперь ужъ взаправду начнется“. Но время шло, холодъ становился пронзительнѣе, ноги мерзли такъ, что она чуть не плакала отъ боли. Не странно ли было плакать, когда на душѣ было такъ радостно! Наконецъ, она рѣшилась вернуться домой, окинувъ послѣднимъ взглядомъ все это великолѣпіе, которое она уносила съ собою по пустыннымъ улицамъ, среди тишины морозной ночи, въ своей бѣдной, наивной головѣ; виски ея бились отъ лихорадки честолюбія, къ головѣ приливали мечты и надежды, глаза навсегда были ослѣплены этою иллюминаціей во славу Вальмажура.

А что-бы она сказала, если-бы могла проникнуть внутрь, если-бы увидѣла всѣ эти бѣлыя съ золотомъ отдѣлкою салоны, перспектива которыхъ видна была сквозь ихъ сводчатныя двери и которые казались еще обширнѣе, вслѣдствіе зеркалъ, отражавшихъ огни люстръ и канделябровъ, блескъ брилліантовъ, аксельбантовъ, всевозможныхъ орденовъ въ видѣ пальмовыхъ вѣтокъ, въ видѣ розетокъ, въ видѣ брошей, огромныхъ, какъ колесо фейерверка, или, напротивъ, миниатюрныхъ, какъ брелокъ, или

же висѣвшихъ на шеѣ на широкихъ красныхъ лентахъ, невольно напоминающихъ о кровавыхъ казняхъ!

Дѣйствительно, въ перемишку съ аристократическими именами предмѣстья, здѣсь были министры, генералы, посланники, члены института и главнаго университетскаго совѣта. Никогда еще въ амфитеатрѣ Апса и даже на большомъ состязаніи тамбуринщиковъ въ Марсели Вальмажуръ не имѣлъ подобной аудиторіи. Имя его, по правдѣ сказать, занимало не особенно выдающееся мѣсто въ этомъ празднествѣ, котораго онъ былъ поводомъ. Программа, украшенная артистическимъ бордюромъ, принадлежавшимъ перу Далиса, правда, гласила: „Различныя пѣсни, исполненныя на тамбуринѣ“ — и упоминала имя Вальмажура на ряду съ именами нѣсколькихъ лирическихъ знаменитостей; но на программу никто не смотрѣлъ. Только люди, принадлежавшіе къ интимному кругу, люди, которымъ всегда и все извѣстно, говорили министру, стоявшему у входа въ первый салонъ:

— У васъ есть тамбуринщикъ?

И онъ отвѣчалъ небрежнымъ тономъ:

— Да, это фантазія моихъ дамъ.

Онъ ни мало не интересовался бѣднымъ Вальмажуромъ. Этотъ вечеръ долженъ былъ ознаменоваться другимъ, болѣе важнымъ для него дебютомъ. Что-то скажутъ? Будетъ-ли она имѣть успѣхъ? Не составилъ-ли онъ себѣ, подъ вліяніемъ интереса, который внушалъ ему этотъ ребенокъ, преувеличенныхъ представленій о талантѣ ея, какъ пѣвицы? Хотя ему и не хотѣлось еще признаться себѣ въ этомъ, но онъ уже былъ охваченъ, проникнуть до мозга костей тою жгучею страстью, которая овладѣваетъ сорокалѣтнимъ мужчиною; онъ чувствовалъ весь трепетъ отца, мужа, любовника, обойщика дебютантки, то мучительное безпокойство, которое бродитъ за полотномъ кулисъ въ вечера первыхъ представленій. Это, впрочемъ, не мѣшало ему быть любезнымъ, предупредительнымъ, обѣими руками привѣтствовать своихъ гостей, — а сколько ихъ набралось, *bon Diou!* — корчить любезныя мины, гримасы, заливаться смѣхомъ, позировать, жестикулировать, разсыпаться въ комплиментахъ и предаваться нѣсколько однообразнымъ, но не лишненнымъ отбѣнковъ, изліяніямъ. Внезапно покидая, почти отталкивая дорогаго гостя, которому онъ только что раскрывалъ свою душу и потихоньку общалъ кучу неоцѣнимыхъ милостей, ми-

нистръ бросался встрѣчать толстую, высокую даму, въ цвѣтномъ платьѣ съ самоувѣренною походкою, и воскликнулъ: „Ah, madame la maréchale!“ бралъ подъ свою руку ея громадную красную руку, туго затянутую въ перчатку о двадцати пуговицахъ, и велъ благородную посѣтительницу изъ салона въ салонъ, между двойною шеренгою почтительно склонившихся черныхъ фраковъ, до концертной залы, гдѣ гостей привѣтствовали мадамъ Руместанъ и ея сестра. На возвратномъ пути онъ расточалъ еще рукопожатія и радушныя слова: „Будьте увѣрены... это рѣшено“... или мимоходомъ быстро кидаль кому-нибудь свое „здравствуйте, пріятель!“ или, наконецъ, желая подогрѣть сухую формальность пріема, внести струю симпатіи во всю эту свѣтскую торжественность, — онъ представлялъ другъ-другу гостей, безъ всякаго предупрежденія кидаль ихъ другъ-другу въ объятія: „Какъ! вы незнакомы?.. Принцъ Ангальтскій... Г. Бо, сенаторъ“... и не замѣчалъ, что немедленно послѣ представленія, эти господа, сухо и низко кивнувъ головами и пробормотавъ: „Monsieur... monsieur...“, ждали только его ухода, чтобы съ свирѣпымъ выраженіемъ повернуться другъ къ другу спиною.

Какъ большинство политическихъ борцовъ, добродушный Нума, достигнувъ побѣды и добившись власти, опустился. Не переставая принадлежать къ партіи „нравственнаго порядка“, вандеецъ юга уже не съ прежнею пылкостью отдавался *дѣлу*, не спѣшилъ пробудить отъ сна великія надежды и началъ находить, что дѣла идутъ не такъ уже плохо. Къ чему эта жестокая ненависть между благородными людьми? Онъ желалъ примиренія, всеобщей взаимной снисходительности и рассчитывалъ на содѣйствіе музыки, чтобы добиться сліянія партій; его „маленькіе концерты“, въ двѣ недѣли разъ, должны были создавать нейтральную почву артистическихъ наслажденій и рыцарской любезности, на которой люди самыхъ противоположныхъ направленій могли-бы встрѣчаться и оцѣнивать другъ-друга внѣ атмосферы политическихъ страстей и озлобленій. Этимъ объяснялись странная смѣсь приглашеннаго общества и та неловкость, то стѣсненіе, которое ощущали гости; разговоры велись вполголоса и внезапно обрывались, черные фраки безмолвно двигались по заламъ, взгляды съ притворною напряженностью устремлялись къ потолку, созерцая золоченныя бороздки на простѣвкахъ, всѣ эти орнаменты, представ-

лявшія смѣсь стилей времени Директоріи, Людовика XVI и Имперіи, съ накладками въ видѣ мѣдныхъ головъ на прямолинейномъ мраморѣ каминовъ. Въ этихъ салонахъ было въ одно и то-же время и жарко и холодно, какъ-будто стоявшій на улицѣ жестокой морозъ, проникнувъ сквозь толстыя стѣны и ваточныя гардины, превратился въ нравственный холодъ. По временамъ только эта ходячая монотонность во образѣ переминающихся съ ноги на ногу, скучающихъ людей нарушалась неистовой галопадой Лаппара или Рошмора, на которыхъ была возложена обязанность усаживать дамъ, или-же эффектнымъ появленіемъ красавицы, мадамъ Гюблеръ, съ куафурой, украшенной перьями, съ сухимъ профилемъ вѣчно юной куклы, съ стереотипной улыбочкой, доходившей до самыхъ бровей, какъ въ витринѣ парикмахерскаго магазина. Но вскорѣ опять воцарялся холодъ.

— Не легко, чортъ возьми, расшевелить эти салоны министерства народнаго просвѣщенія... Навѣрное въ нихъ ночью появляется тѣнь Фрэнсизэ *).

Это замѣчаніе, сказанное громкимъ голосомъ, исходило изъ группы молодыхъ музыкантовъ, собравшихся вокругъ директора Оперы, Кардальяка, съ философскимъ спокойствіемъ сидѣвшаго на бархатной свамейкѣ, прислонившись спиною къ пьедесталу статуи Мольера. Трудно было узнать прежняго ловкаго, проворнаго импрессарио праздниковъ набоба въ этомъ полуглухомъ толстякѣ съ щетинистыми, совершенно бѣлыми усами, въ этомъ величественномъ идолѣ съ расплывшейся непроницаемой маской, въ которой одни глаза обнаруживали вѣстаго парижанина-блягѣра, его дьявольское знаніе жизни, его умъ, подобный колючей палкѣ съ желѣзнымъ накопечникомъ, закаленнымъ въ огнѣ театральнoй рампы. Но теперь, удовлетворенный, откормленный, боясь пуще всего, какъ-бы къ концу контракта не потерять директорскаго мѣста, онъ пряталъ свои когти, говорилъ мало, — въ особенности здѣсь, — и довольствовался тѣмъ, что подчеркивалъ свои замѣчанія насчетъ оффиціальной и свѣтской комедіи беззвучнымъ саркастическимъ смѣхомъ.

— Бусарикъ, дитя мое, тихо спросилъ онъ одного молодого, прычливаго тулузца, которому недавно удалось поставить въ

*) Министръ народнаго просвѣщенія отъ 1824 до 1828 года. *Прим. пер.*

Оперѣ балетъ, не болѣе, какъ черезъ десять лѣтъ послѣ представленія партитуры, чему никто не хотѣлъ вѣрить, — Буасарикъ, ты вѣдь знаешь все, — скажи мнѣ, какъ зовутъ эту торжественную персону, которая со всѣми разговариваетъ фамиллярнымъ тономъ и съ такимъ сосредоточеннымъ видомъ шествуетъ за своимъ носомъ, какъ-будто отправляется на похороны сего придатка... Онъ, должно-быть, нашего поля агода, потому-что разсуждалъ со мною о театрѣ съ извѣстнымъ авторитетомъ.

— Не думаю, патронъ... Скорѣе онъ дипломатъ. Я только-что слышалъ, какъ онъ напоминалъ бельгійскому министру, что они долго были товарищами.

— Вы ошибаетесь, Буасарикъ... Это какой-нибудь иностранный генералъ; съ минутой тому назадъ онъ разглагольствовалъ посреди группы густыхъ эполетъ и, между прочимъ, очень громко говорилъ: „Только человекъ, никогда не командовавшій большимъ войскомъ“...

— Странно!.

Лаппара, къ которому обратились за справкою, захохоталъ.

— Да это Бомпаръ!

— Кто такое Бомпаръ?

— Другъ министра... Неужели вы его не знаете?

— Съ юга?

— Еще бы, конечно...

Дѣйствительно, это былъ Бомпаръ, зятанутый въ прекрасный новый фракъ съ бархатными отворотами, съ перчатками, засунутыми за жилетъ, старавшійся оживить вечеръ своего друга безпрерывными и разнообразными разговорами. Незвѣстный въ оффиціальномъ мѣрѣ, въ которомъ появлялся въ первый разъ, онъ положительно производилъ сенсацію, переноса отъ одной группы къ другой свои изобрѣтательныя способности, поразительныя измышленія своей фантазій, рассказы о любовныхъ похожденияхъ съ коронованными особами, о приключеніяхъ и битвахъ, о торжествахъ на федеральныхъ стрѣлковыхъ праздникахъ, — рассказы, вызывавшіе на всѣхъ лицахъ одно и то-же выраженіе изумленія, неловкости и безпокойства. Во всемъ этомъ, конечно, были элементы веселья, но, будучи понятны только немногимъ посвященнымъ, они не въ силахъ были разсѣять скуки, которая теперь проникла уже вплоть до концертной залы, громадной и очень живописной, съ

галереями въ два этажа и съ стеклянными потолокомъ, такъ-что казалось, какъ-будто находишься подъ открытымъ небомъ. Зеленая декорация изъ пальмъ и банановыхъ деревьевъ съ длинными, неподвижными листьями, блиставшими подъ люстрами, служила свѣжимъ фономъ для нарядовъ женщинъ, тѣсно размѣстившихся на безчисленныхъ рядахъ стульевъ. Это было цѣлое море склонившихся, волнующихся шей, плечъ и рукъ, выглядывавшихъ изъ корсажей, какъ полусмятые лепестки распускающагося цвѣтка, причесокъ съ сверкающими звѣздами, брильянтовъ, сливавшихъ свой блескъ съ синеватымъ отливомъ черныхъ волосъ, съ золотистымъ отблескомъ бѣлокурыхъ вудрей; неясныхъ профилей, дышавшихъ здоровьемъ, поднимавшихся закругленными контурами отъ талии до шиньона, или, напротивъ, изящно тонкіе, высокіе и гибкіе отъ стянутого пояса съ маленькой блестящей пряжкой до длинной шеи, повязанной бархатной ленточкой. Распущенные, разноцвѣтные, усѣянные блестками вѣеры трепетали, порхали надъ всѣмъ этимъ, примѣшивая запахъ духовъ white rose и оропахъ—къ тонкому благоуханію натуральныхъ бѣлыхъ лилій и violetteкъ.

Видѣвшееся на всѣхъ лицахъ выраженіе скуки здѣсь еще усиливалось перспективою двухчасовой неподвижности передъ этою эстрадою, на которой полукругомъ размѣстились хористы въ черныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, неподвижные и безстрастные, какъ на фотографическомъ сеансѣ; передъ этимъ оркестромъ, скрытымъ между зелеными кустами и розами, изъ-за которыхъ, словно орудія пытки, выставлялись грифы контрбасовъ. Какъ всѣмъ имъ была знакома эта музыкальная пытка! Она входила въ число ихъ утомительныхъ зимнихъ обязанностей и составляла принадлежность свѣтской барщины. Вотъ почему во всей залѣ, послѣ самаго тщательнаго осмотра, вы встрѣтили-бы только одно довольное и улыбающееся лицо,—лицо мадамъ Руместанъ. И это не была та театральная улыбка хозяйки дома, такъ легко смѣняющаяся выраженіемъ злости и утомленья, лишь только отвернутся гости; это было лицо женщины счастливой, любимой, начинающей новую жизнь. О, неисчерпаемая нѣжность чистаго, только одинъ разъ въ жизни любившаго сердца! Она снова была готова вѣрить въ своего Нуму, который съ нѣкотораго времени былъ такъ добръ, такъ нѣженъ. Это было какъ-будто возвращеніе прошлаго, объятіе двухъ сердецъ, вновь соединенныхъ послѣ долгой разлуки. Не

доискиваясь причинъ этого внезапнаго возврата нѣжности, она видѣла въ немъ прежняго Нуму, любящаго и молодого, какъ въ тотъ вечеръ передъ сценою охоты; да и сама она все еще была очаровательной Діаной, стройной и изящной, въ своемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ обвитыми около головы каштановыми косами, сплетенными діадемою надъ чистымъ лбомъ, подъ которымъ не рождалось ни одного дурного помысла и на которомъ тридцать лѣтъ жизни оставили такъ мало слѣдовъ, что ей нельзя было дать больше двадцати-пяти.

Гортензія тоже была очень мила, въ голубомъ платьѣ съ голубою-же тюлевою отдѣлкою, какъ облако охватывавшее ея длинную, нѣсколько наклоненную впередъ талью и бросавшее на лицо ея нѣжную смуглую тѣнь. Ее чрезвычайно занималъ дебютъ ея музыканта. Она спрашивала себя, какъ эта мѣстная музыка понравится избалованной публикѣ, не лучше-ли-бы было, какъ совѣтовала Розалія, обставить тамбурины сѣрымъ горизонтомъ изъ оливковыхъ деревьевъ и зубчатыхъ холмовъ. Молчаливая, взволнованная, она считала по программѣ, сколько пьесъ будетъ до Вальмажура, среди шелеста вѣтеровъ и шопота тихихъ разговоровъ, къ которому прилѣплялись звуки настраиваемыхъ инструментовъ.

Стукъ смычка по скрипцу, шелестъ бумаги на эстрадѣ, гдѣ поднялись хористы съ нотами въ рукахъ; страдальческій взглядъ со стороны жертвъ; подъ высокою дверью, гдѣ толпятся черные фраки, — смутное движеніе, какъ-бы вызванное желаніемъ обратиться въ бѣгство, — и хоръ Глюка возноситъ свои первыя ноты къ высокому стеклянному потолку, надъ которымъ разстилается синюю пелену зимняя ночь.

Ah! dans ce bois funeste et sombre...

Концертъ начался...

Музыкальный вкусъ сильно развился во Франціи въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Въ особенности въ Парижѣ воскресные и пасхальные концерты, множество частныхъ музыкальных обществъ до крайности возбудили въ обществѣ музыкальное чувство, вульгаризировали классическія пьесы великихъ композиторовъ и ввели въ моду музыкальную эрудицію. Но въ сущности Парижъ слишкомъ подвиженъ, слишкомъ трезвъ и разсудителенъ, чтобы очень любить музыку, которая поглощаетъ, сковываетъ васъ, лишаетъ васъ голоса и мысли, окутываетъ летучею сѣтью гармоніи, указываетъ, гипно-

тизируетъ васъ, какъ море, — и его увлеченіе музыкой напоминаетъ увлеченіе свѣтскаго франта модною кокеткою, страсть ради шива, ради хвастовства, банальную и пустую до скуки. Скука — вотъ была преобладающая нота концерта въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Сквозь обязательные восторги, сквозь восхищенное выраженіе фizioномій, которое входитъ въ число свѣтскихъ обязанностей самыхъ искреннихъ женщинъ, она пробивалась мало-по-малу, замораживала улыбки и блескъ глазъ, придавала фигурамъ томныя позы птичекъ, усѣвшихся на вѣткѣ или пьющихъ по капелькамъ воду. На длинныхъ рядахъ связанныхъ стульевъ всѣ онѣ, одна за другою, вострепнувшись, приходили въ движеніе, кричали: „браво!.. божественно!.. восхитительно!..“ чтобы на время оживиться, и снова поддавались непобѣдимому оцѣненію, которое, какъ туманъ, поднималось изъ этого моря звуковъ и отодвигало въ равнодушную даль смѣнявшихся по очереди артистовъ.

А между тѣмъ здѣсь были самые славные, самые знаменитые артисты Парижа, передававшіе классическую музыку съ тѣмъ искусствомъ и пониманіемъ, которыхъ она требуетъ и которыхъ, увы! приобрѣтаются только цѣною годовъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ Вотеръ поетъ чудный романсъ Бетховена „Успокоеніе“, и никогда не пѣла она его съ такимъ чувствомъ, какъ въ этотъ вечеръ; но въ инструментѣ не хватаетъ струнъ, слышно, какъ смычекъ задѣваетъ по дереву, и отъ прежней великой пѣвицы, отъ знаменитой красавицы остались только изученныя позы, безупречная метода и эта длинная бѣлая рука, которая при послѣдней строфѣ утираетъ слезу, набѣжавшую на подмалеванный глазъ, — слезу, обозначающую рыданье, котораго уже не въ силахъ передать голосъ.

Кто, кромѣ Майоля, красавца Майоля, когда-нибудь пѣлъ серенаду изъ Донъ-Жуана съ такою воздушною легкостью, съ этою страстью влюбленной бабочки? Къ несчастью, его уже не слышно; какъ онъ ни приподнимается на цыпочки, съ вытянутою шеей, какъ ни старается дотянуть ноту до конца, сопровождая ее тонкимъ жестомъ пряжи, зажавшей между двумя пальцами свою шерсть, — ничего не выходитъ, рѣшительно ничего. Парижъ, благодарный за наслажденія, испытанныя въ былое время, все-таки апплодируетъ; но всѣ эти свѣтые голоса, эти увядшія, слишкомъ знакомыя лица, эти медали, вслѣдствіе долгаго обращенія стершія свой чеканъ, не

разсѣбуютъ тумана, носящагося надъ праздникомъ въ министерствѣ, несмотря на все усилія Руместана оживить его, несмотря на восторженныя „браво“, которыя онъ выкрикиваетъ изъ толпы черныхъ фраковъ, несмотря на грозныя „т-ш!“ , которыми онъ, на разстояніи двухъ салоновъ, наводитъ страхъ на людей, пытающихся завести разговоръ; умоливъ, они двигаются, какъ привидѣнія, подъ яркимъ освѣщеніемъ, осторожно переходятъ съ мѣста на мѣсто, чтобы развлечься, округливъ спину и свѣсивъ руки, какъ маятники, или-же въ изнеможеніи опускаются на низкія кресла и сидятъ, раскачивая между ногами складныя шляпы, съ тупыми, безучастными лицами.

На одно мгновеніе выходъ Алисы Башелери пробуждаетъ и приводитъ въ движеніе всю публику. Въ обѣихъ дверяхъ залы начинается движеніе любопытства; всеѣмъ хочется взглянуть на маленькую пѣвицу, стоящую на эстрадѣ въ коротенькой юбкѣ, съ полуоткрытымъ ротикомъ, съ мигающими длинными рѣсницами, какъ-будто смущенную при видѣ всей этой толпы. — „Chaud! chaud! les p'tits rains d'gruaux!“ въ полголоса напѣваютъ посьтители клубовъ съ ухарскимъ жестомъ, которымъ она сопровождаетъ этотъ припѣвъ. Старички изъ университета, напередъ облизываясь, придвигаются ближе и обращаются въ эстрадѣ тѣмъ ухомъ, на которое лучше слышать, чтобы не проронить ни одного оттѣнка модной шансонетки. Каково-же всеобщее разочарованіе, когда „Маленькій булочникъ“ своимъ рѣзкимъ, жиденькимъ голоскомъ затягиваетъ длинную арію изъ Альцеста, разученную подъ руководствомъ Вотеръ, которая ободряетъ дебютантку изъ-за кулисы. Лица вытягиваются, черныя фраки обращаются въ бѣгство и снова начинаютъ свои скитанія, тѣмъ болѣе, что министръ уже не наблюдаетъ за ними; онъ самъ удалился въ глубину послѣдняго салона, взявъ подъ руку господина де-Боз, который, повидимому, совершенно ошеломленъ такою честью. О, вѣчное ребячество Амура! Вы двадцать лѣтъ говорили въ судѣ, пятнадцать лѣтъ появлялись на трибунѣ палаты, настолько умѣете владѣть собою, что среди самыхъ бурныхъ засѣданій, несмотря на дикіе перерывы, сохраняете сосредоточенность мысли и хладнокровія, какъ морская чайка, въ бурю ловящая рыбу; но если когда-нибудь въ дѣло замѣшается страсть, вы окажетесь слабѣйшимъ изъ слабыхъ, вы будете дрожать и трусить и предпочтете въ отчаяніи ухватиться за руку первого

попавшагося дурака, чтобы только не слышать ни малѣйшей критики противъ вашего идола.

— Извините, я васъ оставлю... начинается антрактъ... Съ этими словами министръ убѣгаетъ, возвращая молодого добладчика мраку неизвѣстности, изъ котораго ему уже не выйти никогда. Всѣ пробираются къ буфету, и просвѣтлѣвшія мины всѣхъ этихъ несчастныхъ, которымъ снова возвращена свобода движенія и рѣчи, могутъ заставить думать Нуму, что его протѣгее имѣла большой успѣхъ. Вокругъ него толпятся, его поздравляютъ: „божественно... прелестно...“ но никто не говоритъ положительно о томъ, что его интересуеть; наконецъ, онъ попадаетъ на Кардальяка, который проходитъ возлѣ него, двигаясь бокомъ и разсѣвая толпу своимъ громаднымъ плечомъ, опущеннымъ на подобіе рычага.

— Ну что?.. Какъ она вамъ понравилась?

— Да кто?

— Эта дѣвочка... продолжаетъ Нума, стараясь принять равнодушный тонъ. — Кардальякъ, какъ человѣкъ бывалый, понимаетъ въ чемъ дѣло и, не моргнувъ, отвѣчаетъ:

— Драгоценная находка...

Влюбленный краснѣетъ, какъ, бывало, краснѣлъ въ двадцать лѣтъ, у Мальюса, когда l'ancienne à tous пожимала ему подъ столомъ ногу.

— Такъ вы думаете, что въ Оперѣ?..

— Безъ сомнѣнья... Но для этого необходимъ хорошій *выставщикъ*, отвѣчаетъ Кардальякъ съ своимъ беззвучнымъ смѣхомъ, и, между тѣмъ какъ министръ бѣжитъ сообщить радостное извѣстіе Алисѣ, выставщикъ продолжетъ свой путь по направленію къ буфету, который виднѣтся, черезъ вставленное въ простѣнокъ широкое зеркальное стекло, въ глубинѣ залы съ темными украшенными золотомъ панелями. Несмотря на мрачный колоритъ стѣнъ, на высокобѣрный, величественный видъ официантовъ, набранныхъ, вѣроятно, изъ провалившихся университетскихъ учениковъ, дурное расположеніе духа и скука быстро разсѣваются здѣсь, въ виду громаднаго буфета, уставленнаго тонкой хрустальной посудой, фруктами, пирамидами бутербродовъ; здѣсь человѣческая природа снова вступаетъ въ свои права и выражается жадными взглядами и нетерпѣливыми, алчными движеніями. Въ малѣйшій свободный промежутокъ между двумя корсажами, между двумя головами, нахло-

нившимися надъ тарелочкой съ кускомъ лососины или съ крылышкомъ дичи, просовывается рука — за стаканомъ, за вилкой, за хлѣбцемъ, — стирая съ плечъ пудру чернымъ рукавомъ или блестящимъ, жесткимъ эполетомъ. Здѣсь всѣ болтаютъ, одушевляются, глаза блестятъ, слышится звонкій смѣхъ подъ вліяніемъ шипучихъ винъ. Здѣсь перекрещиваются тысячи замѣчаній, прерванныхъ разговоровъ, отвѣтовъ на забытые уже вопросы. Въ одномъ углу раздаются негодующія восклицанія въ группѣ, окружившей ученаго Бешю, продолжающаго поносить слабый полъ. Въ другомъ — идетъ споръ между музыкантами.

— Помилуйте, любезнѣйшій, вы отрицаете увеличенную квинту...

— Правда-ли, что ей всего шестнадцать лѣтъ?

— Шестнадцать лѣтъ въ бочкѣ, да нѣсколько лѣтъ въ бутылкахъ...

— Майоль!.. Ну, вотъ еще, Майоль!.. Отъ него уже ничего не осталось; онъ весь выдохся. И, какъ вы думаете, такому господину Опера платить по двѣ тысячи франковъ въ вечеръ!..

— Да, но вѣдь онъ самъ беретъ на тысячу франковъ билетовъ, чтобы „нагрѣть“ залу театра, а остальное Бардальекъ выигрываетъ у него въ écarté.

— Бордо... шоколадъ... шампанское...

— прийти объясняться въ засѣданіе комиссіи.

— отгнѣивъ немного рюшъ бѣлыми шелковыми бантами.

Въ другомъ мѣстѣ надмуазель Ле-Кеснуа, окруженная кавалерами, расхваливаетъ своего тамбуринщика какому-то иностранному корреспонденту съ нахальной, плоской фізіономіей нѣмецкаго сапожника, умоляетъ его не уѣзжать до окончанія вечера, журитъ Межана, который не поддерживаетъ ее, называетъ его извращеннымъ южаниномъ, ренегатомъ. Въ сосѣдней группѣ идутъ политическія пренія. На первый планъ выдвигается искаженное злобою лицо, съ пѣною на зубахъ, пережевывающихъ слова, какъ пули, чтобы отравить ихъ:

— Все, что избрѣла самая растлѣвающая демагогія...

— Марать-консерваторъ! замѣчаетъ чей-то голосъ; но замѣчаніе это теряется въ смутномъ шумѣ разговоровъ, сливающимся съ бряцаніемъ тарелокъ и звономъ стакановъ; вдругъ весь этотъ гамъ покрывается металлическимъ голосомъ Руместана: „Mesdames, mesdames, скорѣе... Вы пропустите сонату en fa“.

Воцаряется мертвая тишина, и по салонамъ снова начинается двигаться процессія распущенныхъ шлейфовъ, шелестя между рядами стульевъ. На лицахъ женщинъ написано отчаянне, какъ у плѣнницъ, которыхъ, послѣ часовой прогулки на тюремномъ дворѣ, снова отводятъ въ заключеніе. Опять тянутся концерты, симфоніи во всевозможныхъ тонахъ. Красавецъ Майоль снова принимается праять неуловимый звукъ; снова Вотеръ перебираетъ ослабѣвшія струны своего голоса. Вдругъ пробивается новый порывъ оживленія, любопытства, какъ недавно, при выходѣ маленькой Башелери. Это тамбуринъ Вальмажура, появленіе красиваго крестьянина, въ надвинутой на ухо мягкой войлочной шляпѣ, опоясаннаго краснымъ шарфомъ, въ накинутой на одно плечо деревенской курткѣ. Это была мысль Одиберты, инстинктъ ея женскаго вкуса; она вздумала одѣть его такъ, разсчитывая на эффектъ; который произведетъ этотъ костюмъ среди черныхъ фраковъ. Слава Богу! Все это, по крайней мѣрѣ, ново, неожиданно, — этотъ длинный барабанъ, качающійся на рукѣ музыканта, маленькая флейта, по которой бѣгаютъ его пальцы, хорошенькіе мотивы, исполненные на двойномъ инструментѣ, живые, увлекательные переходы, отъ которыхъ по атласной кожѣ прекрасныхъ плечъ пробѣгаетъ свѣжая дрожь пробужденія. Пресыщенная публика восхищается этими напѣвами старой Франціи, этими свѣжими ободами, отъ которыхъ такъ и несетъ запахомъ розмарина. „Браво! Браво!.. Еще!“... А когда онъ начинаетъ маршъ Тюренна, на широкій, побѣдный мотивъ, съ тихимъ аккомпаниментомъ оркестра, дополняющаго, поддерживающаго нѣсколько слабый инструментъ, — публика раздражается неистовыми аплодисментами. Ему приходится повторить два раза, десять разъ; и пуще всѣхъ кричить Нума, участіе котораго къ музыканту оживилось вмѣстѣ съ его успѣхомъ, и который теперь приписываетъ себѣ эту „фантазію его дамъ“. Онъ рассказываетъ, какъ ему удалось открыть этого генія, объясняетъ устройство дудки съ тремя отверстіями, передаетъ подробности о старомъ замкѣ Вальмажуровъ.

— Его въ самомъ дѣлѣ зовутъ Вальмажуръ?

— Разумѣется... изъ принцевъ Де Бо... это послѣдній.

И эта легенда пробѣгаетъ по залѣ, увеличивается въ размѣрахъ, разукрашивается и превращается въ настоящій романъ Жоржъ Занда.

— У меня есть документы... *les papiers*! утверждаетъ Бомпаръ тономъ, не терпящимъ возраженія. Но среди этого, болѣе или менѣе искусственнаго свѣтскаго энтузіазма, одно бѣдное маленькое сердечко волнуется, одна молодая головка вскружена до послѣдней степени и принимаетъ эти апплодисменты, эти сказки за чистую монету. Не говоря ни слова, даже не аплодируя, неподвижно устремивши взглядъ въ пространство и въ мечтательной задумчивости раскачивая свою длинную, гибкую талью подъ тактъ героическаго марша, Гортензія мысленно переносится туда, въ Провансъ, на высокую платформу, возвышающуюся надъ залитою солнцемъ равниной; тамъ музыкантъ ея играетъ ей серенаду, какъ дамѣ изъ временъ трибуналовъ любви, и съ дикою граціей прикрѣпляетъ къ своему тамбурину гранатный цвѣтокъ. Это воспоминаніе наполняетъ ея душу сладостнымъ трепетомъ, и, склонивши голову на плечо сестры, она тихо шепчетъ ей: „Ахъ, какъ мнѣ хорошо!“... съ глубокимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, котораго Розалія въ эту минуту не замѣчаетъ, но которое позднѣе выяснится болѣе и будетъ тревожить ее, какъ смутное предвѣстье бѣды.

— Eh! be!... Ну, что, дружище Вальмажуръ; развѣ я не говорилъ вамъ?.. Какой успѣхъ!.. А?.. кричалъ Руместанъ въ маленькомъ салонѣ, гдѣ приготовили закуску для артистовъ. Остальныя свѣтила концерта, правда, находили этотъ успѣхъ нѣсколько преувеличеннымъ. Вотеръ сидѣла совсѣмъ готовая къ отъѣзду, въ ожиданіи кареты, и скрывала свою досаду подъ большимъ кружевнымъ капюшономъ, надушеннымъ какими-то чрезвычайно пахучими духами, между тѣмъ какъ красавецъ Майоль, стоя передъ буфетомъ, обернувшись къ обществу спиною и выражая всею своею фигурою крайнее утомленіе, свирѣпо кромсалъ на своей тарелкѣ жаворонка, воображая, что подъ ножомъ его лежитъ тамбурищикъ. У маленькой Башелери не было подобныхъ изліяній гнѣва. Она разыгрывала ребенка посреди группы молодыхъ франтовъ, смѣялась, рѣзвилась и жадно, какъ школьникъ, мучимый неутолимымъ голодомъ въ періодъ роста, поѣдала маленькій хлѣбецъ съ ветчиной. Она пробовала играть на дудкѣ Вальмажура.

— Посмотрите-ка, господинъ министр!

Но вдругъ, замѣтивъ Кардальяка за спиною его превосходи-

тельства, она подскочила къ нему и, какъ маленькая дѣвочка, подставила свой лобъ для поцѣлуя.

— В'jou, m'pnce!..

Это было совершенно фантастическое родство; нѣчто вродѣ театральнаго усновленія.

— Какую невинностью приедивается, проворчалъ Кардалякъ сквозь свои сѣдые усы, но не слишкомъ громко, такъ-какъ она, вѣроятно, должна была скоро сдѣлаться его пенсіонеркой и притомъ пенсіонеркой вліятельной.

Вальмажуръ, окруженный толпою женщинъ и журналистовъ, съ фатовскимъ видомъ стоялъ передъ каминомъ. Иностранный корреспондентъ безцеремонно спрашивалъ его, далеко не тѣмъ заискивающимъ тономъ, которымъ обыкновенно старался выпытать что-нибудь у министровъ на частныхъ аудіенціяхъ. Но крестьянинъ, не смущаясь, отвѣчалъ все тѣмъ-же стереотипнымъ рассказомъ:— „Эта мысль пришла мнѣ въ голову ночью, когда я слушалъ пѣсню соловья“... На этихъ словахъ его прервала Гортензія, протягивавшая ему стаканъ и тарелку, которые она наполнила для него.

— Здравствуйте... Вотъ и я теперь приношу вамъ паузинъ. Она нарушила весь эффектъ его рассказа. Онъ слегка кивнулъ ей въ отвѣтъ головою, указывая на каминъ.—Ладно, ладно... поставьте туда... сказалъ онъ и продолжалъ свой рассказъ. Нимало не обезкуражившись, Гортензія дослушала исторію до конца, а затѣмъ заговорила съ нимъ объ его отцѣ, о сестрѣ.

— Не правда-ли, она будетъ очень довольна?..

— Да, вышло не дурно.

Съ фатовской улыбкой онъ покручивалъ свои усы, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойнымъ взглядомъ обводилъ комнату. Ему сказали, что директоръ Оперы намѣренъ вступить съ нимъ въ переговоры. Онъ издали караулилъ его, уже ощущая знакомую актерамъ ревность, и удивлялся, какъ можно было такъ долго заниматься этою маленькой, ничтожной пѣвицей; весь поглощенный своею мыслью, онъ и не трудился отвѣчать красивой молодой дѣвушкѣ, стоявшей передъ нимъ съ вѣромъ въ рукахъ въ той полу-отважной позѣ, которая пріобрѣтается привычкою къ свѣтскому обществу. Но онъ еще больше нравился ей такой, какъ теперь, пренебрежительный и холодный ко всему, что не касалось его искусства.

Она любовалась на него, видя, какъ онъ съ высока выслушивалъ комплименты, которыми съ своею обычною грубою безцеремонностью бомбардировалъ его Кардальякъ.

— Да, да... увѣраю васъ... Я говорю такъ, какъ думаю... Большой талантъ... очень оригинально, очень ново... Я не хочу, чтобы какой-нибудь другой театръ перебилъ у Оперы эту новинку... Я подыщу удобный моментъ, чтобы показать васъ публикѣ. Начиная съ сегодняшняго дня, вы можете считать себя нашими.

Вальмажуръ вспомнилъ было о гербовой бумагѣ, которая лежала въ карманѣ его жилета; но Кардальякъ, какъ будто разгадавъ тревожившую его заботу, протанулъ ему свою мягкую руку и воскликнулъ:—Итакъ, по рукамъ, и пусть это будетъ нашимъ взаимнымъ условіемъ... Спросите у вашихъ товарищей, можно-ли положиться на слово Кардальяка, прибавилъ онъ, указывая на Майола и Вотерь, которые, къ счастью, были заняты чѣмъ-то другимъ; въ противномъ случаѣ они-бы невольно расхохотались.

Съ этими словами Кардальякъ повернулся и отправился смотрѣть на балъ. Теперь, въ менѣе переполненныхъ, но зато болѣе оживленныхъ залахъ начался балъ. Съ отъѣздомъ знатныхъ особъ и серьезныхъ людей, очистилось мѣсто для молодежи, для тѣхъ любителей безумнаго веселья, которые танцуютъ ради танцевъ, ради того, чтобы кружиться въ захватывающемъ духъ вихрѣ, съ развѣвающимися по воздуху волосами, среди замирающихъ взглядовъ и путающихся около ногъ шлейфовъ. Но даже теперь политика не теряла своихъ правъ; сляніе, о которомъ мечталъ Руместанъ, не осуществлялось. Изъ двухъ залъ, въ которыхъ танцевали, одна представляла собою лѣвнй центръ, а другая ревниво сохраняла бѣлизну лиліи, несмотря на всѣ старанія Гортензіи соединить оба лагеря. Сама она, какъ свояченица министра и дочь перваго президента, окружена была толпою поклонниковъ, цѣлымъ роємъ открытыхъ жилетовъ, привлеченныхъ ея богатымъ приданымъ и связями. Лаппара, необыкновенно возбужденный, объявилъ ей, танцуя, что „его превосходительство позволилъ ему“... Но вальсъ внезапно окончился, она покинула его, не дожидаясь продолженія и подошла къ Межану, который не танцевалъ, но не могъ рѣшиться уѣхать.

— О, серьезный, разсудительный человѣкъ! Какое у васъ лицо...

Онъ взялъ ея руку: — „Сядьте здѣсь, мнѣ нужно поговорить съ вами... Уполномоченный моимъ министромъ“... началъ онъ, улыбаясь, взволнованнымъ голосомъ; по дрожанію его губъ Гортензія поняла, въ чемъ дѣло, и быстро поднялась съ мѣста. — „Нѣтъ, нѣтъ... не сегодня вечеромъ... я ничего не могу слушать... я танцую“... Съ этими словами она убѣжала, взявъ подъ-руку Рошмора, который подошелъ звать ее на котильонъ. Этотъ добрякъ, во всемъ подражавшій Лаппара, тоже оказался влюбленнымъ и рѣшился произнести слово, на которое она отвѣтила порывомъ веселаго смѣха, звонкимъ вихремъ закружившагося вмѣстѣ съ нею по залѣ. Когда окончилась фигура съ шарфами, она подошла къ сестрѣ и тихо сказала ей: — Вообрази, какой сюрпризъ... Нума обѣщалъ меня тремъ своимъ секретарямъ!

— Котораго-же ты выбираешь?

Отвѣтъ ея былъ отрѣзанъ звуками тамбурина. „Фарандола!.. Фарандола!“... Это былъ сюрпризъ, который министръ приготовилъ для своихъ гостей. Фарандола, вмѣсто послѣдней фигуры котильона, квинтэссенція юга, какъ достойное окончаніе вечера!.. Но какъ ее танцуютъ?.. Всѣ берутся за руки, и на этотъ разъ оба салона перемишнваются. Бомпаръ, выдѣлывавшая антраша, съ важностью показывается: „вотъ такъ, mesdemoiselles“, и фарандола, подъ предводительствомъ Гортензіи, развертывается вдоль длинной анфилады залъ; шествіе замыкается Вальмажуромъ, который играетъ съ неподражаемой важностью, гордясь своимъ торжествомъ и лестными взглядами, привлекаемыми его мужественною фигурою, одѣтою въ оригинальный костюмъ. „Какъ онъ хорошъ! говоритъ Руместанъ... — Какъ онъ хорошъ!.. Настоящій греческій пастухъ!“... Сельская пляска, возростая и одушевляясь, преслѣдуетъ и гонитъ изъ залы въ залу тѣнь Фрѣсиву. Фигуры стѣнной живописи, скопированной съ картинъ Буше и Ланкре, приходятъ въ движеніе, пробужденныя старинными мотивами, и кажется танцорамъ, что нагіе амурны, рѣзвящіеся на фризахъ, несутся въ такой-же неистовой, бѣшеной пляскѣ, какъ они.

А тамъ, въ глубинѣ, Бардальякъ, приютившись къ буфету, съ тарелкой и стаканомъ въ рукѣ, слушаетъ, ѣсть и пьетъ, проинивнутый этимъ жаромъ веселья до глубины своей скептической души.

— Помни дружочекъ, говоритъ онъ Буасариву... всегда нуж-

но оставаться до конца бала... Женщины красивѣе съ этою влажною блѣдностью, которая, однако, не есть еще изнеможеніе, точно такъ же, какъ вотъ та бѣловатая полоска свѣта у окна еще не день... Въ воздухѣ носятся слѣды музыки, благовонная пыль, какое-то полуопьяненіе, которое изощряетъ всѣ чувства и которымъ слѣдуетъ наслаждаться, закусывая холодною дичью и попивая замороженное шампанское... Ну вотъ, посмотри-ка...

За зеркальнымъ стекломъ неслась фарандола цѣстрою лентою, въ которой чернѣйшій цвѣтъ смѣнялся свѣтлыми полосками; вся картина была покрыта какимъ-то смягченнымъ колоритомъ, благодаря разстроившимся, измявшимся, въ продолженіи двухъ-часовой пляски, куафюраммъ и нарядамъ.

— Ну что, развѣ это не красиво, hein?.. А этотъ парень въ концѣ процессіи; что за фигура!.. Впрочемъ, онъ не выручить ни гроша, равнодушно прибавилъ онъ, ставя на столъ стаканъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

(1848—1871).

Находясь проездомъ въ Женевѣ, въ концѣ 1871-го года, столь справедливо названнаго Викторомъ Гюго «ужаснымъ годомъ»,— мнѣ пришлось встрѣтиться съ другомъ дѣтства, котораго я давно уже потерялъ изъ виду.

Сынъ ремесленника, мой пріятель началъ съ того, что сдѣлался преподавателемъ въ первоначальной школѣ. Но ему весьма скоро стало яснымъ, что независимый характеръ и философское образованіе, полученное отъ отца, истиннаго сына восемнадцатаго столѣтія, плохо согласовались съ требованіями учительскаго положенія. Пришлось отъ него отказаться.

Въ то время (въ 1845 году), несмотря на явное одобреніе идей Вольтера, всецѣлая буржуазія всецѣло передала учителей общинныхъ школъ невыносимой опекаѣ юре: религія вѣдь хорошая вещь для народа.

Это первое разочарованіе заставило нашего друга спросить себя: чего стоили въ концѣ-концовъ увѣренія тогдашнихъ либераловъ относительно яко-бы близко-принимаемаго ими къ сердцу «освобожденія трудящихся классовъ», и онъ не замедлилъ прійти къ убѣжденію, что о пресловутомъ освобожденіи весьма мало помышляли тѣ, кому этотъ вопросъ служилъ лишь упругой доской, при содѣйствіи которой они могли добраться до власти.

Охваченный уныніемъ и отвращеніемъ, онъ велъ тяжелую жизнь, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, до самаго 1848 года.

Три послѣдніе года царствованія Луи-Филиппа были дѣйствительно тягостнымъ и плачевнымъ періодомъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые оказывались отщепенцами отъ динично-провоз-

глашаемаго правила тогдашняго правительства, что нажива—единственная почтенная цѣль жизни.

Самые позорные и мрачные годы второй имперіи не могутъ дать понятія объ этомъ времени. При Наполеонѣ III, по крайней-мѣрѣ, оставили воспоминаніе и надежду «февральскія молніи», воспѣтыя Пьеромъ Дюпономъ: 2-е декабря не могло быть вѣчнымъ, какъ всякій кошмаръ. Но въ 1845 году нравственное состояніе, въ которомъ держали молодежь, не могло быть названо даже кошмаромъ. Это была сама смерть. Потому, когда настала часъ воскрешенія, мой пріятель съ рѣшимостью бросился на арену открывавшейся борьбы, и не съ энтузіазмомъ только, свойственнымъ его возрасту (ему было не болѣе 20-ти лѣтъ), но и съ твердостью, порождаемой ясно поставленной цѣлью. Благодаря сочиненіямъ тогдашнихъ социалистовъ-писателей, между прочимъ Фурье, ему было извѣстно, что пересозданіе общества, мысль о которомъ впервые появилась у философовъ прошедшаго столѣтія, есть истинный объектъ интеллигентной дѣятельности, къ которому слѣдуетъ идти, не отуманивая себя иллюзіями, но и не ослабѣвая на пути.

Само собою разумѣется, что съ подобными идеями пріятель мой не препрославился въ политическомъ мірѣ и не выбился изъ скромной сѣеры, гдѣ суждено ему было родиться.

Его жизнь, подобно жизни многихъ изъ его товарищей по борьбѣ, не представила-бы ничего особенно-замѣчательнаго, если-бы случай не ставилъ его въ соприкосновеніе съ людьми, имѣвшими болѣе значенія и игравшими болѣе важную роль въ событіяхъ, совершавшихся во Франціи отъ 1848 до 1871 г. Надъ этими людьми и событіями не разъ пришлось упражняться его наблюдательности.

Вскорѣ послѣ нашей встрѣчи въ Женевѣ, пріятель увѣдомилъ меня о своемъ намѣреніи уѣхать въ Америку, чтобы попытаться создать себѣ тамъ положеніе. Въ то-же время онъ посылалъ мнѣ цѣлый рядъ замѣтокъ, которыя писались имъ почти изо-дня въ день, по поводу событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, и людей, съ которыми сталкивался, прибавляя, что въ случаѣ смерти своей онъ дѣлаетъ меня наслѣдникомъ рукописи.

Не было-ли это предчувствіемъ?

Какъ-бы то ни было, нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что другъ мой утонулъ при переѣздѣ чрезъ океанъ.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, единственнымъ распорядителемъ его «замѣтокъ и воспоминаній», я подумалъ, что они, быть можетъ, окажутся небезынтересными для нѣкоторыхъ читате-

лей, которымъ и передаю ихъ, ручаясь за полную искренность писавшаго, который заносилъ ихъ въ свою записную книжку скорѣе въ видѣ дневника собственной жизни, не назначавшагося для публики, чѣмъ въ видахъ выставленія собственныхъ заслугъ.

24-го февраля 1848 года.

Какое драматическое зрѣлище представлялъ вчера вечеромъ Парижъ! Не успѣло совершиться убійство *) на бульварѣ Капуциновъ, у министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ негодованіе запылало повсюду. Театры пустѣютъ въ одинъ мигъ. Зрители и актеры идутъ рука объ руку, при торжественномъ пѣніи «Марсельезы». Отъ Бастиліи до Porte St.-Denis, на всемъ громадномъ протяженіи своемъ, бульвары, какъ-бы волшебствомъ, перерѣзываются срубленными деревьями и въ то-же время покрываются осколками бутылокъ и всякаго рода посуды, доставленной ресторанами и кафе. Владѣльцы оружейныхъ магазиновъ роздали все имѣвшееся въ ихъ распоряженіи оружіе, и скоро баррикады возвышались на всѣхъ перекресткахъ и были немедленно заняты борцами. Революція на этотъ разъ была несомнѣнна, и подобно дѣлу Карла X въ 1830 г., дѣло Луи-Филиппа было безповоротно проиграно.

Не охваченныя еще народнымъ движеніемъ, площади и набережныя освѣщались бивачными огнями войскъ, расположившихся подъ открытымъ небомъ. Но какъ солдаты, такъ и ихъ командиры имѣли крайне унылый видъ. Они опасались, что въ готовящейся борьбѣ на ихъ долю можетъ выпасть лишь позоръ.

А между тѣмъ беспощадный Бюжо, стремившійся обойтись съ парижанами въ томъ-же родѣ, какъ нѣкогда справлялся съ арабами въ Алжирѣ, просилъ у короля разрѣшенія сжечь Парижъ, если то окажется необходимымъ. Король-гражданинъ отказалъ ему, по остатку стыда или, быть можетъ, просто изъ страха неудачи.

Напрасно Одиллонъ-Барро, глава династической оппозиціи, и Ламорисьеръ (африканскій генералъ, принадлежавшій къ одной съ нимъ партіи въ палатѣ депутатовъ), явились къ баррикадѣ,

*) 23-го февраля, около 10-ти часовъ вечера, въ ту минуту, какъ толпа выражала свою радость, по случаю выхода въ отставку министерства Гизо, караулъ, стоявшій у министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ всякаго повода со стороны толпы, выстрѣлилъ въ упоръ по безоружнымъ. Болѣе 20-ти человекъ было убито, еще больше ранено.

построенной у Porte Saint-Denis, и убѣждали не начинать борьбы, увѣряя, что имъ поручено составить новое министерство, которое обезпечить общественныя вольности и приведетъ въ исполненіе избирательную реформу. Громовый кликъ: «да здравствуетъ республика!» былъ отвѣтомъ на всѣ ихъ увѣренія. Одинъ гражданинъ *) вышелъ даже изъ рядовъ нашихъ и съ гнѣвнымъ видомъ объявилъ этимъ господамъ, чтобы они уходили, какъ можно скорѣе, такъ-какъ въ противномъ случаѣ дорого заплатятъ за свое нахальство.

Они не заставили повторить себѣ этого, и удалились, поджавши хвостъ. Составленіе-же министерства затянулось. Вскорѣ послѣ того, къ нимъ подоспѣла новая колонна борцовъ, съ которой мы спустились до Пале-Ройяля, гдѣ немедленно завязалась перестрѣлка съ карауломъ муниципальной стражи, стоявшимъ на противоположной сторонѣ площади. Это была, впрочемъ, послѣдняя и бесполезная стычка. Въ то время, какъ мы перестрѣливались, пришло извѣстіе о томъ, что Тюльерійскій дворецъ взятъ, парламентъ распущенъ и, наконецъ, что временное правительство уже водворилось въ Hôtel de-Ville.

Немедленно прекратили огонь и занялись спасеніемъ недавняго непріятели, который рисковалъ задохнуться въ караулнѣ, по причинѣ вспыхнувшего тамъ пожара.

Былъ часъ пополудни, и солнце, какъ-бы дождавшееся этой минуты, засіяло, чтобы освятить новое торжество свободы.

Дѣйствительно, начиная съ 22-го февраля, борьба шла при перемежавшихся: дождѣ и ясной погодѣ, что вполне гармонировало съ колебаніями и неизвѣстностью исхода тогдашняго положенія дѣлъ.

Долго-ли будетъ свѣтить это чудное солнце? Вѣроятно, столько же времени, какъ и надежды тѣхъ, кто радовался теперь успѣху. Его хватить, быть можетъ, на нѣсколько дней.

Какъ-бы то ни было, всѣ надѣются, всѣ ощущаютъ приливъ новой жизни и всѣ, богатые и бѣдные, буржуа и пролетаріи, забываютъ на минуту раздѣляющую ихъ социальную рознь, которая, вѣроятно, не замедлитъ поставить ихъ лицомъ къ лицу. «Будемъ любить другъ друга», и «да здравствуетъ республика!» говорятъ, встрѣчаясь, люди и горячо жмутъ руки. Не малое торжество выпало на долю и солдатъ, которыхъ чествуютъ тѣ, противъ кого ихъ вели и предъ кѣмъ сложили они оружіе.

*) Это былъ Лагранжъ изъ Ліона, который принималъ видное участіе въ ліонскомъ инсurreкціонномъ движеніи въ 1831—1834 годахъ. Въ 1848 году онъ былъ избранъ въ учредительное, а въ 1849 г. въ законодательное собраніе. Онъ умеръ въ Остенде, находясь въ изгнаніи послѣ декабрьскаго переворота.

Какое блестящее будущее рисовалось тогда въ воображеніи каждаго!

Старики увидѣли, наконецъ, осуществленіе мечты, за которую они такъ долго боролись и такъ много страдали: Франція завоевала свою независимость, и отнынѣ никто, кромѣ ея самой, не будетъ управлять ея судьбами. Рабочіе могутъ теперь рассчитывать на лучшее будущее для своихъ дѣтей: республика, вѣдь, обеспечитъ имъ образованіе и подготовитъ ихъ къ тому, чтобы они могли составить общество дѣйствительно свободныхъ и равныхъ гражданъ. Безобразная эксплуатація со стороны денежныхъ спекулянтовъ, ихъ высокомеріе и пороки, съ такимъ безстыдствомъ выставляемые на показъ, должны, наконецъ, исчезнуть, уступая мѣсто уваженію къ труду, отнынѣ освобожденному отъ ихъ развращающей и унижительной опеки.

Новое правительство и при отсутствіи геніальности можетъ сдѣлать много полезнаго и великаго. Ему стоитъ только быть искреннимъ и принимать, главнымъ образомъ, въ соображеніе нужды и требованія тѣхъ, кто занимается производительнымъ трудомъ, и тѣхъ, кто страдаетъ, а ихъ—большинство. Таково было общее мнѣніе.

Поэтому опечалены были на этотъ разъ только маклаки и денежные барышники. Они боялись, что съ переворотомъ начнутся для нихъ дурныя времена. Будемъ надѣяться, что событія оправдаютъ ихъ опасенія.

А между тѣмъ, среди всеобщаго ликованія, совершилось великое злодѣяніе, необдуманно-одобренное тѣми, кто только что боролся за правое дѣло. Были нарушены самыя элементарныя правила справедливости и человѣчности: разстрѣляли огульно, и даже не удостовѣрившись въ дѣйствительности факта, нѣсколькихъ несчастныхъ, обвиненныхъ въ произведеніи кражъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ!

Въ то время, какъ большинство побѣдившихъ готово было оказать полное великодушіе по отношенію къ тѣмъ, кто еще сегодня отдавалъ самыя звѣрскія приказанія для усмиренія возстанія, эти самые побѣдители, съ такою готовностью щадившіе своихъ жестокихъ противниковъ, рукоплескали систематическому избіенію несчастныхъ, только заподозрѣнныхъ въ кражѣ, т. е. въ такомъ проступкѣ, за который самыя строгіе суды приговорили-бъ ихъ къ простому заключенію въ тюрьмѣ!

И нашлись мыслители, философы и даже социалисты, въ родѣ Луи-Блана—великаго противника смертной казни, которые одобряли и поощряли подобныя вещи, а равно и тѣхъ, кто ихъ совершалъ!

О, безсознательность народная, какъ дорого придется тебѣ заплатить за подобныя заблужденія!

Несмотря на это мрачное облако, день 24-го февраля оставить намъ, безъ сомнѣнія, великое и неувыдаемое воспоминаніе *).

* * *

25 февраля.

Временное правительство, составъ котораго извѣстенъ теперь всѣмъ, начинаетъ уже внушать нѣкоторые опасенія тѣмъ, кто знаетъ прошлое различныхъ его представителей.

Прежде всего назовемъ маститаго президента министровъ, *Дюпона* (де - Л'Эрръ), который, безъ сомнѣнія, заслужилъ эпитетъ *почтеннаго*, постоянно сопровождающій это имя. Можно замѣтить только, что роль обманутаго, разыгранная имъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, въ 1830 году, хотя и дѣлаетъ честь его добросовѣстности, но даетъ весьма жалкое понятіе о его провицательности и энергіи. Безъ сомнѣнія, онъ будетъ служить ширмами, за которыми стануть плестись правительственныя интриги.

Ламартинъ, болѣе извѣстный народу своей «Исторіей Жирондистовъ» (въ то время только-что напечатанной) чѣмъ изящными по формѣ и нелѣпыми по содержанію стихотвореніями, давно уже выказалъ такую шаткость въ убѣжденіяхъ и такое личное отношеніе къ дѣлу, что, несмотря на его болѣе блестящее чѣмъ прочное обращеніе на путь республиканства, слѣдуетъ опасаться, что при первомъ уколѣ, полученномъ его самолюбіемъ, онъ вернется въ ряды монархистовъ, тѣмъ болѣе, что сохранилъ ихъ традиціи, вусы и привычки мышленія. Его популярность началась только въ 1846 г., когда онъ, съ большимъ ораторскимъ искусствомъ, выступилъ противъ проекта вооруженія парижскихъ укрѣпленій, предложеннаго тогда министерствомъ Гизо, имѣвшимъ въ виду, какъ выразился Ламартинъ, борьбу противъ новой революціи, сдѣлавшейся необходимой вслѣдствіе пагубныхъ для свободы дѣйствій этого самаго министерства.

Ледрю-Ролленъ внушалъ немного болѣе довѣрія. Его краснорѣчіе напоминало, правда, довольно слабо, краснорѣчіе Дан-

*) Всего ужаснѣе въ этомъ дѣлѣ то, что, два года спустя, было обнаружено и доказано во время одного уголовного процесса, что большинство обвинявшихся въ немъ убійцъ были именно тѣми лицами, которые совершили упомянутыя кражи въ Тюльерійскомъ дворцѣ и что они разстрѣляли, подъ видомъ воровъ, некоторыхъ свидѣтелей своего проступка, обличеній которыхъ опасались!

тона революціонной памяти. Но, увы, это Дантонъ значительно сѣуженный, размягченный и исполненный буржуазныхъ предрассудковъ; мало-отважный, нерѣшительный, не энергичный, не имѣющій ни воли, ни цѣли. Безъ сомнѣнія, онъ хорошъ на трибунѣ, умѣетъ потрясти своихъ слушателей, даже привести ихъ въ восторгъ, но онъ не умѣетъ дѣйствовать. Въ сущности это то, что называютъ «добрый малый», то есть величайшее изъ бѣдствій въ революціонное время. Реакція боготворитъ подобныя натуры, и не безъ основанія: онѣ такъ полезны для ея цѣлей!

Луи Бланъ, — единственный человѣкъ, на котораго серьезно полагаются рабочіе. Послѣ того, какъ онъ готовъ былъ вступить на дипломатическое поприще при помощи семейныхъ связей съ салонами Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, онъ рѣшительно бросился въ ряды воинствующей республиканской печати при самомъ началѣ своей карьеры и всегда принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ журналистовъ, которые видѣли въ республикѣ лишь средство къ осуществленію социальнаго равенства. Написанная имъ и изданная въ 1846 году «Исторія періода времени отъ 1830 до 1840 года» («Histoire des Dix ans») доставила ему мѣсто не только первокласснаго писателя, но и мыслителя, глубоко преданнаго началамъ, заявленнымъ въ Déclaration des Droits и въ конституціи II года. Но близко знающіе его люди находятъ въ немъ большое честолюбіе и значительную дозу тщеславія. Сверхъ того, онъ обладаетъ темпераментомъ священника, не отступающаго предъ клеветой, когда дѣло идетъ объ оправданіи имъ сказаннаго или - же касается его уязвленнаго самолюбія. Наконецъ, увѣряютъ, что ему недостаетъ мужества. Увидимъ.

Альберъ — рабочій - механикъ, вступившій въ правительство лишь въ видѣ вывѣски и несмотря на явное нежеланіе большинства своихъ коллегъ. Имя его почти неизвѣстно. До сихъ поръ его положеніе рабочаго есть единственное право на довѣріе къ нему народа. Онъ олицетворяетъ для народа будущее. Вступленіе его въ правительство представляетъ нѣчто новое и, въ особенности, неожиданное для правящихъ классовъ. Уже въ силу одной этой причины Альберъ, болѣе всякаго другого, характеризуетъ новую революцію. Рабочіе являются, слѣдовательно, силой, съ которою приходится считаться.

Флоконъ, — другъ Ледрю - Роллена. Онъ главный редакторъ газеты «La Réforme», основанной немного лѣтъ предъ тѣмъ, и умѣлъ придать этому органу явно республиканскій характеръ. Даровитый писатель и искренно-убѣжденный человѣкъ, Флоконъ,

съ другой стороны, остался, повидимому, совершенно чуждымъ социальнымъ вопросамъ, на почвѣ которыхъ и возникло февральское движеніе. Онъ принадлежитъ къ буржуазіи, въ особенности по направленію ума.

Впрочемъ, это человекъ честный по характеру, хотя лишенный инициативы. Онъ будетъ слѣдовать за своимъ вождемъ, т. е. за Ледрю-Ролленомъ.

Таковъ балансъ той части правительства, на которую можетъ опереться республика.

Далѣе слѣдуютъ тѣ изъ представителей новаго правительства, которые принадлежатъ къ партіи «National'я», по имени газеты, вокругъ которой группировались, при Луи-Филиппѣ, сторонники простой избирательной реформы, имѣвшей основаніемъ приобщеніе къ избирательному праву ученыхъ, литераторовъ и артистовъ, дарованія которыхъ болѣе или менѣе констатированы и извѣстны. Эти люди отвергали распространеніе избирательнаго права на всѣхъ гражданъ безъ исключенія и стремились лишь къ расширенію, а не къ уничтоженію преимуществъ. Поэтому, пораженные слишкомъ радикальными послѣдствіями агитаціи, принятой ими самими въ пользу желаемой реформы, они съ большою неохотой согласились на паденіе Орлеановъ, послѣ того какъ, до послѣдней минуты, пытались заставить провозгласить регентство герцогини Орлеанской, вмѣсто республики, которой они, утомившись борьбой, принуждены были уступить мѣсто. По этому можно судить о степени преданности ихъ этой республикѣ.

Франсуа Араго—наиболѣе выдающаяся фигура этой группы. Поглощенный своими астрономическими трудами, Араго мало знакомъ съ рабочимъ классомъ, нужды котораго ему неизвѣстны и къ которому онъ питаетъ нескрываемое презрѣніе. Репутація человека строгихъ нравовъ доставила ему нѣкоторую популярность. Но болѣе прозорливые изъ республиканцевъ не могутъ простить ему, что онъ говорилъ противъ Ламартина, по вопросу о вооруженіи парижскихъ фортовъ.

Кремель—даровитый адвокатъ и образованный юристъ, умъ тонкій и гибкій, даже слишкомъ тонкій и гибкій, и слишкомъ уважающій интересы магистратуры, для того чтобы завести святотатственную руку на это вредное учрежденіе, всегда готовое оказывать услуги сильнѣйшему. Въ глазахъ этого еврея, магистратура есть, своего рода, ковчегъ завета, котораго никто не имѣетъ права касаться.

Мари—тоже адвокатъ, хотя менѣе даровитый, но пропитанный тѣми же предразсудками, какъ и его товарищъ, и также,

подобно Араго, глубоко презирающій *низшіе слои*, противъ претензій которыхъ должны быть направлены всѣ средства усмирения, находящіяся въ распоряженіи правительства, какаѣ-бы ни была его политическая форма. Это одинъ изъ наиболѣе пламенныхъ доктринёровъ власти.

Гарнье-Пажесъ—бывшій управляющій большаго химическаго завода, сдѣлавшійся депутатомъ при Луи-Филиппѣ, благодаря смерти своего зятя, вакантное мѣсто котораго въ палатѣ и было предложено ему тогдашними цензурованными избирателями. Это человекъ ограниченнаго ума, много думающій о себѣ и съ преувеличенными претензіями на обширныя финансовыя познанія; къ тому-же, всецѣло поглощенный своими собственными матеріальными интересами и весьма мало расположенный къ реформамъ, могущимъ нанести имъ ущербъ. Однимъ словомъ—честный буржуа, охотно согласный имѣть значеніе, но весьма консервативный относительно экономическихъ учреждений, обеспечивающихъ ему его привилегированное положеніе.

Карно, еще годъ предъ тѣмъ преданный династіи Луи Филиппа и хартіи 1830 года, возможность усовершенствованія которой онъ старался доказать. Подобно Гарнье-Пажесу, съ которымъ онъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Карно большой противникъ социальныхъ переустройствъ, при которыхъ могли-бы пострадать его личные интересики. Въ былое время онъ былъ, однако-же, послѣдователемъ Сенъ-Симона. Почему это съ нимъ случилось, никакъ не могли понять его друзья того времени. Можетъ быть, впрочемъ, это осталось неизвѣстнымъ и ему самому. Репутація отца его (довольно, правда, некрасивая), бывшаго членомъ комитета общественной безопасности и поспѣшившаго послѣ 9-го термидора отречься отъ прежнихъ товарищей, надъ которыми онъ надругался самымъ подлымъ образомъ, а затѣмъ, позднѣе, охотно принявшаго титулъ графа изъ рукъ Наполеона I,—эта репутація была единственной причиной возвышенія Карно сына.

Близкіе ему люди увѣряли, будто темпераментъ его такъ лимфатиченъ, что вокругъ него все замерзаетъ. Итакъ, можно быть спокойнымъ, что онъ не станетъ слишкомъ революціонерствовать въ *Hôtel de Vill'*.

Заклѣваю списокъ именемъ *Армана Марраста*, остроумнаго редактора «*National'*». Какъ писатель, онъ принадлежалъ къ числу самыхъ пламенныхъ республиканцевъ 1832 г. Его можно было даже назвать социалистомъ въ эпоху сотрудничества въ «*Tribune*». Съ тѣхъ поръ Маррастъ значительно полинялъ и размякъ. Это случилось, вѣроятно, въ то самое время, когда онъ,

къ великому соблазну своихъ товарищей по заключенію, въ тюрьмѣ «Sainte Pélagie», прибавлялъ молока въ свои теплыя ванны. Эти товарищи до сихъ поръ не могутъ о томъ забыть.

Замѣчательный журналистъ и полемистъ, Маррастъ безспорно былъ самымъ интеллигентнымъ и наиболѣе способнымъ къ интригѣ челоуѣнкомъ этой фракціи правительства.

Глубокій скептикъ и вивёръ прежде всего, этотъ *беззубый левъ*, какъ остроумно называлъ его однажды Флаконтъ въ «Reform'ѣ», безъ сомнѣнія, призванъ удивить насъ безцеремонностью и властичностью своихъ убѣжденій.

Въ сущности, наше новое правительство распадается на слѣдующіе элементы. Одинъ пассивный: Дюпонъ де Л'Эръ. Одинъ безсознательный энтузіастъ—Ламартинъ. Два искреннихъ республиканца, но чисто - формальнаго свойства—Ледрю Ролленъ и Флоконтъ. Два болѣе или менѣе революціонныхъ (это неизвѣстно) социалиста—Луи Бланъ и Альберъ.

Наконецъ, шесть мнимыхъ либераловъ, озабоченныхъ, прежде всего, охраной *порядка*, иными словами, — буржуазныхъ и консервативныхъ интересовъ всѣхъ отѣнковъ. Это: Араго, Кремьё, Мари, Гарнье-Пажесъ, Карно и Маррастъ.

Послѣ всего вышесказаннаго, болѣе чѣмъ понятными становятся опасенія, внушенныя этимъ винегретомъ изъ государственныхъ людей тѣмъ, кто доставилъ имъ власть цѣною своей крови.

* * *

27 февраля.

Мое предчувствіе не обмануло меня. И солнце, и нашъ энтузіазмъ сіяли не долго. Идетъ дождь. Холодная и пасмурная погода одержала верхъ. Сегодня хоронятъ тѣхъ, кого исторія будетъ называть отнынѣ «февральскими жертвами». Почти всѣ были простыми рабочими; слѣдовательно, у нихъ нѣтъ именъ.

Послѣдніе изъ павшихъ умерли, вѣроятно, съ вѣрой въ непремѣнное торжество своего дѣла. Быть можетъ, о нихъ слѣдуетъ сожалѣть менѣе, чѣмъ о насъ, оставшихся въ живыхъ.

Временное правительство уже успѣло показать себя. При помощи исторической легенды, о которой кстати напомнилъ Ламартинъ, красное знамя, то есть знамя народа, уступило мѣсто знамени тѣхъ, кого народъ только-что успѣлъ прогнать!

Съ своей стороны оффиціозныя газеты, а онѣ теперь почти всѣ такія, на перебой сообщаютъ нелѣпую басню о томъ, что

какой-то воспитанникъ политехнической школы, найдя въ мѣстѣхъ эксъ-королевы большое серебряное распятіе, немедленно перенесъ его въ церковь St-Roch, окруженный громадною толпою народа, преклонявшаго колѣна предъ распятіемъ.

Цѣль этой набожной исторіи отгадать было не трудно: необходимо было подготовить умы къ комедіи, которая будетъ разыгрываться сегодня.

Прежде чѣмъ отвезутъ въ послѣднее жилище трупы друзей нашихъ, погибшихъ на баррикадахъ, имъ придется присутствовать въ церкви св. Магдалины (обтянутой по этому случаю чернымъ сукномъ), при молитвахъ тѣхъ самыхъ людей, которые, въ случаѣ неудачи, не приминутъ-бы обозвать злодѣями и душегубцами тѣхъ, чью героическую смерть прославляютъ сегодня. Такъ рѣшали новые повелители судебъ нашихъ.

Впрочемъ, вотъ уже два дня какъ безпрестанно зовутъ священниковъ для благословенія «дерева свободы», которыя сажаются съ какими-то нѣсколькими ребяческимъ увлеченіемъ. Луи Бланъ присутствовалъ уже на церемоніи этого рода въ Люксамбургѣ. вмѣстѣ съ нимъ привѣтствовали свободу и всѣ священники изъ St-Sulpice, которыхъ онъ самъ-же пригласилъ на это торжество.

«Необходимо щадить духовенство», говорятъ друзья временнаго правительства, съ видомъ глубокихъ политиковъ.

Хорошо, хорошо, добрые люди; щадите духовенство, которое васъ презираетъ, щадите также магистратуру, которая является къ вамъ заявленіями своей преданности... пока не засадитъ васъ въ укромныя помѣщенія Сенъ-Мишеля, Дуллена, или куда-нибудь еще похуже. Щадите также военныхъ командировъ, которые, подобно Бюжо, поспѣшили предложить свою шпагу къ услугамъ тѣхъ, которыхъ еще вчера хотѣли душить безъ милосердія. Спѣшите призвать подъ грубое начальствованіе этихъ старыхъ служака тѣхъ несчастныхъ, которые видѣли свое избавленіе въ провозглашеніи республики и изъ которыхъ самые интеллигентные не замедлятъ искупить въ исправительныхъ ротахъ неизгладимое преступленіе, заключающееся въ томъ, что они дерзнули поставить сердце выше приказа. Наконецъ, пока вы въ правительствѣ, отчего-бы не вернуть короля Луи Филиппа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ переправиться чрезъ проливъ. Правда, что въ такомъ случаѣ вамъ самимъ пришлось-бы оставить свои мѣста и посадить на нихъ Гизо и ему подобныхъ... Это-то, вѣроятно, и затрудняетъ васъ!

Но, что-же вы говорили не болѣе недѣли тому назадъ? Вы говорили, что порицаете не только отдѣльныя личности, но и самую систему. Теперь этихъ личностей нѣтъ, а вы, между тѣмъ,

не только продолжаете систему, но и заботливо укрѣпляете все ея винты и колеса.

Неужели-же вы простые путешники?

Неизвѣстно, долго-ли продержится форма вашей республики, но не подлежитъ сомнѣнію, что сущность ея уже умерла... если только она когда-нибудь жила.

Такого рода толки и разсужденія пришлось мнѣ только-что слышать на бульварѣ, среди толпы, тѣснившейся, чтобъ видѣть кортежъ. Правда, такія рѣчи держали люди, упорно продолжавшія носить красныя ленты въ петлицѣ, на которыя начинаютъ очень косо смотрѣть, какъ на значекъ оппозиціи, — горячіе республиканцы... завтрашніе, разумѣется.

Я видѣлъ погребальную процессію, во главѣ которой шли политическіе заключенные, освобожденные 25-го февраля, по распоряженію городскихъ властей. Мнѣ указали, среди нихъ, на Барбеса и Гюбера, которыхъ я зналъ въ ту пору только по имени.

Барбесъ, стоявшій въ это время во главѣ тайнаго общества «Правъ человѣка» (Droits de l'homme), 12 го мая 1839 г. былъ руководителемъ инсurreкціоннаго движенія въ Парижѣ, вмѣстѣ съ Бланки, главою другого общества, «Время года», хотя Бланки вначалѣ противился возстанію, находя его, и не безъ основанія, совершенно несвоевременнымъ.

Послѣ попытки овладѣть Hôtel de Vill'емъ, инсургенты были частію перебиты, частію арестованы. Въ числѣ послѣднихъ находились Барбесъ и Бланки.

Ихъ судила палата перовъ, превращенная, по этому случаю, въ судъ. Обоихъ приговорили къ смерти, но затѣмъ смертный приговоръ былъ замѣненъ пожизненнымъ заключеніемъ. Для Барбеса отмѣна смертнаго приговора (его должны были гильотинировать) была рѣшена только за нѣсколько часовъ до срока, назначеннаго для казни, вслѣдствіе петиціи, внесенной въ палату всеми парижскими студентами, съ Викторомъ Гюго во главѣ. Петиція, требовавшая помилованія, была редактирована самимъ великимъ поэтомъ.

Что касается Гюбера, бывшаго рабочаго-кожевника, то его приговорили къ пожизненному заключенію, за участіе въ заговорѣ, организованномъ нѣкимъ Дармёсомъ, и въ которомъ главную роль, повидимому, играла полиція.

Утомленный и страдальческій видъ этихъ людей не позволилъ мнѣ составить о нихъ себѣ понятіе; но каковы-бы они ни были, я привѣтствовалъ въ нихъ преданность дѣлу, которое было для меня свято и для котораго я еще не успѣлъ поработать. Вспомнивъ великодушное мужество, выказанное этими людьми-

ми, я съ грустью подумалъ, что недалеко то время, когда имъ придется, можетъ быть, вернуться въ прежніе казематы, стараніями тѣхъ самыхъ людей, которые чествовали ихъ сегодня.

Я былъ удивленъ отсутствіемъ Бланки, котораго просилъ показать мнѣ. Его не было. Неужели его забыли освободить?

Мнѣ отвѣчали, что гражданинъ Бланки не особенно ладитъ съ лицами, организовавшими церемонію, и уже внушаетъ имъ опасенія. Сторонники временнаго правительства передаютъ даже другъ другу на ухо неблагопріятные для стараго борца слухи, пока найдутъ возможнымъ повторять ихъ во всеуслышаніе.

Какъ-бы то ни было, въ тотъ-же вечеръ я отправился въ его клубъ и не потерялъ времени.

Клубъ клубу рознь. Несмотря на виѣшнюю, живописную сторону, вообще говоря, клубы, которые пришлось мнѣ посѣтить въ Парижѣ, представляли весьма мало интереса. Бóльшая часть ораторовъ до тошноты славословили правительство, всѣ дѣйствіи котораго выставлялись образцами мудрости и чистаго служенія великимъ дѣлямъ (будемъ надѣяться, что эта мудрость не измѣна и не глупость). Не менѣе несносно слушать ежеминутно, какъ люди, въ родѣ, напримѣръ, нѣкоего маркиза де-Жіакъ, бывшаго пера Франціи, пошлѣйшимъ образомъ извиняются съ трибуны въ томъ, что «они не рабочіе» или «что они не имѣютъ чести носить блузу». Еще болѣе противно слышать, какъ публика глупо хлопаетъ этимъ пошлостямъ, вмѣсто того, чтобы вытолкать за дверь шутовъ.

Но если вообще мнѣ не понравились клубы, которые я посѣтилъ, то слѣдуетъ признать, что клубъ Бланки нисколько не походилъ на нихъ. Публика этого клуба, помѣщавшагося въ rue Bergère, въ залѣ консерваторіи, правда, была гораздо малочисленнѣе, но зато болѣе интеллигентна и менѣе пошла. Уже съ перваго взгляда замѣчаешь, что слушатели и предсѣдатель составляютъ одно цѣлое.

Это, по бóльшей части, старые товарищи по борьбѣ, старые члены общества «Временъ года», не перестававшіе бороться противъ монархіи, начиная съ 1830 года. Слишкомъ часто обманутые и преданные политикерами по профессіи, они знаютъ цѣну тѣмъ, которые засѣдаютъ въ настоящее время въ Hôtel de Vill' и не ждуть отъ нихъ ничего добраго.

Съ негодованіемъ и дрожа отъ гнѣва, слушали они Бланки, читавшаго и критиковавшаго параграфъ за параграфомъ, и съ изумительною логикою, пресловутый циркуляръ правительства, съ которымъ Ламартинъ только-что обратился къ нашимъ дипломатическимъ агентамъ за-границей. Циркуляръ былъ полонъ

звонкихъ и кудрявыхъ фразъ, между строками которыхъ можно было прочесть, что наши посланники должны успокоить иностранныхъ государей, увѣривъ ихъ, что все останется по-старому.

О, я начинаю понимать, почему Бланки тревожатъ временное правительство. Что-же оно предприметь, чтобы избавиться отъ этого, слишкомъ прозорливаго гражданина?

* * *

Газеты сыплются дождемъ, вслѣдствіе отъѣзду, впрочемъ, временной, — штемпельнаго сбора и залоговъ. Араго и его группа не удалось помѣшать этому. Имъ пришлось уступить предъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое не допустило-бы этого.

На улицахъ и бульварахъ безпрестанно слышите: «Читайте «République» Бареста... «La Vraie République» Торе, «Lampion» Вильмессана, «Le peuple Constituant» Ламеннэ, «La Commune de Paris», Кагеня, «L'Amable faubourien» Альфреда Дельво, «Le Pilon» и множество другихъ.

Наконецъ, слышится также: «Читайте «Le Représentant du Peuple», гражданина Прудона». Это кричатъ продавцы газетъ повсюду по улицамъ и бульварамъ. Имена Бареста и Дельво незнакомы публикѣ. Кагенъ — старый членъ общества «Des Droits de l'homme»; Вильмессанъ — бездарный, но ловкій человекъ. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только въ качествѣ редактора моднаго журнала. Ламеннэ, бывший ультрамонтанскій священникъ, основавшій затѣмъ либеральную католическую партію, вѣсть съ Монталамберомъ и аббатомъ Лакордеромъ. Онъ окончательно бросилъ католицизмъ, подвергнувшись цензурѣ Григорія XVI-го, и вполнѣ примкнулъ къ республиканской партіи изданіемъ своей брошюры: «Paroles d'un Croisant», оттиснутой въ количествѣ около 20,000 экземпляровъ. Цѣлыя вереницы желавшихъ получить эту книжечку ждали у дверей издателя Паньера. Ламеннэ — энергическій защитникъ правъ народа, но, къ сожалѣнію, онъ остался мистикомъ.

Торе уже извѣстенъ публикѣ какъ художественный критикъ въ газетѣ «Constitutionnel», гдѣ писалъ подъ псевдонимомъ Анри Бюргера. Какъ социалистъ, онъ принадлежитъ къ школѣ Пьера Леру, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, также, какъ и съ Жоржъ-Зандъ.

Что до Прудона, то неужели это авторъ пресловутой книги «О собственности», изданной въ 1845 г. и надѣлавшей не мало шума, по причинѣ эпиграфа: «La propriété c'est le vol»? Я буду

очень удивленъ если его газета «Représentant du Peuple» не займетъ вскорѣ первое мѣсто среди этой новой прессы.

* * *

10 марта.

Положеніе дѣлъ нѣсколько затуманивается. Недостаточно произвести переворотъ. Надо еще умѣть избѣгать всякаго перерыва въ отношеніяхъ, образующихъ повседневную жизнь. Недостаточно провозгласить верховную власть народа (это народо-властіе останется еще надолго пустою и смѣшной формулой), нужно еще, по крайней мѣрѣ, чтобы этотъ народъ имѣлъ кусокъ хлѣба, а для этого надо дать ему возможность его заработать. Но этотъ вопросъ легче ставится чѣмъ рѣшается, въ наше время, и въ особенности когда не желаютъ прикоснуться къ законодательству, управляющему въ настоящее время экономическими отношеніями.

Капиталисты, ни во что не ставящіе «безсмертные принципы», заперли свои кассы. Заводы опустѣли, и вотъ около ста тысячъ рабочихъ очутились на мостовой.

Съ другой стороны, и положеніе тѣхъ изъ членовъ временнаго правительства, на которыхъ народъ все-таки надѣялся, начинается также внушать тревогу и опасенія.

Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ и Альберъ позволили отодвинуть себя на задній планъ неистовому болтуну Ламартину, который опьяняетъ и себя, и многихъ другихъ своимъ пустозвонствомъ и менѣе чѣмъ кто-либо знаетъ—куда идетъ.

Затѣмъ Ледрю все болѣе и болѣе отдаляется отъ Луи Блана. Какъ и всѣ сотрудники «Réforme», онъ одержимъ предразсудкомъ, что стоитъ только измѣнить форму правленія, и то, что они находили плохимъ при Луи-Филиппѣ, станетъ вполне пригоднымъ при республикѣ. Съ своей стороны, Луи-Бланъ вѣритъ, что государство можетъ осчастливить народъ, если пожелаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявляетъ, что всѣ вопросы будутъ рѣшаться *свободой*, въ силу чего онъ предлагаетъ даже открыть настежь двери республики членамъ царствовавшихъ фамилій (Бурбонамъ, Орлеанамъ, Бонапартамъ), такъ-что, наконецъ, приходится спросить: знаетъ-ли онъ самъ, какое это должно быть вмѣшательство государства и какъ рѣшить вопросъ о нуждѣ, которая душитъ насъ безпощадно?

Наконецъ, всѣ трое несравненно болѣе озабочены борьбой противъ вліянія на рабочихъ Бланки, Каба и Распайя, чѣмъ

противодѣйствіемъ реакціоннымъ интригамъ гг. Мари, Марраста и всей влики «National'a», которая пытается вывести снова въ правительство консерваторовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ.

Наконецъ, у каждаго имѣется своя полиція, агенты которой занимаются тѣмъ, что еще болѣе увеличиваютъ и безъ того ужасающія затрудненія минуты.

По всему видно, что заваривается порядочная каша, расхлебывать которую придется, конечно, намъ... При всякой формѣ правленія, не народу-ли приходится нести всю отвѣтственность за глупости, совершенныя его министрами?

Мѣры, предпринятыя въ Hôtel de Vill'а, слишкомъ оправдываютъ наши опасенія:

Учрежденіе garde mobile, въ которую приглашаются «молодые люди».

Организація chambre de travail (рабочей палаты), которая будетъ засѣдать въ Люксамбургѣ, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана и въ которой делегаты отъ рабочихъ корпорацій будутъ вырабатывать основанія для «новыхъ отношеній между работодателями и рабочими».

Открытіе національныхъ мастерскихъ, въ которыя приглашаютъ рабочихъ, не имѣющихъ занятій.

Что значить все это?

Къ чему эти мобили, если правительство только-что объявило, что желаетъ, во что-бы то ни стало, жить въ мирѣ со своими сосѣдями?

Какое практическое значеніе можетъ имѣть эта люксамбургская делегація, рѣшенія которой будутъ только приниматься къ свѣденію, но не будутъ имѣть санкціи?

Наконецъ, какое серьезное подспорье могутъ представить рабочимъ эти національныя мастерскія? Развѣ только именемъ государства займутъ опустѣвшіе заводы и водворятъ тамъ вновь рабочихъ, которые принуждены были ихъ покинуть? Это единственная вещь, которая еще могла быть понятна.

Все это имѣетъ весьма сомнительный характеръ и даетъ поводъ подозрѣвать весьма неблагоприятныя соображенія.

Наши правители одинаково боятся и народа, и мелкой буржуазіи, т. е. лавочниковъ, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами рабочихъ, такъ-какъ всякая остановка въ потребленіи неблагопріятно отзывается и на дѣлахъ этой буржуазіи. Поэтому можно думать, что правительство наше разсуждало въ такомъ родѣ:

Засадимъ въ Люксамбургъ социалистовъ, которые насъ стѣ-

снимаютъ, и пусть они себѣ тамъ упражняются въ безсильныхъ заявленіяхъ, что дасть намъ возможность осмѣивать ихъ въ нашей оффиціозной печати.

Дадимъ занятія нѣкоторымъ рабочимъ въ нашихъ національныхъ мастерскихъ, гдѣ плата, которую они будутъ получать, ничто иное, какъ замаскированная милостыня; и если ихъ чувство собственнаго достоинства возмутится этимъ, мы скажемъ имъ, что это и есть практическое примѣненіе теорій Луи-Блана и его друзей. Въ то-же время мы настроимъ противъ нихъ коммерсантовъ, уже раздраженныхъ увеличеніемъ налоговъ, въ силу декрета нашего, надбавляющаго 45 сантимовъ на каждый франкъ налога, и будемъ говорить имъ, что это новое и тяжелое бремя предназначается для платы рабочимъ, помощь которымъ правительство считаетъ себя обязаннымъ, въ видахъ поддержанія порядка и общественнаго спокойствія.

Затѣмъ, такъ-какъ несмотря на все, могли все-таки возникнуть столкновенія, а подозрительность населенія не дозволяетъ еще намъ вернуть въ Парижъ регулярныя войска, создадимъ подъ именемъ *garde mobile* и подъ видомъ опасенія иностраннаго вторженія или даже монархической реакціи,—корпусъ преторіанцевъ, которые тѣмъ лучше счумѣютъ атаковать новыя баррикады, что защищали прежнія *).

Я нуждался въ работѣ, и, подобно товарищамъ, мнѣ также пришлось поступить въ національныя мастерскія, такъ-какъ отецъ рѣшительно отсовѣтовалъ зачисляться въ *мобили*, «которыхъ, по всей вѣроятности, предназначаютъ для какихъ-нибудь негодныхъ предпріятій». Изъ національной мастерской уйти не трудно, говорилъ отецъ,—но гораздо менѣе легко уйти изъ казармы.

Какая позорная иронія эти мастерскія!

Два раза въ недѣлю мы отправляемся *на работу*. Это смѣютъ звать работой! Мы ходимъ по очереди по мастерскимъ или, вѣрнѣе, по работамъ, такъ-какъ мы организованы на военный ладъ. Работа заключается въ томъ, что мы стоимъ на дорогахъ, окружающихъ Парижъ, отъ 7 часовъ утра до 6 вечера, ожидая призыва или приказа къ работѣ и не взирая ни на какую погоду. Этотъ приказъ, вѣроятно, никогда не придетъ.

Каждая мастерская состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ; каждый отдѣлъ изъ четырехъ бригадъ и каждая бригада изъ четырехъ ротъ, имѣющихъ по десяти человекъ каждая. Персоналъ

*) Десять лѣтъ спустя, Гарнье Пажесъ признавался въ этомъ въ своей апогической исторіи февральскаго правительства: — томъ V, страница 158 и послѣдующія.

состоятъ изъ одного капитана, четырехъ лейтенантовъ, шестнадцати бригадировъ, шестидесяти-четырехъ ротныхъ командировъ и шестисотъ-сорока рабочихъ. Рядовой-работчій получаетъ 8 франковъ въ недѣлю, а начальство отъ 2 до 5 франковъ въ день.

Всего расходуется, слѣдовательно, 7,000 фр. въ недѣлю, а на сто мастерскихъ или ротъ не менѣе 100,000 франковъ въ день, считая и главный штабъ, то есть директоровъ, ихъ помощниковъ, секретарей и проч. Этотъ, вполнѣ непроизводительный, расходъ даетъ въ результатъ униженіе тѣхъ, кто получаетъ эту субсидію, едва достаточную для того, чтобы они и семейства ихъ не умерли съ голода, и раздражаетъ противъ нихъ плательщиковъ, взбѣшенныхъ при видѣ такого употребленія денегъ, которыя они уплачиваютъ съ проклятіями.

Работы—ни тѣни. Наше начальство является на мѣсто, производитъ переключку, распредѣляетъ людей по ротамъ, — этимъ дѣло и кончается. Не было ничего приготовлено, ни даже необходимыхъ для мнимыхъ земляныхъ работъ инструментовъ.

Но если-бы и была работа, то могли-ли удовлетворительно выполнить ее граверы, переплетчики, ювелиры, сапожники, портные и даже художники, учителя и литераторы, совершенно незнакомые съ этого рода трудомъ, едва умѣющіе назвать инструменты и, по недостатку навыка, не имѣющіе ни достаточной силы, ни достаточной ловкости для продолжительныхъ работъ.

Какое недостойное глумленіе!

Такъ вотъ къ чему привела пресловутая прокламація 1-го марта, въ которой наши правители заявили, что болѣе «нетерпѣливо», чѣмъ сами рабочіе, желаютъ «ихъ благоденствія!»

Напрасно ходила, еще утромъ, наша делегація къ Мари, изобрѣтателю этой гнусной комедіи, просить положить ей конецъ, и какъ можно скорѣе.

Несмотря на обѣщанія, данныя, однако-же, этимъ адвокатомъ, неизвѣстно почему поставленнымъ во главѣ министерства общественныхъ работъ, мнѣ кажется, что все останется по-старому. Нетрудно видѣть, что такъ рѣшено заранѣе.

Нашъ главный штабъ состоитъ исключительно изъ воспитанниковъ «Центральной школы искусствъ и мануфактуръ», имѣющихъ, правда, довольно серьезное техническое образованіе, но болѣе занятыхъ своимъ щегольскимъ мундиромъ à la Robespierre (голубой мундиръ и того-же цвѣта панталоны съ золотыми лампасами, бѣлый жилетъ съ широкими отворотами, треугольная

шляпа съ голунами и шпага) чѣмъ нашими пресловутыми мастерскими.

Повидимому, мундиръ и шпага составляютъ въ настоящую минуту мечту такъ-называемаго учащагося юношества. «Центральная школа» носитъ шпагу; альфортская возвратила себѣ шпагу, утраченную въ царствованіе Луи-Филиппа, вслѣдствіе возмущенія. Высшая Нормальная школа имѣетъ шпагу, такъ же какъ и «Ecole des chartes»; медицинскіе студенты и воспитанники школы Правовѣденія, въ свою очередь, требуютъ шпаги. Все это юношество бредитъ мундирами, треуголками, панталонами съ лампасами, шпагами, кэпи. Даже ученики коллегей, въ силу спеціальнаго декрета министра народнаго просвѣщенія, г. Карно, получили право вставать и ложиться спать не иначе, какъ при звукахъ барабана!

Весь этотъ милитаризмъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Немногого стоитъ революція, которая такъ охотно лѣзетъ въ хомутъ.

* * *

18 марта.

Вчера, однако-же, мнѣ казалось, что парижскій народъ, на этотъ разъ, снова овладѣетъ дѣйствительною верховною властью.

15-го наши честные буржуа, поощряемые подъ рукою реакціонерами временнаго правительства, сдѣлали пробу положенію дѣлъ и, въ особенности, своимъ силамъ.

Подъ предлогомъ декрета, упразднявшаго гренадеръ и вольтижеровъ, носители помпоновъ и мѣховыхъ шапокъ захотѣли произвести манифестацію въ пользу своихъ правъ.

Увѣренные въ успѣхъ, они отважились рычать на Луи-Блана и Ледрю-Роллена, которыхъ считаютъ самыми страшными революціонерами. Присутствовавшіе при этомъ рабочіе сперва шикали и свистали имъ, а потомъ заставили разойтись по домамъ. На пути ихъ выкупали въ Сенъ, при рукоплесканіяхъ толпы. Мужественные воины, такъ гордящіеся своей выправкой и свирѣпымъ видомъ, представляли, поистинѣ, жалкое зрѣлище.

Пользуясь этой неудачей, клубы, и въ особенности тѣ, во главѣ которыхъ стояли Барбесъ, Бланки, Каба и Распайль, рѣшили созвать революціонный Парижъ на контръ-манифестацію, съ цѣлью потребовать, главнымъ образомъ, отъ правительства отсрочки выборовъ въ учредительное собраніе. Не надо быть глубокимъ политикомъ, чтобы понять, что люди, такъ много вы-

страдавшіе за свои идеи, весьма желали отодвинуть моментъ, когда народъ-властитель уронить въ избирательную урну свою мимолетную власть,—власть, которою избранные будутъ гораздо дѣйствительнѣе облечены чѣмъ избиравшіе.

Это опасеніе тѣмъ болѣе законно, что «знаменитый журналистъ», т. е. Жиранденъ, только-что поставилъ временному правительству весьма затруднительную для этихъ господъ дилемму: «Одно изъ двухъ, сказали онъ имъ:»—или верховная власть народа для васъ принципъ, или-же это ничто иное, какъ политическій лозунгъ. Въ первомъ случаѣ не можетъ быть ничего выше этой власти, и республика становится лишь продуктомъ воли народа. Но что-же вы будете дѣлать, если всенародное голосованіе, т. е. выраженіе народной воли, выскажется противъ вашей республики?» Эти слова, безъ сомнѣнія, рассчитанныя на то, чтобы поднять энергію монархистовъ, остодбенѣвшихъ отъ февральскаго удара, привели въ сильнѣйшее негодованіе республиканцевъ, крайне затруднявшихся отвѣтомъ на нихъ. Правда, мнѣ пришлось слышать, какъ нѣкій профессоръ, не помню уже чего именно, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ павшей монархіи, нѣкій Жюбиналь, съ большою горячностью, и даже яростью, заявлялъ, что если учредительное собраніе посмѣетъ провозгласить что-либо, кромѣ республики, то слѣдуетъ бросить въ Сену всѣхъ депутатовъ! Впрочемъ, этотъ пламенный и новоиспеченный другъ республики сдѣлается немного позже яростнымъ сторонникомъ Луи-Бонапарта. Это въ порядкѣ вещей.

При такомъ настроеніи умовъ, злополучная демонстрація мѣховыхъ шапокъ и помпоновъ естественно должна была оказаться зажженой спичкой, поднесенной къ пороху.

Уже съ самого утра громадная колонна манифестантовъ, въ количествѣ болѣе ста тысячъ человекъ, направилась къ Hôtel de Ville'ю, имѣя во главѣ представителей клубовъ и проникнутая намѣреніемъ «очистить правительство отъ находившихся въ средѣ его реакціонныхъ элементовъ».

При видѣ этой величественной толпы, двигавшейся въ строжайшемъ порядкѣ рѣшительно и твердо, я, вмѣстѣ со многими другими, ожидалъ новаго «великаго дня».

Но то была иллюзія.

Руководители движенія въ дѣйствительности мало согласны между собою относительно цѣли. Благодаря низкимъ интригамъ членовъ временнаго правительства, опасавшихся вліянія Бланки, этотъ послѣдній начинаетъ дѣлаться предметомъ недовѣрія, весьма рѣзкаго и малоосновательнаго, со стороны своихъ бывшихъ

товарищей по борьбѣ. Но даже и тѣ, кто отвергаетъ недостойную клевету, опасаются диктаторскихъ стремленій Бланки и не желаютъ поощрять ихъ. Поэтому, несмотря на довольно ясныя объясненія делегатовъ, временное правительство, ловко воспользовавшись ихъ разногласіями и при содѣйствіи расплывчатого краснорѣчія Ледрю и Луи-Блана, успѣло предотвратить грозу. И Ледрю, и Луи-Бланъ, подобно прочимъ, предпочитали сохранить существующее положеніе дѣлъ и погубить республику, лишь-бы не допустить перехода власти въ руки Бланки.

Потолкавшись нѣсколько часовъ сряду на площади Hôtel de Ville'я, манифестанты должны были вернуться ни съ чѣмъ, выслушавъ, впрочемъ, новыя и банальныя заявленія о вѣчной преданности республикѣ, со стороны людей, единственною цѣлью которыхъ было обузданіе народа—господина, къ которому выказываютъ, однако-же, самыя нѣжныя и почтительныя чувства.

Печальный конецъ для такъ много общавшаго дня!

А королевская гвардія, несмотря на вчерашнюю неудачу, должна быть въ довольно веселомъ настроеніи: еще разъ ей пришлось отдѣлаться однимъ страхомъ.

* * *

16 апрѣля.

Это можно было предвидѣть.

Съ той минуты какъ парижскій народъ далъ одурачить себя 17-го марта, монархисты нашли свой планъ дѣйствія: кричать громче всѣхъ: «да здравствуетъ республика», чтобы не заставить краснѣть Араго, Гарнье Пажеса и имъ подобныхъ, а затѣмъ выставить, путемъ своихъ газетъ, опасными врагами порядка и, въ особенности, республики—тѣхъ, кто страдалъ и проливалъ кровь за торжество общаго права.

Потому - то въ старой буржуазной прессѣ, съ уваженіемъ и почти съ энтузіазмомъ говорятъ о «завтрашнихъ» республиканцахъ (*républicains du lendemain*), несравненно болѣе чистыхъ и преданныхъ, чѣмъ «вчерашніе», которыхъ обозначаютъ именованіемъ коммунистовъ и партажеровъ. Довольно странное сочетаніе двухъ противоположныхъ понятій! Но какое дѣло до этого обвинителямъ! Они прекрасно понимаютъ всю нелѣпость обвиненія, но полагаютъ, что оно будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы натравить на Парижъ сельское и провинціальное населеніе. Для нихъ, какъ и для іезуитовъ, цѣль оправдываетъ средства.

Несмотря на кажущееся различіе, они родные братья послѣдователей Лойолы.

Итакъ, реакціонеры начинаютъ снова надѣяться и поднимать голову. Они пробуютъ силы, крича: «смерть коммунистамъ, смерть партажерамъ, смерть Бланки и Кабѣ!»

Ярость этихъ «честныхъ людей», какъ они себя называютъ, еще усиливается страхомъ, испытаннымъ мѣсяцъ тому назадъ. Дѣйствительно, какимъ страшнымъ днемъ было-бы для нихъ 17-е марта, если-бы удалось «очистить» временное правительство отъ реакціонныхъ элементовъ и въ пользу поступательнаго движенія. Уже на другой день, 18-го, революція вспыхнула въ Берлинѣ, и кто знаетъ, къ чему мы пришли-бы теперь, если-бы движеніе не было задержано!

Но съ тѣхъ поръ мы, повидимому, только проигрывали и, нельзя сомнѣваться въ томъ, потеряли бѣльшую часть того, что завоевано было въ февралѣ. Теперь, какъ и 17-го марта, себялюбіе и малодушіе Ледрю и Луи-Блана были причиной нашихъ неудачъ.

Извѣщенные наканунѣ, что будетъ произведена новая демонстрація, организованная делегатами клубовъ и національныхъ мастерскихъ, которыхъ не удалось разъединить проискамъ Мари,—Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ, продолжая злобствовать противъ Бланки, согласились съ Ламартиноу, который принялъ предложеніе Шангарнье, относительно «охраненія порядка». Вопреки настояніямъ Пьера Леру и Торэ, Ледрю приказалъ бить сборъ, призывая на помощь избранные баталіоны національной гвардіи. Онъ хочетъ, какъ говорить, «покончить съ социалистами». Что касается Луи-Блана, то онъ ограничился допущеніемъ этого распоряженія, испугавшись, повидимому, *зловѣщихъ фигуръ*, принимавшихъ участіе въ манифестаціи. Отважный маленькій человѣчекъ находилъ эти фигуры прелестными 24-го февраля, когда онъ привѣтствовали его, какъ члена временнаго правительства!

Даже Барбесъ, обуреваемый своими узкими неудовольствіями противъ стараго товарища по заключенію,—неудовольствіями, которыя ловко поддерживались и разжигались семействомъ Араго, также поспѣшилъ явиться съ своимъ легиономъ на защиту своихъ весьма сомнительныхъ друзей.

Исходъ такого дня можно было предвидѣть заранее. Преслѣдуемые криками ненависти наиболѣе свирѣпыхъ изъ реакціонной своры, манифестанты, отправившіеся отъ Марсова поля, по набережной, къ Hôtel de Ville'ю, съ пѣніемъ «Марсельезы» и и безоружные, не могли оказать серьезнаго сопротивленія своимъ вооруженнымъ и снабженнымъ боевыми снарядами против-

никамъ. Они были обращены въ бѣгство. Увѣрили даже, но къ счастью это оказалось ложью, что гражданинъ Кабэ, глава коммунистовъ-икарійцевъ, былъ зарѣзанъ доблестными защитниками порядка.

Все это обѣщаетъ многое къ выборамъ въ Учредительное собраніе, которые начнутся чрезъ недѣлю. А пока можно сказать, что первая проба всенароднаго голосованія имѣла хорошее предисловіе.

* * *

28-го апрѣля.

Дней восемь тому назадъ, наши правители, забывъ о своихъ дѣяніяхъ 16-го числа, дали парижанамъ праздникъ, названный «Праздникомъ Братства» и происходившій на Марсовомъ полѣ.

Это былъ пошлый и глупый сколокъ съ классическихъ воспоминаній, придуманный адвокатами и литераторами, головы которыхъ набиты этими вещами. Этотъ праздникъ послужить нелѣпой и пустой интермедіей къ нашей политической драмѣ, ставящейся все мрачнѣе и мрачнѣе.

Мы только-что узнали, какъ отозвалась эра братства на руанскихъ рабочихъ, «эта эра, открываемая настоящимъ праздникомъ братства», какъ заявляли на шутовскомъ торжествѣ 20-го числа краснорѣчивые ораторы. Руанцы узнали, цѣною собственной крови, какого рода братство намъ обѣщали. Рабочіе города Руана требовали разрѣшить имъ носить оружіе и, сверхъ того, требовали также зачисленія своего въ національную гвардію. Имъ было отказано, и, несмотря ни на что, руанская національная гвардія сохранила свою прежнюю организацію. Такимъ образомъ, служба во время голосованія 23-го и охрана избирательныхъ урнъ въ ночь между двумя днями выборовъ въ Учредительное собраніе поручалась исключительно буржуазіи. Въ силу самого декрета о выборахъ, рабочіе имѣли право контроля надъ избирательными урнами. Несмотря на это, ихъ лишали возможности контролировать эти урны. Полагая, что были совершены нѣкоторыя плутни, направленные противъ ихъ кандидатовъ и доставившія, дѣйствительно, довольно подозрительное большинство кандидатамъ противнаго лагеря, руанцы-рабочіе толпой отправились къ префектурѣ, чтобы испросить признанія неправильности выборовъ и произвести ихъ вновь, на что полицейскій префектъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Рабочіе продолжали настаивать. Тогда національная гвардія,

опираясь на линейныя войска и безъ всякаго серьезнаго вызова со стороны рабочихъ, дала залпъ по безоружной толпѣ, находившейся на площади. Множество людей было убито. При видѣ подобнаго нападенія, нѣкоторые изъ рабочихъ достали себѣ кое-какое оружіе, отвѣчали солдатамъ, и бой продолжался два дня. Нечего и говорить, что побѣда осталась, какъ и всегда, за тѣмъ, кто сильнѣе и лучше вооруженъ.

Едва успѣло дойти до Парижа извѣстіе объ этой бойнѣ, какъ Бланки уже выпустилъ прокламацію, въ которой выражалось горестное негодованіе по поводу руанскихъ событій.

«Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ переворота! Быстрее вы идете!» говорилъ онъ представителямъ правительства.

Далѣе, въ той-же проклаціи, вспоминая о событіяхъ въ Ліонѣ въ 1834 г., онъ прибавляетъ: «Ничто не забыто въ эти новые апрѣльскіе дни! Ни картечь, ни ядра, ни осадное положеніе, ни трупы женщинъ съ пробитой картечью грудью...

Неужто-же и въ вашихъ глазахъ, граждане временнаго правительства, какъ и въ глазахъ предшественниковъ вашихъ, кровь народа считается водой, годной лишь для того, чтобы мыть ею, отъ времени до времени, слишкомъ засоренныя улицы!.. Мы требуемъ оказанія правосудія! Мы требуемъ немедленнаго арестованія и преданія суду военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, устроившихъ бойню».

Тихе, тихе, граждане Бланки! Какъ вы и друзья ваши всегда любите спѣшить! Вы требуете наказанія виновныхъ. Это прекрасно. Но довольно вѣроятно,—этого слѣдуетъ опасаться,—что правительство относится къ этому дѣлу совсѣмъ съ другой точки зрѣнія.

Безъ сомнѣнія, виновные будутъ наказаны, а потому совершенно логическимъ образомъ, и въ тотъ-же вечеръ, было одобрено арестованіе всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые имѣли дерзость защитить жизнь свою, которой угрожали безъ всякаго разумнаго повода.

Такимъ-то образомъ понимаютъ оказаніе правосудія наши честные республиканцы, засѣдающіе въ Hôtel de Villie'въ, а затѣмъ,—и опять-таки совершенно логическимъ путемъ, судьями, а при случаѣ и палачами, своихъ жертвъ будутъ назначены сами убійцы!

Впрочемъ, могло-ли быть иначе? Вѣдь мы должны доказать добронравіе нашей республики, которая великодушна только по отношенію къ вчерашнимъ врагамъ своимъ и не якшается со сволочью, съ этими «зловѣщими» фигурами, какъ прекрасно вы-

разился г. Луи-Бланъ и какъ уже громко называютъ «героевъ» февральскихъ дней.

* * *

4 мая.

Вотъ, наконецъ, и Учредительное собраніе! Люди, желавшіе прочнаго и правильнаго правительства, могутъ теперь вздохнуть свободно. На этотъ разъ они получили постоянное правительство.

Прежде всего временное правительство отдало отчетъ въ своемъ управленіи и пользованіи властью нашимъ *представителямъ*,—такъ именуютъ депутатовъ: повидимому, это названіе считаютъ болѣе демократичнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, вышеназванное правительство осыпало себя цвѣтами и доказало, что употребило все свое время на охраненіе порядка, религіи, собственности, однимъ словомъ—всего «общественнаго строя». Совершенно то же самое производило и предъидущее правительство, такъ что его, собственно говоря, и не стоило бы мѣнять. Съ своей стороны, чтобы не отстать въ дѣлѣ вѣжливости и любезности, наши представители объявили, что временное правительство оказало великія услуги отечеству. Нечего и говорить, что этотъ обмѣнъ любезностей ни къ чему не обязываетъ.

Затѣмъ наши законодатели вышли рука объ руку на крыльце зданія парламента и провозгласили, по освященной преданіемъ формулѣ, республику, демократическую, единую и нераздѣльную.

Республика легализирована: это совершившійся фактъ. Радость озоруетъ лица присутствующихъ, и для насъ, то есть для молодежи, простодушной и полной энтузіазма, это зрѣлище казалось величественнымъ до крайности.

Только-что отпечатаны списки съ именами представителей. Ихъ 750 на всю Францію.

Трудно разобратъся въ этой массѣ именъ, изъ которыхъ большая часть еще вчера были неизвѣстны. Въ парижскомъ спискѣ почти нѣтъ именъ, внушающихъ много надеждъ для будущности истинной республики, республики трудящихся.

Прежде всего попали въ списокъ всѣ члены временнаго правительства. Оно и понятно: они такъ много надавали залоговъ консерваторамъ всѣхъ оттѣнковъ. Сверхъ того, нѣкоторые изъ нихъ были занесены въ списокъ *кандидатовъ* народа, противопоставленный социалистами такъ-называемому архіепископскому списку, который прошелъ весь, безъ исключенія.

Въ спискѣ народныхъ кандидатовъ, между прочимъ, значились: *Пьеръ Леру*, корректоръ типографіи. Это одинъ изъ бывшихъ учениковъ Сень-Симона, сдѣлавшійся, въ свою очередь, однимъ изъ вождей коммунистовъ. Изъ сочиненій его всего болѣе извѣстны: «Le Livre de L'Humanité» и «L'Egalité». Коммунизмъ Леру, также какъ и ученіе Кабэ, беретъ свои основанія въ христіанствѣ, примѣшивая къ нимъ довольно неопредѣленный пантеизмъ. Коммунизмъ Леру религиозенъ, что можетъ быть сказано о всѣхъ тогдашнихъ социалистическихъ теоріяхъ, распространенныхъ у насъ во Франціи. Небольшой томикъ Леру, озаглавленный «La Ploutocratie», заключаетъ весьма ѣдкую критику предрасудковъ и мнимыхъ финансовыхъ принциповъ, на которыхъ денежные спекулянты основываютъ свои безстыдные грабежи.

Распайль, прославившійся своими открытіями въ области органической химіи и весьма извѣстный въ средѣ рабочихъ, вслѣдствіе системы леченія, которая приобрѣла популярность, благодаря, можетъ быть, дешевизнѣ рекомендуемыхъ средствъ. Сотрудничество въ радикальной печати отъ 1832 до 1834 г. и нѣсколько брошюръ, содержащихъ сантиментальныя требованія въ пользу пролетаріата, послужили поводомъ къ зачисленію его въ ряды социалистовъ, хотя рѣшительно неизвѣстно, чтобы онъ держался какихъ-либо опредѣленныхъ социалистическихъ теорій.

Торэ, популярный редакторъ «Vraie République», газеты, вполне преданной дѣлу рабочаго класса.

Барбесъ, любимый парижанами за рыцарскій характеръ, его отличавшій, но весьма ограниченный, по своему пониманію революціи, и въ особенности, крайне-податливый на внушенія интригановъ, умѣвшихъ подмаживаться подъ его личныя антипатіи.

Кабэ — юрисконсультъ, а затѣмъ генеральный прокуроръ въ Корсикѣ въ первые годы царствованія Луи-Филиппа. Онъ, впрочемъ, вскорѣ оставилъ службу, чтобы вполне посвятить себя распространенію теорій Бабефа и Буонаротти, которыя снова приобрѣли большое вліяніе въ средѣ рабочихъ, благодаря социалистическому роману его «Путешествіе въ Икарію (Voyage en Icarie)».

По имени романа, послѣдователи его назвались коммунистами-икарійцами.

Викторъ Консидеранъ — бывший воспитанникъ Политехнической школы, а затѣмъ поручикъ артиллеріи. Онъ также рано оставилъ службу и сталъ во главѣ пропагандистовъ теоріи Фурье, извѣстныхъ вообще подъ именемъ фаланстеріанскихъ.

Агрикола Пердигье (извѣстный въ рабочихъ корпораціяхъ подъ именемъ авиньонца Ла Вертю (Avignonnais La Vertu)—плотникъ, довольно образцовый; онъ былъ соредакторомъ газеты «L'Avenir», издаваемой Бюше и бывшей органомъ социалистической и преимущественно религіозной партіи, извѣстной подъ именемъ *неокатолической* партіи, стремившейся къ переустройству общества на началахъ братства, по примѣру христіанъ трехъ первыхъ вѣковъ церкви.

Для вступленія въ эту партію, во главѣ которой стояли: Бюше *) и Арно де-Л'Арьежъ, требовалось признать догматъ о «дѣйствительномъ присутствіи Божества въ Евхаристіи». — Само собою разумѣется, что не по причинѣ этого догмата занесенъ былъ Пердигье въ списки *кандидатовъ народа*, но, по всей вѣроятности, эта подробность имѣла значеніе при помѣщеніи его одновременно съ тѣмъ въ число лицъ, значившихся въ архіепископскомъ спискѣ, благодаря которому онъ и былъ избранъ.

Что касается Пьера Леру, Распайля, Торъ, Кабэ, Консидерана и другихъ, менѣе извѣстныхъ социалистическихъ кандидатовъ, то они получили не болѣе 20—60,000 голосовъ, между тѣмъ какъ послѣдній избранный по парламентскому списку—гражданинъ Ламеннэ получилъ 104,000 голосовъ.

Изъ парижскихъ представителей, вполне преданныхъ дѣлу республики и болѣе или менѣе революціонныхъ, можно назвать только: Ледрю Роллена, Луи Блана, Альбера, Флокона, Ламеннэ и, наконецъ, Коссидьера, бывшего префекта полиціи, извѣстнаго въ Ліонѣ съ 1834 г. за одного изъ наиболѣе преданныхъ агентовъ республиканской партіи. Послѣ-же вступленія своего въ полицейскую префектуру 24-го февраля, онъ выказалъ болѣе хитрости и изворотливости, чѣмъ то, быть можетъ, требовалось въ такое время, когда особенно дорога прямота и истинная энергія.

Итакъ, нельзя возлагать большихъ надеждъ на эту фракцію парижскихъ депутатовъ, которые, за исключеніемъ одного Ламеннэ, дали весьма печальное понятіе о своемъ политическомъ характерѣ, за послѣдніе три мѣсяца.

Сверхъ того, у нихъ у всѣхъ лежитъ на совѣсти систематическое устраненіе Бланки изъ-всѣхъ списковъ, имѣвшихъ какой-нибудь шансъ на успѣхъ, что производилось путемъ распространенія неблагопріятныхъ для него слуховъ, скажу прямо—клеветы. Благодаря ихъ сообщничеству или подлому молчанію, нѣкій Та-

*) Авторъ „Парламентской исторіи революціи“ (Histoire Parlementaire de la Revolution), p. Buchez.

перо, продажный писака, пустилъ газетную утку, подъ именемъ «Revue rétrospective», гдѣ опубликовалъ нѣкоторые документы, приписанные Бланки, и которые, если только они были-бы вѣрны, указывали, что Бланки проданъ полиціи Луи-Филиппа, чтобы спасти свою жизнь, послѣ того какъ его приговорили къ смертной казни чрезъ гильотинированіе, послѣ дѣла 12-го мая 1839 года.

Напрасно Бланки приглашалъ своихъ клеветниковъ доказать подлинность этихъ документовъ. Они отвѣчали молчаніемъ, довольствуясь тѣмъ, что пустили въ ходъ эти нелѣпыя и гнусныя обвиненія въ такое смутное время, когда они не могли не произвести впечатлѣнія.

А, между тѣмъ, протестъ Бланки былъ написанъ такъ просто и съ такимъ достоинствомъ, что онъ способенъ былъ раздавить клеветниковъ, если-бы только читающая публика немного болѣе ворочала мозгами.

«Изъ всѣхъ товарищей, писалъ Бланки,—кто болѣе меня испилъ отъ горькой чаши страданій! Въ теченіи цѣлаго года я переживалъ агонію любимой женщины, угасавшей отъ горя вдали отъ меня; далѣе слѣдовали четыре года одиночнаго заключенія. Я выхожу изъ него съдой въ 43 года, съ разбитымъ сердцемъ и разрушеннымъ здоровьемъ! И меня-то, бывшіе лакеи Луи-Филиппа и мнимые республиканцы клеймятъ именемъ *продажнаго!*

О, народъ, взгляни на мою нищету и мои страданія и сравни этихъ людей, порхающихъ по коврамъ Hôtel de Ville'я съ бѣднымъ Іовомъ, которому только-что удалось вырваться изъ темницъ ихъ бывшего господина!»

Нельзя подумать безъ краски стыда, что такіе люди, какъ Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ и Альберъ, были снисходительными участниками жалкой комедіи, разыгранной, чтобы повредить Бланки, господами Араго, Маррастомъ и tutti quanti, еще 24-го февраля ни о чемъ не помышлявшими, кромѣ сохраненія династіи, которой, какъ они осмѣливались утверждать, проданъ Бланки, между тѣмъ какъ именно эта династія и преслѣдовала его какъ какаго-нибудь дикаго звѣря!

Если большинство членовъ учредительнаго собранія такіе-же республиканцы, какъ бѣольшая часть парижскихъ представителей,—то не скоро еще увидимъ мы истинную республику!

Галлфранкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ-ЗА ПУСТЯКОВЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Вдова подполковника, болѣе извѣстная, впрочемъ, въ Коломнѣ подъ именемъ полковницы, Марья Ивановна Кропотова, бодрая, дѣятельная, подвижная дама, съ вѣчно сбитымъ на бокъ чернымъ чепцомъ, попеременно прикрывавшимъ одну половину сильно посѣдѣвшихъ, нѣкогда темныхъ волосъ, здоровая, высокая и прямая, несмотря на пятьдесятъ-четыре года, которые она съ честью носила на своихъ широкихъ плечахъ, стойко и храбро выдерживая житейскія невзгоды, — вотъ эта почтенная дама только-что, какъ она выражалась, „пришла въ себя“, послѣ обычныхъ хозяйственныхъ заботъ, волненій и мелочныхъ дразгъ утра.

Отпустивъ подростка-дочь въ гимназію, а сына въ должность, она, по обыкновенію, всталась накупѣлась въ рынкѣ, обнаруживая неизмѣнный ужасъ, обратившійся въ привычку, при объявленіи цѣнъ провизіи, волновалась, выбирая огузовъ, корила торговцевъ, спокойно слушавшихъ ея обычныя философско-экономическія соображенія, пересыпанныя энергическими привѣтствіями — слѣдами прежняго близкаго знакомства съ лагерной жизнью, въ качествѣ офицерской жены — и торговалась до остервенѣнія, мужественно отстаивая каждую копѣйку, стараясь выгадать лишній вочановъ капусты, лишній пятокъ картофелинъ. И когда ей это удавалось — что бывало довольно часто — она шла домой, мимо лавокъ, игнѣя позади себя кухарку съ корзиной на рукахъ, а впе-

реди мохнатую собаченку „Буяшку“, торжествующая, съ раскраснѣвшимъ лицомъ и пересохшимъ горломъ, въ сѣхавшей на сторону шляпкѣ и порыжѣлой тальиѣ, словно полководецъ, возвращающійся послѣ одержанной кровопролитной битвы, сопровождаемая почтительными привѣтствіями торговцевъ Литовскаго рынка, видѣвшихъ неизмѣнно каждое утро, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, Марью Ивановну, которую остроуміе рынка давно уже окрестило „генераль-полковницей“.

Дорогой Марья Ивановна давала краткія указанія насчетъ жаркаго и кисленькаго соуса и, возвратившись домой, въ Прядильный переулокъ, немедленно принималась за дѣла. Въ теченіи сегодняшняго утра она успѣла, конечно, нѣсколько разъ поссориться и примириться съ кухаркой, пожурить дворника за дрова, знакомую селедочницу за подлыя селедки и придать своей маленькой квартиркѣ тотъ видъ образцоваго порядка и чистоты, которымъ она по справедливости гордилась. Наконецъ, послѣ педантической „убирки“, послѣ залѣзанія со щеткой во всѣ недосыгаемые для другихъ углы, гдѣ могла быть паутина, послѣ генеральнаго осмотра „дѣтскаго бѣлья“ (о своемъ она не заботилась)—осмотра, заставлявшаго ее не разъ застывать передъ какой-нибудь дыравой сорочкой или иной принадлежностью бѣлья, приходившей въ разрушеніе,—въ позѣ Наполеона во время Аркольской битвы или Архимеда, углубленнаго въ рѣшеніе задачи,—она, наконецъ, къ первому часу дня, утомленная и разбитая, нѣсколько успокоилась, поправила чепецъ, привела себя въ болѣе приличный видъ и почувствовала потребность выпить чашку кофе.

Три комнаты ея квартиры, съ перемѣтными цвѣтами на окнахъ, кисейными занавѣсками, чижикомъ и канарейкой, съ чистенькой мебелью, сіяли, какъ стеклышко; кухня съ сверкавшей на солнцѣ иѣдной посудой, разставленной по ранжиру на полкахъ, съ выскобленными до бѣла двумя кухонными столами, не оставляла желать лучшаго и ни однимъ своимъ угломъ не оскорбляла взыскательнаго и зоркаго взгляда хозяйки; требовавшее ремонта бѣлье сложено отдѣльно и планъ дѣйствія относительно него составленъ. Все и вездѣ блистало порядкомъ, сверкало чистотой. Чижикъ и канарейка заливались въ перелобъ. Буяшка, послѣ дароваго завтрака въ мясной, сладко спалъ въ своей корзинѣ, свернувшись мохнатымъ клубкомъ; и Марья Ивановна съ сознаниемъ исполненнаго долга и съ чув-

ствомъ утомленія во всѣхъ членахъ считала возможнымъ, наконецъ, „придти въ себя“ и присѣсть за чашку кофе въ своей маленькой, загроможденной разнокалиберной мебелью, комнатѣ, которую дѣти и близкіе знакомые не безъ нѣкотораго основанія звали музеемъ рѣдкостей.

Въ самомъ дѣлѣ, чего только не было въ разныхъ ящичкахъ, безчисленныхъ шкатулкахъ и коробочкахъ, аккуратно разставленныхъ на старомодномъ туалетѣ краснаго дерева, къ которому подходилъ всякій нуждающійся въ пуговицѣ, костяжкѣ, лентѣ! Начиная съ кульмсакаго креста и медали двѣнадцатаго года—единственнаго, кажется, наслѣдства, доставшагося полковницѣ послѣ смерти ея родителя—и кончая машинкой отъ галстуха и заржавѣвшей пряжкой отъ жилета, всѣ годные и негодные въ хозяйствѣ предметы можно было бы найти въ какомъ-нибудь изъ этихъ хранилищъ. Литографированный портретъ Маріи Стюартъ, крышка отъ фарфоровой чашки, нитки, половина ножницъ, старая бонбоньерка, закоптѣлый мундштукъ, все это хранилось про случай. Марья Ивановна любила все прибрать къ мѣсту, спрятать, рассчитывая, что все пригодится; быть можетъ, даже и медаль двѣнадцатаго года. И когда къ ней приходили за чѣмъ-нибудь, она всегда, смѣясь, говорила: „Видишь—и музей пригодился!“

И теперь, на отдыхѣ, за чашкой кофе, голова ея не переставала работать въ хозяйственномъ направленіи. Трудно, ахъ, какъ трудно сводить концы съ концами при маленькомъ пансіонѣ и при этой дьявольской дороговизнѣ. „Чего только правительство не обуздаетъ мясниковъ и булочниковъ!“ Приближался май мѣсяцъ и предстояли кое-какіе экстраординарные расходы, не вошедшіе въ сибѣту ея скромнаго бюджета, и ей предстояла задача, пожалуй, болѣе трудная, чѣмъ министру финансовъ, изыскать новыя источники дохода или сократить расходы. Послѣднее, по совѣсти говоря, было бы гораздо легче сдѣлать министру финансовъ, чѣмъ ей, и какъ она ни ломала свою голову, а приходилось возложить нѣкоторыя надежды на ожидаемую прибавку къ жалованью сына. Тогда можно сдѣлать у него маленькій заемъ, обновить гардеробъ подростка-дочери, сдѣлать запасъ дровъ и т. п.; погасить-же заемъ придется въ концѣ года изъ получаемаго ею ежегодно пособія изъ инвалиднаго капитала. Не вѣкъ-же Митѣ сидѣть на пятидесяти рубляхъ! Давно общали прибавить!.. Однако, могутъ и не приба-

вить!.. Конечно, она могла-бы обратиться къ старшему сыну или замуженной дочери, они не отказали-бы, но полковница почему-то энергическимъ движеніемъ головы отогнала эту мысль. Они могутъ и сами догадаться, а она кланяться не намѣрена. Если они думаютъ, что она когда-нибудь зайнется имъ о своихъ затрудненіяхъ, то ошибаются... Очень ошибаются!

Пока мысли ея витали въ области финансовыхъ вопросовъ и она успѣла уже приняться за вторую чашку, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Кто звонилъ?

— Дмитрій Васильевичъ вернулись! отвѣчала Ирина, возвращаясь на кухню.

— Дмитрій Васильевичъ!?

Лицо Марьи Ивановны съежилось въ вопросительный знакъ. Тревога загорѣлась въ глазахъ. Въ нетерпѣніи поскорѣй узнать почему вернулся Дмитрій Васильевичъ, когда ему слѣдовало быть въ должности, она хотѣла-было летѣть къ нему, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались знакомые шаги медленной походки и на порогѣ появился бѣлокурый молодой человѣкъ, невысокаго роста, съ добродушнымъ, не особенно красивымъ лицомъ, поросшимъ рѣдкой русой бородкой.

II.

Несмотря на улыбку, на спокойный, даже развязный видъ, съ какимъ молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, можно было замѣтить, что онъ нѣсколько смущенъ и взволнованъ. Быстрый, зоркій и встревоженный взглядъ матери мгновенно прочелъ это въ глубинѣ большихъ, мягкихъ сѣрыхъ глазъ сына, глядѣвшихъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ съ какимъ-то едва уловимымъ оттѣнкомъ тревоги, — въ розовой краскѣ румянца, еще не отлившаго отъ нѣжно-блѣдной кожи лица, въ нервномъ подергиваніи угловъ рта, въ неестественной развязности движеній, совсѣмъ не подходившей къ общему селаду этой скромной, непритязательной, флегматической фигурѣ молодого человѣка, стоявшаго передъ полковницей.

Сердце Марьи Ивановны сжалось отъ недобраго предчувствія при взглядѣ на сына. Голосомъ, въ которомъ тревога преобладала

надъ сдерживаемымъ нетерпѣніемъ, и въ то-же время смягченнымъ надеждой, она задала сыну вопросъ, виднѣвшійся въ ея глазахъ, въ нетерпѣливомъ выраженіи ея лица и всей подавшейся съ дивана впередъ фигурѣ.

— Ты что это, Митя, такъ рано изъ должности?

Митя попробовалъ улыбнуться, махнулъ рукой и медленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы, маменька, заранѣе не тревожьтесь... Ничего особеннаго... Я... видите-ли... покончилъ съ занятіями...

— Да не тяни душу-то!.. воселикнула полковница, съ шумомъ отодвигая чашку и кофейникъ, — какъ покончилъ?

— Очень просто. Да вы не волнуйтесь, маменька, снова повторилъ онъ, замѣчая, какъ лицо полковницы начинало краснѣть...

— Да что-же, что-же?.. Говори, Бога ради!..

— Я оставилъ сегодня мѣсто, правильнѣе сказать, меня уволили...

— Опять!?

Нѣсколько секундъ протекли въ безмолвномъ взглядѣ, полномъ гнѣвнаго остолебенія. Въ первую минуту этого извѣстія полковница не находила подходящихъ словъ.

„Опять!“ повторила она. И это ужь былъ не возгласъ, а крикъ, имѣвшій дѣйствіе электрическаго тока, приставленнаго къ заряженной гальванической батарее. „Который это разъ... Ахъ ты... дуракъ, дуракъ!“.. Она вспыхнула, словно бочка, начиненная порохомъ, и, — не слушая какъ сынъ нѣсколько разъ повторялъ-было: „Да вы не тревожьтесь, маменька“, — вскочила съ мѣста и, захлебываясь отъ волненія, то останавливаясь на ходу, то присаживаясь на стулья, разразилась однимъ изъ безсвязныхъ, длинныхъ монологовъ, извѣстныхъ дома подъ именемъ „бенефисовъ“, и который, повидимому, нисколько не удивилъ Кропотова. Напротивъ, какъ только онъ увидалъ первый взрывъ, выразившійся въ потокахъ упрековъ, въ брани, онъ какъ-будто вздохнулъ спокойнѣе, тревожное выраженіе въ его глазахъ смѣнилось обычнымъ флегматическимъ спокойствіемъ, и при первыхъ-же словахъ онъ плотно усѣлся въ кресло, словно заботясь выслушать непредотвратимую теперь ничѣмъ сцену съ возможно-большимъ удобствомъ.

— Умница... болванъ, продолжала, между тѣмъ, полковница, багровая, словно буракъ. — „Оставилъ мѣсто!“ передразнивала она медленнымъ голосъ сына, растягивая ноты своего звонкаго го-

лоса;—точно генераль какой, у котораго мѣста въ запасѣ, что грибы послѣ дожда... „Уволили!“ Еще-бы не уволить такое со-кровище... Вѣрно опять съ своими дурацкими разсужденіями су-нулся. Очень его спрашивали! Нечего сказать: стоитъ такого блажнаго слушать! Какже—нужно! Какъ угодно Дмитрію Алек-сѣвичу? Нравится-ли Дмитрію Алексѣвичу?.. Который это разъ ты мѣста-то бросаешь? Все по себѣ, вишь, не нашель... Не хо-чешь-ли быть китайскимъ императоромъ? Да и то, пожалуй, намъ не по вкусу... Разборчивый... Невозможно... Не подходить... Изъ деревни тогда прогнали—эка нашель занятіе! У нотаріуса слу-жилъ—не нравится; въ банкѣ — ушелъ; зять, спасибо, въ та-можнѣ предлагаль—не хочу... Дали на желѣзной дорогѣ мѣс-то, кажется мѣсто, хорошее, считай себѣ и молчи, съ цифра-ми нечего мудрить-то... восемь мѣсяцевъ прослужилъ, видно дол-го очень и вотъ тебѣ на—уволили!.. Только ты меня не увѣ-рай— „уволили“, вѣрно ты опять съ своей фанаберіей. Недавно еще общали прибавить жалованье; бухгалтеръ-то вашъ — этоть верзила-нѣмецъ—дядѣ Андрею говорилъ, что тобой довольны и вотъ-таки порадовалъ! У человѣка ни платя, ни бѣлья, самъ ляляка кагая-то, а онъ туда-же мѣста разбирать! У другихъ людей цѣль въ жизни есть, а онъ... Выродокъ какой-то! Вотъ старшій братъ Федя. Кончилъ, какъ слѣдуетъ, ученье, служить, полковникъ уже... Сестра Наденька... да всѣ люди какъ люди, а ты то—балбесъ-балбесомъ!

Она перевела духъ, чтобы снова продолжать тотъ-же монологъ. Между тѣмъ, Дмитрій Алексѣвичъ по-прежнему сидѣлъ без-молвно, не пытаясь даже возражать, зная по опыту, что возра-жать бѣ такія минуты все равно, что лаять на луну; онъ при-выкъ съ малолѣтства къ этимъ безтолковымъ вспышкамъ и про-должалъ слушать всевозможные варианты брани съ покорнымъ ра-внодушіемъ, смѣнявшимся по временамъ, когда мать выдумывала ужъ очень смѣшные эпитеты, невольной усмѣшкой. Эта невозму-тимость и пойманная ею усмѣшка привели полковнику въ еще большую ярость.

Она подбѣжала къ нему и остановилась, заложивъ руки на-задъ и подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Скажи, пожалуйста, въ кого ты такая телатина? Ну по-любуйся на себя... Полюбуйся-ка на свою фигуру!.. У матери

изъ-за него разрывается сердце—вѣдь мнѣ что, хоть нищимъ шляйся по улицѣ, а что могла—сдѣлала, вывела тебя въ люди!— а онъ развалился себѣ, какъ свинья, и горя ему мало!.. Нѣтъ— это какой-то уродъ, ей-Богу, уродина, а не мужчина... Да ты и на настоящаго-то мужчину не похожъ. Настоящій мужчина сейчасъ виденъ: у него самолюбіе, гордость; онъ въ чему-нибудь стремится, дѣйствуетъ, чего-нибудь желаетъ... осязательнаго... карьера, ну средства... однимъ словомъ... А вы... кто вы такой? Ни чина, ни званія, ни мѣста... Какъ собака—сегодня здѣсь, завтра тамъ, и ему какъ съ гуся вода... Да ты ужъ не воображаешь-ли о себѣ? Ахъ, какъ уменъ... Ума твоего и видѣли... Нечего сказать—умникъ, большой умникъ... Поди, въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ, что орелъ! Орлы, сударь, не такіе!

Достаточно было взглянуть въ эту минуту на Дмитрія Алексѣевича, чтобы убѣдиться, что онъ не орелъ и не воображалъ себя такимъ, да врядъ-ли склоненъ былъ много воображать о себѣ. Онъ теперь уже не слушалъ съ прежнимъ спокойствіемъ, а, съ увеличеніемъ азарта полковницы, взглядывалъ на нее съ нѣкоторымъ беспокойствомъ, замѣчая, что лицо ея багровѣетъ все болѣе и болѣе.

— Маменька, да вы не волнуйтесь...

Не волноваться! Легко было сказать это, но когда полковница „задавала бенефисъ“, то доводила его до конца... Еще не вся грозовая туча была разряжена, еще кровь клокотала...

— За тебя-то и замужь ни одна дура не пойдетъ, между тѣмъ гремѣла она. Очень нужно... нищихъ плодить... да и какой ты можешь быть мужъ? Ты, вѣрно, думаешь, что эта Анна Николаевна тобой интересуется? Какъ-же!.. Жди куликъ петрова дня! Да ты, каменный, что-ли... Ну что выпучилъ глаза. Тьфу-ты! плюнула съ сердцемъ полковница. Чурбанъ какой-то, а не человекъ!

И, задыхаясь отъ волненія, чувствуя, что слова уже исчерпаны, она вдругъ выбѣжала изъ комнаты, неистово стукнувъ дверь, и скрылась въ кухню, къ немалому испугу Ирины.

Дмитрій Алексѣевичъ тоже поднялся съ кресла, прошелъ въ свою комнату и присѣлъ, взявъ со стола книгу. Но ему не читалось. Изъ всего монолога матери ему припоминалось только обидное мнѣніе, что онъ не настоящій мужчина; и Дмитрій

Алексѣевичъ находился въ большомъ сомнѣніи относительно этого вопроса въ примѣненіи къ Аннѣ Николаевнѣ... Онъ долго занималъ его, пока не былъ, наконецъ, рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что мать права и что Анна Николаевна дѣйствительно имъ нисколько не интересуется да и вообще никакая женщина имъ интересоваться не можетъ. Съ этимъ скромнымъ и горькимъ для него рѣшеніемъ, онъ примирился, однако, не безъ сердечной боли, но увѣ! всѣ факты были на лицо, и даже зеркало — маленькое зеркало, стоявшее на комодѣ, въ которое онъ взглянулъ, вѣроятно, по совѣту матери „полюбоваться на себя“, и оно внушило ему такую-же скромную оцѣнку относительно своей наружности, какову только-что сдѣлала мать. Съ кличкой чурбана онъ не могъ, по справедливости, согласиться, но нѣчто въ родѣ этого... пожалуй... Онъ припоминалъ теперь, именно послѣ взгляда — свои бесѣды съ Анной Николаевной, и снова его брало сомнѣніе: не отличаются-ли матери пристрастіемъ къ своимъ дѣтямъ и въ отрицательную сторону?

Надо признаться, всѣ эти мысли занимали нашего молодого человѣка гораздо больше, чѣмъ потеря мѣста. Съ нимъ не въ первый разъ бывали такіе казусы; онъ уже привыкъ къ этимъ потерямъ мѣсть и никогда не рассчитывалъ, что гдѣ-нибудь придется долго оставаться. Какъ-то все такъ случалось, несмотря на искреннее его желаніе имѣть возможность честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду на первое время уроки, ему обѣщали достать одинъ сослуживецъ, а тамъ — будетъ видно, онъ станетъ хлопотать, мѣсто, пожалуй, и подвернется. Во всякомъ случаѣ, онъ мать никогда не стѣснить — объ этомъ смѣшно было и подумать...

„И ругалась-же въ этотъ разъ она!“ усмѣхнулся Дмитрій Алексѣичъ. „Она такъ близко принимаетъ мои интересы къ сердцу, да и вообще кипятотъ!“ подумалъ онъ, чувствуя по-прежнему къ матери горячую привязанность и глубокую благодарность за свѣтлое и радостное дѣтство...

Такъ размышлялъ Кропотовъ, пока, наконецъ, не почувствовалъ аппетита. Вслѣдствіе этой „исторіи“, заставившей его бросить службу раньше того, какъ подавался въ правленіи чай съ булкой, онъ ничего съ утра не ѣлъ и весьма соблазнительно вспоминалъ теперь о стаканѣ кофе съ кускомъ ситнаго хлѣба съ мас-

ложь. Но выйти изъ комнаты не рѣшался: пожалуй, встрѣтишь мать и только ее раздражишь опять; надо дать ей время успокоиться. Онъ-было попробовалъ заглушить голодь чтеніемъ; однако, это средство не помогло. Но въ ту самую минуту, когда стаканъ кофе занялъ первенствующее мѣсто въ его мысляхъ, дверь комнаты отворилась, и въ дверяхъ неожиданно появилась сама полковница съ вѣтвью мира—стаканомъ горячаго кофе въ одной рукѣ и цѣлымъ пеклеванникомъ въ другой.

— Не хочешь-ли кофе? произнесла значительно уже остывшая полковница, хотя и сухо, но съ оттѣнкомъ мягкости въ голосѣ.

Дмитрій Алексѣвичъ не заставилъ повторять просьбы и не отказался и отъ втораго стакана. Марья Ивановна, очевидно, чувствовала угрызеніе совѣсти (что всегда бывало у нея послѣ „бенефиса“) и желаніе загладить свою вину, хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторой постепенности въ переходѣ отъ ссоры къ миру. Не говоря уже о густыхъ пѣнкахъ, которыхъ она совѣмъ не пожалѣла, ея миролюбивыя стремленія выразились и въ нѣсколькихъ ругательствахъ, адресованныхъ въ правленіе, гдѣ служилъ сынъ, и въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, что на нее сердиться нельзя, что она иногда наговоритъ лишняго, у нея такой дурацкій характеръ... Когда, такимъ образомъ, начало было положено, полковница спросила:

— Ты толкомъ-то Расскажи, Митя, что у тебя тамъ вышло. За что они подрались?

Сынъ рассказалъ. Онъ и самъ не ожидалъ, чтобы изъ разговора, который онъ вчера велъ съ нѣкоторыми изъ служащихъ, произошли такія послѣдствія.

— Разговоръ былъ частный... Я высказалъ свое мнѣніе...

— И зачѣмъ ты сунулся разговаривать... Считалъ-бы себя цифрой!.. вставила мать, вздыхая.—О чемъ-же ты разговаривалъ? прибавила она, понижая голосъ.—Можетъ-быть, что-нибудь такое... Ахъ, Митя, Митя!

— То-то, что ничего такого, маменька! усмѣхнулся Дмитрій Алексѣвичъ.—Просто говорили въ конторѣ между собой... интимно. Очень ужъ исключительно, можно даже сказать, безжалостно высказывались тамъ двое... Я возразилъ, меня многіе поддержали... вотъ и все.

— Но какъ-же начальство узнало. Слышало, что-ли?

— Вѣрно какой-нибудь негодяй донесъ... Подслужиться, что-ли, захотѣлъ.

— Мерзавецъ! вставила отъ себя съ обычной энергіей полковница.

— А сегодня директоръ правленія призываетъ и чортъ знаетъ чего не наплелъ. Въ концѣ-концовъ объявилъ, что я уволенъ... Вотъ и вся исторія.

— И какіе, Господи, подлецы нынче развелись! воскликнула Марья Ивановна.—Одинъ на товарища шпіонить, другіе — слушаютъ и человѣка оставляютъ безъ куска хлѣба! О-о-охъ, времена!

Помолчавъ, она спросила:

— Выдали-ли тебѣ хоть мѣсячное жалованье впередъ?

— Чортъ съ ними! Я не спрашивалъ.

— Вотъ это напрасно. Они обязаны выдать. Нельзя-же такъ человѣка на улицу выбросить. Хорошо, у тебя вотъ есть мать, а у другого ни души-то нѣтъ. А ты, Митя, не тревожься, вдругъ прибавила она,—насчетъ тамъ меня... Проживемъ, пока мѣсто найдешь. Слава Богу, справимся! Только послушай моего совѣта, голубчикъ. Молчи ты лучше, молчи! Ни съ кѣмъ не разговаривай, а то долго-ли до грѣха. Захочется тебѣ поговорить, приходи ко мнѣ и поговори. Молчи, Митя, право, молчи!

III.

Дѣйствовавшая всегда и при всякихъ обстоятельствахъ съ рѣшительностью и энергіей, нерѣдко приводившими въ смущеніе даже чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, съ которыми полковницѣ, въ теченіи ея долгаго вдовства, приходилось вступать въ непосредственныя сношенія — хлопоты о пенсіонѣ, о пособіи изъ инвалиднаго капитала, объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія, всего было! — Марья Ивановна въ тотъ-же день обдумала за починкой бѣлья нѣкоторый планъ.

Теперь, когда она остыла отъ первыхъ взрывовъ гнѣва и перваго впечатлѣнія, вся эта исторія представлялась ей такой вопіющей мерзостью, которую такъ оставить нельзя. И она не оста-

вить, не такая она женщина, чтобы оставить — нѣтъ! Пусть этотъ тюлень Митя относится къ этому дѣлу съ своимъ непостижимымъ для нея равнодушіемъ, но она не согласна.

Тотъ самый Митя, котораго она часъ тому назадъ ругала съ такимъ ожесточеніемъ, въ эту минуту преобразился въ ея глазахъ совершенно. Онъ былъ невинной жертвой, кроткимъ ребенкомъ, соединеніемъ всѣхъ хорошихъ качествъ — только — бы не такой рохля! — такимъ „бѣдненькимъ мальчикомъ“ (полковница въ это время забыла о лѣтахъ Дмитрія Алексѣевича и чуть-ли не представляла Митю въ ситцевой рубашкѣ), что святая обязанность матери заступиться за него, если онъ самъ не можетъ. По его робости и простодушію, всякій его обидитъ, но мать не позволить обижать. Она найдетъ управу!

И въ ея, довольно пыломъ, воображеніи уже рисовалась картина свиданія съ директоромъ правленія, съ главнымъ начальникомъ, кто тамъ у нихъ есть. Она изложитъ ему тихо, скромно, какъ слѣдуетъ порядочной дамѣ — горячиться она не будетъ, нѣтъ! — какъ было все дѣло и, конечно, выяснитъ это недоразумѣніе. Разумѣется, директоръ правленія былъ введенъ въ заблужденіе, но когда узнаетъ истину, онъ поправитъ ошибку, и Митя не только будетъ приглашенъ опять съ извиненіемъ, но и получитъ давно обѣщанную прибавку. Если у него есть хоть капля совѣсти, онъ не можетъ иначе поступить.

Фантазія полковницы разигрывалась на эту тему, пока ея локіи пальцы быстро работали надъ штопаніемъ чулка. Разумѣется, она прежде всего посоветуется съ братомъ Андреемъ, расскажетъ ему объ этой подлости и разузнаетъ, какіе тамъ въ правленіи главные начальники. При всякихъ затрудненіяхъ она совѣтовалась только съ нимъ, чувствуя большое уваженіе и привязанность къ этому старому холостяку, отставному адмиралу, несмотря, что ни одна почти встрѣча брата и сестры не обходилась безъ горячей схватки между ними.

Тотчасъ-же послѣ обѣда она поспѣшно одѣла шляпку, накинула на себя тальму и, не говоря ни слова сыну, посматривавшему съ нѣкоторымъ удивленіемъ на ея рѣшительный видъ, вышла изъ комнаты, проговоривъ на ходу дѣтямъ:

— Къ чаю не ждите... Да смотри, Люба, со свѣчкой осторожно, когда будешь ложиться спать...

Однако, прежде чѣмъ идти на Васильевскій островъ, къ адмиралу, она завернула къ Покрову, гдѣ шла въ это время вечерня. Поставивши свѣчку образу Николая Чудотворца, она стала сзади, между нѣсколькими старухами, обычными почитательницами церкви, и минутъ съ десять усердно молилась Богу, нѣсколько разъ становясь на колѣни и припадая ничкомъ къ полу... Послѣ этого она вышла изъ храма; на паперти перекинулась двумя - тремя словами съ псаломщикомъ, привѣтствовавшимъ ее почтительно - радушнымъ поклономъ, какъ обычную почитательницу Покрова и пріятельницу всего клира, освѣдомилась у попавшейся на встрѣчу драхлой салонницы, которая по привычкѣ плелась въ церковь провести время службы, данъ-ли ходъ, наконецъ, ея прошенію о принатіи въ богадѣльню, и, получивъ одинъ и тотъ-же, въ теченіи десятилѣтнихъ встрѣчъ, отвѣтъ, что „на дняхъ велѣли навѣдаться“.— полковница сердито повела бровями, сунула ей въ руки пятакъ, быстро спустилась съ паперти и понеслась на всѣхъ парусахъ на Васильевскій островъ.

Такой-же высокій, прямой, какъ и сестра, братъ Андрей. совсѣмъ сѣдой, но бодрый и румяный старикъ съ запущенной бородой, въ короткомъ морскомъ пальто - буршлатѣ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ занятія съ большимъ чернымъ водолазомъ — „Понтомъ“, который развлекалъ только что проснушагося старика своими фокусами. Онъ подавалъ адмиралу поноску, недвижно лежалъ передъ кускомъ сахара, схватывая его не раньше, какъ раздавались слова хозяина: „Изъ бухты вонъ, отдай якорь!“, умиралъ, ожидалъ по командѣ и выслушивалъ замѣчанія старика, иногда даже и не касавшіяся непосредственно собачьихъ интересовъ, съ такимъ вниманіемъ хорошаго собесѣдника, что старикъ недаромъ гордился своимъ старымъ „Понтомъ“ и рассказывалъ объ его умѣ и понятливости чудеса.

Полковница застала брата въ ту самую минуту, какъ Понтъ, хотѣвшій было броситься на звонокъ, по приказанію адмирала „умеръ“ и лежалъ неподвижно, пока Андрей Ивановичъ облобызался съ сестрой, усадилъ на диванъ и приказалъ лакею поставить самоваръ. Тогда только онъ разрѣшилъ „Понту“ „ожить“ и облизать руки полковницы.

— Пить чай вмѣстѣ вѣдь будемъ, сестра? Останешься?

— Останусь, братецъ. — Здоровы?

— Какъ видишь. Утромъ только новоль ныла, вѣрно къ погодѣ. Барометръ опускается, термометръ показываетъ четыре градуса, въ вечеру еще опустится. А у тебя все, надѣюсь, благополучно?

— Не совсѣмъ благополучно. Митя потерялъ мѣсто!

Старикъ покачалъ головой. Дѣло было серьезное.

— Какъ-же это случилось?.. Однако, непосѣда твой Митя. Сколько ужъ онъ мѣсть переѣнилъ!..

Полковница, позволявшая себѣ въ минуты вспышекъ обвинять дѣтей во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ, не позволяла никому, даже брату Андрею, сдѣлать какое - нибудь не совсѣмъ благопріятное о нихъ замѣчаніе. При словахъ брата, она внезапно вскипѣла.

— Сколько мѣсть потерялъ!? И вы, братецъ, готовы обвинить Митю?.. Да развѣ онъ виноватъ? Развѣ онъ по своей волѣ мѣста-то терялъ... Не дѣлать-же въ самомъ дѣлѣ подлостей. Вы за это тоже не похвалите... Вспомните - ка... Вѣдь вы, братецъ, знаете Митю...

— Да полно, полно... Ужъ и загорѣлась! Ну какъ не знать Митю — мальчишъ хорошій... только жалко курса не кончилъ... Оно и труднѣй теперь съ мѣстами...

— Не кончилъ?.. Съ этими строгостями поди-ка кончи... Спасибо графу Толстому, большое спасибо... за эту зрѣлость! Ну, да что говорить... Нѣтъ, вы лучше выслушайте-ка, братецъ, какую сдѣлали подлость съ Митей... Вѣдь если-бъ я Митю не знала, такъ не повѣрила-бы...

И полковница рассказала происшествіе съ сыномъ.

— Ну что вы скажете на это, братецъ? замѣтила она, когда старикъ, выслушавшій разговоръ съ большимъ вниманіемъ, молчаливо покачивалъ головой.

— Ддда... протянулъ онъ, словно затрудняясь пріискать надлежащее слово для выраженія чувства гадливости и отвращенія, которое ясно выражалось въ гримасѣ, искривившей его лицо... Ддда... Что тутъ сказать? По-моему, эту гнусную тварь, этого—(адмиралъ произнесъ очень рѣзкое слово)... этого подлеца, передавашаго частный разговоръ товарища, мало выдрать, какъ сядорову козу. Вотъ что я тебѣ скажу, сестра! Хороши товарищи, нечего сказать! Въ наше время знаешь что дѣлали

въ корпусѣ съ фискалами?—Правда, такихъ немного было—Я помню, какъ въ 1826 году...

— Вы рассказывали, братецъ, этотъ случай, перебила сестра, зная, что адмиралъ, разъ отклонившись, очень долго будетъ бродить въ воспоминаніяхъ.

— Рассказывалъ? То-то... Еле живого подлеца снесли въ лазаретъ. — Хорошъ и директоръ правленія, нечего сказать хорошъ! Слушаетъ наушника и гонитъ со службы не доносчика, а оговореннаго... Приди ко мнѣ такой молодець, я-бы тотчасъ его выгналъ со службы, какъ паршивую собаку. Помнилъ-бы! А ему, пожалуй, за это тамъ повышеніе дали, а? Нынче, сестра, на это иначе смотреть! замѣтилъ старикъ съ презрительной усмѣшкой.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— А ты сердись не сердись сестра, но я тебѣ скажу, что Митѣ все-таки не слѣдовало разговоръ на службѣ вести... Хотя и частная служба, а все служба, и коль скоро служишь—служи, а мнѣнїй не высказывай...

— Ужь и слова нельзя сказать! встала полковница.

— Быть можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ тамъ что-нибудь такое говорилъ, за что похвалить нельзя? продолжалъ адмиралъ.

— Ахъ, братецъ, что вы! Я передавала вамъ его разговоръ. Митя никогда не лгалъ... Я знаю его.

— То-то знаешь. И я знаю... Положимъ, въ словахъ его ничего такого нѣтъ. Ну молодость, сердце доброе, поневолѣ жалость вырвется. И я вотъ старикъ, слава Богу, государю и отечеству пятьдесятъ лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, и я, говорю, могъ-бы тоже сказать... Все это ничего, а какъ вдругъ да твой Митя... прибавилъ Андрей Ивановичъ, понижая голосъ и необыкновенно строго и серьезно взглянулъ на сестру.

— Митя-то? проговорила полковница, внезапно пугаясь.— Да Богъ съ вами, братецъ! Къ вамъ иногда такая мысль взбредетъ въ голову, что даже испугаешься! Эка, что выдумали!.. Да куда Митѣ! Онъ и знакомствъ-то такихъ никогда не водить, и характера не такого... Да и пугливъ онъ на эти дѣла... Поговорить онъ иногда—это точно, поговорить тамъ насчетъ разныхъ несправедливостей, а чтобы... Господь съ вами! Придетъ-же вамъ въ голову, братецъ Андрей... даже напугали!..

— Ну и слава Богу. Нынче вѣдь, сама знаешь, всякая мысль придеть въ голову. Вотъ еще сегодня въ газетѣ пишутъ...

Адмиралъ пустился въ политику. Ахъ, что такое дѣлается! Что пишутъ! Онъ искренно возмущался разрушительными стремленіями, имѣвшими цѣлью, какъ онъ полагалъ, добросовѣстно цитируя передовую статью, уничтожить рѣшительно все: дворцы, памятники, дома, магазины, лавки, отобрать у всѣхъ имущество и деньги, словомъ—не оставить ничего въ цѣлости и затѣмъ перерѣзать, повѣсить, перетопить всѣхъ, несочувствующихъ такому рѣшительному образу дѣйствій. Когда Андрей Ивановичъ прочитывалъ такія статьи, онъ приходилъ въ негодованіе, хотя и рѣшительно отказывался понимать, какъ все это можетъ быть и иногда даже подозрѣвалъ, не хватилъ-ли авторъ статьи черезъ край, приписывая такія намѣренія.

— Теперь я получаю восемьсотъ-пятьдесятъ рублей пенсіи! говаривалъ старикъ, пытаюсь на конкретномъ примѣрѣ уяснить себѣ вопросъ.—Получаю я за какую ни на есть, а все за службу. Хорошо. И что-же? Такъ вотъ придутъ ко мнѣ *они* и скажутъ: „Шабашъ твоей пенсіи, а тебѣ, адмиралу, капуть!“ Развѣ это справедливо?

„Ужь если отнимать по совѣсти, фантазировалъ, бывало, старикъ,—то отними ты у тѣхъ, кто тамъ разными хапанцами да арендами, да землями, да мало-ли чѣмъ неправедно набилъ себѣ кошину, но за что-же у меня?.. За то, что я по чести прожилъ свой вѣкъ!? Шалишь, братцы!“

Но такъ-какъ никто къ старику за пенсіей не приходилъ, то онъ, помечтавши послѣ прочтенія передовой статьи на эту щекотливую тему, скоро успокоивался насчетъ всеобщаго разрушенія. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ оставался совершенно равнодушнымъ, когда отъ такихъ статей переходилъ къ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ болѣе близкимъ интересамъ. Старикъ нерѣдко негодовалъ и возмущался, что много несправедливостей и несовершенствъ творится въ Божьемъ мірѣ и что дѣла на свѣтѣ идутъ не такъ, какъ-бы имъ слѣдовало идти.

Но все это поправимо и безъ того, чтобы отнимать у него пенсію, философствовалъ адмиралъ.—Ну, можно, пожалуй, сократить ее, что-ли, жертвовалъ онъ самоотверженно *pour le bien public* частью пенсіи, если находятъ, что она велика; вѣроятно,

и другіе согласятся на это... Все поправимо, стоитъ только всѣмъ дѣйствовать по совѣсти, по чести, не обижая никого. Тогда и разрушать ничего не придется...

— Каждый поступаай по совѣсти, а у кого совѣсти нѣтъ, того на Сахалинъ! Не такъ-ли, сестра?

Такимъ вопросомъ обыкновенно заканчивались политическія соображенія старика, на склонѣ жизни получившаго вкусъ къ политикѣ. Прежде онъ о ней и не думалъ.

И теперь адмиралъ, несмотря на нетерпѣніе сестры, неохотницы до разсужденій о предметахъ, неизмѣющимъ непосредственнымъ интереса, — заставилъ сперва сестру выслушать себя, прежде чѣмъ задать ей вышеприведенный вопросъ.

Она, конечно, не задумалась-бы въ эту минуту не только сослать на Сахалинъ, но даже и куда-нибудь подальше директора правленія, выгнавшаго со службы ея сына—о томъ мерзавцѣ и говорить нечего—но какъ практическая женщина очень хорошо понимала, что это невозможно. И потому на „философію“ брата отвѣтила безъ всякаго философскаго спокойствія:

— Когда еще это все будетъ, а пока Митю-то выгнали!.. Но я этого дѣла такъ не оставлю.

— Что-жъ ты думаешь дѣлать? спросилъ адмиралъ, взглядывая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на сестру.

Она рассказала о своемъ планѣ идти въ правленіе и спрашивала совѣта.

— О, когда нужно, я съумѣю, братецъ, говорить самымъ дипломатическимъ языкомъ! прибавила она въ успокоеніе брата Андрея и при этомъ взглянула на него съ такой самоувѣренностью, что послѣ этого, казалось, усомниться въ ея дипломатическихъ способностяхъ было преступленіемъ.

Однако, братъ отрицательно и энергично покачалъ головой. Она только напрасно пойдетъ туда. Ужъ если директоръ уволилъ, не разобравши даже дѣла, то нечего съ такимъ челоуѣкомъ и разговаривать.

— Но, быть можетъ, ему наплели на Митю.

— Тѣмъ хуже. Зачѣмъ слушаетъ!

— Такъ неужли такъ и оставить эту подлость? Нѣтъ, братецъ, я не согласна. Если директоръ оказался мерзавцемъ, я ему выскажу это—она ужъ забыла въ эту минуту о дипломатіи—а

потомъ пойду къ другому. Кто тамъ выше?.. Вы знаете, братецъ? У нихъ Совѣтъ еще есть... Тамъ я найду и туда дорогу.

— Не ходи, сестра! Ужь если ты такъ хочешь, я самъ схожу къ директору, хоть, признаюсь, и не надѣюсь на успѣхъ, но попытаюсь. По крайней-мѣрѣ, я поговорю толкомъ, объяснюсь.

— Отчего-же мнѣ не сходить? Точно я дура какая, толкомъ не умѣю говорить. Слава Богу, вы знаете, братецъ, дѣтей опредѣлила я, изъ инвалиднаго капитала четыре года не хотѣли выдавать пенсіи, все говорила: выйдутъ новыя правила!—а я все-таки получила. Говорить-то я толкомъ умѣю. Меня, слава Богу, знаютъ тамъ. Спросите-ка у нихъ, какъ я говорю!.. отставала свои права полковница.

— То-то, очень ужъ ты говоришь... Бипятоекъ! Да ты тамъ, пожалуй, директору такого напоешь, что потомъ къ мировому. Вѣдь у тебя языкъ, когда ты вспыхнешь, извѣстный!

— А у васъ, братецъ, не языкъ, что-ли?..

— Все-таки я хладнокровнѣе тебя, сестра Марія.

— Ну, братецъ Андрей, а вспомните-ка ваше хладнокровіе, когда вы... Ну, да что вспоминать... У насъ въ крови это...

Дѣло, по обыкновенію, чуть-было не дошло до горячаго спора между братомъ и сестрой. Адмиралъ сталъ горячиться, доказывая, что онъ владѣетъ собой и что морская служба приучила его къ этому; полковница тоже горячилась, ссылаясь на правительственныя учрежденія, которыя хорошо знаютъ: умѣеть-ли она говорить. По счастью, лакей доложилъ, что подагъ самоваръ, и старикъ прекратилъ споръ, замѣтивъ:

— Тебя не переспоришь. Пойдемъ-ка чай пить...

За чаемъ, однако, полковница согласилась, чтобы адмиралъ отправился къ директору и поговорилъ съ нимъ, такъ-какъ „мужчина мужчину болѣе слушаетъ“ — этотъ мотивъ старикъ придумалъ для успокоенія сестры; если-же будетъ неудача, тогда полковница пойдетъ къ предсѣдателю совѣта. Кромѣ того, братъ обѣщалъ похлопотать за Митю у одного стараго товарища, который имѣетъ связи съ разными банками. Завтра-же онъ пойдетъ и попросить. Богъ дастъ, что-нибудь и удастся.

— Спасибо вамъ, братъ Андрей! съ чувствомъ проговорила Марья Ивановна, останавливая нѣжный взглядъ на братѣ, всегда принимавшемъ горячее участіе въ ея судьбѣ; вы...

— А Митя какъ... философомъ? перебилъ старикъ, торопясь замаять изліянія сестры.

— Именно философъ! Пожалуй, если онъ и недоволенъ, что остался безъ мѣста, такъ больше изъ-за меня. Вы знаете, какой Митя деликатный: скорѣй все мнѣ отдастъ, чѣмъ отъ меня возьметъ. Недавно завелись у него какія-то десять рублей, онъ принесъ: „на-те, говоритъ, маменька, Любѣ платье сдѣлайте“. Теперь вотъ, вѣрно, объ урокахъ хлопочетъ... Всѣмъ хорошъ, только одно: совсѣмъ онъ тюлень какой-то и нѣтъ у него никакой амбиціи, какъ у другихъ. Точно ничего онъ и не хочетъ!.. Я иной разъ дивлюсь даже...

— Да, мальчикъ онъ добрый! согласился старикъ.— Не эгоистъ, какъ бывають другія дѣти.

Кто эти „другія“ старикъ не прибавилъ, а полковница благородно сдѣлала видъ, что не слышала послѣднихъ словъ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы, и адмиралъ, между прочимъ, поднялъ вопросъ о дачѣ.— „Какая дача!“ воскликнула Марья Ивановна.

— Развѣ Федя не догадался объ этомъ? Онъ, слава Богу, получаетъ—шутка сказать—три тысячи жалованья, одинъ, и его не раззорило бы прислать какихъ-нибудь сто рублей, чтобы мать и маленькая сестра отдохнули лѣтомъ.

— Онъ предлагалъ, братецъ, онъ предлагалъ! съ внезапной быстротой возразила Марья Ивановна,—еще на дняхъ писалъ объ этомъ.

Несмотря на похвалбу полковницы своими дипломатическими способностями, только-что сказанная въ защиту сына ложь была замѣтна. И торопливость, съ которой она тотчасъ-же отвела взглядъ съ брата на самоваръ, и какая-то неестественная быстрота ея возраженія выдавали ее совсѣмъ. Однако, адмиралъ, въ свою очередь, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ смущенія сестры и, помолчавъ, проговорилъ:

— Нынѣшнимъ лѣтомъ и я собираюсь, сестра, на дачу!

— Вы? изумилась Марья Ивановна, хорошо знавшая, что старикъ терпѣть не могъ дачъ и всегда лѣтомъ оставался въ своей квартиркѣ во дворѣ, въ 14 линіи.

— Чему ты удивляешься? Ну да, я! Не все-же виснуть въ городѣ. Давече и докторъ совѣтовалъ; вамъ, говоритъ, мор-

свой воздухъ нуженъ. Вотъ собираюсь на недѣль съѣздить въ Мартышкино посмотрѣть дачу. Тамъ и воздухъ, и дачи, говорятъ, дешевыя... Ты вѣдь жила тамъ?

— Да, тамъ можно дешево найти дачку.

— Но только одному жить скучно. Если-бы ты согласилась вѣстѣ съ Любочкой и Митей, а? Я-бы очень былъ радъ.

У полковницы наворачулась на глаза жгучая слеза. Но старикъ опять-таки ничего не замѣтилъ и, вставая изъ-за стола, проговорилъ:

— Смотри-же, сестра, это дѣло рѣшенное. Переѣзжайте ко мнѣ на дачу; такъ и крестницѣ моей, Любочкѣ, скажи... Надо и мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ. И то по временамъ такъ ломить поясницу, такъ ломить... Эй, Понтъ, ѣдемъ на дачу! Слышишь? весело крикнулъ старикъ.

IV.

Дня черезъ два, въ самый разгаръ домашнихъ хлопотъ полковницы, когда она, возвратившись съ рынка, стояла посреди гостиной, съ засученными руками, въ передникѣ, со щеткой въ одной рукѣ и тряпкой въ другой, только-что окончивъ перебивку цвѣтовъ, — вслѣдъ за звонкомъ, въ гостиную вошла элегантно и со вкусомъ одѣтая, красивая и изящная молодая женщина, высокая, стройная, рѣзкая брнетка съ матовымъ цвѣтомъ нѣжной кожи, правильными чертами прекраснаго, но нѣсколько холоднаго и безвыразительнаго лица. Сходство съ полковницей невольно бросалось при взглядѣ на эту даму, но какая разница между матерью и дочерью! Она рѣзко сказывалась въ сдержанности и мягкости манеръ, снобойномъ, строгомъ даже, взглядѣ блестящихъ черныхъ глазъ, въ этой выхоленности, свидѣтельствующей, что мелкія и тяжкія заботы недостаточной жизни незнакомы молодой женщинѣ. Улыбка, появившаяся на ея лицѣ, при видѣ полковницы въ такомъ нарядѣ и вооруженіи, не скрыла озабоченнаго выраженія ея лица.

— Наденька, это ты! А я думала, кто-бы это? воскликнула полковница, обнимая дочь.

— Вы, маменька, по обыкновенію, вѣчно чиститесь.

— Нельзя-же... У меня прислугъ нѣтъ. Ну, садись, снимай шляпку да рассказывай, что у васъ... Всѣ здоровы? Кофе будешь пить?

— Я, маменька, не надолго. У меня тоже домъ на рукахъ! проговорила она съ важностью молодой хозяйки.—Я пріѣхала къ вамъ на минуточку—поговорить о Митѣ.

— Развѣ мѣсто какое есть? Мужъ нашелъ?

— Какое мѣсто! Колѣ, маменька, не до того. Онъ такъ занятъ, такъ занятъ!.. Ему теперь дали новое порученіе... Его, маменька, выбрали, какъ лучшаго товарища прокурора и, быть можетъ, даже навѣрное, карьера его будетъ блестящая, если только...

Она остановилась на минуту и прибавила съ ядовитостью:

— Если только братцу не угодно будетъ помѣшать намъ!

Братцу! Какому братцу? Полковница ровно ничего не понимала. Она широко раскрыла глаза и даже выпустила незамѣтно изъ рукъ трапеку, которую захватила съ собой, присѣвъ на стулъ возлѣ дочери.

— Да говори ты, Наденька, толкомъ. Что это у тебя за манера прежде напугать, а потомъ сказать въ чемъ дѣло? Прежде у тебя этого не было. Вѣрно, отъ благовѣрнаго научилась.

— Я, кажется, маменька, говорю понятно! усмѣхнулась чуть-чуть Наденька;—я говорю о Митѣ. Точно вы не знаете, за какія хорошія дѣла онъ потерялъ мѣсто.

— Что ты врешь, Наденька. За какія дѣла!.. Съ нимъ подлость сдѣлали, онъ и потерялъ!

Наденька, не спѣша, вынула изъ кармана своего пальто номеръ газеты и проговорила:

— Не хотите-ли прочесть, маменька, что пишутъ въ московской газетѣ,—серьезной, маменька, газетѣ. Или позвольте я сама вамъ прочту.

Совсѣмъ ошалѣвшая при видѣ газеты, въ которой почему-то пишутъ о Митѣ, полковница ничего не сказала, и Наденька твердо и не безъ чувства прочитала слѣдующій параграфъ:

„Намъ сообщаютъ изъ вѣрнаго источника, что надняхъ, въ правленіи такой-то дороги, служащіе, возмущенные безнравственными мѣрніями одного изъ своихъ сослуживцевъ, неокончившаго видѣ курсъ молодого человѣка К., тутъ-же на мѣстѣ рѣшили его исключить изъ среды своей и подали заявленіе начальству,

что они не желаютъ служить вмѣстѣ съ такимъ господиномъ. Молодого человѣка тотчасъ-же уволили, но почему-то дѣло это не получило *дальнѣйшаго* хода. Во всякомъ случаѣ, честь и слава товарищамъ, не остановившимся передъ честнымъ исполненіемъ своей патріотической обязанности изъ страха передъ петербургскимъ либерализмомъ, мишура котораго, къ несчастью, ослѣпляетъ наши глаза. Если-бъ всѣ поступали по примѣру служащихъ *** правленіи, давно-бы зло было сметено съ лица русской земли“.

Полковница выслушала и остолбѣла отъ изумленія.

— Когда я прочла это, маменька, то мнѣ чуть не сдѣлалось дурно... Вы тогда иначе рассказывали...

— И ты вѣришь газетѣ, а не вѣришь брату! воскликнула она. — Все, что здѣсь написано, все это вотъ что... тьфу, тьфу и тьфу!

Съ этими словами полковница даже забыла, что полъ уже вычищенъ, вырвала изъ рукъ дочери газету и, бросая ее на полъ, плюнула три раза.

— Ахъ, маменька, какая вы, право... Вѣдь нѣтъ дыма безъ огня. Даже и то, что Митя высказывалъ, очень не рекомендуетъ его... Не перебивайте меня: дайте мнѣ досказать, маменька, пожалуйста. Я пріѣхала къ вамъ не для ссоры, а чтобъ поговорить съ вами, какъ дочь, какъ другъ... Мнѣ, конечно, жаль Митю, какъ брата, но, съ другой стороны, за что его жалѣть, если онъ всѣхъ насъ не жалѣетъ? Вообще, Митя странно себя ведетъ: не окончилъ курса, былъ въ деревнѣ учителемъ, мѣнялъ мѣста, преднамѣренно избѣгаетъ положенія, которое необходимо имѣть каждому честному и порядочному человѣку... однимъ словомъ...

У полковницы давно клокотало въ груди, но она сдерживала себя, желая выслушать до конца. Наденька продолжала:

— И вы, маменька, ужъ извините, слишкомъ довѣрчивы. Станетъ вамъ Митя открываться, какъ-же! Онъ, быть можетъ, мало-ли съ кѣмъ видится, мало-ли что замышляетъ!.. Ему терять нечего, а намъ съ мужемъ... И теперь! Могутъ узнать, что братъ жены исключенъ за предосудительные взгляды... очень пріятно... Вы хорошо-бы сдѣлали, маменька, если-бъ поговорили съ Митей, чтобъ онъ, знаете-ли, лучше куда-нибудь уѣхалъ отсюда... Мы бываемъ у васъ... вы понимаете, маменька, наше положеніе?.. И, наконецъ, мало-ли что можетъ случиться. Ни за

кого нельзя ручаться... Для такихъ людей нѣтъ ничего святого, маменька... Бъ сожалѣнію, и за брата нельзя ручаться... Онъ всегда...

— Это ты что? Мужнины слова повторяешь! не могла уже болѣе слушать полковника.—Такой подлости сама ты не выдумала-бы... И ты смѣла пріѣхать ко мнѣ предложить выгнать Митю?.. проговорила, задыхаясь, полковника.

— Я, маменька, не маленькая, сама понимаю вещи... Я ничего не предлагаю, но только пріѣхала сказать, что изъ-за какого-нибудь безумнаго дурака мы не желаемъ рисковать своимъ положеніемъ, будущностью дѣтей... Какъ вамъ угодно, но только не сердитесь, маменька, мы должны отказаться отъ удовольствія посѣщать васъ, если братъ будетъ жить съ вами. Я сама мать...

— Вонъ сію-же минуту, вонъ!.. разразилась, наконецъ, полковница, не помня себя отъ бѣшенства.—Ишь, съ чѣмъ пожаловала!.. Прогони сына... Ахъ, ты... Да если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ преступникъ, такъ я не отреклась-бы отъ него, а то для васъ... Вы съ муженькомъ уже давно отъ меня глаза воротите... Вонъ... вонъ, подлая тварь!

И полковница заметалась, какъ бѣшенная, по комнатѣ.

— Что за выраженія! Вы, кажется, по-прежнему, заимствуете ихъ на Сѣнной! презрительно сказала Наденька, съ достоинствомъ выходя изъ гостиной.

— Вонъ, подлая!.. Ирина! гремѣла полковница.—Эту даму никогда не принимать... Слышишь!

— Очень нужно пріѣзжать!

Долго еще не могла придти въ себя полковница. Долго еще она ходила по комнатѣ... „Родная дочь... хороша! Такая подлость... Не даромъ братъ Андрей всегда ее не любилъ“... Въ головѣ у бѣдной полковницы былъ какой-то хаосъ. „Родная дочь, газета, Митя, дальнѣйшій ходъ“, всѣ эти слова проносились безтолково въ ея головѣ, раздражали и хватали ее за сердце. Поступокъ дочери поразилъ ее своей неожиданностью. *Этого* она не ожидала. Даже и такая крѣпкая старуха, какъ полковница, не выдержала и, послѣ сильнаго припадка гнѣва, пришла въ свою комнату, бросилась въ постель и зарыдала, какъ безпомощный ребенокъ.

V.

Но мысль о „подлой“ газетѣ, которая лежала тамъ, въ гостиной, скоро подняла на ноги полковницу и возвратила къ ней обычную энергію. Она еще разъ перечла ненавистный параграфъ и сожалѣла, что не она, а адмиралъ будетъ объясняться съ директоромъ правленія. Вотъ какую гадость напечатали... Рѣшить самой написать опроверженіе, чтобы послать въ газету, было дѣломъ недолгаго раздумья... Однако, и бесѣда дочери, и эта газета нѣсколько смутили ее. „А что, если, въ самомъ дѣлѣ, Митя“... подумала она съ ужасомъ.

Когда Митя вернулся домой, она пошла къ нему въ комнату и сдѣлала ему слѣдующій краткій допросъ:

— Послушай, Митя, ты правду мнѣ сказалъ: ничего такого не говорилъ тамъ?

— Я вамъ говорилъ. Сами видите, что ничего такого...

— Хорошо. А съ какими-нибудь подозрительными лицами ты не знакомъ?

— Что вы, маменька! У меня и вообще-то мало знакомыхъ, вы знаете ихъ. Что въ нихъ подозрительнаго?

— А какихъ-нибудь тамъ запрещенныхъ книгъ не держишь?

— Да что вы!

— Читаешь, можетъ быть? Ты отъ матери, Митя, не скрывай.

— Ей-Богу ни разу не читалъ. Гдѣ ихъ достать!

— Ну ладно, Митя. Такъ посмотри-ка какую пакость про тебя напечатали. Сегодня твоя сестрица привезла. Ты къ нимъ не ходи, Митя, слышишь... Она боится... карьеру, видишь-ли, ты имъ испортишь.

Молодой человекъ улыбнулся, пожавъ плечами, взялъ газету и сталъ читать.

— Все вздоръ. Никакіе товарищи не возмущались, напротивъ, всѣ меня-же поддерживали въ спорѣ... Вся статья—вранье, проговорилъ онъ. Теперь много, маменька, пакостей печатаютъ! И изъ-за чего только исторію раздули!.. прибавилъ Дмитрій Алексѣевичъ, на котораго однако слова статьи „дальнѣйшій ходъ“ произвели

не особенно пріятное впечатлѣніе. Еще слава Богу, что всю фамилію не напечатали.

— А вотъ я сама ихъ пропечатаю!.. вдругъ заявила полковница.

— Что вы маменька? испугался Дмитрій Алексѣевичъ.

— Я покажу—какая я маменька, если ты такой рохла! проговорила мать, выходя изъ комнаты сына.

Цѣлый вечеръ она сидѣла взаперти у себя въ комнатѣ, сочиня отвѣтъ. Много листовъ она перепортила и, наконецъ, оставилась на слѣдующемъ литературномъ произведеніи, которое перечела не безъ нѣкотораго авторскаго удовольствія:

„Господинъ редакторъ!

„Я удивляюсь, какъ въ такой серьезной газетѣ, какъ Ваша, Вы рѣшились помѣстить подлую и нелѣпую ложь, касающуюся моего сына, выдуманную какимъ-нибудь негодяемъ, благоразумно скрывшимъ свою фамилію. Тѣнь, выдаваемая на моего сына, ложится и на меня, а а потому, милостивый государь, какъ мать и вдова подполковника, кровью доказавшаго преданность Престолу и Отечеству, я увѣдомляю васъ, что все вами лживо-напечатанное есть гнусная и презрѣнная выдумка. Никакихъ возмутительныхъ разговоровъ сынъ мой, обозначенный въ статьѣ буквою К., не велъ и вести не станетъ, и никогда товарищи его не просили сына оставлять службу. Уволилъ его, безъ всякой причины, директоръ правленія, получившій презрѣнныя свѣденія по доносу наушника. Предоставляю судить о благодетельствѣ такого поступка вамъ, г. редакторъ, а я съ своей стороны могу присовокупить, что вышеизложенное могутъ подтвердить всѣ служащіе въ правленіи, конечно, кромѣ наушника, лишившаго неповиннаго сына мѣста. Прошу письмо мое напечатать, дабы исправить вредъ незапятнанной репутаціи какъ моего невиннаго сына, такъ и моей, а равно успокоить прахъ моего мужа, прослужившаго тридцать-пять лѣтъ безпорочно и умершаго отъ ранъ на полѣ чести. Печатать такіе пасквили довольно безчестно, многоуважаемый редакторъ. Остаюсь вдова подполковника, Марія Бротова“.

— Что ты скажешь, Митя, насчетъ этого письма, а? спрашивала полковница сына, прочитавъ ему свое произведеніе.

Сынъ испугался.

— Вы хотите его послать?

— А ты думалъ какъ? Не для себя-же я его писала.

— Что вы маменька?.. Бросьте лучше его въ печку.

— Это почему? Развѣ худо написано?

— Право, бросьте... Написано оно недурно, но не поднимайте вы этой глупой исторіи.

— Ахъ ты трусъ, трусъ!.. Какая тутъ исторія? Развѣ можно такъ оставить это дѣло... Или, можетъ-быть, ты въ самомъ дѣлѣ говорилъ возмутительныя рѣчи?

— Ничего я не говорилъ, увѣряю васъ, я все-таки прошу васъ, не посылайте письма. И, наконецъ, я самъ могу написать... я не малолѣтній, чтобъ за меня вы писали.

Большихъ трудовъ стоило сыну уговорить полковницу хотъ совѣтоваться съ дядей Андреемъ.

— На это я согласна. Но, во всякомъ случаѣ, такъ оставить нельзя... Эхъ ты... тюлень, тюлень... Даже на пасквиль не ужьешь отвѣтить, а то же фанаберія!..

„Исторія“ съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ стало извѣстна среди родныхъ и знакомыхъ. Они приходили, подъ видомъ участія, узнать въ чемъ дѣло, и Марья Ивановна нѣсколько разъ повторяла, какую подлость сдѣлали съ Митей. Однако, многіе родственники были убѣждены, что Дмитрій Алексѣвичъ, въ самомъ дѣлѣ, подозрительный человѣкъ, и Дмитрій Алексѣвичъ очутился въ глазахъ нѣкоторыхъ въ положеніи зачумленнаго. Полковница негодовала, узнавъ какъ-то стороной о такихъ сплетняхъ. Къ довершенію всего, черезъ недѣлю послѣ происшествія, полковница получила отъ старшаго сына, Феде, письмо, начало котораго было слѣдующее:

„Дорогая маменька“.

„Съ прискорбіемъ узналъ я изъ вашего письма, что братъ Дмитрій опять лишился мѣста, и хотъ вы пишете, что по просякамъ другихъ, но стороной я узналъ, что тутъ не одни просяки, а также и вина брата. Какъ ниѣ ни жаль его маменька, а принужденъ откровенно сказать, что съ его стороны, наконецъ, просто недобросовѣстно до сихъ поръ вести неопредѣленное существованіе и, такимъ образомъ, быть вамъ въ тягость. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ оставаться вѣкъ свой младенцемъ! Хотъ брата Богъ не наградилъ большимъ умомъ, но не настолько обидѣлъ его, чтобъ онъ не могъ сообразить нелѣпости всѣхъ своихъ поступковъ. Я слышалъ, что онъ лишился мѣста, позволивъ себѣ вы-

сказывать мнѣнія, едва-ли умѣстныя и своевременныя. Это похоже на него, и я, какъ любящій братъ, рѣшаюсь просить васъ, маменька, внушить брату—онъ васъ слушаетъ и уважаетъ—что его поведение компрометируетъ всѣхъ его близкихъ и можетъ окончиться печально для него самого. Всѣ мы понимаемъ, не хуже, если не лучше его, что жизнь представляетъ многія несовершенства; но несовершенства эти, во-первыхъ, условны, а во-вторыхъ, вовсе и не таковы, какими ихъ желаютъ представить люди, знаясь съ жизнью по книгамъ и пустымъ одностороннимъ статьямъ или вовсе ни съ чѣмъ не знакомые, а воображающіе себя умѣе другихъ. Едва-ли глупый идеализмъ брата, его неумѣніе обойти подводные камни практической жизни и примириться съ необходимымъ зломъ жизненной карьеры, не способенъ увлечь его на путь очень опасный. Къ скорбю, мы видимъ къ чему онъ приводитъ. Да сохранить насъ всѣхъ Господь Богъ отъ этого несчастія, но я боюсь, что бѣдный братъ уже стоитъ на этомъ пути. Если мои предположенія справедливы, то пусть онъ не считаетъ меня братомъ, какъ ни больно мнѣ лишиться брата.

„Еще другая нерадостная вѣсть, маменька: бѣдная сестра Надежка очень огорчена вашимъ къ ней отношеніемъ“...

Дальше полковница уже не читала... Съ нею было вполне довольно прочитаннаго, чтобы изъ груди ея вырвался отчаянный крикъ: „Подлецъ!“

Она съ этихъ поръ еще болѣе привязалась къ Митѣ, словно въ отместку, что ее хотятъ непремѣнно отдалить отъ него. Митя сдѣлался ея кумиромъ. Она перессорилась со всѣми родными, которые только осмѣливались отзываться о немъ двусмысленно. Своей двоюродной сестрѣ она даже такъ энергично показала дверь, что въ Коломнѣ долго еще ходилъ разговоръ объ этомъ происшествіи.

Но замѣчательнѣе всего въ этой траги-комической исторіи было то, что виновникъ этой бури, о которомъ, благодаря сплетнямъ, въ Коломнѣ слагались цѣлыя легенды, ни малѣйшимъ образомъ не былъ причастенъ ко всѣмъ этимъ обвиненіямъ и предостереженіямъ родныхъ и знакомыхъ. Это былъ самый скромный и непритязательный господинъ, меланхоликъ по натурѣ, скорѣе робкій, чѣмъ смѣлый, не предъявлявшій къ жизни никакихъ особенныхъ претензій. Никогда и ни въ какихъ „предосудительныхъ“ поступкахъ

онъ не былъ замѣшанъ, съ „подозрительными“ людьми знакомствъ не водилъ, въ своихъ мечтахъ леталъ невысоко, словомъ — этотъ Дмитрій Алексѣевичъ Кропотовъ, выброшенный въ одинъ день на улицу, былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ, самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, простыхъ, слабыхъ, ничѣмъ особеннымъ не выдающихся, у которыхъ только еще не заглохли инстинкты правды, совѣсть не подвела итоговъ и сердце не потеряло способности биться и трепетать при видѣ безчеловѣчія и несправедливости и, наконецъ, переполненное, порой давало о себѣ знать робкимъ словомъ негодованія, участія, сожалѣнія...

Вотъ вся вина этихъ людей.

VI.

Андрей Ивановичъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Онъ потерпѣлъ полную неудачу въ своей миссіи, несмотря на мундиръ и ордена, надѣтые имъ для свиданія съ г. директоромъ правленія. Не старый еще, пухлый, подслѣповатый директоръ объяснился съ нимъ весьма любезно, но вѣжливо далъ понять, что рѣшеніе, принятое относительно Кропотова, безповоротно. Онъ дипломатически отвергалъ какую-бы то ни было „политическую причину“ увольненія, но зато и уклонился отъ объясненій другихъ причинъ. Адмиралу, какъ онъ потомъ рассказывалъ, „очень хотѣлось плюнуть этой канальѣ въ морду“, но онъ благоразумно отъ этого воздержался, къ искренней горести полковницы. Она, однако, во все не намѣрена была оставить дѣло такъ. „Я доберусь до него!“ объявила она и рѣшительно потребовала адресъ предсѣдателя совѣта, чтобъ изложить ему обстоятельства дѣла. — „Пусть онъ узнаетъ!“ Напрасно братъ отсвѣтывалъ ей даромъ „портить кровь“. Она была непреклонна, и адресъ былъ ей данъ.

Видѣвъ съ извѣстіемъ о неудачѣ своей миссіи, адмиралъ принесъ и болѣе пріятное извѣстіе: въ одномъ частномъ обществѣ открывалась вакансія и товарищъ далъ рекомендательное письмо Дмитрію Алексѣевичу, которое тутъ-же и было вручено Митѣ. Полковница, конечно, обрадовалась и благодарила брата, а сыну она по этому поводу сказала:

— Смотри, Митя, если поступишь на мѣсто — молчи, такъ-таки и молчи... Никакихъ разговоровъ. Оно лучше!

— Да... Помалчивай, братъ, помалчивай, Митя! подтвердилъ и адмиралъ, прощаясь и общаясь завтра придти узнать о результатахъ.

На слѣдующій день полковница облеклась въ шелковое платье, которому было, кажется, лѣтъ двадцать, надѣла новыя перчатки, праздничную шляпку и вышла вмѣстѣ съ сыномъ изъ дома. Сынъ на дорогѣ пробоваль-было ея остановить отъ визита къ председателю совѣта, но она была неумолима. Она такъ дѣло оставить не можетъ.

— Ты иди себѣ, Митя, въ Общество, а меня оставь... Я еще найду въ церковь! прибавила она, перекрестивъ незамѣтно сына... Пошли тебѣ Господь удачу!

Во второмъ часу полковница вернулась домой. Адмиралъ, дождавшійся ее, сразу догадался по взволнованному, возбужденному лицу сестры, что походъ ея не былъ удаченъ. Она сбросила съ себя тальму, швырнула на столъ шляпку и крикнула:

— Ну жъ и люди, братецъ!..

— Неудача?

— Я сперва рассказала ему, продолжала она прерывающимся голосомъ, — все какъ слѣдуетъ, самымъ деликатнымъ тономъ, онъ внимательно слушалъ, а потомъ, когда я кончила: „Не мое, говорить, дѣло“...

— Что-же дальше? съ безпокойствомъ спросилъ братъ.

— Дальше? Что дальше?.. Дальше я начала говорить. Ну ужъ, признаться, не выдержала, братецъ, и наговорила ему... Онъ будетъ помнить. Пусть хоть разъ выслушаетъ правду отъ матери старухи!

Адмиралъ хорошо зналъ, что могла „наговорить“ полковница, но не смѣлъ спросить о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе, что полковница о нихъ умолчала и, передавая всѣ подробности, не сочла нужнымъ рассказать, какъ отъ генерала ее вывели торжественно два вурьера подъ-руки до самаго подъѣзда.

Скоро вернулся и Дмитрій Алексѣевичъ.

— Ну что?

— Мѣсто уже занято, проговорилъ онъ; — опоздалъ.

Онъ тоже скрылъ истину, не желая оторчать мать и дядю. Его сперва хотѣли принять, но когда узнали, что тотъ самый Бротова,

о которомъ было напечатано въ газетахъ, то довольно неловко извинились и объявили, что мѣсто уже занято.

— Ну что-жь, занято такъ занято! проговорила неожиданно-спокойно полковница. Еще найдемъ мѣсто!.. А я, братецъ, такъ это дѣло не оставлю, нѣтъ! снова загорѣлась она, вспоминая свою неудачу.— Я докладную записку министру путей сообщенія подамъ! Управу на *нихъ* найду!

Е. Станюко вичъ.

ПИСАТЕЛЬ.

РОМАНЪ

Роберта Гальта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IX.

• Пять недѣль спустя, прибыли въ Парижъ г-жа Кастанъ съ г-жей Лакомбъ. Последняя должна была ожидать здѣсь своего мужа, котораго послали съ его гусарами въ Руанъ.

Октавъ только тогда написалъ въ Тарасконъ о происшествіи съ Маргаритой, когда она уже начала поправляться.

Маргарита находилась въ рабочемъ кабинетѣ, когда ея мать и бѣлокурая Матильда, неожиданно появившись, бросились къ ней на шею.

— Я не выдержала въ Тарасконѣ, сказала г-жа Кастанъ, — и отецъ твой плакалъ, что не можетъ пріѣхать... Но зачѣмъ же было не извѣститъ насъ раньше? Если-бъ намъ телеграфировали въ тотъ самый вечеръ, я-бы давно была здѣсь, дружокъ мой!

Маргарита рыдала, шепча: „мой ребенокъ, мой бѣдный ребенокъ!“ Октавъ отвѣчалъ, что онъ боялся испугать людей съ столь живымъ воображеніемъ; и Матильда вполне одобрила его, также какъ и г-жа Кансъ, присутствовавшая при этомъ свиданіи.

Во все время болѣзни Маргариты, г-жа Кансъ не покидала ее и ухаживала за ней, какъ за собственной дочерью. Несмотря на свои смѣшныя стороны, это была, въ сущности, очень добрая

душа, которую Маргарита привлекала къ себѣ своей наивностью. Брѣвно сжавъ руку г-жѣ Кастанъ, она сказала, что удаляется съ сожалѣніемъ и что не уступила-бы мѣста никому, кромѣ матери. Г-жа Кастанъ не безъ удивленія смотрѣла своими маленькими черными глазками на ея англійскіе локоны и огромный лобъ; и узнавъ, что это была сочинительница, нахмурила брови и присѣла ей только вполовину. Потомъ все съ тѣмъ-же строгимъ видомъ обвела глазами окружавшіе ее предметы: мраморныхъ боговъ, широкій розовый диванъ, на который пошло не мѣтѣ 80-ти аршинъ матеріи, великолѣпный рояль, жардиньерки, венеціанскія зеркала, жирандолы по угламъ, старинные обои съ пляшущими въ лѣсу нимфами и сатирами, и лаконически рѣзкимъ тономъ потребовала, чтобъ ей показали все остальное. Ей отворили двери. Она увидѣла комнату, обитую голубой шелковой матеріей, другую — желтой, розовый будуаръ, великолѣпную столовую, потомъ кухню, кухарку г-жу Олимпію, величественный видъ которой почти рассердилъ ее; горничную, одѣтую такъ-же нарядно, какъ ея барыня, и лакея Франсуа въ жилетѣ съ блестящими пуговицами, походившаго, какъ двѣ капли воды, и лицомъ, и манерами на маркиза де-Кассанбѣ, котораго она знала въ Бокерѣ. Послѣ этого осмотра, она молча опустила на стулъ, въ столовой, между тѣмъ какъ Матильда разсыпалась въ похвалахъ вкусу и роскоши Октава и жены его.

— Какъ-же я до сихъ поръ ничего не знала обо всемъ этомъ? сказала, наконецъ, г-жа Кастанъ своей дочери. — Вы, должно-быть, нашли здѣсь сокровища короля Рене.

— Мамаша, отвѣчала Маргарита, — я объясню вамъ...

— Объясни сейчасъ.

— А двадцать-пять изданій „Миранды!“ пришла на помощь Матильда.

— Двадцать-пять изданій... А сколько даетъ каждое изданіе, позвольте спросить?

— По крайней мѣрѣ 2,000 франковъ, сказала опять Матильда, на-угадъ.

— Ты почему знаешь?

Г-жа Кастанъ пристально смотрѣла на своего зятя, который граціозными наклоненіями головы подтвердилъ точность этой цифры.

— 2,000... 25... Дважды 25... 50,000 франковъ, бормо-

тала г-жа Кастанъ. Но лицо ея, на мигъ-было просвѣтлѣвшее при этомъ блистательномъ итогѣ, вскорѣ приняло опять суровое выраженіе.

— Если, какъ вы увѣряете, любезный зятюшка, книги продаются здѣсь съ такимъ барышомъ, то почему-же, позвольте васъ спросить, книжонка Кастана, которую вы напечатали тайкомъ отъ меня, не принесла ни одного су?

— Подождите, милая тетушка, когда опять возвратится вкусъ въ пасторали, — а онъ непремѣнно возвратится, потому-что все возвращается, — тогда и книжка г. Кастана пойдетъ.

— Послѣ дождичка въ четвергъ, сказала она, вставая. — Я прошу васъ ничего больше не печатать нашего. Я, впрочемъ, буду смотрѣть за этимъ. Передъ отъѣздомъ я уже сожгла двѣ толстыя тетради стиховъ, которыя отъ меня прятали подъ штукой сунѣна.

Она разсмѣялась. Этотъ смѣхъ и нѣсколько любезностей Октава прервали на время допросъ; и только уже послѣ обѣда она тихонько спросила у дочери, гдѣ у нихъ помѣщены деньги?

— У г. Ротшильда, мамаша, отвѣчала Маргарита.

— У г. Ротшильда. Хорошо. А сколько онъ платитъ процентовъ, г. Ротшильдъ...

— Процентовъ, мамаша?

— Да.

— Сколько процентовъ...

— Ты, какъ я вижу, ничего не смыслишь въ дѣлахъ. Вѣроятно, вы отложили также сколько-нибудь изъ этихъ 50,000 франковъ, вырученныхъ съ двадцати-пяти изданій? Скажи, много-ли?

Но изъ отвѣтовъ Маргариты было ясно, что состояніе находилось въ полномъ распоряженіи мужа.

Въ это время, въ другомъ концѣ кабинета, полненькая, свѣженькая Матильда болтала съ Октавомъ, упиваясь, повидному, парижскимъ запахомъ, которымъ былъ здѣсь пропитанъ каждый предметъ. Она говорила о капитанѣ, который все еще оставался капитаномъ, но былъ такой добрый.

— Я очень боюсь, сказала она совсѣмъ тихо, — что онъ никогда не будетъ генераломъ. Что касается до васъ, то когда я женила васъ на Маргаритѣ, я ужъ видѣла, что генеральскіе эполеты у васъ въ карманѣ, не говоря о великолѣпной рентѣ въ 50,000 франковъ, которая у васъ въ головѣ.

Она вздохнула, смотря ему прямо въ глаза, какъ-бы для того, чтобъ удостовѣриться въ дѣйствительности этой ренты. Онъ приятно улыбнулся, стоя передъ ней, въ своемъ рабочемъ костюмѣ — жакеткѣ изъ синяго бархата — красивый и стройный.

— Эта Матильда смѣла какъ обезьяна, говорила въ эту минуту г-жа Кастанъ своей дочери. — Забывъ, что мы съ ней теперь вовсе не такъ близки какъ прежде, она вскочила въ мой вагонъ, для того, чтобъ остановиться со мной вмѣстѣ у васъ, какъ въ отелѣ. Капитанскія жены не стѣсняются.

Матильда Лакомъ дѣйствительно провела у Маргариты цѣлыхъ десять дней, въ теченіи которыхъ она каждое утро съ наслажденіемъ утаптывала парижскіе троттуары; а по вечерамъ сидѣла съ семействомъ Шанлозѣра въ какомъ-нибудь театрѣ, въ ложѣ, „подаренной г-ну Октаву“. Спала она въ желтой комнатѣ, вмѣстѣ съ г-жей Кастанъ, которой иногда очень хотѣлось отправить ее ночевать въ казармы...

Еслибъ не это сосѣдство, то сувонщица была-бы почти довольна своимъ пребываніемъ въ Парижѣ. Опасенія, мучившія ее въ Тарасконѣ и во все время пути, мало-по-малу разсѣялись: Октавъ, когда она разспрашивала его о деньгахъ, отвѣчалъ съ такимъ спокойствіемъ и такъ обстоятельно, что она окончательно повѣрила, что онъ нажилъ отъ одной книги 50,000 франковъ. Самая роскошь обстановки и образъ жизни молодыхъ супруговъ, въ глазахъ ея, служили тому доказательствомъ; потому-что нельзя-же допустить, чтобъ христіанинъ, будь онъ даже сочинитель, могъ такъ ужасно транжирить свой капиталъ. Конечно, на первое обзаведеніе, на этотъ праздникъ съ ужиномъ отъ Шеве и оперными пѣвцами, о которомъ писали въ газетахъ, пришлось немножко взять изъ этого капитала, но, можетъ-быть, это была необходимая затрата какъ и въ торговлѣ... Теперь-же, вѣроятно, все было пополнено; и дѣло, слѣдовательно, лишь въ томъ, чтобъ какъ можно больше сочинять книгъ, выдерживающихъ 25 изданій... Одна уже почти готовая лежала на письменномъ столѣ Октава... А въ ожиданіи ея — онъ подсовывалъ своей тещѣ газеты, куда ей стоило только заглянуть, чтобъ убѣдиться, что зять ее окруженъ ореоломъ славы... Наконецъ, Октавъ съ своей изысканной вѣжливостью, съ своимъ внушительнымъ видомъ и полными достоинства манерами, обязывавшими всѣхъ окружающихъ его къ из-

вѣстной сдержанности, мало-по-малу внушалъ ей, посреди этихъ боговъ, этой прекрасной мебели и даже этой прислуги, походившей на южныхъ дворянъ, чувство уваженія, котораго она не могла побѣдить въ себѣ.

Ея довѣріе къ нему возрасло еще болѣе послѣ того какъ онъ получилъ два сафьянныхъ футляра съ оттиснутой на нихъ императорской короной и заключавшіе въ себѣ — одинъ, орденъ австрійскаго орла, другой — орденъ Меджидіе. Секретарь австрійскаго носольтства, очень красивый, съ большими бѣлыми усами и рыжими бакенбардами, явился поздравить г-на де-Шанлозѣра, съ которымъ былъ лично знакомъ, и даже пожалъ ему руку отъ имени его величества императора и короля...

Г-жа Кастанъ находилась при этомъ. Сердце ея забилось; глаза увлажнились слезами. Она въ тотъ-же вечеръ увидѣла въ петличкѣ своего зятя розетку, соединявшую въ себѣ цвѣта: Австріи, Турціи и Испаніи, и сказала себѣ, что ужъ если тутъ замѣшались императоры и короли, такъ можно быть совершенно спокойной...

Оставъ, между тѣмъ, ожидалъ, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, еще другихъ королевскихъ привѣтствій. Хотя онъ и посмѣивался по временамъ надъ „ювелирскими издѣліями“, но, однако-же, соглашался, что пренебрегать ими не слѣдуетъ, такъ-какъ они имѣютъ значеніе въ глазахъ толпы и отличаютъ человѣка отъ стада... Онъ разослалъ „Миранду“ иностраннымъ дворянамъ, и послѣ пятнадцатаго изданія ходатайствовалъ въ Парижѣ объ орденѣ почетнаго легіона, хотя надѣялся получить его не ранѣе какъ по выходѣ своего второго романа.

Эта новая розетка, просвѣтлѣвшее лицо тещи, удивленіе бѣлокурой Матильды, — все это нѣсколько утѣшило его и смягчило гнѣвъ, душившій его при мысли о той комедіи, которую сыгралъ съ нимъ Ребекъ и которая на лѣстницѣ театра „Водевиль“ внезапно окончилась драмой. Лишиться ребенка и, можетъ быть, даже отказаться навсегда отъ надежды имѣть потомство! Хорошо, что въ этотъ роковой вечеръ Маргарита, развлеченная толпой, не слышала насмѣшекъ этой проклятой кляки.

Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ утѣшить больную и старался увѣрить ее, что, увлекая ее за собой такъ быстро къ выходу, онъ имѣлъ въ виду захватить послѣднюю каварету, остававшуюся свободной.

— Если-бъ ты оставилъ меня дома, какъ я просила тебя, ребенокъ нашъ былъ-бы живъ, говорила она со слезами.

Храбрый капитанъ Лаконбъ явился съ распростертыми объятіями, но лишь затѣмъ, чтобъ тотчасъ-же уѣхать и увести съ собой жену, потому-что „служба не ждетъ“. Матильда въ будурѣ стала укладываться, проклиная въ душѣ военную службу. Какъ знатъ? Если-бъ не этотъ солдатъ, который былъ глупѣй своей лошади, и не эта кукла Маргарита,— она-бы, можетъ быть, сдѣлалась женой такого писателя, какъ Октавъ, который, посреди всей этой роскоши, казалось, еще намѣренъ удвоить женино состояніе, тогда какъ всѣ думали, что онъ промотаетъ его. Раздумывая объ этомъ, она искоса поглядывала на Маргариту, помогавшую ей укладываться, и вдругъ спросила ее, не имѣетъ-ли она какихъ извѣстій о Полѣ Дибурѣ? — Неужели не имѣешь? Такъ я скажу тебѣ, что онъ въ школѣ изящныхъ искусствъ; что о немъ говорятъ въ Тарасконѣ, какъ объ одной изъ блистательнѣйшихъ ея надеждъ, и притомъ какъ о молодомъ человѣкѣ примѣрнаго поведения“. И она распространилась объ этомъ.

— Къ чему ты мнѣ говоришь все это? спросила, наконецъ, Маргарита, удивленная тономъ и настойчивостью своей подруги. Та засмѣялась.

— Я думала, что ты все это знаешь... Ступай, тебя мамаша зоветъ.

Дѣйствительно, г-жа Бастанъ, которая, въ свою очередь, занималась укладкой у себя въ комнатѣ, звала Маргариту. Матильда тихонько вошла въ кабинетъ, гдѣ находился Октавъ, одинъ, потому-что капитанъ ушелъ покупать сигары.

— Нѣтъ-ли здѣсь моихъ сѣренскихъ перчатокъ... Я нигдѣ ихъ не нахожу.

— Побудьте еще въ Парижѣ, отвѣчалъ онъ любезно,— пока они не отыщутся...

Она посмотрѣла, нѣтъ-ли ихъ на диванѣ и позади его и потомъ, вздохнувши, сказала растроганнымъ голосомъ:

— Надо ѣхать. Начальство приказываетъ. Прощайте мосьё Октавъ. Продолжайте быть счастливы.

Онъ приблизился къ ней и хотѣлъ взять ее за руку; но она быстро отступила, съ чрезвычайно испуганнымъ видомъ, и возвратилась къ своимъ чемоданамъ.

Въ полдень, прощаясь, она, по примѣру своего мужа, дружески поцѣловавшаго Маргариту, — подставила, съ нѣкоторымъ трепетомъ, обѣ щеки свои Октаву. Г-жа Кастанъ, въ свой чередъ, передъ отъѣздомъ, довольно мягко, прочла зятю нѣсколько наставленій.

— Соблюдайте, по возможности, экономію, зятюшка. Не повторяйте слишкомъ часто вечеровъ съ ужиномъ отъ Шеве. Присматривайте за вашей кухаркой, которая смотритъ такой важной бабыней, что она, вѣроятно, прикасается къ кострюлямъ не иначе какъ въ бѣлыхъ перчаткахъ; и когда выйдете отъ своего издателя, съ туго набитымъ карманомъ, — отправляйтесь прямехонько къ г. Ротшильду, не останавливаясь нигдѣ. Г. Ротшильдъ человекъ, съ которымъ не худо почаще видѣться! Хорошо-бы вы сдѣлали также, прибавила она, — если-бъ пріѣхали на зиму въ Тарасконъ. Я-бы вамъ собрала добрыхъ 40 тысячъ франковъ изъ пятидесяти; а жили-бы вы въ Провансѣ королеми! Лѣтомъ опять возвратились-бы въ Парижъ...

Октавъ очень любезно обнадежилъ ее.

— Во всякомъ случаѣ, сказала она уже энергически, — поклянитесь мнѣ, что не будете больше печатать стиховъ Кастана! Я не хочу, чтобъ онъ окончательно потерялъ голову!

Онъ поклялся. Онъ имѣлъ даръ сопровождать свои клятвы и отвѣты такой очаровательной улыбкой, которая способна была смягчить сердце самой свирѣпой тещи...

Укрѣпившись такимъ образомъ въ своемъ довѣрїи къ зятю, г-жа Кастанъ возвратилась на югъ.

ГЛАВА X.

— Они молоды, прекрасны, богаты, свободны; они обожаютъ другъ друга и лишаютъ себя жизни. Съ одной стороны человекъ, свѣтъ; съ другой, — порядокъ вещей, тьма. Широкая антиномія, страшное столкновение объекта съ субъектомъ, подобное столкновению двухъ свѣтилъ, блуждающихъ въ необъятномъ пространствѣ. Грандіозная, блистательная идея!

Октавъ повторялъ себѣ, въ упоенїи, этотъ сюжетъ своего второго романа, и въ кафе „Madrid“, гдѣ онъ поилъ мадерой и

шартрёзомъ своихъ поклонниковъ, и у хорошенькихъ женщинъ, къ которымъ по временамъ приходилъ отдохнуть на нѣсколько минутъ отъ работы. Между этими женщинами одно изъ первыхъ мѣстъ занимала мадмуазель Маркезъ, очень довольная тѣмъ, что „Миранда“ заставила публику снова обратить на нее вниманіе.

Успѣхъ, какъ и многое другое въ жизни, имѣетъ свои комическія стороны, надъ которыми Октавъ, можетъ-быть, посмѣялся бы самъ, если-бъ не имѣлъ успѣха и не былъ пропитанъ насквозь тщеславіемъ. Какое забавное зрѣлище представляетъ, напримѣръ, неистовый, необузданный, способный на всякія крайности, восторгъ, овладѣвающій множествомъ людей—изъ двадцати человѣкъ пятнадцатью, непременно—не влѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ книгой, а влѣдствіе шума, который она дѣлаетъ. Такого рода восторгъ охватилъ, между-прочимъ, и нѣкую мадмуазель Бланшъ Гарде, — до того времени неизвѣстную Октаву, — *ingénue* театра Сен-Мартенскихъ воротъ, по натурѣ своей предпочитавшую обыкновенно авторовъ ихъ книгамъ. Она, при первой-же встрѣчѣ съ Октавомъ, попросила его прочесть ей страницу изъ своего романа и посреди чтенія, вскрикнувъ, упала въ обморокъ отъ энтузіазма.

Возвращаясь домой, онъ приносилъ съ собой запахъ этихъ триумфовъ и Маргарита чувствовала его. На ея жалобы мужъ отвѣчалъ ласками, наставленіями, причемъ онъ, разумѣется, за словомъ въ карманъ не лазалъ.

— Ребенокъ нашъ умеръ, говорила она, — а ты какъ-будто и не думаешь больше о немъ... “ Это его трогало. — Ты все уходишь изъ дому... не работаешь...

— Я запасаясь наблюденіями другъ мой: ты знаешь, это; но между тѣмъ какъ мысль моя приводитъ ихъ въ порядокъ, ты своими жалобами вспугиваешь ихъ какъ птичекъ. Повторяю тебѣ: держи себя какъ жена артиста: окружай меня кроткой любовью, спокойствіемъ, миромъ. Вѣрь мнѣ—это необходимо...

— Да, отвѣчала она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, — но если-бъ ты былъ женой артиста и отъ тебя требовали-бы такого-же кроткаго отношенія къ этимъ прогулкамъ и птичкамъ!

Эти слова заставляли его смѣяться. Онъ продолжалъ, такимъ образомъ, нѣсколько мѣсяцевъ вести довольно беззаботную жизнь;

какъ вдругъ два громовныхъ удара потрясли его съ головы до ногъ,—это были два успѣха, одинъ Ребюка, другой Бланшона.

Ребюкъ издалъ свои „Парижскіе впечатлѣнія“—рядъ сидзэтовъ, не лишенныхъ юмора и граціи. Въ нихъ фигурировалъ Октавъ, подъ именемъ Титанителло, и описаны были разныя забавныя сцены, происходившія между нимъ и авторомъ. Бланшонъ, послѣдній классикъ, поставилъ на театрѣ Одеона „Нерину“, римскую пьесу въ трехъ актахъ, хорошо веденную и написанную хорошимъ языкомъ, которая очень понравилась публикѣ.

Октавъ обреченъ былъ, въ теченіи трехъ дней, встрѣчать въ газетахъ имена этихъ наглецовъ, на ряду съ своими собственнымъ. Онъ узналъ себя также въ Титанителло, и страницы, посвященныя ему, какъ на зло, почти цѣликомъ приводились въ рецензіяхъ. Онъ нашелъ тутъ и „куколку архангела“, и свое триумфальное шествіе по бульварамъ, и голосъ, раздавшійся съ неба на углу улицы Ришелье, и „Ребюкъ въ своемъ правѣ“, и, наконецъ, сцену на лѣстницѣ театра „Водевиль“.

Это было ужасно. Къ счастью, въ минуту этого чтенія, Маргариты не было дома. Онъ пришелъ въ ярость; разорвалъ всѣ газеты и сломалъ стулъ.

Что было дѣлать? Дать Ребюку пощечину и, слѣдовательно, узнать себя въ Титанителло? Но если онъ только не убьетъ этого подлеца, то сдѣлается предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Это будетъ скандалъ на весь Парижъ, на всю Францію! „Я потратилъ даромъ пропасть времени, сказалъ онъ себѣ потомъ,—книга моя должна-бы теперь быть готова... и эти двѣ вонючія плашки потонули-бы въ ея блескѣ!“ И онъ лихорадочно схватился за перо, чтобъ наверстать потерянное время. Онъ, подобно Дольсиня, писалъ теперь по 500 строкъ въ день. И ни малѣйшаго камешка не встрѣчала на пути своемъ его мысль! Перо скользило, скользило по бумагѣ безостановочно. Это былъ настоящій творческій жаръ; высшее умственное возбужденіе, почти неожиданное, и въ которомъ отрывался новый Шанлоэръ, еще болѣе гениальный—уже вполне олимпийскій. Книгу! Книгу! Скорѣ книгу! На этотъ разъ она должна задавить всю современную литературу!

Однажды утромъ, окончивъ эпизодъ, гдѣ императоръ является въ своимъ юнымъ родственникамъ, интереснымъ самоубійцамъ, готовымъ испустить послѣдній вздохъ—онъ, довольный собой, на

минуту положилъ въ сторону перо, чтобъ отдохнуть, и позвалъ Маргариту. Ему нужно было излить свою душу.

Она пришла. Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, лаская, давая ей нѣжныя, уменьшительныя имена.

— Ты у меня похожа на бѣлаго котѣночка! сказалъ онъ ей.

— Какой ты сегодня милый, добрый... произнесла Маргарита.

— Ты такая хорошенькая! Я чувствую себя счастливымъ.

— Потому-что я хорошенькая?

— Да; и еще потому, что я работаю.

— А!

— Мой романъ почти оконченъ.

Онъ взялъ со стола нѣсколько листовъ и съ заискивающей улыбкой сказалъ:

— Хотя ты еще только вполонину заслуживаешь этого... но я прочту тебѣ отрывокъ... Хочешь? Ты, вѣроятно, уже прониклась нѣсколько окружающей атмосферой?

Его жгла въ эту минуту жажда хоть малѣйшаго одобренія. На лицѣ Маргариты выразилось боязливое удивленіе. Онъ засмѣялся и сталъ излагать ей сюжетъ, что нѣсколько приободрило ее.

— Какъ! вскричала она, увлекаемая своей природной живостью. Какъ! Они молоды, богаты, красивы, свободны, здоровы, любятъ другъ друга и лишаютъ себя жизни! Это невозможно.

Взглядъ, брошенный на нее Октавомъ, заставилъ ее вдругъ оборвать свою рѣчь. Она покраснѣла и прошептала: — Господи Боже мой... Я всегда такъ...

Она пыталась взять его руку, но онъ отвернулся и, положивъ на мѣсто листки, сталъ холодно говорить о дождѣ, начинавшемъ стучать въ окна. Дождь лилъ около четверти часа; онъ лилъ и по щекамъ Маргариты, которая повернула свой стулъ къ богу Марсу, какъ-бы думая, что этотъ шраморъ будетъ чувствительнѣе къ ея слезамъ.

Первый фельетонъ „Жертвъ“ (такъ былъ озаглавленъ новый романъ) появился въ „Звѣздѣ“, наканунѣ трехмѣсячной подписки. Романъ ожидали. Объявленія, напечатанныя громадными буквами въ газетѣ, и желтыя, золотистыя афиши, наклеенныя на всѣхъ парижскихъ стѣнахъ, возвѣщали о немъ въ теченіи двухъ недѣль. Капаръ зналъ свое дѣло.

„Мы не останавливались ни передъ какими издержками, гласили

объявленія, — для того, чтобы приобрести произведение, которому, вѣроятно, суждено будетъ произвести эпоху въ современной литературѣ. Жгучій интересъ содержанія, въ соединеніи съ реальностью типовъ и шириной захвата, равно какъ и достоинства языка, которыхъ уже никто не оспариваетъ, все общаетъ ему успѣхъ еще большій, нежели успѣхъ „Миранды“ этого высокоталантливаго произведенія г. Октава де-Шанловѣра“.

Четыре газеты дружески возвѣстили о „давно ожидаемомъ“ появленіи „Жертвъ“. На вторичномъ обѣдѣ, предшествовавшемъ фельетону, собралось двадцать-пять собесѣдниковъ, жаждавшихъ услышать что-нибудь новое и главное — хорошо пообѣдать.

Пообѣдали плотно, но новаго ничего не услышали. Октавъ, улыбаясь, сказалъ лишь нѣсколько словъ о сюжетѣ и долго распространялся о философіи своего произведенія. Ему нравилось всеобщее ожиданіе. „Жертвы“! говорили себѣ гости — хорошее заглавіе! Но о чемъ тутъ идетъ рѣчь? Въ объявленіяхъ сказано: „животрепещущая современность“. Но кто именно эти „жертвы“? Попы? Монархи? Женщины? Какимъ еще скандаломъ угостить публику этотъ молодой человѣкъ „безъ страха и стыда“, который можетъ, такимъ образомъ, въ два скачка очутиться на небѣ! И вѣдь какъ спокоенъ! Конде накануне битвы при Рокруа!

По выходѣ изъ-за стола, г-жа Дольсинна нагнулась къ уху Маргариты и потомъ подставила ей свое, чтобы услышать тайну. Маргарита, вся погруженная въ воспоминаніе о своемъ неудачномъ сужденіи о романѣ, ничего не отвѣтила.

— И она ничего не знаетъ! Это открытіе стоитъ самой тайны! смѣясь, говорила г-жа Дольсинна нѣсколькимъ лицамъ, сгруппировавшимся около нея.

На нѣкоторыхъ лицахъ выражалось безпокойство людей, которые, тѣсясь на маленькомъ пространствѣ, передъ геркулесомъ, боятся, чтобы его могучія легкія не втянули въ себя весь скудный запасъ воздуха, предназначеннаго для всѣхъ. Дольсинна, казалось, уже задыхался. Онъ въ волненіи слонялся туда и сюда, съ разинутымъ ртомъ, не говоря ни слова.

— Послѣ второго успѣха, сказалъ Бансъ своей женѣ, — сюда будутъ допускаться только кавалеры почетнаго легіона, — счастливицы, могущіе обѣдать каждый день у себя дома!

ГЛАВА XI.

Въ день появленія десятаго фельетона „Жертвъ“ издатель „Звѣзды“, вытребовавъ къ себѣ Октава, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— Баста! любезнѣйшій. Не везетъ! Паденіе полнѣйшее. И когда романистъ раскрылъ-было ротъ, чтобы возразить, — продолжалъ: теперь ужъ нечего ждать! Судьба романа рѣшена послѣ третьяго фельетона, вы это очень хорошо знаете сами, — въ день появленія романа, прибыло 14,000 лишнихъ покупателей. Послѣ четвертаго фельетона всѣ они улетучились. Въ послѣдній мѣсяцъ убыло 200 подписчиковъ. Хотите, я вамъ скажу всю правду о вашихъ „Жертвахъ“? Они отзываются слишкомъ спѣшной работой. Вы словно заказывали ее арестантамъ въ тюрьмахъ. Если это будетъ такъ продолжаться, то гг. нынѣшніе писатели дойдутъ до того, что станутъ извергать по два романа въ сутки, одинъ — ложась спать, другой — вставая съ постели. Нечистоплотно! И потомъ, это черезчуръ мрачно. Почему эти молодые любовники такіе красивые, такіе богатые, такъ тоскуютъ съ первой же страницы? — Издатель разохотался. — Развѣ они обѣщали по восьми су за строчку романисту, написавшему неудачную вещь и потратили 2,257 франковъ на объявленія, которыми испестрили всѣ стѣны? Правда, тамъ выведенъ императоръ... это такъ... это, конечно, было-бы хорошо, если-бъ императоръ ужъ разъ не сослужилъ службы...

Капаръ величественно откинулся на спинку кресла, для того, чтобы придать своей особѣ болѣе важности, какъ это подобаетъ редактору, передъ такимъ писателемъ.

— Я не прерывалъ васъ, отвѣчалъ очень сухо Октавъ; но вы, кажется, позабыли, что сами читали романъ...

— О, весьма поверхностно... больше глазами вѣры...

— И что, безъ сомнѣнія, качественная сторона вашихъ покупателей...

— Какъ, — качественная сторона моихъ покупателей! Но покупатели, которые платятъ деньги, никогда не бываютъ дурного качества. Кому-же какъ не имъ обязана своимъ успѣхомъ ваша первая книга! — Капаръ схватилъ себя за голову обѣими руками. —

Восемь су строчка! воскликнулъ онъ, 40 сантимовъ! Гдѣ у меня былъ умъ? Я,—я, могъ дать 40 сантимовъ! Это неслыханно... Утопленъ!.. Пошелъ ко дву!—И, сдѣлавъ энергическое движеніе головой, какъ-бы для того, чтобы вынырнуть изъ воды, прибавилъ:—я вынужденъ прекратить печатаніе романа...

— Вы осмѣлитесь? вскричалъ Октавъ, привскочивъ на своемъ стулѣ. Лицо его покрылось смертельной блѣдностью.

— Мнѣ не выпутаться—если я даже дамъ по одному су за строчку.

Его маленькіе сѣрые глазки, искоса поглядывая на Октава, ожидали отвѣта.

Романистъ всталъ, надѣлъ шляпу и направился къ двери. На порогѣ онъ остановился и произнесъ высокогѣрнымъ тономъ:

— Можете оставить у себя ваши деньги...

А черезъ часъ онъ долженъ былъ обѣдать у Дольсинна, гдѣ его ждали! Какъ показаться туда?.. Онъ шелъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ; колѣна его подгибались, въ ушахъ звенѣло. Какъ вдругъ, при поворотѣ въ улицу Фобуръ-Монмартръ, онъ встрѣтился съ Дольсинна, который, протягивая ему обѣ руки, воскликнулъ:

— Отъ души поздравляю... начинается превосходно! Мощная антитеза! Характеры мастерски намѣчены... Языкъ отличный. Если слѣдующіе фельетоны будутъ такіе-же, „Миранда“ превзойдена!

Хотя Октавъ наизусть зналъ своего Дольсинна, но тѣмъ не менѣе нѣжно пожалъ ему руки и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Они вѣстѣ зашли за г-жей Шанлозѣръ и бтправились обѣдать. Обѣдъ былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ.

Собесѣдники, все собратья по ремеслу, внимательно прочли „Звѣзду“ и еще наканунѣ, на другомъ обѣдѣ, у Ребюка, праздновали паденіе... Ликованіе было неописанное. Предлагались самыя восторженныя тосты за небесное и земное правосудіе. Въ настоящую минуту они читали всю рѣчь Капара, отъ слова до слова, на лицѣ Октава, дѣлавшаго надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы казаться спокойнымъ, и одна только г-жа Кансъ, добрѣйшая душа, повидимому, страдала. Она, какъ-бы нарочно скрылась за своими англійскими буклями, болѣе чѣмъ когда-либо растрепанными, для того, чтобы онѣ мѣшали глазамъ ея упражняться въ такомъ-же чтеніи, и только посматривала по временамъ на Маргариту. Бѣдняжка еще лучше чѣмъ кто-либо, читавшая рѣчь Капара, находилась въ



какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Когда она попробовала было засмѣяться одной забавной остротѣ Шебассю, — въ первый разъ серебряннѣйшій смѣхъ ея зазвучалъ фальшиво. Боже мой! думалось ей, что выйдетъ изъ этого паденія, при такомъ страшномъ самолюбіи!

По возвращеніи отъ Дольсинна, Октавъ, съ которымъ она избѣгала говорить объ этомъ несчастіи, сказалъ ей рѣзко:

— Противъ меня ведется подлая интрига. За успѣхъ первой книги всегда суждено бываетъ расплачиваться при второй, когда еще вдобавокъ, эта нелѣпая публика требуетъ, чтобъ ей достали съ неба луну. Она и получить ее, когда романъ мой появится въ отдѣльномъ изданіи. Онъ не рѣжется на куски, какъ дыня.

Издатель Миссоль отправилъ романъ въ типографію. Октавъ, предварительно перечитавъ его, горько смѣялся надъ глупостью публики. Съ тѣмъ-же смѣхомъ перечиталъ онъ его въ корректуру, и тамъ и сямъ сдѣлалъ самыя незначительныя поправки. Все остальное оказалось безукоризненно.

Наконецъ „Жертвы“ появились въ свѣтломъ, палевомъ одѣяніи, съ именемъ Октава-де-Шанлозѣра, напечатаннымъ красными буквами.

„Убійца дважды росписался въ своемъ преступленіи, — писалъ двѣ недѣли спустя, Ребюкъ, въ юмористическомъ листкѣ „Tip-tataagge“, который первый упомянулъ объ этомъ гениальномъ произведеніи. Правосудіе должно совершиться! Мы указываемъ на г. Октава-де-Шанлозѣра прокуратурѣ города Пуатье какъ на виновнаго въ томъ, что онъ: 1) подстрекалъ нѣсколько времени тому назадъ одно лицо къ убійству академика этого города, г-на Рокезоля, желая занять его мѣсто... Онъ не займетъ этого мѣста! и 2) умирилъ двухъ любовниковъ, страстно желавшихъ жить и увидѣть смерть своего романиста.

Вся статья была написана въ этомъ тонѣ. Подъ ней красовалась подпись: „Ребюкъ въ своемъ правѣ“. Что касается до большихъ газетъ, то нѣкоторыя ограничились перепечаткой издательской рекламы; другія сдѣлали хуже; они назвали романъ „ошибкой молодого писателя, который, безъ сомнѣнія, не замедлитъ ее искупить новымъ талантливимъ произведеніемъ“.

Между вторичными посѣтителями, Дольсинна — написалъ такую хвалебную статью, что Октавъ почти остался доволенъ. Кансъ, который велъ библиографію въ „Знамени“ и двое другихъ — остались

вѣрны привычекъ и гостепріимству, но не особенно шумѣли... Самоуваженіе Октава оскорбило слишкомъ многихъ.

— Когда-же напишетъ Редоле? спросилъ однажды Октавъ съ трепетомъ, Шебассю, секретаря великаго критика.

— Сходите къ Редоле и поговорите съ нимъ... отвѣчалъ Шебассю.

Октавъ отправился и встрѣтилъ весьма сухой пріемъ. Заговоръ былъ очевиденъ. Въ этомъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія.

„Жертвы“, между тѣмъ, продавались. Извѣстное число читателей „Миранды“, люди, благодарные за удовольствіе, доставленное имъ этой книгой, шли на приманку имени, руководствуясь одними издательскими объявленіями... 1,500 экземпляровъ, раздѣленныхъ на три изданія, разошлись; и Миссольт, хотя безъ особеннаго рвенія, какъ человекъ опытный и расчетливый,—принялся печатать три новыя изданія. Въ этотъ день Октавъ былъ на седьмомъ небѣ; воображеніе его такъ разыгралось, что онъ уже видѣлъ себя отомщеннымъ за выходки Ребюка, за холодность Редоле и за всѣ интриги завистниковъ. Въ длинныхъ объявленіяхъ, сопровождавшихъ каждое изданіе—онъ самъ звонилъ о себѣ съ яростью; но, несмотря на это, книга дальше пятаго изданія не пошла. Всего было продано 2,500 экземпляровъ. Миссольт объявилъ, что это уже крайній предѣлъ, и что развѣ какое-нибудь новое произведеніе автора, которое своимъ колоссальнымъ успѣхомъ уничтожитъ всѣхъ скептиковъ, можетъ дать ходъ непроданнымъ экземплярамъ; а до того времени—ихъ придется положить въ кладовую...

— Это новое произведеніе уже вполнину написано, отвѣчалъ желчно романистъ, поднявъ голову. Идея способна разбить каменный лобъ человѣческой глупости. Это великая борьба разума съ громаднымъ скотскимъ стадомъ.

Онъ дѣйствительно принялся за третій романъ: „Даніель Роза“. Герою его былъ музыкантъ, гений, пренебрегаемый публикой, своими друзьями, своей семьей и даже своей любовницей. Несмотря на всеобщее равнодушіе, онъ, однако-же, до самой смерти своей не перестаетъ создавать гениальныя вещи, — и умираетъ 35 лѣтъ, оплаканный всѣмъ народомъ, устраивающимъ ему царскіе похороны... Даніель Роза—это былъ онъ самъ, авторъ произведе-

деній, которыя рано или поздно должны были восторжествовать, потому-что художникъ положилъ въ нихъ всю свою душу.

Въ четыре мѣсяца романъ былъ готовъ.

— Вотъ моя книга! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, принеся рукопись къ Миссолу, который взялъ ее и взвѣсилъ на рукѣ съ видомъ опасенія, смѣшаннаго съ надеждой. — Я не рѣшался дробить ее на фельетоны. Книга—то-же самое, что картина; художникъ не показывается ее по частямъ, взоръ долженъ обнять ее всю, въ цѣломъ.

Онъ не хотѣлъ ни идти снова къ Капару, ни предлагать свое произведеніе другому редактору, спѣша какъ можно скорѣй возстановить свою славу. Притомъ-же онъ приписывалъ фельетону мистическое вліаніе на судьбу своихъ „Жертвъ“. Миссолу, котораго онъ торопиль, попытался было сдѣлать нѣсколько возраженій, ссылаясь на условія, заключенныя съ другими писателями, но долженъ былъ уступить передъ массой авторскихъ доводовъ, посыпавшихся на него градомъ. Увѣренность, съ которой говорилъ Октавъ, о превосходствѣ своего новаго романа надъ „Мирандой“, о колоссальномъ успѣхѣ его ожидающемъ, о томъ, что Миссолу необходимо скорѣй одержать какую-нибудь новую, блистательную побѣду надъ другими фирмами, конкурирующими съ нимъ, и спустить въ то-же время лежавшіе въ кладовой экземпляры „Жертвъ“, — поколебала книгопродавца. Надо всегда говорить своему издателю съ твердостью и апломбомъ: „я написалъ геніальную вещь“, и можете быть увѣрены, что останетесь въ выигрышѣ.

Рукопись была отправлена въ типографію, куда три дня спустя явился Октавъ и, увидавъ, что до свертка его еще не дотрогивались, сдѣлалъ фактору ужасную сцену. Наборщики должны были немедленно приняться за работу, подъ его повелительнымъ взоромъ.

Между тѣмъ, вторичные обѣды шли своимъ чередомъ. Онъ присутствовалъ на нихъ съ лицомъ, выразившимъ отчасти глубокое сожалѣніе о глупости публики, отчасти непоколебимую вѣру въ близость своей побѣды. — Онъ смѣялся, говорилъ, былъ гораздо сообщительнѣе, чѣмъ прежде. Веселость его была такъ шумна, что казалась даже наглою; и собесѣдники опять начинали его побаиваться. Г-жа Дольсинна еще разъ потихоньку освѣдомилась у Маргариты, что онъ работаетъ? Но ей извѣстны были

только слезы и смѣхъ романиста передъ своей чернильницей; притомъ же она положительно отказывалась заглядывать впредь въ эту литературу, очевидно, превосходившую ее крошечное пониманье, и потому отвѣтила только, „что книга должна выйти завтра“.

— Вы, однако-же, тверже меня, сказала обиженная г-жа Дольфина... Я-бы, въ подобномъ случаѣ—ужь непремѣнно все выпытала у своего мужа...

Книга появилась. Октавъ, до сихъ поръ висѣвшій между небомъ и землей, шлепнулся и растянулся во всю свою длину. Объявленія книгопродавцевъ, рекламы самого автора, статьи благодарныхъ гостей, обѣдавшихъ у него по вторникамъ, — ничто не помогло. Критики, занявшіеся романомъ, нашли его скучнымъ, и длиннымъ, исполненнымъ невѣроятныхъ претензій, вычурности и фальши. Ребекъ назвалъ его „похоронами седьмого разряда“. Въ два дни Миссольтъ продалъ 450 экземпляровъ читателямъ, оставшимся вѣрными автору „Миранды“, и затѣмъ 14 экземпляровъ въ два мѣсяца. Это было окончательное паденіе.

Октавъ потерялъ аппетитъ и слово. Онъ заперся, и сухо, съ недоувѣрчивымъ видомъ, относился къ предупредительному вниманію жены... Трепещущая, истощившая всѣ ласки и утѣшенія, она наконецъ, предложила поѣхать въ деревню, или въ Тарасконъ;— такъ-какъ весна уже приближалась.

— Я не поѣду въ Тарасконъ, сказалъ онъ, раздраженный мыслью, что его хотятъ поюзать униженнымъ и побѣжденнымъ городу, куда онъ могъ явиться только торжествующимъ.

Онъ искоса посмотрѣлъ на Маргариту. Она первая сказала по поводу „Жертвъ“ то, что потомъ не разъ повторяли критики: „Два существа молодыя, свободныя, богатныя, любящія другъ друга, не лишать себя жизни“.

— Я ихъ убилъ! вскричалъ онъ, продолжая вслухъ свою мысль; и еще разъ убью! Высокая концепція, которую глаза этихъ кротовъ проглядѣли! Они не замѣтили солнца въ Даніелѣ Роза, потому-что оно слишкомъ высоко.

Но, однако-же, нѣсколько дней спустя послѣ удивившаго его предложенія поѣхать въ Тарасконъ, онъ сказалъ женѣ:

— Мы поѣдемъ въ деревню.

Онъ только-что возвратился отъ Ротшильда съ послѣдними

остатками своего состоянія. У него оставалось теперь ни больше, ни меньше какъ 12,000 франковъ. 138 тысячъ франковъ были прожиты въ три года безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не считая пяти тысячъ, вырученныхъ за „Миранду“,—а не 50, какъ это думали въ Провансѣ.

Нужно было сжаться, сократить расходы и, главное, покинуть бульвары, Парижъ, сдѣлавшійся для него теперь адомъ.

— Мы поѣдемъ на островъ Круасси, сказалъ онъ.—Я нашелъ тамъ довольно порядочный домикъ. Собирайся.

Онъ временно отпустилъ прислугу, которая выражала ему свое искреннее соболѣзнованіе, что должна покинуть „такихъ прекрасныхъ господъ“, хотя-бы даже только на мѣсяць. М-мъ Олимпія ушла съ мокрыми глазами и полными карманами.

ГЛАВА XII.

Дача въ Круасси на берегу рѣки была въ три этажа, совсѣмъ новая и довольно большая. Домовладѣлецъ только-что отстроилъ ее, но долженъ былъ отправиться въ Монако для поправленія разстроеннаго здоровья дочери. Онъ заперъ этажъ, составляющій его квартиру, и предоставилъ литератору остальное и, между прочимъ, большую каменную терассу, съ которой открывался веселый видъ на Сену и на зеленѣющія уже возвышенности Марли и Вуживаля; позади дома былъ огромный садъ, казавшійся безконечнымъ, благодаря высокимъ деревьямъ и вьющимся растеніямъ, которыя совершенно скрывали стѣну. Въ нижній этажъ вело крыльцо въ четыре ступеньки, окруженное кустами миниатюрныхъ розъ; этажъ этотъ состоялъ изъ столовой, гостиной и кабинета, которые длиннымъ корридормъ отдѣлялись отъ кухни. Здѣсь поселилась простая крестьянка, менѣе ученая, нежели М-ше Олимпія. Въ верхнемъ этажѣ было три комнаты, выходящія на терассу.

Конецъ марта былъ чудесный; и въ этомъ прелестномъ уединеніи, вдали отъ издателей и товарищей, какъ-будто немного спокойствія сошло въ душу Октава.

Въ обществѣ Маргариты онъ посѣтилъ свой островъ, потомъ, перейдя мостъ, углубился въ изящныя поэтическія рощи Люсьенъ

и Марли, гдѣ уже въ теплотѣ воздуха деревья мало-по-малу одѣвались въ свое лѣтнее одѣяніе.

Тамъ они ни слова не говорили ни о Парижѣ, ни о книгѣ;— все только равнодушныя замѣчанія о красотѣ мѣстности, о людяхъ и собакахъ, которые попадались навстрѣчу.

Когда первая прелесть этихъ впечатлѣній прошла для него, онъ замѣтилъ, что она все еще продолжаетъ дѣйствовать на Маргариту. Къ этой молодой, какъ весенніе листья, душѣ снова возвратилась ея природная веселость, ея остроуміе. Раскрывшійся цвѣтокъ, лопающаяся почка—она всему радовалась, какъ ребенокъ, она даже стала пѣть.

Это его омрачило. Какъ она легко отвлекается отъ него!

Однажды утромъ, во время прогулки, когда на всемъ лицѣ Маргариты выражалась радость жизни, онъ заставилъ ее зайти въ Буживальскую церковь и тамъ указалъ ей на нѣсколькихъ бѣдныхъ женщинъ, набожно колѣнопреклоненныхъ, съ четками въ рукахъ.

— Смотри, сказалъ онъ; онѣ сосредоточены; онѣ любятъ. Любовь—это вѣра, обожаніе, колѣнопреклоненіе.

Не дожидаясь отвѣта, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ алтарю.

— Конечно, шепталъ онъ, она меня любила. А теперь—любить-ли она? Можетъ-ли она еще любить меня? Любовь въ сердцѣ женщины можетъ-ли еще жить послѣ проигранной ея героиней битвы? Она никогда меня не понимала и я чувствую, что она живетъ внѣ меня.—Онъ содрогнулся отъ этой мысли, невыносимой для многихъ избалованныхъ людей, жестокихъ эгоистовъ, которые способны представляться больными, чтобы держать у ногъ своихъ, всецѣло занимать собой тѣхъ, кто ихъ любитъ и кого они убиваютъ.

Выйдя изъ церкви, онъ повернулъ въ маленькую улицу, ведущую къ садамъ, которые онъ будто-бы хотѣлъ показать ей. Мѣсто было пустынное, Октавъ остановился и оглянулся, между тѣмъ какъ она задумчиво шла впередъ, немного опечаленная. Онъ поспѣшно догналъ ее.

— О чемъ ты думаешь?—И, схвативъ ее въ свои объятія, сказалъ: Ты вѣдь любишь меня? скажи, любишь?

Онъ почти душилъ ее. Она вся трепещущая шептала:

— Люблю.

— Такъ не покидай меня! Не покидай! Слѣди за мною... день и ночь, слышишь? Такъ надо!.. Ты помнишь... то утро, когда я просилъ тебя беречь меня? Ну такъ береги-же!

Онъ говорилъ, какъ въ бреду, разбитнымъ голосомъ, съ потеряннымъ взоромъ.

— Боже мой! вскричала она съ ужасомъ, — что съ тобой? Что ты такое говоришь? Вѣдь я съ тобой! Съ тобой! Покинуть тебя? Да развѣ я могу подумать о томъ, чтобы расстаться съ тобой? Не пугай меня такъ.

Она вся дрожала, прижавшись къ нему: — слѣдить за тобой день и ночь? Беречь тебя? Отъ чего? Говори.

Онъ провелъ руками по лбу, какъ-бы стараясь отогнать докучливую мысль и мало-по-малу лицо его снова приняло свое обычное выраженіе, между-тѣмъ какъ Маргарита заливалась слезами.

Тогда онъ сталъ ее тихонько успокаивать, пока они не вернулись въ Круасси.

Затѣмъ послѣдовала цѣлая дождливая недѣля. Октавъ сѣлъ за свой рабочій столъ и рисовалъ на клочкахъ бумаги очерки пейзажей, или писалъ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ:

„Мышленіе удовлетворяетъ мужчину. Безпокойство, страхъ за недостаткомъ любви, должны наполнять душу женщины. Мы властвуемъ надъ ней только благодаря одному изъ этихъ чувствъ“.

Видя его за работой, Маргарита радовалась: онъ работаетъ! вѣрно пишетъ новый романъ! Работа успокоитъ его! Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней она опять обрѣла свою живость и веселость жаворонка.

Онъ слышалъ какъ она разъ, послѣ обѣда, напѣвала провансальскую пѣсенку въ саду, любуясь цвѣтами. Онъ немедленно позвалъ ее.

— Зачѣмъ ты ходишь такъ, когда вѣтрено? Ты съ ума сошла! Какая неосторожность.

Въ ту-же ночь, послѣ того, какъ она уже два часа проспала крѣпкимъ сномъ, она вдругъ проснулась отъ сильнаго шума; вѣтеръ такъ и гудѣлъ по комнатамъ.

— Октавъ! сказала она. — Окно открыто.

Но Октава не было около нея. Она стала звать, вскочила съ постели и побѣжала къ окну.

Онъ стоялъ, страшно перегнувшись черезъ перила балкона, освѣ-

ценный неопредѣленнымъ свѣтомъ туманной луны. Съ крикомъ она бросилась къ нему, схватила и оттащила его безъ сопротивленія; потомъ закрыла окно.

— Чего ты такъ испугалась? сказалъ онъ.— Я слушалъ бурю и хотѣлъ запечатлѣть въ памяти стонъ вѣтра на островѣ.

Дрожа отъ страха, она всматривалась въ него при свѣтѣ зажженной ею свѣчи. Онъ легъ и съ оживленіемъ сталъ говорить безъ всякой связи о разныхъ предметахъ: о чудной мелодіи бури, о радости передавать ее, о преслѣдующихъ его планахъ романа и о своихъ предкахъ; наконецъ, онъ разсказалъ ей, что прадѣдъ его Жюль-де-Шанлозёръ, адъютантъ короля, разможилъ себя голову, бросившись со второго этажа, о такое-же крыльцо какъ у нихъ внизу и въ такую-же грозную ночь. Онъ самъ въ дѣтствѣ жилъ въ этомъ мѣстѣ, въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Ренна.

— Сейчасъ, продолжалъ онъ,— я не могъ спать. Буря наполнила мнѣ этого прадѣда, такъ живо, что я открылъ окно, и мнѣ казалось, что я сейчасъ увижу эту картину... Но вѣдь это только фантазія — не безпокойся!

— Какъ не безпокойтcя! Завтра-же, рѣшительно сказала Маргарита, — мы вернемся въ улицу Моисе; — тамъ нѣтъ ни крыльца, ни второго этажа!

Октавъ еще разъ принялся успокаивать ее: онъ чувствовал отвращеніе къ физическому безобразію и никогда не выбралъ-бы себѣ родъ смерти, могущій его изуродовать.

— А какой-же родъ смерти ты-бы выбралъ?

— Мало-ли какія есть средства, чтобы умереть, когда жпть надоѣсть отвѣчалъ онъ: — рѣка, пистолетная пуля въ сердце, ядъ...

— А, ядъ! вскричала она... тотъ ядъ, который у тебя былъ...

— У меня его больше нѣтъ. Ты говоришь объ индійскомъ ядѣ, неправда-ли? о томъ, который одинъ раджа, проѣзжавшій черезъ Парижъ, подарилъ мнѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, въ маленькомъ хрустальномъ флаконѣ съ золотой пробкой, походившемъ на изящную игрушку.

— И который вырвали у тебя изъ руки въ Тарасконѣ!

— Да! страшный ядъ, одной капли его довольно, чтобы умереть разомъ.

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

— Гдѣ? Въ глубинѣ Средиземнаго моря виѣстѣ съ волнами Роны,

въ которыя я бросилъ его нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы, какъ топтать мрачную мысль въ счастливой любви... Ты этого не знала? Я тебѣ, однако, говорилъ объ этомъ.

Да, онъ сказалъ, что флаконъ не существуетъ, но онъ въ первый разъ говорилъ о волнахъ Роны и о Средиземномъ морѣ.

— Ты лжешь, вскричала Маргарита, со страхомъ сжимая его руки, — вѣдь ты разбилъ его о камень; онъ у тебя, дай мнѣ его!

Онъ съ улыбкой покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ? — Такъ ты хочешь, чтобы я умерла отъ страха, отъ безпокойства передъ твоими мрачными мыслями? Развѣ ты не чувствуешь, что это жестоко, что ты меня убиваешь?

Онъ продолжалъ улыбаться:

— Ей — умереть? О, нѣтъ она, напротивъ, должна жить для него и быть спокойной; право, у него нѣтъ больше флакона.

Она отвѣчала послѣ продолжительнаго молчанія.

— Пиши другую книгу; примись серьезно за работу; тебѣ это необходимо. Съ перомъ въ рукахъ ты кажешься такимъ счастливымъ.

— Я напишу; но зависть снова меня погубить.

— Будь сильнѣе зависти.

Онъ съ силой поднялъ руки къ небу:

— Несчастная! Хочешь, чтобы я писалъ, а сама не вѣришь въ меня!

— Я тебя люблю!

— Не понимаю?

— Я люблю тебя!

— Правда?

Въ порывѣ любви, уничтожающимъ всякое сомнѣнiе, она бросилась въ его объятія.

На другой день онъ опять сѣлъ за столъ передъ своей прекрасной бумагой и букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ, поставленныхъ на его столъ уже съ утра. Онъ провелъ цѣлые часы, вертя перо въ рукахъ и ни разу не обмалкувъ его въ чернила.

Не то, чтобы онъ сомнѣвался въ себѣ, но какой сюжетъ, какой стиль, какой тонъ могутъ скорѣй возвратить ему двадцать-пять изданій перваго романа и потерянную славу? „Жертвы“ и „Даниель Роза“ по тону очень близко подходили къ „Мирандѣ“ и потерпѣли фiasco.

Онъ принялся перечитывать Бальзака, Флобера, Жоржъ Зандъ, Фелье и другихъ писателей, романтиковъ и натуралистовъ, отъ Виктора Гюго до Бреню. Однажды онъ поймалъ себя за „Парижскими впечатлѣніями“ Ребюка, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ Маргариты.

Въ началѣ мая, послѣ того какъ они уже болѣе мѣсяца прожили въ Круасси, онъ еще ничего не придумалъ, а рѣшился только съѣздить въ Парижъ вдохновиться бульваромъ и посѣтить отрывшуюся выставку художественныхъ произведеній. Матильда Лавомбъ должна была уже находиться въ Парижѣ; онъ зналъ объ этомъ изъ письма г-на Кастана.

„Любезный зять и почитаемый учитель, писалъ г. Кастанъ, — судя по слухамъ, доходящимъ до насъ изъ шумной столицы, мнѣ кажется, что газеты менѣе заняты были вашими произведеніемъ *Даниель Роза* нежели *Жертвами* и въ особенности *Мирандою*. Журналы слишекомъ много занимаются политикой, вещью, смѣю сказать, ничтожной въ сравненіи съ литературой. Что касается до меня, то *Даниель Роза* показался мнѣ дивнымъ отъ начала до конца; я горько плакалъ надъ печальною судьбой этого бѣднаго непонятаго человѣка. Вашъ талантъ, могущій обойтись безъ газетной похвалы, безъ сомнѣнія, готовить новый chef-d'oeuvre, котораго мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

„Я самъ, любезный зять, думаю напечатать другое произведеніе послѣ прелестной книжечки Лемьера. Но я принужденъ скрываться! Въ самыхъ таинственныхъ убѣжищахъ пишу я маленькія поэмы, вдохновленные любовью къ природѣ. На этотъ разъ я дамъ моему труду названіе: *Ласки*. Въ нихъ говорится о той нѣжности другъ къ другу, которую природа вложила въ сердца животныхъ. Это новое произведеніе, любезный зять и учитель, я пришлю вамъ и попрошу васъ передать г-ну Лемьеръ для напечатанія. И съ помощью Аполлона мы, можетъ быть, неостановимся на этомъ!

„Жена моя кажется спокойною; и чтобъ не разбудить въ ней спящаго звѣря, я избѣгаю даже играть на гитарѣ, такъ - какъ удовольствіе слѣдуетъ приносить въ жертву долгу. Я знаю, что мнѣ не надо просить Маргариту, которая всегда такъ мило защищала своего отца, чтобы она не говорила объ этомъ въ своихъ

письмахъ. Къ тому-же м-ше Кастанъ, въ настоящее время, немного нервна, страдаетъ сердцебіеніемъ, къ счастью, не особенно серьезнымъ, но которое тѣмъ не менѣе плохо располагаетъ ее къ литературѣ и внушаетъ ей мало довѣрія къ денежнымъ выгодамъ, доставляемымъ музами.

„Она часто повторяетъ мнѣ, что *Даниель Роза* даль, вѣроятно, еще менѣе, чѣмъ *Жертомы*. Я-же, въ отвѣтъ на это, напоминаю ей о пятидесяти тысячахъ франковъ, которые дала *Миранда*. Въ извѣстныхъ случаяхъ женщина есть вѣчное сомнѣніе.

„Я не сомнѣваюсь, несмотря на ея ворчанье и вполне убѣжденъ, что хотя вы и живете сообразно съ вашимъ литературнымъ положеніемъ, но, однако-жъ, предусмотрительно думаете о будущемъ и о счастіи моей дочери, самаго нѣжнаго, прелестнаго и добрѣйшаго созданія въ свѣтѣ. •

„Прижимаю къ сердцу мое дорогое дитя также какъ и васъ, любезный зять и дорогой учитель.

Жозефъ Кастанъ“.

PS. Въ слѣдующую среду г. Мосерфъ ѣдетъ въ Парижъ по дѣламъ. Тамъ онъ долженъ встрѣтиться со своей дочерью, которая пріѣдетъ туда изъ Руана. Вы ихъ увидите“.

Въ пятницу утромъ, Маргарита дѣйствительно получила слѣдующую записку отъ м-ше Лакомбъ.

„Дорогая Маргарита,

„Я со вчерашняго вечера нахожусь въ Парижѣ съ моимъ отцомъ. Въ улицѣ Монсе намъ дали вашъ адресъ въ Круасси. Вы уже на дачѣ! Мы завтра ждемъ васъ къ завтраку въ Hotel de Provence 178, улица Сентъ-Оноре. Капитанъ остался въ Руанѣ по случаю весеннихъ маневровъ. Приходи скорѣе обнять меня, какъ я тебя обнимаю, а не то мы будемъ вечеромъ у тебя.

„Наше глубочайшее почтеніе г-ну де-Шанлозёръ.

Матильда“.

— Вѣжливость требуетъ, чтобы мы пошли на этотъ завтракъ, сказалъ Октавъ, какъ-бы не замѣчая недовольнаго вида жены; потому мы поведемъ м-ше Лакомбъ и ея отца на выставку, которую я непременно долженъ видѣть.

Въ одиннадцать часовъ они уже были тамъ: Октавъ у г. Мосерфъ, уже совсѣмъ готоваго, а Маргарита у Матильды, которая одѣвалась.

Прежде чѣмъ поцѣловаться, обѣ пріятельницы обмѣнялись взглядомъ. Матильда, все такая-же свѣжая, круглая, какъ утка, съ рѣшительными манерами, казалось, очень развязалась среди военной жизни.

— Кстати, душа моя, сказала она, надѣвая платье, — отгадай, кого я встрѣтила вчера, выходя изъ улицы Монсе? Одно молодого человѣка, какъ кажется, знаменитаго, который только-что вышелъ изъ Ecole des Beaux-Arts, а уже выставляетъ. Смотри, вотъ на столѣ газета, въ которой говорятъ объ немъ. Кто-бы могъ подумать это въ Тарасконѣ? Да ты это должна знать, твой мужъ тебѣ вѣрно сказалъ.

— Мой мужъ не читаетъ газетъ на дачѣ, а я и вовсе ничего не читаю, отвѣчала Маргарита холодно.

— Онъ пишетъ?

— Да.

— Другую книгу? Ахъ, какъ хорошъ его *Даніэль Роза*! — Очень хорошъ! Еще успѣхъ, неправда-ли, и деньги, 50,000 франковъ, кажется?

Маргарита, не зная что сказать, и видя, что она, наконецъ, одѣта, отвѣчала:

— Ну, вотъ и ты готова, пойдешь къ твоему отцу; Октавъ можетъ тебѣ отвѣтить лучше меня...

Немедленно приступили къ завтраку въ маленькой гостиной, около комнаты г. Мосерфъ. Матильда своими голубыми глазами поглядывала то на Октава, то на подругу и заговорила о книгѣ:

Она первая въ Руанѣ прочитала тотъ экземпляръ, который онъ прислалъ на имя капитана и начала было нѣсколько поздравительныхъ писемъ автору, которыя, однакожъ, остались у нея въ столѣ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшиться писать литератору. О, какая дивная вещь талантъ! *Даніэль Роза* заставилъ ее перечитать *Жертвы*. Что тамъ за чудное описаніе любви! Какъ надо было все это прочувствовать, чтобы выразить подобнымъ образомъ!.. А характеры! Въ особенности графъ и графиня!

Она приняла грустный видъ: — Несчастные любовники! они умерли — и это, разумѣется, означаетъ, что смерть лучше любви.

Октавъ положилъ вилку на столъ и слушалъ сначала съ удивленіемъ, потомъ съ восторгомъ.

Она опять заговорила о *Даніэль Роза* и о всѣхъ его красо-

тахъ: великолѣпныя описанія деревни и города, драматизмъ положеній и въ особенности слогъ—такой гладкій, пріятный, изящный,—такой слогъ, какимъ никто не пишетъ!

Мосерфъ въ восторгъ нагнулся къ Маргаритѣ своей грушевидной головой.

— Извини, сказалъ онъ,—я не читалъ; но я прочту—ты дай мнѣ книжку завтра въ Бруасси, когда мы приѣдемъ къ вамъ; я непременно прочту!

Она улыбнулась какой-то блѣдной улыбкой—возгласы Матильды казались ей такими фальшивыми—и потомъ обратилась къ Октаву.

Глаза его были влажны. Въ восторженномъ порывѣ онъ протянулъ руку капитаншѣ:

— Вотъ она, публика-то! воскликнулъ онъ,—искренняя, честная, безхитростная публика! Все остальное — гниль, зависть, глупость! Вы — интеллигентная женщина, понимающая искусство...

— Я только справедлива, отвѣчала она тѣмъ-же горячимъ тономъ;—но я понимаю зависти вашихъ собратьевъ. Капитанъ понимаетъ это такъ-же, какъ я.

Онъ пожалъ руку Матильды съ такимъ волненіемъ, что слезы выступили на глазахъ чувствительнаго Мосерфа.

— Порядочный доходецъ, должно-быть, принесла вамъ эта книга, сказалъ онъ.—Я ее прочту; клянусь Богомъ прочту, какъ только вы мнѣ ее дадите и какъ только дѣла позволятъ, прибавилъ онъ,—я вѣдь здѣсь по дѣламъ.

О *Даніэль Роза* говорили все остальное время завтрака. Октавъ прочиталъ изъ него нѣсколько отрывковъ. Онъ читалъ хорошо. Отецъ и дочь восторженно аплодировали.

Наконецъ, отправились на художественную выставку. Романистъ подъ-руку съ бѣкокуррой м-ше Лаконбъ, а Маргарита съ Мосерфомъ. Во второй залѣ толпа раздѣлила обѣ пары на довольно долгое время. Матильда рада была себя показать подъ-руку съ великимъ человѣкомъ и просила указывать ей на хорошія картины. Перехода отъ одной картины къ другой, она, какъ-бы вскользь и смотря куда-то вдаль, спросила его:

— Вы, по крайней мѣрѣ, счастливы?

Онъ отвѣчалъ ей долгимъ пожатіемъ руки.

— Я васъ женила, продолжала она, — и потому хочу, чтобы вы были счастливы.

Они нѣжно взглянули другъ на друга.

— Что за рѣдкая вещь — умъ! сказалъ онъ, помолчавъ. — Моя жена, при всѣхъ ея прекрасныхъ качествахъ, не имѣетъ ни тѣни литературнаго чутья. Это ужасно! Помните-ли вы тотъ вечеръ въ Тарасконѣ, когда г. Кастанъ объявилъ мнѣ, что дочери его не нравятся моя книга: *Объ языческомъ элементѣ въ искусствахъ христіанскихъ народовъ*.

— Еще-бы не помнить!

— Вѣдь онъ говорилъ правду. И Маргарита осталась все тѣмъ-же бѣднымъ умомъ; вы видѣли, какова она была за завтракомъ — нѣма, безучастна.

— Какъ! Она все еще не понимаетъ?

— Нѣтъ.

— Невѣроятно!.. Значить, какъ любовница *Даніэль Роза* — тесъ...

Она повернулась къ подругѣ, которая быстро шла къ нимъ, таща за собой Мосерфа.

— Идите, идите! Мы васъ ищемъ!

— Вотъ и нашли, отвѣчала Маргарита, немного запыхавшись. — Стали опять ходить по заламъ; но больше не разлучались.

— Ты видѣла хорошія картины въ тѣхъ залахъ? спросила Матильда подругу, которая не отходила отъ нея ни на шагъ.

— Да, есть очень хорошія вещи, свѣжія: лѣса, куда хотѣлось-бы пойти, и головки, которыя-бы хотѣлось встрѣтить.

Какъ-бы удивленная м-ше Лакюмбъ снисходительно улыбнулась; Октавъ ничего не слышалъ.

Черезъ два часа ходьбы, усталые они вышли на лѣстницу.

— А скульптура? спросила Матильда своего кавалера.

— Вотъ здѣсь.

На порогѣ большого, свѣтлаго сада, съ бѣлыми статуями, Маргарита вспомнила Поля, о которомъ такъ странно напоминала ей Матильда во второй разъ; но тотчасъ-же была отвлечена отъ этой мысли тѣмъ, что увидѣла.

Она съ удовольствіемъ глядѣла вокругъ, слѣдуя за мужемъ въ бововую аллею, гдѣ онъ остановился съ м-ше Лакюмбъ передъ одной статуей. Въ то-же время молодой человѣкъ, шедшій имъ

на встрѣчу, вдругъ остановился и поспѣшно скрылся за ближайшимъ пьедесталомъ. Передъ статуей, которую они разсматривали, лицо Маргариты внезапно просіяло. И съ обычной живостью своего ума, тотчасъ-же передавая полученное впечатлѣніе, она произнесла:

— А! какъ эта фигура трогательна!

Статуя представляла женщину съ лицомъ невинно-грустнымъ и съ устремленными вдаль глазами, какъ-бы слѣдящую за потеряннымъ идеаломъ; тѣло, очень молодое, подъ прозрачнымъ перловымъ отличалось изящною чистотою формъ. Матильда нагнулась и, показывая пальцемъ на подиумъ, сказала:

— Смотрите-ка, Поль Дюбуръ!

Но поднявъ голову, она увидѣла самого Поля Дюбуръ, который удалялся сіяющей и скрылся въ толпѣ. Маргарита тоже замѣтила его; мужчины стояли къ нему спиной.

— Огромныя ошибки, сказалъ Октавъ;—однако, еще не слишкомъ дурно.

Голосъ его дрожалъ, а Маргарита дрожала за свое восклицаніе, столь ужасное—столь наивно жестокое. Она взяла руку мужа, котораго Матильда оставила какъ-бы затѣмъ, чтобы посмотрѣть одинъ бюстъ съ пласивымъ выраженіемъ лица, которому она, словно въ утѣшеніе, послала всю злую веселость своего взгляда.

Было уже поздно. Октавъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ за-свѣтло возвратиться домой, на дачу, прибавивъ, что они завтра будутъ ожидать г. Мосерфъ и м-ше Лакомбъ въ Брюссели. Разстались съ какой-то недовкостью, которую старались замаскировать учтивостями.

Отъ вокзала Сенъ-Лазаръ до Брюссели—ни слова.

Маргарита пробовала-было, дрожа отъ страха, говорить за обѣдомъ; онъ пробормоталъ нѣсколько словъ и замолчалъ. Видя его суровое и молчаливое лицо, она рано ушла спать подъ предлогомъ усталости.

— Онъ правъ. Я ничего не могу сказать ему, говорила она себѣ въ смертельной тоскѣ,—что-бы не разбередило его ранн? Не понять его книгъ и сразу понять эту статую—да какъ-же это? Какая жестокая случайность! Онъ навѣрное очень огорченъ. Что со мной теперь будетъ? Она ломала себѣ руки:—А Матильда! Я даже не смѣю и говорить ему о Матильдѣ, отъ которой такъ и

дышать извѣной. Зачѣмъ она пріѣхала сюда, тогда-какъ мужъ ея остался въ Руанѣ? Зачѣмъ она въ гостинницѣ говорила мнѣ о Поля Дюбурѣ? Зачѣмъ она на выставкѣ остановилась передъ его статуей? Зачѣмъ они въ толпѣ потерялись на десять минутъ? О, Господи! Вотъ она дружба и любовь!

ГЛАВА XIII.

Октавъ смилостивился лишь на другой день при пріѣздѣ гостей. Послѣ обѣда отправились въ рошу Люсьенъ.

Бѣлокурая Матильда никогда не смотрѣла такъ невинно своими голубыми глазами, особенно когда она глядѣла на печальное лицо подруги, такъ-что послѣдняя невольно опять стала вѣрить въ дружбу и сама, наконецъ, какъ дитя улыбнулась этимъ глазамъ и свѣжей зелени деревьевъ, посреди которыхъ катился экипажъ.

— Какъ можетъ, говорила она себѣ, — у порочной совѣсти быть такое спокойствіе?

Они остановились передъ маленькимъ рестораномъ выпить молока, потомъ пошли пѣшкомъ за экипажемъ. Поднявшійся вѣтеръ относилъ голоса Матильды и Октава, которые мало-по-малу оставили довольно далеко за собой Маргариту и Мосерфа. Мосерфъ ходилъ съ трудомъ по причинѣ своего ревматизма, но онъ съ жаромъ рассказывалъ Маргаритѣ о дѣлѣ, для котораго онъ пріѣхалъ въ Парижъ: соединеніе двухъ страховыхъ обществъ, парижскаго съ южнымъ, — очень выгодное дѣло для него и жены, которой, къ несчастью, денежные обстоятельства ихъ не позволили пріѣхать съ нимъ въ Парижъ.

Въ то-же время Октавъ, играя тросточкой съ вѣтками и травой по дорогѣ и любезно разговаривая съ м-ше Лакомбъ, старался вывѣдать у нея что-нибудь о прошломъ Поля Дюбурѣ.

Она, съ своей стороны, улыбалась, рвала цвѣты и отрывисто рассказывала нѣкоторыя подробности о прогулкахъ Поля и Маргариты по берегу Роны... съ родителями! Онъ былъ влюбленъ въ м-ше Кастанъ но такъ робко! Октавъ это знаетъ, она говорила ему уже объ этомъ въ Тарасконѣ.

— Робость, которая, говорятъ, нравилась нѣкоторымъ.

Она усмѣхнулась.

— О комъ это вы говорите?.. Да! г-жа Кастанъ толковала тамъ что-то изъ зависти, изъ злости... Потомъ, помолчавъ:— Вы сами видѣли, что я ему не поклонилась даже вчера на выставкѣ.

— Такъ онъ былъ на выставкѣ?

— Около насъ и своей статуи. Я думала, что вы его видѣли.— Сохраняя свой невинный взглядъ, она смотрѣла, какъ лицо Октава покрывалось блѣдностью, потомъ нагнулась, чтобы нарвать еще цвѣтовъ и, связывая букетъ, спросила:

— Какъ вамъ понравилась эта статуя?

Она поднялась; ея отецъ, усталый, кричалъ кучеру, чтобъ тотъ остановился.

Они доѣхали до Круасси уже къ вечеру въ довольно скучномъ настроеніи. Обѣ женщины едва говорили.

Они еще раза два обѣдали вмѣстѣ; затѣмъ Мосерфъ, окончивъ свои дѣла, возвратился въ Тарасконъ, а m-lle Лакомбъ— въ Руанъ.

— Напишите намъ еще какой-нибудь chef-d'oeuvre, сказала она тихонько литератору на прощанье;—если-бы вы знали, какое наслажденіе доставляютъ мнѣ ваши книги. Я почти горжусь ими!

И такъ-какъ онъ слишкомъ горячо цѣловалъ ея руку, она отняла ее съ очень скромнымъ видомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, прощайте!

Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, Октавъ молчаливо ходилъ по саду, потомъ вдругъ остановился передъ Маргаритой, которая сидѣла съ работой подъ деревомъ, и спросилъ:

— Этогъ... Поль Дюбуръ... который ему годъ? Она подняла на него глаза.— Вы должны это знать, такъ-какъ вы провели съ нимъ дѣтство.

Она медленна отвѣтомъ.

— Онъ вѣдь васъ любилъ? продолжалъ онъ.

— Да... любилъ.

— А!

— Онъ мнѣ сказалъ это только тогда, когда всякая надежда была потеряна для него... ты явился и я тебя полюбила, ты это знаешь; зачѣмъ-же ты меня спрашиваешь?

Она говорила съ такой тоской, съ такой трогательной искренностью...

Онъ опять зашагалъ, и два раза обойдя садъ, опять остановился передъ ней.

— Вотъ уже недѣля, какъ мы были на выставкѣ, а вы все молчите! Этотъ человѣкъ былъ тамъ около своей статуи, слушая, восхищаясь вашимъ энтузіазмомъ... Онъ остановилъ жестомъ возраженіе:—не обвиняйте никого, я самъ видѣлъ его! и признайтесь, что я имѣю право спрашивать васъ.

Она встала и бросила работу на землю.

— Мой энтузіазмъ! Да развѣ-бы я могла, зная, что онъ тутъ, при немъ, при всѣхъ васъ... да нѣтъ, ты не имѣешь право меня допрашивать и говорить со мной такъ жестоко! Ты не видалъ Поля Дюбуръ, ты стоялъ спиной, — это злая Матильда тебѣ сказала...

— Я не имѣю привычки лгать! отрѣзалъ онъ, и мое слово стоитъ, я думаю, вашего. Вѣрно то, что вы не говорили мнѣ ни слова о присутствіи этого провансальскаго артиста на выставкѣ; вѣрно еще и то, что одобреніе, на которое такъ скупы здѣсь, щедро разливается въ другихъ мѣстахъ, и вашъ умъ, который вы мнѣ всегда представляли умомъ маленькаго ребенка, вдругъ дѣлается для другихъ умомъ весьма взрослой особы!

Она бросила на него горестный взглядъ и отвернулася; онъ говорилъ правду; преступленіе очевидно: она почувствовала эту статую, она разомъ поняла этотъ новый языкъ, а между тѣмъ, несмотря на свою любовь и на все свое желаніе, она никогда, никогда не могла понять ни *Языческаго элемента въ искусствѣ христіанскихъ народовъ*, ни *Миранды*, ни *Жертвы!* да онъ говорилъ правду и нечего ему было отвѣчать.

„Пропала моя жизнь!“ подумала она, глядя вслѣдъ удаляющемуся Октаву.

Онъ, съ своей стороны, страдалъ ужасно; онъ увидѣлъ въ произведеніи Поля Дюбуръ, несмотря на нѣкоторую неопытность, то высшее чувство, ту индивидуальность, которыя обличаютъ художника; онъ не могъ болѣе сомнѣваться, что сердце Маргариты потеряно для него. Почти всегда, — говорилъ онъ себѣ, — чувство порождаетъ сужденія, а у женщинъ и подавно это всегда такъ бываетъ; любовь у ней кончается вмѣстѣ съ успѣхомъ любимаго человѣка.

Такъ нѣтъ-же! Онъ не хочетъ этого! Она должна жить имъ

однимъ, надо, чтобы любовь или страхъ возбуждали ее ежеминутно. Волненіе душило его; онъ вышелъ въ поле. Среди полнѣйшаго уединенія онъ остановился и заплакалъ. Онъ плакалъ о своемъ талантѣ, до того измученномъ ударами зависти, что онъ не въ состояніи былъ даже придумать ни формы, ни плана своего четвертаго романа. Вдругъ онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться: въ воздухѣ носился гулъ, подобный бурѣ, и наполнялъ пространство: „Поль Дюбуръ! Ребюкъ! Ребюкъ! Поль Дюбуръ!“ слышалось ему такъ-же явственно какъ тогда, въ славные дни *Миранды*, когда онъ, идя по бульвару, слышалъ могучій крикъ Парижа: „Октавъ де-Шанлозёръ! Октавъ де-Шанлозёръ!“

Съ этого дня онъ опять сталъ ходить съ тѣмъ-же мрачнымъ лицомъ, съ какимъ пріѣхалъ на дачу. Онъ избѣгалъ объясненій и снова бѣдная Маргарита не спала ночей, просыпаясь при малѣйшемъ шумѣ, сторожа взглядомъ окно, у котораго она застала его ночью, нагнувшись надъ балкономъ: съ такого-же вѣдь балкона и на такомъ-же крыльцѣ предокъ его, Жюль де-Шанлозёръ, разможжилъ себѣ голову. О, Боже мой!

Однако, окно не открывалось; Октавъ какъ-будто смягчился и взялся даже за перо. Она вздохнула свободнѣе и ожила немого.

Однажды, утромъ въ саду, на солнышнѣ, она кормила птичекъ крошками хлѣба; ее забавляло, какъ они кричали и дрались.

Еще съ улыбкой на губахъ возвращалась она въ домъ, какъ вдругъ съвозъ стеклянную дверь увидѣла мужа, стоящаго передъ рабочимъ столомъ: при видѣ ея онъ поспѣшно отвернулся и спряталъ какой-то предметъ.

Она вошла, вся блѣдная; она увидала эту вещь: это былъ крошечный хрустальный флакончикъ съ золотой пробкой, тотъ самый, который онъ ей когда-то описывалъ.

— А, прошептала она, едва держась на ногахъ, — ты меня обманулъ! Я это знала.

Онъ сначала-было сталъ запирается, но потомъ, какъ бы нехотя, сознался.

„Такой тонкой работы флаконъ, такая изящная вещица, княжескій подарокъ, ну, могъ-ли онъ его бросить? Онъ только разсматривалъ его, чтобы описать. Нечего ей, право, беспокоиться.“

— Дай мнѣ его, сказала она.

Онъ улыбнулся.

— Ну, покажи.

Онъ отступилъ и поднялъ хрустальный флаконъ къ солнцу. Она прыгнула и схватила его руку; но онъ высвободилъ ее.

— Когда-нибудь, сказалъ онъ,—можетъ быть я и дамъ тебѣ его.. но при другихъ обстоятельствахъ... не наставляй и не бойся ничего сегодня.

— Но завтра! сказала она, рыдая.

— И не завтра, нѣтъ, не завтра; я, слава Богу, теперь не въ отчаяніи, какъ это было въ Тарасконѣ, когда я хотѣлъ отравиться отъ безнадежной любви. Ты моя жена.

— Твоя жена, которую ты больше не любишь.

— Нѣтъ, право, я люблю тебя.

— Твоя жена, которую ты мучаешь, которая не можетъ больше ни смѣяться, ни спать, которая не заслужила отъ тебя такого мученія! Ты вѣдь не боленъ? Не жестокъ? Такъ пожалѣй-же меня, наконецъ!

Его на минуту тронули эти, исполненные безконечной скорби, слова, онъ поцѣловалъ ее; потомъ, внимательно посмотрѣвъ ей въ лицо и какъ-будто прочитавъ на этомъ лицѣ только хорошо сыгранную женскую комедію, отвѣчалъ:

— Ну теперь, дай мнѣ заняться.

Онъ сѣлъ, разложилъ бумагу и приготовился писать.

Да, теперь она была занята имъ, какъ онъ этого хотѣлъ; ея нервы, умъ—все было полно имъ однимъ; она постоянно повторяла себѣ слова его при выходѣ изъ Буживальской церкви: „Слѣди за мной! Береги меня! Не покидай меня!“! Вѣдь въ его семействѣ случались самоубійства? и если онъ еще не бросился со второго этажа, какъ прадедъ, то лишь потому, что у него въ рукахъ болѣе быстрое и легкое средство — тотъ ядъ, котораго одной капли достаточно, чтобы умереть. Каждую минуту она могла его найти мертвымъ... Ахъ! онъ такъ страдалъ отъ неуспѣха своей книги! Чтобы только возвратить ему славу, она готова отдать свою жизнь сейчасъ, сію минуту.

Она выплакала всѣ свои слезы.

Онъ видѣлъ эти слезы; онъ слышалъ, какъ она съ лихорадочнымъ безпокойствомъ ищетъ этотъ флаконъ вездѣ, во всѣхъ угол-

какъ квартиры и наслаждался этимъ... Это производило въ немъ какое-то страстное возбужденіе, внезапные порывы котораго еще больше пугали бѣдняжку.

А, между тѣмъ, чернила сохли въ чернильницѣ.

Идею! надо было найти идею и найти ее тѣмъ скорѣе, что возникала новая школа и новая слава: Бреню съ своимъ натурализмомъ. Успѣхъ его послѣдняго романа, „Кабакъ“ принималъ громадные размѣры, унося и потопляя все. Еще только одинъ годъ бездѣйствія и этотъ потокъ зальетъ и его, Октава де-Шанлозѣръ. Тогда онъ погибъ безвозвратно!

Онъ лихорадочно продолжалъ искать „новый путь“ то въ книгахъ, то въ уединенныхъ прогулкахъ по лѣсамъ, по острову, по берегу Сены.

Тамъ, на Буживальскомъ мосту, наткнулся онъ однажды вечеромъ на старую пріятельницу съ обширнымъ лбомъ, которая въ шляпѣ à la bergère, свѣсившейся почти на спину, и въ локонахъ, развѣвавшихся по вѣтру, сидѣла за книгой. Она подняла глаза и вскрикнула.

— Наконецъ-то! сказала она, потрясая его руку.—Мы не хотѣли силой врываться въ ваше убѣжище, но разъ вы оттуда вышли, вы больше не спрячетесь. И вотъ почему, любезный собратъ: мы теперь даемъ обѣды... да обѣды!—Лицо ея сіяло самой гостепріимной радостью.—И я завоевала себѣ свободу! Я предоставила мужу всю несчастную фабрикацію народныхъ романовъ; я теперь могу пѣть—я пою! Нѣкто (вы знаете кто) получилъ отъ меня шестьсотъ-тридцать лирическихъ стиховъ, ибо Богъ, другъ мой, обратилъ ликъ свой на насъ. Да, четыре мѣсяца тому назадъ, старый, совершенно забытый въ Севеннахъ, дядя оставилъ мнѣ въ наслѣдство восемь тысячъ франковъ.

— Дохода!

— Э! куда махнули!—И вотъ съ тѣхъ поръ я пишу возвышенныя вещи и мы даемъ обѣды! Великолѣпная баранина, по воскресеньямъ въ Шату № 18, Парижская улица. Обѣдъ эстетическій; классики, романтики, натуралисты, чуть не рѣжутъ другъ друга; приходите съ м-ше де-Шанлозѣръ. Какъ она, моя милочка, поживаетъ?

— Все что-то не совсѣмъ здорова; она не выѣзжаетъ.

— Бѣдняжка! Это перлъ, воскресшая Агнеса. Она принимаетъ?

— Нѣтъ еще.

М-ше Кансъ поглядѣла какъ-то неопредѣленно, потрогала свой носъ и продолжала:

— Я нашла въ Шату на лѣто домигъ съ садомъ... чудесный садъ, символическій; вотъ вы увидите, — потому-что вы-то вѣдь придете, въ воскресенье? Приходите непременно. У насъ все новыя лица, прибавила она; изъ старыхъ только изрѣдка Дольсинна и Куэръ, который перешелъ къ натуралистамъ и своимъ подражаніемъ Бреню приводитъ меня въ отчаяніе. Приходите утѣшить меня. На прошлой недѣлѣ за обѣдомъ желали васъ видѣть, отзывались о васъ съ похвалою. Еще-бы! свѣточъ не имѣеть право зарываться въ землю, вѣдь вы Октавъ де-Шанлозѣръ.

Онъ засмѣялся довольнымъ смѣхомъ въ первый разъ въ теченіи послѣднихъ грустныхъ мѣсяцевъ; добродушная Кансъ тронула его. Онъ перешелъ съ ней мостъ и болтая, почти нѣжно, довелъ ее до дому, въ Шату.

— Войдите пожать руку Кансу, связала она.

Самъ народный романистъ съ трубкой во рту, въ блузѣ и ермолекѣ, отворилъ дверь.

Октавъ съ трудомъ отговорился отъ обѣда въ этотъ день, но долженъ былъ дать обѣщаніе придти въ воскресенье вѣсть наслѣдственнаго барана. Авторъ „*Викторъ Гюго и его міра*“ представилъ ему, закатывая глаза, свой *символическій* садъ, раздѣленный на двѣ части: правая была вся усажена маленькими кустами бѣлыхъ розъ, а лѣвая пузатыми кочнами капусты. Этотъ краснорѣчивый антитезъ плѣнилъ м-ше Кансъ два мѣсяца тому назадъ и она рѣшила поселиться здѣсь и жить пока всѣ восемь тысячъ франковъ не уйдутъ на баранину.

Октавъ сказалъ Маргаритѣ объ обѣдѣ въ Шату только въ воскресенье, передъ самымъ уходомъ.

Его продолжительное удаленіе отъ литературнаго міра, сказалъ онъ, — можетъ повредить ему. Онъ рано вернется отъ Кансовъ, куда онъ идетъ только посмотрѣть, каково тамъ и можно-ли туда взять жену.

— Иди, иди, сказала она съ живостью, въ надеждѣ, что это его развлечетъ. Онъ ушелъ, немного удивленный тѣмъ, что она его такъ скоро отпустила.

Сытный обѣдъ и компанія, состоявшая изъ нѣсколькихъ моло-

дыхъ и сѣдовласныхъ собесѣдниковъ, ожидали Октава. Его встрѣтили какъ „человѣка о двадцати-пяти изданіяхъ“ хотя уже давнишнихъ. Ему было довольно весело на этомъ обѣдѣ, посреди громкихъ, отрывочныхъ разговоровъ о послѣднихъ книгахъ, о выставкѣ, о музыкѣ, о республикѣ, о Богѣ, о дьяволѣ, о женщинѣ, разговоровъ, пересыпанныхъ крѣпкими словами и ругательствами, которые попосвященному могли-бы показаться нѣсколько сильными.

Октавъ также говорилъ, его слушали, ему аплодировали и онъ ушелъ-бы совершенно довольный, если-бы какой-то молодой живописецъ, разгорячившійся на прощанье, не закричалъ позади его во все горло, что въ этомъ году вся скульптурная выставка, за исключеніемъ *Меланхоли* Поля Дюбуръ и еще двухъ другихъ вещей—никуда не годится.

Возвратившись домой, онъ сказалъ Маргаритѣ, что общество Кансовъ слишкомъ отзывается свободой полей, чтобы можно было вести туда жену свою. М-ше Кансъ, вѣроятно, сама придетъ къ ней въ Круасси.

Но м-ше Кансъ не приходила, а Маргарита озабоченная своей любовью и разными опасеніями, не вздумала навѣстить литераторшу.

Такимъ образомъ, онъ отъ времени до времени одинъ продолжалъ ходить въ Шату, для того, чтобы поблистать тамъ и найти то, чего онъ такъ долго искалъ—новый путь.

Однажды въ субботу онъ получилъ слѣдующую записку:

„Мы ждали васъ въ воскресенье: я въ продолженіи двухъ часовъ успѣшно излагала вѣчную идею романтизма и величіе учителя. Я послала ему свою рѣчь, которую потомъ записала.

Завтра очередь натуралистовъ—Куэтъ будетъ говорить.

Приходите. Эл. Кансъ“.

ГЛАВА XIV.

Столъ былъ накрытъ въ саду между бѣлыми розами и пузатыми кочанами, подъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ заходящаго солнца, которому г-жа Кансъ, одѣтая въ желтое платье, улыбалась, какъ собрату.

Кромѣ всегдашнихъ гостей, тутъ были рѣдкіе гости: Дольсинна, Куэтъ, Шебассю и Бланшонъ.

При видѣ Бланшона, Октавъ пріостановился на мгновеніе, но

хозяйка схватила его подъ-руку и уже почти всё руки протягивались къ нему.

Кончали уже ѣсть супъ, когда съ шумомъ вошелъ Ребюкъ, окинулъ столъ глазами и весело сѣлъ около подвинувшагося для него Буэта. Октавъ не выказалъ смущенія, а только гордо приподнялъ голову. Онъ замѣтилъ по лицу г-жи Кансъ, что она не ждала его; и такъ-какъ нельзя было бѣжать отъ непріятеля, то сталъ разговаривать съ сосѣдомъ.

Авторъ *Парижскихъ впечатлѣній* казался сначала таинивъ веселымъ, что можно было подумать, что онъ уже пообѣдалъ.

Онъ отъ всего сердца жалѣлъ, что въ прошлое воскресенье не слышалъ ни Бланшона, защищавшаго грековъ и латинянъ древнихъ и новыхъ (Бланшонъ тоже отстаивалъ своихъ боговъ), ни г-жи Кансъ, защищавшей романтизмъ.

— Буэтъ, другъ мой, сказалъ онъ, наполняя его стаканъ, — подерѣпись! — Буэтъ задумчиво выпилъ; онъ долженъ былъ начать за десертномъ.

— Начинайте, Буэтъ! закричала г-жа Кансъ, какъ только подали сыръ.

Натуралистъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей Бреню, нагнулся, чтобы достать изъ-подъ пузатой тѣввы нѣсколько книгъ въ желтой обложкѣ, которыя онъ положилъ около своей тарелки и началъ съ чрезвычайной важностью:

— У васъ есть глаза; а потому вы видите великое позитивистское движеніе, которое овладѣло міромъ, движеніе, которое распространяется и на искусство; все движется. Литература сбрасываетъ съ себя абсолютныя старыя формы и занимается лишь фактами, деталями; тому-же методу слѣдуетъ и физикъ, и химикъ, и анатомъ. И кто за науку, тотъ долженъ быть за насъ. Что спиритуалисты насъ не признаютъ, что старыя хвосты классицизма насъ ругаютъ, что романтизмъ плюетъ на насъ и его глава...

— Берегитесь! Что вы хотите сказать! прервала г-жа Кансъ угрожающимъ тономъ.

Она встала; ее опять посадили.

— Что этотъ глава и его журналъ, спокойно продолжалъ Буэтъ, — проходятъ насъ молчаніемъ, презираютъ насъ за наше нормальное развитіе — это понятно. Но что вы, научные умы, атеисты, вы, въ моемъ натурализмѣ, не признаете литературнаго ору-

дія для новаго рѣшенія искомаго вѣкомъ—вотъ что по-истинѣ поразительно!

„Что несчастное воображеніе дѣлаетъ съ наукой, то-же самое дѣлаетъ оно и съ литературой. Фальшивая природа, фальшивое человѣчество—какъ классицизмъ, такъ и романтизмъ не дали намъ ничего другого—тогда-какъ изъ того-же метода наблюденія, который открылъ силу пара, желѣзныя дороги, электричество—вшли и наши литературныя произведенія—онъ ударилъ по желтымъ книгамъ—и это открытіе не менѣе важное, чѣмъ паръ и электричество; нашъ вѣкъ встрѣтилъ его съ восторгомъ и возвелъ на высокую ступень семидесяти-восьми изданій! Семьдесятъ-восемь изданій! Тогда-какъ теперь для классиковъ и романтиковъ, исключая великаго Ламы, который живетъ еще прошедшей славой, два-три изданія—верхъ успѣха...

— Клянусь, что этотъ человѣкъ не будетъ больше обѣдать у меня! прервала оратора разсвирѣпѣвшая г-жа Кансъ, и, поднявъ руки кверху, воскликнула:—да здравствуетъ Викторъ Гюго! Да здравствуетъ Викторъ Гюго!

Буэтъ продолжалъ:

— Всѣ эти фантазеры—дѣти, варвары. Только одинъ научный умъ возвышается надъ другими и всѣ Шекспиры, Данты, Микель-Анджелы не стоятъ одного позитивиста-художника.

Наука — вотъ все искусство. Описывайте низъ, описывайте верхъ, описывайте средину—вездѣ все одно и то-же, вездѣ тотъ-же человѣческій документъ, вездѣ требуется изслѣдованіе. И мы производимъ его, ибо если-бы мы этого не дѣлали, то откуда-бы узнали, на примѣръ, что есть на свѣтѣ пьяницы? И какъ-бы пьяница могъ исправиться? Разъ это изслѣдованіе сдѣлано, мы на всей этой мерзости, обнаруженной до послѣднихъ подробностей, необходимо воздвигаемъ совершенно новый соціологическій базисъ, общество высшее по изяществу манерь и тонкости вкуса. Мы — нравственность, ибо мы — истина, говоритъ Бреню; мы — путь и жизнь. И вотъ почему нынѣшняя республика, позитивистская и экспериментальная, должна прервать всякія сношенія съ классицизмомъ и его типами, не имѣющими ничего человѣческаго, съ романтизмомъ и его куклами и присоединиться къ намъ, ученымъ, наследникамъ Клода Бернара. Республика будетъ натуралистической или ея не будетъ!

— Или не будет натуралистической, шепнулъ Ребюкъ, наклоняясь къ своему сосѣду слѣва.

Буэтъ выпилъ и обинулъ взглядомъ свою аудиторію. Дольсена и г-жа Кансъ подсмѣивались надъ нимъ; народный романтистъ спокойно набивалъ трубку и придумывалъ, какиѣ-бы способомъ умертвить на другой день пять человѣкъ разомъ; четыре молодые натуралиста неистово аплодировали, другіе спорили, крича и не слушая другъ друга. Октавъ сидѣлъ чрезвычайно важно и казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. Бланшонъ, поднявъ руку, попросилъ слова:

— Прежде, чѣмъ ты кончишь, Буэтъ, сказалъ онъ, позволь мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ.

— Мнѣ оставалось только доказать принципы примѣрами, отвѣчалъ Куэтъ, показывая на книги. Говори.

— Вотъ мой вопросъ. Въ *Кабакъ* Бреню есть узелъ грязнаго бѣлья, отъ котораго для прачки отдѣляется чувственно-опыняющій запахъ.

— Геніальная черта! воскликнулъ Куэтъ.

— Я хочу спросить, устроенъ-ли носъ у мужей прачекъ, такъ-же, какъ у ихъ женъ?

— Понимаю! отвѣчалъ натуралистъ. И полузакрывъ глаза, томно, тихимъ голосомъ произнесъ:— Да, есть вещества органическія и неорганическія, отъ которыхъ такъ-же какъ отъ кучи грязнаго бѣлья, отдѣляются запахи, поражающіе невыразимо-приятныя ощущенія, или смотря по времени, сильное возбужденіе. „Разложеніе мнѣ даже нравится“, сказалъ однажды Бреню. Это глубокое слово, носящее въ себѣ цѣлое откровеніе, новое ощущеніе, могучій мистицизмъ, гораздо сильнѣйшій, нежели всѣ старинные священные принципы, ибо онъ основанъ на природной истинѣ. Вы не соглашаетесь? Вы хотите сказать, что это живетъ въ васъ еще безсознательно? такъ; но женщины, но молодые люди, которые болѣе всего упрочили нашу славу, ощутили его въ себѣ, это натуралистическое возбужденіе! При нашихъ сильныхъ запахахъ конюшни, номеровъ ресторана, узловъ грязнаго бѣлья, уборной аэтрисъ, гдѣ графъ Мюффа и кошка привратницы встрѣчаются въ одинаковомъ настроеніи, и при другихъ столь-же сильныхъ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ нашихъ книгъ, женщины

и молодежь какъ и прачка, широко раскрыли ноздри и содрогнулись до мозга костей... о, мы свое дѣло знаемъ!

— Спасибо, Куэтъ, сказалъ Бланшонъ.— Теперь другой вопросъ. Какъ ты думаешь, откуда маркизь де-Садъ, тоже великій философъ, почерпнулъ свой догматъ о законности силы и о правѣ ея возбуждать себя убійствомъ? Въ себѣ или внѣ себя?

— Не все-ли равно?

— Совсѣмъ не все равно, такому ученому какъ-ты, знать источникъ и основаніе фактовъ. Вотъ видишь-ли, другъ мой Куэтъ, если-бы всѣ эти кочки романтическаго сада г-жи Кансъ были не кочнями, а зеркалами, я-бы попросилъ тебя посмотрѣться въ нихъ со вниманіемъ; у тебя фізіономія нѣсколько свиная, и къ тому-же жесткая и безчеловѣчная; у тебя природное отвращеніе ко всему здравому: къ смѣху, къ остроумію, къ граціи и этотъ родъ отвращенія свойственъ прогнатамъ. Но человѣчество и искусство уже вышли изъ прогнатизма: ты, другъ мой, отсталъ. И замѣть, что я къ тебѣ отношусь еще довольно хорошо въ сравненіи со многими другими, которые приписываютъ тебѣ прогнившее воображеніе; вмѣсто извинительнаго инстинкта, простое исکانіе грязи и шума. Взгляни теперь сюда, направо. Видишь-ли ты эти розы? Скажи намъ—что эти розы—фактъ или обманъ зрѣнія?

— Продолжай, продолжай.

— Въ свѣтѣ встрѣчается тоже цвѣты ума и чувства, чудесныя созданія, которыми здоровые люди любятъ наслаждаться, и которыя кажутся такими-же реальными какъ и твои свинства. Такъ-что, другъ мой, пожалуй, выходитъ, что ты и твоя партія—вы кривы на одинъ глазъ въ позитивизмѣ, вы только полунатуралисты. И выходитъ, пожалуй, что та половина, которой вамъ недостаетъ и есть какъ разъ та, которая всегда больше всего интересуетъ женщинъ и молодежь и безъ которой, если-бы ея не существовало, они, пожалуй, скоро захотѣли-бы выйти изъ грязной дѣйствительности черезъ золотыя ворота смѣющихся и поистинѣ человѣчныхъ концепцій.

Искусство, есть искусство, другъ Куэтъ, весьма естественная, весьма позитивная потребность идеала или, если это слово тебѣ не нравится, удовольствія; человѣку никогда не будетъ нравиться чувствовать на себѣ отравленное дыханіе или грязь, которую въ него бросаютъ.

Пожавъ плечами, Куэръ отвѣчалъ:

— Даже если будетъ доказано, что существуетъ идеальная дѣйствительность, искусство внѣ нашего, и что людей тошнить отъ натуралистическаго описанія, такъ-же, какъ и отъ натурального факта, то мы все-таки имѣемъ достаточно гениальности, чтобы заставить ихъ перенести эту маленькую непріятность.

— Пусть они только попривыкнутъ, вотъ и все, вставилъ Ребюкъ. — Вѣдь русскіе уже наслаждаются этимъ.

При этихъ словахъ около ш-ше Кансъ засуетились: она была блѣдна и близка къ обмороку отъ волненія. Но вдругъ она выпрямилась во весь ростъ и, наступая на непріятеля, изо всѣхъ силъ закричала:

— Да здравствуетъ Викторъ Гюго! Да здравствуетъ Викторъ Гюго! Да здравствуетъ Викторъ Гюго!

Ее опять усадили и Бланшонъ снова заговорилъ:

— Я признаю твою гениальность, Куэръ, и я покажу ее присутствующимъ, если ты мнѣ передашь эти желтыя книги.

— Вотъ онъ, сказалъ Куэръ, — читай только, и ты будешь побить.

— Я хочу полюбоваться вашими слогами, вашей формой выраженія.

— Мы объ этомъ очень заботимся.

— Еще бы, вы понимаете, что безъ этого простой больничный фельдшеръ или какой-нибудь статистикъ нечистотъ съ своими замѣтками будетъ куда интереснѣе васъ.

Онъ открылъ книгу и прочелъ нѣсколько отрывковъ сочиненій Бреню.

— Вотъ видишь - ли, другъ мой, сказалъ онъ, окончивъ, — во французскомъ языкѣ есть и чистота, и умственное здоровье, и веселость, и остроуміе, и изящная сила; но такой языкъ, какъ гордая красавица, отдается только тому, кто достоинъ ея, и убиваетъ неучей, которыя только оскверняютъ ея своимъ прикосновениемъ... — Добрый вечеръ, теперь одиннадцать часовъ, а я всегда ложусь раньше двѣнадцати, прибавилъ Бланшонъ и взялъ шляпу.

Куэръ презрительно улыбался и бормоталъ:

— Это не отвѣтъ; мы ждемъ, чтобы намъ отвѣтили. — Когда классикъ выходилъ въ дверь, сопровождаемый насмѣшками натуралистовъ, Ребюкъ закричалъ ему въ слѣдъ:

— Прощай, прощай навсегда, Людовикъ XIV, старый парикъ,

я обращенъ и сообщаю компаніи, призывая всѣхъ въ свидѣтели, въ случаѣ кражи, названіе книги, идея которой пришла мнѣ сейчасъ въ голову, пока я тебя слушалъ, Кузтъ!

— Какое, какое названіе?

— „Ретирадное мѣсто, натуралистическіе очерки“. — Кузтъ по-
никъ головой.

— Сто изданій! борготалъ онъ, какъ я объ этомъ не подумалъ! И возвысивъ голосъ, прибавилъ: — если ты разработаешь этотъ предметъ и смѣло опишешь его со всѣми подробностями, ты подорвешь *Кабакъ*, ты сдѣлаешься бессмертнымъ!

— Это мое право; я всегда въ своемъ правѣ, сказалъ Ребюкъ, искоса поглядѣвъ на Октава, который храбро выдержалъ этотъ взглядъ, съ выраженіемъ гордаго спокойствія на лицѣ. — Наконецъ, когда собесѣдники среди всякаго рода возгласовъ и споровъ, встали изъ за стола, г-жа Бансъ, съ распустившимися отъ волненія локонами, схватила Ребюка и, съ яростью показывая на Кузта и натуралистовъ, вскричала:

— Разстрѣлять-бы надо этихъ людей!“

— Это свиньи, но они трюфели находятъ, отвѣчалъ Ребюкъ. — Да, кое - гдѣ, несмотря на изменчивость матеріала и формы, благодаря живому искреннему чувству того, что они описываютъ, они создаютъ живые образы, а художники, выражающіе жизнь, слишкомъ рѣдки, чтобы ихъ разстрѣливать, даже если они болѣе вредны, болѣе кривы, нежели Бреню. Я предпочелъ-бы, сударыня, чтобы приговорили къ смерти...

— Кого? спросила она.

— Знаменитаго Дольсива, эту картонную куклу и божественнаго Октава. — А кстати что сдѣлалось съ этимъ милымъ, наивнымъ созданіемъ, съ этимъ граціознымъ и прелестнымъ цвѣткомъ павильона Монсе?

— Онъ ее прачетъ, держитъ взаперти.

— Подлецъ! я вамъ говорю, что его слѣдуетъ разстрѣлять!

ГЛАВА XV.

Ночь была удушливо жаркая. Подъ мостомъ Шату Сена отдѣляла сильныя испаренія отъ труповъ рыбъ, сотнями отравленныхъ наканунѣ.

Октавъ, возвращаясь домой съ головой, переполненной только что слышаннымъ, нѣсколько разъ останавливался, вдыхалъ въ себя различные запахи, чтобы найти въ нихъ тотъ натуралистическій экстазъ, о которомъ говорилъ Куэтъ, и дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время, нашелъ въ себѣ ощущеніе почти новое. Что дѣлать? Броситься на тотъ путь, который даетъ семьдесятъ восемь изданій, пристать къ Бреню? Написать „Ретирадное мѣсто!“

Ахъ! зачѣмъ не ему пришла въ голову эта мысль! Какую превосходную фантазію можно было-бы бросить, въ видѣ насмѣшки въ лицо публикѣ, которая пренебрегаетъ имъ! Но этотъ подлець Ребюкъ, въ своей дерзкой веселости завладѣлъ сюжетомъ! Къ тому-же, чтобы побить Бреню, надо ему подражать, унизиться самымъ явнымъ образомъ; какъ принять на себя подобную роль!

Слова Куэта и Бланшона приходили ему на умъ и онъ говорилъ себѣ, что чувство деталей и цвѣта давно уже усвоено имъ. Описанія *Миранды* достаточно доказываютъ это. Надо только пойти еще далѣе. И онъ со вниманіемъ разсматривалъ двери, окна, деревья мимо которыхъ онъ шелъ; ночной эффектъ свѣтло-зеленой двери, освѣщенной фонаремъ, чрезвычайно поразилъ его. Въ ту-же минуту онъ замѣтилъ, что собака выла „широко“, а вѣтеръ „сдавленно“, замѣтилъ еще, что жарко и что на немъ сюртукъ, темный какъ ночь, а брюки блѣдны, какъ чешуя отравленныхъ рыбъ, отъ которыхъ все еще несея сильный запахъ.

Потомъ всѣ другія риторики мало-по-малу возникали въ его памяти: и древняя, и риторика семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка, и риторика романтизма.

Подходя уже къ дому, онъ вдругъ радостно всплеснулъ руками.

„Нашелъ!“ воскликнулъ онъ. „Соединить все прошедшее въ настоящемъ! Какая сила! Какая оригинальность! Книга должна быть какъ человѣкъ, который заключаетъ въ себѣ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Отъ Софокла до Куэта—вся лѣстница! Бланшона и Бреню соединить въ новую и великолѣпную смѣсь—вотъ задача!“

Онъ взошелъ въ домъ и тихонько легъ. Маргарита, которая казалась спящей, слышала какъ онъ шепталъ, ложась спать:

— Я буду электикомъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).



СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИДЕАЛИЗАТОРЫ РАСКОЛА.

Русскіе диссиденты.—Старовѣры и духовные христіане, *И. Юзова*. Спб., 1881 г.—
Значеніе сектантства въ русской народной жизни, ст. *А. Пругавина*, „Русская
Мысль“, 1881 г., № 1-й.—Программа для собиранія свѣдѣній о русскомъ рас-
колѣ или сектантствѣ, *А. Пругавина*, М., 1881 г.

I.

Вошло въ обычай, начиная статью о какомъ-нибудь важномъ, но малоизвѣстномъ вопросѣ, первымъ дѣломъ побранить публику за невѣжество, каковое по данному вопросу непременно въ ней предполагается. Невѣжество публики,—это такое общее и такое превосходно разработанное мѣсто, что нѣтъ такой посредственности, которая-бы по поводу его не могла наказать цѣлой кучи жалостныхъ словъ. И почему-бы въ самомъ дѣлѣ лишній разъ публику не продернуть? Зато какъ выгодно съ помощью контраста выдѣляется тогда «ученость» и проницательность самого автора, открывшаго Америку!..

Особенно посчастливилось русскому терпѣливому читателю въ вопросѣ о расколѣ. Съ легкой руки г. Мельникова («Письма о расколѣ», 1861 г.), за невѣжество въ этомъ предметѣ нашего читателя только лѣнивый не ругалъ. Послѣдніе упреки посланы намъ недавно изъ «Русской Мысли» г. Пругавинымъ. «Духовная, нравственная жизнь народа осталась и, страшно сказать!—ужасается г. Пругавинъ,—остается до сихъ поръ столь-же мало извѣстною, какъ и сто лѣтъ назадъ», хотя мы прекрасно изучили, по его мнѣнію, экономическія условія крестьянской жизни. Конечно, это ужасно! Но, въ качествѣ читателя, я полагаю, что г. Пругавинъ впалъ въ заблужденіе. Думаю, что 100 лѣтъ на-

завдъ о народной жизни «образованное общество» знало гораздо меньше. Въ теченіи этихъ 100 лѣтъ выросла наша историческая наука, давшая не мало матеріала для исторіи духовнаго развитія народа. Явились беллетристы, какъ Тургеневъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Успенскій Г., Златовратскій и др., которые дали намъ не мало яркихъ типовъ народныхъ; а художественные типы, если это неизвѣстно г. Пругавину, есть вѣдь обобщенія именно *духовныхъ* свойствъ индивидовъ. Нѣкоторые изъ названныхъ нами писателей претендуютъ даже и, по нашему, не безуспѣшно, дать въ живыхъ образахъ и картинахъ цѣлую систему народнаго міровоззрѣнія. Съ расколомъ мы незнакомы? Правда, знакомство наше съ этимъ любопытнымъ явленіемъ не очень близкое, но, какое-бы ни было, оно начато тоже въ послѣдніе 20—25 лѣтъ. И г. Пругавинъ, въ качествѣ «ученаго», этого не знать не можетъ. Для того, чтобы упразднить результаты развитія въ какой-нибудь области жизни за такой промежутокъ времени, какъ столѣтіе, нужно самому произвести нѣчто такое, что дѣйствительно обращало-бы въ нуль все сдѣланное раньше. Что-же сдѣлалъ г. Пругавинъ? Какую такую Америку открылъ онъ? Изъ какой страны самъ онъ прибылъ, что невѣжество русскаго читателя стоитъ у него поперекъ горла? Посмотримъ.

Продолжая упреки читателю, г. Пругавинъ открываетъ слѣдующую истину: «Изъ всѣхъ проявленій умственной жизни русскаго народа, *не имѣющихъ прямого отношенія къ экономическимъ вопросамъ*, до сихъ поръ удостоился систематическаго изученія лишь одинъ вопросъ, — это именно народное обычное право». («Русская Мысль», № 1-й, стр. 303). Если вы, читатель, думали, что обычное право имѣетъ *прямѣйшее*, если можно такъ выразиться, отношеніе къ экономическому быту, если вы въ простотѣ душевной полагали, что юридическіе обычаи суть *формы*, въ которыхъ воплощаются народныя экономическія отношенія, что изучать общинное владѣніе землею значить вмѣстѣ съ тѣмъ и изучать обычное право собственности, то вы, очевидно, жестоко заблуждались, и не только вы, но и ваши предки въ теченіи 100 лѣтъ до 1-го января 1881 года, когда въ «Русской Мысли» появилась статья г. Пругавина, обличившая ваше заблужденіе.

Но если читатель не оцѣнить этого отверженія и поставить его недалеко отъ той знаменитой истины, что «носы наши находятся на лувѣ», то, очевидно, онъ съ большимъ сомнѣніемъ отнесется къ автору, имѣющему претензіи не по заслугамъ, и очень недоувѣрчиво послѣдуетъ за нимъ, дѣйствительно, въ темную область народныхъ вѣрованій, тѣмъ болѣе недоувѣрчиво,

что замѣтить обиходную идею солидарности явленій даже у него самого. Въ самомъ дѣлѣ, страницей раньше г. Пругавинъ заявляетъ, что «экономическія бѣдствія (вообще отношенія—будутъ-ли они бѣдственны или нѣтъ) оставляютъ неизгладимыя черты въ характерѣ народа, въ настроеніи его духа, вліяютъ... на строй его воззрѣній, на развитіе въ немъ новыхъ вѣрованій» и т. п. (ibid., стр. 302). «Оставляютъ неизгладимыя черты», «вліяютъ», но «прямого отношенія не имѣютъ»... Что-же хочетъ сказать авторъ? Очевидно, что онъ, принимаясь знакомить публику съ ученіями раскола, вовсе не позаботился предварительно продумать взаимную связь явленій и схватить тѣ черты народной экономической и юридической жизни, которыя такъ или иначе дѣйствительно повліяли на строй народныхъ вѣрованій. А если-бы авторъ проникся этой идеей, если-бы онъ ознакомился съ результатами экономическихъ и юридическихъ изслѣдованій народнаго быта, то онъ не удивлялся-бы и не изливался-бы въ упрекахъ нашему незнакомству съ расколомъ. Онъ повялъ-бы, что изученіе народнаго быта поставлено у насъ очень хорошо, на вполне соответствующую почву. Изслѣдованіе экономическихъ отношеній шагъ за шагомъ приводитъ насъ къ изслѣдованію закона этихъ отношеній и тѣхъ обычныхъ правовыхъ формъ, въ которыхъ законъ проявляется. А юридическіе обычаи, органически сплоченные съ народною нравственностью, выросшею на почвѣ данныхъ экономическихъ отношеній, неминуемо требуютъ, для полнаго ихъ уясненія и опредѣленія, ввести въ изученіе новый, самый сложный факторъ, образовавшійся изъ взаимодействія всѣхъ предъидущихъ,—народныя вѣрованія, народныя воззрѣнія на міръ и человѣка. Тутъ не одинъ только расколъ важенъ. Расколъ нельзя изслѣдовать подъ колоколомъ воздушнаго насоса; уединить его, поставить внѣ связи съ суевѣрной примѣтой, заговоромъ, былинной—нѣтъ никакого разумнаго основанія, точно также какъ нельзя и понять его правильно безъ предварительнаго знакомства съ ближе лежащими и болѣе простыми областями отношеній экономическихъ и юридическихъ.

Знакомство это идетъ своимъ чередомъ. Экономическія отношенія настолько знакомы намъ, что оказалось возможнымъ приступить къ обобщенію ихъ, къ открытію закона экономическаго развитія. Статьи г. Русанова («Русское Богатство» 1880 г., «Дѣло» 1880 и 1881 гг.) и статьи г. В. В. («Отеч. Зап.», «Русск. Бог.», «Слово» 1880 и 1881 гг.) представляютъ попытки въ этомъ родѣ. Воззрѣнія обоихъ авторовъ противорѣчатъ одно другому; необходимы полемика, поправки у обоихъ, можетъ быть, нужна даже будетъ новая постановка вопроса и иной способъ его рѣ-

шенія, да это естественно. Определить законъ экономическаго развитія страны—это нѣсколько труднѣе, чѣмъ написать плохую компиляцію по плохимъ книжкамъ о мало извѣстномъ предметѣ.

Изученіе обычнаго права идетъ параллельно съ изслѣдованіями экономическаго быта. И началось оно вовсе не съ изданія какой-то программы (кстати сказать, совершенно неудовлетворительной,—вызвавшей въ теченіи 20-ти лѣтъ какихъ-нибудь 3—4 плохихъ отвѣта, напечатанныхъ въ «Губернск. Вѣд.»), а собственно съ появленіемъ указател г. Якушкина («Обычн. право»). И замѣчательно, что появленіе работы г. Якушкина совпало съ появленіемъ первыхъ, послѣ 15-лѣтняго перерыва, серьезныхъ трудовъ по изслѣдованію экономическаго быта г. Посникова («Общинное землевладѣніе») и г. Соколовскаго («Исторія сельской общины»). Съ тѣхъ поръ появилась подготовительная работа проф. Пахмана («Обычное право»), появилось нѣсколько изслѣдованій, писанныхъ молодежью (работы г. Тютрюмова «Русская Рѣчь» и «Слово» 1879—1881 гг., г. Березанскаго «Обычное угол. право тамб. губ.» и пр.). Изученіе обычнаго права становится необходимымъ; оно еще привлечетъ несомнѣнно не одну свѣжую силу, но и до сихъ поръ работа изслѣдователей сводится только къ собранію матеріала и группировкѣ его пока наугадъ или по шаблонамъ системы римскаго права. «Систематическое»-же изученіе обычнаго права, т. е. научная постановка и классификація собраннаго матеріала—пока еще впереди, и никакія «программы» географическаго общества его не создадутъ.

Читатель, однако, ничего этого знать не хочетъ. Онъ не лимбуетъ ни малѣйшей возможности и нужды дожидаться, пока все это расшевелится и пойдетъ полнымъ ходомъ. Ему нѣтъ никакого дѣла до того, что дѣлается, какая мысль зрѣетъ въ кабинетахъ ученыхъ, въ публичныхъ библіотекахъ. Онъ читаетъ пропастъ статей о мужикахъ, о народѣ, находитъ множество фактовъ, любопытныя обобщенія, но въ глубинѣ души своей все-таки чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ и то и дѣло предъявляетъ запросы къ литературѣ. Запросы читателя — запросы жизни. А жизнь идетъ и врывается и въ кабинеты ученыхъ, и въ библіотеки, и въ лабораторіи и всюду ставитъ свои безконечные, неотложно-необходимые вопросы. Жизнь поставила и вопросъ о расколѣ, она выкинула въ «Русскую Мысль» и г. Пругавина съ его претенціозной статьёй. За что-же негодуешь онъ на публику, на запросы которой отвѣчаетъ? И какъ отвѣчаетъ онъ на эти запросы?

Надо признаться, отвѣчаетъ онъ на запросы публики очень

плохо. Ему до такой степени чужда мысль о взаимодействии экономических, юридических и политических отношений в установлении народных вѣрований, что онъ не шутя полагаетъ, будто «подъ вліяніемъ раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомилліонной массы сектантскаго населенія, подъ его вліяніемъ устанавливаются и регулируются взаимныя отношенія членовъ семьи между собою, привычки, взгляды, наклонности, вѣрованія (?)». Вѣдь вотъ до чего даже можно договориться: подъ вліяніемъ раскола складываются вѣрованія, т. е. подъ вліяніемъ суммы религіозныхъ народныхъ разномысліи (idem вѣрованій) складываются вѣрованія! Что родители вліяютъ на происхожденіе дѣтей,—едва-ли такая Америка нуждалась въ новомъ открытіи. Или это другое что? Мудрый Эдипъ—разрѣши! Но и оставляя въ сторонѣ эту загадку, общій смыслъ положенія заключаетъ въ себѣ очень крупное недоразумѣніе. И г. Пругавину не мѣшало-бы доказать свою идею, а не бросать ее въ поучительномъ тонѣ, какъ догматъ. Исходя изъ его догмата, можно предположить, что юридическій бытъ сектантовъ, ихъ семья и община представляютъ нѣчто до такой степени противоположное семьѣ и общинѣ несектантовъ, «православныхъ», что между ними даже сравненія бытъ не можетъ. А между тѣмъ, если-бы авторъ справился хоть съ тѣмъ, что теперь дало обычное право, онъ увидѣлъ-бы полнѣйшее сходство учреждений у тѣхъ и другихъ. Семья сектанта, какъ экономической союзъ и какъ юридическій институтъ, представляетъ то-же, что и семья православнаго. Едва-ли даже побоевъ меньше въ первомъ случаѣ (исключая развѣ молоканъ), чѣмъ во второмъ. Если расколъ вліялъ въ первомъ случаѣ на строй семьи, что вліяло во второмъ? Православіе? Но какимъ образомъ воздѣйствія, качественно и количественно различныя, произвели одинаковые результаты? Очевидно, что-то тутъ не такъ. Очевидно, что вліяніе раскола не такъ велико или не такъ проявляется, какъ думаетъ авторъ. А между тѣмъ, поставивши негодную первую посылку, авторъ приходитъ и къ другимъ нелѣпнымъ выводамъ. Такъ взгляды странниковъ на земельную собственность онъ, конечно, приписываетъ исключительно имъ. Тогда какъ, справившись съ обычнымъ правомъ, онъ увидѣлъ-бы, что эти взгляды старѣе всякаго раскола, присущи всей народной массѣ, и не одной нашей, но и всякой народной массѣ на известной степени ея общественнаго развитія и при наличности известныхъ экономическихъ и политическихъ условій. Автору до этого, однако, нѣтъ никакого дѣла, какъ и до того, что нѣсколькими строками выше, на той-же страницѣ, онъ самъ говорилъ

нѣчто совершенно противоположное. Разрисовать расколъ во что-бы то ни стало, облачить его въ оппозиціонно-политическую хламиду, поставить сектанта въ торжественную позу социальнаго реформатора и протестанта,—вотъ что требуется, и авторъ исполняетъ это съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Для достиженія этой цѣли—всѣ средства, какія только найдутся подъ рукой, хороши и годны. «Свѣтлыя стороны раскола» надо показать—это главное, а что изъ всего этого сплошная ложь выйдетъ—пустяки! Та-же тенденція сквозитъ изъ каждой строчки и работы г. Юзова, которою мы тоже займемся въ нашемъ разборѣ.

Тенденція эта, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свою, и очень поучительную, исторію. Мы прослѣдимъ ее кстати теперь-же, потому-что она вызвала всю ту литературу, которую переписываютъ теперь гг. Юзовъ и Пругавинъ. Игнатій, Макарій, Муравьевъ, Липранди, Арнольди, Мельниковъ, Барсовъ, Щаповъ, Кельсиевъ, Аристовъ, Андреевъ, — вотъ источники г. Юзова; тѣ-же, за исключеніемъ двоихъ-троихъ, съ прибавленіемъ г. Юзова да нѣсколькихъ газетныхъ вырѣзокъ,—вотъ источники г. Пругавина. «Заговорить-ли статья о духоборцахъ, — ну, такъ и знаешь, что тотчасъ-же начнутся цитаты изъ брошюрки Новицкаго,—брошюрки, изданной ровно 50 лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ составляющей *единственное* (для г. Пругавина), сколько-нибудь самостоятельное изслѣдованіе объ этой, до высшей степени интересной, сектѣ. Заговорить-ли авторъ о молоканахъ—немедленно являются на сцену ссылки на статью Костомарова» и пр. (Программа etc. *А. Пругавина*). Такъ г. Пругавинъ отзывается даже самъ о свѣжести своихъ «наблюденій». Рѣдкое безпристрастіе!

Отсюда очевидно резонъ опредѣлить подлинную стоимость и годность разныхъ этихъ «единственныхъ» Муравьевыхъ, Аристовыхъ и иныхъ, и прослѣдить у нихъ тенденцію разрисовывать расколъ во что-бы то ни стало и представлять его въ эффектно, но неестественномъ освѣщеніи. Тѣмъ самымъ мы, какъ-разъ, будемъ у источника заблужденій гг. Юзова и Пругавина, сошедшихся и въ пользованіи источниками, и въ ошибкахъ.

Тенденція разрисовывать расколъ появилась у насъ чуть не съ самаго появленія его и была, прежде всего, вызвана стараніемъ церкви вовлечь государство въ борьбу съ расколомъ и, когда это было сдѣлано, поддержать всѣми мѣрами данное направленіе правительства. Во время перваго появленія раскола, историческая необходимость поставила правительство во враж-

дебныя отношенія къ расколу, вынудила на борьбу съ нимъ, сначала въ силу искренняго отношенія правительства ХVII в. къ церкви, съ которой въ союзъ оно шло къ общей цѣли—централизаціи власти и управленія, потомъ (при Петрѣ и послѣ него) просто въ видахъ фиска, съ цѣлью пополненія государственной казны. Попытки Петра III, Екатерины II, Александра I оставить бесполезную борьбу съ расколомъ не увѣнчались успѣхомъ въ послѣдующія царствованія.

И какъ только не разрисовывался расколъ для поддержанія противогосударственной политики по отношенію къ нему! Находили, что онъ ненароденъ, или весь сполна, или нѣкоторые секты, по крайней мѣрѣ. Вотъ, напр., какъ аттестуетъ странниковъ (около 1854 г.) И. С. Аксаковъ (нынѣшній воитель «Руси»): «Преизобиліе жи и лицемѣрія въ странническомъ согласіи задавило въ немъ религиозное содержаніе. Оно («странничество» или «религиозное содержаніе» или «преизобиліе жи?») въ наше время явилось просто порожденіемъ блуднаго союза гнусной, трактирной, кантонистской, солдатской цивилизаціи съ раскольническимъ невѣжествомъ, суемудріемъ и фанатизмомъ; протестъ разврата, безчинства, растлѣнія нравственнаго примкнулъ къ протесту раскольничьему» («Рус. Архивъ», 1866 г., стр. 625).

Тѣмъ болѣе расколъ по такому воззрѣнію долженъ былъ оказаться противогосударственнымъ. «Старовѣры считаютъ государя еретикомъ и поэтому не молятся за него; мало того: они отрицаютъ церковную власть, а, стало-быть, и всякую власть: «нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія-же власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ-же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется» (Римл. XIII, 1—2); если старовѣры отрицаютъ церковную власть, то тѣмъ самымъ отрицаютъ и свѣтскую, тѣмъ болѣе, что въ Россіи государь верховный глава и покровитель церкви» (*Муравьевъ*, «Расколъ, обличаемый своею исторіей». Спб., 1854 г., стр. 84, 93—94 и др.). Совершенно ясно, что расколъ есть явленіе не только противонародное, но и противогосударственное!

Расколъ, закутанный въ непроницаемый покровъ канцелярской тайны, подлежалъ, такимъ образомъ, вѣденію только чиновниковъ и духовенства, которые естественно рассказывали о немъ, преимущественно въ духовной литературѣ и въ отчетахъ и донесеніяхъ по начальству, только то, что было имъ угодно, что рекомендовало расколъ какъ противонародное произведеніе «трактирной цивилизаціи», какъ вредную, опасную, противогосударственную силу. Достаточно просмотрѣть донесенія и отчеты разныхъ Липранди, Арнольди, Стенбоковъ, Надеждиныхъ и

инныхъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. А лучшею характеристикой взглядовъ на расколъ духовенства можетъ служить слѣдующее мнѣніе бывшаго московскаго митрополита Филарета о сектѣ странниковъ и о мѣрахъ къ ея подавленію. «Если-бы вредной безпоповщинской сектѣ не было допущено той свободы дѣйствовать и распространяться, какую она имѣла частію по избыточествующему снисхожденію правительства, а еще болѣе по причинѣ потворства мѣстныхъ начальствъ, то не родилась-бы вреднѣйшая секта странниковъ. Если-бы Ефимъ-бѣглый въ Москвѣ, потомъ военный дезертиръ, въ Поморскомъ скитѣ, опять въ Москвѣ, потомъ въ Ярославлѣ и тамошнихъ деревняхъ,—хотя однажды взятъ былъ въ руки правосудія и въ нихъ удержанъ, то не существовала-бы вреднѣйшая секта странниковъ». Разсмотрѣвъ затѣмъ ученіе странниковъ, Филаретъ находитъ, что «если люди, отвергающіе верховную власть, а равно и всякую власть, законы и исполненіе общественныхъ обязанностей, рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приносить какую-нибудь пользу государству, а имѣютъ направленіе (въ чемъ оно выразилось—іерархъ не говоритъ) причинять ему вредъ и расстройство (?), то по справедливости слѣдуетъ заключить, что такіе люди сами себя лишаютъ права пользоваться благами государства, и оно по закону возмездія въ правѣ, а по закону самосохраненія (евангельскіе-ли это законы?) даже обязано дѣйствовать къ уничтоженію секты» (Эк. Спб. Публ. Библ. С. 1. № 515. «Полная зап. о страннической сектѣ»). Духовенство всегда такъ старалось оправдать свое безсиліе и бездѣйствіе въ виду раскола и свалить тяжелую обузу борьбы съ нимъ на плечи государства. Такъ-то изображался расколъ вплоть до либеральныхъ 60-хъ годовъ. Таковы были воззрѣнія на него и въ правительственныхъ сферахъ, и въ «благонамѣренной публикѣ». Что-же касается до людей «неблагонамѣренныхъ», то изъ нихъ западники, напротивъ, полагали, что расколъ—это застывшая, окаменѣлая русская старина, что старовѣры—не больше какъ ревнители обряда и буквы; славянофилы-же пользовались для вящаго подкрѣпленія своей теоріи протестомъ старовѣровъ противъ петровскихъ реформъ, не чуждались даже ихъ аргументами за бороду и квасъ, но за всѣмъ тѣмъ «невѣжественныхъ» раскольничьихъ заблужденій, кромѣ тѣхъ, которыя нравились, не принимали даже къ свѣденію. Впрочемъ, кажется, только одинъ славянофильскій отзывъ о расколѣ мы и имѣемъ,—это, уже цитированную, записку о странникахъ почтеннаго И. С. Аксакова. Въ ней онъ, характеризуя вообще расколъ, какъ и слѣдуетъ быть, выпираетъ наружу протестъ

противъ петербургской бюрократической государственности и приверженность къ московской старинѣ (какъ-будто и противъ Алексѣя Михайловича расколъ не протестовалъ!), но странниковъ, какъ мы выше видѣли, предаеть провлятию.

Настала живая, горячая пора 60-хъ годовъ. Задержанное умственное движеніе 40-хъ годовъ вырвалось наружу съ новой силой, съ новыми общественными идеалами, а между тѣмъ жизнь предъявила новыя требованія и выдвинула новыхъ людей и еще болѣе новые общественные идеалы. Существовавшіе въ то время государственные порядки подверглись рѣзкой критикѣ. Большая свобода слова дала возможность всюду вскрыть цѣлую кучу злоупотребленій.

Нужно было подумать о замѣнѣ негодныхъ порядковъ лучшими. Освобожденіе крестьянъ поставило вопросъ объ общей экономической и политической реформѣ. И когда скептики и пессимисты утверждали, что «мы не созрѣли», оптимисты принимались считать силы. Исторія вышла на сцену; расколъ особенно заинтересовалъ людей, желавшихъ во что-бы то ни стало аттестовать нашу способность къ самоуправленію съ наилучшей стороны, желавшихъ свои культурныя мечты и ожиданія опереть на солидный базисъ. Выразителемъ этой тенденціи явился Кельсіевъ, тогда эмигрантъ. Бродя по славянской Австріи и Турціи, онъ натолкнулся на нашихъ старовѣровъ, тоже эмигрантовъ, и познакомился съ ними. Черезъ нихъ онъ раздобылся нѣсколькими чиновничьими донесеніями о расколѣ, двумя-тремя старовѣрскими рукописями и весь этотъ матеріалъ издалъ въ Лондонѣ (1861 г.). Въ предисловіи къ «Сборнику» онъ изложилъ свой взглядъ на расколъ и снова такъ раскрылъ это явленіе, что просто любо. Изъ ученій разныхъ сектъ онъ вывелъ цѣлую конституціонную систему, во имя которой расколъ будто-бы протестуетъ и которую ставитъ ясно-сознаннымъ идеаломъ своимъ. Это произведеніе фантазіи такъ увлекло ея автора, что онъ даже сунулся-было къ заграничнымъ старовѣрамъ съ проповѣдью своей идеи. Но старовѣры, очевидно, не признали требованій, выведенныхъ за нихъ изъ ихъ-же системы, и Герцена и его сподвижниковъ предали анафемѣ («Русск. Рѣчь» № 4, 1881 г., ст. Антропова о расколѣ). Мы не знаемъ, какъ это прискорбное обстоятельство подействовало на Кельсіева, заставило-ли его отказаться отъ своей фантазіи сдѣлать изъ раскола политическую силу, но идея, назрѣвшая у Кельсіева, выразилась около того-же времени, даже немного раньше (1859 г.), и въ русской литературѣ.

Въ 1859 г. появилась диссертация покойнаго, безвременно

погибшаго, А. П. Шапова «Русскій расколъ старообрядства», написанная для получения ученой степени въ духовной казанской академіи, гдѣ Шаповъ учился. Этотъ трудъ представлялъ собственно дальнѣйшее и болѣе солидное развитіе его студенческой работы и исходилъ изъ той общей мысли, которую Шаповъ развивалъ потомъ и въ университетскомъ курсѣ, и въ первыхъ своихъ историческихъ работахъ, «что русская исторія есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ ассоціацій провинціальныхъ массъ народа—до централизаціи и послѣ нея», исторія развитія и видоизмѣненія разнообразныхъ областныхъ общинъ въ двухъ послѣдовательно-преемственныхъ формахъ—особно областной и соединенно-областной, окончательно установившейся въ «смутное время» («Отечеств. Записки», 1861 года, № 10, стр. 579—580).

Какъ человѣкъ умный и талантливый, конечно, Шаповъ не могъ не понимать, что изъ-за такихъ, въ сущности неважныхъ вещей какъ двуперстіе, осьмиконечный крестъ и пр., едва-ли нашлось-бы столько людей, готовыхъ охотно стограться въ срубахъ, обрекать себя на невыносимо-тяжелыя муки и пытки, упорно сохранять свои слѣпыя привязанности въ теченіи цѣлыхъ 200 лѣтъ, и постоянно привлекающихъ къ себѣ все больше и больше послѣдователей. Никакого собственно религіознаго значенія движенію онъ не придавалъ; онъ не видѣлъ въ немъ, какъ въ послѣдствіи Костомаровъ («Вѣстн. Европы», 1871 г., № 4), умственного прогресса въ жизни народныхъ массъ, да даже и обязанъ былъ не видѣть по своему положенію *духовнаго* историка. И вотъ почему, мнѣ кажется, онъ смѣшалъ, слялъ во-едино это движеніе съ противоцентралистическимъ, «соединенно-областнымъ» движеніемъ народныхъ массъ въ XVII и отчасти XVIII вѣкахъ. «Расколъ старообрядства, писалъ Шаповъ,—составляетъ характеристическое явленіе въ историческомъ развитіи русскаго народа, особенно его низшихъ классовъ... Въ немъ проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, умственная и нравственная... Церковно-гражданскій демократизмъ раскола, подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, отрицаніе реформы Петра Великаго, возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни, вопль противъ имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей и «даней многихъ», противъ рекрутства, крѣпостного права, областного начальства и т. п.,—это многозначительное выраженіе народнаго взгляда на общественный и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства низшихъ клас-

совъ народа» и пр. («Русск. раск. старообр.»). Все дѣло, очевидно, сводится къ массовому социальнo политическому протесту во имя старорусской областной самостоятельности и экономического равенства. Позднѣе, въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ господствовавшаго настроенія времени Шаповъ пошелъ еще дальше. Вотъ какъ объясняетъ онъ возникновеніе и *raison d'être* страннической секты («Время», 1862 г., № 10, «Земство и расколъ», стр. 319—320): «окончательное уничтоженіе областного земства, развитіе начала единодержавія, «раскалываніе цѣлаго общиннаго состава земства на сословныя касты»,—вотъ главныя основы, которыя, поволѣ Петра Великаго, въ самомъ корнѣ преобразовали земство на разныя сословія Имперіи и которыя потому болѣзненно отозвались на земствѣ во все послѣдующее время. И вотъ причины, почему общинно-демократическія сословія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра, съ самаго начала возстали и до сихъ поръ возстаютъ, главнымъ образомъ, противъ всѣхъ началъ государственности... Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицаніе ревизской, военнoслужилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ Имперіи и великороссійской церкви и порабощенности ихъ властямъ той или другой... «Бѣгунство, говоритъ Шаповъ въ другомъ мѣстѣ,—не заносилось, какъ селифановщина, за седьмыя небеса, не носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророчествующія секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о владѣніи землями, рѣвами, усадьбами—въ пользу народа. Оно указывало податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ людямъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а чисто земной, и притомъ уже указанный народною исторіей, путь бѣгства, странничества... Не надѣясь, какъ пугачевщина, разомъ тряхнуть Москвою, бѣгуны возвѣстили принципъ постепенной подготовки простого народа къ политической борьбѣ посредствомъ странничающихъ наставниковъ массъ народныхъ» (*ibid.*, № 11, стр. 258). Дальше мы увидимъ сколько правды въ этой раскрашенной всѣми оппозиціонными красками картинѣ. Замѣтимъ теперь только, что это шло въ ладъ настроенію времени, настроенію либеральной части русскаго общества. Но, несмотря на увлеченія, за Шаповымъ остается не малая заслуга. Онъ первый показалъ у насъ, какъ надо изслѣдовать исторію такихъ общественныхъ движеній, какъ расколъ. Онъ первый ввелъ въ изслѣдованіе умственнаго движенія предварительную, подробную оцѣнку политическихъ и экономическихъ условій времени, среди котораго дви-

женіе зародилось, пытался прослѣдить вліяніе этихъ факторовъ на движеніе и обратно. Пускай онъ надѣлалъ ошибокъ, но съ руководящею нитью, имъ данною, ошибки эти исправитъ уже не трудно.

Въ общественномъ движеніи 60-хъ годовъ нужно различать два теченія. Одно систематически-развивавшееся, послѣдовательное, другое сплошь либеральное, но неустановившееся, какая-то либеральная суматоха. Въ эту-то послѣднюю либеральную сутолоку попала съ перваго раза талантливая личность Щапова и въ ней началась проповѣдь его теоріи. Здѣсь его оригинальный взглядъ на расколъ привлекъ къ себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе, что между самими старовѣрами шло движеніе: они ждали отъ новаго царствованія свободы совѣсти; въ журналахъ и газетахъ этого неопредѣленно-либеральнаго направленія появился-было рядъ статей о расколѣ. Около того-же времени издано было нѣсколько матеріаловъ по исторіи его. Но не эта либерально-неопредѣленная среда давала тонъ всему движенію 60-хъ годовъ, не изъ нея выходили руководящія идеи. Въ передовой-же части прессы идеи Щапова не нашли никакого отголоска. Тамъ шелъ вопросъ о социальной реформѣ, шла усиленная теоретическая разработка крестьянскаго вопроса съ одной стороны, а съ другой нарождалась теорія реализма въ наукѣ и искусствѣ, теорія, скоро ставшая модной и даже дошедшая до геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ крайнихъ выводахъ. Уже съ точки зрѣнія этой теоріи взгляды Щапова на расколъ не могли быть приняты (да и самъ онъ потомъ распростился съ ними, см. ж. «Дѣло», 1867 г., его статья по расколу); идеализація слишкомъ рѣзко бросалась въ глаза, слишкомъ противорѣчила установившемуся предразсудочному взгляду на расколъ, какъ окаменѣлый остатокъ суетвѣрной, невѣжественной старины. Съ расколомъ стало тихо снова. Иной разъ только въ струю теченія русской культурной мысли врывались какія-нибудь незаурядныя движенія въ расколѣ, какъ споры «окружниковъ» и «противоокружниковъ», какъ преслѣдованья старовѣровъ низшею администраціею; на минуту тогда вставалъ вопросъ о свободѣ совѣсти, являлся переписчикъ въ родѣ Аристова или Андреева, разводилъ водою своего скудоумія идеи и факты Щапова и «тискалъ» статейку или книжку, которыя погибали безслѣдно въ пучинѣ печатной бумаги, не внося въ общественное сознаніе ничего новаго и не обращая ничьего вниманія. Знакомство съ народомъ шло покуда посредствомъ беллетристики и этнографическихъ очерковъ. Начиналось затѣмъ изслѣдованіе экономическаго быта народа, — эта область была всего ближе, всего насущнѣе.

Съ тѣхъ поръ прошло около 20 лѣтъ. Мы уже знаемъ въ какомъ направленіи пошло дальше изученіе народнаго быта. Постепенно раздвигаясь, переходило оно отъ явленій простыхъ къ болѣе сложнымъ и глубоко лежащимъ, къ явленіямъ, образовавшимся какъ результаты предшѣствующихъ. Дошла очередь и до раскола. Мы имѣемъ теперь фундаментъ, на которомъ можетъ быть прочно обосновано изученіе этого поучительнаго явленія, какъ и вообще всѣхъ явленій умственнаго народнаго творчества. Изученіе народнаго быта стало необходимостью. Реформами прошлаго царствованія народъ сдѣланъ обществомъ. Привилегированные классы поставлены къ этому обществу въ необходимыя отношенія, какъ часть его. У народа и интеллигенціи есть общіе интересы. Нельзя-же не знать своихъ союзниковъ, своихъ товарищей въ общемъ дѣлѣ. По многимъ причинамъ неудобно было, однако, непосредственно езнакомство интеллигенціи съ народомъ, и мы знакомимся съ нимъ, по необходимости, изъ вторыхъ рукъ. Поэтому есть, вѣроятно, въ нашихъ представленіяхъ о народѣ не мало фальши, но несомнѣнно, что и правды есть много, и эту правду мы добыли изученіемъ народа. Изученіе нечувствительно сближало насъ съ нимъ, и каждый новый шагъ въ этомъ сближеніи заставлялъ открывать фальшь нашихъ представленій и предъавлять по этому поводу новые запросы литературѣ. Уже 3 года какъ предъавленъ запросъ къ литературѣ по поводу раскола. Въ теченіи этого времени, въ отвѣтъ на запросъ появилось нѣсколько работъ по изслѣдованію новыхъ религіозныхъ движеній въ народѣ,—работъ, основанныхъ на цѣнныхъ непосредственныхъ наблюденіяхъ авторовъ, появились указаннныя нами работы гг. Юзова и Пругавина съ претензіями на выясненіе всего вопроса, на характеристику всѣхъ религіозныхъ народныхъ разномысліи. Читатель, однако, не удовлетворенъ и ждетъ новыхъ изслѣдованій, запросъ на статьи о расколѣ усиливается. И онъ будетъ еще сильнѣе—это несомнѣнно. Намъ необходимо нужно знать, что думаетъ самъ народъ. А для этого надо познакомиться съ его мировоззрѣніемъ. Идеализація, иллюзіи тутъ вредны, даже больше,—просто безнравственны. Изъ этихъ иллюзіи дѣлаются практическіе выводы, ставятся на основаніи ихъ практическія цѣли.

II.

Я не сталъ-бы разбирать выписанныхъ въ заголовкѣ работъ гг. Юзова и Пругавина, потому что работы эти не самостоятельныя; но о книгѣ г. Юзова чуть не всѣ журналы и газеты

дали хвалебные отзывы, а статьи г. Пругавина преисполнены такимъ ужасающимъ высокомеріемъ, которое у робкаго читателя можетъ отбить всякую охоту къ критикѣ. «Надо, молъ, вѣрять: должно быть, авторъ—страсть какой ученый и знающій!» А между тѣмъ, благодаря этой видимой авторской «учености», въ общественномъ сознаніи укрѣпляются иллюзіи вредныя, по нашему мнѣнію, для самого раскола въ отношеніяхъ къ нему правительства, да и для общества, для общественныхъ дѣятелей, которые захотѣли-бы на основаніи наблюденій нашихъ авторовъ создать себѣ практическую программу отношеній къ расколу. Полное разрушеніе иллюзіи принадлежитъ, конечно, жизни, опыту, но и ослабить иллюзію теоретической критикой очень важно, — вотъ почему я хочу провѣрить основанія и данныя выводовъ нашихъ «ислѣдователей».

Мы уже видѣли, что иллюзія противогосударственности раскола, построенная дореформеннымъ чиновничествомъ и духовенствомъ, столна перешла въ періодъ реформъ въ новое «либеральное» воззрѣніе на расколъ, выработанное Кельсиевымъ и Шаповымъ. Къ сожалѣнію, послѣдованіе оборвалось на Шаповѣ. Послѣ него только Н. И. Костомаровъ мимоходомъ высказалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о происхожденіи раскола и на иллюзію нѣ обратилъ вниманія. Андреевъ переписалъ книгу Шапова (буквально переписалъ); г. Юзовъ переписалъ и Шапова, и Андреева, и другихъ, а г. Пругавинъ въ концѣ-концевъ переписалъ и самого г. Юзова. Однѣ и тѣ-же идеи, однѣ тѣ-же цитаты, одни и тѣ-же аргументы послѣднихъ переписчиковъ значительно облегчаютъ трудъ разбора; можно имѣть дѣло только съ однимъ авторомъ. Но у обоихъ авторовъ есть индивидуальныя особенности, которыя, мнѣ кажется, зависятъ отъ мѣста, гдѣ тотъ и другой «ислѣдовали» расколъ. Г. Юзовъ изучалъ расколъ въ Петербургѣ. Его книжка была предварительно по частямъ напечатана въ петербургскихъ журналахъ (въ «Словѣ», въ «В. Европы» и въ «Недѣлѣ»). Оттого тонъ автора сухой, положительный. Онъ очень мало разсуждаетъ отъ себя и даже свои соображенія высказываетъ устами другихъ «ислѣдователей». Онъ не обнаруживаетъ большой охоты купаться въ туманахъ общихъ, метафизическихъ разсужденій. Цитатой онъ начинаетъ и цитатой оканчиваетъ. Но мы ошиблись-бы, если бы подумали, что авторъ, говорящій цитатами, нетенденціозенъ. Онъ—сплошь тенденція. И въ томъ-то и заключается его эхидство. Онъ постоянно прячется за спины авторитетовъ и оттуда кричитъ, что это не онъ выдумываетъ разные смѣлые выводы. Но зато онъ упорно молчитъ всякій разъ, когда авторитетъ

хочетъ сказать что-нибудь непріятное автору, что-нибудь несогласное съ выводомъ, который ему хочется сдѣлать. Г. Пругавинъ изслѣдовалъ расколъ въ Москвѣ. (На 318 стр. авторъ, впрочемъ намекаетъ, что онъ наблюдалъ расколъ еще въ архангельской губ. Но покуда намъ извѣстенъ только одинъ результатъ его личныхъ наблюденій, это «стихъ», который мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ. За симъ «стихомъ», впрочемъ, не стоило ѣздить такъ далеко, потому что г. Златовратскій нашелъ его тоже въ Москвѣ, въ одной будочной, и едва ли ни «нѣмецкой», а не у «мѣстнаго старообрядца», какъ облыжно показывается г. Пругавинъ). Какъ изслѣдователь московскій, г. Пругавинъ любитъ пофилософствовать и съ большимъ апломбомъ сыплеть красивыми фразами и общими положеніями. (Образчики ихъ мы видѣли и еще увидимъ дальше). Затѣмъ «источники» переписываетъ онъ большею частію «своими словами», а не фразами самихъ авторовъ, какъ г. Юзовъ. Послѣдній никакихъ возраженій не допускаетъ и въ полемику пустился въ концѣ книжки съ г. Емельяновымъ, надо полагать, въ видѣ исключенія. Напротивъ, московскій человекъ г. Пругавинъ иногда любитъ и поспорить, но совершенно оригинально, по-московски. Возраженія онъ дѣлаетъ себѣ самъ, а не беретъ готовыхъ. Это удобнѣе, конечно. Цитать не полагается: все остается, по пословицѣ, «шило-крыто». Особенно любитъ авторъ опровергать «отчеты» оберъ прокуроровъ синода и выводы чиновниковъ и духовенства относительно раскола. Но тутъ выходитъ курьезъ, общій, впрочемъ, обоимъ авторамъ. Говоря, напр., о числѣ раскольниковъ, и г. Юзовъ, и г. Пругавинъ приводятъ цифры по отчетамъ Липранди, Надеждиныхъ, Арнольди и разн. др. Говоря о томъ, что мы ничего не знаемъ о расколѣ, даже о числѣ протестантовъ, авторы критикуютъ показанія своихъ авторитетовъ и признаютъ ихъ недостоверными (у Пругавина см. ст. «Изслѣдователи раскола», № 2 «Рус. Мысли» 1881 г.). Въ одномъ мѣстѣ даютъ цифры, въ другомъ—говорятъ, что эти цифры—сущій вздоръ! Впрочемъ, утѣшаютъ, говорятъ—число раскольниковъ гораздо больше, чѣмъ показано въ отчетахъ. Почему? Г. Юзовъ приводитъ кой-какіе резоны, хотя часто и необудительные, а г. Пругавинъ, вмѣсто резоновъ, «бьетъ себя въ грудь» и потрясаетъ надъ головой газетными вырѣзками, гдѣ: «намъ пишутъ, намъ сообщаютъ, что расколъ тамъ-то, тамъ-то, тамъ-то растетъ и множится «цѣлыми массами», «цѣлыми деревнями»;—чуть не цѣлыми губерніями»,—увѣряетъ г. Пругавинъ. Совершенно московскій счетъ!..

Иллюзіи, перепискою и распространеніемъ которыхъ зани-

маются наши авторы, отъ продолжительнаго пребыванія въ рукахъ переписчиковъ, не могли, конечно, не истрепаться и не замаслиться. Въ копіяхъ оказалось немало погрѣшностей и искажений оригинала. Это сейчасъ-же замѣтно у обоихъ авторовъ. Такъ, опредѣляя понятіе раскола, г. Пругавинъ тискаетъ въ одну кучу всѣ религіозныя разномыслія русскаго народа. Скопцы и хлысты попадаютъ въ одну компанію съ молованами и поповцами. Какъ широкая московская натура, г. Пругавинъ не любитъ системы, классификаціи; конечно, это узкій педантизмъ и больше ничего! Г. Юзовъ, напротивъ, разграничиваетъ по Шапову эту «совокупность религіозныхъ разномыслія русскаго народа». Онъ готовъ видѣть даже основанія такого разграниченія, какъ, напр., отсутствіе непосредственнаго, живого общенія хотя-бы странниковъ съ «общими», готовъ принять во вниманіе то обстоятельство, что «расколъ старообрядства», возникшій въ XVII в., имѣлъ свою исторію развитія въ извѣстномъ направленіи, а ученія рационалистическихъ сектъ—свою исторію, нѣсколько несхожую съ первой, развивавшуюся при такихъ вліяніяхъ, которыхъ не было въ первомъ случаѣ, и давшую нѣсколько несхожіе результаты. Одну изъ очень оригинальныхъ и мѣткихъ сторонъ ранней исторической идеи Шапова составляетъ его положеніе, что согласія раскола представляли собою выраженіе мѣстныхъ, областныхъ особенностей быта, нравовъ и характера народа. Нужно отдать справедливость г. Андрееву: переписывая Шапова, онъ не прошелъ мимо этой оригинальной мысли и, вслѣдъ за Шаповымъ, развилъ ее. То обстоятельство, напр., что Москва стала центромъ поповщины, а сѣверъ, поморье — центромъ безпоповщины, по Шапову объясняется въ первомъ случаѣ большею привычкою къ осѣлости, большею дисциплиной въ разномъ чинопочтаніи, и въ другомъ—необходимостью для населенія постоянно кочевать съ мѣста на мѣсто, невозможностью, благодаря этой причинѣ, гнаться строго за обрядностью (*Шаповъ*, Земство и расколъ «Отеч. Зап.» 1861 г. № 12, стр. 477 и др. ср. *Андреевъ*, Расколъ и его значеніе въ рус. исторіи, стр. 131—133). Развитое до послѣднихъ предѣловъ, до мелочей это положеніе у Андреева, да и у Шапова часто выглядитъ натяжкой, но извѣстная доля справедливости въ немъ есть. То вѣрно во всякомъ случаѣ, что общій строй жизни, политическія условія даннаго времени, извѣстныя явленія эконоическаго быта, столкновенія съ другими народностями и пр., характеръ мѣстности даже, непременно ошутительно вліяютъ на образованіе очень характерныхъ отгѣнковъ въ ученіи секты, возникающей въ этой мѣстности. Съ отгѣнками, индивидуальными отличіями религіозныхъ ученій нельзя

не считаться, нельзя не принимать их во внимание, определяя жизненное значение этих учений. Наши переписчики этого хорошенько не понимают, правильные, притворяются, будто не понимают, для того, чтобы удобнее было разрисовывать свои иллюзии. Г. Юзовъ, выдѣливши «старовѣрье», указавши затѣмъ, что оно дѣлится на двѣ главныя группы: «поповцевъ» и «безпоповцевъ», а эти послѣдніе еще на «крупныя, типичныя согласія»: «поморское», «Спасово», «Федосѣево», «Филипово», «странническое» и «немоляцкое», — (ср. ту-же схему у Пругавина, 349 стр.)—тѣмъ не менѣе, въ характеристикѣ старовѣрской догматики, всѣ эти «типичныя согласія» сбиль въ одну кучу, какъ - будто этой типичности и не бывало, какъ - будто всѣ эти секты какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. Всѣ индивидуальныя отличія сектъ дѣйствительно стерлись въ его рукахъ, и остались обрывки, сшитые въ догматическую систему самимъ г. Юзовымъ. Благодаря такому приему, обрывки дѣйствительно столь красивы и такъ ярко бросаются въ глаза, что производятъ желательное впечатлѣніе. Тогда-какъ будь каждый изъ нихъ поставленъ на свое мѣсто, будь приведено цѣликомъ общее ученіе секты,—они приняли-бы нѣсколько иной видъ, такъ-что «успѣховъ раціонализма въ старовѣрьи» и «свѣтлыхъ сторонъ раскола» оказалось-бы не столь много и не такихъ. Теперь-же у г. Юзова ихъ вполне достаточно, а у г. Пругавина такъ даже слишкомъ достаточно, потому-что онъ пошелъ даже дальше Юзова и свалилъ въ одну кучу и «старовѣровъ», и «духовныхъ христіанъ», тоже не взирая на то, что повторилъ схему Шапова. Г. Юзовъ начинаетъ свое «ислѣдованіе» очеркомъ «причинъ появленія и распространенія старовѣрія». (Пругавинъ этого не дѣлаетъ: онъ находитъ, что «вопросъ этотъ вполне достаточно выясненъ нашей литературою», хотя и то, что говоритъ онъ во всей своей статьѣ, выяснено не хуже, чѣмъ причины появленія старовѣрья). Преимущественными своими руководителями въ этомъ очеркѣ г. Юзовъ взялъ Шапова и Костомарова. Но тутъ вышелъ маленькій курьезъ. Шаповъ вовсе не признаетъ въ своемъ «Расколѣ старообрядства», что расколъ былъ «крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса» и считаетъ его социальнo-политическимъ протестомъ, а Костомаровъ ставитъ первый тезисъ въ основаніе своей статьи. Надлежало примирить эти взгляды, сплавить ихъ какъ-нибудь въ одно органическое цѣлое, чтобы оказался и социальнo-политическій протестъ, и умственный прогрессъ, — это собственно и требовалось-бы г. Юзову. Но у него этого не вышло.

Устами Костомарова авторъ докладываетъ, что въ теченіи всей древней исторіи нашъ народъ былъ малорелигіозенъ, что

эта холодность къ религіи была очень сильна и въ XVII в. А между тѣмъ явился церковный расколъ, растространился и упорно боролся за свое существованіе. Отсюда уже самъ г. Юзовъ выводитъ, что, стало-быть, «въ расколѣ главной двигающей силой была не религія, а нѣчто другое» (стр. 10). Что-же именно?

Въ XVII в., рассказываетъ г. Юзовъ по Шапову, — и низшее духовенство, и міряне нерѣдко сопротивлялись распоряженіямъ духовныхъ властей; міряне старались освободиться отъ духовнаго суда и держать низшее духовенство отъ себя въ зависимости. Міръ выбиралъ священника, міръ вмѣшивался и заправлялъ всѣмъ церковнымъ хозяйствомъ. Когда явился деспотическій Никонъ и сталъ усиливать церковную власть и ставить низшее духовенство внѣ зависимости отъ мірянъ, то эти реформы встрѣчены были всеобщимъ неудовольствіемъ, которое Никонъ еще больше усилилъ своими грубыми и жестокими поступками по отношенію къ духовенству, народу и даже боярству. Такъ-что когда онъ сталъ исправлять обряды и книги, недовольные имъ лично (а это были *ест*) возстали противъ исправленій, лишь потому что ихъ вводилъ Никонъ. (Такимъ образомъ по Юзову какъ-будто выходитъ, что если-бы не было Никона, то не было-бы и раскола?). «Такъ явилось въ свѣтъ то знамя, вокругъ котораго стали группироваться всѣ недовольные церковнымъ управленіемъ» (стр. 15). Старовѣры стали защищать право личности. (Откуда явилось сознаніе «правъ личности», авторъ не показываетъ). Начиная борьбу съ церковнымъ управленіемъ, старовѣры сначала думали найти поддержку въ гражданскихъ правителяхъ, но послѣдніе стали на сторону церкви, и поэтому движеніе скоро перешло въ сферу гражданской (?) народной жизни, и во главѣ его стали являться и дѣйствовать въ духъ чисто демократическомъ партизаны противогосударственные, каковы, напр., Хованскій(?!), Стенька Разинъ, Денисовы (?!) и пр. Это по Шапову, и въ этомъ - то пунктѣ послѣдній смѣшиваетъ два движенія въ одно, и въ голову его ставитъ расколъ. Г. Юзовъ, повидимому, ясное различаетъ движенія XVII в. и находитъ нужнымъ сдѣлать поправку. Все это, по его мнѣнію, произошло не вдругъ, и первыя попытки старовѣровъ связать свое дѣло съ бунтовщиками были неудачны. Примѣромъ служитъ стрѣлецкій бунтъ 1682 г., причемъ стрѣльцы попадаютъ въ «противники государства». «Но не пали духомъ старовѣры отъ этой первой неудачи, съ нечеловѣческою твердостью шли они къ своей цѣли». Старовѣры стояли въ оппозиціи къ началству подъ знаменемъ св. писанія. Ихъ протестъ противъ социальнаго строя былъ формулированъ посредствомъ истинъ, взятыхъ изъ богословскихъ

книгъ. Но до формы, въ какой выливались идеи, имъ мало было дѣла; главное, надо было ихъ систематизировать въ известное ученіе, и богословіе въ этомъ имъ сильно помогло. Недовольство социальными порядками, вылившись въ религіозной формѣ, заявило, что его можно удовлетворить только возвращеніемъ къ старому строю, потому что этотъ строй былъ лучше. Древняя Русь жила областною самостоятельною жизнью, она представляла федерацію областей. Областная эта самостоятельность, которую московскіе цари душили съ Ивана III и которая снова явилась было въ эпоху самозванцевъ, съ Михаила Федоровича опять начала падать подъ давленіемъ московской централизаціи. Но можетъ быть, паденіе областной самостоятельности было на роду ея написано? Можетъ быть, въ самой домосковской эпохѣ были какіе-нибудь «органическіе пороки», благодаря которымъ ея возрожденіе становилось невозможнымъ? Г. Юзовъ это отрицаетъ. Главная вещь — татары! Пришли эти «поганые» люди, заплотили русскую землю и въ наслѣдство послѣ себя оставили Шемякинъ судъ вмѣсто «Русской Правды», оставили «Уложеніе» Алексѣя Михайловича, крѣпостное право, деспотизмъ, бюрократію и даже исполнителей и оберегателей всего этого, въ видѣ разныхъ казанскихъ, астраханскихъ князей, царевичей и пр., которыхъ татарская цивилизація приняла къ себѣ на службу, желая такимъ образомъ обезпечить свое существованіе, такъ — какъ она видѣла недостаточность своихъ силъ (стр. 20, 21). Такимъ образомъ, выходитъ, что русское общество въ періодъ появленія раскола регрессировало по антинациональной дорогѣ подъ давленіемъ татаръ настоящихъ и татаръ русскихъ. «Христіанскія начала задавливались татарскими, національныя особенности не принимались во вниманіе, тѣмъ болѣе, что управляющіе слои, состоя большею частію изъ чуждыхъ русскому духу элементовъ (что ни слово, то вопросительный знакъ!) не имѣли даже понятія (?) о характерѣ и «міросозерцаніи того народа, надъ которымъ они господствовали» (это въ срединѣ-то XVII в.!).

Расколъ, напротивъ, сталъ защищать національныя особенности и стоялъ такимъ образомъ «собственно не за старые, а за лучшіе порядки». Во время стрѣлецкаго бунта (1682 г.) раскольники «окончательно выказали свое противогосударственное направленіе, и съ тѣхъ поръ расколъ образовалъ противогосударственную общину, въ которой скоплялись всѣ недовольные почему-либо правительствомъ. Жестокости Петра I-го сдѣлали то, что «народъ сталъ смотрѣть на него съ ужасомъ». «Послѣ страшныхъ стрѣлецкихъ казней Петръ могъ дѣлать, что ему угодно». Но дѣло у него не шло. Онъ собиралъ и складывалъ

«государственную хранину», а народъ «брелъ врознь». Главными организаторами сопротивленія при Петрѣ явились старовѣры (стр. 24—25). Въ чемъ-же оно выразилось? Старовѣры, отвѣчаетъ г. Юзовъ—обозвали Петра антихристомъ за то, что онъ называлъ себя императоромъ и самодержцемъ, учили народъ не записываться въ переписныя книги, не брать паспортовъ, не платить податей,—протестовали противъ самаго устройства и состоянія государственнаго управленія. Ненависть къ Петру перешла и на его потомковъ, и до сихъ поръ старовѣры убѣждены въ томъ, что царь—антихристъ и что царство его—царство антихристово, и только часть изъ нихъ, подъ влияніемъ реформъ нынѣшняго (теперь прошлаго) царствованія, начала смягчать свой взглядъ на государство» (стр. 27—28). Но вѣдь расколъ не былъ единственной формой протеста, почему-же другія формы вырождаются, а расколъ, напротивъ, растетъ? Это потому, рѣшаетъ г. Юзовъ—что расколъ пропагандировалъ свои идеи, опираясь на единственную въ то время науку—богословіе. «Самосожигательство» было крайнимъ исходомъ борьбы съ правительствомъ за дѣйствительно усвоенные догматы, но это было крайнее средство, къ которому старовѣры прибѣгали очень рѣдко (?), а главный способъ избѣгнуть рукъ антихриста—было бѣгство. Убѣгая, старовѣры организовали общины, слободы, населенныя сотнями тысячъ враговъ государства (!); эти «враги» поставили своею цѣлью воздвигнуть оплотъ противъ государства. И здѣсь созрѣла та національная цивилизація, которая характеризуется отрицаніемъ государственныхъ порядковъ новаго времени (?) и противодѣйствіемъ государственному духу» (стр. 32).

Но (послѣ всего сказаннаго) расколъ не представлялъ изъ себя чего-нибудь цѣльнаго; онъ скоро раздробился на согласія, и это было вполне естественно (?!), послѣ того, какъ расколъ вышелъ изъ рукъ духовныхъ и сдѣлался образовательнымъ элементомъ для простолюдина. Дробленіе на согласія, впрочемъ, не ослабляло его силы; отдѣльныя общины (согласія?) поддерживали одна другую. Болѣе сильная секта помогала распространяться слабой. И затѣмъ ужъ, конечно, «изъ всего изложеннаго нами выше о причинахъ появленія и распространенія старовѣрія, слѣдуетъ, что расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго уединеннаго прогресса» (34).

Я нарочно подробно изложилъ всю 1-ю главу труда г. Юзова, чтобы читатель убѣдился, какое это жалкое и неблагодарное занятіе разрисовывать явленіе подъ цвѣтъ своихъ иллюзій, вмѣсто того, чтобы серьезно его изслѣдовать, серьезно вникнуть въ его истинный смыслъ.

Недостало-бы мѣста, разбирать все это курьезное шатаіе мысли, эти неожиданные переходы изъ тона Шапова въ тонъ Костомарова, эту поразительную теорію татарской цивилизаціи и пр. и пр. Откуда, напр., въ расколѣ явилась защита правъ личности? Въ чемъ она проявилась? Какимъ образомъ движеніе, начавъ съ рѣшенія вопросовъ церковнаго устройства и управленія, перешло къ противогосударственному протесту? Ничего неизвѣстно. Затѣмъ, какъ вышло, что социально-реформаціонное движеніе, формулировавшее свои общественные идеалы при помощи св. писанія, имѣвшее ясныя и опредѣленныя цѣли и задачи, какъ рекомендовалъ г. Юзовъ, вдругъ оказалось, по его-же словамъ, неизмѣющимъ ничего цѣльнаго и раздробилось на религіозныя согласія? Какъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ вошелъ въ сознаніе протестантовъ не *церковный*, а религіозный элементъ и какъ онъ сдѣлался образовательнымъ элементомъ для простолюдина, дотолѣ индифферентнаго къ религіи? Почему въ началѣ главы Юзовъ утверждалъ, что въ расколѣ главной движущей силой была не религія, а нѣчто другое, въ срединѣ—продолжая эту мысль, заявлялъ, что расколъ поставилъ себѣ цѣлью «воздвигнуть оплотъ противъ государства», а въ концѣ утверждаетъ, что цѣльнаго въ расколѣ ничего не было и что расколъ былъ крупнымъ явленіемъ умственнаго народнаго прогресса? Въ какой-же сферѣ прогрессировала массовая мысль: въ сферѣ-ли религіозной, или въ познаніи законовъ природы и общественной жизни, или во всѣхъ этихъ областяхъ вмѣстѣ? Костомаровъ говоритъ, что народъ прогрессировалъ умственно въ религіозной области, заинтересовавшись на первыхъ порахъ книгами, которыя приходилось защищать, что онъ сталъ съ этихъ поръ учиться думать, рассуждать и что первымъ матеріаломъ для упражненій его мысли сдѣлалась естественно религія. Но изъ «ислѣдованія» г. Юзова этого не видно.

Я не стану распутывать противорѣчій, напутанныхъ г. Юзовымъ. Гораздо интереснѣе провѣрить, точно-ли «главную суть» въ расколѣ составляла не религія, а нѣчто другое? Точно-ли народъ былъ индифферентенъ къ вѣрѣ? Нѣтъ надобности, конечно, утверждать вмѣстѣ съ славянофилами и ихъ современными эпигонами, что нашъ народъ исключительно религіозный народъ, такой религіозный, что подобнаго ему во всемъ свѣтѣ не съищешь. Вѣрно и то, что до XVII в. народъ въ массѣ былъ равнодушенъ къ христіанству, бывшему выше его умственнаго развитія. Но развѣ до христіанства не было религіи у нашего народа? Конечно, нельзя назвать религіей въ точномъ смыслѣ совокупность народныхъ суевѣрій и вѣрованій; въ этихъ

вѣрованіяхъ не было связности, систематичности; но для народа эти вѣрованія, несомнѣнно, служили суррогатомъ религіи, какъ и для всякаго другого народа, какъ и для самыхъ грубыхъ, первобытныхъ дикарей. Какъ и все на свѣтѣ—эта народная, первобытная религія, съ которой могъ-бы г. Юзовъ познакомиться въ лѣтописяхъ, былинахъ, обрядахъ, суевѣріяхъ и пр., подлежала закону развитія и развивалась. Христіанство, введенное у насъ въ началѣ записанной исторіи, входило въ сознаніе народное крайне медленно. Но, входя въ жизнь, оно не замедлило повліять на туземную религію, отразиться на ней. Подчасъ суевѣрія принимали внѣшній, обрядовый обликъ христіанства, иногда христіанская идея, христіанскій типъ попадали въ народное сознаніе и въ немъ ассимилировались съ господствующимъ строемъ народной мысли. Накопленіе жизненнаго опыта и, стало-быть, разъ-отъ-разу развивавшаяся способность къ болѣе широкимъ обобщеніямъ все больше и больше подготовляли почву для болѣе широкой религіозной идеи, для болѣе глубокаго пониманія истинъ христіанства. Въ XIV в., въ вольномъ Новгородѣ, естественно болѣе развитомъ умственно, благодаря своему положенію, уже являются христіане вольнодумцы, отрицающіе и язычество, и официальное христіанство, «доходящіе своимъ умомъ» до своеобразнаго пониманія христіанской идеи. Они не произвели, впрочемъ, сильнаго, религіознаго движенія. Даже позднѣе — усилій. Геннадія было вполне достаточно для того, чтобъ задуть движеніе «жидовствующихъ» (конецъ XV и начало XVI в.). Но свое значеніе эти вольнодумцы все-таки имѣли. Они выносили религію на площадь; выводы своей мысли они бросали въ массы и заставляли ихъ прислушиваться къ своимъ голосамъ, думать, спорить. Еще Іосифъ Волоцкій (обличитель и гонитель жидовствующихъ, ревностный помощникъ Геннадія) жаловался, что «на улицахъ, на торжищахъ вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаются». И вотъ эта-то пытливость мысли и вызвала религіозное движеніе—расколъ XVII в. Массы въ XVII в. были, можетъ-быть, индифферентны къ официальной религіи, но къ проповѣди христіанства, благодаря предшествовавшей эволюціи религіозной мысли, они были уже воспримчивы. Среди нихъ уже не рѣдкость стали Аввакумы, Никоны, Нероновы, Лазари, Корнпліи, Капитоны и пр. И эти люди для массъ были уже понятны; возбужденная народная мысль бродила и искала выраженія, какое и давали ей расколуучители, вышедшіе изъ ея-же среды. Послѣдніе были христіане, но христіане особаго рода; въ нихъ христіанство являлось не какъ цѣлая, строго проведенная въ ясныхъ логическихъ формулахъ система,

а лишь какъ цѣлостное господствующее *настроение*, не уложившееся еще въ систему подъ вліяніемъ неподверженныхъ сомнѣнію церковныхъ авторитетовъ. Это настроеніе было ими усвоено не въ школѣ а своими личными усиліями, своимъ чтеніемъ и размышленіемъ, безъ указки «каноническаго правила». Имъ никто не говорилъ: «доселѣ дойдеши и не преjdeши». Этотъ предѣлъ ставился только силою каждаго отдѣльнаго ума. Чѣмъ сильнѣе былъ человѣкъ умственно, тѣмъ больше рвался онъ изъ-подъ узъ авторитета, тѣмъ больше въ его ученіи оказывалось еретичества. Да не смущается читатель тѣмъ обстоятельствомъ, что вожди раскола объявляли себя за старину, за обрядъ, за «азъ»; это стояніе за «азъ» можетъ обманывать развѣ только одного г. Мордовцева, который, по какому-то непонятному капризу, больше ничего не хочетъ въ расколѣ видѣть. Стоя за «азъ», расколоучители тѣмъ не менѣе проповѣдывали, напр., и такія истины, что хотя Богъ мученіями и грозитъ, но, по безконечному своему милосердію, своего созданія въ конецъ не погубить. Да и не мало подобныхъ «новшествъ» можно найти въ quasi-старинѣ догматики даже первыхъ расколоучителей. Для примѣра, еще отмѣтимъ оригинальное ученіе Аввакума о Троицѣ, его толкованіе на книгу Бытія, гдѣ наивно-суевѣрное, языческое міросозерцаніе смѣшивается съ правильно-понятыми нравственными истинами христіанства и пр. (см. «Матеріалы для ист. раскола, изд. Н. И. Субботина, т. V).

Вотъ въ этомъ-то развитіи народно-религіозной мысли и заключается, по моему мнѣнію, главнѣйшая причина раскола. Церковная-же реформа Никона была только *поводомъ*, но никакъ не причиной его появленія. Изъ выясненной причины становится понятною и защита правъ личности. Расколъ на первыхъ же порахъ сталъ за свободу совѣсти и проповѣди, за это одно изъ важнѣйшихъ правъ личности вѣрующей и убѣжденной.

Я не могу входить здѣсь въ разсмотрѣніе вѣростепенныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ появленію и распространенію раскола, но не могу не отмѣтить, во избѣжаніе недоразумѣній, той, говоря словами Шапова, «атмосферы, подъ вліяніемъ которой развивался расколъ», это—гражданскихъ (экономическихъ и политическихъ) беспорядковъ и недостатковъ XVII в. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти беспорядки много способствовали распространенію раскола и даже такой формулировкѣ ученія его, которая дала (хотя и неосновательный) поводъ Шапову записать старовѣровъ въ ряды социальныхъ протестантовъ-реформаторовъ и создала иллюзію гг. Юзова и Пругавина.

Въ общей атмосферѣ московскаго неустроенія развилось и со-

зрѣло то умственное и нравственное *недовольство*, которое было источникомъ двухъ движеній, иногда сближавшихся, но никогда не сливавшихся во едино, какъ увѣряетъ Шаповъ. Взоры народного недовольства, вызваннаго экономическими неустройствами, крѣпостническими и приказно-централистическими стремленіями Москвы, были уже въ самомъ разгарѣ (бунты шли съ 1648 г.), когда явился расколъ, съ перваго момента своего появленія (1653 г.) возставшій тоже (въ томъ, что касается церковнаго устройства) за земское участіе въ дѣлахъ церкви и за церковнообластную независимость (см. Древн. и Нов. Рос. № 1, 1881 г. Біографія И. Неронова). И въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оба эти движенія шли разными, ясно различимыми путями. Взаимодѣйствіе между движеніями, разумѣется, было, но никакъ не выразилось оно въ слитіи двухъ движеній въ одно, и ужь конечно, не старовѣры первые протягивали руку сближенія, какъ это утверждаетъ г. Юзовъ на совершенно ложныхъ основаніяхъ. Все дѣло въ томъ, что ни Шаповъ, ни г. Юзовъ не хотѣли обратить вниманія на внутреннюю жизнь раскола, на умственное движеніе, начавшееся, благодаря ему, среди протестантовъ. А между тѣмъ, это движеніе чрезвычайно важно, и его нельзя опускать изъ вида при оцѣнкѣ раскола. Первые расколоводы и учителя, благодаря своей фанатической, страстной проповѣди, заинтересовали массы такую бездную чисто-религиозныхъ, догматическихъ и церковно-устроительныхъ вопросовъ, что въ нихъ трудно, почти невозможно было разобраться сразу. Масса послѣдователей расколуучителей подхватила завѣщанное ей наслѣдство и, конечно, занялась имъ. Эти вопросы и поглотили все ея вниманіе, въ силу той высокой важности, съ какой представлялись они воспримчивому уму человѣка XVII в.

И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка, котораго со всѣхъ сторонъ гнететъ «горе-злосчастье», который хорошенько даже не понимаетъ, откуда идетъ на него это горе, не знаетъ, куда укрыться отъ него. Неудовлетворенный, бросается онъ въ разныя стороны и ищетъ успокоенія своего взволнованнаго чувства. Сегодня онъ—пьяный—еле «доволокся» до дому «со царевы кружала», гдѣ искалъ мира съ самимъ собою, спокойствія, счастья. Завтра разнесъ «попущеніемъ Божиимъ съ товарищи» князя Юрья Долгорукова, приказнаго дьяка, судью и пр. А на послѣ-завтра нашего протестанта смертнымъ боемъ побили «на правей» изъ-за гривны, которой достать негдѣ. Такова была жизнь въ XVII в. Народное отчаянье назрѣло такъ сильно, что то и дѣло сказывалось въ бунтахъ. Но эти движе-

нія, несмотря на ихъ количество и интенсивность, были таковы, что сразу можно было видѣть ихъ безрезультатность въ смыслѣ улучшеній быта. Они не имѣли ни общей идеи, ни общаго плана, ни даже частныхъ, ясно-формулированныхъ требованій. Это были, дѣйствительно, только движенія чувства, нѣчто совершенно стихійное и уже потому бесплодное. Собирались люди, измученные «приказной волокитой», «правежомъ», взыточничествомъ, обезсиленные голодомъ и холодомъ; собирались какъ-то ненарочно, случайно, вспыхивали какъ порохъ отъ какой-нибудь опять-таки случайной искры и, сами не зная, что дѣлаютъ, въ какомъ-то туманѣ, дѣйствительно, «попущеніемъ Божиимъ», шли къ дому какого-нибудь особенно нелюбимаго человѣка, хватали его и буквально разрывали на части или сбрасывали съ раската, топили въ рѣкѣ и пр. Домъ разносили въ дребезги, грабили «животы» «обидчика», уничтожали то, что не могли унести. Все это продолжалось иной разъ даже нѣсколько дней, пока усиленное напряженіе нервной системы не разрѣшалось полнѣйшимъ упадкомъ силъ, изнеможеніемъ, или пока для успокоенія бунтарей не давалось обѣщаніе возстановить поруганную правду... И когда такая вспышка, наконецъ, унималась, жизненная тяга становилась еще мучительнѣе, еще невыносимѣе. И вотъ въ это-то время являлись Аввакумы, Нероновы, Лазари; являлись предъ толпою и, презирая и ея, и свои собственные страданія, добродушно смѣясь надъ вспышками толпы, говорили объ адѣ и раѣ, о необъяснимомъ блаженствѣ въ будущемъ, далекомъ мірѣ, о блаженствѣ въ царствѣ свѣта и счастья, которое обѣщалось всѣмъ огорченнымъ, страдающимъ, обремененнымъ. Но этого мало. Эти люди обрушивались, кромѣ того, съ страшной, беспощадной критикой на эту-же самую толпу; они разрушали всѣ ея нравственныя привычки, весь обычный складъ ея жизни и нравовъ. Эту-же страдающую толпу они корятъ, ей-же еще грозятъ гнѣвомъ Божиимъ... И это свои люди! Толпа озлоблялась и на нихъ, гнала ихъ, была «смертнымъ боемъ» и видѣла, что эти побой они «носятъ на тѣлѣ какъ нѣкій даръ» небесный. Откуда такая цѣльность? Что даетъ этимъ людямъ силу такъ спойно выносить страданія? Неужели, дѣйствительно, нашли они убѣжище отъ «горя-злосчастья»?.. И толпа невольно прислушивалась къ рѣчамъ проповѣдниковъ, заинтересовывалась ими, входила въ новый міръ, въ міръ идей, образовъ себѣ довлѣющихъ, увлекалась этими идеями и образами въ ихъ сущности и находила нравственный устой. Внѣшній міръ остался позади: тамъ зло и мерзость; протестанты, подѣ влия-

ніемъ воспринятыхъ идей, относятся къ нему лишь постольку, поскольку это нужно для того, чтобы пострадать, принять мученическій вѣнецъ отъ рувъ мучителей. Всѣ-же симпатіи оказываются на сторонѣ вновь открытаго міра, все вниманіе принадлежитъ ему. А тутъ еще оказывается, что идейное наслѣдство, завѣщанное протестантамъ отцами, страшно велико, неразобрано, полно ужасающихъ противоположностей. При первой попыткѣ разобраться въ наслѣдствѣ, встаетъ масса новыхъ вопросовъ, закипаютъ споры, умственные интересы поглощаютъ и отодвигаютъ на задній планъ всѣ другіе низшіе интересы. Начинается дробленіе на согласія. И началось оно въ расколѣ очень рано. Уже около 1690 г. образуется Аввакумово согласіе, отдѣлившееся изъ-за разногласій чисто-догматическаго характера. Но религіозно-догматическіе споры начались гораздо раньше. Еще Аввакумъ оставилъ въ своихъ письмахъ нѣсколько свидѣтельствъ тому. Въ посланіи, напр., къ неизвѣстному лицу онъ проситъ своего ученика не удивляться и не смущаться, что «нѣсть согласія между вѣрными. Чередъ тому и время пришло... А что противятся другъ-другу — пускай такъ! Тамо истина и правда больше сыскивается... Грызитесь прилежно! Я о томъ не зазираю. Токмо праведнѣ и чистою совѣстью розыскивайте истину» (Мат. для ист. раск., т. V, стр. 216—218). Аввакумъ «съ товарищи» былъ сожженъ въ 1681 г., и его посланіе, цитированное нами, относится ко времени между 1667 и 1681 гг. Уже въ это время, значитъ, религіозные споры были въ полномъ разгарѣ. Все это говорю я затѣмъ, чтобъ доказать г. Юзову, что именно религія сама въ себѣ всецѣло овладѣвала вниманіемъ недовольнаго, лишь только онъ вступалъ въ ряды раскольниковъ. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе дѣлалось это увлеченіе религіозными вопросами, это маханье рукой на остающуюся позади сектанта «виѣшнюю» жизнь. Если-бы г. Юзовъ соблагоизволилъ обратить вниманіе на внутреннюю, интимную, такъ-сказать, жизнь раскола, онъ избѣжалъ-бы не одной крупной несообразности. Онъ-бы не сталъ тогда говорить, что расколъ сталъ во главѣ мятежнаго движенія XVII в. Онъ увидѣлъ-бы, пожалуй, наоборотъ, что расколъ *отвлекалъ* отъ мятежнаго движенія очень и очень много недовольныхъ, поглощалъ ихъ вниманіе, направляя его всецѣло на вопросы чисто-религіозные. Вотъ истинное соотношеніе и взаимодѣйствіе между гражданскимъ и церковно-религіознымъ движеніями XVII в.

И. Харламовъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ЗАМѢТКИ ЗЕМЦА *).

О ЗЕМСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ И ЗЕМСКИХЪ ПРИЕМАХЪ.

I.

Земскія изданія.—Земскія мѣропріятія внѣ текущихъ дѣлъ.

Я уединяюсь, запираю всѣ двери и окна, чтобы никакой шумъ не могъ меня потревожить, окружаю себя массами земскихъ изданій и начинаю попеременно воображать себя на мѣстѣ избирателя разныхъ губерній и уѣздовъ. Гласные, члены управъ, земскіе воротилы,—тѣмъ, пожалуй, многое доступно; нѣтъ, я воображаю себя на мѣстѣ простого, скромнаго избирателя, избирателя по довѣренности. Добросовѣстный и мнительный, онъ желаетъ исполнить свое порученіе какъ слѣдуетъ честному человѣку, а потому старается сначала узнать обстоятельнѣе, что такое земство и какъ оно дѣйствуетъ, чтобы имѣть понятіе о томъ, что слѣдуетъ искать въ избираемомъ лицѣ.

Выполненіе этой задачи оказывается сопряженнымъ съ весьма существенными затрудненіями; кругомъ земствъ царитъ таинственный мракъ. Засѣданія собраній, разумѣется, публичны, но вѣдь нельзя-же простому избирателю постоянно на нихъ присутствовать или каждый разъ летѣть для этого за сорокъ или за сто верстъ въ городъ; публика должна имѣть болѣе удобныя средства, чтобы слѣдить за дѣятельностію земства. Но едва-ли даже и постоянные посѣтители земскихъ собраній поймутъ на нихъ что-

*) Списокъ земскихъ изданій, служившихъ матеріаломъ при составленіи настоящей статьи, заключаетъ въ себѣ 115 названій и занимаетъ 16 страницъ рукописи. Мы не печатаемъ этого списка ради экономіи мѣста и потому еще, что ссылки на источники дѣлаются авторомъ въ текстѣ. *Ред.*

нибудь. Вотъ, гласный начинаетъ говорить земству о результатахъ своей ревизіи. Онъ ревизовалъ больницу, учительскую семинарію или что-нибудь тому подобное; онъ нашелъ все въ порядкѣ и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ очень небольшое значеніе; а въ городѣ говорятъ, что на больницу вывели столько молока, что больныхъ можно было-бы въ немъ купать, на картофель выставляли тройную цѣну, въ семинаріи израсходовали на крупу только половину денегъ, на бѣлье только третью часть. Не угодно-ли разсудить, кто правъ. Понятно, что на собраніи нельзя прочитывать отъ первой строки до послѣдней всѣ отчеты, а потому и остается одно: обращаться къ печатнымъ его изданіямъ. Конечно, для публики они такъ-же легко доступны, какъ для жителя Пекина китайскій богдыханъ, но все-таки болѣе ничего не остается дѣлать.

Избиратель подписывается на какое-нибудь изданіе въ родѣ «Владимірскаго Земскаго Сборника» или добываетъ себѣ «Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія» или «Журналы постановленія макарьевскаго уѣзднаго земскаго собранія», или что-нибудь въ этомъ родѣ, смотря по мѣсту, гдѣ онъ живетъ. Онъ прилагаетъ особое усердіе, чтобы добыть себѣ земскій ежегодникъ. Какъ бѣдный человѣкъ, онъ подумалъ два раза прежде, чѣмъ заплатить 6 рублей за «Земскій ежегодникъ за 1877 г. Спб. 1879». Но, посмотрѣвъ на обертку книги, гдѣ сказано: «подъ редакціею Ф. И. Шмигельскаго и подъ наблюденіемъ особой комиссіи», онъ утѣшаетъ себя соображеніемъ, что, должно-быть, книга очень дѣльная, если цѣлая комиссія заботилась о ея составленіи.

Конечно, это утѣшительное настроеніе будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока онъ не заглянетъ въ книгу дальше обертки. Но лишь только онъ это сдѣлаетъ, какъ увидитъ, что купилъ нѣчто среднее между настольнымъ реестромъ и собраніемъ архивныхъ справокъ. Почему для такой работы создана была цѣлая комиссія—ему не догадаться; ему все будетъ казаться, что любой архивный писецъ способенъ былъ-бы создать текстъ съ такимъ-же успѣхомъ и любой счетный чиновникъ, получающій 60 рублей въ мѣсяцъ, составить такія-же таблицы. Этотъ отзывъ можетъ показаться слишкомъ рѣзкимъ, но онъ необходимъ. Необходимо, чтобы у насъ перестали появляться такія безобразныя статистическія работы. На что годенъ этотъ текстъ? Для справокъ онъ не годенъ; для справокъ необходимъ сводъ, гдѣ-бы по статьямъ была собрана вся земская дѣятельность, за все время, а не за одинъ годъ; для чтенія онъ невозможенъ. Чтобы дать понятіе объ успѣхахъ зем-

ства въ теченіи года? Но за это должны-бы взятыя люди, знающіе всю дѣятельность земства и умѣющіе въ болѣе или менѣе живомъ изложеніи показать, въ чемъ заключается прогрессъ или регрессъ мѣръ за истекшій годъ. Странная манера сдѣлать заманчивое и авторитетное заглавіе, заломить не по уму высокую цѣну и не дать себѣ даже труда подумать, для чего-бы могло служить изданіе ¹⁾! Вообще, въ нашей статистикѣ слишкомъ развилась манера валить съ плеча, не спрашивая себя, зачѣмъ и почему, благо трудъ печатается, несмотря на то, будетъ-ли онъ цѣлесообразенъ или нѣтъ.

Послѣ такого фіаско, нашему избирателю придется ограничиться своимъ мѣстнымъ изданіемъ. Просматривайте такія изданія, и вы найдете въ нихъ массы разнороднѣйшихъ свѣденій, изъ которыхъ одни уже ни къ чему ни годны, а другія годны для самыхъ разнородныхъ потребностей и цѣлей. Все это разорвано на клочки и сбито въ одну безпорядочную кучу, съ искаженіями и сокращеніями, для которыхъ источникомъ служила исключительно одна прихоть и фантазія составителей. Въ такомъ видѣ эти кучи свѣденій составляютъ не больше, какъ кучи мусора, съ которыми справиться не всякому по силамъ.

Прежде всего вы находите тутъ свѣденія такого сорта: списки гласныхъ, членовъ управы и т. п., свѣденія о посѣщеніи гласными собраній, свѣденія о распредѣленіи участковъ для дорожной повинности и т. д. въ томъ-же родѣ. Знать, напримѣръ, имена членовъ управъ, можетъ быть, важно для мѣстнаго жителя по очень разнообразнымъ причинамъ; для избирателя, отправляющагося на сѣздъ, можетъ быть, весьма любопытно просматрѣть, какъ гласные посѣщали засѣданія; для лица, на которомъ лежитъ дорожная повинность—узнать, какъ распредѣлены участки. Но всѣ эти потребности не имѣютъ между собою ничего общаго. Ну какъ заставить человѣка пріобрѣтать толстую книгу только для того, чтобы узнать: находится-ли таковой-то еще въ числѣ членовъ управы или какой дорожный участокъ назначенъ такому-то? Такія свѣденія должны печататься отдѣльными листками, продаваться по низкимъ цѣнамъ, въ родѣ 1½ или 2 коп. и рассылаться въ такія мѣста, гдѣ-бы они были по возможности доступны для нуждающихся ²⁾.

¹⁾ Если мнѣ скажутъ, что то-же можно сказать и о земскомъ ежегодникѣ за 1876 годъ—я спорить не буду.

²⁾ Въ этомъ отношеніи можно-бы указать на вятскія изданія въ родѣ слѣдующихъ: „Земская роспись, смѣта и раскладка губернскаго земскаго сбора по вятской губерніи на 1880 годъ. Вятка 1880“. Или „Отчетъ вятской губернской упра-

Добираясь чрезъ этотъ хламъ до сути земской дѣятельности, любознательный избиратель замѣтитъ только, что изданіе имѣеть поразительное сходство со всѣми остальными мѣстными изданіями въ томъ, что составлено людьми, очевидно, непривычными къ литературному труду. Подобная непривычка вытекаетъ изъ полнаго отсутствія всякой мѣстной состязавшейся прессы. Поэтому мѣстные грамотѣи никогда не думали о томъ, каковы потребности читателей и какъ ихъ удовлетворять. Отъ этого-же читающая публика лишена возможности знакомиться съ сутью провинціальной жизни.

Представьте себѣ, что какой-нибудь смоленскій избиратель беретъ «Журналъ XV очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія, засѣданіе съ 8-го по 21-е января 1880 г.», чтобы узнать суть обыкновенныхъ занятій земства. Послѣ тщетныхъ усилій составить о нихъ общее понятіе, онъ берется за смѣту, полагая, что въ ней найдетъ все, что ему нужно, и что размѣры разныхъ расходовъ дадутъ ему осязательное указаніе на относительно важную земскихъ издержекъ. Не тутъ-то было: кромѣ обязательныхъ, онъ въ необязательныхъ расходахъ найдетъ только двѣ крупныхъ статьи: на управу 13,250 р. и почти все остальное, до 58,506 р. 89 коп., на гимназій, прогимназій и т. п. заведенія. Онъ сразу увидитъ, что это не даетъ ему никакого понятія о существенныхъ расходахъ земства, напротивъ, крупные и неизбежные расходы совсѣмъ упущены; расходъ на учебныя заведенія могъ даже вовсе не существовать, онъ былъ созданъ исключительной слабостью смоленскаго губернскаго земства къ заведеніямъ, гдѣ воспитываются дѣти привилегированныхъ классовъ. Но даже и эти свѣденія въ смѣтѣ разорваны на клочки (стр. 75, 8, 378). Далѣе, напр., на стр. 78 опять другая смѣта, по богоугоднымъ заведеніямъ, въ 54,939 р. 48 к. и по ней показывается дефицитъ около 20,000 р. кругляшомъ; значитъ, дѣло не ладное и серьезное, тѣмъ болѣе, что на стр. 414 предположено 57,038 р. 30 к. и дефицитъ 23,582 р. 32 к. Каково-же будетъ его удивленіе, если онъ узнаетъ, что это вовсе не дефицитъ, а сбивчивое выраженіе, показывающее только то, что искусство сбивать съ толку процвѣтаетъ въ земствѣ, никакъ не

ви о денежномъ губернскомъ земскомъ продовольственномъ капиталѣ за 1879 г. Вятка, 1880^а. Или «Отчетъ вятской губернской земской управы о губернской земскомъ капиталѣ за 1879 г. Вятка, 1880^а. Но излагать такъ отчеты нѣтъ цѣли; въ этомъ случаѣ нуженъ полный обзоръ дѣятельности земства за годъ по известному предмету, приспособленный къ изученію, а для справокъ интересующихся размѣромъ полномочій, данныхъ управѣ собраніемъ, нуженъ другой составъ свѣденій; нѣтъ нужнаго и много лишняго.

менѣе, какъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ. На стр. 238 въ смѣтѣ по страхованію вы видите 25,865 руб., почти все на агентовъ и канцелярію, такъ-что можно, пожалуй, подумать, что другихъ расходовъ тутъ и нѣтъ. Между тѣмъ какъ, на стр. 419, вы видите въ 1879 г. расходъ по застрахованію 236,886 р. 14 к.

Потерпѣвъ неудачу со смѣтой, читатель можетъ подумать, что ему легче составить себѣ понятіе о земствахъ и ихъ дѣятельности по отдѣльнымъ выдающимся случаямъ распоряженій, ибо тутъ сразу обрисовывается типъ дѣятельности. Но лишь только онъ приметъ такое рѣшеніе, онъ тотчасъ-же убѣдится, что вліяніе, которое имѣетъ отсутствіе мѣстной прессы на мѣстные изданія, составляетъ самую невинную часть вреда; всѣ выгоды, которыя получаются чрезъ право избранія, самоуправленія, начинаютъ исчезать, по причинѣ отсутствія критики въ прессѣ, и если самоуправленіе при этомъ условіи дастъ не худшіе результаты, чѣмъ бюрократія, то это все, что можно ожидать. Вы на каждомъ шагѣ убѣждаетесь, что земство усвоило себѣ всѣ бюрократическіе приемы и дѣлаетъ распоряженія въ видѣ отписки, наобумъ, не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ и какъ ихъ исполнять.

Не угодно-ли прочесть проектъ постановленія александровскаго земства о мѣрахъ къ предупрежденію и прекращенію повальныхъ и заразительныхъ болѣзней ¹⁾. § 2 «Поверхность дворовъ должна состоять изъ чистой земли и быть очищаема отъ всякихъ нечистотъ, какъ-то: сору, навозу и т. п., не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, съ удаленіемъ нечистотъ въ поле, не ближе версты отъ околицы села». Возможно-ли для крестьянина вывозить два раза въ недѣлю навозъ круглый годъ, и въ сѣнокосъ, и въ страду, и среди зимы, не удобрять полей и огорода на версту кругомъ селенія? § 3 «Въ видѣ исключенія допускается: б) навозъ складывать тонкимъ слоемъ на поверхности земли, а не въ кучи... Но вѣдь такой навозъ долженъ вывѣтриться и пропасть. § 6 «Въ жилыхъ строеніяхъ не допускается храненіе сырыхъ кожъ, выдѣлка кожъ, сыромять, крашеніе тканей. § 7 Конюшни, скотные и овечьи сараи должны быть тщательно ежедневно очищаемы отъ навоза». Къ чему можетъ вести такое безобразное внимательство въ частное хозяйство? Понятно послѣ этого, почему земскія санитарныя предписанія по всей Россіи оставались въ громадномъ большинствѣ случаевъ мертвою буквою.

Или вотъ другой примѣръ. Закономъ 17-го апрѣля 1879 г.

¹⁾ Протоколи александровскаго уѣднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екатеринбургъ, 1880, стр. 189.

предоставлено земствамъ издавать пожарныя правила о постройкахъ въ селеніяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ настаивалъ на скорѣйшемъ изданіи правилъ, и, напр., рязанское земство предписываетъ: «Дворъ долженъ принадлежать одному домохозяину и имѣть не менѣе 400 саж., 8 саж. по улицѣ, проулки должны быть не менѣе 10 саж., гумно должно быть обсажено скорорастущими деревьями, на дворахъ не дозволяется складывать ни скирдовъ, ни соломы, печи выводить съ кирпичными трубами, а глиняныя уничтожить, на овинахъ и на дворѣ имѣть всегда чанъ съ водой и швабру» ¹⁾. Екатеринославское пошло еще далѣе: оно предписало, чтобы всѣ постройки были обсажены деревьями ²⁾, а ростовское услужливо предложило: «воспретить деревянныя постройки и позволять только каменныя и изъ земляного кирпича» ³⁾, т. е. приблизить нашего крестьянина къ дикарю и азіату, строящему домъ изъ грязи. Было-ли-бы возможно для земства создавать изъ себя такой смѣшной фантомъ грознаго начальства, если-бы существовала хотя тѣнь мѣстной критики? Тогда-бы тотчасъ выяснилось, что сначала нужно дать способы къ исполненію, а потомъ предписывать. Такъ сдѣлало глазовское земство и добилось выдачи 16,770 деревьевъ, чтобы обсадить 3,910 дворовъ ⁴⁾. Это было въ лѣсистой вятской губерніи, а екатеринославское земство, въ своей безлѣсной степи, безъ запинки предписало крестьянамъ обсаживать каждое зданіе, не давъ ни одного деревца. Послѣ этого, разумѣется, ничего не можетъ быть естественнѣе того, что воронежскому губернатору въ своей рѣчи пришлось сказать, что хотя съ 1874 года изданы правила объ устройствѣ селеній, но правила эти по большей части остались только на бумагѣ ⁵⁾. Я встрѣчалъ и исполненіе подобныхъ предписаній; напр., зданія обсажены деревьями, но эти деревья охраняли не зданія, а чистое поле, лежащее за ними. Это своего рода отписка, только

¹⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва, декабря 1879 г. Рязань, 1880, стр. 484, 495, 503, 510.

²⁾ Постановленія XIV очередной сессіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія 8—19 декабря 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 766.

³⁾ Тамъ-же, стр. 756.

⁴⁾ Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія XIII очередной сессіи 15—27 декабря 1879 года и доклады уѣздной земской управы. Вятка, 1880 стр. 174. Сызранское земство установило повинность поставки деревъ съ этой цѣлью со стороны лѣсовладѣльцевъ. См. „Земскій Сборникъ черниговской губерніи“ 1878 г. январь, февраль, мартъ и апрѣль, стр. 20.

⁵⁾ Журналы воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 5 до 21 декабря 1879 г. Воронежъ, 1880, стр. 18.

стоящая дороже, чѣмъ листы бумаги. Возмутительныя вещи дѣлались въ саратовской губерніи, гдѣ крестьянамъ воспрещали поправлять избы, потому-что они не согласовались съ правилами, изданными десять лѣтъ и болѣе послѣ ихъ постройки ¹⁾. Въ симбирской губерніи крестьянамъ не откуда было достать саженцевъ, потому-что всѣ лѣса принадлежатъ удѣлу, между тѣмъ противъ крестьянъ возбуждена была, за неисполненіе пожарныхъ правилъ, масса преслѣдованій: въ буинскомъ уѣздѣ 20 дѣлъ, въ сызранскомъ 15, въ курмышскомъ 842, въ ардатовскомъ 31, въ алатырскомъ 294 ²⁾. Развѣ земства не знаютъ, къ чему веди подобныя предписанія? Вѣдь подобныя обязательныя предписанія даютъ случай всякому вмѣшиваться въ частную жизнь крестьянина и пить съ него водку, чтобы не тащить въ мировой судъ. Такъ и стали появляться безобразныя дѣла въ родѣ дѣлъ крестьянъ Емельянова и Григорьева ³⁾.

Тѣмъ-же легкомысліемъ отличаются и другія мѣры. Александровское земство облагало крестьянъ овражковой повинностью выше другихъ владѣльцевъ, подъ тѣмъ фальшивымъ предлогомъ, что чѣмъ меньше владѣніе, тѣмъ легче истреблять овражковъ, и только черезъ 10 лѣтъ догадалось, что это несправедливо ⁴⁾. Сосѣди-же его — земства павлоградское и ростовское и до сихъ поръ еще не догадались; у нихъ былъ въ ходу обратно прогрессивный сусликовый налогъ: крестьяне платили вдвое и втрое болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ ⁵⁾ Разлакомившись на овражкахъ, екатеринославскія земства задумали грандіозную жучковую повинность. Они постановили пріобрѣсти машины для уничтоженія жучка на земскій счетъ и исчислили расходъ въ 400,000 р., 28-го октября 1878 г. екатеринославское губернское земство сдѣлало свое знаменитое постановленіе о субсидіи уѣзднымъ земствамъ въ размѣрѣ 96,720 р., изъ которыхъ и было истрчено 28,000 р. ⁶⁾; все сельское населеніе, съ 15-ти лѣтъ, на 20 верстъ въ окружности должно было отправлять трехдневную жучковую

¹⁾ Доклады саратовской губернской земской управы. Саратовъ, 1879, стр. 88

²⁾ Постановленія симбирскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1875 г. Симбирскъ, 1876, стр. 70, 79.

³⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва, декабря 1879 г. Рязань, 1880, стр. 543.

⁴⁾ Протоколы александровскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 110 и 130.

⁵⁾ Постановленія XIV-й очередной сессіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія 8 и 19 декабря 1879 года. Екатеринославъ, 1880, стр. 159, 167.

⁶⁾ Отчетъ екатеринославской губернской земской управы за 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 318.

барщину съ рабочимъ `скотомъ и орудіями, крупныя-же землевладѣльцы поставляли только своихъ постоянныхъ работниковъ, но и ихъ могли замѣнить доставкой соломы. Законъ 11-го мая 1879 г. постановилъ налагать на владѣльцевъ денежную повинность, въ соразмѣрности съ цѣною личнаго труда крестьянъ; но земство отказалось облагать владѣльцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя вычислить требующуюся съ нихъ сумму. Когда въ собраніи было предложено не раззорять крестьянъ жучковыми штрафами, которые были сосредоточены исключительно на нихъ, то предложеніе это было отклонено, а вмѣсто этого былъ распространенъ на крестьянъ денежный сборъ съ владѣльцевъ. Повинность эта, вслѣдствіе такихъ приѣмовъ, тотчасъ-же сдѣлалась ненавистной, однако-же, крестьянамъ порядочно пришлось пообтереть бока: въ екатеринославскомъ уѣздѣ барщину отправили 27,477 рабочихъ и 28,195 полурабочихъ, въ павлоградскомъ—23,049 рабочихъ и 10,385 полурабочихъ, въ маріупольскомъ—18,466 рабочихъ, въ бахмутскомъ—11,036 рабочихъ и 14,094 полурабочихъ. Куплено 2,485 машинъ на 39,291 руб. 44 коп. Послѣ всего этого переполоху оказалось, что великіе земскіе администраторы, глядя съ высоты своего птичьяго полета, не доглядыли самаго главнаго. Истребленіе такимъ путемъ жучка невозможно; эти приѣмы могутъ быть только дополнительными къ другимъ; лучшій путь—собиранія руками, но его нужно дополнять размноженіемъ насѣкомоядныхъ птицъ: грачей, скворцовъ и другихъ, распространеніемъ на жучкѣ грибовою эпидеміи. При ненавистности повинности оказалось, что рабочіе причиняли полямъ болѣе вреда, чѣмъ жучекъ. Павлоградская управа убѣдилась, что жучколовки просто непримѣнимы къ дѣлу; а одесское земство нашло тоже по отношенію къ повинности: работа при этомъ производится такъ небрежно, что не даетъ никакого результата ¹⁾. Ассигновано 50,000 р. на вознагражденіе рабочихъ и постановлено представить министру внутреннихъ дѣлъ о вредѣ повинности ²⁾. Когда поля перепахивали и сѣяли ленъ и рожь, являлась гусеница и истребляла и этотъ посѣвъ ³⁾. Во всемъ этомъ дѣлѣ лучезарно возсіяло невѣжество земцевъ въ самыхъ

¹⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 312.

²⁾ Сборникъ 1880 г. херсонскаго земства, июль, августъ, сентябрь. Херсонъ, 1880, стр. 8.

³⁾ Постановленія XIV очередной сессіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія 8—19 декабря 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 92, 94, 630, 636. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что причина появленія паразитовъ лежитъ гораздо глубже, чѣмъ полагаютъ земскіе мыслители.

основныхъ понятійхъ о повинностяхъ и о томъ, какъ и кого ими можно обязывать.

Чтобы дѣйствовать послѣдовательно, надобно, разумѣется, вникать, а земства дѣйствовали безъ разсужденій и справокъ. Въ херсонское земство пришелъ сначала одинъ, предложилъ ассигновать на жучка 6,000 р.,—говорять: ладно; потомъ пришелъ другой, предложилъ 50,000 руб.,—опять говорятъ: ладно. Чего тутъ разсуждать, валий смѣлѣй! ¹⁾. Кричали противъ каната, запрещали канать, а теперь оказывается, что только благодаря канату, колонисты ограждаютъ свои поля, и херсонское уѣздное земство постановляетъ признать, что сгоняніе канатомъ есть дѣйствительная мѣра, просить правительство высылать войска для сгонянія жука канатомъ и т. д. ²⁾.

Земство могло-бы имѣть существенное преимущество надъ бюрократіею въ области контроля, но оно упускаетъ это преимущество съ поразительнымъ легкомысліемъ; скажемъ больше: земства просто создаютъ соблазнъ для своихъ дѣятелей. Петербургскому земству докладываютъ: по народному образованію продолжается та-же нехозяйственность въ 1878 году, какъ и въ прежнемъ, нѣтъ возможности ни повѣрить отчеты за неимѣніемъ оправдательныхъ документовъ, ни сдѣлать выводы по неимѣнію данныхъ, остатокъ 1,250 рублей израсходованъ безъ объясненія причинъ. Земство постановляетъ: передать управѣ къ исполненію на будущее время ³⁾, т. е. бросить замѣчанія подъ столъ. Предсѣдатель александровскаго земства выдавалъ деньги даже безъ записки въ журналъ ⁴⁾. Торопецкая управа находила росписки получателей лишними для отчетности; холмская не заключала законныхъ контрактовъ, подряды отдавала своимъ служащимъ; порховская управа считала возможнымъ представлять къ отчету засвидѣтельствованныя ею копии съ оправдательныхъ документовъ ⁵⁾; она не въ силахъ была сообразить, что если-бы довѣріе къ лицамъ и мѣстамъ было

¹⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства; октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 309.

²⁾ 1880 г. Постановленія херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи 1880 г. и приложенія къ нимъ. Херсонъ, 1880, 112.

³⁾ Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія XIV очередной сессіи 1879 г. 11—24 декабря, С.-Петербургъ, 1880, стр. 19.

⁴⁾ Протоколы александровскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екзатернославъ, 1880, стр. 331.

⁵⁾ Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія въ XV очередной сѣздъ 7—19 декабря 1879 г. Псковъ, 1880, стр. 26, 29.

такъ безпредѣльно, то вовсе не было-бы нужно отчетовъ и оправдательныхъ документовъ.

Послѣдствіемъ такого легкомыслія являлись, разумѣется, растраты; но какъ-же дѣйствовали въ этихъ случаяхъ собранія? Предсѣдатель муромской уѣздной управы 11-го октября 1877 г. заявилъ, что растратилъ 10,197 р. 46½ к. Когда деньги были возвращены, тогда было постановлено: оставить дѣло безъ послѣдствій ¹⁾. Въдъ предсѣдатель растратилъ ихъ не наканунѣ заявленія, въдъ онъ заявилъ только потому, что ему невозможно было скрывать, и все-таки ничего не сдѣлано, чтобы предупредить такія вещи на будущее время. Мудрено-ли, если нахальство растраты разростается, а не уменьшается. Предсѣдатель опочечкой управы упорно отрицалъ растрату по отчету 1876 г.; коммиссія уличала его въ растрату 6,000 руб., но потомъ оказался недочетъ въ 55,000 руб., завязался споръ, экспертиза обнаружила по книгамъ растрату въ 45,519 р. 52 к. и недостатокъ по кассѣ 2,822 р. 6½ к. ²⁾. Предсѣдатель продолжалъ засѣдать въ собраніи и приносить пользу обществу повѣркой чужихъ дѣйствій.

Теперь передъ вами земство, которое считаетъ себя передовымъ, земство болѣе либеральное, чѣмъ наша бюрократія,—земство рязанское. Оно ведетъ упорный споръ съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія о передачѣ Александровской учительской семинаріи и капитулируетъ съ большимъ эффектомъ ³⁾. Въ 1875 году оно ходатайствовало передъ правительствомъ о перенесеніи выборовъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій изъ губернскаго въ уѣздныя земскія собранія, въ 1876 году оно повторило это ходатайство и въ 1879 г. еще разъ возобновило его ⁴⁾. Его аргументація по этому предмету отличается рѣдкой въ этихъ собраніяхъ силой. Въ 1874 и 1877 годахъ, говорится здѣсь, собранія почти не знали, кого баллотировали, спѣшили, ибо въ 1874 году выбиралось 38, въ 1877 г.—31 лицо, выборы оставили тяжелое впечатлѣніе на совѣсти гласныхъ. Тутъ-же поднимался

¹⁾ Владимирскій земскій сборникъ 1879 г., № 3-й, мартъ, стр. 217.

²⁾ Доклады псковской губернской земской управы и постановленія и т. д., стр. 47.

³⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва въ декабрѣ 1879 года. Рязань, 1880, стр. 109.

⁴⁾ Въ 1877 году просило о томъ-же екатеринославское земство; на сколько его либерализмъ послѣдователенъ, мы видѣли выше. Постановленія XIV очередной сессіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія 8—19 декабря 1879 года. Екатеринославъ, 1880, стр. 246.

вопросъ, чтобы крестьяне выбирали не на трехъ или четырехъ пунктахъ въ уѣздѣ, а на многихъ или въ волостяхъ, чтобы избираемые могли быть избирателямъ хорошо извѣстны. Гласный кн. Волконскій поднимаетъ вопросъ о всеобщей продовольственной повинности, кн. Гагаринъ—о ненормальномъ положеніи старшины, котораго и исправникъ, и крестьянское присутствіе могутъ садить подъ арестъ. Въ земскомъ изданіи, уже чисто по-американски, приложенъ по нѣкоторымъ вопросамъ списокъ подававшихъ голоса за и противъ. Губернское собраніе предложило уѣзднымъ управамъ, чтобы врачи осматривали фабрики и заводы и настаивали на исполненіи санитарныхъ правилъ, а когда полиція не содѣйствовала врачамъ, то чрезъ губернатора вынудили такое содѣйствіе. И вотъ этому-то либеральному земству предстоитъ рассмотретьъ дознаніе слѣдователя о растратѣ пронской управою 10,862 р. 9 к. Что-же дѣлаетъ собраніе? Освобождаетъ предсѣдателя и членовъ управы отъ суда ¹⁾. Не успѣло оно сдѣлать этого постановленія, какъ тутъ-же во всей красѣ обнаружилось, къ чему ведетъ такой образъ дѣйствій. За сколько-то страницъ ранѣе я читалъ съ умиленіемъ, какъ кн. Волконскій объявлялъ себя человѣкомъ земскимъ и протестовалъ противъ вмѣшательства администраціи въ земскія дѣла, а потомъ читаю отношеніе губернатора о скандальнѣйшемъ фактѣ такого вмѣшательства: онъ былъ въ земской больницѣ, и оказалось, что ему давно-бы нужно было туда явиться. Больныхъ кормили затхлымъ хлѣбомъ, который поставлялся членомъ управы за 70 к. пудъ, а справочныя цѣны были 63, 64, 62 и даже 59 коп. И тутъ пытались устоять на своемъ; только невозможность держаться вынудила предложить вопросъ о довѣріи къ управѣ. Члены управы вышли, не допустивъ вопросъ до голосованія ²⁾. Въ тамбовской губерніи былъ случай, гдѣ земство пыталось спасти члена управы Пѣнина, хотя онъ обвинялся въ растратѣ болѣе 20,000 р., съ помощью подмоговъ. Комиссія рѣшила: такъ-какъ Пѣнинъ на свободѣ, то не давать дѣлу дальнѣйшаго движенія; но предпріятіе это было слишкомъ безнадежное,—собранію пришлось передать дѣло судебной власти ³⁾, ибо

¹⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очередного созыва въ декабрѣ 1879 года. Рязань, 1880, стр. 28, 61, 157, 204, 477, 270, 289, 565.

²⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV-го очередного созыва въ декабрѣ 1879 г. Рязань, 1880, стр. 303.

³⁾ Журналы очередного тамбовскаго губернскаго земскаго собранія декабрьской сессіи 1878 г. Тамбовъ, 1879, стр. 168, 183, 184, 294.

слѣдователь вмѣшался и арестовалъ Пѣнина, не дожидаясь передачи дѣла.

Если въ этихъ случаяхъ земства напоминаютъ вамъ трехлѣтняго ребенка, не знакомаго со зломъ жизни сей, и не понимающаго какъ ходить по дорогѣ мірской суеты, чтобы не споткнуться, то они въ другихъ случаяхъ обнаруживаютъ еще менѣе сознательнаго пониманія. Въ особенности консервативныя земства любятъ поднимать великіе соціальные вопросы. Въ смоленскомъ собраніи, напр., вдругъ являютя предположенія объ обязательномъ введеніи рабочихъ книжекъ, объ отмиѣнѣ общиннаго владѣнія ¹⁾. Обнаружились въ смоленской губерніи какіе-нибудь серьезные, полновѣсные мотивы къ отмиѣнѣ такого вѣкового и великаго соціального учрежденія, какъ общинное владѣніе? Не спрашивайте; разумѣется, нѣтъ. Смоленскіе губернскіе земцы, явно, и понятія не имѣютъ о томъ, что общинное владѣніе есть великое соціальное учрежденіе: для нихъ общинное владѣніе, рабочія книжки, поправки въ больницы—предметы одинаковой важности, и они толкуютъ о нихъ съ одинаковой легковѣсностью сужденія; они такъ наивно и непосредственно увлекаются своимъ эгоизмомъ, что, очевидно, и не подозреваютъ, до какой степени подобное увлеченіе непростительно для общественныхъ дѣятелей. У другихъ земствъ, въ особенности губернскихъ, вы нерѣдко встрѣчаете замашку подкопаться подъ общинное владѣніе незамѣтно: подъ предлогомъ безопасности отъ пожаровъ, они даютъ преміи переселяющимся на полевые земли и домогаются того, чтобы администрація принуждала сельскія общества выдѣлять подобнымъ переселенцамъ земли изъ мірскаго владѣнія ²⁾. При этомъ сочувствіе общинному владѣнію земствами вовсе не отрицалось, но когда вовнегское сельское общество, напр., поставило вопросъ ребромъ и потребовало ссуду на покупку 1,809 десятинъ земли,—ему отказали ³⁾. Даже въ попыткахъ съ виду истинно-полезной дѣятельности при-

¹⁾ Журналы XV очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія; засѣданіе съ 8 по 21 января 1880 г., стр. 68, 325.

²⁾ Журналы VX очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія, засѣданіе съ 8 по 21 января 1880 г., стр. 43. Рязанцы такъ торопились, что назначили новую сумму, когда еще первая не была израсходована. Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва въ декабрѣ 1879 года. Рязань, 1880, стр. 33, 77, выдано до 11,000 руб. переселенцамъ, къ счастью, охотниковъ мало. Постановлено: ходатайствовать о принужденіи обществъ, стр. 257.

³⁾ Постановленія XIV очереднаго сессіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія 8—19 декабря 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 56.

ходится разочаровываться. Тагъ глазовское земство вотировало суммы на выпускъ сѣмянъ, орудій, молотилокъ, не справившись, полезно-ли то, что оно распространяеть, и оказалось, что французскій овесъ родился всего самъ $4\frac{1}{2}$, американскій—самъ 3, красная пшеница—самъ $1\frac{1}{2}$, ячмень кентъ—самъ 3, рожь ваза—самъ 2, а датская вовсе не родилась ¹⁾.

Если вы отъ этого примѣра пойдете далѣе и дойдете до предпріятій грандіозныхъ размѣровъ, то съ каждымъ шагомъ впередъ васъ все болѣе будетъ поражать бездонная вѣтренность и легкомысліе, съ которыми земскіе воротилы пускаются вплавь. Въ Саратовѣ, напр., придумали спасать подкидышей; комитетъ общества «Ясли» за 24 младенца потребовалъ 6,866 р. 53 к., по 286 р. 10 к. за cadaго. Гласный Киндяковъ весьма справедливо замѣтилъ, что цѣлая крестьянская семья проживаеть меньше, съ охотой возьметъ 60 или 70 р. въ годъ и будетъ дорожить младенцемъ ради такого подспорья къ своему хозяйству. Модныя «Ясли» вытянули-таки у земства по 170 р. 50 к. за младенца и постановленіе съ назначеніемъ еще 3,000 р. ²⁾.

Кому неизвѣстно, какъ много вреда причиняють крестьянскому хозяйству волки? Оказывается, что истреблять ихъ—сущіе пустяки: остерское собраніе назначило 25 руб., новозыбковское—150 р., козелецкое—200 р.; несмотря, однако, на эту дешевизну, дѣйствительныхъ мѣръ все-таки не принималось, а нѣжинское собраніе отклонило даже всякія мѣры *по недостатку средствъ* ³⁾. Не мудрено послѣ этого, что съ такимъ зломъ, какъ чума скота, земства справиться окончательно не умѣють. Извѣстно, что единственное дѣйствительное въ этомъ случаѣ средство это—страхованіе скота въ обширномъ районѣ и полное вознагражденіе за убитыхъ животныхъ, для того, чтобы хозяева торопились заявлять о болѣзни въ самомъ началѣ. Между тѣмъ, ничто не можетъ быть безхарактернѣе дѣйствій земствъ въ этомъ отношеніи: нѣтъ и слѣда общаго соглашенія; мѣстами-же энергическія мѣры ⁴⁾

¹⁾ Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія XIII очередной сессіи съ 15 по 27 апрѣля 1879 г. и доклады уѣздной земской управы. Вятка, 1880, стр. 16, 37, 38.

²⁾ Журналы XIV очереднаго саратовскаго губернскаго земскаго собранія отъ 5 по 20 декабря 1879 г. Саратовъ, 1880, стр. 33; изъ 38 младенцевъ въ обществѣ «Ясли» умерло 14. Проектъ смѣтныхъ назначеній расхода и прихода суммъ саратовскаго земства на 1880 г. Саратовъ, 1879, стр. 191.

³⁾ Земскій сборникъ черниговской губерніи, 1878 г. № 1, 2, 3, 4, январь, февраль, мартъ и апрѣль. Черниговъ, 1878, стр. 23. Также и ковровское. Владимірскій земскій сборникъ 1879 г. № 5, май. Владиміръ, 1880, стр. 16.

⁴⁾ Такія мѣры,—оцѣпленіе, уничтоженіе скота, навозу, корму,—употреблялись

остаются безъ пользы, потому-что онѣ случайны. На необходимѣйшее условіе, на полное вознагражденіе за убитыхъ, никакъ не могутъ рѣшиться, повидимому, потому, что не надѣются на вѣрную оцѣнку ¹⁾). Преміи предполагаются безобразныя: такъ полтавское земство исчислило ее въ 180,000 р., 65,000 на одну администрацію, по $\frac{1}{8}$ к. съ рубля, и все-таки при не полномъ вознагражденіи за убитый скотъ ²⁾). Ходатайства предъ правительствомъ о страхованіи отъ чумы оказывались бесплодными ³⁾).

Тутъ не могутъ рѣшиться, а гдѣ рѣшаются, тамъ дѣйствуютъ просто очертя голову. Такъ воронежское губернское собраніе вотировало на дифтеритъ пятьдесятъ тысячъ рублей изъ запаснаго капитала, и никто не спросилъ, хватить-ли на это запаснаго капитала. Предсѣдатель управы требовалъ на дизентецію тысячу рублей въ мѣсяцъ; почему тысячу а не десять и не пятьсотъ—осталось неизвѣстнымъ ⁴⁾). Полтавское земство съ завязанными глазами махнуло 100,000 руб., а почему именно 100—само не знаетъ или, можетъ, знаетъ да не говоритъ, но такъ-какъ и денегъ у него нѣтъ, то оно предполагало сдѣлать расходъ изъ страховаго капитала ⁵⁾).

Но нигдѣ земское легкомысліе не обрисовывается съ такой безусловной прозрачностью, какъ въ многомилліонныхъ предпріятіяхъ въ родѣ земской тамбовско-саратовской желѣзной дороги. Результаты гарантіи саратовскихъ земствъ блистательны. Эксплуатація дала въ теченіи 8 $\frac{1}{2}$ лѣтъ чистаго дохода 386,532 р., а по облигаціямъ и акціонерному капиталу пришлось уплатить 11,763,510 руб. 85 к. ⁶⁾). Читатель прочтетъ это и покачаетъ головой: очень легкомысленно! Дорога, которая несомнѣнно долж-

мѣстами, напр., въ вологодской и въ ярославской губерніи, но полного успѣха дать не могли. Отчетъ и доклады земской управы съ постановленіями земскаго собранія вологодскаго уѣзда 1879 г. Вологда, 1879, стр. 125.

¹⁾ Огульная оцѣнка, въ родѣ солигаличской: скотъ старше 2 лѣтъ — 18 руб., отъ году до 2 лѣтъ—10 руб., моложе года—3 руб., не даетъ удовлетворительнаго результата. Постановленія солигаличскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи съ 17—26 марта 1880 г. Кострома, 1880, стр. 38.

²⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва 1879 г. Полтава, 1879, стр. 7.

³⁾ Постановленія таврическаго очереднаго губернскаго земскаго собранія XIII очередной сессіи, засѣданія 10—28 января 1879 г. Симферополь, 1879, стр. 113.

⁴⁾ Журналы воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 5 по 21 декабря 1879 г. Воронежъ, 1880, стр. 82.

⁵⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва 1879 г. Полтава, 1879, стр. 150, 151.

⁶⁾ Журналы XIV очереднаго саратовскаго губернскаго земскаго собранія отъ 5 по 20 декабря 1879 г. Саратовъ, 1880, стр. 46.

на была-бы дать выгоду, дала такой большой убытокъ... Какъ-же это земства не сообразили, въ состояннн ли они вести такое сложное дѣло, какъ постройка желѣзн. дороги и управленіе ею; какъ они не подумали о томъ, что для этого нужно единство дѣйствія, которое не мыслимо для такого большого числа независимыхъ собраній? Акціонеры такихъ обширныхъ предприятий, какъ саратовская желѣзная дорога, при самыхъ сильныхъ стимулахъ и при самой большой привычкѣ, имѣютъ всегда только недостаточныя средства контроля надъ дѣломъ. Своей гарантіей саратовцы отняли у акціонеровъ всякій стимулъ къ подобному контролю; послѣ этого ясно, что прежде всего земства должны были обезпечить такой контроль за собою, и вдругъ, послѣ того, какъ растрочены были милліоны за милліонами, оказывается, что саратовскія земства просмотрѣли, что они лишены были даже возможности самостоятельно контролировать управленіе; они могли только просить правительство сдѣлать это за нихъ.

И вотъ они узнаютъ одну плачевную вѣсть за другою. Правленіе дороги не ведетъ правильнаго счетоводства по оборотамъ общества; надъ расходами нѣтъ контроля. Общество истратило запасный капиталъ 1.300,000 р. неправильно и ведетъ эксплуатацію въ долгъ; за 1878 годъ неправильно израсходовано 354,808 руб. Когда валовой сборъ отъ уменьшившейся эксплуатаціи уменьшился на 36,005 р., расходъ, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, былъ увеличенъ на 241,406 р. На собраніи акціонеровъ служащіе явились большинствомъ и стали контролерами своихъ собственныхъ дѣйствій. Черезъ это земскій бюджетъ возросъ до 1.239,831 р... Гласнымъ, разумѣется, ничего, а каково-то плательщикамъ? Можно-ли представить себѣ что-нибудь больше этого грандіознаго земскаго легкомыслія!

II.

Текуція дѣла.—Народное образованіе.—Врачебная часть.

Отъ случайной перейдемъ къ правильной и постоянной дѣятельности земствъ. Главныя ея предметы: народное образованіе, народное продовольствіе, страхованіе, медицинская часть и пути сообщенія. Постараемся выяснить: какими принципами, какими идеями руководствуются земства въ этой своей дѣятельности. Они орудуютъ уже 15 лѣтъ, слѣдовательно, выработать идеи и начала было уже достаточно времени. Даже если-бы дѣ-

тельность земствъ продолжалась не 15 лѣтъ, а только одинъ годъ, то и тогда не слѣдовало-бы тратить столько ввѣренныхъ населеніемъ денегъ не руководствуясь ничѣмъ. Взгляните, напр., на смѣту Александровскаго земства, екатеринославской губерніи, и окажется вотъ что: на 1879 годъ смѣта 112,916 р. 47 коп., на 1880 г. 128,640 р. 27 к., а по отдѣльнымъ статьямъ: на содержаніе управленія въ 1879 г. 11,425 р., а на 1880 г. 12,955 руб., на врачебную часть въ 1879 г. 25,733 р., а на 1880 г. 37,837 р., на народное образованіе въ 1879 г. 13,000 р., на 1880 г. 11,000 р. ¹⁾). И такъ потребность на управленіе, на медицинскую часть увеличилась, а на народное образованіе уменьшилась. Въ александровскомъ уѣздѣ 92,547 жителей въ селеніяхъ, а учащихся 2,968 ²⁾): на тридцать-одного жителя только одинъ получаетъ самое жалкое образованіе. Можетъ-ли при такомъ условіи потребность въ образованіи уменьшиться?

Встрѣтившись съ подобнымъ фактомъ, разумѣется, заинтересуешься узнать: чѣмъ руководствуются земства при установленіи своихъ бюджетовъ. Вѣдь гласные собираются не для своей потѣхи, а для выполненія обязанностей; если на человѣкѣ лежитъ обязанность, то онъ, прежде всего, долженъ привести въ извѣстность, въ чемъ заключается эта обязанность. Просматривайте земскія изданія сколько вамъ угодно, перечитайте все, что говорится въ отчетахъ, постановленіяхъ, рѣчахъ гласныхъ и т. п.—нигдѣ вы не найдете и тѣни намека на стремленіе выяснить: въ чемъ заключается обязанность гласныхъ по отношенію къ той или къ другой статьѣ бюджета. Къ громадному большинству земскихъ изданій окончателно немислимо обращаться съ вопросомъ: почему? Гласные изображаютъ людей на столько неразвитыхъ въ общественномъ и политическомъ отношеніи, что отъ нихъ и требовать нельзя какого-бы то ни было стремленія къ установленію раціональнымъ путемъ бюджетныхъ цифръ. Обращайтесь къ самымъ развитымъ, напр., къ тверскимъ, земствамъ, спросите: почему уѣздными земствами на 1880 г. ³⁾ назначено на дорожную и подводную повинность 160,973 р., на медицинскую часть 181,382 р., на управы 75,570 р., на народное образованіе 121,603 р.? Почему на медицинскую часть асси-

¹⁾ Протоколы александровскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1879 г. Екатеринославъ, 1880, стр. 221.

²⁾ Тамъ-же стр. 78.

³⁾ Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія, очередно-го въ декабрѣ 1879 г., и экстреннаго въ февралѣ 1880 г. и приложенія къ нимъ. Тверь, 1880.

гновано на 59,779 р. болѣе, чѣмъ на народное образованіе? Всякому гласному такой вопросъ покажется неслыханнымъ; ему никогда не приходило въ голову, что его можно спросить объ этомъ; онъ и представить себѣ не можетъ, какъ можно было-бы вести дѣло, чтобы не становиться втупикъ передъ подобными вопросами. Гласные такъ мало вникали въ свои обязанности, что въ земскомъ балагурствѣ и слѣда нѣтъ какихъ-бы то ни было зачатковъ мышленія для установленія относительной величины суммъ на удовлетвореніе разныхъ потребностей. Сплошь одна пустѣйшая болтовня. Поставьте вопросъ иначе, спросите: почему на народную школу зубцовское земство употребляетъ 3,800 р., а бѣжецкое—14,350 р.? Разумный отвѣтъ до такой степени не мыслимъ, что ни одинъ земскій гласный ни на минуту не призадумался-бы, если-бы онъ встрѣтилъ противоположныя данныя: для бѣжецкаго 3,800 р., для зубцовскаго 14,350 р.; онъ привыкъ видѣть во всемъ этомъ безусловную случайность. Даже если онъ читаетъ, что кашинское земство на дорожную повинность употребляетъ 2,000 р., а бѣжецкое—10,200 р., такъ у него въ головѣ являеся не болѣе мысли, какъ явилось-бы, если-бы онъ прочелъ противоположное; хотя по отношенію къ дорожной повинности можно не только выяснить, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, просто вычислить потребность, однако, и тутъ онъ прекрасно знаетъ, что только профанъ можетъ думать, что эти цифры опредѣляются чѣмъ-нибудь кромѣ случайности. Вы напрасно стали-бы призадумываться надъ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: почему тверскія земства, издерживая на медицинскую часть значительно болѣе чѣмъ на народное образованіе, увеличили, однако-же, этотъ расходъ противъ 1879 г. на 25,883 р., между тѣмъ, какъ расходъ на народное образованіе увеличили только на 3,351 р.? Почему бѣжецкое земство даетъ на народное образованіе въ три съ половиною раза болѣе, чѣмъ зубцовское, между тѣмъ, какъ его доходныя статьи превышаютъ зубцовскія менѣе чѣмъ на 50%? Почему зубцовское земство, давая на школы всего 7½% своего бюджета, не увеличило своего расхода противъ 1879 г., а бѣжецкое увеличило на 2,000 р., хотя въ 1879 г. давало 14% своего бюджета, т. е. относительно вдвое болѣе ¹⁾?—Для земца существуетъ одинъ отвѣтъ: это счастливая случайность. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ земскіе воротилы любители просвѣщенія, въ зубцовскомъ нѣтъ; если-бы, случайно, между выдающимся по богат-

¹⁾ Даныя взяты изъ изданія: Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 г. Тверь, 1879; а въ нихъ обзоръ расходовъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ на 1879 годъ.

ству зубцовцами встрѣтились два-три ревностныхъ интеллигента, то было-бы другое. Въ одной губерніи, въ самомъ глухомъ уѣздѣ, завелся только одинъ интеллигентъ, но этотъ интеллигентъ былъ вѣчнымъ предводителемъ дворянства, и уѣздъ сталъ давать на народное образованіе болѣе чѣмъ всѣ другіе уѣзды губерніи.

Безпрерывно брасается въ глаза, что земства дѣлаютъ многотысячныя ассигновки безъ малѣйшей тѣни разумнаго основанія, слѣпо и безъ мысли подчиняясь авторитету. Земскіе ораторы приобрѣли даже привычку изрекать крупныя цифры, во все не заботясь о томъ, чтобы объяснить себѣ и своимъ слушателямъ, откуда онѣ явились въ ихъ мозгу. Напр., въ нижегородскомъ собраніи, на отдѣленіе душевно-больныхъ гласный Инсарскій предложилъ 50,000 р., гласный Баржицкій 60,000 р. Позернъ 85,000 р., собраніе рѣшило 60,000 р. ¹⁾ Спросите: откуда они всѣ эти цифры взяли, и почему собраніе рѣшило 60,000 р... Ничего похожего на разумный отвѣтъ вы не извлечете изъ земскаго изданія: все это случайность.

Чаще всего вы встрѣчаете, что уѣздныя земства ассигнуютъ на медицинскую часть значительно большія суммы, чѣмъ на народное образованіе. Просматривая обзоръ земскаго ежегодника за 1877 г. натыкаешься только на одно выдающееся исключеніе, на вятскую губернію, которая одновременно употребляетъ на народное образованіе и наиболѣе крупныя суммы, и болѣе, чѣмъ на медицинскую, а именно: на медицинскую часть 278,782 р., а на образованіе 341,116 р. ²⁾ Между другими исключительными уѣздами укажу на владимірскій; его земство хотя и назначило въ 1877 г. на народное образованіе 11,515 р., а на медицинскую часть 4,970 р., т. е. вдвое менѣе, но оно отличалось только по сравненію съ тѣми земствами, гдѣ преобладаетъ элементъ крупныхъ землевладѣльцевъ и которыя имѣютъ обыкновеніе уменьшать суммы образованія до крайняго минимума; правда, что эти земства составляютъ громадное большинство. Если-же его сравнить съ земствами, которыя хотя сколько-нибудь выполняютъ свое назначеніе, напр., съ вятскимъ, гдѣ и на медицинскую часть, и на народное образованіе употребляется отъ двадцати до шестидесяти-шести тысячъ на уѣздъ, то мы должны увидѣть въ этомъ скорѣе пренебреженіе меди-

¹⁾ XV очередное нижегородское губернское земское собраніе 10—18 декабря 1879 г. А. С. Гацискаго. Нижній-Новгородъ, 1880, стр. 33.

²⁾ Земскій ежегодникъ за 1877 годъ, изданіе подъ редакціей Шмигельскаго. С.-Петербургъ, 1879. Сѣтви земскихъ расходовъ на 1877 годъ, стр. 5 и 6.

цинской частью, чѣмъ стремленіе къ образованію. Хотя цифра 11,515 р. на образованіе ничтожна, однако-же, она показала въ владимірскому земству чрезмѣрной и въ 1878 и 1879 гг. была уменьшена имъ до 10,315 р. 1).

Почти повсемѣстное предпочтеніе медицинской части народной школъ со стороны уѣздныхъ земствъ тѣмъ болѣе поразительно, что на медицинскую часть сравнительно большія деньги тратятся губернскими земствами, а на народную школу почти ничего. Нижегородское губернское земство израсходовало въ 1879 г. на народное здравіе 129,207 р., а всѣ уѣздныя земства вмѣстѣ назначили на народное образованіе всего 70,138 р. 2), и все-таки балахнинское уѣздное земство, напр., нашло необходимымъ употребить на медицинскую часть въ два и два съ половиною раза болѣе, чѣмъ на народное образованіе,—плодить невѣжество вмѣсто грамотности. Въ 1878 г. на народное образованіе дано 6,535 р., на медицину 13,548 р. 3); въ 1879 г. на образованіе 7,735 р., на медицину 18,915 р.; только въ 1880 г. земцы опомнились, и явилась жалкая попытка въ лучшемъ направленіи: на народное образованіе назначено 8,120 р., а на медицину 15,158 р. 4). Этотъ образъ дѣйствія, однако-же, можно опять-таки только порицать: если-бы они, уменьшивъ расходъ на медицинскую часть на 3,757 р., прибавили эту сумму къ бюджету образованія, то получила-бы жалкая, недостаточная сумма въ 11,472 р.; она рѣзко отънялась-бы отъ суммы въ 65,959 р., назначенной сарапульскимъ уѣздомъ, но все-таки это былъ-бы хотя ничтожный зачатокъ прогресса, а теперь они поступили какъ люди, которые въ значеніи народнаго образованія понимаютъ безмѣрно мало.

Такъ поступаютъ земства, которыя распространяютъ свои изданія и ищутъ гласности, потому-что сознаютъ свое превосходство надъ другими; что-же вы должны предполагать у тѣхъ, которыя скрываютъ свои дѣла? Разушвется, только мерзость

1) Владимирскій земскій сборникъ 1879 г., № 6, іюн. Владимиръ на Клязьмѣ, 1880, стр. 5, 26, 42. На слѣдующій годъ врачебный бюджетъ увеличенъ до 5,470 р., а въ прибавкѣ на народное образованіе 2,150 р. отказано. См. Владимирскій Сборникъ 1880 г., № 7, іюль. Владимиръ на Клязьмѣ, 1880, стр. 5 и 7.

2) XV очередное нижегородское губернское земское собраніе 10—18 декабря 1879 года. А. С. Гацискаго. Нижний-Новгородъ, 1880, стр. 138, 106.

3) Смета и раскладка денежныхъ уѣздныхъ земскихъ повинностей балахнинскаго уѣзда, составленная на 1879 годъ. Нижний-Новгородъ, 1879, стр. 2.

4) Журналы и доклады XV очереднаго балахнинскаго уѣзднаго земскаго собранія и смета и раскладка на 1880 годъ. Нижний-Новгородъ, 1880, стр. 18.

запустѣнія, ибо отчего-бы иначе имъ скрываться во мракѣ? Такъ-какъ земствами не выработано никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ возможно было-бы рѣшить вопросъ объ относительномъ размѣрѣ денежныхъ средствъ, который далъ-бы въ результатѣ наилучшее удовлетвореніе потребностей населенія, то остается прибѣгнуть къ теоретическимъ соображеніямъ. Если мы съ этой точки зрѣнія будемъ сравнивать потребность въ медицинской помощи съ потребностью въ народномъ образованіи, то найдемъ, что развитіемъ народнаго образованія создава была современная цивилизація, народнымъ образованіемъ обусловливается не только богатство, сила, но даже безопасность современныхъ народовъ. Умственный упадокъ Франціи при Наполеонѣ III,—при которомъ эта страна продолжала обладать несравненно большимъ размѣромъ просвѣщенія, чѣмъ Россія теперь,—навлекъ на нее великія бѣдствія, начавшіяся съ Седана, и, наоборотъ, сравнительно безсильная Пруссія увеличилась. Данные, которыя доказываютъ вредъ и опасность такого низкаго уровня просвѣщенія, какой мы видимъ теперь въ Россіи, такъ многочисленны и общеизвѣстны, что ихъ повтореніе сдѣлалось до такой степени общимъ мѣстомъ, что для всякаго серьезнаго человѣка ихъ скучно слушать. Всякій просвѣщенный человѣкъ можетъ безъ приготовленія прочесть лекцію о томъ, какъ Турція приходила постепенно въ упадокъ, потому-что пренебрегала просвѣщеніемъ, которое дѣлало успѣхи въ Западной Европѣ, и дошла, наконецъ, до современнаго жалкаго положенія; какъ Польша погибла оттого, что король магнатовъ и католическихъ епископовъ, Сигизмундъ III, убилъ въ ней умственную жизнь; какъ Пиринейскій и Аппенинскій полуострова, когда-то бывшіе первыми въ Европѣ, сдѣлались ничтожными и жалкими, потому-что сѣверные сосѣди превзошли ихъ въ просвѣщеніи; до какого жалкаго упадка мы сами дошли въ промежутокъ времени съ 1817 по 1854 г., убившемъ въ насъ умственное развитіе, и какъ это навлекло на насъ севастопольскую катастрофу;—обо всемъ этомъ и безчисленномъ другомъ достаточно напомнить, и всякій разумный человѣкъ пойметъ, что развитіе народнаго образованія должно сосредоточивать на себѣ несравненно болѣе вниманія, чѣмъ врачебная часть. Приводятся, напр., слѣдующія данныя ¹⁾: въ Петербургѣ приходится 1 врачъ на 774 жителя, 1 лечебное заведеніе на 8,434 человѣка, 1 кровать на 108 человѣкъ, умираетъ 39,9 чел. изъ 1,000; въ тамбовской губер-

¹⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 44.

ни 1 врачъ на 81,121 человекъ, 1 лечебное заведеніе на 703,054 человекъ, 1 кровать на 11,777 человекъ, умираетъ 35,9 чел. изъ 1,000. Эти данныя типическія, подобныхъ можно подобрать сколько угодно; ими можно доказать до полной очевидности, что народное здоровье и долговѣчность обеспечиваются въ несравненно большихъ размѣрахъ благосостояніемъ массы, условіями труда, при которыхъ она съ большею легкостью можетъ удовлетворять своимъ необходимымъ потребностямъ, чѣмъ медицинскою помощью. Развитіе медицинской части составляетъ потребность второстепенную, которая не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ потребностями такого громаднаго значенія, какъ развитіе народнаго образованія и учреждений, облегчающихъ для народа возможность пользоваться плодами своихъ трудовъ.

Мало того, что это можно выяснитъ теоретически, легко доказать весьма различными путями, что народной массѣ присуще сознаніе первостепенности значенія народнаго образованія по сравненію съ медицинской частью. Мы уже видѣли, что въ вятской губерніи, гдѣ вліяніе массы народа на выборъ гласныхъ не парализуется искусственно раздутымъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и расходъ на народное образованіе значительно превышаетъ медицинскій. Просматривая одну губернію за другой, перелистывая эти жалкіе бюджеты, гдѣ издержка на образованіе, превышающая десять тысячъ, составляетъ уже меньшинство, вы, внезапно, въ бердянскомъ уѣздѣ наталкиваетесь на издержку образованія въ 64,187 р., которая при этомъ болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ издержку на медицинскую часть въ 29,600 р. Что за чудо, не ошибка-ли это, не относятся-ли эти цифры къ какому-нибудь уѣзду вятской губерніи? Чудо объясняется очень просто: это тотъ уѣздъ таврической губерніи, въ которомъ живетъ главная масса колонистовъ. Хотя они и составляютъ только пятую часть населенія, но ихъ существованіемъ явленіе объясняется совершенно удовлетворительно. Колонисты имѣютъ вообще несравненно болѣе вліянія на земство, чѣмъ русскіе крестьяне, и въ этомъ случаѣ стремленія массы отражаются гораздо замѣтнѣе. Точно такое-же явленіе вы встрѣчаете и въ новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ сосредоточена главная масса самарскихъ колонистовъ; тутъ издержка на образованіе 45,530 р., а на медицинскую часть 31,280 р.

Чтобы читатель могъ себѣ составить ясное понятіе объ отношеніи между земскими бюджетными назначеніями и народными стремленіями, я могу ему представить слѣдующую картинку по херсонской губерніи. Въ этой губерніи въ 1877 г. на земскую медицину употреблялось 172,120 р., а даже въ 1880 г., несмотря

на увеличеніе бюджетовъ, уѣздными земствами тратилось на просвѣщеніе всего 121,234 р. ¹⁾. Изъ этихъ денегъ ананьевское и елисаветградское земство тратили только вдвоемъ 69,600 р. т. е. болѣе половины, (на народную школу 37,000 р., а на среднее образованіе 32,600 р.), да губернское земство тратило одно 89,276 р., разумѣется, преимущественно на средніи учебныя заведенія. Если принять въ соображеніе, что среднее образованіе, по установившемуся обычаю, считается у насъ дѣломъ центрального правительства, обучаетъ преимущественно жителей городовъ и получаетъ отъ этихъ городовъ субсидіи, то тяготѣніе земства къ медицинской части и среднему образованію будетъ слишкомъ ясно, а между тѣмъ, что выходитъ изъ этого для народнаго просвѣщенія? Въ 1879 году въ херсонской губерніи: было ²⁾:

157 земскихъ школъ для 299,381 чел. жит.;	учащихся 9,114
84 школы колонистовъ »	57,645 » » » 8,986
287 всѣхъ родовъ школъ »	459,819 » » » 20,775

Итакъ, мы видимъ, что колонисты на собственный счетъ обучаютъ столько же дѣтей, сколько обучается во всѣхъ земскихъ школахъ вмѣстѣ, хотя ихъ населеніе (57,645 человекъ) къ сельскому населенію губерніи (886,157 человекъ) относится какъ 1 къ 15. У колонистовъ обучается шестой изъ всего ихъ населенія, также, какъ и въ просвѣщенныхъ странахъ Европы ³⁾; земскія-же школы обхватываютъ собою только районъ въ 299,381 чел. населенія, да и тутъ обучается только тридцать - второй, затѣмъ 586,776 человекъ населенія остаются безъ земскихъ школъ, а 426,338 человекъ вовсе безъ всякихъ школъ. Встрѣчаются поистинѣ унижительныя для земства явленія; напр., одесскій уѣздъ въ 1877 году давалъ на медицинскую часть 11,962 р., а на образованіе 11,540 р., т. е. на нѣсколько сотъ рублей

¹⁾ По смѣтѣ на 1881 годъ назначено всего 123,546 р. и въ томъ числѣ собственно на народныя школы только 92,327 р., т. е. почти вдвое менѣе помянутой цифры на врачебную часть; 41,222 р. на среднее и высшее образованіе. Сборникъ 1880 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь, Херсонъ 1880. доклады управы стр. 12, 13.

²⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879 стр. 35, 103, 109, 111, 112, 1.

³⁾ По новѣйшимъ даннымъ, въ херсонскомъ уѣздѣ приходится у колонистовъ даже 1 ученикъ на 4 жителя; у нихъ на населеніе въ 8,693 человекъ 32 школы; ихъ содержаніе стоитъ 9,761 рубль. Чтобы съ ними сравняться, наши земства должны-бы тратить въ двадцать разъ болѣе на народное образованіе чѣмъ теперь. 1880 г. Постановленія херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи 1880 года и приложенія къ нимъ. Херсонъ. 1880, стр. 54.

меньше. Эту цифру на народное образованіе онъ счелъ непомѣрною и по бюджету 1880 г. назначилъ на школы всего 11,240 р.. Между тѣмъ данныя, отъ которыхъ онъ могъ-бы исходить въ своихъ бюджетныхъ назначеніяхъ, у него были слѣдующія: въ 1879 году въ одесскомъ уѣздѣ были 22 земскихъ школы на населеніе въ 24,681 человекъ, и населеніе въ 21,171 человекъ не имѣло вовсе ни одной школы, а у колонистовъ было 33 школы на 34,738 человекъ населенія, и притомъ въ земскихъ школахъ обучалось всего 1,003 человекъ, а у колонистовъ 4,675 человекъ. Если одесское земство все-таки не устыдилось того, что у колонистовъ въ четыре съ половиною раза болѣе учениковъ, то это можно объяснить однимъ: человѣческое чувство стыда должно быть ему недостаточно извѣстно.

Еще болѣе поразительны данныя тираспольскаго уѣзда. Тамъ вы видите 12 земскихъ школъ для 16,741 человекъ населенія и 40,528 человекъ, не имѣющихъ вовсе школы, и тутъ-же 20 школъ колонистовъ на 14,174 человекъ; въ первыхъ 663 учащихся, а въ послѣднихъ 2,594 учащихся. Тутъ-же вы видите, что русское населеніе, несмотря на его безграмотность, ощущаетъ сильную и далеко не удовлетворенную земствомъ потребность въ просвѣщеніи. Изъ того, что мы видимъ, можно заключить, что если-бы оно, по благосостоянію и образованію, равнялось нѣмцамъ, то оно превзошло-бы ихъ въ стремленіи къ просвѣщенію: и теперь въ тираспольскомъ уѣздѣ, рядомъ съ 12 земскими школами, существуетъ 7 общественныхъ на 15,409 чел. населенія, и въ нихъ 509 учащихся. Обществамъ, несмотря на всю трудность своего положенія, приходится дѣлать для школы почти столько-же, сколько земствамъ.

До какой степени крестьянамъ трудно учреждать школы на собственные средства, легко понять, если принять въ соображеніе данныя въ родѣ слѣдующихъ: Предсѣдатель херсонской губернской управы, объѣзжая губернію, нашелъ, что въ большей части ананьевскаго уѣзда платежи крестьянъ значительно превышаютъ доходъ съ земли, выражающійся въ арендной съ нея платѣ. Такъ, напр., въ петровской волости десятина арендуется за 2 р. и 2 р. 50 к., а платежи крестьянъ села Ананьево-Шварцево этой волости составляютъ 3 р. 30 к. съ десятины ¹⁾. Не-

¹⁾ Село Ананьево-Шварцево имѣетъ земли 592 десятины, 148 надѣловъ; платитъ: подушныхъ 409 р. 60 к., земскихъ 78 р. 20 к., выкупныхъ 1,065 р. 60 к., волостныхъ 291 р. 38 к., сельскихъ 110 р., всего 1,954 р. 78 к., по 3 р. 30 к. съ десятины. Сборникъ 1860г. херсонскаго земства, июль, августъ, сентябрь. Херсонъ, 1880, стр. 3.

смотря на такое положеніе крестьянъ ананьевскаго уѣзда, стремленіе къ просвѣщенію обнаруживается въ нихъ очень рѣзко: на 25 земскихъ школъ для 32,877 человекъ, причемъ 46,333 человекъ остаются вовсе безъ школъ, 8 школъ учреждено крестьянскими обществами, на 7,516 человекъ. Вѣроятно, эти 7,516 человекъ единственные крестьяне въ уѣздѣ, которымъ земля даетъ достаточно, чтобы, и за удовлетвореніемъ слѣдующихъ съ нихъ платежей, имѣть еще копѣйку для школы. И вотъ, мы видимъ, что, относительно, они учредили вчетверо болѣе школъ, чѣмъ земство, хотя они составляютъ тринадцатую часть сельскаго населенія (7,516 изъ 93,534), а въ школахъ у нихъ учениковъ 276 противъ 1,158 земскихъ, т. е. только вчетверо менѣе.

Если, затѣмъ, мы постараемся уяснить себѣ, какая общественная потребность живѣе ощущается массою населенія: потребность въ образованіи или въ медицинской помощи, то стоитъ обратиться къ дѣятельности сельскихъ обществъ, чтобы составить себѣ объ этомъ самое несомнѣнное понятіе. На медицину общества эти жертвуютъ такъ мало, что несмотря на массу земскихъ изданій, которыя мною пересмотрѣны, я помню очень мало случаевъ, и то самыхъ ничтожныхъ, пожертвованій. Едва-ли не самый выдающійся примѣръ составляютъ херсонскіе волостные фельдшеры, которые получаютъ отъ обществъ отъ 40 до 200 р. ¹⁾ въ годъ, а то все примѣры въ родѣ слѣдующаго: арефинская волость, рыбинскаго уѣзда, даетъ фельдшеру на квартиру 30 р. въ годъ ²⁾, да случается, что волостные сходы даютъ рублей по пятидесяти на лекарство, или тому подобныя ничтожныя суммы. Сравнительно съ этимъ, пожертвованія сельскихъ обществъ на народное образованіе громадны и повсемѣстны. Есть примѣры, что сельскія общества даютъ на народное образованіе больше земства: въ херсонскомъ уѣздѣ земство даетъ 12,959 р., а сельскія общества 25,613 р. ³⁾, въ то же время земство даетъ на врачебную часть 30,864 р.. Въ александровскомъ уѣздѣ, о которомъ мы говорили, сельскія общества даютъ на школы 12,157 р., а земство 10,144 р.; и несмотря на такую жгучую потребность, проявляемую сельскимъ

¹⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ. 1879, стр. 37.

²⁾ Вѣстникъ ярославскаго земства, изданіе ярославской губернской земской управы. 1880 г., № 95, 96, май, июнь, Ярославль, стр. 38.

³⁾ 1880 г. Постановленія херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи 1880 года. Херсонъ, 1880, стр. 58. Весь расходъ 64,079 р.: земство 12,959 р., общества сел. и гор. 34,378 р., казна 14,838 р. На 1881 г. земствомъ впрочемъ, назначено 24,240 р., а на врачебную часть 38,127 р.

населеніемъ, земство тратитъ на медицину втрое болѣе чѣмъ на образованіе. По всей рязанской губерніи общества и частныя лица въ 1879 г. давали на народное образованіе 81,848 р., а уѣздныя земства только 76,652 р.; существуетъ указаніе, по которому въ 1879 г. начальныя училища стоили всего 250,024 р., слѣдовательно, уѣздныя земства давали менѣе третьей части расхода ¹⁾. Въ то время какъ ростовское земство ярославской губерніи въ 1878 г. тратило на народную школу 8,383 р., помимо его тратилось 9,788 р.; это рѣзкое указаніе на ощущаемую народомъ потребность не мѣшало земству тратить на врачебную часть 23,022 р., т. е. почти втрое болѣе. Правда, что въ 1879 г. оно увеличило расходъ на народное образованіе на 1,205 р., а на медицину уменьшило на 544 р. и, наконецъ, въ 1880 г. со-творило образовательный бюджетъ въ 13,122 р., но все-таки въ этомъ никакъ нельзя видѣть блистательнаго шага къ исправленію своей ошибки ²⁾. Еще рѣзче примѣръ покровскаго земства: оно тратило на народную школу всего 5,000 р., а общества и частныя лица тратили на то-же 23,563 р. Это указаніе на народную потребность нисколько не вразумляло земство, и оно тратило свои деньги на медицинскую часть въ размѣрѣ 10,072 р. ³⁾.

Въ той-же губерніи Александровское земство употребляло на народную школу еще менѣе: въ 1878 г. всего 3,535 р., между тѣмъ какъ общества и частныя лица давали 8,673 р. ⁴⁾. Средства крестьянъ такъ ничтожны, что, разумѣется, случаи, гдѣ общества и частныя лица тратятъ на народную школу болѣе чѣмъ земства, могутъ быть только исключительными; все-таки мы видимъ значительныя пожертвованія на народное образованіе, которыя, повидимому, нисколько не подвигаютъ земства къ болѣе быстрому развитію средствъ народной школы сравнительно съ медицинскою частью. Въ чернскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, въ 1872 г. была больница и въ ней въ годъ 200 больныхъ; 17,904 больныхъ получали пособіе на пунктахъ, а на народную школу земство давало всего 650 р., между тѣмъ потребность въ народномъ образованіи была такъ велика, что въ уѣздѣ существовала 51 школа; плата учителямъ нисходила до 2 р. въ мѣсяцъ и до 10 р. въ годъ;

¹⁾ Вѣстникъ ярославскаго земства, 1879 г., всябрь, декабрь. Ярославль, стр. 14, 32, 8, 16.

²⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва, декабрь 1879 г. Рязань, 1880, стр. 334, 344.

³⁾ Владимірскій земскій сборникъ, 1879 г. № 5, май. Владимір на Клязьмѣ. 1880, стр. 166, 143, 158.

⁴⁾ Владимірскій земскій сборникъ, 1879 г. № 6, іюнь, Владимір на Клязьмѣ. 1880, стр. 20.

21 учитель получали въ годъ 25 р. и менѣе, 20 учителей отъ 25 р. до 50 р. въ годъ, только 6 отъ 100 р. до 180 р. ¹⁾ Въ вологодскомъ уѣздѣ къ 1 сентября 1874 г. было земскихъ школъ 25 и 20 приходскихъ, а всего 45; къ 1878 г. оказалось земскихъ школъ 37, а приходскихъ всего 2; приходскія школы были убиты земскими, а въ окончательномъ результатѣ оказалось уменьшеніе школъ до 39. Крестьянскія общества явно стали чувствовать возрастающій недостатокъ народнаго образованія и увеличили свои затраты на школу съ 4,048 р. ²⁾ въ 1875 г. до 5,737 р. въ 1878 г. Чѣмъ отвѣтило земство на такое стремленіе крестьянъ? Въ 1878 г. оно назначило на народное образованіе 10,696 р., а въ 1880 г. только 9,391 р. Въ то-же время оно увеличило расходъ на врачебную часть съ 10,298 р. въ 1879 г. на 14,548 р. въ 1880 г. ³⁾.

Расходъ вологодскаго губернскаго земства по благотворительной части на 1880 г. былъ 51,839 р.; изъ нихъ $\frac{1}{5}$ идутъ на врачей, фельдшеровъ и заведенія для леченія и призрѣнія больныхъ въ городѣ Вологдѣ ⁴⁾. Какая послѣ этого предстояла надобность для вологодскаго уѣзднаго земства такъ сильно увеличивать расходъ на врачебную часть въ ущербъ расходу на народную школу и наперекоръ проявляющейся въ народѣ потребности? Совершенно аналогическое явленіе мы видимъ въ воронежской губерніи; тамъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ проявляется энергическая и возрастающая потребность въ народномъ образованіи, для удовлетворенія которой земства дѣлаютъ очень мало. Такъ, въ новохоперскомъ уѣздѣ земства въ 1878 г. давали 2,875 р., а общества 4,793 р.; въ 1879 г. общества увеличили свой расходъ до 6,130 р., а земство только до 2,965 р.; въ павловскомъ земствѣ давали въ 1878 г. 4,059 р., а общества 5,174 р.; въ 1879 г. общества дали 6,362 р., а земства только 4,491 р.; въ нижнедѣвицкомъ—и земство и общества давали въ 1878 г. по 7,400 р.; въ 1879 г. общества дали 7,578 р. а земство даже уменьшило свой расходъ до 7,348 р.. Во всѣхъ этихъ трехъ уѣздахъ общества прибавили въ теченіи года 2,703 р., а зем-

¹⁾ Отчетъ чернской уѣздной земской управы съ конца сентября 1872 г. по июль 1873 г. Тула 1873, стр. 188, 242, 266.

²⁾ Матеріалы для исторіи земской дѣятельности по народному образованію въ вологодской губерніи. Уѣздъ вологодскій, составили Полиевктовъ и Ивановъ. Вологда, 1879, стр., 12, 16, 17, 57, 58.

³⁾ Отчетъ и доклады земской управы съ постановленіями земскаго собранія вологодскаго уѣзда 1879 г.—Вологда, 1879, стр. 103, 116, 8.

⁴⁾ Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очередной сессіи четвертаго трехлѣтія. Вологда, 1880, стр. 49.

ства всего 470 р.; между тѣмъ на медицинскую часть одно губернскае земство употребляло въ 1878 г. 109,720 р., въ 1879 г. увеличило расходъ до 113,408 р. и на дифтеритъ назначило 50,000 р. а всего 163,408 р.; расходъ увеличенъ былъ на 53,688 р. хотя всѣ уѣздныя земства вмѣстѣ употребляли на народную школу только 77,270 р. ¹⁾ Новгородское земство старалось даже искусственно уменьшать расходъ на образованіе: пользуясь пожертвованіями общества, оно постановило давать отъ земства народнымъ учителямъ 120 р. въ годъ только въ томъ случаѣ, если общества дадутъ столько же ²⁾. На образованіе новгородскія земства въ 1878 г. давали 75,462 р., а крестьяне такъ бѣдны, что ихъ жертвы составляли только 15,052 р. ³⁾; послѣ этого не трудно понять, къ чему должно было вести вышеупомянутое постановленіе ⁴⁾.

Весьма интересно проявилась народная потребность въ образованіи въ тверской губерніи въ формѣ школъ грамотности. Въ 1879 г. въ этой губерніи школъ грамотности было 440, между тѣмъ какъ земскихъ школъ всего 391; по нѣкоторымъ уѣздамъ не только число школъ, но и число учащихся въ нихъ или одинаково, или даже значительнѣе для школъ грамотности, чѣмъ для земскихъ. Въ кашинскомъ уѣздѣ, напр., было 19 земскихъ школъ и въ нихъ учениковъ 1,066 и 81 школа грамотности и въ нихъ 2,082 ученика, почти вдвое больше ⁵⁾. Въ старицкомъ уѣздѣ земскихъ школъ 24 и въ нихъ 1,274 учащихся; школъ грамотности 30 и въ нихъ 1,256 учащихся ⁶⁾.

Итакъ, громадное предпочтеніе, которое отдаетъ народная масса потребности въ образованіи передъ потребностью въ медицинской помощи, слишкомъ очевидно; для земства не было надобности приводить его въ ясность: оно ясно само собою. Такое пониманіе со стороны народной массы вполне совпадаетъ

¹⁾ Журналъ воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 5 по 21 декабря 1879 г. Воронежъ. 1880, стр. 73, 82, 128, 6, 67.

²⁾ Этотъ приемъ понравился и повторился и въ другихъ мѣстахъ.

³⁾ Журналъ новгородскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1878 г. Новгородъ, 1879, стр. 37.

⁴⁾ Земскій сборникъ черниговской губерніи, 1878 г. № 1, 2, 3, 4, январь, февраль, мартъ и апрѣль, изд. черниговской губернской земской управы. Черниговъ, 1878, стр. 30.

⁵⁾ Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія, очереднаго въ декабрѣ 1879 г. и экстреннаго въ февралѣ 1880 г. и приложенія къ нимъ. Тверь, 1880, стр. 214, 225.

⁶⁾ Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 г. Тверь, 1879, стр. 142.

съ самыми глубокими выводами исторіи и общественныхъ наукъ. Откуда-же со стороны земствъ это бросающееся въ глаза, рѣзкое предпочтеніе медицинской части народной школь? Тотъ, кто задумалъ-бы подыскивать для этого какія-нибудь глубокія заднія мысли или тонкіе эгоистическіе разсчеты, впалъ-бы въ самое жалкое заблужденіе. Это—инстинктивность, самая чистая, натуральная инстинктивность натуральныхъ людей. Что такое крестьянинъ, сельскій учитель? Это не болѣе, какъ крестьянинъ и сельскій учитель. Иное дѣло докторъ: докторъ, это милѣйшій докторъ, любимецъ провинціальныхъ дамъ,—женъ и дочерей господъ гласныхъ,—обстоятельство далеко не маловажное, если принять въ соображеніе слабохарактерность земскихъ дѣятелей. Доктора, которые имѣютъ большую практику въ городѣ, могутъ быть весьма существенными помощниками для установленія репутаціи и пріобрѣтенія большинства. Докторъ человекъ ученый, интеллигентъ, его и слушать пріятно; а затѣмъ доктора такъ единодушно, сильно и энергично дѣйствуютъ въ пользу медицины и дѣлаютъ это такъ благородно, прекрасно и самоотверженно!.. О себѣ, о своемъ карманѣ ни слова; напротивъ, они вѣчно предлагаютъ лечить бѣдныхъ даромъ, они заботятся о здоровьѣ, исключительно о здоровьѣ населенія, о томъ, чтобы каждый, и бѣдный, и богатый, лучше жилъ, лучше питался, лучше удовлетворялъ своимъ потребностямъ. «Какой позоръ не имѣть врача, не имѣть больницы!» Какъ-же послѣ этого не слушать ихъ, не слѣдовать имъ? И земцы слѣдуютъ, разумѣется; они поступаютъ при этомъ не такъ, какъ мыслящіе и серьезные люди, а какъ нѣжно-впечатлительныя дамы и дѣвицы ихъ круга. Это чистая инстинктивность, такая-же инстинктивность, какъ и та, вслѣдствіе которой они защищаютъ растратившихъ земскія деньги: въ одномъ случаѣ они подчиняются чужому уму, въ другомъ чужому чувству жалости. Онѣ дѣйствуютъ тутъ также, какъ они строили саратовскую желѣзную дорогу: ихъ соблазняютъ милѣйшіе люди. Можно-ли говорить, въ этомъ случаѣ, объ эгоизмѣ, когда саратовское уѣздное земство, напр., до того раззорило себя своими предпріятіями, что ему нечѣмъ платить жалованье своимъ служащимъ. Такъ идутъ дѣла и такъ будутъ идти, пока не явится мѣстная пресса, и въ ней серьезная критика дѣйствій мѣстныхъ дѣльцовъ.

III.

Вопросъ о народномъ образованіи.

Попробуйте съ земскимъ гласнымъ, въ особенности уѣзднымъ, заговорить о ихъ бюджетѣ съ всемірно-исторической и государственной точки зрѣнія: гласному покажется это очень смѣшнымъ и неумѣстнымъ. Однако-же, не трудно доказать, именно историческимъ путемъ, что только тогда дѣло войдетъ въ нормальную и здоровую колею, когда гласные, начиная съ уѣздныхъ, научатся смотрѣть на свою дѣятельность съ исторической и государственной точки. Чтобы могъ существовать государственный человѣкъ, способный имѣть и выполнять историческую миссію, необходимо, чтобы сначала существовали массы людей въ народѣ, способные сознавать свое историческое призваніе; тамъ-же, гдѣ не только массамъ, но даже общественнымъ дѣятелямъ смѣшно подумать о томъ, что они имѣютъ историческое призваніе, тамъ государство можетъ влачить только жалкое, завядающее существованіе. Постарайтесь представить себѣ условіе, при которомъ прогрессъ народнаго просвѣщенія былъ-бы достаточно обезпеченъ благопріятной для него обстановкой. Современная обстановка окажется въ самой высокой степени неблагопріятной; худшую даже трудно придумать. Дѣло народнаго образованія у насъ пульверизировано. Каждое уѣздное земство имѣетъ свои школы, въ которыхъ оно назначаетъ учителей отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, и, кромѣ того, существуютъ еще три-четыре руки, дѣлающія тоже. Вслѣдствіе такой раздробленности, народный учитель не имѣетъ будущности, карьеры; между тѣмъ земства могутъ давать ему только ничтожныя содержанія, отъ 150 р. до 250 р. въ годъ ¹⁾, содержаніе, при которомъ образованный человѣкъ не можетъ имѣть семейства и сдѣлать своихъ дѣтей образованными. Увеличивать оладъ немислимо, потому-что даже при теперешнемъ громадномъ большинствѣ населенія остается безъ школы, и онъ дается только потому, что дальнѣйшее пониженіе привело-бы къ полной безграмотности учителей. Въ рязанской губерніи, напр., изъ 772,700 человѣкъ сельскаго населенія только 156,000 могутъ обучать своихъ дѣтей въ 450 школахъ. Суммы на это, 250,024 р., добываются изъ пяти различныхъ источ-

¹⁾ Чухломское собраніе, напр., даже только во исполнѣ организованныхъ школахъ допускало содержаніе въ 120 р. и максимумъ 150 р. Земскій ежегодникъ за 1876 г., изд. подъ редакціею Андреевскаго. Спб., 1878, стр. 792.

никовъ ¹⁾, земство даетъ только нѣсколько болѣе третьей части, и все-таки плата учителямъ въ большинствѣ случаевъ составляетъ только отъ 120 до 240 руб. въ годъ и нисходитъ до 60 рублей. Глазовское земство давало на народное образованіе 31,741 р. Изъ числа 292 уѣздныхъ земствъ, о которыхъ данъ отчетъ въ ежегодникѣ для 1877 г., только 12 дали столько-же или болѣе; слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ исключительнымъ, блестящимъ: обыкновенная-же издержка отъ 5 до 15 тысячъ. Въ этомъ уѣздѣ мы находимъ въ 1879 году 60 школъ; изъ нихъ земскихъ только 36. Въ земскихъ школахъ 61 учащій; 9 получаютъ по 350 руб., 7—по 300 р., 13—по 250 р., слѣдовательно, 29 учащихся получаютъ 250 руб. и болѣе,—все выходящее изъ ряду, и все-таки учащіе—оборыши образованнаго класса: только 6 человекъ кончили курсъ въ духовной семинаріи; 34, т. е. большая половина,—нигдѣ не кончили курса; изъ остальныхъ 20-ти, женщинъ, 15 окончили курсъ только въ епархіальномъ училищѣ ²⁾. Итакъ, даже 29 вакансій, съ жалованьемъ въ 250 руб. и болѣе, оказалось невозможнымъ замѣстить хотябы женщинами, и притомъ такими, которыя пошли далѣе епархіальнаго училища.

Такъ обстоятъ дѣла тамъ, гдѣ они идутъ блестящимъ образомъ. Что-же можно ожидать тамъ, гдѣ ходъ ихъ заурадный или даже плохой? Чтобы народная школа очутилась въ болѣе рациональномъ положеніи, необходима централизація всѣхъ учебныхъ заведеній губерніи. Живя постоянно въ глухой деревнѣ, и учитель и учительница дичають; черезъ десять, пятнадцать лѣтъ они уже годны только щи варить, да дрова рубить, а не учить. Большинство учащихся въ народныхъ школахъ должны быть дѣвушки. Окончивъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣвушка, въ теченіи пяти лѣтъ, отъ 19 до 25-го года, можетъ дать прекрасную учительницу; затѣмъ большинство выйдетъ замужъ и дастъ прекрасныхъ матерей, не чета нашимъ кисейнымъ барышнямъ, ибо учительница узнала трудъ, жизнь, дѣтей, воспитаніе. Меньшинство составитъ педагогическую карьеру частныхъ учительницъ въ среднихъ заведеніяхъ и проч.

Меньшинство учащихся должно быть изъ мужчинъ. Они должны также проводить въ народной школѣ только нѣсколько лѣтъ

¹⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва декабря 1879 г. Рязань, 1880, стр. 334, 340, 344.

²⁾ Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія XIII очередной сессіи съ 15 по 27 октября 1879 г. и докладъ уѣздной земской управы. Вятка, 1880, стр. 194, 212.

и затѣмъ переходить въ среднія заведенія, дѣлаться начальниками училищъ и пр. Наоборотъ, всѣ учителя и начальники по педагогической части должны быть изъ народныхъ учителей; можно побывать народнымъ учителемъ и не сдѣлаться педагогомъ, но только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ можно сдѣлаться педагогомъ, не побывавъ народнымъ учителемъ.

У насъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе идетъ мало удовлетворительно только потому, что учителя попадаютъ туда со студенческой скамьи, не побывавъ въ народныхъ школахъ. Въ университетѣ можно пріобрѣсти знанія, необходимыя учителю, но не педагогическое искусство; будучи затѣмъ преподавателемъ спеціальнаго предмета, его пріобрѣсти уже почти невозможно, несмотря ни на какое долготѣіе. Народный учитель имѣетъ дѣло съ массой совершенно неразвитыхъ дѣтей; ихъ обученіе и воспитаніе лежитъ вполнѣ на его отвѣтственности; кромѣ его никто объ нихъ не заботится, никто ихъ не подготавливаетъ и не воспитываетъ, а между тѣмъ требуются успѣхи и въ обученіи, и въ воспитаніи: инспекторъ его гоняетъ, если дѣти не учатся удовлетворительно, распущены или деморализированы,—онъ и пріучается приспособляться къ умственному и нравственному развитію своихъ дѣтей. Несомнѣнно, что, при достаточныхъ способностяхъ и удовлетворительной обстановкѣ, онъ сдѣлается педагогомъ. Учитель-же гимназіи заботится только объ одномъ, чтобы ученики въ его предметъ дѣлали болѣе успѣховъ, чѣмъ въ другихъ предметахъ, и, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать педагогическіе приемы, онъ пріобрѣтаетъ анти-педагогическіе. Доходить до того, что гимназистъ среднихъ способностей можетъ быть проведенъ сквозь пекло гимназіи только съ помощью доморощенного вѣшатательства родителей и гувернантокъ. Измѣнится это лишь тогда, когда весь учащій персоналъ среднихъ заведеній будетъ изъ бывшихъ народныхъ учителей: они въ одиночку научились ставить мальчика въ благопріятныя условія для самобытнаго труда; теперь они будутъ дѣлать то-же сообща.

Нѣтъ надобности опасаться, что, съ расширеніемъ сѣти народныхъ школъ, возможность получать высшее положеніе будетъ для народныхъ учителей уменьшаться: при нормальномъ ходѣ дѣла, среднее образованіе будетъ расширяться еще быстрѣе, чѣмъ народное. Въ Бостонѣ значительное большинство рабочаго класса получаетъ наше среднее образованіе, и такъ со временемъ будетъ вездѣ. Если всѣ общеобразовательныя заведенія губерніи должны быть въ одной рукѣ, то спрашивается: кому-же должна принадлежать эта рука? У исторіи есть отвѣтъ на этотъ вопросъ

и ничей опытъ на этомъ поприщѣ не далъ такихъ горькихъ плодовъ, какъ нашъ. Едва въ 1815 г. мы успѣли покончить съ вѣшной войною, какъ у насъ началось искусственное, безпри-
мѣрное въ исторіи порожденіе умственного упадка. Во внутрен-
ней жизни народа не совершилось ровно ничего, чѣмъ-бы оно
было вызвано. Сравнительно съ Западной Европой, Россія была
все еще, несмотря на всѣ свои старанія, отсталой страной; ея
успѣхъ, начиная съ Алексѣя и Петра, и сотни и тысячи другихъ
причинъ были за живое умственное развитіе, которое дало-бы
народу умственную самобытность, поддержало-бы въ Европѣ его
репутацію энергическаго сочувственника просвѣщенія и увѣ-
чало-бы вѣнцомъ мысли тѣ тяжкіе труды и страданія, которыми
страна очистила себѣ мѣсто среди цивилизованной семьи. За
умственный застой не было ни одного аргумента, способнаго
хотя сколько-нибудь удовлетворить здравомыслящаго человѣка,
и все-таки Россія была окована умственнымъ оцѣпененіемъ, какъ
зимнимъ льдомъ, окована по теоретическому соображенію од-
ного человѣка. Это была самая легковѣсная теоретическая
идея, изложенная въ запискѣ, могущей служить образцомъ ис-
кусства замѣнять мысль громкими словами; и такой записки
было достаточно, чтобы на годы оцѣпенить умственно цѣлый
народъ, на зло насущнѣйшимъ изъ его интересовъ. Въ 1825
году оцѣпенѣніе было упрочено на цѣлыхъ тридцать лѣтъ.

Только въ концѣ пятидесятихъ годовъ мы догадались, что
на горе для себя отступили отъ стремленій Романовыхъ XVII-го
вѣка и подчинились вліянію иностраннаго министра Меттерниха,
желавшаго сдѣлать насъ орудіемъ своей политики. Однако-же,
между тѣмъ, мы провели сорокъ бѣдственныхъ лѣтъ подъ этимъ
умственнымъ гнетомъ, и провели ихъ потому, что все дѣло было
въ рукахъ трехъ или четырехъ министровъ-теоретиковъ, руко-
водствовавшихъ въ своей дѣятельности идеями заграничныхъ
реакціонеровъ, а не насущными потребностями русской жизни.
Но даже послѣ радикальнаго поворота отъ меттерниховской къ
старой, выросшей изъ народа, романовской системѣ, статисти-
ческія цифры временъ министра Толстаго показываютъ намъ, какъ
трудно давать достаточное развитіе собственно народному обра-
зованію изъ министерскаго центра. Въ орловской губерніи, на-
примѣръ, изъ 118,891 р. бюджета народной школы земство да-
вало 63,421 р., общества 54,445 р., а министерство народнаго
просвѣщенія всего 2,025 р. ¹⁾ Въ рязанской губерніи, изъ бюд-

¹⁾ „Земскій ежегодникъ“ за 1876 годъ, изд. подъ редакціей Андреевскаго. Спб., 1878, стр. 808. Отчетъ орловской губернской земской управы за 1876 годъ. Орелъ, 1876, стр. 99.

жета въ 178,189 р., земство давало 76,752 р., общества и частныя лица 81,848 р., а казна всего 19,589 р. ¹⁾ Въ глазовскомъ уѣздѣ вятской губерніи земскихъ школъ было 36, приходскихъ 21, а министерскихъ всего 3 ²⁾. Такихъ примѣровъ можно набрать сколько угодно ³⁾. Бывшій министр народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, совершенно основательно находилъ, что народная школа не составляетъ призванія министерства; его ошибка заключалась вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что онъ пульверизировалъ школьное дѣло. Среди народа бѣднаго и безграмотнаго, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть достаточныхъ средствъ, чтобы семейному народному учителю обезпечить возможность давать своему семейству образованіе, школа такой пульверизаціей ставится въ недолимо-безвыходное положеніе. Но если справедливо, что школа только въ рукахъ земства, въ рукахъ народа, будетъ въ нормальномъ положеніи, что только тогда народъ будетъ огражденъ отъ умственнаго упадка въ минуты слабости, паническаго страха и беззавѣтныхъ реакцій, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что земства могутъ успѣшно распорядиться ею только тогда, когда они будутъ смотрѣть на свое дѣло съ высшей, политической точки зрѣнія, когда они будутъ понимать свою миссію дать народу съ одной стороны максимумъ возможнаго въ данное время умственнаго развитія, а съ другой—сохранять и практически развивать въ народѣ идею народнаго единства. Мы никогда не должны забывать, что мы только потому сохранили свою національную самостоятельность, а находившіеся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, сосѣдніе съ нами поляки утратили ее, что мы успѣли создавать для себя условія единства дѣйствія, а поляки—нѣтъ. Разумѣется,

¹⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва, декабрь, 1879 г. Рязань, 1880, стр. 334.

²⁾ Журналы глазовскаго уѣднаго земскаго собранія XIII очередной сессіи съ 15 по 27 октября 1879 г. Вятка, 1880, стр. 212.

³⁾ Въ новгородской губерніи земство давало на народную школу 75,462 р., общества 15,052, казна 6,500 р. Журналы новгородскаго губернскаго земскаго собранія очереднаго сессіи 1878 г. Новгородъ, 1879, стр. 37. Въ херсонской губерніи было земскихъ школъ 157 и учащихся 9,114, общественныхъ и нѣмецкихъ 105, учащихся 10,064, казенныхъ только 25, учащихся 1,597. Сборникъ, 1879 г., херсонскаго земства октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 103. Въ александровскомъ уѣздѣ, владимірской губерніи, земство даетъ 3,535 р., общества и частныя лица 8,673 р., казна ничего. Владимірскій земскій сборникъ, 1879, № 6, июнь, Владиміръ на Клязьмѣ, 1880, стр. 90. Въ полтавской губерніи земство давало 100,196 р., общества и частныя лица 67,737 р., казна только 10,916 р. Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1879 годъ. Полтава, 1880, стр. 83.

для выполненія такой миссии по отношенію къ народному просвѣщенію, земства должны быть мыслящими, способными выработывать практическія идеи, а не инстинктивными.

Я умышленно дѣлалъ сравненіе между бюджетами народной школы и медицины для того, чтобы читателю сдѣлалось яснымъ, что главный недостатокъ земствъ—инстинктивность, а не эгоистическія тенденціи. Земства слѣдуютъ своимъ впечатлѣніямъ, вмѣсто того, чтобы проявлять мысль и характеръ; вотъ гдѣ ихъ ахилессова пята. Стремленіе уличать земства въ эгоистическихъ тенденціяхъ—обыкновенный у насъ литературный приѣмъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи онъ не выдерживаетъ критики. Эгоистическія тенденціи проявились-бы прежде всего въ размноженіи должностей и увеличеніи окладовъ именно для гласныхъ; но въ этомъ отношеніи земства держатъ себя не только прилично, но несравненно сдержаннѣе, чѣмъ администрація. По временамъ проявляется у нихъ мало-настойчивое стремленіе вознаграждать гласныхъ,—требованіе справедливое, но на него они все-таки не напираютъ. Членамъ уѣздныхъ управъ назначается отъ 40 р. до 75 р. въ мѣсяцъ, предсѣдателямъ уѣздныхъ и членамъ губернскихъ управъ 100 или 150 р., предсѣдателямъ губернскихъ управъ 200 или 250 р. въ мѣсяцъ. Въ псковскомъ земствѣ, напр., всѣ издержки съ 1866 по 1879 гг. возросли съ 65,171 р. на 178,748 р.; дорожныя—съ 16,657 р. на 68,629 р., образованія съ 5,000 на 23,700 р., а издержки на управу съ 11,200 р. только на 13,650 р. ¹⁾ Въ череповецкомъ уѣздномъ земствѣ расходъ съ 1866 по 1879 гг. увеличился съ 33,638 на 107,589 рублей; дорожно-подводный—съ 9,522 на 16,471 р., образованія съ 1,431 р. на 27,360 р., медицинской части съ 6,588 р. на 28,287 р., на управу съ 4,213 р. на 8,745 р. ²⁾ Случается изрѣдка, что какое-нибудь собраніе хватить черезъ край; такъ, напр., полтавское земство на 1881 г. назначило предсѣдателю 5,000 р., членамъ по 3,000 р., издержки управленія у него дошли до 39,324 р. ³⁾, но вѣдь это было сдѣлано въ условіяхъ неумѣренности: гласные, по поводу учрежденія своего трибулетнаго банка, были въ такомъ-же состояніи экзальтаціи, въ какомъ были саратовскія и пермское земства, когда они порѣ-

¹⁾ Смета денежныхъ земскихъ повинностей псковской губерніи на 1880 годъ. Приложенія къ докладамъ. Псковъ, 1879. (Собраніе 7 дек. 1879 г.), таблица расхода съ 1866 по 1879 г.

²⁾ Отчетъ череповецкой земской управы о денежныхъ суммахъ за 1879 годъ. Череповецъ. Таблица сметы съ 1866 по 1879 годъ.

³⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XVI очереднаго созыва 1880 г. Полтава, 1880, стр. 101, 150.

пили себя раззорять саратовско-тамбовской желѣзной дорогой и сибирскимъ трактомъ. Можно-ли видѣть эгоистическую тенденцію въ учрежденіи банка, котораго единственное назначеніе—раззорить одновременно и земство, и господъ гласныхъ, и ихъ пріятелей крупныхъ землевладѣльцевъ? Это чистѣйшая инстинктивность натуральныхъ, легкомысленныхъ и жадныхъ до впечатлѣній людей. Увѣдныя земства, которыя сохранили обладаніе здравымъ разсудкомъ и спокойнымъ сужденіемъ, сдѣлали въ той-же полтавской губерніи на 1881 г. обыкновенныя назначенія на управленія отъ 4,800 р. (лубенское) до 8,050 р. (кобелякское). Пермскіе земцы, когда были въ условіяхъ невмѣняемости, также назначили своему предсѣдателю 5,000 р., а когда возвратились къ спокойному здравому размышленію, то одновременно и сибирскій трактъ пришелъ въ порядокъ, и жалованье предсѣдателю было уменьшено до 3,500 р., а членамъ до 2,000 руб. и число ихъ уменьшено до двухъ ¹⁾.

Разъясняя стимулы, двигающіе земствами, увидишь инстинктивность и тамъ, гдѣ эгоизмъ казался наиболѣе несомнѣннымъ. Пресса наша постоянно видѣла эгоизмъ имущаго класса въ значительныхъ земскихъ пожертвованіяхъ на среднее образованіе. Но это ошибка, и земская статистика показываетъ, что главной опорой народной школы служитъ земство. Въ среднихъ заведеніяхъ громадное большинство составляютъ состоятельные люди, живущіе въ городахъ; въ смоленской женской гимназіи, напр., изъ 365 ученицъ было 341 дворянокъ и купчихъ и только 24 прочихъ ²⁾. Въ Вологдѣ, въ гимназіи и реальномъ училищѣ, 475 учащихся: городскихъ 409, иногородныхъ 40, а крестьянъ всего 26 ³⁾. И такъ, если кто долженъ давать субсидію, то, разумѣется, городъ, а не земство. Если вы послѣ этого видите, что полтавское губернское земство трахнуло на среднее образованіе въ 1880 году 65,147 р., а въ 1881 г. 76,058 руб., то вы, пожалуй, будете склонны обвинить его въ эгоизмъ; но если вы вникнете въ эти бюджеты 1881 г., созданные милѣйшими людьми ради разныхъ труболетныхъ цѣлей и утвержденные въ громадной суммѣ 1.407,743 р. ⁴⁾, если обратите внима-

¹⁾ Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губернскою земскою управою, 1880 г., книжка III, годъ девятый. Пермь, 1880, стр. 67.

²⁾ Журналъ XV очереднаго смоленскаго губернскаго земскаго собранія, за сѣданіе съ 8 по 21 января 1880 г., стр. 65.

³⁾ Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очереднаго сессіи четвертаго трехлѣтія. Вологда, 1880, стр. 34.

⁴⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XVI очереднаго созыва 1880 г. Полтава, 1880, стр. 130, 150.

ніе, что сосѣднее, находящееся въ подходящихъ условіяхъ черниговское земство, не успѣвшее утратить способности хладнокровно руководствоваться здравымъ разсудкомъ, тратило въ 1879 году на то-же только 14,100 р. ¹⁾, то вы убѣдитесь, что все это было порождено тѣмъ-же путемъ, какъ и жалованье предсѣдателю въ 5,000 р., т. е. условіями невмѣняемости. Если отъ губернскихъ земствъ, подобныхъ полтавскому, перейдешь къ уѣзднымъ, то сдѣлается даже смѣшно при мысли объ обвиненіи въ эгоизмѣ за подобныя бюджетныя цифры. Вы видите, напр., что егорьевское земство рязанской губерніи на 1880 г. отвалило на классическую гимназію 11,375 р., въ то время, какъ оно даетъ на народную школу всего 6,612 р., на 63,000 жителей имѣеть только 37 школъ и число учащихся въ нихъ уменьшилось съ 1,836 въ 1874 году на 1,657 въ 1879 году. Въ той-же губерніи данковское земство имѣеть на 49,500 жителей 58 школъ, 2,587 учащихся и даетъ 10,120 р. Но не смѣшно-ли видѣть въ этомъ эгоистическое сословное стремленіе, когда въ данковскомъ земствѣ землевладѣльческій элементъ даже сильнѣе, чѣмъ въ егорьевскомъ ²⁾. Въ егорьевскомъ земствѣ явилось вождедвіе классицизма, такъ-же, какъ у ребенка иногда является неодолимое желаніе съѣсть яблоко, несмотря на разстроенное и слабое пищевареніе. Въ херсонской губерніи, изъ трехъ уѣздовъ: херсонскаго, ананьевскаго и елисаветградскаго, крестьянскій элементъ всего слабѣе въ земствѣ херсонскомъ, а между тѣмъ оно даетъ на среднее образованіе 4,200 р., на народное—18,000 р., Ананьевское, на среднее—11,100 р., на народное—только 12,000 руб., а елисаветградское на среднее даже 25,000 рублей ³⁾. Въ херсонскомъ уѣздѣ 110,000 жителей имѣють школу и только 70,000 не имѣють; въ ананьевскомъ—47,000 имѣють и 46,000 не имѣють, а въ елисаветградскомъ—115,000 имѣють, а 119,000 не имѣють; потребность такъ плохо удовлетворена, что, внѣ школъ, крестьянами приглашено еще 18 учителей. Чѣмъ

¹⁾ Журналы черниговскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1878 г., состоявшейся въ январѣ 1879 г. Черниговъ, 1879, стр. 394.

²⁾ Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія XV очередного созыва въ декабрѣ 1879 г. Рязань, 1880, стр. 344. Въ данковскомъ земствѣ отъ землевладѣльцевъ гласныхъ 17, отъ города 3, отъ крестьянъ 14; въ егорьевскомъ—отъ землевладѣльцевъ 19, отъ города 3, отъ крестьянъ 16.

³⁾ Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1879, стр. 109, 111;—гласныхъ въ херсонскомъ земствѣ отъ землевладѣльцевъ 40, городскихъ 24, отъ крестьянъ 22; въ ананьевскомъ—отъ землевладѣльцевъ 19, городскихъ 5, отъ крестьянъ 14; въ елисаветградскомъ—отъ землевладѣльцевъ 40, городскихъ 22, отъ крестьянъ 34.

больше внимаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что тутъ дѣйствуетъ инстинктивность и случайность, случайность и инстинктивность. Жертвы на среднее образованіе порождаются такъ-же, какъ жертвы на медицину; тутъ они порождаются крикомъ докторовъ, тамъ—крикомъ чиновниковъ, среди которыхъ живутъ гласные; гдѣ крикъ громче, тамъ и жертвуется больше.

Эти рѣшенія, вызываемыя не мыслію, а экзальтаціей и непосредственной впечатлительностію, какъ всегда бываетъ, полны внутреннихъ противорѣчій,—у начала нѣтъ конца, у конца нѣтъ начала,—и даютъ часто смѣшныя, а иногда и мрачныя результаты. Казанское губернское земство вывело на свѣтъ божій слѣдующую статистику: въ казанской губерніи православнаго сельскаго населенія 860,000, у нихъ школъ 356, учениковъ 10,723; татаръ въ губерніи 500,000, у нихъ собственныхъ магометанскихъ школъ 589 и въ нихъ учениковъ 55,000. Земство устыдилось этого, и было чего устыдиться. Полудикіе азіаты на свои скудныя средства обучаютъ относительно въ восемь разъ болѣе дѣтей, чѣмъ просвѣщенное земство университетскаго города, центра русскаго образованія. Что-же дѣлаетъ земство? Оно постановляетъ: введеніе обязательности обученія грамотѣ распространить на все населеніе казанской губерніи, безъ различія пола, племени и вѣроисповѣданія ¹⁾. Казанскіе земцы въ эту минуту воображали себя въ роли пророка средневѣковой мистеріи, который протягиваетъ руку и восклицаетъ: «солнце остановись и буря умолкни»,—солнце остонавливается и буря умолкаетъ. Милыя, невинныя дѣти, я долженъ вамъ сказать, что дѣла не дѣлаются такъ просто въ сей жизни! Если - бы постановленіе казанскаго земства привести въ исполненіе съ надлежащей строгостію и всѣхъ не говорящихъ по-русски инородцевъ, мальчиковъ и дѣвушекъ, принудить учиться въ русскіхъ земскихъ школахъ, то изъ этого могла-бы произойти нехорошая исторія. Чтобы обучить одно православное населеніе, нужно употребить на школу въ 15 разъ болѣе, чѣмъ употребляли казанскія земства; по крайней мѣрѣ, число учениковъ въ школахъ должно было-бы увеличиться въ пятнадцать разъ; губернскому земству къ своему необязательному бюджету въ 130,308 р. ²⁾ пришлось - бы прибавить на

¹⁾ Постановленія II очереднаго казанскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшіяся въ засѣданіяхъ его съ 3 по 22 декабря 1875 года, Казань, 1876, стр. 436, 446, 452.

²⁾ Постановленія XI очереднаго казанскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшіяся въ засѣданіяхъ его съ 3 по 22 декабря 1875 года. Казань 1876, стр. 15.

народную школу милліонъ, а оно прибавило на нее 500 р. Ну-ка, ввѣрьте такимъ хозяевамъ народное образованіе губерніи!

Это начало безъ конца, но это все-таки затѣя милыхъ мечтателей, не знающихъ, что творять, — не болѣе; а вотъ нѣчто другое. Въ распоряженіи тамбовскаго земства былъ сиротскій домъ, въ которомъ воспитывалось около 120 человекъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Земство, которое отличалось такой — же идеальной гуманностью, какъ и казанское, воспретило зрителю тѣлесное наказаніе. Но съ легкой руки судебного слѣдователя открылись маленькія отступленія, которыхъ земство не только не видѣло, но, по гуманной любви своей къ безукоризненному зрителю, не хотѣло видѣть. Зритель позволялъ себѣ небольшія жестокости, отъ которыхъ воспитанницы Дюрозуа и Головина отравились, и Дюрозуа дѣйствительно умерла, а воспитанники Крупковъ, Лысогорскій, Васильевъ и другіе бѣжали изъ заведенія и неоднократно. Онъ морилъ воспитанниковъ голодомъ до того, что служители изъ жалости крали хлѣбъ, чтобы ихъ кормить. Съкъ онъ ихъ каждый день; постоянно въ заведеніи слышался крикъ и плачъ дѣтей, то отъ голода, то отъ розогъ. Съкъ онъ ихъ съ истязаніемъ: прутья размачивали въ кипяткѣ и посыпали солью. Онъ по нѣскольму человекъ ежедневно оставлялъ безъ обѣда и такое число учениковъ сажалъ подъ арестъ, что приходилось всѣ возможные помѣщенія обращать въ карцеры. Онъ съкъ открыто больно, но затѣмъ съкъ тайно, жесточайшимъ образомъ, ночью у себя въ квартирѣ. Онъ наказывалъ беспощадно за всякую малость, за бѣготню, за крикъ. Въ карцерѣ сажали на двое и на трое сутокъ; это была маленькая темная комната безъ мебели. Ученики должны были спать въ карцерѣ на голомъ полу, безъ подушки, и сажались туда въ однихъ кителяхъ, а иногда въ одномъ бѣльѣ и простужались. По дѣлымъ недѣлямъ ихъ оставляли безъ завтрака или даже безъ обѣда. Въ числѣ карцеровъ были такіе, въ которыхъ, вмѣсто пола, была земля, покрытая нечистотами, и на этой землѣ воспитанникъ долженъ былъ день и ночь сидѣть и лежать. У одного изъ карцеровъ были сверху и рядомъ отхожія мѣста, такъ-что его воздухъ могъ производить заразительныя болѣзни. Одинъ карцеръ былъ подъ лѣстницей, въ два аршина вышины и полтора ширины, такъ-что невозможно было ни стать, ни сѣсть, ни лечь. Измучивъ ученика такими пытками и розгами и разслабивъ его до того, что онъ ничего не понималъ, зритель требовалъ невозможнаго для него въ такомъ состояніи отчетливаго знанія урока и съкъ опять-таки за то, что не выполнялось требованіе. Возмущаемый тѣмъ, что его жестокости ухудшали дѣло, вмѣсто того,

чтобы его улучшать, онъ шелъ все далѣе по этому пути. Невыносимо узкаго и низкаго карцера ему показалось мало; онъ ставилъ въ карцеръ парту, привязывалъ къ ней веревкой и въ такомъ положеніи держалъ по цѣлымъ недѣлямъ; но когда и отъ этого послѣдовало ухудшеніе вмѣсто улучшенія, онъ придумалъ слѣдующую штуку, напоминающую наиболѣе жестокихъ изъ тирановъ востока: онъ посадилъ мальчика въ подвалѣ между двумя дверями, гдѣ не было полу, а одна только лѣстница, спускавшаяся отъ одной двери къ другой; въ этомъ невозможномъ помѣщеніи онъ продержалъ мальчика полтора мѣсяца. Когда все это, по инициативѣ прокурорскаго надзора, стало раскрываться, земство взяло смотрителя подъ свое покровительство; съ геройствомъ, достойнымъ правителей Дарфура и турецкихъ баши-бузукровъ, оно доказывало, что смотритель — заслуженный наставникъ, достойный не позора и наказанія, а особенныхъ наградъ... Оно отстаивало его шагъ за шагомъ, и когда невозможно было болѣе отстаивать, волочило дѣло такъ, что пришлось внести его въ Сенатъ ¹⁾.

Земствамъ, на снисходительный глазъ, окажется, пожалуй, возможнымъ простить ихъ легкомысленную расточительность десятковъ тысячъ и милліоновъ земскихъ денегъ; найдутся, пожалуй, люди, которые тамбовскому земству простятъ его геройское заступничество за Пѣнина, обвинявшагося въ растратѣ земскихъ денегъ; но нужно не имѣть образа человѣческаго, чтобы симпатизировать укрывателямъ безпримѣрной, варварварской жестокости въ сиротскомъ домѣ. Въ виду такого примѣра, не угодно ли желать расширенія вліянія земства на народное образованіе... И все-таки намъ ничего болѣе не остается дѣлать. Поневолѣ будешь скорбѣть о томъ, что первый законодательный опытъ создать у насъ мѣстное самоуправленіе вышелъ слишкомъ незаконченнымъ. Но самоуправленіе невозможно создать безъ свободной мѣстной прессы: безъ свободной критики въ мѣстной прессѣ всякое самоуправленіе выродится въ самоуправство. Создавая мѣстное самоуправленіе, нужно создать и путь, которымъ народныя желанія переходили-бы въ общую государственную гармонию; иначе выйдетъ болѣзненно-безвыходное треніе.

¹⁾ Журналы очереднаго тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, декабрьской сессіи 1879 года. Тамбовъ, 1880, стр. 156.

Земецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА).

I.

Обязанность журнальнаго хроникера въ настоящее время— это, безъ сомнѣнія, одна изъ скучнѣйшихъ обязанностей на свѣтѣ. Изволь, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть надъ постелью разслабленнаго, который и помирать не помираетъ, и не выздоравливаетъ, а, по выраженію знаменитаго г. Фишера-Люторичскаго, «тянется», мучительно, безконечно долго «тянется». Изволь сидѣть и отмѣчать: «больной спалъ безпокойно», «больной бредилъ»... Удивительно интересные бюллетени, и притомъ о субъектѣ, который, кажется, ужъ всѣмъ на свѣтѣ надоѣлъ, судя, по крайней мѣрѣ, по общему безучастію, по отсутствію вниманія къ его нуждамъ. «Воздуху дайте, свѣту дайте», стонетъ несчастный... Напрасно.

... Нѣтъ ни тѣни ему, ни отрады,
Тѣснять его молча нѣмня громады.

Замѣчательна, въ самомъ дѣлѣ, по истинѣ несчастная судьба нашей прессы. Никому она не угодила. Одинъ ругаетъ ее за «надпольное радѣніе», другой за систематическую оппозицію, третій за отсутствіе всякой оппозиціи, и въ концѣ-концовъ вляется эта несчастная пресса во прахъ, Богомъ убитая и людьми забытая. А трижды несчастный хроникеръ, по обычаю предковъ обязанный слѣдить за «движеніемъ общественной мысли», изволь сидѣть надъ калѣвой и вести свои бюллетени, хотя всѣ очень хорошо понимаютъ, что это дѣлается исключительно для «аккурату—чтобы номеръ соблюсти».

Скучно, читатель, очень скучно. Но еще скучнее то, что въ нашемъ хроникерскомъ чинѣ и при нашемъ положеніи,—бюллетенщикъ самъ подверженъ тѣмъ-же патологическимъ вліяніямъ, какъ и болящій. Хроникеръ обязанъ вести отчетъ, но «независяція обстоятельства» ничуть не обязаны признавать за его отчетами право на существованіе. Положеніе выходитъ просто невозможное. Больной лишился языка и разсудка именно потому, что возился съ разными «идеями». Но у хроникера на рукавъ, кромѣ своихъ собственныхъ идей, еще цѣлая куча чужихъ—изъ цѣлыхъ десятковъ журналовъ и газетъ. А въ настоящее время уже вполне доказано, что большая часть идей—зловредны. Поэтому хроникеръ побивается разными «дезинфекціями» вдесятеро больше, чѣмъ всякій другой писатель. Всякій отвѣчаетъ за собственную «идею», хроникеръ претерпѣваетъ за всѣхъ. Печать, положимъ, бредитъ: вы отмѣчаете фактъ; но вдругъ оказывается, что въ бреду заключается «идея»: является на сцену «аттанде»! Или, положимъ, сообщается въ вольно-экономическомъ обществѣ фактъ, затѣмъ перепечатывается въ брошюрѣ, и еще въ политическомъ журналѣ. Кажется, что вы послѣ этого можете обратить вниманіе на очевидно интересующее общество явленіе. На самомъ дѣлѣ оказывается—«аттанде»! Проповѣдуется еще, положимъ, отчаянная чепуха, но, къ несчастію, благонамѣренная. Для хроникера невысказанно, непозволительно оставить безъ подведенія итоговъ то, о чемъ такъ горячо заговорили въ прессѣ. Я могу еще спрятать подъ спудъ свои идеи, но произвести оцѣнку идей, уже выдержавшихъ карантинъ и появившихся на столбцахъ газетъ—хроникеръ *обязанъ*. Иначе, что это выйдетъ за хроника? Но вы можете себя разсуждать сколько угодно, а «аттанде» остается въ своей силѣ, и, въ довершеніе всего, хроникеръ уже оказывается виноватымъ въ глазахъ читателя, который съ неудовольствіемъ замѣчаетъ: «Ну, и литература у насъ! Даже критики сносно не найдешь». Насмѣшка, да и только. При такихъ условіяхъ невозможна даже просто добросовѣстная критика, не говоря уже о талантѣ. Оттого-то ея и нѣтъ у насъ, оттого бѣжитъ изъ литературы и талантъ. Бездарность еще можетъ примириться съ ролью институтки, которой добродѣтельная гувернантка отмѣчаетъ въ романѣ: «до этой строчки можешь читать, а такія-то строки пропусти». Талантъ въ такомъ корсетѣ жить не можетъ: ему нужна свобода, нужна возможность быть самимъ собой, возможность развиваться тѣми путями, которые вложены Богомъ въ его натуру, а не тѣми, которые въ данный моментъ признаются «полезными», «благонамѣренными». Благонамѣренность таланта—это вѣрность самому себѣ, своей

натурѣ, совѣсти, сознанию. Когда такая вѣрность невозможна, талантъ бѣжить или умераетъ, и къ услугамъ вашимъ, уважаемые читатели, остается лишь то, что вы имѣете въ современной литературѣ, т. е. либо благонамѣренная бездарность, либо талантливое проходимость, либо, наконецъ, соединеніе бездарности съ нечестностью.

Возвратимся, однако, къ нашимъ бюллетенямъ, которые все болѣе и болѣе превращаются въ «скорбные листки».

II.

Общее состояніе періодической прессы за послѣдніе мѣсяцы чрезвычайно неутѣшительно. Это какой-то тяжелый, искусственный сонъ, возмущаемый безповойными грезами. Элементъ сознательности заглушается и лишается всякихъ средствъ бороться съ кошмаромъ. «Положительно никогда еще, говорить «Вѣстн. Европы» (іюль, «Ретроградная печать»),—диапазонъ ретроградной печати не былъ такъ высокъ, какъ въ настоящее время. И что особенно знаменательно, по мѣрѣ того какъ «подъемъ духа» ретроградной печати росъ и росъ, остальная часть русской печати болѣе и болѣе приближается къ состоянію полной безгласности; такъ продолжается дѣло уже цѣлые мѣсяцы». Совершенно такъ-же характеризуетъ положеніе вещей и «Русская Мысль» (см., напр., іюль, Внутр. обзор.), съ тою разницею, что въ послѣднемъ журналѣ тутъ-же высказывается твердая увѣренность въ скоромъ измѣненіи такого ненормального состоянія. Я возвращусь еще къ этой, во многомъ интересной, статьѣ. Теперь взглянемъ еще на физиономію ретрограднаго кошмара.

Что ты значишь, смутный шепотъ? Или не шепотъ, лучше сказать, а громогласное гудѣніе. Что оно зоветъ, что оно пророчить? *Понять* этого, разумѣется, нельзя. Наши *viri obscuri* не имѣютъ общей программы, и если нѣкоторые изъ нихъ понимаютъ по крайней мѣрѣ самихъ себя, то другъ-друга ужъ во всякомъ случаѣ не понимаютъ. Нашу темную силу, нашъ кошмаръ, поднимаетъ не разумъ, а сплетеніе разныхъ инстинктовъ, и вотъ почему охарактеризовать эту кучу людей могъ-бы лучше художникъ, чѣмъ публицистъ, особенно при неприкосновенности для критики «благонамѣренныхъ нелѣпостей», убивающихъ муху ударомъ камня по лбу пустытника. Не обладая ни талантомъ художника, ни привилегіей свободнаго слова, я не берусь за общую характеристику нашихъ *virogum obscurorum*, а отмѣчу только нѣсколько отдѣльныхъ черточекъ этой социологиче- публицистики 11-й версты.

Не угодно-ли, напр., заглянуть хоть въ «Спб. Вѣд.». Возьмемъ номерокъ. Передовая поднимаетъ вопросъ о преобразованіи... чего-бы вы думали?.. фуражекъ. Несомнѣнно, вопросъ важный. Но въ его важности вы еще болѣе убѣждаетесь, перечитывая письмо какихъ-то «родителей», которые на свое горе начитались «особенныхъ словъ» и сбили съ толку почтенную редакцію, за послѣднее время и безъ того ужъ не разъ удивлявшую грамотную Россію соображеніями и теоріями просто невѣроятными. Извольте понять нижеслѣдующее:

«Нельзя не призадуматься, глядя на современное юношество. Вялое, болѣзненное, нервное, раздражительное, оно ничему не вѣритъ, ничего и никого не любитъ, ничѣмъ не дорожитъ, даже самую жизнь, и торопливымъ шагомъ стремится къ открытой могилѣ! Чѣмъ-же можно объяснить свирѣпствующую нынѣ страшную эпидемію самоубійства, поражающую преимущественно дѣтей и юношей, не взирая на то, что жестокости и тиранія, еще такъ недавно господствовавшія въ нашихъ школахъ, отошли въ вѣчность? И не слѣдуетъ-ли искать началъ этого страшнаго недуга въ какомъ-нибудь, незамѣтномъ и ускользающемъ отъ хирургическаго анализа, измѣненіи существа головного мозга, вслѣдствіе дѣйствія холода, препятствующаго его правильному развитію. Намъ, напримѣръ, положительно извѣстно, что простуда слизистой оболочки, покрывающей мозгъ головы, по закону динамики, понижаясь постепенно, переходитъ въ слизистую оболочку органовъ дыханія, т. е. горла и легкихъ; отсюда разные катарры, бронхиты, чахотка, а быть можетъ, и дифтериты, съ которыми народы и племена, носящіе надежные головные уборы, вовсе почти незнакомы».

Интересно было-бы знать, какія фуражки носили въ дѣтствѣ нѣкоторые наши публицисты. Не подъ вліяніемъ-ли этого «ускользающаго отъ анализа измѣненія головного мозга» самыя фуражки такъ легко превращаются въ больничный колпакъ Поприщина-Фердинанда VIII?

Въ качествѣ матеріала по вопросу о подобныхъ превращеніяхъ, можно указать, между прочимъ, любопытныя статьи г. Варфоломея Кочнева («Противъ теченія», «Русск. Вѣстн.»). Этотъ глубокомысленный историкъ-публицистъ, труды котораго займутъ въ наукѣ, безъ сомнѣнія, столь-же почетное мѣсто, какъ романы Болеслава Маркевича въ беллетристикѣ, уже обращалъ на себя вниманіе журнальной критики, но до сихъ поръ почему-то совершенно не интересовалъ собою психіатровъ. Послѣднія главы «Противъ теченія» («Русск. Вѣстн., июль») заслуживаютъ особаго вниманія. Читатели легко замѣтятъ, что г.

Варфоломей Кочневъ развиваетъ на почвѣ историческаго изслѣдованія тѣ-же идеи, которыя залегли въ основу политической дѣятельности «Моск. Вѣд.» и не разъ служили темой для ихъ громовыхъ передовыхъ статей.

Вниманіе Поприщина было привлечено вопросомъ испанскимъ и чисто-династическимъ. Г. Кочневъ захватываетъ историческую параллель шире и углубляется въ исторію революціи 1789 г. Но результаты у обоихъ мыслителей оказываются почти тождественны. Поприщинъ переноситъ въ свою канцелярію короля Фердинанда VIII, г. Варфоломей Кочневъ переноситъ къ намъ французскій 1789 годъ.

«Ты *) догадываешься, говоритъ онъ,—по какой причинѣ стараюсь я особенно внимательно остановиться на разъясненіи неизбежности революціи вслѣдствіе шага, сдѣланнаго французскимъ правительствомъ въ 1787 году **). Мы только-что пережили историческій моментъ, представляющій нѣкоторое сходство съ тѣмъ, какой рѣшилъ судьбу королевской власти во Франціи. Къ счастью, Провидѣніе хотѣло, чтобы исходъ правительственнаго рѣшенія у насъ былъ другой. Насъ усиленно, черезъ агитацію печати, интриги въ правительственныхъ сферахъ, смущеніе общественнаго мнѣнія... приглашали на путь, долженствовавшій неизбежно вести къ революціи» и т. д. Остановимся, однако, на минуту. Читатели видятъ уже, куда мѣтитъ авторъ.

Варфоломей Кочневъ дѣлаетъ очеркъ нашей революціонной партіи, которая, «послѣ неудачнаго хожденія въ народъ, вступила на путь политической дѣятельности», вслѣдствіе чего, по его словамъ, у насъ «началось конституціонное движеніе». «Когда, говоритъ авторъ,—революціонное движеніе, еще недавно такъ ничтожное по собственнымъ силамъ, слилось на практикѣ въ одинъ потокъ съ «конституціоннымъ», оно приобрѣло небывалую силу. Въ странѣ образовалась дѣйствительно сильная партія переменны государственнаго строя. Государство влеклось на путь неизбежно революціонный. Увѣрялось, что будто-бы этимъ способомъ умиротворится крамола»..

Узнаете-ли вы, читатель, въ этомъ очеркѣ Россію? Но послушайте дальше.

«Настойчивый *обманъ* (чей-же?), продолжаетъ Поприщинъ,—

*) Читатели, вѣроятно, помнятъ, что „Противъ теченія“ написано въ формѣ діалога, подобно многимъ другимъ великимъ созданіямъ человѣческаго ума.

***) Т. е. созванія нотаблей, «именитыхъ людей», а затѣмъ и генеральныхъ штатовъ, что, по мнѣнію автора, было уже неизбежно послѣ созванія нотаблей, заявившихъ себя вообще въ оппозиціонномъ духѣ.

произвелъ такую умственную сбивчивость, что самые поразительные аргументы (?) остаются безъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно, спрашивается, чтобы и крамола, и истребители крамолы *) могли разсчитывать достигъ своихъ противоположныхъ цѣлей одними и тѣми-же средствами? **) Что нибудь одно—или конституціонное движеніе должно служить къ торжеству крамолы, или къ торжеству ея истребителей, а слѣдовательно, ужъ никакъ не быть ей желанной. Между тѣмъ оказывается и то, и другое. Кто обманывается и кто обмануть?»

Г. Варфоломей Кочневъ; нужно замѣтить, задаваясь подобнымъ вопросомъ, не дѣлаетъ предварительнаго опредѣленія того, что такое «крамола», и что такое ея «истребители». Понятно, что, стало-быть, правильное сравненіе оказывается невозможнымъ. Г. Варфоломей Кочневъ, вмѣсто всякихъ опредѣленій, просто утверждаетъ, что, во-первыхъ, крамола и ея истребители—это одно и то-же, а, во вторыхъ, что они не одно и то-же. Затѣмъ спрашивается: «кто обманывается?» Заранѣе можно предсказать, что отвѣтъ выйдетъ нелѣпный, потому-что онъ вытекаетъ изъ нелѣпой постановки вопроса. Такъ оно и выходитъ.

Никто не обманывается, говоритъ г. Варфоломей Кочневъ. Крамола—въ обманъ едва-ли дастся: «ея шаги до сихъ поръ такой наивности не показываютъ». Но и «истребители» тоже врядъ-ли обманываются: «въ ихъ первыхъ рядахъ находится пресса, а она въ послѣднее время дошла до *такой виртуозности въ обманываньи* другихъ, что едва-ли сама попадетса на грубую удочку» (хорошо сказано! Поклонъ отъ лица всей прессы!). Но тогда какой-же исходъ изъ противорѣчія? Остается предположить, что «крамола и ея яко-бы истребители суть взаимныя орудія дѣйствія. Достиженію цѣлей крамолы помогаютъ истребители, для цѣлей истребленія полезна крамола». Итакъ, вопросъ рѣшенъ? Нѣтъ. Г. Варфоломей Кочневъ углубляется дальше. Оба явленія—«орудія», сказалъ онъ. Но «орудіе не есть что-либо самостоятельное, и если обѣ стороны суть только орудія, то должно быть нѣчто третье, управляющее, для чего они служатъ орудіями. Это третье есть нѣкоторый планъ противонаціональный, противорусскій. Кто управляетъ имъ, я не знаю ***). Но онъ дѣйствуетъ и явно, и скрыто. Явнымъ орудіемъ имѣетъ онъ крамолу, скрытымъ то, что принято нынѣ именовать яко-бы либеральной партіей»...

*) Т. е. «такъ называемые конституціоналисты».

**) Т. е. усиленіемъ правового элемента въ государственныхъ отношеніяхъ.

***) Пропущено: «А знаете-ли, что у алжирскаго бея на носу шипка?»

Далѣе оказывается, что вся эта интрига невѣдомой силы и въ некоторое время имѣла успѣхъ. Еще недавно «можно было дѣлаться зрѣлищу партіи, *противной существующему строю*, оппозиціонной по существу, и *вмѣстѣ съ тѣмъ правящей* (NB), но въ концѣ концовъ все прошло благополучно» и т. д. (стр. 771—773).

Но довольно. Какъ видите, и въ «научной» статьѣ обосновка политической дѣятельности «Моск. Вѣд.» остается не болѣе солидной, чѣмъ въ летучихъ передовицахъ. Та же «измѣна», та же «панургово стадо», та же таинственная интрига; единственная разница, что въ передовицахъ «Моск. Вѣд.» источникомъ интриги называлась прямо «польская справа», а г. Варфоломей Кочневъ сознается: «кто управляетъ интригою—не знаю». Мы не станемъ останавливаться и на обычныхъ намекахъ на странное зрѣлище лицъ правящихъ, хотя враждебныхъ существующему строю. Квалифицировать подобныя инсинуаціи нѣтъ надобности. Но не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ по поводу опредѣляемыхъ г. Кочневымъ причинъ революціи 1789 г.

Историческія параллели—дѣло вообще очень рискованное, особенно если при этомъ имѣется въ виду рекомендація практическихъ мѣръ. Варфоломей Кочневъ, въ результатъ своихъ каникулярныхъ историческихъ изслѣдованій, открылъ великую истину, что созывать народныхъ представителей въ такое время, когда общество настроено оппозиціонно—очень рискованно. Нетрудно видѣть, однако, что это далеко не общее правило. Разумѣется, если правительство не хочетъ или не можетъ провести реформы, требуемыхъ жизнью, то созывать нотаблей или штаты—огромнѣйшая ошибка. Французское правительство ее и сдѣлало. Но ошибка состояла исключительно въ томъ, что на созваніе штатовъ правительство смотрѣло не какъ на средство реформы, а какъ на игрушку для ублаженія общества: къ реформамъ правительство Людовика XVI не готовилось, и даже не сознавало всей широты настоятельно необходимыхъ преобразованій. Отсюда—всѣ столкновенія власти съ парламентомъ, закончившіяся страшнымъ потрясеніемъ государства.

Итакъ, ошибка есть, да вовсе не тамъ, гдѣ ее видитъ Варфоломей Кочневъ. По его мнѣнію, если-бы Людовикъ XVI не созывалъ нотаблей и затѣмъ штатовъ—то все прошло-бы благополучно. Совѣтую г. Варфоломею Кочневу, на слѣдующіе каникулы, перечестъ исторію Испаніи и Италіи. Онъ тамъ увидитъ, что безъ всякихъ нотаблей и штатовъ происходятъ про-нунціаменто, и заговоры, и возстанія. Французскіе Бурбоны пали отъ руки генеральныхъ штатовъ, неаполитанскіе Бурбоны—съ

оружіемъ въ рукахъ въ борьбѣ противъ «разбойника» Гарибальди. Разница небольшая. Съ другой стороны Савойскій домъ, благодаря своей заботливости объ интересахъ страны, не только ничего не потерялъ отъ созванія народныхъ представителей, но, напротивъ, возвысился такъ, какъ ни одна королевская фамилія Европы, исключая, можетъ быть, гогенцоллерновъ.

Интереснымъ представляется теперь, почему французскіе Бурбоны оказались ниже своего положенія и не сдумали провести реформы старого порядка.

Французская монархія, быть можетъ, изъ всѣхъ европейскихъ монархій наиболѣе сохранила феодальный, вотчинный характеръ. Элементъ государственный, со своимъ принципомъ общенароднаго блага, приходилъ во монархію Бурбоновъ въ наименьшей степени. Перечитайте хоть тотъ-же Тэна, и вы увидите, что французскій король былъ чисто помѣщикъ, а не государь. Что значитъ, напримѣръ, эта продажа должностей, которая была не злоупотребленіемъ, а правиломъ? Что значитъ отношеніе королей къ государственной казнѣ, какъ своей личной собственности? Это опять было *право*, а не злоупотребленіе. Если французскій король заботился о благѣ подданныхъ, то дѣлалъ это исключительно по доброй волѣ, а никакъ не по обязанности. Такой характеръ государственной власти создавалъ вокругъ трона атмосферу, почти исключавшую возможность всякой реформы. Идея государственной пользы заглушалась идеей личной пользы короля и его дворянства, котораго членомъ былъ король—*primus inter pares*. Бережливость правительства оказывалась такъ-же предосудительна какъ скупость частнаго лица. Уничтоженіе злоупотребленій принималось не иначе, какъ за выраженіе гнѣва короля противъ своихъ друзей. Подумайте, что можно сдѣлать въ такой атмосферѣ. Совершенно иное представляется въ Россіи. Наша монархія, напротивъ, отличается отъ всѣхъ наименьшимъ присутствіемъ вотчиннаго элемента, и принципъ государственный давнымъ-давно слился съ ней въ безконечно болѣею степени. Это настолько очевидно, что едва-ли нуждается въ доказательствахъ. Стоитъ только припомнить освобожденіе крестьянъ.

Слѣдствія, проистекающія отсюда, чрезвычайно важны. Реформа можетъ быть нужна иногда каждому правительству. Но задача реформы для Бурбоновъ была страшно тяжела. Бурбонской монархіи надлежало измѣнить не только свои формы или способы сношеній съ подданными, ей нужно было измѣнить самый основной принципъ свой: ей нужно было сперва стать дѣйствительно *правительствомъ*, а не *помѣщичьей конторой*. Не трудно видѣть, что это страшно сложная задача, и что если она

не рѣшена постепенно цѣлой исторіей, то едва-ли даже исполнима. А между тѣмъ средневѣковая вотчинная монархія столкнулась въ 1789 г. съ жизнью, переросшей феодальный строй, быть можетъ, болѣе чѣмъ въ какой другой современной 1789 году странѣ. При такихъ условіяхъ почти невозможно было и ожидать удачной реформы. Созваніе нотаблей было-бы очень полезно, если-бы при этомъ имѣлось въ виду воспользоваться ихъ указаніями. Сама по себѣ мѣра могла быть очень хороша, но, конечно, всякая сила, съ которою вы не сумѣли поладить, можетъ обратиться и противъ васъ.

Русское правительство, предпринимая какія-либо реформы, не имѣетъ этихъ затрудненій. Это, мнѣ кажется, должно-бы составлять лучшую вѣру истиннаго консерватора, такъ-какъ думать протпвное—значитъ отвергать всякое значеніе 250 лѣтней практики государства, возникшаго послѣ смуть 1612 года. Даже иностранные писатели, какъ Уоллесъ, говорятъ, что наше правительство можетъ производить всякія реформы, не опасаясь какихъ либо потрясеній.

III.

Обзоръ движенія ретроградной мысли будетъ существенно не полонъ, если не упомянуть о «Запискѣ» К. Аксакова, опубликованной въ №№ 26, 27 и 28 «Руси». Къ сожалѣнію, «независящія, обстоятельства» дѣлаютъ невозможнымъ серьезное разсмотрѣніе этого любопытнаго документа. Не лишнимъ будетъ замѣтить однако, что «Записка» въ свое время не вызывала безусловнаго одобренія въ рядахъ славянофильства и далеко не всѣми признавалась за *profession de foi*. Насколько правы славянофилы, утверждающіе, что такіе крупные авторитеты, какъ напримѣръ Хомяковъ, смотрѣли совершенно иначе на затрогиваемые К. Аксаковымъ вопросы—объ этомъ, конечно, умѣстнѣе всего говорить «Русской мысли»: что, по слухамъ, она и намѣревается исполнить. Дѣйствительно, люди, которымъ дорого умственное движеніе, выразившееся въ славянофильствѣ, хорошо-бы сдѣлали, если бы возстановили передъ обществомъ истинный характеръ этого движенія и объяснили, насколько неизбежно вытекаетъ изъ него союзъ съ «Моск. Вѣд.», «Новымъ Временемъ» и т. д. Въ ожиданіи этого, перейдемъ къ другимъ явленіямъ текущей прессы.

Лѣтніе мѣсяцы представляли два крупныя явленія жизни, которыя должны-бы были отразиться въ журналистикѣ. Одно—

относится къ внутренней, другое къ внѣшней политикѣ. Я говорю объ анти-еврейскомъ движеніи на югѣ и послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи. Принимая во вниманіе тѣсныя связи Россіи съ Болгаріей, нельзя, разумѣется, удивляться, что совершенный княземъ Баттенбергомъ переворотъ былъ у насъ принятъ очень близко къ сердцу. Печать нѣкоторое время принуждена была хранить почти полное молчаніе о болгарскихъ дѣлахъ, но потомъ, получивъ нѣкоторую возможность говорить, она отнеслась къ перевороту совершенно неодобрительно. Единственное исключеніе составляли «Московск. Вѣдом.», «Совр. Изв.» и «Русь». Въ этомъ случаѣ даже «Новое Время» отдѣлилось отъ своихъ обычныхъ союзниковъ. Наиболее точно сформулировано мнѣніе прессы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Отмѣчаю ихъ отзвѣвъ.

«Государственный переворотъ въ Болгаріи совершился. Болгарской конституціи болѣе не существуетъ. Ее замѣнила единоличная власть князя. Великое народное собраніе, только-что сходившееся въ Систовѣ и вотировавшее за предоставленіе князю неограниченной власти, было создано этой самой властью, было орудіемъ ея.

«Переворотъ не сталъ ни на одну іоту законнѣе отъ того, что систовскій съѣздъ подалъ за него голосъ. Напротивъ, чувство законности, если таковое живетъ въ болгарскомъ народѣ, должно быть тѣмъ сильнѣе уязвлено. А эти уколы—дурная политическая школа.

«Опутавшая князя своей интригой, продолжаетъ газета, и свратившая его съ пути закона на путь произвола партія чорбаджіевъ достигла цѣли. Власть, конечно, и власть безконтрольная, безответственная, близка къ ея рукамъ. Но въ состояніи ли будутъ чорбаджіи справиться съ нею, удержать ее, а главное, не минуетъ-ли она ихъ рукъ, и не выйдетъ-ли на повѣрку, что они работали на другихъ, и даже не на болгаръ?

«Зданіе государственнаго устройства разрушено быстро. Найдутся-ли руки достаточно искусныя, чтобъ на его мѣсто воздвигнуть новое съ такой-же быстротой и настолько прочное, чтобъ оно было обезпечено въ своихъ устояхъ, не было сооруженіемъ, построеннымъ на пескѣ? Будетъ-ли неограниченная власть, взятая княземъ, гранитной скалой, настолько крѣпкой, чтобъ воздвигаемое на ней новое устройство Болгаріи было свободно отъ опасеній за свое существованіе?»

Такъ говорятъ «Русскія Вѣдомости» (передовая, 4-го іюля),

и эти упреки, сомнѣнія и запросы, въ той или иной формѣ, болѣе или менѣе рѣзко повторялись не только либеральною печатью, но даже вообще большею частью газетъ и журналовъ. Мнѣній противоположнаго характера я не считаю нужнымъ приводить, такъ-какъ они въ сущности даже не формулировались. Сочувствіе ультра-ретроградныхъ газетъ къ перевороту было какое-то несмѣлое. Они ограничивались нападками на либеральное министерство, защитой русскихъ офицеровъ и т. д.

Что касается анти-еврейскихъ безпорядковъ, то они въ прессѣ отразились нѣсколько иначе. Толковъ, соображеній со всѣхъ сторонъ было высказано множество, но едва-ли я ошибусь, если скажу, что всѣ эти толки не могли дать никакихъ полезныхъ указаній государственному дѣятелю. Здѣсь въ тысячный разъ подтвердился фактъ, что совѣты нашей прессы тѣмъ практичнѣе, чѣмъ менѣе относятся къ намъ, къ Россіи, дѣло, вызывающее совѣтъ. Я говорю это не въ судъ или осужденіе, а только отмѣчаю фактъ. Безъ сомнѣнія, онъ зависить отчасти отъ стѣсненія свободнаго сужденія, но едва-ли не обуславливается еще болѣе неразвитостью нашей политической мысли, пассующей передъ каждымъ, сколько-нибудь сложнымъ общественнымъ явленіемъ. Что выйдетъ, въ самомъ дѣлѣ, если свести къ одному итогу мнѣнія прессы? Всѣ газеты и журналы безъ исключенія обвиняли евреевъ въ эксплуататорскомъ отношеніи къ народу. Но это—даже не мнѣніе, а фактъ, извѣстный каждому становаму не хуже, чѣмъ публицистамъ. Далѣе затѣмъ газеты либеральнаго направленія указывали, что такое положеніе евреевъ обуславливается закономъ, и утверждали, что еврейская эксплуатація ослабится съ расширеніемъ правъ евреевъ, съ расселеніемъ ихъ по Россіи и т. д. Нетрудно, разумѣется, предугадать возраженія, если кому вздумалось-бы возражать, а такихъ было много. Во всякомъ разѣ, сужденія либеральной прессы были въ этомъ случаѣ такъ-же блѣдны, какъ сужденія крайнихъ обскурантовъ по вопросу болгарскому. Съ гораздо большею страстью и самоувѣренностью толковали о еврейскихъ безпорядкахъ наши консерваторы. Разсужденія ихъ были совершенно одинаковы. Остановимся, какъ на очень хорошемъ образчикѣ, на «Русской Рѣчи».

«Русская Рѣчь» (Внутреннее обозрѣніе, іюнь) описываетъ сперва фактическую сторону событій и приходитъ къ общему выводу—будто-бы «не подлежитъ сомнѣнію, что разгромъ евреевъ не былъ случайностью, а является предумышленнымъ дѣломъ рукъ все тѣхъ-же нашихъ крамольниковъ... Маневръ, употребленный въ настоящемъ случаѣ крамолою для возбужденія

народа, не новый: это тѣ-же темные слухи, которые распускались въ народѣ о передѣлѣ земли, о какой-то золотой царской грамотѣ... Крамольники воспользовались теперь ненавистью южно-русскаго народа къ евреямъ и вовлекли бѣдный темный людъ въ преступленіе... *). Этимъ участіемъ крамолы журналъ объясняетъ себѣ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбивали не только еврейскіе дома, но и христіанскіе; этимъ онъ объясняетъ и обнаружившееся мѣстами сопротивленіе властямъ, а также и факты грабежа: «Это наша кровь, отвѣчали крестьяне на вопросъ, зачѣмъ они брали чужое добро» (стр. 22, 23).

«Такимъ образомъ, заключаетъ «Русск. Рѣчь»,—крамольники могутъ снова торжествовать. Для ихъ цѣлей, конечно, было полезно, въ видахъ пріобученія народной массы къ мятежу и насилію, дать ей практическій урокъ, дать случай испытать свои силы на этомъ пути, развить въ ней на жидовскомъ добрѣ хищническіе инстинкты и вооружить всесвѣтный еврейскій союзъ противъ Россіи (!)—и они успѣли въ этомъ. Они искусно воспользовались исконнымъ неудовольствіемъ народа противъ евреевъ»...

Но крамола только воспользовалась обстоятельствами—«ненавистью южно-русскаго народа къ евреямъ». Какковы-же причины ненависти, и какія могутъ быть средства уладить еврейскій вопросъ? О причинахъ ненависти «Русск. Рѣчь» распространяется очень обстоятельно. Это—страшная эксплуатація, обусловленная вовсе не законодательствомъ, а присущими еврейскому племени стремленіями къ хищничеству и легкой наживѣ. «Если свободу расселенія евреевъ по всей Россіи и можно допустить, то развѣ лишь на томъ основаніи, что ядъ тѣмъ слабѣе дѣйствуетъ, чѣмъ въ большемъ количествѣ воды онъ растворенъ, и, слѣдовательно, отравивъ евреями болѣе или менѣе слегка всю Россію, можно ослабить ядовитое дѣйствіе ихъ на тѣ мѣстности, гдѣ они теперь наиболѣе сгущены» (стр. 40). Но въ сущности разговоры о расселеніи—больше одни фразы. Евреи и безъ того заняли весь западный и южный край, равняющійся половинѣ Европы, да и въ остальной Россіи живутъ во множествѣ, обходя законъ тысячею способовъ. «Русск. Рѣчь» приводитъ множество образчиковъ еврейской эксплуатаціи, на-

*) Читатели уже знаютъ, что многочисленныя слѣдствія по поводу безпорядковъ не открыли вліянія „крамолы“ на ихъ происхожденіе и развитіе. Самыя событія отъ этого пріобрѣтаютъ, конечно, еще болѣе серьезный характеръ и еще болѣе заслуживаютъ изученія, чуждаго такой топорности, какую проявила ретроградная пресса.

поминаетъ, насколько они захватили въ свои руки юго-западный край и т. д. Цѣны дѣйствительно краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Такъ, напр., въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края, изъ общаго числа сахарныхъ заводовъ 25% принадлежатъ евреямъ, изъ 564 винокуренныхъ заводовъ евреямъ принадлежитъ 500, т. е. 90%; изъ 148 пивоваренныхъ заводовъ въ рукахъ евреевъ 119; изъ числа мельницъ 90% находятся у евреевъ; питейныя заведенія края, числомъ 19,000, *всѣ* принадлежатъ евреямъ; еврейскихъ лавокъ считается до 15,000 и т. д. Вся промышленность въ ихъ рукахъ, но зато физическимъ трудомъ они никогда не занимаются. Все это—или крупные промышленники, или гешефтмаеры, маклера, ростовщики. Напрасно, замѣчаетъ «Русск. Рѣчь»,—говорять о законодательныхъ препятствіяхъ земледѣльческому труду евреевъ. Во время управленія графа Воронцова дѣлались усиленныя попытки обратить евреевъ къ земледѣлію, устраивались на казенный счетъ еврейскія колоніи, но изъ этого ничего не вышло. Запрещеніе евреямъ пріобрѣтать землю ничего не значить, такъ-какъ арендуютъ они и теперь въ одномъ юго-западномъ краѣ около 600,000 дес., а если считать неоформленные контракты, то можно съ увѣренностью сказать, что въ рукахъ евреевъ находится 1/4 часть имѣній юго-западнаго края. Евреи захватываютъ въ руки и крестьянскія земли. «Кулакъ-еврей, за открытый крестьянину кредитъ, требуетъ отъ крестьянина обработки большей или меньшей части принадлежащаго ему участка земли, поэтому крестьянскіе надѣлы остаются въ дѣйствительной арендѣ у евреевъ» (стр. 30). «Кто-же мѣшаетъ евреямъ-арендаторамъ предоставить обработку этихъ земель своимъ, бѣдствующимъ яко-бы отъ скученія и повѣдающей конкуренціи единоплеменникамъ, нуждающимся въ заработкахъ. Между тѣмъ, извѣстно, что никогда ни одинъ южно-русскій вольт, ни одна сѣверо-западная вляча не видали идущаго за сохою сына Израили, ни одна капля жидовскаго пота ни разу на оросила обширныхъ полей, арендуемыхъ евреями... (тамъ-же).

Говорятъ, продолжаетъ «Русск. Рѣчь»,—что въ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ евреи сравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, они слились съ народомъ и не возбуждаютъ противъ себя такихъ нареканій. На самомъ дѣлѣ, это совершенно невѣрно. Весь вопросъ здѣсь въ *количествѣ* евреевъ. Въ Англіи и Франціи одинъ еврей приходится на 600 и 700 душъ населенія. Естественно, что тамъ эксплуатація евреевъ незамѣтна и не становится «общественнымъ вопросомъ». Но въ другихъ странахъ евреевъ больше: въ Германіи, напр., одинъ еврей

приходится на 78, въ Австріи—на 27, въ Россіи—на 25, въ Румыніи—на 19 человекъ населенія. И повсюду въ этихъ странахъ развивается анти-еврейское движеніе. «Русск. Рѣчь» приводитъ примѣръ изъ послѣднихъ германскихъ событій. О Румыніи излишне напоминать читателямъ. Въ юго-западной-же Россіи есть губерніи, гдѣ евреевъ приходится 1 на 7 душъ населенія. Можно себя представить, какой тяжелый гнетъ они производятъ!

И такъ далѣе. Нечего и говорить о томъ, какъ много правды въ этой картинѣ еврейской эксплуатаціи. Но каковъ-же выводъ «Русской Рѣчи»? Что дѣлать? Вѣдь «руководитель общественнаго мнѣнія» долженъ умѣть что-нибудь посовѣтовать народу. Для хроникера особенно интересно и знаменательно именно то, что выводовъ журналъ все-таки никакихъ не даетъ. И это не одна «Русск. Рѣчь», а поголовно вся журналистика, особенно ретроградная. Правда, что наиболѣе «рѣшительные люди», въ духѣ репетитовскаго клуба, рекомендуютъ—*выселеніе евреевъ*—ни болѣе, ни менѣе. Такъ высказались «Русь», «Новое Время»... Рѣшеніе совершенно по плечу Сѣнной площади и Охотному ряду. Крестьяне также говорили, что евреевъ нужно выселить въ «Египетскую губернію». У крестьянина и на Сѣнной площади такое разсужденіе понятно: въ немъ сказывается законное желаніе избавиться отъ эксплуатаціи и непониманіе законовъ общественной жизни. Но для «руководителя»—это, согласитесь, ужъ изъ рукъ вонъ плохо.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, пресса, по вопросу о безпорядкахъ, не сказала въ сущности ничего. Она констатировала фактъ, т. е. сдѣлала то-же, что дѣлаютъ городской рынокъ, пивная или деревенскій кабакъ; въ своихъ разсужденіяхъ она такъ-же или шла вслѣдъ за тѣми-же рыночными политиками, или ограничивалась общими фразами о реформахъ. Государственный дѣятель, пересмотрѣвши газеты, не нашель-бы въ нихъ ничего такого, чего не могъ-бы узнать отъ своего секретаря и сторожа своей канцеляріи.

На этомъ мы могли-бы и покончить разсмотрѣніе дѣятельности прессы въ области текущихъ вопросовъ. Въ послѣдніе мѣсяцы былъ, однако, еще вопросъ, возбуждавшій оживленные толки—это крестьянское и земское самоуправленіе. Какъ извѣстно, старое министерство внутреннихъ дѣлъ само возбудило вопросъ о реформѣ крестьянскаго управленія, обратившись съ запросомъ по этому предмету въ земства. Но крестьянское управленіе такъ тѣсно связано съ обще-земскимъ строемъ, что вопросъ неизбежно долженъ былъ принять болѣе широкіе размѣры. И вотъ у

насъ снова заговорили о сословной и бессословной волости, мелкой земской единицѣ, отношеніи администраціи къ земству и т. д. Въ настоящее время, однако, вопросъ еще далеко не выяснился, и журнальные представители различныхъ направлений, повидимому, еще сами не взвѣсили всѣхъ выгодъ и невыгодъ разныхъ системъ земской организаціи. Характернымъ образчикомъ этого можетъ служить «Русская Мысль» — журналъ очень внимательно относящійся къ земскому дѣлу и, однако, помѣщающій теперь на своихъ страницахъ статью «Организація земскаго представительства» — съ формальной оговоркой редакціи, что дѣлается это, главнымъ образомъ, лишь для того, чтобы вызвать обсужденіе, поставить вопросъ. Такая сдержанность станетъ понятною, если вспомнить, что организація земства съ одной стороны непосредственно связана съ интимнѣйшей жизнью самыхъ основныхъ ячеекъ общественной организаціи, а съ другой не менѣе тѣсно примыкаетъ къ государству. Недосмотръ при постановкѣ земскаго вопроса можетъ повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія. Журнальная полемика по поводу волостного и мирового суда, по поводу бессословной волости и т. д. уже показывала наглядно, какъ много pro и contra найдется въ этихъ вопросахъ для человѣка, желающаго не закабаленія массъ, а прочнаго устройства, настолько-же обезпечивающаго порядокъ, какъ и свободное развитіе духовнаго и матеріальнаго благосостоянія народа.

Я надѣюсь, что къ слѣдующему обзорнѣю настроеніе общественныхъ партій уже обозначится вполне и позволитъ сдѣлать выводы, которые теперь были-бы нѣсколько гадательны. А покаместъ бросимъ еще взглядъ на самыя «общественныя партіи».

IV.

Терминъ «общественныя партіи» у насъ до сихъ поръ еще, по большей части, ставится въ кавычкахъ и сопровождается словами «такъ-называемыя». Не мое дѣло разбирать, насколько основателенъ подобный обычай, хотя, конечно, онъ отзывается ужъ черезчуръ консервативной стыдливостью. Имѣть партіи едва-ли составляетъ слишкомъ большой позоръ даже для благоустроенной страны. Какъ-бы то ни-было, въ июльской книжкѣ «Русской Мысли» внутреннее обзорнѣе (*Пра-вительство и общественныя партіи*) посвящено именно этому вопросу — о значеніи русскихъ общественныхъ партій за послѣднія 30 лѣтъ нашей исторіи.

Эта статья во многом заслуживаетъ вниманія. Можно не соглашаться съ авторомъ въ разныхъ выводахъ, но нельзя не замѣтить, что его точка зрѣнія на ходъ нашего развитія послѣднихъ десятилѣтій—очень выгодно отличается отъ тѣхъ «суздальскихъ» историческихъ мировоззрѣній, которыми насъ ежедневно угощаютъ «руководители», пользующіеся привилегіей свободного слова. Здѣсь нѣтъ таинственныхъ темныхъ силъ, тайныхъ пружинъ, скрытыхъ и явныхъ орудій, историческихъ миссій и тому подобныхъ общественныхъ факторовъ, объясняющихъ все для «Московскихъ Вѣдомостей» и «Руси». Здѣсь дѣйствуютъ обыкновенные люди, способные и разсуждать, и понимать, и ошибаться; здѣсь реакція и движеніе сводятся къ естественнымъ причинамъ. Трезвый взглядъ—нынче такая рѣдкость, что нельзя не остановиться съ удовольствіемъ на этой статьѣ *).

«Русская Мысль» начинаетъ говорить собственно по поводу «чрезвычайныхъ мѣръ» и комиссіи, имѣющей выработать ихъ. По мнѣнію журнала, работы комиссіи возбуждаютъ сильное безпокойство въ обществѣ, у котораго «горькія воспоминанія возникаютъ при одномъ имени чрезвычайныхъ мѣръ». Почему-бы такъ? спрашиваетъ авторъ. Вѣдь мѣры эти предпринимаются для охраны самаго общества. Отвѣтъ на это авторъ надѣется найти въ исторіи послѣдняго времени.

До крымской кампаніи, говорить «Русская Мысль»,—наша внутренняя политика была рѣзко-реакціонна, но находилась въ полной гармоніи съ настроеніемъ общества. Полная увѣренность въ совершенствѣ нашего общественнаго строя, въ нашемъ превосходствѣ предъ всѣми народами земными, царила въ русскомъ умѣ. Всякая попытка реформы считалась излишней и вредной. Немногіе оппозиціонныя головы сидѣли смиренно по своимъ угламъ или спасались за-границей, не имѣя никакого вліянія на русскую жизнь. Эта реакція была естественна, она была естественнымъ результатомъ общественнаго настроенія.

Но вотъ раздалась грома Восточной войны. Общество пробудилось. Безчисленные недостатки нашего общественнаго строя открылись во всей наготѣ. Россія поняла необходимость быстрой и радикальной реформы. И вотъ появляются на сцену заграничная литература и эмигранты. Естественно, что общество думало найти отвѣтъ на всѣ свои вопросы у этихъ людей, которые

*) Это не значить, конечно, чтобы я безусловно соглашался съ авторомъ во взглядахъ его на исторію послѣднихъ десятилѣтій. Оговариваясь на всякій случай, хотя не считаю умѣстнымъ входить въ подробныя препирательства, не имѣющія уже никакого отношенія къ литературной хроникѣ.

говорили о реформахъ еще давно, когда все спало. Вотъ причина небывалой популярности тогдашнихъ эмигрантовъ. Она продержалась, однако, недолго. Правительство само стало во главѣ реформы; закипѣла дѣятельная работа. Для проведенія своихъ преобразованій, правительство искало союзниковъ въ наиболѣе развитой части общества и дало свободу печати. Цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ и развитіе мѣстной русской мысли скоро вытѣснили всякое вліяніе эмигрантовъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Кое-что мы успѣли сдѣлать, очень многого не сумѣли, очень устали, во многомъ разочаровались... Острыя, политическія событія, вродѣ польскаго мятежа и затѣмъ зародышей революціоннаго движенія—послужили толчкомъ для реакціи. Но эта реакція опять была *естественна*. Масса общества устала, разочаровалась, нуждалась въ томъ, чтобы оглядѣться, вдуматься во все сдѣланное. Хроникеръ «Русской Мысли» полагаетъ, что въ такомъ положеніи мы были до Турецкой войны. Въ это время, говоритъ онъ,—консервативная партія взяла рѣшительный перевѣсъ и пользовалась поддержкой массы общества. Либеральная партія была, напротивъ, въ загонѣ и возбуждала въ обществѣ недовѣріе. Потому реакціонная политика была естественна, и если не была полезной, то не возбуждала *въ массѣ* неудовольствія. Турецкая война произвела новый поворотъ общественнаго мнѣнія.

Близкое сравненіе «обновленной Россіи съ Турціей—чрезвычайно поразило русское общество. Оказалось, что въ разлагающейся Турціи военная техника во многомъ выше нашей, что въ военной и правительственной іерархіи тамъ гораздо легче выдвигаются на надлежащее мѣсто таланты, что угнетенные болгары живутъ богаче русскихъ крестьянъ и пользуются свободой вѣроисповѣданія, неизвѣстной для многихъ милліоновъ у насъ и т. д. Это заставило общество оглядѣться. Авторъ полагаетъ, что это произвело сильное впечатлѣніе даже на массы народа, и что именно сравненіе своего положенія съ положеніемъ болгаръ вызвало въ народѣ «убѣжденіе въ томъ, что при помощи правительственной власти крестьянство будетъ надѣлено землей въ количествѣ достаточномъ для безбѣднаго существованія». Это убѣжденіе «опредѣлилось во время послѣдней войны, и съ того времени оно ни на минуту не колебалось».

Такимъ образомъ, въ настроеніи общества произошелъ опять поворотъ въ пользу реформы. Представители либеральнаго направленія начали обращать на себя вниманіе общества. Консервативная партія потеряла кредитъ. Но «этотъ переворотъ въ

общественномъ настроеніи не могъ вдругъ обнаружиться съ полной ясностью, и потому правительство не могло скоро замѣтить его, тѣмъ болѣе, что при существовавшихъ стѣсненіяхъ печати наше правительство лишено было средствъ для распознаванія какъ настроенія общества, такъ и силы общественныхъ партій». Сверхъ того, вниманіе правительства было поглощено борьбой съ революціонной партіей, которая за это время чрезвычайно усилилась. Авторъ довольно подробно разсматриваетъ признаки этого усиленія, но мы можемъ оставить это въ сторонѣ. Небывалый ростъ революціонной партіи вызвалъ репрессивныя мѣры со стороны правительства. «Но, къ несчастію, правительственныя мѣропріятія противъ революціонной партіи не столько вредили ей, сколько ложились страшной тяжестью на общество». Общество все болѣе убѣждалось въ необходимости спокойнаго и мирнаго развитія, оно начинало все болѣе убѣждаться, что реакція такъ-же неспособна вывести на этотъ путь, какъ и революція. Это заставило обратиться къ либеральной партіи, тѣмъ болѣе что «чрезвычайныя мѣры оказались совершенно бессильными».

Итакъ, въ концѣ прошлаго царствованія общественное настроеніе уже всецѣло перешло на сторону либеральной партіи, а консервативная совершенно дискредитировалась и ступенчалась.

Послѣдствіемъ событія 1-го марта, продолжаетъ «Русская Мысль»,—было обнаруженіе въ правительствѣ стремленія воспользоваться репрессивными мѣрами для воздѣйствія на общество. Тяжесть этихъ мѣръ, между прочимъ, съ особой силой обрушилась на либеральную печать... Консервативная партія опять подняла голову и стала дѣлать воззванія о необходимости для правительства рѣшительно вступить на старыи путь реакціи. Но общество такъ высказалось въ пользу либеральнаго направленія, что всѣмъ и каждому очевидна полная неудача всѣхъ стараній направить насъ на старую дорогу». Консерваторы пользуются полною свободой слова и агитаціи, либералы, напротивъ, чрезвычайно стѣснены, но побѣда въ обществѣ все-таки на сторонѣ либеральнаго направленія. «Прислушайтесь къ тѣмъ разговорамъ, которые ведутся теперь въ незримой глубинѣ общества, въ нашихъ семьяхъ, домашнихъ дружескихъ кружкахъ — подобныхъ разговоровъ мы до 1-го марта не слышали».

Въ концѣ-концовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что реакція въ настоящее время не естественна, не имѣетъ корней и оправданія въ обществѣ, а потому и не мыслима. Ав-

торъ выражаетъ твердую увѣренность, что очень скоро «либеральное большинство русскаго народа», въ тѣсномъ союзѣ съ правительственной властью, предприметъ и благополучно завершитъ реформы, долженствующія обновить строй русской жизни и дать русскому народу возможность вновь успокоиться послѣ столькихъ ужасовъ, тревогъ и тяжелыхъ испытаній».

И. К—въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Устраненіе чтенія лекцій въ академической или университетской системѣ преподаванія наукъ. В. Герасимова. Спб., 1881 г.

Авторъ лежащей предъ нами брошюры, еще будучи слушателемъ артиллерійской академіи, усвоилъ себѣ отрицательный взглядъ на пользу лекцій и обусловленнаго ими метода преподаванія. И тогда еще авторъ началъ походъ противъ системы чтенія лекцій, напечатавъ по этому поводу статейку въ артиллерійскомъ журналѣ. Пассивный протестъ противъ лекціонной системы—путемъ не посѣщенія лекцій—проявляли и другіе его товарищи. Это было въ 1870 году. Черезъ четыре года, состоя слушателемъ въ военно-юридической академіи, авторъ снова выступилъ противъ лекціонной системы и написалъ новую статью, но редакція «Педагогич. Сборника» и «Отеч. Записокъ», которымъ она была предложена для напечатанія, отказались ее помѣстить. «Впрочемъ, самоувѣренно заявляетъ авторъ,—мы ожидали и ранѣе, что рѣдная редакція согласится на распространеніе идеи, кажущейся парадоксальной, и если обращались къ нимъ, то больше для нагляднаго въ томъ убѣжденія; работая-же надъ статьей, мы имѣли въ виду, въ случаѣ неудачи въ попыткѣ помѣщенія статьи въ журналѣ, представить ее на усмотрѣніе военнаго министра, въ видѣ проекта новой академической системы преподаванія». Статья, дѣйствительно, въ 1879 г. была представлена въ военное министерство, рассмотрѣна въ главномъ военно-учебномъ комитетѣ и въ 1880 г. возвращена отъ предсѣдателя этого комитета автору, съ извѣщеніемъ, что, по заключенію комитета, статья «даетъ положенія и выводы, съ которыми

нельзя согласиться». Наконецъ, въ текущемъ году статья г. Герасимова появилась отдѣльной брошюрой. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія брошюры представляетъ длинную одиссею мытарствъ, которыя, однако, не ослабили рѣшимости автора бороться противъ системы чтенія лекцій.

Отрицая пользу чтенія лекцій, авторъ пытается изслѣдовать самыя условія обученія, представляемыя господствующей нынѣ системой преподаванія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и установить, насколько возможно основательное пониманіе и усвоеніе того, что читаетъ преподаватель на лекціи, а для этой цѣли онъ дѣлаетъ анализъ психическаго процесса мышленія слушателя. Къ сожалѣнію, авторъ самъ мало знакомъ съ психологіей, и потому разсужденія его являются не столько самостоятельными, сколько сопоставленіемъ выписокъ изъ различныхъ книгъ, и, преимущественно, изъ «Пед. Ан.» Ушинскаго. Авторъ нѣсколько наивно признается, что онъ выдвигаетъ авторитеты для защиты себя отъ возраженій, которыя «должны быть направлены не противъ статьи, а противъ выдвигаемыхъ впередъ авторитетовъ». Смѣемъ увѣрить г. Герасимова, что тяжелая артиллерія выдвигаемыхъ имъ авторитетовъ не много прибавляетъ силы и убѣдительности его доводамъ, а между тѣмъ и, по его собственному признанію, такихъ ссылокъ на авторитеты «получилось въ статьѣ даже больше, нежели нужно для ясности дѣла».

Цѣль преподаванія—заставить учащихся путемъ *мышленія* о предметѣ науки усвоить себѣ ея принципы и содержаніе, и авторъ доказываетъ, что процессъ мышленія можетъ совершаться болѣе полно и удобно при методѣ самостоятельнаго чтенія, нежели при слушаніи лекціи.

Процессъ мышленія осуществляется при наличности трехъ элементовъ: матеріала мышленія, времени для совершенія процесса мышленія и стимула или побуждающей силы для мышленія.

Матеріалъ мышленія, т. е. тѣ представленія о предметахъ и явленіяхъ, подлежащихъ нашему обсужденію, изъ которыхъ посредствомъ мышленія вырабатываются понятія и умозаключенія,—представляется одинаковымъ и можетъ быть предложенъ учащемуся въ одинаковой формѣ почти во всѣхъ случаяхъ какъ одной, такъ и другой системой преподаванія. Но въ отношеніи *времени мышленія*, слѣдуетъ признать,—преимущество безспорно на сторонѣ самостоятельнаго чтенія книги. Время мышленія является элементомъ очень важнымъ для успѣшности и результатности процесса мышленія. Достаточное количество времени является необходимымъ для соображенія и обдумыванія, а слѣ-

довательно, для пониманія. Для пониманія предмета необходимо пользоваться способностью останавливать теченіе представленій въ нашемъ сознаніи и привести въ нашемъ воображеніи группы ихъ въ надлежащее взаимное соотношеніе, а этотъ процессъ требуетъ времени. Слушатель лекціи не можетъ всякій разъ, когда почувствуетъ въ этомъ надобность, остановиться и перебрать въ своемъ воображеніи услышанное, между тѣмъ какъ отъ собственнаго усмотрѣнія читателя зависитъ постоянно останавливаться, продумывать прочитанное и усваивать его.

Что касается третьяго, весьма существеннаго въ процессѣ мышленія, элемента — стимула или направляющей силы мышленія, то нельзя согласиться съ авторомъ, что талантливое «живое слово» можетъ давать импульсъ къ вниманію и увлеченію наукой лишь въ той-же степени, что и книга. Безспорно, чѣмъ сильнѣе какинъ-либо предметомъ или явленіемъ затрогиваются стремленія или потребности человѣка, тѣмъ болѣе онъ возбуждаетъ вниманіе и интересъ съ его стороны. Но въ этомъ отношеніи, полагаетъ авторъ, лекторъ безсиленъ своими чтеніями возбудить или усилить вниманіе слушателей, такъ-какъ онъ не можетъ воздѣйствовать непосредственно на ихъ потребности. Чтобы пробудить потребности, лектору пришлось-бы «вмѣстѣ съ научными представленіями рисовать картины богатства, славы, гражданской свободы и т. п., основанныя на данной наукѣ». А г. Герасимовъ не одобряетъ такого преподаванія: на практикѣ, полагаетъ онъ, не угодишь на всѣхъ, — потребности и интересы у каждаго слушателя свои, а въ принципѣ наука «вступила-бы такимъ образомъ на ложный путь и получила-бы самое вредное, тенденціозное направленіе». Для большей убѣдительности своихъ словъ, авторъ пристегнулъ сюда и нѣкій авторитетъ, приводя слова германскаго педагога сороковыхъ годовъ: «горе тому народу, который допускаетъ политику и борьбу партій въ школу; народъ этотъ — народъ, начинающій разлагаться». Но авторитетъ, неповинно привлеченный авторомъ къ дѣлу, ровно ничего не доказываетъ. Вѣдь школа школѣ рознь, и наука наукѣ рознь. Существуютъ науки, преподаваніе которыхъ необходимо сопровождается прибавленіями, надъ которыми иронизируетъ авторъ. Нельзя-же однимъ и тѣмъ-же тономъ, въ самомъ дѣлѣ, рассказывать о математическихъ формулахъ, системахъ кристалловъ, о теоріяхъ нравственности и великихъ историческихъ событіяхъ. Известно, что при многихъ случаяхъ измѣняла себя сухость и безпристрастность лектора. А лекція, если только она не является чтеніемъ иссохшихъ тетрадокъ и отъ нея не несетъ мертвечиной, не можетъ не воодушевлять, напр., картиной ге-

роически отстаивающаго свою независимость народа или борьбы мученика идеи и науки. Воодушевлять слушателей представленіями о народной свободѣ, народномъ благосостояніи и просвѣщеніи тѣмъ болѣе не предосудительно, что многія науки прямо затрогиваютъ своимъ содержаніемъ эти темы. Указаніе автора, что такимъ путемъ возбуждать интересъ слушателей—нецѣлесообразно, потому-что трудно удовлетворить на практикѣ встрѣчающимся индивидуальнымъ различіямъ, тоже устраняется легко. Лектору, задавшемуся такою задачею, вовсе и не предстояло-бы принаравливаться къ вкусу каждаго. Ему необходимо только быть чуткимъ и отзывчивымъ къ жизни и отвѣчать на назрѣвшія потребности своего времени; тогда, можетъ быть, и найдутся какъ въ аудиторіи, такъ и внѣ ея недовольные чтеніями, но масса слушателей будетъ дѣйствительно воодушевлена и наэлектризована лекціями, содержаніе ихъ дѣйствительно врѣжется въ память, приобретаемыя познанія будутъ прочными, а интересъ къ наукѣ разовьется и достигнетъ размѣровъ, какихъ не внушитъ другая система. Можно безъ колебанія сказать, что изъ такихъ лекцій слушатели вынесутъ очень много поучительнаго и полезнаго, а не одно только наслажденіе, подобное тому, какое выносятся изъ «посѣщенія оперы». Шутки автора, къ прискорбію претендующаго на остроуміе, что взрослымъ «вмѣсто конфетъ» предлагается «краснорѣчіе» и что системѣ для того, чтобы быть послѣдовательной, необходимо требовать отъ профессоровъ «не только изложенія науки краснорѣчивой прозой, но и стихами, и пѣніемъ»—неумѣстны и плохо маскируютъ недостатокъ вѣсскихъ аргументовъ.

Съ дидактической стороны г. Герасимовъ находитъ господствующую систему обученія точно также нецѣлесообразной. Система лекцій перешла къ намъ изъ прежнихъ временъ, когда лекція должна была имѣть не только образовательное и научное значеніе, но и значеніе воспитательное,—вліять на чувства слушателей, развивая ихъ въ извѣстномъ направленіи. Нынѣ-же, съ накопленіемъ и ростомъ точныхъ познаній, съ расширеніемъ матеріальнаго содержанія, обученіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно было измѣнить свою цѣль и стремиться только дать свѣденія въ той или другой области. И поэтому лекція, «живое слово», направленное на возбужденіе чувства, является здѣсь не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Разуется, разъ авторъ увѣренъ, что въ прежнее время значеніе лекціи, какъ проповѣди, было еще плодотворнѣе значенія ея, какъ простаго сообщенія познаній, то, очевидно, онъ слишкомъ возмнилъ о нынѣшнемъ «уменьшеніи враждебности къ наукѣ и расширеніи ея

области». Можетъ быть, не излишнимъ было-бы, если-бы и теперь, какъ во времена «костровъ и инквизиціи, преслѣдуемые ученые не только сообщали знанія ученикамъ, но своимъ словомъ и въ особенности примѣромъ воодушевляли ихъ на борьбу съ окружающимъ мракомъ невѣжества». Проповѣдь и развитіе гуманныхъ чувствъ и нравственности были-бы и въ наше время мѣстны не менѣе, чѣмъ когда-либо.

Кромѣ того, господствующая система преподаванія, говорить авторъ,—еще страдаетъ тѣмъ, что не развиваетъ самостоятельности въ слушателяхъ, между тѣмъ какъ въ проектируемой имъ системѣ развитію самостоятельности отводится первое мѣсто. Сущность предлагаемой системы заключается въ слѣдующемъ. Учащіеся изучаютъ науку сами, по книгамъ и печатнымъ руководствамъ. Въ теченіи опредѣленнаго періода времени изучается только одна наука или одинъ отдѣлъ какой-либо науки, а не нѣсколько наукъ одновременно. Преподаватель только долженъ дать учащимся при приступѣ къ изученію какой-либо науки рядъ предварительныхъ свѣдѣній о средствахъ, методахъ и приемахъ данной науки и о порядкѣ распредѣленія и контролированія имъ занятій. Въ теченіи періода ученія назначаются опредѣленные часы для *бесѣдъ*, когда преподаватель разрѣшаетъ возникающіе вопросы и недоразумѣнія, а въ концѣ положеннаго срока производится частный контрольный экзаменъ. Въ концѣ всего учебнаго года производится общій годовой экзаменъ.

Проектъ этотъ имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но соединенныя съ значительными недостатками. Такъ, то сбереженіе времени, которое получается при прохожденіи одного предмета за другимъ, не разбрасываясь, является, безъ сомнѣнія, удобствомъ. Но частые экзамены и контрольныя испытанія являются особенно существеннымъ недостаткомъ данной системы. Уже давнымъ-давно констатированъ фактъ, что экзамены ничего не прибавляютъ къ познаніямъ учащихся и въ то-же время служатъ недостаточнымъ средствомъ контролировать успѣхи студентовъ. Особенно это справедливо при системѣ репетицій, которая, приближая университетъ къ гимназіи, даетъ мѣсто и всѣмъ гимназическимъ уверткамъ и продѣлкамъ для маскированія незнанія и добыванія удовлетворительной отмѣтки. Превращая весь учебный годъ въ одинъ непрерывающійся экзаменъ, система представила-бы чрезвычайное стѣсненіе для тѣхъ людей, которые дѣйствительно работаютъ самостоятельно (на что такъ напираетъ авторъ) и серьезно. Контрольное испытаніе необходимо сдать каждый разъ, и студенту придется постоянно переходить отъ однихъ

литографированных тетрадокъ и книжекъ къ другимъ, а для самостоятельной работы не останется ни времени, ни возможности. Такая система непрерывающихся экзаменовъ дала-бы, пожалуй, еще болѣе печальные результаты, чѣмъ система лекцій.

Г. Герасимовъ дѣлаетъ отчаянныя натяжки, пытаея представить дѣло въ томъ видѣ, что лекціонная система рѣшительно устраняетъ возможность работать самостоятельно по источникамъ и учебникамъ. Но это совершенно невѣрно; слушателямъ пути къ книгамъ и въ библіотеки не заказаны. Самое посѣщеніе лекцій, хотя буква правилъ и дѣлаетъ его обязательнымъ, de facto предоставлено волѣ и усмотрѣнію учащихся. Съ другой стороны—система, предлагаемая г. Герасимовымъ, именно впадаетъ въ односторонность, устраняя безусловно лекціи и приврѣпляя учащихся къ извѣстному, педантически-опредѣленному порядку занятій, отъ котораго не допускаются отступленія ни на іоту и который не принимаетъ во вниманіе различій, вытекающихъ изъ характера науки и другихъ условій преподаванія. Авторъ рекомендуетъ чисто-казарменную регламентацію преподаванія и обученія, которая, можетъ быть, примѣнима въ фортификаціи, тактикѣ и др. военныхъ наукахъ, о которыхъ мы судить не беремъ, не будучи съ ними знакомы, но которая навѣрное-бы оказалась прокустовымъ ложемъ, скажемъ, хоть для курса философіи. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, даже въ большинствѣ случаевъ, было-бы вполнѣ полезно устранить чтеніе лекцій и предоставить слушателямъ время, которое они посвящали посѣщенію лекцій, употребить на самостоятельное чтеніе по предмету науки. Чаше всего время тратится студентами совершенно непроизводительно на лекціяхъ, и именно болѣе серьезная часть студенчества рѣдко посѣщаетъ лекціи. Для знакомыхъ съ бытомъ университетовъ не тайна и то обстоятельство, что даже экзамены обыкновенно сдаютъ болѣе успѣшно студенты, не посѣщающіе лекцій. Однако, окончательное и безусловное устраненіе лекцій, какъ предлагаетъ авторъ брошюры, наврядъ-ли было-бы цѣлесообразно. Намъ кажется, что гораздо лучше было-бы предоставить вопросъ о способѣ преподаванія и ходѣ занятій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соглашенію профессора со студентами. Студенты—люди настолько самостоятельные и подготовленные къ высшему образованію, что могутъ сами рѣшить, что имъ будетъ полезнѣе: бесѣды-ли о прочитанномъ съ профессоромъ или слушаніе его лекцій. Въ то-же время профессора только тогда принимались-бы читать лекціи, когда чувствовали-бы въ себѣ для этого достаточно живой силы и лекторскихъ талантовъ.

Вообще приходится сказать, что г. Герасимовъ, ратуя противъ лекцій, смотритъ слишкомъ узко и односторонне, когда видитъ причину неуспѣхности преподаванія и обученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ только въ однихъ лекціяхъ. Онъ напрасно совершенно игнорируетъ другія стороны дѣйствующей системы преподаванія, вредное вліяніе которыхъ нельзя не замѣтить. Не останавливаясь долго на этомъ, укажемъ въ видѣ примѣра хоть на вредные результаты отсутствія соревнованія и конкуренціи въ преподавательскомъ составѣ нашихъ университетовъ. Жрецы оофициальной науки, пользуясь предоставленной имъ монополіей преподавать и экзаменовать слушателей, прежде всего, сами страдаютъ отъ своей монополіи, безопасно теряя качества, необходимыя для того, чтобы стоять на высотѣ своего призванія и выполнять его съ честью. Свободная конкуренція является поэтому необходимой для пополненія состава преподавателей. Только тогда, можно ожидать, преподаваніе въ нашихъ университетахъ пойдетъ успѣшно, потому-что оно будетъ исходить отъ людей науки, а не отъ чиновниковъ кафедръ.

Н. С. Лѣсковъ. „Русская рознь“. Очерки и рассказы (1880—1881 гг.), Спб., 1881 г.

Почему новые рассказы г. Лѣскова выходятъ подъ названіемъ «Русская рознь»—этого, конечно, не знаетъ ни авторъ, ни издатель, ни, можетъ-быть, самъ Создатель. Одинадцать статей, вошедшихъ въ составъ книжки, между собою ни чѣмъ не связаны, трактуютъ о совершенно различныхъ предметахъ. Кое-что здѣсь относится къ «розни», кое-что къ «единству», кое-что и вовсе ни къ чему. Такимъ образомъ, заглавіе, обещающее читателю дѣлѣй томъ, посвященный нѣкоторымъ образомъ «злобѣ дня», оказывается на самомъ дѣлѣ очень обманчиво и отзывается нѣкоторой спекуляціей.

Впрочемъ, не въ заглавіи, конечно, дѣло. Посмотримъ на содержаніе.

Книжкѣ г. Лѣскова нельзя отказать въ нѣкоторомъ интересѣ, хотя было-бы много лучше, если-бы авторъ совершенно выкинулъ изъ нея нѣкоторые рассказы и очерки. Такъ, напр., «Ракушанскій Меламедъ»—ужь настолько скучная вещь, настолько нескладная, что послѣ 15-лѣтней литературной практики, да еще человѣку съ дарованіемъ, ее-бы даже и писать непростительно. Почти настолько-же неудачна нравоучительная сказка «Хри-

стость въ гостяхъ у мужика»: сентиментальности и деревяннаго масла здѣсь очень много, но зато больше ужъ ничего; а главное—скучно и вяло; для сказки, имѣющей претензію на фантастичность, это вовсе не идетъ. Затѣмъ, не заслуживаетъ отдѣльнаго изданія и «Царская коронація»: это очень сухое и лишенное подробностей изложеніе взглядовъ православной церкви на коронацію и обрядовъ, сопровождающихъ эту торжественную церемонію. Для газеты, да своевременно, статья г. Лѣскова еще-бы, пожалуй, годилась, но не болѣе. Наконецъ, и «Святительскія тѣни» (исторія вятскихъ іерарховъ) умѣстнѣе были-бы въ спеціальному историческому сборникѣ: это не болѣе какъ матеріалъ, недостаточный даже для тѣхъ выводовъ, которые пытается сдѣлать г. Лѣсковъ, полагающій на этомъ примѣрѣ показать читателямъ, что единоличное управленіе іерарховъ далеко не составляетъ залога процвѣтанія самой церкви.

Несравненно интереснѣе остальные разсказы. Интересны они не только сами по себѣ, какъ чисто литературныя произведенія, но еще потому, что даютъ нѣкоторый матеріалъ для ознакомленія съ психологическимъ процессомъ, который, какъ ни какъ, можно видѣть по всему россійскому царству и который отражается въ большей или меньшей степени на милліонахъ людей. Разумѣется, безконечно болѣе гениальнымъ представителемъ такого умственнаго настроенія былъ покойный Ф. М. Достоевскій. Но не безынтересенъ во всякомъ случаѣ и г. Лѣсковъ.

Главное достоинство г. Лѣскова то, что онъ не оригиналенъ и, имѣя нѣкоторый талантъ, не ослѣпляетъ, однако-же, имъ читателя. Онъ даетъ вамъ достаточно рельефное изображеніе и въ то-же время не отнимаетъ у васъ (какъ покойный Ф. М.) способности разсуждать и анализировать впечатлѣніе. Съ другой стороны, г. Лѣсковъ выгодно отличается отъ разныхъ формальныхъ представителей своего направленія. Гг. Катковы, Аксаковы и пр. загоняютъ духъ, порождающій Лѣсковыхъ, въ рамки, сообразныя съ партіоннымъ интересомъ, и, возмущаясь видомъ этихъ рамокъ, сплетенныхъ изъ цѣпей, череповъ, а подъ часъ и орудій пытки, — вы невольно распространяете свое негодованіе и на тѣ чувства и духовныя потребности, которыя эксплуатируются реакціонерами. Вы невольно склонны думать: «все это гадость и развратъ съ начала до конца». Между тѣмъ, такое заключеніе вы самомъ дѣлѣ ошибочно, и, читая г. Лѣскова, вы подобныхъ выводовъ не сдѣлаете. Читая г. Лѣскова, ясно видишь, что «направленіе», при всей чудовищности выводовъ, держится, однако, на чистыхъ чувствахъ и законныхъ потребностяхъ людей, которыя только эксплуатируются недобро-

совѣстными вожаками, подобно тому, какъ не разъ въ исторіи эксплуатировались «разумъ», «свобода», «народъ» и т. д. Мало того: г. Лѣсковъ, или лучше сказать его произведенія, обнаруживаетъ передъ читателемъ даже тѣ пути, посредствомъ которыхъ чистое чувство и законная потребность порождаютъ, въ концѣ-концовъ, разную мерзость запусѣнія реакціи и мракобѣсія.

Вчитайтесь, напр., хоть въ настоящій томъ сочиненій г. Лѣскова. Какое странное впечатлѣніе! Съ одной стороны, вы видите, здѣсь людей тянуть какъ будто-бы на небеса, въ недосыгаемыя высоты совершенства и счастья. И между-тѣмъ, въ то-же время, возлюбленные братья о Христѣ оказываются, въ концѣ-концовъ, съ камнемъ на шеѣ, посреди бездонной трясины. Просто чудеса. Коварство тутъ дѣйствуетъ, что-ли? Нѣтъ. Прочтите «Обнищеванцевъ», прочтите «Несмертельнаго Голована». Сколько тутъ теплаго чувства къ человѣку и народу, сколько пониманія нравственной красоты безграмотнаго труженика. Казалось-бы, человѣкъ, способный написать такіе рассказы, долженъ былъ душу свою за друга положить. Но увы! Общественная роль г. Лѣскова слишкомъ извѣстна. Онъ одинъ изъ первыхъ бросился въ объятія реакціи, присоединился къ «праздноболтающимъ, омывающимъ руки въ крови» и поднялъ руку на «станъ погибающихъ»... Теперь уже нѣтъ надобности доказывать, что «обличенія» г. Лѣскова были часто просто недобросовѣстны, слишкомъ часто можно было-бы напомнить ему слова св. писанія, характеризующаго «отца лжи», который «во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ». Почему-же г. Лѣсковъ не стоялъ «во истинѣ»? Неужели потому, что въ немъ самомъ нѣтъ истины? Почему г. Лѣсковъ присоединился къ сонму Разуваевыхъ, Держимордъ и Иудушекъ? Потому-ли, что въ немъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и искры любви?

Нѣтъ. Г. Лѣсковъ тѣмъ и хорошъ, что о немъ этого нельзя сказать. О комъ другомъ—это сказать можно и должно. Но у г. Лѣскова «причина», очевидно, совѣмъ не та. Истину онъ несомнѣнно ищетъ, если даже и не имѣетъ (последнее, разумѣется, можетъ быть вопросомъ относительно кого угодно). Чувство у него, несомнѣнно, есть. Головановъ и Ивантіи Исачей (сектантъ изъ «Обнищеванцевъ») онъ, очевидно, любитъ и способенъ понимать. Стало-быть, причина должна быть иная, и, не въ обиду г. Лѣскову, я здѣсь невольно вспоминаю слова Берендѣя (въ «Снѣгурочкѣ»):

Горе - то слышится,
 Правда - то видится:
 Толку - то, милая,
 Мало малехонько!

Вотъ, я думаю, въ этомъ все горе: толку мало. Впечатлительность, способность къ ощущенію—выше средней; нравственныя потребности поэтому довольно утонченны. Разсудочная-же способность далеко не стоитъ на высотѣ чувства. Такое соотношеніе духовныхъ силъ можно было-бы назвать въ человѣчествѣ почти нормальнымъ: до такой степени оно часто. А между прочимъ это натуры самыя несчастныя. Ихъ удѣлъ — вѣчная утопія, бѣлая, красная, черная, какая-нибудь, но всегда утопія. Лишенная внутренней гармоніи, такая натура, если она сильна и энергична, бросается впередъ, сочиняетъ себѣ какой-нибудь химеричный идеалъ, имѣющій восполнить въ людяхъ недостатокъ, который по себѣ болѣзненно чувствуетъ реформаторъ. Если его натура слаба, онъ ищетъ для своихъ стремленій опоры въ какихъ-нибудь признанныхъ силахъ, въ авторитетахъ и, благодаря органической односторонности, ударяется въ реакцію.

Эта психологическая черта заслуживаетъ особеннаго вниманія, во-первыхъ, потому, что она свойственна значительному количеству людей, очень можетъ быть — большинству; во-вторыхъ, потому, что сила или, по крайней мѣрѣ, самоувѣренность личности, очень способна понижаться и возрастать отъ множества мелкихъ и крупныхъ историческихъ условій. Отсюда-то и является предрасположеніе, такъ-сказать, исторіи не къ правильному поступательному движенію, а къ непрерывнымъ уклоненіямъ вкривь и вкось, отъ революціи къ реакціи и отъ реакціи къ революціи.

Возвратимся къ г. Лѣскову (хотя въ сущности мы съ нимъ и не разставались). Одно изъ самыхъ высокихъ свойствъ чело-вѣка—это потребность нравственнаго совершенства. Одна изъ самыхъ дорогихъ чертъ—есть потребность гармоніи между соб-ственною личностью, чело-вѣчествомъ и всѣмъ міромъ: это соб-ственно и есть источникъ всякой религіи. Въ такихъ людяхъ, какъ г. Лѣсковъ, обѣ эти потребности очевидны. Но они-то и являются, къ сожалѣнію, источникомъ всѣхъ ихъ прегрѣшеній.

Нравственное совершенство, точно также какъ и *понятная* намъ гармонія между личностью и вселенной — въ настоящее время составляютъ, разсуждая трезво, совершенно недостижимый идеалъ. Причинъ тутъ много, но сводятся онѣ всѣ къ настоящему состоянію *науки* и *общественной жизни*. Невозможно *по-нять* мировой гармоніи при тѣхъ обрывахъ свѣденій, которыя

успѣло завоевать человѣчество; невозможно и нравственное совершенство при современныхъ условіяхъ общественной жизни. Сознавая это, человѣкъ, разумѣется, волей-неволей, рѣшается оставить эти стремленія неудовлетворенными и направляеть силы на то, чтобы возможно скорѣе приблизить человѣчество къ такому состоянію, когда оно могло-бы осуществить и эти, *для насъ*—недостижимые идеалы. И вотъ мы, скрѣпя сердце, беремъ за мелочную разработку науки и философіи, беремъ за постепенное улучшеніе общественныхъ условій. Такъ поступаетъ человѣкъ здоровый.

Иначе дѣйствуютъ люди, потерявшіе, такъ-сказать, центр тяжести. Они непременно слетятъ не въ одну, такъ въ другую пропасть.

Нравственности въ настоящее время, строго говоря, нигдѣ не существуетъ. Но объ извѣстныхъ формахъ нравственности всегда, разумѣется, *говорятъ* по преимуществу охранители. Люди, рекомендующіе реформу, не имѣютъ надобности ссылаться на формы, которыя болѣе или менѣе отрицаютъ. Они говорятъ только о самыхъ основахъ нравственности. Люди охраняющіе—напротивъ. Поэтому на словахъ охранители являются всегда какъ-бы защитниками нравственности, хотя-бы понимали ее только въ чисто-полицейскомъ смыслѣ.

И вотъ гг. Лѣсковымъ начинаетъ казаться, что нравственность на сторонѣ охранителей. Этотъ оптический обманъ совершается, конечно, вполне искренне. Г. Лѣсковъ начинаетъ облыгать старое, обличать новое. Его первые нападки на новое были направлены именно противъ яко-бы безнравственности. О, если-бы г. Лѣсковъ былъ въ силахъ безпристрастно приглядѣться къ другимъ общественнымъ сферамъ: какими агнцами тогда показались-бы ему «новые», несмотря на всѣ свои грѣхи, которые, конечно, есть въ нихъ!

Къ несчастью, возможность опереться въ охранительномъ лагерѣ на авторитетъ (а этой опоры требуетъ слабая душа) слишкомъ предрасполагаетъ къ самообману, а ужъ разъ глаза полузакрылись — слова начинаютъ казаться за фактъ, толки о нравственной полиціи охотно принимаются за проявленіе нравственнаго чувства.

*Толку-то, милая,
Мало малехонько!*

Что изъ этого выходитъ? Г. Лѣсковъ всю жизнь искалъ нравственнаго совершенства и ругательски ругалъ, за ихъ отношеніе къ формальной нравственности, людей, толковавшихъ все

о «хлѣбѣ» для народа. Ихъ г. Лѣсковъ даже теперь не стыдится («Обнищеванцы») мимоходомъ обвинять въ поджогъ Апраксина рынка. Я очень доволенъ, что могу у самого-же г. Лѣскова заимствовать фактъ, указывающій, до какой степени нашъ авторъ не вѣдалъ, что творилъ. На стр. 291 («Русскіе демономаны») мы находимъ слѣдующее:

Но все это (т. е. болѣе утѣшительные и правильные религиозные взгляды) возможно лишь у тѣхъ, «о которыхъ кто-нибудь заботится, у которыхъ есть какіе-нибудь достатки, какое-нибудь житье человѣческое, а не существованіе «образомъ звѣриннымъ». Но есть-ли что-нибудь подобное въ селахъ, гдѣ, по словамъ Св. Дмитрія Ростовскаго, «люди за нуждою и утѣсненіемъ забыли Бога»!.. Тамъ «нѣтъ Христа», говорилъ съ грустью Дмитрій Ростовскій... Но это давно было. А теперь? Лучше-ли? И вотъ г. Лѣсковъ беретъ новую книгу «лица авторитетнаго въ дѣлѣ вѣры, человѣка всѣми уважаемаго», о. Евфимія Остросмыслова, и находитъ тамъ опять такую-же картину: сельская нужда такъ-же велика, «и въ домахъ священника найдешь такую-же пустыню, какъ въ церквахъ». Положеніе Св. Дмитрія Ростовскаго, замѣчаетъ г. Лѣсковъ, все стоитъ во всей силѣ: «за нуждою люди Бога забыли», и имъ это не въ судъ и не въ осужденіе»...

Конечно. Ну, а художнику-публицисту въ судъ или не въ судъ, если онъ не только не помогалъ, но даже препятствовалъ тѣмъ, кто стремился, чтобы «за нуждою» мужикъ не забывалъ Бога? Эти люди были, скажетъ г. Лѣсковъ, односторонни, узки. Пусть даже такъ, хотя это и невѣрно. Но вѣдь не менѣе односторонни и тѣ, къ которымъ прилѣпился г. Лѣсковъ. Правда, первые требовали для народа хлѣба, а вторые нѣтъ. Но неужели это ужъ такая заслуга—заглушать «хлѣбный» вопросъ?..

«Высшіе вопросы», нужно надѣяться, никогда не заглохнутъ въ людяхъ, и безъ рѣшенія ихъ, конечно, невозможно для людей полное счастье и гармонія въ жизни. Но дѣло въ томъ, что пышный разцвѣтъ человѣческой жизни долженъ быть все-таки у людей, у существъ, подчиненныхъ законамъ физики и химіи; мысль не можетъ функционировать въ организмѣ, поставленномъ въ ненормальныя условія. Вотъ откуда идутъ разные «низшіе» вопросы, въ родѣ «хлѣбнаго». Конечно, они, сами по себѣ, могутъ быть, ничтожны въ сравненіи съ «высшими», да только не рѣшивши ихъ, нельзя шагу сдѣлать къ рѣшенію высшихъ. Вотъ, что нужно понимать, и тотъ, кто не признаетъ этого—сознательно или безсознательно служить не свѣтлымъ, а темнымъ силамъ, не возвышенію людей до неба, а забиванію ихъ въ самую глубину земного болота.

Было это и съ г. Лѣсковымъ.

Грѣхъ противъ челоѳчества, совершенный хотя-бы и невмѣняемо, даромъ не проходитъ. Отвертываясь отъ реального челоѳческаго горя, художникъ лишается поддержки челоѳчества и въ стремленіи разрѣшить «вышіе вопросы». Масса людей остается погруженною въ болотъ житейскихъ дрязгъ, но зато и «искатель» попадаетъ въ туманъ мистицизма, кромѣ котораго надъ болотомъ ничего и нѣтъ. Это опять любопытная черта, общая всякой реакціи. Я не стану разбирать причину этого явленія. Но, конечно, если уже челоѳкъ, любящій людей, оказывается въ настоящія времена экономического хаоса способнымъ отвернуться отъ «низшихъ» вопросовъ и погрузиться въ музыку небесныхъ сферъ, то это составляетъ признакъ, что челоѳкъ утратилъ уже перспективу, не можетъ различать (и въ умѣ, и въ чувствѣ) важнаго отъ неважнаго, реального отъ призрачнаго. Такой челоѳкъ оказывается тѣмъ паче бессильнымъ въ сферѣ «высшихъ вопросовъ», гораздо болѣе сложныхъ и трудныхъ. Вслѣдствіе этого, у него, вмѣсто здоровой и плодотворной философіи, появляется на сцену грубый мистицизмъ, чуть не идолопоклонство. Въ реакціи—это явленіе общее, (т. е. у честныхъ ея сторонниковъ). Г. Лѣсковъ не дошелъ еще до чертиковъ, но уже очень близокъ къ нимъ. Его «Бѣлый Орелъ» специально посвященъ явленію духовъ, но здѣсь разсказъ еще ведется въ третьемъ лицѣ. «Въ «Русскихъ демономанахъ» (эпизодъ отца Боголѣпа) г. Лѣсковъ уже отъ себя сообщаетъ разныя чудеса, объясняя какое дѣйствіе на бѣсовъ оказываетъ большой требникъ Петра Могилы. Эти разсказы—позднѣйшее произведеніе г. Лѣскова. Надо полагать, что съ теченіемъ времени мы услышимъ отъ него еще не то...

А «собратья» г. Лѣскова, тѣмъ временемъ, ведутъ свое дѣло. Имъ, конечно, мало нужды въ разныхъ «возвышенностяхъ», но за то они и Головановъ за это время подтянуть, и «обнищеванцамъ» облегчатъ возможность предстать предъ Мессію въ должномъ видѣ (т. е. безъ всякаго имущества)...

Печальна была-бы эта картина, если-бы не была слишкомъ обыкновенной!

Въ заключеніе—скажу, что книжка г. Лѣскова, со стороны чисто литературной,—накъ большая часть его произведеній,—довольно интересна. «Обнищеванцы», «Голованъ неслетельный», «Анна Фетисовна»,—это особенно такіе очерки, такіе типы, съ которыми даже необходимо познакомиться.

Л. К. Поповъ. Популярныя очерки по естествозна- нію. Спб. 1881 г.

Очерки г. Попова имѣютъ свою главную цѣль, какъ объясняетъ довольно туманное предисловіе,—показать, какую важную роль въ жизненныхъ процессахъ играютъ внутреннія условія самого развивающагося вещества и его способность не только приспособляться къ условіямъ вѣншей среды, но и приспособлять къ себѣ самую среду.

Тема крайне интересная. Авторъ принимается за нее такимъ образомъ. Онъ сперва напоминаетъ читателямъ о единствѣ жизни (къ этому, своего рода, введенію относятся статьи «Индивидуальность и развитіе», «Единство жизни и питанія») и о томъ, что должно понимать вообще подъ развитіемъ жизни. Было-бы крайне односторонне, говоритъ авторъ послѣ ряда примѣровъ, ограничивать явленія развитія приспособленіемъ организма къ окружающей средѣ. Необходимо имѣть въ виду и внутреннія условія, опредѣляемые требованіями самой природы организма, его индивидуальностью. Жизнь органическаго міра складывается не только въ условіяхъ борьбы за существованіе, но и въ условіяхъ борьбы за цѣлостность, за индивидуальность. Не тотъ организмъ совершеннѣе, который наиболѣе приспособленъ къ даннымъ условіямъ существованія, а тотъ, составныя части котораго наиболѣе приспособлены къ требованіямъ его индивидуальности, который наиболѣе приспособляетъ къ себѣ окружающее, заставляя его работать для себя, въ униссонъ своей индивидуальности. Третья статья — «Жизненная единица и свѣтъ», даетъ новыя поясненія тѣхъ могучихъ условій, которыя заключаются внутри самаго организма, а «Теорія Негели о броженіи» — новый и наиболѣе яркій примѣръ способности организма приспособлять къ себѣ вѣншую среду. Здѣсь дѣло собственно не въ самой теоріи Негели, который сводитъ броженіе къ явленіямъ физико-молекулярнаго движенія, а не химическаго. Для цѣлей автора важна самая картина броженія. Если въ органическую жидкость помѣщены нѣсколько ферментовъ, то въ концѣ-концовъ одинъ изъ нихъ совершенно вытѣснитъ остальные. Но здѣсь замѣчается любопытное явленіе. При пивовареніи, напр., жидкость совершенно не защищена отъ зараженія бактеріями воздуха; извѣстно также, что въ средней сахаристой жидкости (какова и эта) бактеріи развиваются лучше, чѣмъ дрожжи. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ бактеріи оказываются бессильными, и дрожжи

захватываютъ въ свое владѣніе всю жидкость. Почему это? Потому, говоритъ авторъ, что дрожжи успѣваютъ здѣсь приспособить къ себѣ среду. Введенные въ достаточномъ количествѣ, они сообщаютъ жидкости меллекулярное колебательное движеніе, сообразное своей собственной природѣ, и не даютъ, такимъ образомъ, другому ферменту вызвать въ жидкости другого рода движеніе. Если количество дрожжей недостаточно, такъ-что бактерія находитъ мѣсто, еще не затронутое ихъ вліаніемъ, — тогда мало-по-малу дрожжи вытѣсняются, и побѣждаетъ бактерія. Такимъ образомъ, «Теорія Негели» переноситъ борьбу простѣйшихъ организмовъ на почву моллекулярной физиологіи, причѣмъ самую борьбу ставитъ въ зависимость не отъ приспособленія къ средѣ, а какъ разъ наоборотъ.

Послѣднія статьи г. Попова—«О происхожденіи домашнихъ животныхъ» и «Происхожденіе живописи»,—наименѣе относятся къ его темѣ, хотя сами по себѣ и не безынтересны. Вообще нужно сказать, что если «Очерки» во всякомъ случаѣ очень заслуживаютъ прочтенія и составляютъ вообще хорошее приобрѣтеніе для естественно-научной популярной литературы, однако, съ такой богатой темой можно было-бы сдѣлать гораздо больше. Особенно слѣдовало-бы основательнѣе остановиться на высшихъ животныхъ организмахъ, а у г. Попова именно этого-то и нѣтъ.

Г. Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія; лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ Университетѣ. Москва, 1881 года.

Г. Брандесъ—датчанинъ, и пишетъ для своихъ соотечественниковъ, съ начала до конца примѣняясь къ «злобѣ дни» своей родины. Для русскихъ читателей это обстоятельство только увеличиваетъ интересъ книги, косвенно знакомящей насъ такимъ образомъ съ этой, можно сказать, совершенно невѣдомой въ Россіи страной.

Съ горькимъ чувствомъ свободолюбиваго патріота Брандесъ останавливается на безконечно продолжительной датской реакціи. Обыкновенно, говоритъ онъ,—реакція является послѣ страстнаго, необузданнаго стремленія къ свободѣ; но у насъ это стремленіе никогда не было особенно сильно, мы не испытали тѣхъ разочарованій, которыя даютъ реакціи извѣстный *raison d'être* въ другихъ, передовыхъ, странахъ. Мы только издали были свидѣтелями приключеній Фаэтона и, однако, требуемъ «мрака, побольше мрака», усерднѣе чѣмъ тѣ, которые дѣйстви-

тельно обожглись отъ неумѣнія управлять солнцемъ свободы. «Случалось даже, что мы не принимали никакого участія въ движеніи, но затѣмъ въ реакцію все-таки вовлекались».

Можно было-бы, конечно, въ утѣшеніе Брандесу, напомнить ему, что не одна Данія осуждена исторіей на такое положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ понятно благородное стремленіе патріота вывести отечество изъ похмѣлья на чужомъ пиру. Брандесъ именно заявляетъ, что предпринялъ свои чтенія для того, чтобы помочь Даніи выйти на чистый путь прогрессивнаго развитія. Задача лекцій—обрисовать, какимъ образомъ реакціи были положены конецъ въ другихъ странахъ, и тѣмъ облегчить совершеніе такого-же процесса въ Даніи.

Согласно такому замыслу, лекціи Брандеса охватываютъ шесть литературныхъ группъ, показывая, какъ зарождались реакціи въ началѣ XIX столѣтія, какія фазы они проходили и какъ, наконецъ, пали подъ напоромъ свѣжей и смѣлой научной мысли. Къ первой группѣ авторъ относитъ французскихъ эмигрантовъ, воспитавшихся на Руссо и представляющихъ еще только первые симптомы реакціоннаго направленія, смѣшаннаго съ массою чисто-революціонныхъ тенденцій. Вторая группа,—нѣмецкихъ романтиковъ, представляется уже чисто реакціонной по самымъ основамъ своимъ. Третья группа (Жозефъ-де-Местръ, Фр. Генцъ, Ламартинъ и Гюго (въ первыхъ своихъ опытахъ т. д.) характеризуетъ «торжествующую реакцію», составляетъ ея кульминаціонный пунктъ. Байронъ и его послѣдователи составляютъ четвертую группу, выражающую могучій отпоръ реакціи со стороны здоровой человѣческой мысли. Пятую группу образуютъ французскіе романтики (тѣ-же Ламартинъ, Гюго, Ламенэ, затѣмъ Альфредъ-де-Мюссе, Жоржъ-Зандъ и пр.), которые, въ противоположность нѣмецкимъ, несутъ съ собою воскресающую свободную мысль. Къ шестой группѣ, наконецъ, Брандесъ относитъ нѣмецкихъ писателей, порожденныхъ освободительнымъ французскимъ движеніемъ—Гейне, Берне, Ауэрбахъ и пр. Таковъ планъ Брандеса, но въ настоящемъ изданіи его книги мы имѣемъ передъ собою только первыя три группы, характеризующія зарожденіе и торжество реакціи. Обратный процессъ—паденіе реакціи, наиболѣе интересующій Брандеса, здѣсь еще даже не затронутъ, и вторая часть «Лекцій» заканчивается характеристикой Жозефъ-де-Местра и Фр. Генца.

Издатель (Невѣдомскій), къ сожалѣнію, не сообщаетъ, думаетъ-ли онъ, и когда именно, выпуститъ окончаніе лекцій. Между тѣмъ у насъ бывали случаи (напр., съ Тэнномъ), когда гг. издатели выпускали первые томы, не позаботясь обездечить



выходъ окончанія. По отношеніи къ Брандесу это имѣло-бы особенно невыгодное значеніе и отняло-бы у его книги большую половину интереса. Центръ тяжести сочиненія Брандеса лежитъ именно во второй половинѣ, для которой первая служитъ только фономъ.

Сама по себѣ книжка обѣщаетъ очень много. Помимо внѣшнихъ, но очень важныхъ литературныхъ достоинствъ, книга Брандеса пріятно освѣжаетъ читателей своимъ бодрымъ, свободнымъ духомъ, отъ котораго мы нынче совсѣмъ отвыкли въ гниломъ болотѣ нашей литературы. Брандесъ горячій поборникъ свободнаго, рациональнаго развитія и рьяный противникъ болѣзненной мечтательности, въ которой видитъ источникъ всякихъ реакціонныхъ попятновеній. Современный русскій человѣкъ, изъ примѣра нашего славянофильства, можетъ видѣть, насколько связаны въ дѣйствительности эти два явленія...

Какъ ни горячо ненавидитъ Брандесъ реакцію, онъ, однако, самъ того не сознавая, испытываетъ съ ея стороны сильное вліяніе. Это отражается не на его симпатіяхъ, не на его убѣжденіяхъ, а на способности его проникаться широкимъ общественнымъ чувствомъ, нравственно сливаться съ обществомъ и его интересами. Органическій недостатокъ такого рода — почти неизбежное слѣдствіе продолжительной реакціи (въ чемъ мы также можемъ слишкомъ хорошо убѣдиться почти на всѣхъ нашихъ собственныхъ литературныхъ дѣятеляхъ)—а потому я не думаю его ставить Брандесу въ особую вину. Но я считаю необходимымъ замѣтить, что это свойство отражается отчасти на самыхъ лекціяхъ и значительно портитъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ нужно *очертить* личность или литературную школу, *прослѣдить* ихъ, такъ-сказать, духовный строй и постепенное его развитіе, Брандесъ обнаруживаетъ крупный художественный талантъ и замѣчательную иногда тонкость анализа. Его характеристики превосходны. Но тамъ, гдѣ нужно прослѣдить *причины* возникновенія даннаго типа, т. е. связь этого типа съ общественными условіями, породившими его, Брандесъ постоянно оказывается несостоятельнымъ. Такъ, напр., онъ говоритъ, что первые зародыши реакціоннаго направленія принадлежатъ школѣ, вышедшей изъ французской революціи и пропитанной ея идеями. Какимъ образомъ могло возникнуть такое парадоксальное явленіе? Брандесъ очень тщательно и остроумно слѣдитъ за разными мелочами личной психологіи (напр., у Сталя), объясняетъ, какъ подъ вліяніемъ чувства красоты и пр. возникали симпатіи къ католицизму и т. д. Но очевидно, что все это ничего не объясняетъ. Только становясь на чисто общественную точку

зрѣнія, можно было-бы понять и объяснить, какимъ образомъ внуками революціи явились реакціонеры. Между тѣмъ Брандесъ не только не любитъ прибѣгать къ анализу общественныхъ условій, но даже просто не понимаетъ его. Онъ насмѣшливо относится къ попыткѣ Кирксгаарда объяснить непоследовательность нѣмецкаго романтизма условіями старо-нѣмецкой жизни и находитъ болѣе удобнымъ выводить все изъ личныхъ свойствъ самихъ романтиковъ, не помышляя, что вѣдь и личныя-же свойства чѣмъ-нибудь обусловливаются.

Этотъ недостатокъ Брандеса сказывается иногда и на самыхъ его характеристикахъ. Для примѣра, я приведу небольшой отрывокъ, гдѣ Брандесъ, по поводу «Рене» Шатобриана, обрисовываетъ процессъ появленія на свѣтъ «пророка», «божія избранника», рѣшительно поднимающаго великую «тягу земную».

«Рене изображаетъ, говоритъ Брандесъ,—ту первую стадію, которая заключается въ безпокойствѣ и исканіи путей; это тотъ моментъ, когда избранная натура впервые слышитъ призывающій ее голосъ свыше, въ страхѣ отступаетъ назадъ, ища выхода для бѣгства и отвѣчаетъ: «Господи, не бери меня къ себѣ, а возьми кого-нибудь другого изъ моихъ братьевъ; я слишкомъ ничтоженъ, я изъ такихъ людей, которые не умѣютъ выражать своихъ мыслей». Избранникъ колеблется, въ надеждѣ, что кто-нибудь другой отвѣтитъ на призывъ; онъ озирается кругомъ, но никого не видитъ, а голосъ продолжаетъ обращаться къ нему. Онъ видитъ, какъ повсюду одерживаетъ верхъ то, что онъ ненавидитъ и презираетъ, и какъ погибаетъ то, за что онъ готовъ былъ-бы принести въ жертву все... но съ удивленіемъ и ужасомъ онъ видитъ, что никто другой не чувствуетъ такъ, какъ онъ; онъ оглядывается кругомъ, чтобы отыскать себѣ руководителя, но не находитъ его; тогда имъ овладѣваетъ мысль: если не является никого, кто могъ-бы быть его опорой и руководителемъ, то не онъ-ли самъ тотъ человѣкъ, который способенъ быть руководителемъ и опорой для другихъ, болѣе слабыхъ умовъ. Тогда онъ отвѣчаетъ на призывъ, убѣдившись, что прошло время мечтаній и сомнѣній и что настало время дѣйствовать. Онъ забываетъ пережитые имъ долгіе часы сомнѣній и недовѣрія къ самому себѣ и въ одинъ мигъ дѣлается другимъ человѣкомъ. Лучъ солнца уже навсегда наложилъ свою печать на его лицо... Онъ болѣе не медлитъ, не колеблется, а повелѣваетъ и знаетъ, чего хочетъ».

Вотъ какими могучими штрихами начерчиваетъ Брандесъ образъ «избранной природы», и, безъ сомнѣнія, такая картина достойна кисти великаго художника. И, однако-же, односторон-

ность Брандеса, его неспособность понимать всякую другую натуру, кромѣ индивидуалистической, заставляетъ его испортить свою великолѣпную страницу просто возмутительнымъ окончаніемъ. Я не привожу его цѣликомъ.

Брандесъ описываетъ далѣе, какъ «избранная натура», мало-по-малу, перестаетъ отличать въ себѣ голосъ Божій отъ своего собственнаго, доходить до самообоготворенія, и даже перо не поворачивается писать—«для себя самого онъ требуетъ всего—расположенія народа, любви женщинъ, всѣхъ лавровыхъ вѣнковъ и украшеній жизни, но ему не приходится въ голову, что ему слѣдовало-бы и со своей стороны что-нибудь за это сдѣлать»... Вотъ по-истинѣ неожиданный финалъ! Избранникъ, съ ужасомъ принимавшій избраніе, очевидно потому, что оно не сулило ему «вѣнковъ», кромѣ развѣ терновыхъ, какимъ-то таинственнымъ процессомъ начинаетъ всего требовать *для себя*, не давая взамѣнъ ничего. Этотъ страшный абсурдъ, противъ котораго вопіють кресты апостоловъ, костры Гуссовъ, происходитъ у Брандеса именно потому, что онъ самъ *понимаетъ* лишь такой типъ, который воспитанъ реакціей, типъ по своему душевному основанію—индивидуалистическій. Картина, нарисованная Брандесомъ, послѣдовательна и вѣрна только въ отношеніи къ такому типу, но рѣжетъ ухо своей неправдоподобностью, если мы возьмемъ другой «избранный» типъ, въ которомъ и симпатія, и протестъ порождаются не личнымъ, а общественнымъ чувствомъ.

Я привелъ самый рѣзкій, полагаю, образчикъ во всей книгѣ, и понятно, что такіе диссонансы вовсе не часты у Брандеса. Напротивъ, благодаря можетъ-быть, самой темѣ, онъ почти все время находится въ своей сферѣ, среди характеровъ, которые понимаетъ до тонкости. Особенно удачными вышли у него характеристики нѣмецкаго романтизма вообще, въ частности — *Фр. Шлегеля*, а также *Жозефъ де-Местра* и *Фр. Генца*. Эти картинки просто прекрасны. Да и вообще, несмотря на указанные недостатки, новое изданіе г. Невѣдомскаго нельзя не порекомендовать читателямъ, какъ одну изъ лучшихъ исторій литературы.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(ПРОЕКТЪ НОВОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ).

I.

Въ концѣ іюня явились въ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ «Письма о современномъ состояніи Россіи, 11-го апрѣля 1879—6-го апрѣля 1880 г.», напечатанныя въ Лейпцигѣ у Брокгауза. Еще годъ тому назадъ, «Письма» эти прошли-бы незамѣтно; въ нынѣшнихъ-же обстоятельствахъ Россіи они приобретаютъ особенное значеніе, и ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Насколько «Письма» будутъ служить программю нашей внутренней политики, мы судить не беремся, но изъ того, что продажа ихъ разрѣшена въ Петербургѣ, слѣдуетъ заключить, что правительство нашло удобнымъ, мысли, изложенныя въ брошюрѣ, сдѣлать извѣстными публикѣ, а слѣдовательно, до извѣстной степени санкціонируетъ ихъ. Мы думаемъ, что и авторы «Писемъ» желалъ-бы доставить имъ возможно большую гласность и не хотѣли-бы, чтобы печать ихъ замолчала, какъ она замалчиваетъ многія, нерѣдко даже замѣчательныя, явленія публицистики.

Разбродъ и неопредѣленность понятій, касающихся самыхъ существенныхъ сторонъ общественнаго и частнаго поведенія, составляетъ характеристическую особенность нашего теперешняго умственнаго состоянія. Сколько головъ, столько и умовъ. Каждый думаетъ по-своему, и въ цѣломъ получается то хаотическое броженіе мысли, которое отражается во всѣхъ нашихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ. Но такъ жить нельзя. Нужно, наконецъ, опредѣлить и намѣтить точки умственнаго соглашенія, разобраться въ хаосѣ, который царитъ вокругъ, и если принятыя основанія будутъ провѣрены и приняты большин-

ствомъ и общають Россіи возможность мирнаго роста и спокойнаго развитія умственныхъ и матеріальныхъ силъ, то принять ихъ за программу печатной пропаганды и за основаніе внутренней политики. А что будетъ дальше, какія придется внести поправки—покажетъ время. Главнѣе всего—покончить съ хаосомъ и съ неопредѣленностью, покончить съ той вавилонскою башнею, которую представляетъ изъ себя русская интеллигенція, не знающая чего ей держаться. Не только возможно, но и весьма вѣроятно, что, принявъ основанія, заложенные въ «Письмахъ», мы впослѣдствіи разойдемся въ частностяхъ; но теперь вопросъ не въ этомъ; теперь вопросъ въ томъ, чтобы люди знали, что можно и чего нельзя, чего держаться и чего не держаться, о чемъ думать и говорить слѣдуетъ и о чемъ пока слѣдуетъ молчать. Нужно положить основаніе для очереди мысли и желаній, чтобы не желать второго и третьяго, когда не исполнилось еще первое. Когда американская конституція была уже составлена и когда многіе изъ членовъ конгресса уклонялись ее подписывать, Франклинъ высказалъ мысль, которую слѣдуетъ принять за аксіому во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. «Несмотря на всѣ свои недостатки, новая конституція, сказалъ онъ, обѣщаетъ намъ порядокъ много лучшій того, который мы пережили; лучше принять даже эту несовершенную конституцію, чѣмъ оставлять хоть одинъ часъ порядокъ, который былъ». Еще одну особенность обнаружили великіе американскіе патріоты,—особенность которой Америка обязана теперешнимъ своимъ развитіемъ и могуществомъ. Эта особенность заключалась въ той уступчивости, съ которой люди жертвовали своими личными мнѣніями общему благу. Гамильтонъ и его сторонники были во многомъ несогласны съ остальными вожаками американскаго движенія, однако, пожертвовали своими личными взглядами и убѣжденіями, чтобы прекратить сумятицу. Эта черта есть основной признакъ политической зрѣлости и политическаго національнаго такта, и только тотъ народъ овладѣетъ вполне средствами внутренняго поступательнаго роста, который знаетъ мѣру и очередь требованіямъ и умѣетъ жертвовать частностями, ради общаго.

II.

«Письма», которые мы избрали предметомъ нынѣшняго обзрѣнія, писаны, какъ сказано въ предисловіи, «двумя одномыслящими лицами вмѣстѣ, хотя подписаны однимъ изъ нихъ». Кто эти лица, мы въ точности не знаемъ; но говорятъ, что они занима-

ють въ нашей служебной іерархіи довольно выдающееся мѣсто. Этому обстоятельству, въ связи съ тѣмъ, что письмамъ разрѣшено явиться въ продажѣ, нельзя не придать особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что письма писались въ смутный годъ: съ апрѣля 1879 по апрѣль 1880 г.

Авторы писемъ ставятъ вопросъ: почему быль возможенъ рядъ тѣхъ террористическихъ фактовъ, которые свершились въ промежутокъ времени, когда писались письма, и объясняютъ причину явленія тѣмъ громаднымъ бюрократическимъ механизмомъ, который охватилъ всю русскую жизнь и которымъ при всемъ томъ правительство не владѣетъ настолько, чтобы быть властнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ. Бюрократія, по словамъ авторовъ, становится нерѣдко поперегъ правительству и служитъ закваской утопическаго казеннаго либерализма, плодящаго внутреннюю сумятицу. «Худшее послѣдствіе такого положенія дѣлъ, говорятъ авторы,—заключается не въ томъ даже, что правительство не вполнѣ владѣетъ своимъ орудіемъ—администраціей, а въ томъ, что оно не имѣетъ никакого орудія даже на крайній случай». «Для охраненія правильнаго развитія русской жизни, правительство вооружено одною силою—казенною администраціею, не поддающеюся присмотру по своей громадности и разнородности и представляющею, по своей отчужденности отъ народной жизни, богатое поле для распространенія тѣхъ именно вредныхъ уклоненій, которыя приходится и придется еще подавлять».

Владычество бюрократіи возникло еще въ ту пору, когда московскіе великіе князья стали собирать Россію и подводить подъ одинъ уровень самостоятельныя прежде города и области; но рѣшительнаго, всепоглощающаго всемогущества, какаго не бывало ни въ одной странѣ въ мірѣ, наша бюрократія достигла со временъ Петра Великаго. Петръ не столько управлялъ народомъ, сколько воспитывалъ его, и эта-же политика продолжалась и во всѣ послѣдующія царствованія императорскаго періода. Чтобы воспитывать народъ въ новыхъ началахъ, правительству нужно было имѣть исполнительный органъ, и этимъ органомъ явилось чиновничество. Задавшись цѣлями воспитанія, правительство временно выходило изъ своей прямой задачи—общаго руководства народною жизнью и, подобно тому какъ Петръ Великій дѣлалъ собственноручно модели, чтобы знакомить съ кораблестроеніемъ неумѣлыхъ русскихъ мастеровъ, такъ и правительство дѣлало все своими руками, употребляя для этого чиновниковъ». Толчекъ былъ данъ, правительственная опека разрослась и охва-

тила самомагнѣшія проявленія общественной дѣятельности; можно даже сказать, что опека вытравила изъ Россіи самодѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ приучила всякаго русскаго человѣка, выучившагося съ грѣхомъ геометріи, жить не иначе, какъ на счетъ государства. Затѣмъ преобразования Сперанскаго закрыли послѣдній промежутокъ, оставшійся между верховной властью и администраціей, слили ихъ въ одно, облекли послѣдняго чиновника полномочіемъ и окончательно обратили Россію въ чиновничье царство. Кромѣ этихъ преобразованій Сперанскаго, никогда не имѣвшихъ достаточнаго повода и заслонявшихъ бюрократическою стѣною верховную власть отъ народа, создавшемуся порядку была, конечно, въ свое время законная причина; но порядокъ этотъ пережилъ свой законный срокъ и ведетъ въ настоящее время не къ силѣ, а къ обезсилію правительства.

Въ настоящее время должна наступить пора самодѣятельности земства, но не того, которое существовало до сихъ поръ, а болѣе полноправнаго и самостоятельнаго. До сихъ поръ у земства не доставало людей, потому-что казенная служба поглощала почти всѣ силы и на содержаніе ихъ отдавала всѣ доходы земли. «Къ этому естественному препятствію присовокупилось, по словамъ авторовъ, еще временное—разъѣздъ самостоятельныхъ владѣльцевъ послѣ упраздненія вѣрстнаго права; за временнымъ явилось предумышленное, явное недовѣріе, выказываемое земству сверху, заставившее устраниваться отъ него всѣхъ видныхъ людей. При такой обстановкѣ дѣла можно, говорятъ авторы, вызвать не земскую дѣятельность, а игру въ нее или создать законоположеніе для будущаго, остающееся для настоящаго мертвой буквою». Земская жизнь, по словамъ авторовъ, можетъ развиваться у насъ лишь тогда, «когда правительство рѣшится гласно признать свою воспитательную задачу конечною и возвратится въ кругъ естественныхъ отправленій государственной власти, сокращая служебный составъ и расходы на него, возвращая земству излишекъ людей и денегъ».

Когда окончательное преобразование приметъ это направленіе, то явятся неизбежно слѣдующія два послѣдствія неизмѣримо важности: на мѣсто нынѣшней гуртовой администраціи, не вполне подчиняющейся намѣреніямъ и цѣлямъ правительства и стоящей нерѣдко внѣ его программы, явится администрація иного склада, набираемая изъ общественныхъ дѣятелей, и съ такою администраціей можно будетъ проводить не формы только, но духъ мѣропріятій. За этой администраціей встанетъ тогда не воображаемая, а живая Россія, въ лицѣ своего сознательнаго слоя и крестьянскихъ обществъ, и земское самоуправленіе бу-

детъ прямымъ и отвѣтственнымъ продолженіемъ царской службы, которая ускользаетъ отъ глазъ и сознательнаго руководства государственной администраціи. Въ полномъ развитіи земскаго самоуправленія авторы видятъ нашу родную конституцію и пока ни къ какой иной конституціи они не усматриваютъ ни поводовъ, ни возможности. Только въ подобномъ самоуправленіи, если-бъ ему ранѣе положено было прочное основаніе, авторы усматриваютъ залогъ внутренняго спокойствія и гражданскаго роста, и только оно положило-бы конецъ такому порядку вещей, при которомъ нынѣшній русскій человѣкъ «безъ казеннаго предписанія имѣетъ только номинальное право присмотрѣть за чѣмъ-нибудь».

Если надежды государя, давшаго свободу крестьянамъ, не увѣнчались вполнѣ успѣхомъ, то причины этого должны заключаться въ томъ, «что ветхій государственный строй, созданіе иной эпохи и иныхъ потребностей, могъ только начертать иной порядокъ, но не могъ вдохнуть въ него жизнь. На насъ сбывалась притча о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ, говорятъ авторы. Дарованное намъ право быть гражданами вызвало до сихъ поръ не развитіе русской дѣйствительности на обширной какъ мѣръ почвъ отечества, которую оно нашло безлюдной, а грезы и безчинства въ искусственномъ столпленіи людей, созданныхъ воспитательной эпохой со всѣхъ концовъ земли подъ казенную крышу».

«Чаемое и послѣднее преобразование истекаетъ само собою изъ преобразованій уже совершенныхъ; оно не только вѣнчается, но вызываетъ ихъ изъ идеи въ бытіе, даетъ всѣмъ имъ почву. Оно не могло осуществиться безъ личной свободы, безъ независимаго суда, безъ предварительныхъ узаконеній о земствѣ, а потому потребность въ немъ естественно вызывается послѣдними».

Такимъ образомъ, идеаль вѣншихъ государственныхъ формъ Россіи, по мнѣнію авторовъ, составляетъ единоличная верховная власть или земскій царь, а затѣмъ вся Земля съ земскимъ представительствомъ. Между царемъ и Землей нѣтъ никакой перегородки въ видѣ обособленной, не связанной съ Землею бюрократической прослойки, а Земля, путемъ земства, имѣетъ непосредственное сопрікосновеніе съ верховной властью, которой и заявляетъ о своихъ нуждахъ, потребностяхъ и желаніяхъ.

Идеаль этотъ не новый, и хотя авторы писемъ и заявляютъ, что они не принадлежатъ къ лагерю славянофиловъ, но тѣмъ не менѣе, между идеаломъ славянофиловъ, почвенниковъ и авторовъ писемъ существуетъ очевидное родство. Впрочемъ, сущность

нашего вопроса заключается не въ томъ, чтобы отрицать или порицать идеалъ славянофиловъ и почвенниковъ; дѣло въ томъ, чтобы опредѣлить, при какихъ условіяхъ можно надѣяться на болѣе быстрое возстановленіе въ Россіи всеобщаго благополучія и умственного, нравственного и матеріальнаго благосостоянія. На этотъ счетъ въ русской интеллигенціи существуютъ два мнѣнія. Разница между мнѣніями не въ томъ, что одно принадлежитъ будто-бы западникамъ, а другое восточникамъ; разница заключается собственно въ недовѣрїи къ умственнымъ силамъ и политической зрѣлости интеллигенціи, которой слишкомъ рискованно ввѣрить представительство народныхъ нуждъ и интересовъ.

У этого недовѣрїя есть свое неоспоримое основаніе. Если у интеллигенціи, въ томъ видѣ какъ она существуетъ, не явилось единомыслія и она-то именно и вноситъ во все умственное разъединеніе и отличается полнѣйшимъ незнаніемъ Россіи и нуждъ русскаго народа, то, конечно, власти невозможно опереться на подобную умственную зыбь, а тѣмъ болѣе выработать при посредствѣ ея какую-нибудь общую единую систему, общающую въ ближайшемъ будущемъ внутреннее спокойствіе, объединеніе цѣлей и стремленій и всеобщее благополучіе. Стъ той точки зрѣнія, изъ которой исходятъ авторы, недопускающіе между верховной властью и Землей бюрократической чиновной прослойки, было-бы непослѣдовательно одну прослойку замѣнить другой и въ лицѣ правящей интеллигенціи создать новый бюрократизмъ, только подъ другимъ названіемъ, но тоже обособленный, пропитанный своими буржуазными интересами и чуждый Земли и интересовъ народа.

Это недовѣрїе къ умственнымъ силамъ интеллигенціи и къ ея политической правоспособности служитъ главнымъ основаніемъ тому государственному идеалу, который предлагаютъ Россіи авторы «Писемъ». Хотя они и говорятъ, что петровскій воспитательный періодъ уже кончился для Россіи и наступилъ періодъ сознательной самоуправляющейся жизни, но изъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются авторами Россіи, заключить этого нѣтъ повода. Напротивъ, выражая недовѣрїе къ силамъ чиновной и буржуазной интеллигенціи, не считая ни ту, ни другую достаточно способной создать для Россіи лучшій порядокъ вещей, авторы думаютъ, что моментъ реформъ еще далеко не закончился и послѣдняя, наиболѣе важная реформа должна быть подготовительной или, точнѣе, высшей школой, въ которой-бы сложилось наше національное сознаніе и приобрѣлся-бы навыкъ къ самоуправленію и къ умѣнїю заботиться самимъ о своихъ

нуждахъ и потребностяхъ. Этой высшей школой самоуправленія и должно служить земство, но не то обездоленное, лишенное силы и находящееся подъ опекой бюрократіи, какимъ изображаютъ его авторы «Писемъ», а земство, поглотившее въ себя всѣ лучшія силы Россіи и связанное твердо съ Землей и съ народными нуждами Россіи. Это-то земство, земство будущее, земство сильное и сознательное и должно увѣнчать собою зданіе реформъ, начатыхъ освобожденіемъ крестьянъ. Подобное земство, по мнѣнію авторовъ, не можетъ сложиться ни само-собою, ни при участіи недружелюбной къ нему бюрократіи, а можетъ быть создано только волей верховной власти, какъ были ею созданы освобожденіе крестьянъ, гласный судъ и всеобщая воинская повинность.

Земскую реформу авторы «Писемъ» считаютъ самую плодотворною и въ то-же время самую трудною. Когда свершалось освобожденіе крестьянъ, верховная власть, для проведенія этой идеи, располагала достаточно сильнымъ орудіемъ въ лицѣ служебной среды; но когда ей придется уничтожить бюрократію, чтобы замѣнить ее земствомъ, то, по словамъ авторовъ, нельзя будетъ возложить эту задачу на бюрократію, ибо эта задача была-бы равносильна повелѣнію бюрократіи «рѣзать себя по живому тѣлу».

Съ этой мыслью авторовъ едва-ли можно согласиться. Если они нисколько не сомнѣваются «въ горячемъ участіи къ осуществленію такой цѣли земства, общественнаго мнѣнія и печати», то этимъ самымъ они указываютъ на такія три твердыя точки опоры, при участіи которыхъ можно провести гораздо болѣе смѣлую реформу. Общественное мнѣніе и печать показали, насколько они сильны, когда свершалось освобожденіе. Наконецъ, нельзя забывать и всемогущество верховной власти, одного слова которой было достаточно, чтобы помѣстное дворянство, за весьма немногими единичными исключеніями, стало единодушно на сторону освобожденія. Конечно, причина возможности такого единодушія заключалась въ томъ, что идея освобожденія зрѣла почти сто лѣтъ и, слѣдовательно, ни для кого не была неожиданной; земская идея и всесловность тоже не новость: она болѣе исконная, чѣмъ какая-либо другая идея въ Россіи, и, слѣдовательно, за нее встанетъ такое рѣшительное большинство что о противникахъ едва-ли стоитъ упоминать; наконецъ, авторы ошибаются, будто-бы бюрократіи, дѣйствующей въ интересахъ земской реформы, придется «рѣзать себя по живому тѣлу». То, что называется у насъ бюрократіей, не есть какой-нибудь отдѣльный, самостоятельный, органическій особнякъ, по суще-

ству своихъ интересовъ враждебный всѣмъ остальнымъ интересамъ. Наша бюрократія есть продуктъ системы, а не жизни. Чиновничество не больше какъ конгломератъ свободныхъ силъ, которыя выдѣляло въ него дворянство, разночинство и т. д. Служба была не сословнымъ состояніемъ, а только извѣстнымъ заработкомъ, довольно легкимъ и обезпечивающимъ, который и приманивалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто не находилъ себѣ другого заработка. Слѣдовательно, замѣна чиновничества земствомъ будетъ только перенесеніемъ центра тяжести дѣятельности изъ одной среды въ другую, которая и поглотитъ въ себѣ чиновничество. Конечно, это сдѣлается не такъ просто, но и не такъ враждебно, какъ предполагають авторы, и при дружномъ участіи общественнаго мнѣнія и печати съ верховной властью, объявившей земскую реформу, противники едва-ли обнаружатъ какое-нибудь противодѣйствіе.

III.

Мы познакомили читателя только съ внѣшними сторонами проектируемаго авторами государственнаго механизма. Начало, изъ котораго они исходятъ, имѣетъ одну цѣль—доставленіе возможности свободнаго развитія умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силъ органически-народнымъ путемъ, при условіи самаго широкаго самоуправленія. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, мы поняли основную мысль авторовъ. Понятно, что задавшись подобной цѣлью, они желаютъ возможно широкихъ правъ для церкви и для печати.

Въ V письмѣ, гдѣ говорится о положеніи русской церкви, авторы приводятъ сущность замѣчательной рѣчи, сказанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ государственномъ совѣтѣ однимъ изъ его членовъ. «Сущность рѣчи, говоритъ авторъ письма,— въ томъ, что современная церковь совѣтъ не церковь, а государственное учрежденіе, служба котораго отправляется чиновниками, облеченными въ епископскій и іерейскій санъ, подъ надзоромъ канцелярій, какъ въ прочихъ вѣдомствахъ; вслѣдствіе чего, естественно, жизнь начинается въ ней оскудѣвать, и собраніе вѣрующихъ, лишенное общей связи, мертвѣетъ». Авторъ письма указываетъ на одного епископа, который о священникахъ своей епархіи говорилъ: «мой чиновники»; затѣмъ приводитъ, какъ фактъ, что въ духовныхъ академіяхъ и многихъ семинаріяхъ, читается съ кафедръ, что русская церковь состоитъ со временъ Петра Великаго въ плѣну у государства; въ та-

комъ-же плѣну, въ какомъ церковь ветхозавѣтная находилась въ плѣну въ Вавилонѣ».

Преображеніе церкви въ бюрократическое учрежденіе авторы называютъ «тяжкой ошибкой великаго преобразователя». Хотя мысль о преобразованіи церковнаго управленія не возникла въ умѣ Петра произвольно, но была только отвѣтомъ на притязанія патріаршества при Никонѣ, проникнутаго католическими вѣяніями, тѣмъ не менѣе очевидно, что крутыя мѣры, принятыя Петромъ, зашли гораздо далѣе предполагавшейся цѣли. «Для облегченія переворота громаднаго и необходимаго, но временнаго, какъ все въ исторіи, Петръ Великій, по словамъ авторовъ, занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣческая не должна касаться, разрушилъ свободу и самостоятельность многовѣковаго строя отечественной церкви, разорвалъ существовавшее до сихъ поръ живое взаимодействіе между клиромъ и обществомъ, подчинилъ управленія церковной жизни бюрократіи, принизилъ духовенство и тѣмъ пресѣкъ приливъ къ нему общественныхъ силъ; вслѣдствіе чего наше духовенство должно было замѣниться въ себя и обратиться въ наслѣдственную касту...

«Великій императоръ ужаснулся-бы передъ этими послѣдствіями, если-бъ могъ ихъ предвидѣть, говорятъ авторы; но зародышъ ихъ заключался неизбежно въ совершенномъ имъ церковномъ преобразованіи. Плодъ созрѣлъ, и мы собираемъ жатву: церковь, расписанная по табели о рангахъ и связанная, утратила въ концѣ вліяніе на русскаго человѣка—не только на общество, но и на народъ; духовенство, служившее во всѣ вѣка Россіи первою опорой престола, прониклось глубокимъ недовольствомъ, такъ что теперь почти каждый русскій левитъ, непопавшій къ алтарю, становится въ ряды общества и государственной службы врагомъ существующихъ порядковъ. Еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ направленіи и противники государства найдутъ, можетъ быть, союзниковъ у самаго алтаря».

«Но главное зло не въ этомъ; главное зло заключается въ постоянномъ огромномъ выходѣ народныхъ массъ изъ вселенской церкви въ расколы. Русскій простолюдинъ идетъ въ расколъ для удовлетворенія душевной потребности жить сознательною религіозною жизнью, которой онъ лишенъ въ нынѣшней отечественной церкви, ограниченной наружной обрядностью. Для него не существовало-бы никакой причины выходить изъ живой воспріявшей его церкви (все это говоритъ авторъ), утвержденной на вселенскихъ основаніяхъ и предоставляющей ему ту же свободу духовной дѣятельности, какую онъ встрѣчаетъ въ расколахъ;

но въ томъ-то и дѣло, что онъ не находитъ этого простора въ подневольной оофициальной церкви, какъ не находитъ его и свѣтскій человѣкъ, обращающійся къ Редстоку. Въ этой причинѣ заключается настоящее объясненіе упорства раскольниковъ: они не хотятъ духовнаго рабства... Недалекъ, можетъ быть, день, когда центръ тяготѣнія народныхъ массъ передвинется изъ православія въ расколъ»...

Авторы справедливо замѣчаютъ, что къ дѣлу о расколахъ нельзя относиться равнодушно или свысока. Съ одной стороны, нельзя длить такого состоянія дѣлъ, при которомъ въ государствѣ, признающемъ вѣротерпимость своимъ основнымъ закономъ, значительная и во многомъ лучшая часть коренного населенія не можетъ открыто исповѣдывать свою вѣру; съ другой стороны «невозможно смотрѣть на русскихъ отщепенцевъ, отличающихся отъ русскихъ немногими обрядовыми формами или даже только рѣченіями, какъ на иностранное исповѣданіе и рвать пополамъ изъ-за этихъ рѣченій церковь и душу русскаго народа».

Какой-же въ самомъ дѣлѣ выходъ? Если-бъ правительство согласилось передать всѣхъ раскольниковъ въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій и сложить въ самостоятельную церковь, то какъ, на примѣръ, узаконить такія неясныя очертанія, какъ хожденіе посолонъ и удержаніе нѣсколькихъ печатокъ въ литургіи? Но помимо этого, если-бъ даже и удалось регламентировать расколъ, то узаконить его какъ иностранное исповѣданіе значило-бы, говорятъ авторы, подорвать преждевременно и неисправимо наше духовное будущее, до сихъ поръ далеко еще не выяснившееся. Да и кто виноватъ въ этомъ семейномъ недоразумѣніи и кому слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ? До сихъ поръ, говорятъ авторы, мы сваливали всю вину на отдѣлившихся отъ церкви, забывая, что противъ нашихъ неоспоримыхъ каноническихъ доказательствъ, они имѣютъ, хотя одно, но неопровержимое возраженіе: они не хотятъ духовной подневоли и мертвенности. Между ними и нами стоитъ, какъ переходная грань, казенная церковь, которую наши-же профессора богословія называютъ плѣнною, недопускающая свободнаго шага другъ къ другу, ни съ нашей, ни съ ихъ стороны».

Подобное состояніе церкви, не выгодное ни для кого, авторы объясняютъ тѣмъ, что такая-же цѣль лежала на всѣхъ безъ изъятія сторонахъ русской жизни. «Изъ-за чего-же, спрашиваютъ авторы, бюрократическая опека надъ церковью будетъ особенно колоть глаза, когда все остальное стоитъ подъ такою-же опекою»? Но можетъ-ли правительство однимъ своимъ рѣшеніемъ измѣнить настоящее положеніе церкви? На этотъ вопросъ,

по мнѣнію авторовъ, возможенъ только условный отвѣтъ и отвѣтъ слѣдующій: «несомнѣнно можетъ, покончивъ съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и замѣнивъ его общественными силами во всѣхъ отправленіяхъ имъ свойственныхъ, въ томъ числѣ и церковномъ; и положительно не можетъ въ предѣлахъ одной церкви. Какъ выдѣлить церковную жизнь изъ общей жизни государственной, оставляемой на прежнихъ основаніяхъ? Какъ развязать руки русскому человѣку на одинъ часъ въ день, на тотъ именно часъ, когда онъ станетъ заниматься церковными дѣлами?» Чтобы свершилось полное освобожденіе общественныхъ силъ въ областяхъ умственной, нравственной, экономической—необходимо, по мнѣнію авторовъ, открыто признать подлинный характеръ періода, начавшагося въ исторической жизни Россіи. Признать, что воспитательный петровский періодъ окончился и реформами императора Александра II начался періодъ самостоятельнаго развитія силъ и общественной самодѣтельности.

IV.

Общественная самодѣтельность и умственная зрѣлость общества, конечно, невозможны безъ права на свободную мысль. Поэтому понятно, что авторы «Писемъ» придаютъ особенное значеніе печати. Жаль только, что въ письмахъ о печати авторы измѣняютъ серьезному тону и позволяютъ себѣ полемическія выраженія и взрывы чувства нетерпимости, совершенно противрѣчащія тому принципу или началу свободы, защитниками которой они сами являются. Печать и ея теперешнее состояніе совершенно такія-же общественныя явленія, какъ расколъ или другія явленія общественной жизни, о которой говорятъ авторы, и если они относятся съ обыкновеннымъ спокойствіемъ и даже съ симпатіей къ расколу, созданному опекой, то за что-же нетерпимость и страстность къ печати, недостатки которой созданы тѣми-же причинами. Странно негодовать на слѣдствіе, минуя причины, тѣмъ болѣе, что русская печать и всякая печать въ мірѣ есть только выраженіе умственнаго состоянія общества, ее создающаго. Ни редакторы, ни сотрудники не отвѣтственны за печать, и авторы «Писемъ» очень хорошо это знаютъ. Въ Европѣ, гдѣ сложилось общественное мнѣніе и существуютъ общественныя и политическія партіи, за каждымъ журнальнымъ органомъ стоитъ масса одномыслящихъ людей, для которыхъ ихъ газета или журналъ служитъ умственнымъ фокусомъ и выразительницею ихъ собственныхъ мнѣній.

У насъ ничего подобнаго не существуетъ, да и не можетъ существовать, потому-что общественное мнѣніе еще не сложилось, общественныхъ партій нѣтъ, точныхъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ не сформировалось и исключительное большинство не имѣетъ ровно никакихъ опредѣленныхъ мнѣній по основнымъ общественнымъ вопросамъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого безразличнаго читателя, какъ русскій: онъ съ одинаковою легкостью переходитъ отъ однихъ взглядовъ къ другимъ и живетъ преимущественно порывами и чувствами, а не мыслью и убѣжденіями. Понятно, что быть выразительницею мнѣній такого общества—довольно мудрено; и понятно, что печать должна была по необходимости взять на себя воспитательную роль. Воспитаніе это, конечно, было только идейное, теоретическое и касалось разъясненія общихъ основъ или общественныхъ и личныхъ идеаловъ. Что печать была только такою, а не другою, что она не всегда говорила объ обще-русскихъ дѣлахъ и о русской жизни,—винить ее едва-ли есть какое-либо основаніе. Не святымъ духомъ живетъ печать, и не святымъ духомъ она пишетъ; ее составляютъ живые люди, а они дѣйствуютъ и думаютъ только въ предѣлахъ возможности. А была-ли возможность для свободнаго изслѣдованія явленій и фактовъ русской жизни? Была-ли возможность для свободной выработки понятій и идей политическаго и общественнаго порядка? Въ этомъ случаѣ русская печать служить лишь болѣе очевиднымъ выраженіемъ той умственной неурядицы, о которой говорятъ авторы, и потому намъ думается, что, придавая серьезное значеніе печати, какъ органу и школѣ для развитія общественнаго мнѣнія, слѣдовало-бы къ этому органу и къ этой школѣ относиться съ тою бережливостью, какая требуется деликатностью его свойствъ.

Вѣрные своей основной идеѣ, авторы объясняютъ положеніе современной русской печати бюрократическимъ вліяніемъ, которому она была подчинена. Совершенно справедливо, что многихъ серьезныхъ вопросовъ она не имѣла возможности касаться и въ слѣдствіе своего зависимаго положенія выработала себѣ такъ-называемый езоповскій языкъ и манеру говорить полусловами съ извѣстнымъ ехидствомъ. Но вѣдь нужно испытать самому то стѣсненіе, которое приходится испытывать каждому пишущему, чтобы не обвинять его за раздраженіе, которое невольно имъ овладѣваетъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что, какъ выражаются авторы, «клика немыслящихъ журнальныхъ фигляровъ, замкнувшись въ кругѣ мелкихъ текущихъ событій, ежедневно растравляетъ массу своими полусловами». Эту «клику» составляютъ раздраженные и недовольные люди, недовольные тѣми стѣсне-

ніями, которыя имъ приходится испытывать каждый день; придавая этимъ стѣсненіямъ общій характеръ и перенося ихъ на общіе принципы, журналисты невольно питаютъ и развиваютъ въ себѣ тотъ духъ отрицанія и недовольства, который сквозитъ между строками въ ихъ статьяхъ. Этой стороны печати авторы «Писемъ» не коснулись, а обвинивъ ее въ недостаткѣ достоинства, серьезности и порядочности, они умолчали, какимъ образомъ не только недостатки печати, но и ея общій тонъ скрытаго раздраженія и недовольства сложился подъ вліяніемъ стѣсненій, нерѣдко чисто-личныхъ и произвольныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми государственными основами и принципами, которые руководятъ русской жизнью.

Авторы признаютъ вполнѣ значеніе и силу печати и важность вліянія ея на общественное мнѣніе. Указывая на недостатки, они, впрочемъ, не скрываютъ ея достоинствъ и въ числѣ ихъ на первомъ планѣ ставятъ отзывчивость на всякое благое начинанье власти. Въ виду этой особенности русской печати, особенности, которою не отличается ни одна изъ печатей иностранныхъ, слѣдовало-бы, конечно, придать большее значеніе нашей печати и освобожденіе ее отъ стѣсненій поставить одной изъ главныхъ мѣръ для всего послѣдующаго свободнаго развитія понятій и идей. Но намъ кажется, что авторы именно этого-то и не сдѣлали. Говоря объ отзывчивости русской печати на всякое благое начинанье власти въ интересахъ народа и Россіи, авторы не упустили обвинить печать въ ея разрушительныхъ тенденціяхъ будто-бы подъ кровомъ цензуры, но не указали на громадность ея вліянія въ проведеніи въ общество реформаціонныхъ идей и на то содѣйствіе, которое она оказала освобожденію крестьянъ и вѣрной установкѣ основныхъ принциповъ освобожденія. Конечно, это не заслуга исключительно печати, а скорѣе заслуга всего русскаго общества, отличающагося способностью къ отзывчивости и склоннаго къ доброжелательнымъ мыслямъ и къ хорошимъ чувствамъ. Можно даже сказать, что и недостатки русской печати, какъ и недостатки русскаго человѣка, являются слѣдствіями его доброжелательныхъ наклонностей. Наша печать, не только въ лицѣ ея главныхъ органовъ, но и всѣхъ остальныхъ, всегда отдавалась доброжелательнымъ тяготѣніямъ въ пользу того, что она считала, по своимъ убѣжденіямъ, благомъ и въ чемъ видѣла пользу народа и Россіи. Если-бъ этой русской особенностью пользоваться настоящимъ образомъ, то, конечно, печать принесла-бы неисчислимую пользу развитію мысли и общественному сознанію. Къ сожалѣнію, доброжелательныя тенденціи печати понимались не всегда вѣрно,

а нерѣдко и перетолковывались, и нетерпимость къ свободному изложенію мысли и безпрестанныя помѣхи и преслѣдованія отталкивали писателей, развивали и плодили въ нихъ недовольство, отодвигали въ лагерь недовольныхъ и, вмѣсто того, чтобы создать содѣйствующую силу, дѣлали изъ нихъ силу противодѣйствующую. Теперь, какъ извѣстно, и въ печати, какъ въ обществѣ, усилился духъ недовольства, на который указываютъ авторы, и единственную причину этого надо искать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ печать пребываетъ; поэтому-то авторы совершенно справедливо замѣчаютъ, что «силы, которыя печать могла-бы обнаруживать обыденно съ великою пользою для страны и правительства, закупоренныя черезъ мѣру не только пропадаютъ даромъ, но даже угрожаютъ опасными выходками при первомъ удобномъ случаѣ». Въ то-же время никакія цензурныя строгости не вели ни къ чему и, какъ говорятъ тѣ-же авторы «Писемъ», «подъ кровомъ цензуры могло появляться все, не исключая самыхъ вредныхъ идей и самаго вреднаго направленія».

Но «безъ извѣстной свободы слова мы не выйдемъ изъ теперешныхъ затрудненій; наши безспорные вопросы, говорятъ авторы, исчерпаны уже въ шестидесятыхъ годахъ, а изъ тѣхъ, которые стоятъ за ними на очереди, ни одинъ не выясненъ окончательно. Причина понятна: рѣшенные вопросы объ упраздненіи крѣпостного права, о независимомъ судѣ и о необходимости нѣкотораго участія народныхъ силъ въ мѣстномъ самоуправленіи не вызрѣвали на русской почвѣ; мы приняли ихъ изъ рукъ заимствованной цивилизаціи. Вопросы, слѣдующіе за ними, составляютъ уже наше домашнее дѣло; позаимствовать рѣшенія ихъ уже неоткуда; мы должны додуматься до него самолично, что слишкомъ трудно при продолжающемся у насъ стѣсненіи мысли. Мы можемъ оставаться въ такомъ положеніи неопредѣленное время, а между тѣмъ отравляющія нашу народную жизнь недоразумѣнія растутъ безостановочно. Прежде всего, даже прежде приступа къ устройству порядка вещественнаго, необходимо внести порядокъ и ясность въ русскую мысль предоставленіемъ ей достаточнаго простора, въ предѣлахъ нашихъ общепринятыхъ историческихъ началъ».

А между тѣмъ растущее общественное сознаніе требуетъ исхода, мысль нуждается въ гласности, а такъ-какъ имъ не предоставлено простора дома, то они ищутъ возможности заявить себя другими путями. «Въ послѣдніе годы, говорятъ авторы, печатаніе за-границею книгъ и брошюръ, писанныхъ очень благонамѣренными людьми, стало явленіемъ обыденнымъ, вынуждаемымъ неизвѣстностью предѣловъ печатнаго слова дома;

при самомъ искреннемъ желаніи не нарушать установленій печати, у насъ невозможно разграничить заранѣе дозволенное отъ недозволеннаго; все зависитъ отъ весьма измѣнчиваго взгляда начальствующихъ лицъ. Авторы такихъ заграничныхъ сочиненій не только не подвергались преслѣдованіямъ, но нѣкоторымъ дозволялось даже распространять ихъ книги въ Россіи подъ извѣстными условіями. Подобными снисхожденіями правительство явно показывало, что, по собственному его сознанію, русская мысль перешла уже стѣсняющія ее рамки и что оно желаетъ дать ей нѣкоторый просторъ, не зная покуда, какъ совмѣстить этотъ просторъ съ обычными приемами допущенной имъ гласности». «Письма», служащія предметомъ этого обозрѣнія, служатъ новымъ подтвержденіемъ этой мысли ихъ авторовъ.

При подобной искусственности безгласнаго мнѣнія, начинающаго сильно бродить внизу, но лишеннаго возможности выработаться связно и сознательно, правительство остается внѣ всякаго умственнаго соприкосновенія со страной и не можетъ почерпать своихъ мѣропріятій изъ дѣйствительности. При такой постановкѣ дѣла невозможно выйти изъ недоразумѣній, ибо гласное выраженіе не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ способомъ. «Если-бы, говорятъ авторы, власть стала даже призывать для совѣщанія самыхъ опытныхъ земскихъ людей, то и они могли-бы изложить только свое одиночное сужденіе, но не могли-бы дать того, что покуда совершенно неизвѣстно и въ чемъ вся сила—мнѣнія русскаго большинства. По той-же причинѣ никакое общее собраніе земскихъ людей, даже очень способное освѣтить многія частныя и мѣстныя стороны дѣла, не оказалось-бы покуда состоятельнымъ въ смыслѣ рѣшенія коренныхъ вопросовъ; оно стало-бы бродить въ лабиринтѣ личныхъ взглядовъ, непровѣренныхъ общимъ сознаніемъ. А въ то-же время одиночныя мечтанія, руководимыя не разумомъ, а впечатлѣніями по большей части личными, начинаютъ напирать внизу».

По мнѣнію авторовъ, было-бы слишкомъ долго составлять новое законоположеніе о печати на теоретическихъ основаніяхъ, да это и едвали повело-бы къ чему-нибудь положительному. Авторы полагаютъ, что «было-бы гораздо удобнѣе провести въ русскую печать необходимую ей долю свободы практическимъ путемъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при первомъ подъемѣ русскаго слова въ шестидесятыхъ годахъ. Существенно важно, чтобы замѣнить личный приговоръ по дѣламъ печати приговоромъ суда, хотя-бы покуда спеціальнаго. Судъ выработаетъ въ послѣдствіи рядомъ своихъ приговоровъ практическіе предѣлы правъ печати гораздо удовлетворительнѣе чѣмъ выработала-бы

ихъ какая-нибудь комиссія». Съ этими вполне справедливыми мыслями нельзя не согласиться.

«Публичность, по словамъ авторовъ, нужна не только для оди-ночной мысли—она необходима для цѣлыхъ отраслей народнаго управленія. Земства, напримѣръ, чрезвычайно затрудняются слишкомъ келейнымъ способомъ обсужденія своихъ потребностей; онѣ не могутъ освѣтить ихъ достаточно безъ своего мѣстнаго органа печати. Земства покуда разъединены между собою совершенно, даже нравственно. Очевидно, что впоследствии необходимо будетъ узаконить должную связь между ними, въ случаяхъ надобности; но до тѣхъ поръ эта связь, часто крайне настоя-тельная, могла-бы поддерживаться взаимною гласностью, безъ которой невозможно выдѣлать кодексъ обычаевъ и практиче-скихъ приемовъ, часто болѣе важный, чѣмъ кодексъ положи-тельныхъ правъ. Но нельзя не видѣть, что при нынѣшнихъ условіяхъ печати земскіе листки обратились-бы въ краткій пе-речень засѣданій, что самыя вѣскія и любопытныя заявленія гласныхъ часто не могли-бы быть воспроизведены вполне».

«При переходѣ изъ одной эпохи въ другую, разъединенныя мѣры не ведутъ ни къ чему—нужны мѣры общія. Для того, чтобы не сбиться съ пути, надо предоставить мысли свободу во всѣхъ ея благонамѣренныхъ проявленіяхъ, и если карать, то лишь за то, что говорить человѣкъ, а не за предметъ, о кото-ромъ онъ говоритъ».

Для преобразованія печати и чтобы поставить ее въ живыя отношенія съ обществомъ, по мнѣнію авторовъ, были-бы необ-ходимы четыре главные средства. Вотъ они:

(1) Дать жизнь и голосъ областямъ, безъ чего никто не мо-жетъ знать ни русскихъ дѣлъ, ни русскихъ мнѣній; всякій бу-детъ подставлять подъ ними свои мечты. Дѣло идетъ не объ оживленіи областной печати въ ея нынѣшнемъ видѣ, какъ частной спекуляціи; печать такого рода останется навсегда блѣд-нымъ сколкомъ со столичной, хотя и она принесетъ свою долю пользы. Важно то, чтобы каждое земство имѣло право основать свой безцензурный журналъ.

(2) Повсемѣстное упраздненіе предварительной цензуры, подъ покровомъ которой проводятся самыя нецензурныя внушенія. Въ университетскихъ городахъ имѣются средства для ежедневнаго надзора за печатью; въ другихъ-же частныхъ газетъ и безъ того почти не издается.

(3) Устраненіе отъ печати бюрократическаго произвола. Правительству, очевидно, выгодно для собственнаго обезпеченія отъ неправильнаго примѣненія его воли и для внушенія уваже-

нія къ приговору, ввѣрить это право суду, хотя-бы даже покуда административному, хотя-бы изъ тѣхъ-же членовъ главнаго управленія, но рѣшающихъ дѣло гласно, большинствомъ голосовъ, послѣ формальнаго обвиненія и защиты. Конечно, такая форма суда можетъ быть лишь переходной. Тогда и кара можетъ стать строже нынѣшней, стать вмѣстѣ денежной и личной, особенно при допущеніи апелляціи въ сенатъ, и пресѣчь, между прочимъ, нынѣшнія омерзительныя личности журналистики. Приговоры суда получаютъ осмысленное значеніе въ глазахъ общества и самой печати, они выработаютъ понемногу сознательный кодексъ правъ русскаго слова.

4) Свободное, добросовѣстное обсужденіе государственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, также какъ вышней дѣятельности учреждений, безъ чего и правительство, и подданные останутся въ непроглядномъ мракѣ, будутъ слышать личные намеки, а не мнѣніе общества, безъ опоры котораго нельзя будетъ ступить шагу ни въ какую сторону. При этихъ только условіяхъ общественныя стремленія будутъ въ состояніи выясниться и разумное большинство возьметъ верхъ надъ мечтаніями кружковъ.

«Нынѣ-же русская печать, вмѣстѣ со многими другими сторонами нашего современнаго склада, и все по одной и той-же причинѣ, представляетъ явленіе, несообразное и невиданное въ остальномъ свѣтѣ, что выказывается очень рѣзко въ странномъ видѣ вліянія ея на разрозненныхъ людей, которыхъ она смущаетъ, не умѣя направлять».

V.

Мы изложили почти подлинными словами авторовъ, основъ проектируемаго ими государственнаго строя Россіи. Основой проекта служить положеніе, что между верховной властью и народомъ существуетъ полное единеніе въ стремленіяхъ къ общему благу. Народъ чтитъ свою верховную власть, а верховная власть любитъ свой народъ, и между ними не существуетъ никакой посторонней прослойки, мѣшающей объединенію. Для внутреннихъ домашнихъ дѣлъ народъ имѣетъ земское самоуправленіе, пользующееся полнымъ просторомъ и свободой для проявленія своей дѣятельности, и систему народнаго самоуправления, доведенную до возможной простоты и полной возможности выражать народныя нужды, потребности и желанія. Идеализмъ проекта основанъ на вѣрѣ въ благородную природу человѣка, всегда готоваго предпочесть личнымъ эгои-

стическимъ побужденіямъ благо ближняго. Безъ подобнаго идеализма, конечно, невозможны никакія системы, и, не имѣя вѣры въ добрую природу человѣка, не зачѣмъ думать и о переустройствѣ человѣческихъ обществъ.

Идеализмъ авторовъ идетъ, впрочемъ, и нѣсколько дальше и въ этомъ отношеніи онъ до извѣстной степени вредитъ авторитетности проекта и даже колеблетъ вѣру въ него, если-бы исполнителями его явились сами авторы. Пропитанные полной и безусловной вѣрой въ чистоту помысловъ и благожеланій верховной власти и въ добрыя качества народа, авторы не допускаютъ и тѣни мысли, чтобы изъ нѣдръ этого добраго народа могло выйти что-нибудь недоброе и общественно-вредное. Все, что волновало въ послѣдній двадцатилѣтній періодъ Россію, что тревожило ее и возбуждало ея мысль, авторы приписываютъ чуждымъ влияніямъ, считаютъ наноснымъ, западнымъ, а не русскимъ. Они думаютъ, что, безъ влияния западныхъ ученій, у насъ не явился-бы ни нигилизмъ, ни социализмъ и что для нихъ у насъ не существуетъ ни почвы, ни точки опоры. Но въ то-же время сами авторы говорятъ о недовольствѣ, развившемся повсюду въ Россіи, не исключая народа. Сами-же авторы предлагаютъ свой проектъ какъ единственную мѣру къ умиротворенію и къ объединенію всѣхъ въ одномъ общемъ стремленіи къ благу народа и родины.

Мы думаемъ, что авторы не совсѣмъ точно смотрятъ на происхожденіе и значеніе нигилизма и вмѣстѣ съ социализмомъ придаютъ имъ болѣе вѣковѣчное и опасное значеніе, чѣмъ они въ дѣйствительности имѣютъ. Нигилизмъ въ высшихъ и зрѣлыхъ его проявленіяхъ есть въ сущности отрицающая критическая мысль, имѣющая исключительно теоретическое значеніе и ни въ какихъ отношеніяхъ не опасная. Что-же касается до формальнаго нигилизма или, точнѣе, того нигилизма, который въ интеллигентномъ обществѣ, и преимущественно въ ранней молодости, явился въ шестидесятыхъ годахъ въ формѣ протеста противъ культурныхъ обычаевъ и привычекъ, установившихся въ барскомъ быту, то подобный нигилизмъ болѣе комиченъ, чѣмъ опасенъ, и легко оставляется даже тѣми самыми лицами, которыя поклонялись ему, когда они достигнутъ умственной зрѣлости, станутъ родителями и займутся воспитаніемъ своихъ дѣтей. Еще въ шестидесятыхъ годахъ люди проникательные предсказывали, что базаревщина, какъ явленіе слишкомъ эгоистичное и лишенное общественнаго сознанія и провѣрки правильною мыслию, не удержится въ теченіи одного поколѣнія; это въ дѣйствительности и подтвердилось. Наконецъ, нигилизмъ, какъ умствен-

ное явленіе, не заключаетъ въ себѣ настолько дѣйствительной опасности, чтобы возбуждать государственныя тревоги. Достаточно было одной семейной борьбы съ тѣмъ нигилизмомъ, о которомъ мы говоримъ, чтобы онъ въ теченіи поколѣнія утратилъ яркость и привлекательность, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не шелъ въ глубь, а ограничивался только отрицаніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ общежитія.

Соціализмъ нѣсколько другое явленіе; онъ есть продуктъ зрѣлой мысли и родился дѣйствительно на Западѣ, а не въ Россіи. Въ то время какъ нигилизмъ являлся отрицаніемъ въ области обычая и протестовалъ противъ аристократизма въ интересахъ демократизма, доводя свое отрицаніе до того, что носовой платокъ и полотенце признавалъ аристократическими атрибутами, и дѣйствовалъ преимущественно на личное эгоистическое чувство, приподнимая до безобразія лицо въ ущербъ уваженія къ другому лицу, соціализмъ весь цѣликомъ выросъ отъ идеи общаго блага и развился въ области общественно - экономическихъ понятій. Поэтому-то нигилизмъ никогда не могъ сложиться въ какую-бы то ни было доктрину, а тѣмъ болѣе въ научную систему, тогда-какъ соціализмъ выставилъ на Западѣ цѣлое ученіе и имѣлъ многихъ замѣчательныхъ представителей, въ родѣ Лассаля, котораго Брандесъ сравниваетъ, по его учености и начитанности, съ тяжелымъ латникомъ, вооруженнымъ цѣлымъ арсеналомъ оружія.

Такого соціализма, создавашагося на русской почвѣ и изъ русскихъ данныхъ, у насъ никогда не было.

Никакое правительство, даже самое республиканское, не потерпитъ у себя революціонныхъ движеній, грозящихъ общественному спокойствію или нарушающихъ авторитетъ правительственной власти, и потому, конечно, революціонныя тенденціи соціализма или нигилизма встрѣчаютъ повсюду мѣры противъ нихъ правительства. Но у cadaго общественнаго или умственнаго явленія есть свой острый моментъ, и когда это явленіе переживетъ этотъ моментъ, оно вступаетъ въ обычное спокойное русло и утрачиваетъ свой тревожный, пугающій характеръ. Такъ было, на примѣръ, съ народными протестами противъ машинъ; такъ было и съ соціализмомъ въ Европѣ. Въ настоящее время въ Германіи соціализмъ составляетъ общественное явленіе, которымъ уже пытался овладѣть Бисмаркъ, чтобы нѣкогда революціонный соціализмъ превратить въ соціализмъ государственный. Проектъ авторовъ «Писемъ» въ этомъ смыслѣ является тоже проектомъ государственнаго соціализма,

ибо имѣеть цѣлью установить такой порядокъ всенародно-общественно - экономическихъ отношеній, при которомъ выраженіе народныхъ стремленій къ общему благополучію и благосостоянію находятъ полную возможность для своего практическаго осуществленія въ широкой самодѣятельности и въ верховной санкціи. Этимъ средствомъ, конечно, какъ совершенно справедливо замѣчаютъ авторы, подрѣзывается въ корни личное недовольство и возможность скученнаго протеста, и народная жизнь будетъ развиваться мирно, органически, безъ потрясеній и опасностей для кого-бы то ни было.

Идя слѣдомъ за Европой въ передовомъ движеніи мысли и въ опытѣ государственной мудрости, мы, конечно, не могли миновать ея влиянія и въ этомъ вопросѣ. Такъ-называемый кафедральный социализмъ читается у насъ уже съ кафедръ, экономическія изслѣдованія Маркса вошли въ программы лекцій политической экономіи, а авторы проекта, съ которымъ мы знакомили читателей, предлагаютъ сдѣлать социализмъ совершенно безопаснымъ въ смыслѣ противогосударственнаго анархическаго движенія, поставивъ его въ программу государственнаго управленія.

Социализмъ, какъ анархическое и революціонное движеніе, явился въ Западной Европѣ протестомъ противъ буржуазнаго и капиталистическаго строя, который создало третье сословіе, придумавшее парламентаризмъ и овладѣвшее правительственною властью. У насъ еще нѣтъ ни того, ни другого, и вопросъ о капитализмѣ является настолько спорнымъ вопросомъ, что есть изслѣдователи, которые доказываютъ, что капитализмъ, какъ система, у насъ невозможенъ. Поэтому понятно, что авторы «Писемъ», стараясь выяснить причины недавнихъ смутныхъ явленій, не могли не придти къ заключенію, что для такихъ явленій, какъ нигилизмъ и социализмъ, въ нашихъ народныхъ массахъ нѣтъ пока корней, что движеніе это было создано бродячими интеллигентными силами, не умиротворенными и не привлеченными къ полезному дѣлу, и чтобы пресѣчь поводы къ подобнымъ движеніямъ, необходимо перенести центръ тяжести заботъ о духовномъ, умственномъ и матеріальномъ благосостояніи страны на организованныя и слившіяся народныя силы, предоставивъ заботы о себѣ самому народу и его земскому представительству, а не отдѣльнымъ выдѣляющимся изъ общества единицамъ, располагающимъ только разрушительными и революціонными средствами.

Этимъ именно образомъ мы понимаемъ происхожденіе «Писемъ о состояніи Россіи», которыя мы взяли матеріаломъ для настоящаго внутренняго обозрѣнія. Отлагая разборъ подроб-

ностей до другого раза, мы думаемъ, что основная идея писемъ не можетъ не встрѣтить сочувствія общества и печати ужь по одному тому, что проектъ авторовъ, скрывшихъ свои имена, сулитъ небывалый просторъ земской самодѣтельности и вполне согласенъ съ тѣмъ, что наша передовая печать не переставала высказывать въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ. Уничтоженіе бюрократической опеки, свобода совѣсти, свобода слова, расширеніе земскихъ правъ, возможно широкая гласность, вотъ что такъ горячо желалось постоянно нашею печатью и что съ ея стороны встрѣтитъ всегда горячую защиту. Поэтому мы думаемъ, что дѣленіе печати на благонамѣренную и неблагонамѣренную, которое дѣлаютъ авторы, едва-ли можетъ выдержать критику, ибо неблагонамѣренными органами печати считались обыкновенно такіе, которые говорили о томъ, о чемъ говорятъ нынче авторы изложенныхъ нами «Писемъ».

Н. Ш.

НАШИ ВИДЫ НА УРОЖАЙ.

(1881 года).

Тяжелый годъ, пережитый крестьянствомъ, приходитъ къ концу. Кое-какъ, при помощи напряженнаго труда, урѣзыванья собственныхъ потребностей, при поддержкѣ, наконецъ, правительственныхъ и земскихъ субсидій, крестьянство прожило зиму, справилось съ весенними работами, и теперь ждетъ, не дождется новаго урожая. Что-же сулитъ онъ намъ? Вотъ вопросъ, который занимаетъ въ настоящее время десятки милліоновъ русскихъ людей.

Нельзя сказать, чтобы прошлогодній опытъ прошелъ для насъ совершенно безслѣдно. Наша пресса все это время, сравнительно говоря, очень тщательно слѣдитъ за ходомъ сельскихъ работъ. Со своей стороны опубликовала свои свѣденія и «Департаментъ Земледѣлія и Торговли».

Постараемся-же подвести счеты. Постараемся опредѣлить вѣроятное разрѣшеніе вопроса, не вдаваясь ни въ излишнюю мнительность, ни въ неосновательный оптимизмъ.

Значеніе урожая или неурожая, какъ и все на свѣтѣ, очень условно. При иныхъ обстоятельствахъ не особенно страшень и полный неурожай: при хорошихъ запасахъ, при крѣпкой, здоровой промышленности, при международномъ кредитѣ—единичный неурожай перенести нетрудно. Но, съ другой стороны, при сильно уже пошатнувшемся хозяйствѣ—можетъ оказаться недостаточнымъ даже и хороший, а тѣмъ болѣе сносный урожай. Это обстоятельство очень важно, и поэтому я считаю необходимымъ напомнить прежде всего тотъ, общеизвѣстный, впрочемъ, фактъ, что къ нынѣшнимъ весеннимъ работамъ крестьянство приступило уже сильно истощенное предшествующими неурожаями и

промышленнымъ кризисомъ. Въ газетахъ мы находимъ многочисленныя извѣстія этой весны, показывающія, что въ большинствѣ случаевъ во многихъ мѣстахъ еле-еле дотягиваютъ до «нови». Едва-ли есть такія мѣста, гдѣ крестьянинъ не работалъ-бы весною впроголодь, но зато, къ сожалѣнію, попадаютъ мѣстности, гдѣ господствуетъ настоящій голодъ. Цѣны на хлѣбъ до послѣднихъ дней повсюду стоятъ очень высокія, понижаясь тамъ, гдѣ ожидается хорошій урожай, и еще болѣе возростая тамъ, гдѣ эта надежда исчезла. Такое повышение цѣнъ замѣчается, напр., въ *вятской* губерніи. Въ *архангельской* губерніи пудъ ржаной муки стоилъ въ концѣ мая 1 р. 20 к., да и то на ярмаркѣ, а въ мелочной торговлѣ, стало-быть, еще выше. Въ центральныхъ губерніяхъ цѣны такъ-же высоки. Во *владимірской*, губ., напр., ржаная мука пудъ 1 р. 60 к., овесъ 4 р. четверть. Въ Западномъ краю—цѣны совсѣмъ невозможны. Въ *витебской* губ. *фунтъ* ржаного хлѣба стоитъ (конецъ мая) 3—4 коп., т. е. выше столичнаго; мясо 23 коп. фунтъ. Въ *смоленской* губерніи ржаная мука отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к., крупа гречневая 1 р. 70 к. *). Въ *черниговской*—ржаная мука 1 р. 50 к. **). Уменьшеніе цѣнъ замѣчается въ мѣстностяхъ, гдѣ ждутъ урожая, но цѣны остаются все-таки высокими. Въ *Саратовѣ* фунтъ ржаного хлѣба къ іюню спустился до 2½ коп., а ржаная мука до 1 р. 10 к.; въ *Дубовкѣ* ржаная мука съ 1 р. 60 к. спустилась до 1 р. и даже до 90 к., пшеничная съ 2 р. дошла до 1 р. 40 коп. ***). Также спустились цѣны въ *Самарѣ*: рожь до 85 и 90 коп. пудъ, ржаная мука до 1 р. и 1 р. 5 к. Въ *Пензѣ* ржаная мука теперь стоитъ 90 коп. Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ пониженіе цѣнъ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что спекулянты, всю зиму гнавшіе цѣны вверхъ, теперь испугались, чтобы не остаться со своими запасами на бобахъ, а потому поторопились распродажей. Въ общей сложности, цѣны должно все-таки признать чрезвычайно высокими ****). А между тѣмъ собственныхъ запасовъ нѣтъ у крестьянъ.

Сверхъ того—при повсемѣстной дороговизнѣ хлѣба—цѣны на трудъ повсемѣстно отличаются низкимъ уровнемъ: безъ сомнѣнія, это явленіе обусловливается съ одной стороны наплывомъ нуждающихся крестьянъ, а съ другой уменьшеніемъ спроса,

*) Въ *медынскомъ* у. *калужской* губерніи пудъ ржаной муки стоитъ 1 р. 55 к.

***) Въ *Починѣ*, *черниговской* губ., даже 1 р. 60 к. (М. Т., 18 іюня).

****) Въ *Камышинѣ*, *саратовской* губ., рожь 1 р. 20 к. въ срединѣ іюня.

*****) *Рыбинскія* цѣны за послѣднее время стояли отъ 11—16 руб. четверть ржаной муки (смотря по сорту ея).

вслѣдствіе уменьшенія запасовъ и вообще ослабленія промышленности. Какъ-бы то ни было, по свѣденіямъ департам. земл. и пром. (см. «Правительств. Вѣстн. № 125 и слѣд.), крайне низки. Вотъ образчики:

Губерніи.	Полденно. (Шѣшій взрослый рабочий).	Полѣсячно.
Самарская	20—50 к. (хоз. харчъ)	5—6 р. (хоз. харчъ)
Саратовская . . .	20—40 »	»
Екатеринославская:		
Бахмутскій у.	10—30 »	3—6 »
Александр. у.	15—30 »	3—6 »
Павлоград. у.	20—30 »	3—6 »
Славиносерб. . .	25—40 »	} 6—8 »
Екатериносл. . .	30—40 »	
Таганрогъ. . . .	25—40 »	

Все это на хозяйскихъ харчахъ. Продовольствіе-же рабочаго опредѣляется въ день 15—25 коп. Косцамъ платится 40—55 к.

Губерніи.	Полденно. (Шѣшій взрослый рабочий).	Полѣсячно.
Земля Войска Д.	40—50 к. (свой харчъ)	6—10 р.
Таврическая:		
Симферополь . .	40—60 »	6—10 »
Херсонская:		
Александр. у.	25—30 »	»
Харьковская. . .	15—30 »	4—6 »
Полтавская . . .	20—30 » (хоз. харчъ)	5—7 »
Казанская	30—50 » (хоз. харчъ)	»
Пермская	20—40 » (хоз. харчъ)	»
Уфимская	25—35 »	5—6 »
Симбирская . . .	30—40—50—60 к.	»
Рязанская	20—40 к. (хоз. харчъ)	»
Пензенская . . .	25—30 » (хоз. харчъ)	»
Московская . . .	30—90 » (свой харчъ)	»
Тульская	20—50 » (хоз. харчъ)	»
Тамбовская . . .	25—90 »	»
Тверская	30—50 » (хоз. харчъ)	»
С.-Петербургская	40—80 » (свой харчъ)	»
Псковская	30—40—50 к. (иногда на хоз., а иногда да- же на своихъ харчъ.)	
Новгородская. . .	30—70 к.	»
Смоленская	25—45 » (хоз. харчъ)	»
Минская	35—50 »	»
Могилевская . . .	25—50 »	»

Всѣ эти цѣны въ большинствѣ случаевъ характеризуются департаментомъ, какъ «низкія», «невысокія», «ниже обыкновеннаго» и т. д. Выше прошлагоднихъ только цѣны въ новгородской и тамбовской губерніяхъ. Особенное-же пониженіе замѣчается въ южныхъ губерніяхъ, что и весьма понятно при наплывѣ рабочихъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ положеніе крестьянъ не можетъ быть особенно завиднымъ. Всѣ извѣстія подтверждаютъ это. О бѣдственномъ положеніи крестьянъ *слободскаго* уѣзда вятской губ. мѣстное губернска. по кр. дѣл. присутствіе входило даже съ представленіемъ въ мин. финансовъ, вслѣдствіе чего съ крестьянъ означеннаго уѣзда сняты недоимки въ 420,000 руб., а также оказаны имъ нѣкоторыя другія льготы. Въ *казанской* губ. *тетюшскаго* уѣзда земство уже теперь хлопочетъ о выдачѣ ему ссуды въ 100,000 р. для продовольствія крестьянъ, а также на осеннее обмѣненіе полей (такъ-какъ предвидится полный неурожай); такую-же ссуду проситъ *царевококшайское* земство. Съ противоположнаго конца—Урала—раздается аналогичная просьба: *бузуруслаиское* земство возбудило ходатайство о немедленномъ устройствѣ желѣзной дороги съ цѣлью доставить заработки нуждающемуся населенію. Въ *саратовскомъ* уѣздѣ, по офенціальному донесенію флигель-адъютанта гр. Голенищева-Кутузова, «населеніе терпитъ еще нужду въ нѣкоторыхъ мѣстахъ». Какъ въ саратовской, такъ и въ другихъ поволжскихъ губерніяхъ все время производится раздача хлѣба «голодающимъ», когда хлѣбъ есть у попечительскихъ комитетовъ. Такъ, напр., «Моск. Тел.» (23 мая) сообщаетъ, что *камышинскій* попечительный о голодающихъ комитетъ принужденъ былъ за недостаткомъ средствъ прекратить свою дѣятельность, но потомъ, благодаря внесеннымъ 9,000 пуд. хлѣба (пожертвованіе г. Михайлова) — опять могъ возобновить ее. *Харьковскій* «Красный Крестъ», «признавая необходимымъ принять участіе въ оказаніи помощи голодающимъ въ губерніи», ходатайствовалъ передъ главнымъ управленіемъ о разрѣшеніи употребить на это запасный капиталъ въ 472 р. (?) и открыть подписку. Въ *Мариуполь* только въ одномъ городѣ 120 семействъ крестьянъ получаютъ хлѣбъ отъ земства. Въ *Петрозаводскѣ*—господствуетъ настоящій голодъ. Случай голодной смерти и голоднаго тифа констатированы также въ деревнѣ *Семеновкѣ* (орловской губ.). Вообще *карачевскій* уѣздъ орл. губ. крайне бѣдствуетъ. Наибольше зажиточные крестьяне питаются смѣсью изъ $\frac{1}{3}$ ржаной муки и $\frac{2}{3}$ жмыховъ, картофеля и мякны. Другіе ѣдятъ только картофель и жмыхи или питаются ужъ буквально чѣмъ попало. Въ дерев-

няхъ *Липовкѣ*, *Осиновкѣ*, *Сергіевскомѣ* и *Пріютовѣ* голодный типъ замѣчается, хотя и не въ такихъ острыхъ формахъ, какъ въ *Семеновкѣ*. О страшной эпидеміи голоднаго тифа сообщаютъ также съ Рынь Песковъ *астраханской губ.* Ужасныя картины голода рисуетъ корреспондентъ изъ *мензелинскаго у.* уфимской губ. Въ деревнѣ *Мусомовѣ* было уже нѣсколько случаевъ голодной смерти. Продовольственная ссуда выдается здѣсь по 2 р. на весь годъ, и то лишь дѣтямъ 5—17 лѣтъ и старикамъ свыше 60 лѣтъ. Вспомнивши цѣны на хлѣбъ, легко понять всю ничтожность такой помощи. Корреспондентъ рисуетъ страшныя сцены голода: «Входите вы въ хижину—въ темномъ углу лежитъ какая-то куча, прикрытая лохмотьями. Вы раскрываете лохмотья—и вамъ представляется трое, четверо, пятеро дѣтей, прижавшихся плотно другъ къ другу, и дико озирающихся на васъ. Между этими несчастными есть до такой степени худые и изможденные, что вотъ-вотъ кажется на вашихъ глазахъ и умереть... Вы подаете кусокъ хлѣба... кто-нибудь изъ нихъ быстро хватаетъ и въ то-же время злобно смотритъ на другихъ, какъ-бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не выхватилъ у него сокровища изъ рукъ»... Нѣкоторые уже «разучились ѣсть», т. е. ослабѣли до того, что не въ силахъ жевать. И такія картины—не исключеніе, а вездѣ, въ каждой избѣ. Въ Киргизской степи еще съ зимы началась большая нужда. Мѣстная администрація еще въ февралѣ ходатайствовала о выдачѣ киргизамъ ссуды въ 221,000 р., такъ-какъ безъ этого пособія 53,000 киргизамъ угрожаетъ голодная смерть. Ссуда была немедленно выдана, но легко понять, что 4 рубля на человѣка въ теченіи 4—5 мѣсяцевъ не составляютъ многого. Поэтому, въ настоящее время смертность среди киргизъ страшно возрастаетъ. Въ городѣ за милостыней приходятъ лишь тѣ, кто имѣетъ все-таки нѣкоторыя средства, и наиболѣе страшная участь постигаетъ именно тѣхъ, кто не въ состояніи даже выбраться изъ своихъ ауловъ. Въ *Оренбургѣ* киргизы голодные и оборванные цѣлый день выпрашиваютъ милостыню подъ окнами. Они выучились креститься по-русски и просятъ «Христа ради». Въ восточныхъ уѣздахъ *смоленской губ.* жители ѣдятъ также разные суррогаты, вродѣ жмыховъ, а по свѣденіямъ «Недѣли» уже и теперь есть семьи, которыя не ѣдятъ ничего по нѣсколькимъ дней. Изъ *ярославской губ.* сообщаютъ о совершенномъ истощеніи хлѣбныхъ запасовъ, которые разобраны крестьянами (у земства) «до зерна». Въ *владимірской губ.* «наголодавшійся людъ» нетерпѣливо ждетъ жатвы. Изъ *архангельской губ.* сообщаютъ о множествѣ нищихъ; недавняя *шенкурская* ярмарка продолжалась вмѣсто недѣли—три дня и вообще была крайне плоха; въ

Холмогорскъ привозъ, сравнительно съ 1879 г. былъ на 39% меньше, а сбытъ меньше на 15%: это ярмарки крестьянскія, и упадокъ ихъ прямо указываетъ на пустоту мужицкаго кармана. О множествѣ нищихъ, совершенно здоровыхъ, сообщаютъ изъ *дмитровскаго* у. московской губ.; причина нищенства одна: «хлѣбушка нѣтъ, дѣтей кормить нечѣмъ». Такія свѣденія — въ болѣе или менѣе яркихъ краскахъ идутъ со всѣхъ концовъ Россіи и рисуютъ положеніе крестьянина въ самомъ бѣдственномъ видѣ. На это указываетъ множество другихъ фактовъ. Такъ, напр., изъ *минской* губ. сообщаютъ о частыхъ случаяхъ весьма своеобразныхъ кражъ: воруютъ исключительно хлѣбъ, и все крестьяне. (Моск. Тел. 16 іюня). Несравненно многознаменательнѣе фактъ крестьянской эмиграціи, принимающей широкіе размѣры. При отсутствіи точной, и даже хоть какой-бы то ни было статистики переселеній, мы, разумѣется, лишены возможности оцѣнить этотъ фактъ въ должной степени. Газетныя извѣстія могутъ лишь констатировать его. Изъ *Рязани*, напр., пишутъ: «Въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль мы находимся свидѣтелями небывалаго переселенія. Земледѣльцы-работники тянутся по нашему городу огромными партіями со своимъ жалкимъ багажомъ и разнаго возраста дѣтьми. Отъ 50 до 200 семей ежедневно переселяются изъ уѣздовъ *раненбургскаго, данковскаго, лебедянскаго* и частью *горьевскаго*» («Русск. Кур.» 20 мая). Черезъ *Пензу* не перестаютъ двигаться обозы переселенцевъ. На двякъ прослѣдовала партія крестьянъ изъ *орловской* губ. въ *оренбургскую*. Крестьяне, по ихъ словамъ, ѣдутъ на удачу. «Не будетъ мѣста въ *оренбургской*, пройдемъ въ *Томскъ*», говорятъ они. («Моск. Тел.» 1 іюня, изъ «*Пензенск. Губ. Вѣд.*»). Изъ *зміевскаго* уѣзда въ «Южный Край» сообщаютъ, что многіе изъ тамошнихъ крестьянъ порѣшили нынѣшнею осенью переселиться на *Кубань* («Моск. Вѣд.» 21 мая). Въ «*Моск. Телеграфъ*» (23 мая) пишутъ изъ *Ельца*, что черезъ городъ тянутся ежедневно грамадные обозы крестьянъ-переселенцевъ *курской, тульской* и *смоленской* губерній — на востокъ. На вопросъ, будетъ-ли лучше на новыхъ земляхъ, они отвѣчаютъ: «вѣдь и тутъ-то дошло до того, что хоть умирай». Черезъ *Саратовъ* проходитъ все больше крестьянскихъ партій, но преимущественно изъ *воронежской* губ., направляясь въ Зап. Сибирь («Моск. Тел.» 1 іюня). Тѣ-же свѣденія сообщаетъ «*Саратовскій Листокъ*». Корреспондентъ «*Голоса*» сообщаетъ, что эти переселенцы крайне бѣдны: лошади плохи, никакого домашняго скарба не видно, нѣтъ, въ противоположность съ прошлогодними, ни коровъ, ни козъ, ни даже собакъ. «Слѣдуетъ, кажется, заключить, думаетъ онъ, что за годъ времени крестьяне внутрен-

нихъ губерній еще болѣе обѣдѣли». «Порядокъ» сообщаетъ о многочисленныхъ переселеніяхъ изъ *раненбургскаго, скопинскаго и данковскаго* уѣздовъ. Не думаютъ уѣзжать развѣ только тѣ, кто ужь очень бѣденъ, и кому не съ чѣмъ подняться. «Моск. Вѣд.» сообщаютъ о партіи переселенцевъ изъ *полтавской* губерніи, направлявшихся на Амуръ, по вызову тамошней администраціи, но по ея-же небрежности застрявшихъ въ Москвѣ *). «Голосъ» сообщаетъ о переселенцахъ изъ *тамбовской* губ.; «Русск. Вѣд.» (9 іюня)—изъ *пермской* и т. д. Вообще переселенія приняли чрезвычайные размѣры. Причина - же ихъ, по всѣмъ извѣстіямъ—нужда, малоземелье, высокія аренды и, наконецъ, разнаго рода стѣсненія со стороны низшихъ властей (см., напр., рязанскія корреспонденціи «Порядка» или саратовскія «Голоса»).

Такимъ образомъ, положеніе крестьянской массы представляется въ общей сложности очень напряженнымъ, и если неурожай всегда составляетъ общественное бѣдствіе, то въ настоящемъ году,—для того, чтобы дать населенію возможность отдохнуть, собраться съ силами, поправиться—нуженъ очень хорошій урожай.

Ранняя весна настоящаго года, казалось, и давала надежду именно на такой урожай. Первоначальныя условія для роста хлѣбовъ, вообще говоря, были чрезвычайно благоприятны, а особливо въ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Начиная съ *волинской* губ., черезъ *херсонскую, екатеринославскую, черниговскую, полтавскую* и черезъ среднія земледѣльческія губерніи—до Поволжья—получились самыя отрадныя извѣстія. Въ *орловской* губ. благоприятная весна замѣчалась въ *елецкомъ* и другихъ хлѣбородныхъ уѣздахъ, неблагоприятная - же въ *брянскомъ* и другихъ, наимѣющихъ особаго значенія, уѣздахъ. Также хороши всходы были по *тамбовской* и *воронежской* губ. Въ *сибирской* губ., по собраннымъ къ 1 мая свѣденіямъ, изъ числа болѣе 100 волостей, въ 7 всходы озимыхъ очень хороши, въ 58 хорошіе, въ 17 удовлетворительные и только въ 19 посредственные. *Самарская* губ. не имѣла особыхъ видовъ на урожай, исключая *новоузенскаго* у., гдѣ, по оффиціальному донесенію фл. ад. Кладищева, весна была, напротивъ, превосходна. Но зато *саратовская* губ. ожидала превосходнаго урожая. «Есть основанія, пишутъ оттуда «Русск. Вѣд.» (20 мая), ожидать, что урожай у насъ будетъ въ

*) Моск. генераль губернаторъ съ тѣхъ поръ уже публиковалъ, что этимъ крестьянамъ оказано пособіе для дальнѣйшаго путешествія; пособіе оказано какъ мѣстной администраціей, такъ и публикой.

нынѣшнемъ году отъѣнный, небывалый уже нѣсколько десятковъ лѣтъ». Такія надежды были особенно по *камышинскому, петровскому и кузнецкому* уѣздамъ. Изъ *Дубовки* получались самыя благопріятныя вѣсти. Изъ *Царева* въ «Русск. Вѣд.» пишутъ, что столь благопріятной для посѣва весны, какъ нынѣшняя, не запомнятъ мѣстные старожилы»; хороша была ранняя, только ужь слишкомъ ранняя, весна въ *Оренбургѣ*. Въ южныхъ губерніяхъ весна была не менѣе благопріятна. Нехорошія условія замѣчались, наоборотъ, въ нехлѣбородной полосѣ, въ *казанской, вятской, костромской, московской, новгородской*, по всей сѣверо-западной Россіи, въ *Лифляндіи*, наконецъ, по *Царству Польскому*. Въ общемъ итогъ можно было ожидать недостатка хлѣба въ сѣверной, сѣверо-западной и отчасти центральной Россіи, но этотъ дефицитъ, можно было надѣяться, покроется при блистательномъ урожаѣ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Какъ общее правило, можно замѣтить, что въ восточной, сѣверной и западной частяхъ Россіи холода сопровождались *засухой*, на югѣ, наоборотъ,—*чрезмѣрными дождями*. Что касается града и бурь, то они повсюду составляли нерѣдкое явленіе и причинили много вреда. Эти неблагопріятныя условія, почти безъ исключенія повсюду—повредили первоначально хорошимъ всходамъ, а во многихъ мѣстахъ сдѣлали иллюзіей всякую надежду на урожай. Мѣстности, въ которыхъ замѣчается обратное явленіе, т. е. плохіе всходы, поправленные впоследствии хорошею погодою—составляютъ вообще рѣдкое исключеніе. Въ настоящее время еще совершенно невозможно подвести точные итоги, а потому я сдѣлаю только краткій обзоръ различныхъ мѣстностей, руководствуясь какъ данными департамента земледѣлія, такъ и газетными сообщеніями.

Въ *казанской* губерніи май былъ очень неблагопріятенъ какъ для озимыхъ, такъ и для яровыхъ хлѣбовъ. Погода стояла холодная и сухая съ сильными сѣверо-восточными вѣтрами, такъ что «виды на урожай по всей губерніи далеко не утѣшительны». Такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ департаментъ земледѣлія и торговли. Упомянутыя просьбы тетюшскаго и царевко-кошайскаго земствъ мотивируются тѣмъ, что хлѣба тамъ *совершенно* погибли отъ засухи и морозовъ. Частныя корреспонденціи изъ *Билярска, Чистополя* и пр. вполне подтверждаютъ фактъ несомнѣннаго неурожая по губерніи. Такіе-же морозы и засуха замѣчались по всей *вятской* губерніи. Въ *Вяткѣ* съ 9 по 24 мая почти непрерывно дулъ сѣверный вѣтеръ, почти ежедневно сопровождаемый морозомъ, градомъ и снѣгомъ. Рожь и даже трава пожелтѣли. Картофель и овощи померзли. Тѣмъ

не менѣе департаментъ земледѣлія и торговли не отчаивается въ урожай *вятскаго* уѣзда. Точно также онъ надѣется на сносный урожай въ уѣздахъ *яранскомъ*, *нолинскомъ*, а въ *малмыжскомъ* признаетъ озими даже «весьма удовлетворительными». Въ *слободскомъ* уѣздѣ, по низамъ, хлѣба, по свѣденіямъ департамента,—удовлетворительны, но на мѣстахъ возвышенныхъ «неудовлетворительны»; по крайней-мѣрѣ, крестьяне ихъ предпочли перепахать подъ другой хлѣбъ. Но въ остальныхъ уѣздахъ: *орловскомъ*, *котельническомъ*, *уржумскомъ*, *елабужскомъ*, *саранульскомъ* и *глазовскомъ*, по свѣденіямъ департамента земледѣлія и торговли, виды на урожай неудовлетворительны, т. е. озими повымерзли, перепахали подъ яровое или-же всходы очень ужъ жидки, или ростъ ихъ задержался. О судьбѣ яровыхъ по этимъ свѣденіямъ еще нельзя судить, но погода для ихъ роста вообще была неблагоприятна. Засухи и морозы были и по *вологодской* губерніи. Полагаютъ, что погибло 25% ржи, но всходы яровыхъ хороши. Такіе-же холода и бездождіе въ *пермской* губерніи; хлѣба сильно пострадали, но, по свѣденіямъ департамента, подають надежду на исправленіе. Въ *костромской* губерніи холоды и засуха; урожай озимыхъ ожидается посредственный, въ *кологривскомъ* уѣздѣ нѣтъ надежды даже на возвратъ сѣмянъ; яровые посѣяны, по случаю холодовъ, поздно, ранніе-же посѣвы очень плохи. Въ *нижегородской* губ. первоначально хорошіе всходы были сильно испорчены засухой и морозами (съ 1/2 мая), доходившими до 5°, такъ-что можно было ждать полнаго неурожая, но затѣмъ погода настолько поправилась, что теперь мѣстами ожидается урожай удовлетворительный; наиболѣе пострадали уѣзды *васильсурскій*, *княгининскій*, *сергачскій* и *арзамасскій*. Неутѣшительны виды и по *ярославской* губерніи. Майскіе холода сильно попортили озими, но яровые послѣ дождей въ концѣ мая значительно поправились. 26 мая въ г. *Мышкинѣ* была страшная гроза съ градомъ въ куриное яйцо; огороды и посѣвы совершенно побиты («Новости»). Во *владимірской* губ., при такомъ-же характерѣ погоды, она была болѣе благоприятна, и тамъ ждуть урожая «лучше прошлогодняго». По *московской* губ. всходы повсемѣстно пострадали отъ холодовъ и бездождія, яровые-же задержаны неблагоприятной весной; вообще виды на урожай «не вездѣ удовлетворительны», особенно въ *волоколамскомъ*, *серпуховскомъ* и *коломенскомъ* уѣздахъ (свѣденія департамента). «Русск. Вѣд.» сообщаютъ, что холода повліяли неблагоприятно на хлѣба въ *верейскомъ* уѣздѣ. Въ *тульской* губ., несмотря на майскіе засухи и холода, озими хороши, исключая уѣздовъ *красивенскаго*, *одоевского* и *алексинскаго*; яровые-же

хотя и замедлились въ ростѣ, но густы. Въ *рязанской* губ. яровые испорчены морозомъ (засуха и холодъ отъ 15 до 21 мая) настолько, что мѣстами пересѣяны гречихой; урожаи озимыхъ ожидается хороши; сады и огороды мѣстами (какъ въ *Покровскомъ-Шишкинѣ*) совершенно побиты морозомъ. Въ *пензенской* губерніи, также страдавшей отъ морозовъ въ срединѣ мая, урожаи ржи ожидается выше средняго (свѣденія департамента); яровые ожидаются тоже хороши; что касается проса, гороха, овса, конопли, то они настолько повреждены морозами, что мѣстами произведены пересѣвы; о силѣ холодовъ можно судить по тому, что овцы, уже остриженные, погибали десятками и сотнями; такъ, въ *мачинской* волости у крестьянъ погибло ихъ 400 штукъ. Были свѣденія о вредныхъ градахъ; по официальнымъ даннымъ убытки отъ градобитія исчисляются: въ уѣздѣ *саранскомъ* побито 3,205 дес., на сумму 77,645 руб., въ *городищенскомъ*—780 дес., на сумму 115,000 руб., въ *нижне-ломовскомъ*—350 дес. на 10,500 р., въ *наровчатскомъ*—1,901 дес., на сумму 58,100 руб., въ *инсарскомъ*—1,810 дес., на 65,845 руб., въ *мошанскомъ*—673 дес. на 20,850 р., въ *пензенскомъ*-же убытки не приведены въ извѣстность. Такимъ образомъ, убытки отъ градобитія только доходятъ по губерніи до 300,000 руб. *). Въ *тамбовской* губерніи, по свѣденіямъ департамента земледѣлія и торговли, виды на урожай озимей очень хороши, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они попорчены червемъ, въ другихъ—морозами, въ третьихъ—опасаются легковѣснаго зерна, въ четвертыхъ—ростъ хлѣбовъ задержанъ. Частныя свѣденія сообщаютъ, что морозъ 18 мая испортилъ въ *Моршанскѣ* не только огороды и сады, но также и хлѣба, такъ-что надежды на хорошии урожай исчезли. Изъ уѣздовъ *козловскаго* и *лебедянскаго* сообщалось о страшномъ градѣ, выбившемъ 1,139 дес. крестьянскихъ озимей; градъ былъ въ голубиное яйцо. Въ *симбирской* губерніи майскіе морозы причинили большія потери; рожь мѣстами погибла на 50%; горохъ, чечевица, овесъ, конопли мѣстами совсѣмъ пропали и запахиваются подъ просо. Такимъ образомъ, первоначальныя надежды на хорошии урожай замѣнялись уже опасеніемъ полнаго неурожая, но въ концѣ мая погода поправилась, и теперь надѣются, что урожай будетъ средній, и лишь мѣстами ниже средняго (свѣденія департамента земледѣлія и торговли). О градѣ сообщали изъ села *Репьевки*, гдѣ онъ

*) Нужно замѣтить, что точнаго исчисленія убытковъ отъ градобитія по всѣмъ другимъ губерніямъ нѣтъ, такъ-что отдѣльные случаи, приводимые въ газетахъ, составляютъ не больше, какъ *примѣръ*.

27 апрѣля повредилъ 110 дес. ржи. Относительно *орловской* губ. частныя свѣденія нѣсколько расходятся съ оффиціальными. Прежде всего по губерніи повторилось общее явленіе, т. е. ранняя весна была превосходна и всходы обѣщали многое; затѣмъ майскіе холода и засухи болѣе или менѣе разрушаютъ надежды. Что-же касается настоящаго момента, то свѣденія департамента земледѣлія и торговли утверждаютъ, что озимые и яровые хлѣба вездѣ по губерніи очень хороши, кромѣ трубчевскаго уѣзда, овесъ-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пожелтѣлъ и захирѣлъ. «Моск. Телегр.» (9 іюня) сообщаетъ, что «ростъ хлѣбовъ былъ задержанъ, такъ-что на улучшение можно надѣяться только въ случаѣ особенно благопріятной погоды» (исключая елецкаго уѣзда); овсы-же вообще плохи. Свѣденія «Моск. Телегр.», повидимому, болѣе позднія, чѣмъ департамента. Во всякомъ случаѣ, орловская губернія, впрочемъ, и въ нынѣшнемъ году окажется въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ болѣшинство другихъ. *Смоленская* губернія наоборотъ. Засуха уничтожила тамъ всѣ надежды на урожай. По свѣденіямъ «Моск. Вѣд.» (31 мая), тамъ «дождя не было съ пасхи, въ поляхъ такая засуха, что земля трескается. Рожь хорошими всходами повсемѣстно давала надежду на хорошій урожай, но теперь его можно считать сомнительнымъ, и если дальше продолжится засуха, то будетъ положительный неурожай». По свѣденіямъ «Порядка», погибаетъ не только рожь, но и яровые. По свѣденіямъ департамента земледѣлія и торговли озими вообще «посредственны», а въ порѣчскомъ и смоленскомъ уѣздахъ даже «плохи», яровые «идутъ туго». Въ *тверской* губерніи холодъ и засуха вредно отозвались на озимяхъ и задержали яровые (свѣденія департамента). Вообще озими «не вполне удовлетворительны», яровые-же еще «не опредѣлились». Въ *новгородской* губ. «въ общемъ ожидаютъ неудовлетворительнаго урожая» (свѣденія департамента). Такая же сушь и холодъ въ *псковской* губ., гдѣ еще отъ вымочки погибло отъ 10 до 50% озимей (уѣзды торопецкій и порховскій), и надежды на урожай «довольно слабы» (свѣденія департамента земледѣлія и торговли). Въ *с.-петербургской* губ. озими «неблагопріятны», яровые «не опредѣлились» (свѣденія департамента). Въ *олонецкой* губ., по тѣмъ-же свѣденіямъ, виды на урожай не опредѣлились, но холодъ и бездождіе все время вліяли неблагопріятно на посѣвы, задерживали ихъ и ихъ ростъ, словомъ—подготовляли почву для неурожая. Неблизкательны виды и по *остзейскому* краю, и по *Литвѣ*. Сушь и холода были здѣсь повсемѣстно. Въ *Лифляндіи* урожай озимыхъ ожидается не выше посредственнаго, яровые-же попорчены. То-же самое въ *Кур-*

ляндии. Въ *эстляндской*-же губерніи хлѣба мѣстами хороши, мѣстами плохи. Изъ *Вильно* пишутъ (30 мая), что старожилы не запомнятъ такой плохой весны. Изъ-дня въ день гудитъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, дождей нѣтъ; «если не перепадутъ въ самомъ скоромъ времени дожди, край постигнетъ страшное бѣдствіе» («Порядокъ»). Свѣденія департамента земледѣлія и торговли подтверждаютъ это: озими повсемѣстно пострадали, яровые—ранніе испорчены засухой, поздніе не всходятъ отъ той-же причины. Вообще виды на урожай неудовлетворительны. Въ *гродненской* губ. какъ озимые, такъ и яровые хлѣба въ дурномъ состояніи: всходы были хороши, но испорчены холодами и засухой. Газеты отмѣчаютъ 26 апрѣля сильную бурю въ нововодолгской волости, съ градомъ, сильно попортившую поля. Въ *ковенской* губ. озими почти вездѣ неудовлетворительны, а мѣстами совершенно погибли; яровые—ранніе, задержались во всходахъ, поздніе-же только всходятъ; тѣмъ не менѣ здѣсь все-таки болѣе надеждъ, такъ-какъ въ концѣ мая засуха прекратилась (свѣденія департамента земледѣлія и торговли). Въ *витебской* губ. едва-ли возможны надежды: холодъ и полное отсутствіе дождей съ таянія снѣговъ до конца мая совершенно испортили озими; урожай ожидается плохой и лишь мѣстами удовлетворительный; яровые ранніе очень плохи, а посѣвъ другихъ яровыхъ задержался не только до конца мая, а даже до начала іюня. Въ *могилевской* губ. озимые посѣвы почти совсѣмъ погибли, такъ-что виды на урожай весьма неблагоприятны, исключая оршанскаго и быховскаго уѣздовъ; яровые-же, можно надѣяться, будутъ хороши, такъ-какъ въ концѣ мая засуха прекратилась (свѣденія департамента). По *минской* губерніи неудовлетворительны какъ озими, такъ и яровые; погода всю весну стояла холодная, сухая, съ сильными вѣтрами и бурями. Засуха и холодъ отразились крайне плохо на хлѣбахъ по всему *Царству Польскому*. Въ Варшавѣ еще въ началѣ іюня стояла такая холодная погода, какой не запомнятъ старожилы; ласточки и другія нѣжныя птицы замерзали массами. По оффиціально собраннымъ свѣденіямъ въ *кѣлецкой* губ., вслѣдствіе холодовъ, яровые посѣяны поздно, а отъ холода и засухи пострадали озими и огороды; въ *радомской* губ. отъ тѣхъ-же причинъ неудовлетворительны хлѣба и травы. Въ *люблинской* губерніи, исключая 4 уѣздовъ, хлѣба вообще плохи. Въ *сѣдлецкой* губ., по свѣденіямъ департамента земледѣлія и торговли, озими хороши, но яровые плохи. Изъ *Петрокова* «Моск. Телегр.» сообщаютъ, что во многихъ мѣстностяхъ Царства выпадалъ крупный градъ, произведшій на поляхъ большія опустошенія.

Такимъ образомъ, вся разсмотрѣнная полоса, за немногими исключеніями, ожидаетъ или вовсе неурожая, или-же урожая посредственнаго. Юго-западный край находится въ лучшемъ положеніи. Въ *киевской* губ. урожай, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ, ожидается хорошій (свѣд. деп.). Въ *подольской* губ. всходы хлѣбовъ также повсемѣстно удовлетворительны (свѣд. деп.); изъ ольгопольскаго у. «Голосу», однако, сообщали о сильныхъ градахъ, выпавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Что касается *волинской* губ., то яровые, вслѣдствіе засухи, повсемѣстно плохи, озими же удовлетворительны, хотя и сильно пострадали отъ засухи и холодовъ. Въ *черниговской* губ., по свѣденіямъ деп., какъ озимые, такъ и яровые вообще удовлетворительны, но «Моск. Тел.» (18 іюня) сообщаютъ изъ Почепа, что виды на урожай вовсе неутѣшительны; впрочемъ, и по департаментскимъ даннымъ, въ кролевцекомъ уѣздѣ пшеница мѣстами совершенно вымогла. Южная, черноземная полоса вообще отличалась весной холодной и дождливой и частыми грозами. Въ *воронежской* губ. морозы повсемѣстно побили бахчи, повредили сады, кукурузу, просо, гречу. Озими и яровые (по свѣд. деп.) вообще хороши, хотя озими отъ дождей начали полегать и яровые сильно заросли травами. Частныя корреспонденціи сообщаютъ, что въ селѣ Дмитріевѣ (бобр. у.) градъ выбилъ 108 дес. ржи, на сумму 2,700 руб., въ дер. Ольшанки 120 дес. ржи на 1,640 р.; въ уѣздѣ Валуйскомъ 29 апрѣля на большомъ пространствѣ шолъ страшный градъ, лежавшій сугробами болѣе сутокъ; всходы ржи порѣдѣли наполовину, яровые-же буквально вбиты въ землю, цвѣтъ въ садахъ сбитъ, а огороды занесло иломъ и грязью, скотъ погибалъ десятками, такъ-какъ градъ былъ величиною въ голубиное яйцо. Въ губ. *курской*, несмотря на дождливый холодный май, ожидаютъ хорошаго урожая озими; яровые тоже хороши, хотя мѣстами и пострадали (свѣд. деп.). Въ *полтавской* губ., по свѣд. деп., виды на урожай озимыхъ и яровыхъ очень хороши. Такъ-же хороши и озимые и яровые по губ. *екатериновлавской* (свѣдѣнія деп.). Въ *харьковской* губ. много вреда принесли чрезмѣрные дожди. Въ «Моск. Тел.» (9 іюня) сообщаютъ, что около Харькова ежедневно идетъ дождь, ростъ хлѣбовъ останавливается, рожь легла, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣба начинаютъ подгнивать. Въ змиевскомъ уѣздѣ съ 16 по 19 мая при сильномъ холодномъ вѣтрѣ шолъ проливной дождь, окружностью на 100 верстѣ, во многихъ мѣстахъ озими цѣлыми полосами лежатъ на землѣ, сливы и вишни отъ холода совсѣмъ пропали, а груши и яблоки будутъ въ ничтожномъ количествѣ («Южный Край»). Въ Ахтыряхъ 18 мая отъ этихъ холодовъ

погибло 1,400 крестьянских овецъ. Въ богодуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Лютовка градъ съ дождемъ выбилъ (28 апр.) 160 дес. ржи на 5,000 руб. Департаментъ зем. и торг. признаетъ, что сады и бахчи сильно пострадали повсемѣстно, яровые-же задержались въ ростѣ и заглушены сорными травами; но озими въ прекрасномъ видѣ, хотя на пшеницѣ много вымочекъ. Въ *Землѣ Войска Донскаго* весна вообще была хороша, и хлѣба, по свѣд. деп., въ прекрасномъ состояніи. Частныя корреспонденціи сообщаютъ много случаевъ градобитія. Такъ 14 мая въ микѣшинской станицѣ упалъ градъ на 6 верстѣ въ длину и 1 версту шириной, совершенно уничтоживши 75 дес. озими и повредивши 300 десятинъ яровыхъ хлѣбовъ; въ *голубинской* ст. 14—15 мая градъ выбилъ 540 дес. озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Въ губ. *таврической* озимые и яровые находятся въ прекрасномъ состояніи (свѣд. деп.). Въ губерніи *херсонской* холода и проливные дожди, выпадающіе чуть не каждый день, значительно повредили поля и прибили хлѣба. Дожди значительно задержали также сѣнокосъ (до Троицы), хотя травы превосходны. Въ одескомъ и тираспольскомъ уѣздахъ полосами шелъ градъ. Въ *Одессѣ*, 30 мая, шелъ градъ, причинившій много вреда полямъ и садамъ. Подъ *Николаевомъ* и *Аккерманомъ*—также. Яровые во многихъ мѣстахъ прибиты и врядъ-ли поправятся («Моск. Тел.», 9 июня). Въ *Дубосарахъ* градъ 21 мая величиною больше орѣха покрылъ всю землю и повредилъ сады и виноградники. Деп. земл. и торг. находятъ, что рожь находится въ превосходномъ состояніи вездѣ, кромѣ тираспольскаго уѣзда, ростъ-же яровыхъ задержанъ холодами. Что касается *Бессарабіи*, то свѣденія о ней крайне стары и неточны, хотя вообще благоприятны. Съ крайняго юга также сообщаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Терской области льютъ постоянные дожди; населеніе приходитъ просто въ отчаяніе: жалуются на гибель фруктовъ, отвлеченіе силъ отъ работъ, завалы канавъ и пр. («Голосъ»). Въ *Алагирѣ* непрерывные дожди, продолжающіеся съ марта, сокрушаютъ земледѣльцевъ. Дождь размываетъ поля; сады и огороды по той-же причинѣ не обѣщаютъ многого («Моск. Тел.», 4 июня). Кромѣ того, недавно сильный градъ (въ *Алагирѣ*) побилъ много хлѣбовъ, такъ-что ихъ приходится пересѣивать. Градъ былъ настолько силенъ, что насквозь пробивалъ черепичатыя крыши и побилъ много мелкаго скота.

Перейдемъ къ Поволжью и восточнымъ губерніямъ. Общій характеръ неблагоприятныхъ условий, наступившихъ послѣ прекрасной ранней весны, здѣсь выражался, какъ и на сѣверѣ, въ холодахъ и засухѣ. Собственно изъ *самарскаго* уѣзда сообщали,

что съ конца апрѣля до 18 мая тамъ не было дождей, такъ-что явилось серьезное опасеніе за урожай; погода стояла холодная, доходя ночью до 3°, а 21 мая въ окрестностяхъ города шель даже снѣгъ; въ нѣкоторыхъ волостяхъ пришлось перепаживать гречу и яровое; бахчи, огороды, просо пострадали еще болѣе. Дожди, въ концѣ мая, поправили хлѣба. Въ новоузенскомъ у. морозы, въ срединѣ мая, повредили просо, бахчи, а мѣстами и пшеницу. Деп. земл. и торг. сообщаетъ, что хотя погода мѣшала росту хлѣбовъ, но въ большинствѣ уѣздовъ какъ яровые, такъ и озими «удовлетворительны», исключая бугурусланскій у. По губ. *саратовской* морозы причинили еще болѣе вреда. Деп. земл. и торг. признаетъ, что яровые хлѣба вообще пострадали, особенно просо, которое вездѣ пришлось пересѣять, но озими хороши. Частныя извѣстія еще менѣе благопріятны. Такъ, напр., изъ *кузнецкаго* уѣзда (село Старый Чирчимъ) сообщаютъ: «Всѣ наши надежды на полученіе хорошихъ урожаевъ оказываются пустыми иллюзіями». Морозы здѣсь повторялись въ два приѣма. Первый разъ, 1 мая, морозъ побилъ просо. Засѣяли снова, и оно взошло опять хорошо, но 17 мая морозъ снова побилъ просо, пострадали также горохъ, ранняя конопля, овесъ и рожь; 18 и 19 мая пошелъ холодный дождь, окончившійся мѣрнымъ, густымъ снѣгомъ, который придавилъ озими такъ, какъ-будто они укатаны каткомъ. Въ *петровскомъ* уѣздѣ, по свѣденіямъ «Голоса», надежды хозяевъ на урожай исчезли. Горохъ, конопля и просо совершенно вымерзли, а озимые хлѣба во многихъ мѣстахъ вылегли. Въ *Сердобскѣ* сильно пострадали отъ мороза сады, морозы-же 16—17 мая сильно побили овсы, просо, и нѣкоторыя поля прибило такъ, какъ-будто по нимъ прошелъ гуртъ скота. Свѣденія о порчѣ бахчей, огородовъ и т. д. идутъ со всѣхъ концовъ губерніи. По *оренбургской* губерніи погоды въ маѣ стояли ужасныя; засуха началась около 10 мая; въ то-же время температура съ +38° понизилась до +2°; вода замерзала по ночамъ и выпадалъ снѣгъ. Деп. земл. и торг. говоритъ, что хлѣба сильно повреждены, но урожай все-таки ожидается средній, а мѣстами даже хорошій. Частныя корреспонденціи говорятъ, что такая страшная погода сперва возбудила опасенія полного неурожая, но, къ счастью, съ 20-го мая пошелъ дождь, и температура повысилась. «Если это, пишутъ въ «Моск. Тел.», 7-го іюня,—продлится еще съ недѣлю, то урожай можетъ выйти посредственный». Бахчи, разумѣется, попорчены. Огурцы подсаживали три раза. Въ *Уральской* области (Свѣд. деп. з. и т.), морозы мѣстами попортили пшеницу и просо, но въ общемъ урожай ожидается хорошій, особенно озимыхъ хлѣбовъ. Также

благопріятно смотритъ департаментъ и на *уфимскую* губернію, гдѣ только въ бирскомъ у. хлѣба стали портиться отъ бездождія.

Окидывая общимъ взглядомъ все вышесказанное, мы должны признать, что вообще условія погоды были неблагопріятны и повсюду, въ болѣе или менѣе сильной степени, уменьшили шансы на урожай. Посмотримъ теперь на другой рядъ явленій, угрожающихъ сельскому хозяйству. Съ мая мѣсяца выступаютъ на сцену разные жучки, мошки, черви и пр. Весна настоящаго года, несмотря на повсемѣстные заморозки и непогоды, не предохранила насъ, однако, отъ этихъ мелкихъ, но страшныхъ враговъ. Въ настоящее время еще невозможно сказать, насколько велика опасность, угрожающая полямъ отъ насѣкомыхъ и вредныхъ животныхъ. Мы видимъ покамѣстъ только, что извѣстія о нихъ чрезвычайно многочисленны.

Саранча, несмотря на мѣры, принимавшіяся для ея истребленія, съ наступленіемъ тепла начала вылупливаться во многихъ мѣстахъ. Въ *тифлисской* губ. яички обнаружены на очень небольшомъ пространствѣ 7—8 десятинъ, а потому работы по ея истребленію были закончены еще 29-го апрѣля. Но въ другихъ мѣстахъ Закавказья, особенно въ бакинской губ., саранча вылупилась въ громадномъ количествѣ, и работы по истребленію ея ведутся такъ плохо, что она появляется вновь на тѣхъ мѣстахъ, которыя были признаны уже очищенными. Хуже всего, однако, что огромныя массы саранчи вылупливались на персидской территоріи, внѣ всякой возможности нашего воздѣйствія, хотя потомъ, разумѣется, никто не помѣшаетъ саранчѣ переочевать въ наши предѣлы. На Сѣверномъ Кавказѣ саранча также появилась. Въ Терской области уничтоженіе ея, повидимому, велось недостаточно энергично, такъ-какъ началось лишь 15-го мая, хотя вылупливаніе саранчи пошло еще съ 25-го апрѣля, и кромѣ того, по газетнымъ свѣденіямъ, продолжалось еще и въ концѣ мая. Саранча появилась также въ разныхъ мѣстахъ *старапольской* губ. и въ *кубанской* области, близъ ст. Тихорѣцкой. На востокъ саранча обнаружена въ царевскомъ уѣздѣ *астраханской* губ., а также въ уральскомъ и калмыковскомъ уѣздахъ *Уральскаго Войска*: для уничтоженія ея войсковымъ начальствомъ приказано пасти барановъ на хлѣбахъ и давить саранчу катками и телѣгами, а въ мѣстахъ, гдѣ саранчи отродилось особенно много, жители сожигаютъ траву. На *Дону* саранча появилась на протяженіи 7-ми верстъ близъ станицъ Николаевской, Раздорской и пр.; истребленіе идетъ вяло, а мѣстами оно и невозможно, такъ, напр., въ Раздорской, гдѣ саранча залегла по виноградникамъ. Въ *екатеринославской* губ. она появилась

въ славяносербскомъ уѣздѣ и въ ростовскомъ; въ послѣднемъ яички заложены на огромномъ пространствѣ 3,000 десятинъ. Въ харьковской губ. саранча обнаружена въ изюмскомъ и особенно большое количество въ славянскомъ уѣздѣ. Несмотря на успокоительныя извѣстія о ея полномъ или почти полномъ истребленіи, правительство все-таки ассигновало уже послѣ этихъ извѣстій 100,000 руб. на истребленіе саранчи, да и харьковское земство возбудило ходатайство о томъ, чтобы истребленіе это было признано общегосударственнымъ дѣломъ. Въ газетахъ были извѣстія еще о появленіи саранчи въ *даниловскомъ* уѣздѣ (ярославской губ.) и въ *Нижнемъ-Новгородѣ*: это, очевидно, ошибка, и относительно Нижняго уже доказано, что пролетѣвшія насекомыя были не саранча, а кузнечикъ.

Близкій родичъ саранчи—*кобылка* причинила этой весной огромныя опустошенія въ *оренбургской* губ. Она уничтожаетъ не только хлѣбъ, но даже траву и кусты, и такъ чисто убираетъ, что остается одна голая земля. Страшные морозы, бывшіе по губерніи, не сдѣлали, однако, вреда кобылкѣ, какъ надѣялись мѣстные жители.

Гессенская муха также показала въ многимъ мѣстахъ. Оказывается, между прочимъ, что позднія запашки, рекомендованныя пр. Линдеманомъ и такъ опрометчиво введенныя орловскимъ земствомъ, какъ обязательная мѣра—ничуть не помогаютъ. Въ *орловской* губ. гессенская муха причиняетъ большія опустошенія именно въ усердномъ елецкомъ уѣздѣ, а въ меньшей степени показала еще въ четырехъ уѣздахъ. А между тѣмъ въ *трубчевскомъ* уѣздѣ отъ поздней запашки погибли всѣ озими. Въ большомъ количествѣ она появилась и дѣлаетъ много опустошеній въ губ. *воронежской*, уѣзды павлоградскій и острогожскій, въ *симбирской* губ., сызранскій уѣздъ, и въ *пензенской* губ. уѣзды наровчатскій и саранскій. Въ меньшихъ количествахъ по уѣздамъ воронежскому, землянскому, нижнедѣвицкому, въ двухъ уѣздахъ *тамбовской* губ, въ переяславскомъ, кобелянскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ, *полтавской* губ., въ *саратовской* губ. (два уѣзда), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *рязанской* губ.; наконецъ, появилась и погибла отъ непогоды муха въ ефремовскомъ уѣздѣ, и въ *харьковской* губ. лебединскомъ и богодуховскомъ уѣздахъ.

Хлѣбный жукъ, кузка, повидимому, не угрожаетъ особыми опустошеніями; тѣмъ не менѣе онъ также показался. Энтомологическая комиссія при одесской земской управѣ преприняла рядъ послѣдованій, съ цѣлью опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ можно ждать появленія жука. Оказалось, что личинки двухгодовые

(которые должны теперь превратиться въ жучка) немногочисленны въ одесскомъ и херсонскомъ уѣздахъ, но въ *аманьевскомъ* ихъ очень много. Первые извѣстiя о появленiи жучка явились, однако, съ *Сухою Лимама*, а затѣмъ были вообще по *одесскому уѣзду* *). По *екатеринославской* губ. жучокъ уже отродился въ *павлоградскомъ* и *александровскомъ* уѣздахъ, затѣмъ въ *Блгородѣ* курской губ., въ *Славянскѣ* (харьковской губ.), а въ *изюмскомъ* уѣздѣ онъ отродился большими массами. Небольшия количества жучка обнаружены въ *таврической* губ., въ *кумянскомъ* уѣздѣ харьковской губ. и въ *сызранскомъ* уѣздѣ симбирской губ.

Недавно опубликованныя въ «Прав. Вѣст.» (въ одномъ изъ №№ 126—130) официальные данныя могутъ наглядно познакомить читателей съ тѣмъ, что такое кузка, если онъ появляется большими массами. Въ прошломъ году въ *полтавской* губ. изъ общаго количества 1.726,630 дес., пахатной земли жукъ занялъ 531,404 дес., т. е. свыше 30%! На уничтоженiе его было согнано 105,605 человекъ рабочихъ и полурабочихъ, затрачено 118,356 рабочихъ дней, и все-таки успѣли очистить менѣе 112,000 дес. Нетрудно видѣть, что этотъ грозный врагъ способенъ опустошить цѣлыя губернiи, и въ настоящее время южные хозяева уже заняты обсужденiемъ мѣръ къ его уничтоженiю, хотя можно надѣяться, что серьезно считаться съ жучкомъ придется только херсонской, екатеринославской и харьковской губернiямъ.

Третiй врагъ хлѣбовъ—*овражки* или *суслики*—завлѣкаютъ себя также во многихъ мѣстахъ. Въ *самарской* губ. они, по свѣд. деп. зем. и т., замѣчаются въ меньшемъ противъ прошлогодняго количества. Но въ *саратовской* размножились чрезвычайно. Изъ *Дубовки* въ газеты пишутъ, что въ этомъ размноженiи виноваты сами крестьяне, усердно занимающiеся охотой на *хора*, который уничтожаетъ сусликовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *оренбургской* губ. суслики также угрожаютъ полямъ. По свѣд. деп. зем. и т., суслики въ особенно увеличившемся числѣ появились въ *новомосковскомъ*, *верхнедѣпровскомъ* и *ростовскомъ* уѣздахъ *екатеринославской* губ., а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *харьковской* губ. Газетныя извѣстiя къ такимъ мѣстностямъ причисляютъ сверхъ того и *Область Войска Донскаго*.

Множество другихъ животныхъ, менѣе важныхъ, менѣе извѣстныхъ, иногда и вовсе неслыханныхъ, опустошаютъ поля разныхъ мѣстностей; перечислить ихъ едва-ли возможно. Есть,

*) Извѣстiя отъ 16 iюня.

напр., извѣстія о *яровомъ* червѣ и объ *озимомъ*: первый мѣстами сильно портитъ хлѣба, напр., въ самарской губ., усть-медвѣдичкомъ окр. на Дону (не много впрочемъ); второй портитъ озми въ тамбовской, въ курской губ., въ острогожскомъ и коротоякскомъ уѣздахъ воронежской губ. и т. д. Упоминается о какомъ-то червѣ на хлѣбахъ въ городищенскомъ уѣздѣ пензенской губ. въ бирючскомъ уѣздѣ воронежской губ.: хлѣбъ отъ него засыхаетъ; въ ольшанской, напр., волости имъ занято до 500 дес. и т. д. Въ Бессарабіи большія опустошенія производитъ *майскій жучокъ*; на табакѣ появился какой-то неизвѣстный микроскопическій *паучокъ* (оргѣвскій уѣздъ). Въ Аткарскѣ ржаные посѣвы уничтожаются какимъ-то новымъ, еще неизвѣстнымъ насѣкомымъ. По всей саратовской губ. черви жестоко истребляютъ лѣса: зазелѣнѣвшіе, было, лѣса снова чернѣютъ и наполняютъ воздухъ зловоніемъ. Эта исторія повторяется уже нѣсколько лѣтъ, но въ настоящемъ году черви развились особенно сильно. Мѣстные жители опасаются, что лѣтъ черезъ 10—15 черви окончательно засушатъ лучшіе лѣса. Въ *Романовѣ*, ярославской губ., огородники опечалены появленіемъ какой-то невиданной мошки, истребляющей разсаду. Въ кашинскомъ уѣздѣ тверской губ. также жалуются на какого-то червя. Въ *Ахтыркахъ* гусеницы настолько опустошили сады, что объ урожаѣ фруктовъ никто не помышляетъ. То-же самое слышится изъ *Пинска*. Сады курской и пензенской губ. опустошаются червемъ. Въ екатеринославской губ. распространяется какой-то жучокъ, живущій внутри житнаго колоса. Въ изюмскомъ уѣздѣ появились чрезвычайно мелкія мошки, наносящія много вреда скоту: бывали случаи болѣзней и падежа рогатаго скота отъ этого насѣкомаго. Огороды опустошаются червемъ повсюду. Наконецъ, *филоксера* продолжаетъ озабочивать винодѣловъ, а кромѣ ея появился на виноградѣ еще какой-то *фитонусъ*. Всю эту весну производятся по Крыму осмотръ и дезинфекція виноградниковъ; надѣются, что къ 1 іюня всѣ виноградники будутъ уже изслѣдованы. Между тѣмъ въ Бессарабіи обнаружилась какая-то болѣзнь винограда, имѣющая много вѣшнихъ признаковъ зараженія филлоксерой, хотя осмотръ до сихъ поръ не обнаружилъ присутствія послѣдней на больныхъ кустахъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ Одессѣ готовится сѣздъ садовладѣльцевъ для обсужденія мѣропріятій противъ филлоксеры.

Я до сихъ поръ не коснулся еще очень важнаго обстоятельства или, лучше сказать, дѣлаго ряда обстоятельствъ, которые происходятъ отъ причинъ и условій общественнаго характера. Сюда должно отнести такія явленія, какъ *уменьшеніе запашки*,

недостатокъ или дурное качество сѣмянъ, запродажу урожая или своего труда или земли разнымъ спекулянтамъ и т. д. Нетрудно видѣть, что какъ-бы ни была благопріятна погода, но если губернія не засѣяна, то у ней не будетъ и хлѣба; если засѣяна негодными сѣмянами, то опять ничего не будетъ; наконецъ, запродажа урожая, хотя, разумѣется, менѣе вредна для страны вообще, но для крестьянина, въ частности, можетъ имѣть совершенно такое-же значеніе, какъ полный неурожай. Между тѣмъ въ газетныхъ сообщеніяхъ попадается много указаній на то, что всѣ подобныя явленія имѣли свое мѣсто въ нынѣшнемъ году. Изъ екатеринославской губ. сообщаютъ, напр., что весна очень хороша, «но, въ сожалѣнію, какъ крестьяне, такъ и крупные землевладѣльцы значительно уменьшили свои посѣвы противъ прежнихъ лѣтъ» (Русск. Вѣд.), 20-го мая). Та-же жалоба встрѣчается въ «Сар. Дневн.»: весна хороша, но «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осталось много свободной незасѣянной земли, за неимѣніемъ у крестьянъ въ достаточномъ количествѣ сѣмянъ». То-же самое подтверждаетъ саратовскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.», оренбургскій корреспондентъ «Моск. Телегр.» и т. д. Департаментъ земледѣлія и торговли сообщаетъ много свѣденій, изъ которыхъ можно видѣть, что уменьшеніе запаски есть явленіе общее. Увеличеніе запасекъ отмѣчается: въ измаильскомъ уѣздѣ бессарабской губ., въ таврической губ. по уѣздамъ днѣпровскому (на 30%) и симферопольскому (на 50%); въ губерніи вологодской увеличеніе яровыхъ посѣвовъ; въ губерніяхъ-же воронежской и херсонской расширены посѣвы озимыхъ. Уменьшеніе же посѣвовъ замѣчается: губ. харьковская—«посѣвы значительно сокращены» вслѣдствіе недостатка сѣмянъ; воронежская—уменьшеніе яровыхъ вслѣдствіе недостатка сѣмянъ; полтавская—въ южныхъ уѣздахъ сокращеніе запаски отъ недостатка сѣмянъ; херсонская—сокращеніе яровыхъ посѣвовъ отчасти по недостатку сѣмянъ; екатеринославская—уменьшеніе яровыхъ посѣвовъ повсемѣстно отъ 20% до 50%, вслѣдствіе недостатка сѣмянъ, недостатка скота и опустошеній отъ жучка; самарская—посѣвы сократились отъ недостатка сѣмянъ въ новоузенскомъ уѣздѣ на 50%, бугурусланскомъ—на 33%, въ николаевскомъ—на 33%. О саратовской и оренбургской губ. я уже сказалъ выше. На Дону сокращеніе посѣвовъ замѣчается въ усть-медвѣдицкомъ и донецкомъ. Въ московской губ. «яровые посѣвы почти повсюду уменьшились» вслѣдствіе недостатка сѣмянъ. Въ смоленской—«небольшая часть земли» осталась у крестьянъ незасѣянной вслѣдствіе недостатка сѣмянъ. Посѣвы яровыхъ, по той-же причинѣ, «нѣсколько уменьшились» и въ тверской губ. По тульской губ. часть

крестьянской земли осталась незасѣянной въ уѣздахъ тульскомъ, врановскомъ и особенно веневскомъ, отчасти отъ недостатка сѣмянъ, отчасти отъ безлошадья. Въ борисовскомъ и случкомъ уѣздахъ *минской* губ. посѣвы яровыхъ мѣстами уменьшились на 50%, вслѣдствіе недостатка сѣмянъ. По губ. *могилевской* яровые посѣвы сократились, у крестьянъ по недостатку сѣмянъ. И такъ даѣе. Я дѣйствительно еще не окончилъ, но будетъ и сказаннаго...

Здѣсь нужно отмѣтить два обстоятельства: во-первыхъ, сокращеніе посѣвовъ особенно замѣтно именно въ губерніяхъ, гдѣ ожидается лучший сравнительно урожай; во-вторыхъ, уменьшились посѣвы, главнымъ образомъ, *яровыхъ*, тогда-какъ въ настоящемъ году именно яровые-то и сносны, а озими повсемѣстно очень ненадежны. Это совпаденіе обстоятельствъ чрезвычайно неблагопріятно.

Читатели могли уже изъ предъидущаго видѣть, что главная причина сокращенія посѣвовъ — *недостатокъ сѣмянъ*. Но чѣмъ обуславливался недостатокъ сѣмянъ? Это очень сложное явленіе, хотя въ корнѣ его лежитъ, очевидно, сильный упадокъ благосостоянія. Но кромѣ этого есть и другія, болѣе мелкія причины. Не имѣя собственныхъ запасовъ, крестьяне многихъ мѣстностей, какъ извѣстно, должны были обращаться за пособіемъ къ земству, крестьянскимъ присутствіямъ и пр. Теперь становится очевиднымъ, что пособіе производилось и неумѣло, и въ недостаточномъ количествѣ, а иногда... можетъ быть... и недобросовѣстно. Какъ-бы то ни было, жалобы на недоброкачество сѣмянъ, несвоевременность раздачи и т. д. довольно многочисленны. Изъ *Самары*, на примѣръ, «Русск. Вѣд.» пишутъ (29-го мая): «По городу ходятъ въ настоящее время крестьяне села Платовки, чернорѣченской волости, которые, не получивъ достаточной ссуды на обмѣнѣніе полей, продали на толчкѣ свои зипуны и шубы, и толпою выпрашиваютъ у купцовъ уступить имъ на бѣдность хлѣбъ подешевле». Что-же касается качества выдаваемыхъ въ ссуду сѣмянъ, то, по словамъ «Моск. Телегр.» (іюня 1-го), объ этомъ можно судить изъ того факта, что недавно 10,000 пуд. ржи, закупленной земствомъ, оказались негодными ни для обмѣнѣнія, ни для продовольствія. Въ *Саратовѣ* («Русск. Вѣд.» 29-го мая) земская помощь принесла очень мало пользы, т. е. ссуда яровыми сѣмянами выдавалась въ очень ограниченныхъ, микроскопическихъ почти дозахъ, и притомъ безъ надлежащаго распредѣленія по мѣстностямъ... овесъ попалъ на мѣсто подсолнуха, ячмень въ округъ гречихи». Такъ, напр., подъ самымъ Саратовымъ, всего въ 8 верстахъ, нахо-

дится дер. Поливановка, занимающаяся исключительно огородами, и другой земли даже не имѣющая: сюда было прислано пособіе *иречихой*! Крестьяне въ тотъ-же день пропили ее въ кабакъ за ведро водки и 10 фунтовъ баранокъ. Разумѣется, этимъ они только «вздсмѣялись» надъ ссудой, дѣйствительно негѣпой. Въ другихъ случаяхъ крестьяне старались хоть сколько-нибудь утилизировать неудачныя пособія, продавая ихъ или обмѣнивая у торговцевъ на хлѣбъ, имъ дѣйствительно нужный, «причемъ, разумѣется, очень много теряли».

Изъ *Камышина* («Моск. Тел.», 23 мая) сообщаютъ: «незавидны всходы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, засѣянныхъ ссуднымъ хлѣбомъ; крестьяне жалуются на недоброкачественность проса, которое имъ выдано прѣлое и наполовину съ черными зернами. Вообще, замѣчаетъ корреспондентъ,—наше земство, несмотря на то, что ему уже нѣсколько лѣтъ приходится производить подобные закупки, все никакъ не научится покупать безъ ошибокъ: то купить поздно, то слишкомъ дорого. Такъ, напр., при закупкѣ 80,000 пуд. ржи переплатили коп. 15 лишку съ пуда». Корреспонденція «Русск. Вѣд.» (19 мая), изъ *Царева* астраханской губ., сообщая о погодахъ, прибавляетъ: жаль, что такая благоприятная весна пропадаетъ бесполезно, такъ-какъ «ссуда запоздала, да вдобавокъ и сѣмена оказались нигуда негодными». Здѣсь провинилось уже уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Ссуда выдана была 1,500 хозяевамъ, взошла-же едва 1/10 часть посѣяннаго, да лишь у тѣхъ, кто, въ виду очевидной недоброкачественности сѣмянъ, сѣялъ особенно густо; у остальныхъ-же поля не зеленѣютъ, а чернѣютъ. Такимъ образомъ ссуда оказывается повсюду и недостаточной, и неудачной. Отсюда для крестьянъ происходитъ необходимость раздобывать сѣмена у разныхъ барышниковъ, т. е. въ тѣхъ или иныхъ формахъ—запродавать за безцѣнокъ свой будущій урожай. Такъ «Новое Время» (24 мая) говоритъ, что въ *саратовской* губ. «нѣкоторые помѣщики и арендаторы ипѣній выдавали хлѣбъ подъ будущія весеннія работы, конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ. Но, къ несчастью, эти условія вовсе не выгодны для крестьянъ. Вотъ, напр., образчикъ подобной сдѣлки. Въ *Самарь* нѣкто г. С. согласился отпустить крестьянамъ села Славянки 2,000 пуд. ржи цѣною по 2 руб. пудъ на срокъ до 15 сентября, съ тѣмъ, чтобы общество, за круговой порукой, выдало ему, во-первыхъ, вексель на 4,000 руб. на тотъ-же срокъ, если-же, во-вторыхъ, означенная сумма не будетъ уплачена обществомъ 14 сентября, то онъ, г. С., имѣетъ право взять у крестьянъ 1,500 дес. лучшей земли въ аренду на 5 лѣтъ по 20 коп. съ десятины въ годъ».

Можно навѣрное сказать, замѣчаетъ корреспондентъ (да оно и такъ очевидно), что крестьяне, даже въ случаѣ лучшаго урожая, не раздобудутся такой суммой такъ скоро (т. е. къ 14 сентября), а слѣдовательно, на 5 дѣтъ лишаются лучшей земли своей, да еще въ концѣ-концовъ останутся должны г. С. 2,500 руб. (за вычетомъ 5-лѣтней аренды). И это еще при такой страшной цѣнѣ, какъ 2 руб. за пудъ ржи! Спекуляція охотно прикрывается и личной филантропией.

Такъ крестьяне *широкинской* волости (тоже саратовской губ.), не имѣя средствъ къ существованію, вынуждены были взять гдѣ-нибудь хлѣбъ безъ денегъ, т. е. въ долгъ. Одинъ добродѣтельный торговецъ предложилъ имъ хлѣбъ, съ условіемъ уплатить въ сентябрѣ и оцѣнилъ пудъ въ 1 р. 40 к., за круговой порукой. Базарная-же цѣна стояла въ то время 90 коп. и 1 руб. Такимъ образомъ 40% въ три мѣсяца составляютъ въ саратовской губ. % филантроповъ. Сколько-же берутъ люди, ничѣмъ уже не прикрывающіе служенія Мамоннѣ?

Приведенные примѣры относятся къ мѣстностямъ, гдѣ помощь для обсемяненія полей была признана официально обязательной. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не было этой обязанности, затрудненія крестьянъ въ весеннее время, очевидно, еще болѣе возрастали. Такъ въ *верейскомъ* уѣздѣ московской губ., по словамъ «Русск. Вѣд.», въ нѣкоторыхъ селеніяхъ половина полей осталась незасѣяною, по неимѣнію крестьянами хлѣба; въ иныхъ-же мѣстахъ бѣднѣйшіе крестьяне передали и надѣлы свои за безцѣнокъ болѣе зажиточнымъ. Изъ *Турска*, калипской губ., сообщаютъ, что у крестьянъ хватило средствъ изъ 1,589 морговъ своей земли засѣять только 565 морговъ, т. е. всего 30%. Такихъ примѣровъ очень много, но какая статистика покажетъ намъ степень закрѣпощенія крестьянъ, явившагося результатомъ ихъ отчаянныхъ усилій какъ-нибудь, во чтобы то ни стало, — обсемянить землю? Такой статистики не существуетъ, а между тѣмъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ крестьянинъ невольно поступаетъ съ собою, какъ скупецъ поступилъ съ курицей, несшей золотыя яйца; онъ не только подрываетъ въ корнѣ свою экономическую независимость, но даже и изъ ближайшаго урожая получить лишь ничтожную часть.

Подводя общіе итоги всѣмъ нашимъ свѣденіямъ, мы должны придти къ заключенію, что особенно богатой жатвы ждать нельзя. Половина Россіи во всякомъ случаѣ ждетъ неурожая, т. е. должна будетъ заимствовать хлѣбъ у другой половины. Эта-же послѣдняя — мѣстами ждетъ лишь посредственнаго сбора, т. е. не болѣе, какъ для себя, для собственнаго обихода. Наиболѣе-

же плодородныя губерніи должны еще выдержать тяжелое испытаніе борьбы съ вредными насѣкомыми. Будетъ большое счастье, если эта борьба повсемѣстно окажется удачною. Въ лучшемъ случаѣ — населеніе просуществуетъ зиму безъ голода. А между тѣмъ, такой результатъ достигается лишь цѣною страшныхъ усилій крестьянства, цѣной подрыва его экономической независимости. Если въ нынѣшнемъ году запашки уменьшились, то что будетъ въ слѣдующемъ? Если теперь крестьянинъ запродастъ землю или свой трудъ, то что онъ запродастъ въ слѣдующую весну для полученія необходимыхъ средствъ?..

Россія будетъ очень счастлива, если настоящій годъ обойдется ей благополучно. Но искушать судьбу такъ долго невозможно. Мы видимъ, какъ изнемогаетъ крестьянство, видимъ, какъ въ результатъ экономического подчиненія крестьянства Россія заростаеъ, вмѣсто хлѣба, бурьяномъ. Наша первая и главная задача должна состоять теперь въ томъ, чтобы вывести крестьянскую массу изъ экономической зависимости, и поставить земледѣльческій трудъ въ такія условія, при которыхъ жатва не являлась-бы ежегодно какой-то лоттереей, гдѣ ставить на карту послѣдніе ресурсы страны. Дойдя до такого состоянія, что мы не можемъ даже обѣмннить полей, — мы становимся на наклонную плоскость. Нужно пользоваться временемъ, пока Россія еще все-таки имѣетъ нѣкоторыя средства, и безотлагательно порѣшить съ нашимъ главнымъ, самымъ насущнымъ вопросомъ—вопросомъ земледѣльческаго труда. Предпринятое правительствомъ уменьшеніе выкупныхъ платежей и предполагаемая организація переселеній—могутъ составить только начало мѣропріятій, вызываемыхъ современнымъ положеніемъ нашего «хлѣбнаго вопроса».

Н. Е.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

ИРЛАНДСКІЯ ДѢЛА.

Ирландія занимаетъ среди всѣхъ странъ Западной Европы положеніе исключительное. Говоря о ней, европеецъ долженъ всегда оговориться, потому-что понятія «нужда», «бѣдность», «голодъ», знакомыя, разумѣется, всѣмъ странамъ, въ Ирландіи приобрѣтаютъ совершенно особый смыслъ, который давно уже забытъ въ болѣе передовыхъ государствахъ Западной Европы. Нужно вернуться къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ великаго парижскаго голода, когда кучи людскихъ труповъ валялись по улицамъ, когда ѣли собакъ, крысъ, падалъ,—чтобы составить себѣ понятіе объ ирландскомъ голодѣ, напримѣръ, 1846—47 годовъ. Бѣдность, нищета, являющіяся въ Западной Европѣ въ видѣ болѣе или менѣе обширной недостаточности, съ отдѣльными случаями окончательной нищеты, безпріютности, даже голодной смерти,—въ Ирландіи достигаетъ размѣровъ по-истинѣ чудовищныхъ, потому-что тамъ все крестьянское населеніе живетъ такъ, какъ живутъ въ Англіи, Франціи и Германіи нищіе послѣдняго разряда.

А между тѣмъ ирландскій народъ, одноплеменный съ французскимъ и сходный съ нимъ по характеру, принадлежитъ, по свидѣтельству всѣхъ близко знающихъ его, къ числу даровитѣйшихъ изъ европейскихъ племенъ. Кромѣ того, онъ неприхотливъ, честенъ и при маломальски благопріятныхъ условіяхъ—чрезвычайно трудолюбивъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ примѣръ ирландцевъ, переселившихся въ Сѣверную Америку. Сами англи-

чане отдають справедливость достоинствамъ ирландскаго племени и даже въ числѣ аргументовъ противъ поощренія ирландской эмиграціи приводятъ, между прочимъ, то соображеніе, что, такимъ образомъ, Англія лишится «одного изъ лучшихъ родниковъ, откуда постоянно совершается приливъ свѣжей крови» (Becsly, Fortnightly Review).

Съ другой стороны природа осыпала Ирландію своими лучшими дарами: она обогатила ея нѣдра драгоценными металлами и полными горстями набросала на утесы, служащіе ей подножіемъ, плодороднѣйшую землю въ мірѣ; она вырыла въ ея берегахъ превосходныя коммерческія гавани, изъ коихъ четырнадцать годны для самыхъ крупныхъ кораблей; наконецъ, она расположила ее на самомъ краю континента, какъ передового часового, хранителя ключей океана.

Но всѣ свои щедрые дары сама природа отравила однимъ, повидимому, незначительнымъ недосмотромъ: она помѣстила «зеленый островъ» рядомъ съ Англіей и тѣмъ заранѣе осудила его на всѣ его вѣковыя страданія.

Болѣе семисотъ лѣтъ тому назадъ началась борьба Англіи съ Ирландіей. Въ этой борьбѣ Ирландія была постоянно побѣждаема, но каждый разъ возставала снова и снова, и опять начинала борьбу. Несмотря на все превосходство силы и военной организаціи англичанъ, въ теченіи первыхъ четырехъ вѣковъ борьбы были мало-по-малу покорены только ирландскіе города, откуда изгонялись туземцы. Но внутренность острова оставалась независимою. Феодализмъ слабо развился въ Ирландіи, и страна продолжала сохранять въ главныхъ чертахъ свое старинное устройство. Управление племенами сосредоточено въ рукахъ привилегированныхъ родовъ и военныхъ вождей, но они не считаются собственниками ни земли, ни людей, на ней живущихъ. Земля остается достояніемъ земледѣльца, который платилъ извѣстную подать начальнику своего племени и рода. Только въ XVI столѣтіи такимъ сильнымъ деспотамъ, какъ Генрихъ VIII и Елисавета, удастся окончить болѣе или менѣе полное покореніе острова.

При Генрихѣ VIII Англія становится протестантской и съ горячностью неопита стремиться распространить всюду новую религію. Съ этого времени начинается настоящій мартирологъ Ирландіи. Она становится фанатически католической, потому что гонимая вѣра отцовъ отождествляется для нея съ дорогимъ, угнетеннымъ отечествомъ. Такимъ образомъ, дикій религіозный фанатизмъ удваиваетъ и безъ того жестокою враждою между обоими народами и побѣдители-англичане считаютъ все дозволен-

нымъ противъ идолопоклонниковъ-папистовъ. Не будучи въ состояніи заставить ихъ обратиться въ истинную вѣру, англичане рѣшаются совершенно истребить ирландцевъ, стереть ихъ съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, загнать въ гористый Канавутъ, еще и въ это время остававшійся не вполне покореннымъ.

При Елисаветѣ начинается массовая конфискація ирландскихъ земель. Католики лишаются права владѣть землею и изгоняются съ нея, а земли ихъ передаются англичанамъ и шотландцамъ, подъ условіемъ заселить ее протестантами. Эта протестантская колонизація удалась только въ сѣверной части острова, въ Ульстерѣ, заселенномъ при Іаковѣ I шотландцами и притомъ въ такомъ количествѣ, что мѣстность приняла дѣйствительно протестантскій характеръ. Въ остальныхъ-же областяхъ отнятыя земли пустовали до тѣхъ поръ, пока старые владѣльцы, скрывавшіеся на время нашествія въ горахъ и лѣсахъ, не возвращались на свое пепелища.

При Карлѣ I изгнанія продолжались съ страшными насиліями и жестокостями. Страффордъ врывается въ Канавутъ, остававшійся до сихъ поръ свободнымъ, и отнимаетъ всю землю у населенія. Но гибель Карла и смуты, начавшіяся въ Англіи, дѣлаютъ положеніе несчастныхъ ирландцевъ еще болѣе отчаяннымъ. Власть достается въ руки фанатикамъ-пуританамъ, одушевленнымъ рядомъ недавнихъ побѣдъ надъ королевскою властью, кавалерами и «высокой (англиканской)» церковью и бредившихъ водвореніемъ «царства Божія» на землѣ. Ирландцы-католики знали, что имъ нечего ждать пощады отъ такого врага и рѣшились предупредить его нападеніе.

Въ Ирландіи вспыхнуло ужасное и повсемѣстное возстаніе. Въ самое короткое время до тридцати тысячъ англичанъ и шотландцевъ было перебито; всѣ поселенцы бѣжали, бросивъ землю, которой тотчасъ-же завладѣли ирландцы. Но торжество ихъ продолжалось не долго.

Парламентъ отправилъ противъ нихъ войско, которому далъ слѣдующій чудовищный приказъ: «избить, перерѣзать, стереть съ лица земли всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ сторонниковъ и укрывателей; сжечь, разрушить, разграбить, разнести всѣ города, деревни, дома, гдѣ бунтовщикамъ оказана была помощь или гостепріимство; истребить всѣ посѣвы и запасы; перерѣзать всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, которые окажутся въ этихъ домахъ, деревняхъ, городахъ».

Исполнителемъ этихъ ужасныхъ инструкцій былъ назначенъ Кромвель. Онъ дѣйствительно утопилъ возстаніе въ крови ирландцевъ. Преданіе рассказываетъ, что «повсюду, гдѣ прошелъ

Кромвель, онъ избивалъ всѣхъ мужчинъ отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ, рубилъ правую руку всѣмъ дѣтямъ и прожигалъ раскаленнымъ желѣзомъ груди всѣхъ женщинъ. Историческая истина не многимъ отличается отъ преданія.

Ирландія была раздавлена окончательно. Устадость прекратила убійства. Затѣмъ приступлено было къ переустройству страны. Католики, какъ уже осужденные на смерть и сохранившіе жизнь только по недосмотру или презрѣнію къ нимъ побѣдителей, лишились всѣхъ человѣческихъ правъ. Вся земля Ирландіи была подѣлена между солдатами Кромвеля и капиталистами, ссудившими правительству деньгами на эту войну. Когда при реставраціи произведенъ былъ кадастръ, то оказалось, что $\frac{10}{11}$ -хъ всей земли принадлежитъ протестантамъ и только $\frac{1}{11}$ раздѣлена между пятью католическими семействами, купившими такое предпочтеніе цѣною измѣны своей родины.

Католики не могли быть ни избирателями, ни избираемыми; вся общественная власть была предоставлена ничтожнымъ, по числу, протестантамъ. Подъ страхомъ смерти, католики не могли сами учить своихъ дѣтей или отдавать ихъ учиться кому-нибудь, кромѣ протестантовъ. Занятіе торговлей и ремеслами запрещалось католикамъ. Не оказалось возможнымъ запретить имъ только земледѣліе, потому-что въ такомъ случаѣ рѣшительно некому было-бы арендовать землю, такъ-какъ, несмотря на всѣ усилія англичанъ, число протестантовъ составляло не болѣе $\frac{1}{3}$ всего населенія и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ Ульстерскомъ графствѣ. Легко себѣ представить, каковы были условія, налагаемыя на несчастнаго фермера-католика, для котораго всѣ остальные источники пропитанія были закрыты закономъ.

Но подавленный нищетою, безправный, оскорбляемый въ самыхъ священныхъ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ, ирландецъ никогда не признавалъ законности порядка, созданнаго англійскимъ завоеваніемъ. Въ глубинѣ души онъ считалъ себя единственнымъ законнымъ владѣльцемъ земли, такъ несправедливо отнятой у него, и не переставалъ лелѣять мечту освободиться отъ жестокихъ еретиковъ, а пока строилъ крестьянскіе заговоры и мстил аграрными убійствами, чѣмъ поддерживалъ пламя взаимной вражды.

Въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ длилось въ Ирландіи положеніе, созданное протестантскимъ завоеваніемъ. Начало освобожденія страны относится къ концу прошлаго вѣка и до тридцатыхъ годовъ; нынѣшняго столѣтія ограничивалось отменно сперва религиозныхъ преслѣдованій, а затѣмъ религиозной неправоправности. Проведенный, благодаря агитаціи О'Конеля, билль 1829 г., по ко-

тому католики могли быть членами парламента, заканчивается собой этотъ періодъ и служитъ началомъ современной намъ эпохи, въ которой на первый планъ выступаетъ борьба экономическая и политическая.

Начавшись съ половины нынѣшняго столѣтія, она идетъ все crescendo до настоящаго времени, когда достигла важнѣйшаго своего поворотнаго пункта.

Анализируя различныя формы этого движенія, мы ясно замѣчаемъ въ немъ нѣсколько теченій, сильно разнящихся по своему направленію, хотя и стремящихся къ одной общей цѣли. Предшествующая исторія Ирландіи оставила въ наслѣдство ей традицію народныхъ массовыхъ возстаній, пріобрѣвшихъ особый ореолъ и заманчивость подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній сосѣдней Франціи. Подготовительной дѣятельностью къ этимъ массовымъ движеніямъ являются, съ одной стороны, аграрныя убійства, исконное ирландское средство борьбы, никогда не прекращавшееся и служившее сильнѣйшимъ орудіемъ для аграрной агитаціи въ средѣ крестьянъ; съ другой—политическіе заговоры, составляющіе достояніе болѣе образованныхъ классовъ. Рядомъ съ этими революціонными средствами борьбы мы видимъ мирную агитацію на почвѣ той политической свободы, которой Ирландія никогда не была лишена окончательно даже въ періоды самаго мрачнаго угнетенія. Борьба легальная все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ, по мѣрѣ возрастанія политической свободы въ Ирландіи и въ самой Англіи. Билль объ эмансипаціи католиковъ послужилъ ей фундаментомъ; парламентская реформа, вызванная чартистскимъ движеніемъ и послѣдняя избирательная реформа удвоили средства борьбы. Несомнѣнное возрастаніе силы общественнаго мнѣнія, рѣшительное перенесеніе политическаго центра тяжести въ средній и рабочій классъ увеличиваютъ шансы успѣха.

Конечно, реформы, которыя поставило своей цѣлью современное ирландское движеніе, въ высшей степени глубоки. Они такъ глубоки, что, пожалуй, даже не вмѣщаются уже въ томъ понятіи. Возможность перехода земли изъ рукъ ландлордовъ въ руки крестьянъ-фермеровъ, арендующимъ ее теперь—вотъ что составляетъ ближайшую цѣль ирландскаго движенія, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что движеніе это не уляжется до тѣхъ поръ, пока цѣль не будетъ достигнута *). Но за этой ближай-

*) Только-что принесенное газетами извѣстіе о принятіи земельного билля Гладстона въ палатѣ при воздержаніи отъ вотировки за него ирландскихъ депутатовъ служитъ тому лучшимъ доказательствомъ.

шей цѣлью уже ясно намѣчается другая, не менѣ важная—это полное политическое отдѣленіе острова отъ Англій, возвращеніе ему его независимости, которой онъ лишился столько вѣковъ тому назадъ.

Нечего и говорить, что достиженіе обѣихъ этихъ цѣлей, было бы уже не реформою, а настоящей революціей въ полномъ смыслѣ слова. Трудно, разумѣется, сказать, доведена-ли будетъ эта революція до конца мирнымъ путемъ. Хотя, какъ мы покажемъ это ниже, есть много основанийъ предполагать именно такой исходъ, тѣмъ не менѣ не слѣдуетъ забывать, что англійская аристократія, правительство и, частью, народъ, до сихъ поръ помнятъ, что Ирландія—страна завоеванная и что желаніе освободиться, съ ея стороны, является ничѣмъ инымъ, какъ бунтомъ—«rebellion»—который долженъ быть усмирень.

«Не нужно обманывать себя относительно серьезности положенія дѣлъ въ Ирландіи, говоритъ профессоръ Бисли (Fortnightly Review).—Если-бы Ирландія была независима и имѣла возможность сама писать свои законы, то кризиса можно было-бы навѣрное избѣжать. Поставленные лицомъ къ лицу съ народомъ, ландлорды давно уже сдѣлали-бы необходимыя уступки, которыя теперь не принесутъ имъ никакой пользы. Мы всѣ помнимъ что было, когда возникла агитація о распространеніи ульстерскаго права на всю Ирландію (1852—53 гг.). Правящіе классы Англій стали кричать о нарушеніи права собственности и ирландскіе ландлорды, поддержанные ими, не уступили ни одной юты изъ своихъ правъ. А въ настоящее время ирландцы не хотятъ болѣе и слышать объ ульстерскомъ правѣ. Черезъ недѣлю, быть можетъ, первый министръ предложитъ не только свободу перепродажи аренды, но ненарушимость ея и законодательное опредѣленіе ренты,—но вопросъ въ томъ, не окажется-ли это слишкомъ поздно».

Какъ-бы то ни было, въ Ирландіи мы видимъ въ высшей степени интересную попытку мирнаго разрѣшенія тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые въ остальныхъ государствахъ Западной Европы имѣютъ на таковое весьма мало шансовъ. Важно поэтому изучить эту попытку во всѣхъ фазахъ ея историческаго развитія, равно какъ и изслѣдовать всѣ обстоятельства и условія, благопріятствующія и препятствующія ея успѣху.

Въ нашемъ изложеніи мы ограничимся исключительно послѣднимъ періодомъ ирландской исторіи, такъ-какъ до эмансипаціи католиковъ религіозная борьба или, лучше, борьба изъ-за политическихъ правъ, связанныхъ съ религіей, совершенно отодвигала на задній планъ борьбу эконоическую. Разумѣется,

намъ невозможно будетъ обойти молчаніемъ и чисто-политическія партіи, игравшія такую важную роль въ началѣ описываемаго нами періода и подготовившія почву для современнаго движенія.

I.

Молодая Ирландія.

15 октября 1842 года въ Дублинѣ вышелъ первый номеръ новаго журнала «Nation» (Hemser). Его молодые редакторы Чарльзъ Дуффи, Томасъ Девисъ и Джонъ Диллонъ принадлежали къ партіи О'Конеля, не шедшей далѣе возстановленія ирландскаго парламента подъ верховнымъ главенствомъ Англіи. Въ-стѣ съ нимъ и со всѣми ирландскими патриотами того времени, они признавали, что возрожденіе Ирландіи немислимо безъ политической самостоятельности ея и вѣрили, что успѣхъ агитаціи возможенъ только подъ руководствомъ стараго, опытнаго вождя, уже одержавшаго такую великую побѣду, какъ освобожденіе католиковъ. Эта-то вѣра и удерживала интеллигентную молодежь въ рядахъ партіи, съ которой она глубоко расходилась по многимъ существеннымъ вопросамъ.

Строгий католикъ и монархистъ въ душѣ, О'Конель, поднимая агитацію противъ господства протестанской Англіи, требовалъ строгаго подчиненія себѣ и католическому духовенству, на которое исключительно опиралось все движеніе. Онъ не терпѣлъ проявленія самостоятельности въ средѣ партіи и былъ суровымъ противникомъ свободныхъ «французскихъ», какъ ихъ тогда называли, идей, и даже неособенно желалъ свѣтскаго образованія для народа. Что-же касается молодежи, группировавшейся вокругъ «Nation», то въ ней восхищеніе классическими добродѣтелями героевъ Греціи и Рима соединилось съ энтузіазмомъ къ дѣятелямъ французской революціи. Все это окрашивалось романтическимъ націонализмомъ, навѣяннымъ тогдашнимъ литературнымъ движеніемъ. Въ ту пору будущіе члены «Молодой Ирландіи» не имѣли опредѣленной программы. Они не были еще ни республиканцами, ни атеистами и всѣ стремленія ихъ ограничивались гуманнымъ желаніемъ придать болѣе чистый и возвышенный характеръ національному движенію. Добродѣтель, просвѣщеніе и независимость личности, были ихъ любимыми темами. «Не должно подчиняться никакому авторитету, ни свѣтскому, ни духовному»; «знаніе ведетъ къ добродѣтели и только

просвѣщенные и добродѣтельныя націи достойны свободы» — таковы были ихъ любимыя изрѣченія.

А между тѣмъ въ это время не только просвѣщеніе, но даже простая грамотность были мало доступны ирландскому народу. Рисуя ирландскую деревню сорокъ лѣтъ тому назадъ, Сьюлливанъ говоритъ, что въ то время человекъ, умѣющій прочесть газету и написать письмо, становился виднымъ лицомъ въ своемъ приходѣ. Въ воскресенье послѣ обѣдни, если священникъ былъ достаточно богатъ, чтобы выписывать какой-нибудь духовный журналъ, этотъ деревенскій грамотѣй читалъ, усѣвшимся въ кругъ крестьянамъ, о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Онъ же читалъ всѣ получаемыя письма и писалъ на нихъ отвѣты за умѣренное вознагражденіе. Для писемъ у этихъ общественныхъ писцовъ выработался особый слогъ и чѣмъ больше онъ отличался отъ разговорнаго, чѣмъ больше было въ немъ длинныхъ словъ, тѣмъ писецъ считался искуснѣе, такъ-какъ, по мнѣнію крестьянъ, длинное слово имѣетъ гораздо больше силы, чѣмъ короткое.

Нельзя сказать, чтобы у ирландскихъ крестьянъ не было стремленія учиться. Но до сороковыхъ годовъ въ Ирландіи существовали только протестантскія школы, основанныя съ цѣлью обращать папистовъ. Католики ненавидѣли эти школы, но такъ-какъ въ нихъ давали содержаніе дѣтямъ, то находились родители изъ бѣднѣйшихъ классовъ, которые посылали туда своихъ дѣтей. Но число учениковъ въ этихъ школахъ не превышало 2,000—2,500 на всю Ирландію и ирландцы, получившіе въ нихъ образованіе, всю жизнь скрывали это какъ величайшій позоръ. Между 1830—40 годами начали открываться первыя національныя школы, въ которыхъ ученики всѣхъ исповѣданій обучались вмѣстѣ предметамъ общеобразовательнымъ, катехизису-же учились у отдѣльныхъ учителей, выбираемыхъ родителями. Но не получая правительственныхъ субсидій, школы эти содержались скудными взносами крестьянъ и, разумѣется, были крайне бѣдны. Это хижины, съ соломенными крышами и земляными полами, страшно холодныя зимою, душныя лѣтомъ, всегда вредныя для здоровья и учителей, и учениковъ. За четыре, пять, иногда за семь верстъ сходились сюда учиться грамотѣ босоногіе, оборванные дѣти отъ 6 до 16-лѣтняго возраста. Въ большинствѣ школъ ученіе продолжалось только зимою, потому что лѣтомъ дѣти должны были помогать родителямъ въ полевыхъ работахъ.

Содѣйствіе распространенію этихъ школъ было одной изъ первыхъ задачъ кружка студенческой молодежи, къ которому принадлежали Дуффи, Девисъ, Диллонъ. Рѣшено было, кромѣ

«Nation», предназначавшейся для интеллигенціи, начать изданіе популярныхъ книгъ для едва нарождающихся читателей.

Успѣхъ «Nation» превзошелъ всѣ ожиданія. Органъ быстро сдѣлался руководителемъ молодежи. Его редакція была постояннымъ мѣстомъ сходокъ юныхъ поэтовъ, журналистовъ, художниковъ, студентовъ и всѣхъ «молодыхъ энтузіастовъ», какъ пока еще мягко называла ихъ старая партія О'Конели. Всякій старался внести свою лепту на пользу Ирландіи въ видѣ стиховъ или прозы. Стихи были полны туманныхъ романическихъ порываній къ чему-то не совсѣмъ ясному, но прекрасному и героическому. Между новыми поэтами было и нѣсколько женщинъ, пользовавшихся большой популярностью. Стихотвореніе Эввы Келли, «Народный вождь», можетъ быть названо типическимъ въ этомъ родѣ. Въ немъ народъ призываетъ «человѣка изъ человѣковъ», идеальнаго вождя, полнаго всякихъ совершенствъ, который приходитъ, наконецъ, изъ какой-то мистической и таинственной страны и ведетъ иранъ въ какое-то тоже не совсѣмъ определенное, но несомнѣнно прекрасное мѣсто.

Въ горячихъ статьяхъ «Nation» проповѣдывалось примиреніе между католиками и протестантами, доказывалась безразличность укоренившейся идеи, будто пріобрѣтеніе «доходныхъ мѣстъ для католиковъ» составляетъ патріотическое дѣло, и обличались парламентскіе кандидаты, жертвовавшіе передъ самыми выборами какое-нибудь украшеніе для католической капеллы.

За всѣ эти подвиги они скоро заслужили отъ старыхъ приверженцевъ О'Конели бранное названіе «свободныхъ мыслителей», но не огорчались этимъ. Самого О'Конели они пока еще не трогали, но уже открыто враждовали съ «низкимъ» характеромъ политики старой партіи, вину за которую сваливали на окружавшихъ его людей. Въ то время Молодая Ирландія была еще чисто-литературно-студенческимъ обществомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ дѣтей богатыхъ родителей, до-нельзя юныхъ въ большинствѣ. Самымъ блестящимъ ораторомъ партіи былъ Мегиръ, 22 лѣтъ, но было не мало замѣтныхъ дѣятелей значительно моложе Мегира. Характерно стихотвореніе одного юнаго члена, жалующагося въ звучныхъ стихахъ на то, что, несмотря на свои 18 лѣтъ, онъ ничего еще не сдѣлалъ для отечества.

Серьезное вниманіе на Молодую Ирландію заставило обратить присоединеніе къ ней мистера О'Бріена, человѣка лѣтъ сорока, потомка древнихъ королей Ирландіи, очень богатаго и уже четырнадцать лѣтъ засѣдавшаго въ парламентѣ въ рядахъ тори. Крутой поворотъ въ своей политикѣ онъ объяснялъ именно тѣмъ,

что четырнадцатилѣтній опытъ убѣдилъ его въ бесплодности мѣръ консервативной политики. Сперва О'Бріенъ пристагъ просто къ партіи О'Конеля, но послѣдній, помня его вредные ноты во время борьбы за эмансипацію католиковъ, принялъ его очень холодно и тогда онъ перешелъ къ Молодой Ирландіи. О'Бріенъ былъ человѣкъ неособенно даровитый и всегда оставался умѣреннымъ по характеру. Его называли Лафайетомъ движенія.

Окончательный разрывъ съ партіей О'Конеля произошелъ въ 1848 году. Старый вождь, начинавшій терять способности и энергію, испугался горячности молодого кружка и желая за-свидѣтельствовать передъ Англіей и дѣлымъ свѣтомъ благонамѣренность своей партіи, потребовалъ отъ всѣхъ ея членовъ присоединенія къ резолюціи, категорически осуждавшей употребленіе физической силы для пріобрѣтенія правъ и свободы.

Надо было потерять всякое чутье и тактъ, чтобы не видѣть заранѣе, что «энтузіасты», бредившіе героями французской революціи, ни за что не подпишутъ подобнаго заявленія. И дѣйствительно: Мегиръ сказалъ горячую рѣчь, заканчивавшуюся словами: «со всѣхъ безчисленныхъ мѣстъ, гдѣ проливалась кровь героевъ, она вопіетъ противъ этого», — и отказъ въ повиновеніи старому вождю былъ единодушно рѣшонъ.

Съ этого времени событія, слѣдовавшія одно за другимъ, толкали молодыхъ теоретиковъ на чуждый имъ практической путь. Насталъ страшный ирландскій голодъ. Англійское правительство справедливо обвиняли въ томъ, что оно медлило съ помощью и начало оказывать ее лишь тогда, когда было поздно. Уже въ 1845 году появилась невѣдомая до тѣхъ поръ болѣзнь картофеля. Поля, обѣщавшія роскошную жатву, начали издавать отвратительный запахъ и почернѣли въ одну-двѣ ночи. Населеніе перепугалось. Но бодрая, легкомысленная натура кельта еще устояла. Урожай былъ такъ великъ, что удѣлѣвшей отъ болѣзни части могло хватить до слѣдующей жатвы. Вскорѣ оказалось, однако, что не погибшіе на корню клубни пропадаютъ въ погребахъ и магазинахъ. Несмотря на это, фермеры поставили на карту все, чтобы не оставить поля необъясненными въ 1846 г. Заложено было послѣднее имущество, всѣ маленькіе запасы истощены; ѣда сокращена до послѣдняго минимума, — употреблены всѣ усилія, лишь-бы пережить промежутокъ до жатвы 1846 г. До іюня желанная жатва обѣщала быть прекрасной и, вдругъ, въ одну ночь, погибла вся, безъ остатка. Крикъ ужаса и отчаянія пронесся по всей Ирландіи. Прошлый годъ истощилъ всѣ запасы, всю энергію. Борьбѣ не было ни снѣгу, ни воз-

возможности. Оставалось только умирать. И действительно, попытокъ спастись ирландскіе фермеры уже не дѣлали. Молча и апатично смотрѣли они на свои черныя поля, дождая послѣднія крохи. Но вотъ все съѣдено и начинается буквальный голодъ шести-семи миллионнаго сельскаго населенія. Рабочіе дома переполнились. До сихъ поръ ирландцы ненавидѣли и избѣгали ихъ. Въ нихъ милостыня была соединена съ расторгненіемъ семьи, съ лишеніемъ свободы, и принять ее считалось позоромъ. Но передъ смертною нуждою это чувство исчезало, хотя и теперь, прежде чѣмъ переступить порогъ ненавистной тюрьмы, несчастные выносили такія лишенія, что приходили только умирать. Раздирательныя сцены происходили въ пріемныхъ рабочихъ домовъ. Является семья. Уставъ требовалъ, чтобы здѣсь они растались, потому-что дѣти запирались отдѣльно отъ родителей, мужъ отъ жены. Смерть носилась въ воздухѣ. Опытъ говорилъ, что разлука будетъ послѣдней и несчастные обнимались, какъ приговоренные къ казни у подножья эшафота.

Но вотъ въ рабочіе дома принимать перестали.

Явилась манія бить стекла въ городахъ, чтобы попасть въ тюрьму. Перестали сажать и въ тюрьмы. Начались волненія: грабили зерновой хлѣбъ, предназначенный къ отправкѣ въ Англію (урожай его былъ хорошъ, но онъ, по обыкновенію, былъ запроданъ, такъ-какъ населеніе считало своей пищей только картофель). Волненія усмирялись военной силой и кровь голодныхъ пролилась раньше, чѣмъ была оказана помощь.

Все это возбуждало сильнѣйшую злобу противъ Англіи. Уже въ 1845 году въ парламентѣ дѣлались заявленія объ опасности, грозящей Ирландіи. Но такъ-какъ это совпало съ агитаціей за отміну хлѣбныхъ законовъ, то защитники этихъ законовъ стали утверждать, что все пустыня, и голодъ выдуманъ какъ аргументъ за отміну. Въ сессію 1847 года въ голодъ никто уже не сомнѣвался, но поднялись споры, что именно нужно предпринять. — «Берегитесь деморализировать народъ подачками, лучше дайте ему заработокъ», говорили одни. — «Это будетъ виѣшательствомъ въ рабочій рынокъ», возражали другіе. — «Лучше продавать хлѣбъ по умѣреннымъ цѣнамъ». — «Это противно ученію Адама Смита», отвѣчалъ лордъ Россель.

— «Самое подходящее время для разсужденій о политической экономіи», злобно замѣчаетъ «Nation».

Первою организованною помощью было учрежденіе публичныхъ кухонь мѣстными комитетами, при субсидіи правительства. По всей странѣ появились огромные желѣзные котлы, въ которыхъ варилось нѣчто, называемое супомъ. И цѣлые дни во-

кругъ этихъ котловъ кричали, выли и дрались изъ-за ложки супа толпы полумертвецовъ и скелетовъ, недавно еще бывшихъ мужчинами и женщинами.

«Кормленіе собакъ происходитъ приличнѣе», замѣчаетъ Сюливанъ.

Помощи отъ этого супа было очень мало, и никакой благодарности кухни эти не вызвали. Кромѣ того, рѣшено было учредить общественныя работы и выбраны дренажъ и постройка дорогъ. Но народъ былъ до такой степени изнуренъ, что не могъ выносить такой трудной работы. Многіе прямо падали въ канавы, другіе бросали заступъ, ложились возлѣ дороги, чтобы больше не вставать. Дороги эти такъ и остались не построенными и слѣды ихъ сохранились до сихъ поръ, какъ воспоминаніе о страшномъ времени. Эти неудачи ставились въ вину Англій и только увеличивали злобу противъ нея.

Тѣмъ временемъ въ самой партіи «Молодой Ирландіи» произошло раздѣленіе: изъ нея выдѣлилась крайняя лѣвая. Подъ вліяніемъ страшныхъ картинъ голода, стали раздаваться голоса, что народу лучше умирать съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ съ голоду подъ заборами. Къ концу 1847 года это направленіе начало высказываться все рѣзче и рѣзче и, наконецъ, Джонъ Митчель, одинъ изъ редакторовъ «Nation», написалъ статью, прямо призывавшую народъ къ оружію. Это заявленіе было противно общему направленію журнала и вызвало протестъ со стороны Дуффи, М-с Гее и другихъ его соредаторовъ. Но не удовольствовавшись этимъ, они отдали его поведеніе на судъ всей партіи, и на общемъ митингѣ Митчель былъ почти единогласно осужденъ и долженъ былъ выйти изъ редакціи, послѣ чего онъ основалъ уже свой собственный журналъ «United Irishmen». Но вскорѣ событія отдали все движеніе въ руки Митчеля. Едва появился 3-й номеръ его новаго журнала, какъ разразилась февральская революція. И каждый день, каждый часъ приносилъ все новыя, возбуждающія извѣстія о паденіи правительствъ, о побѣдахъ народовъ во всѣхъ концахъ Европы. Сама исторія какъ-бы принялась проповѣдывать то-же, что и молодые ирландскіе революціонеры. Представители «Nation», мѣсяцъ тому назадъ исключившіе Митчеля изъ партіи, теперь сами пошли за нимъ. Этотъ человѣкъ сталъ дѣйствительною силой: онъ одинъ зналъ, чего хотѣлъ и ничего не боялся.

Митчелю было въ это время лѣтъ тридцать отъ роду. Онъ происходилъ изъ сѣверной протестантской фамиліи и добровольно отказался отъ своего привилегированнаго положенія, чтобы стать въ ряды угнетенныхъ. Въ своихъ, положительно талант-

ливыхъ статьяхъ, онъ всевозможными рѣзкостями старался вызвать правительство на преслѣдованія. Ему хотѣлось одновременно разгорячить ирландцевъ и заставить правительство арестовать себя, надѣясь, что народъ освободитъ его силою. Онъ былъ убѣжденъ, что разъ начавшееся возстаніе легко перейдетъ въ революцію, которой можно будетъ воспользоваться, чтобы свергнуть иго англичанъ. Последнее казалось тогда весьма возможнымъ: вѣдь отступили-же такія сильныя правительства, какъ французское, германское, австрійское передъ городской толпой.

Обыкновенные законы не давали правительству возможности арестовать Митчеля, а, между тѣмъ, вліяніе его все росло и росло. Тогда министерство внесло и быстро провело билль, уполномочивающій его подвергать заключенію всѣхъ, призывающихъ къ возстанію. Митчель повторилъ свой призывъ и былъ арестованъ. Возбужденіе въ городѣ достигло высшей степени.

Смѣлый агитаторъ надѣялся, что сторонники его разобьютъ двери его тюрьмы. Онъ писалъ своимъ товарищамъ, что каждую ночь ему слышится гудъ голосовъ многолюдной толпы, бушующей вокругъ его тюрьмы. И будь на свободѣ другой Митчель, освобожденіе его было-бы совершенно возможно. Но другого Митчеля на свободѣ не было. Среди многочисленныхъ его приверженцевъ, готовыхъ идти за него въ огонь и воду, не было человѣка, который успѣлъ-бы настолько выдвинуться, чтобы перевѣсить значеніе партіи «Nation», которая объявила себя теперь тоже за революцію, но въ глубинѣ души мечтала только о томъ, что Англія своевременными уступками предотвратитъ эту революцію. Да и самая революція въ представленіи этой партіи совсѣмъ не походила на ту, какой желалъ Митчель. Она должна была какъ можно менѣе походить на «жакерію», должна была совершиться «правильно и въ порядкѣ» и ни на минуту не выходить изъ повиновенія умѣренному и достойному вождю О'Біену. Начаться же ей слѣдовало никакъ не раньше осени, когда будетъ убрана жатва. Понятно, что попытка освободить Митчеля не могла быть такимъ вождямъ пріятна, да и видѣть его на свободѣ они вовсе не желали, хотя, разумѣется, не смѣли высказать этого открыто.

Судъ надъ Митчелемъ былъ назначенъ 26 мая. Цѣлый день и цѣлую ночь въ Дублинѣ на безчисленныхъ митингахъ шли горячіе споры между правой и лѣвой фракціей Молодой Ирландіи. Въ концѣ-концовъ сторонники «Nation» побѣдили, торжественно поклявшись, что знамя возстанія будетъ поднято никакъ не позже половины августа и получивъ взаимныя обѣщаніе, что до тѣхъ поръ никакихъ революціонныхъ попытокъ предпринято не будетъ.

На другой день Митчель былъ осужденъ на 14 лѣтъ каторги и немедленно увезенъ изъ Ирландіи. Спокойствіе въ Дублинѣ нарушено не было и высшій моментъ возбужденія, когда возстаніе было возможно, прошелъ безслѣдно.

Друзья Митчеля и всѣ, искренно желавшіе революціи, скоро почувствовали, что сдѣлали непоправимую ошибку, уступивъ умѣреннымъ, и начали со злобой обвинять ихъ въ трусости и неискренности.

«Nation», между тѣмъ, становилась все революціоннѣе и революціоннѣе. На ея столбцахъ стали появляться статьи за статьей, въ которыхъ говорилось о необходимости готовиться въ возстанію. «Конфедераты», какъ они начали называть себя, были глубоко убѣждены, что правительство будетъ такъ любезно, что предоставитъ имъ спокойно заниматься приготовленіемъ къ возстанію, лишь-бы они не выходили изъ предѣловъ внѣшней законности, и начнетъ дѣйствовать противъ нихъ лишь тогда, когда они объявятъ, что готовы его свергнуть.

Въ іюнѣ они разѣхались по провинціямъ, чтобы рѣчами на митингахъ подготовить народъ къ возстанію въ августѣ и удостовѣриться, на какія силы они могутъ рассчитывать.

Правительство, между тѣмъ, не дремало. Оно усилило гарнизоны, стянуло войска, устроило подвижные лагеря и вдругъ, въ началѣ іюля, отмѣнило Habeas Corpus и тотчасъ-же издало приказъ объ арестѣ О'Бріена, Мегира, Дуффи и другихъ вождей конфедератовъ. Вѣсть объ этомъ застала О'Бріена въ уксфордскомъ графствѣ. Онъ тотчасъ-же поѣхалъ въ Типперари, чтобы собрать здѣсь сколько возможно силъ. Сюда-же поспѣшили и остальные вожди, кромѣ Дуффи, арестованнаго въ Дублинѣ. На ихъ призывъ начали уже стекаться толпы крестьянъ, не особенно, впрочемъ, многочисленныя, но тутъ въ дѣло вѣшались священники. Они внезапно появились среди толпы, умоляя ее разойтись. «Есть-ли у васъ оружіе? спрашивали они, хорошо зная, что его почти нѣтъ.—Гдѣ ваша кавалерія? Гдѣ генералы и офицеры? Ваши предводители, быть можетъ, и честные люди, но они не военные и ведутъ васъ на вѣрную и бесплодную гибель!»

Эти увѣщанія подѣйствовали и народъ сталъ молча расходиться. Скоро вокругъ О'Бріена осталось не болѣе 200—300 плохо вооруженныхъ, обезкураженныхъ и ослабѣвшихъ отъ года крестьянъ. Съ этимъ отрядомъ онъ двинулся на Келькены, но вскорѣ наткнулся на небольшой полицейскій пикетъ и завязалъ съ нимъ перестрѣлку. Полиціи заняла одну ферму, расположенную такъ выгодно, что въ ней могла держаться противъ

вдесятеро-сильнѣйшаго непріятеля, не имѣющаго артиллеріи. Крестьяне придумали, однако, средство обойтись безъ пушекъ: не спрашиваясь вождей, они нанесли хворосту и соломы, намѣреваясь поджечь ферму. Но О'Бріенъ рѣшительно воспротивился такому варварскому способу веденія войны, а между тѣмъ полицейскій отрядъ открылъ огонь по толпѣ. Крестьяне, разсерженные неумѣстной, на ихъ взглядъ, щепетильностью барина, тотчасъ-же разбѣжались.

Прежде чѣмъ наступилъ вечеръ этого перваго дня возстанія, О'Бріенъ, съ двумя-тремя друзьями, былъ уже бѣглецомъ въ горахъ. Въ маѣ онъ и его сторбнники сдѣлали все, чтобы предотвратить готовое вспыхнуть возстаніе, а теперь страна не возставала, несмотря на всѣ ихъ старанія. Съ этого времени никто уже не думалъ о сопротивленіи и воинственная горячка прошла какъ сонъ.

Вскорѣ О'Бріенъ, Мегиръ и другіе вожди возстанія были арестованы и приговорены судомъ къ смертной казни, замѣненной, впрочемъ, пожизненной ссылкой въ Австралію. Значительная часть конфедератовъ бѣжала въ Америку, въ томъ числѣ и будущій глава феніевъ, Джемсъ Стефенсъ, раненый въ плечо при злополучной осадѣ фермы. Дуффи, какъ не участвовавшій въ возстаніи, былъ оправданъ.

II.

Ф Е Н І И.

Ирландское крестьянство, не откликнувшееся на зовъ Молодой Ирландіи, которую оно не знало и которая, съ своей стороны, не потрудилась узнать его, — съ давнихъ поръ жило и продолжало жить въ состояніи постоянного заговора: противъ протестанскихъ священниковъ, пока они преслѣдовали католиковъ, — противъ полицейскихъ, поскольку они вмѣшивались въ его отношенія къ землевладѣльцамъ и, главнымъ образомъ, противъ этихъ землевладѣльцевъ, правъ которыхъ ирландецъ никогда, въ сущности, не признавалъ.

Ирландія страна чисто-земледѣльческая. Большихъ городовъ въ ней можно насчитать не болѣе пяти-шести. Сколько нибудь значительной промышленности мѣшали развиваться многочисленные запретительные законы, такъ-что въ настоящее время только Ульстеръ имѣетъ нѣсколько полотняныхъ фабрикъ. Весь-же югъ, востокъ и западъ острова занятъ населеніемъ ис-

ключительно земледѣльческимъ. А между тѣмъ въ этихъ-то вѣстностяхъ господствуютъ условія фермерства, абсолютно противныя всѣмъ идеямъ ирландскихъ крестьянъ, которыхъ не могла выбить изъ ихъ головъ вся исторія послѣднихъ столѣтій. По убѣжденію ирландскаго крестьянина земля принадлежитъ ему потому, что онъ самъ своими руками сдѣлалъ изъ нея то, чѣмъ она стала. Онъ расчистилъ ее, посадилъ на ней каждый кустъ, каждое дерево, вырылъ колодезь, построилъ домъ и не можетъ представить себѣ, чтобы всѣ эти плоды его трудовъ могли стать собственностью ландлорда. Французскій крестьянинъ, по словамъ Мишле, любитъ землю какъ любовницу. Ирландецъ любитъ землю какъ жизнь и борется за нее какъ за жизнь.

Земельное право, господствующее въ сѣверныхъ протестантскихъ графствахъ—такъ-называемое Ульстерское—признаетъ за фермеромъ право, если не на землю, то на сдѣланныя имъ на ней улучшенія. Фермеръ, снявшій съ платой въ 10 фунтовъ въ годъ за акръ землю, стоящую въ продажѣ по 250 ф. за акръ, и сдѣлавшій на ней улучшенія, которыя возвысили ея стоимость до 20 ф. ренты или 500 ф. продажной цѣны, уходя, имѣетъ право получить 250 ф., или перепродать на рынкѣ свое право на ферму за эту цѣну. За неплатежъ ренты ландлордъ можетъ выгнать его, но обязанъ при этомъ свести съ нимъ всѣ счета за возвысившую цѣну земли. Когда-то это Ульстерское право было общимъ для всей Ирландіи, но уже давно исчезло повсюду, кромѣ сѣверныхъ провинцій. Въ остальной Ирландіи фермеръ, снявшій по 2 шиллинга за акръ кусокъ негоднаго болота, осушившій и превратившій его въ прекрасную ниву, дающую 2 фунта ренты за акръ, можетъ быть увѣренъ, что съ него тотчасъ-же потребуютъ эти 2 фунта, или просто прогонять и землю его передадутъ другому.

Неограниченное право изгнанія (eviction) было первой изъ несправедливостей, противъ которой съ особымъ озлобленіемъ возставали ирландцы, потому-что въ странѣ исключительно земледѣльческой изгнаніе равнялось почти всегда смертному приговору для всей семьи. Ирландскій фермеръ рѣшительно не въ состояніи выдерживать сколько-нибудь продолжительную безработицу, потому-что никакихъ сбереженій у него никогда не бываетъ. Громадность конкуренціи на арендованіе земли заставляетъ желающихъ получить ее набивать цѣну за нее не только до полного дохода съ нея, но часто несравненно выше. Парламентской комиссіи засвидѣтельствованъ тотъ фактъ, что иногда за участки земли, дающіе всего 50 ф. дохода, фермеръ на аукціонѣ обязуется платить 450 ф. ренты.

Очевидно, онъ никогда ее не уплотить и ландлордъ отлично знаетъ это, но онъ будетъ брать съ фермера все, что только родитъ земля за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣръ картофеля, абсолютно необходимыхъ для его существованія. Таково положеніе ирландскаго фермера. Отдавая ландлорду ввидѣ ренты весь доходъ съ земли (Back-renting), онъ все таки вѣчно остается у него въ неоплатномъ долгу и потому ежеминутно можетъ быть выгнанъ, если только ландлордъ заподозритъ его въ лѣности и пожелаетъ отдать его участокъ другому или обратить его въ пастбище для овецъ.

Fisity of tenure—прочность арендованія, какъ гарантія противъ произвольныхъ изгнаній, и faire rents—умѣренныя ренты—являются, такимъ образомъ, первымъ лозунгомъ ирландскаго аграрнаго движенія и, вмѣстѣ съ третьимъ требованіемъ Free sale—свободной перепродажи аренды (въ случаѣ увеличенія доходности земли, благодаря трудамъ фермера)—составляютъ тѣ знаменитыя три F, которыя написала на своемъ знамени Земельная Лига, являющаяся главнымъ орудіемъ борьбы въ новѣйшее время.

Но ирландецъ никогда не мирился съ безправіемъ, созданнымъ въ его отечествѣ иностраннымъ завоеваніемъ. Испоконъ вѣка Ирландія была покрыта тайными крестьянскими обществами, дѣйствовавшими посредствомъ аграрныхъ убійствъ и поджоговъ и наполнявшими ужасомъ иногда цѣлыя графства. Наибольше известными изъ такихъ обществъ въ прошлые вѣка были такъ называемые «бѣлые ребята» (White Boys), «стальные ребята» (Steel Boys), «лѣсные ребята» (Oak Boys) и др. Въ нынѣшнемъ же особенно грозную знаменитость приобрѣли «рибонемены».

Хотя масса кровавыхъ дѣлъ, которыми исписаны тяжеловѣсныя судейскія книги, свидѣтельствуется слишкомъ ясно о подвигахъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ происхожденіе этихъ подвиговъ и внутренняя ихъ организація не вполне ясны для цивилизованныхъ людей. Цѣли и характеръ ихъ мѣнялись, смотря по времени и мѣстности. Во время десятины (которую собирало протестантское духовенство съ католиковъ) крестьяне боролись всего ожесточеннѣе со сборщиками этого налога. Иногда они принимаютъ характеръ стараго trade unionism'a, заставляя подъ страхомъ жестокой мести, давать работу на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Но повсюду ихъ главная цѣль—не допускать гаекrenting (рентъ, равныхъ всему доходу) и изгнаній. Они предъявляютъ свои требованія и въ случаѣ неисполненія ихъ убиваютъ виновнаго, будь то ландлордъ, управляющій, судья, осудившій работника, свидѣтель, показавшій противъ него, или фермеръ, снявшій землю, съ которой былъ изгнанъ его предшественникъ. Аграрныя

преступленія тянутся непрерывно изъ года въ годъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Часто случается, что при убійствѣ какого-нибудь ландлорда, старики вспоминаютъ, что отецъ его или дѣдъ погибли точно такимъ-же образомъ. Убійцамъ, по большой части, удается скрыться. Самый мирный ирландецъ, который самъ никогда не возьметъ въ руки оружія и исправно платитъ ренту, считаетъ своимъ долгомъ укрыть убійцу и помочь ему чѣмъ только можетъ. Если-же убійца пойманъ, то ему остается еще много шансовъ спастись, потому-что непременно явятся лже-свидѣтели, чтобы доказать всѣми правдами и неправдами его невинность, а всеобщее нежеланіе населенія помогать правосудію лишить прокурора возможности собрать противъ него достаточное количество уликъ. Число аграрныхъ убійствъ то увеличиваясь, то уменьшаясь, служило какъ-бы термометромъ, выражавшимъ настроеніе крестьянства. Въ 1849 году, слѣдовавшемъ за голодомъ, число ихъ достигло 203, что объясняется массовыми изгнаніями, практиковавшимися какъ средство избавить Ирландію отъ «избытка населенія», которому, по господствовавшимъ тогда мальтусіанскимъ теоріямъ, приписывали всѣ бѣдствія острова. Изгнаніями рассчитывали заставить бѣднѣйшее населеніе эмигрировать въ Америку. Предполагалось «очистить» такимъ образомъ Ирландію чуть не отъ всѣхъ ирландцевъ, замѣнивъ ихъ шотландцами и англичанами. Англійское воображеніе рисовало уже, вмѣсто хлопотъ изъ-за ренты и вѣчныхъ пререкъ ирландскими бѣдствіями—привлекательную картину правильнаго, англійскаго хозяйства на законо-отнятой у ирландскихъ нищихъ землѣ. Предлоговъ для изгнанія искать не было надобности: въ голодные годы рента не платилась вовсе и на фермерахъ почти всюду были недоимки за 3—4 года.

Вначалѣ эти изгнанія производились съ нѣкоторой осторожностью: фермеровъ соблазнили картинами богатой жизни въ Америкѣ и давали имъ денегъ на дорогу. Но потомъ, когда страсть къ «очищеніямъ» сдѣлалась повальной, изгоняли уже безъ всякихъ разговоровъ цѣлыми тысячами. Въ одинъ 1850 годъ было очищено, такимъ образомъ, до 75,000 фермъ. Образовались эмиграціонные комитеты; сотни пароходовъ перевозили въ Америку эмигрантовъ, которымъ не давали на руки ни копѣйки. Такимъ образомъ, эмигрировало съ 1847 по 1853 годъ больше двухъ милліоновъ ирландцевъ, увозя съ собой только любовь къ Ирландіи, ненависть къ Англій и привычку составлять заговоры.

Въ Америкѣ тѣ, которые не умерли отъ нужды и болѣзней въ первое время по приѣздѣ, присмотрѣвшись къ новымъ усло-

віямъ, начинаютъ по-немногу пускать корни, устраиваться. Законы республики дозволяютъ имъ пользоваться правами ея гражданъ и бѣдный ирландецъ, не имѣвшій дома никакого политическаго значенія, здѣсь, благодаря своему праву вотировать, дѣлается силою, у которой заискиваютъ вожаки всѣхъ партій. Почувствовавъ свою силу, онъ начинаетъ мечтать обратить ее на пользу Ирландіи. Онъ старается заинтересовать американцевъ судьбъ своей родины, и американскіе политики, собирая голоса въ мѣстностяхъ, гдѣ много ирландцевъ, считаютъ своимъ долгомъ во время выборовъ говорить о своей симпатіи къ Ирландіи, обѣщая ей всякую помощь, и участвовать въ процессіяхъ ирландцевъ въ день св. Патрика, покровителя ихъ острова. Въ Америкѣ ирландцы чутко прислушиваются къ тому, что дѣлается на родинѣ и всякій доходящій до нихъ слухъ ловятъ съ жадностью, преувеличивая и перетолковывая его въ желанную сторону. По первому призыву они готовы собирать деньги для Ирландіи, записываться въ волонтеры и остаются въ глубинѣ души ирландцами, даже начавъ говорить по-ирландски съ американскимъ акцентомъ.

Англія жестоко ошиблась, понадѣявшись умиротворить Ирландію посредствомъ эмиграціи. «Если-бы ирландскій народъ могъ только—онъ охотно отодвинулъ-бы свой островъ на двѣ тысячи миль къ западу»—говорилъ въ 1866 году Брайтъ, чтобы обрисовать чувства ирландцевъ къ англичанамъ. «Если-бы англичане могли только, они охотно продержали-бы нашъ островъ двадцать-четыре часа подъ водой океана»—говорятъ ирландцы. Эта ненависть сохранилась и послѣ эмиграціи, но только теперь къ ея услугамъ явились новыя средства борьбы.

Англичане, между тѣмъ, продолжали ликовать. Еще лѣтомъ 1858 года «Таймсъ» объявлялъ, что ирландскія неудовольствія умерли и похоронены и остается только предать ихъ забвенію. Спокойствіе и довольство, царствующія на островѣ, показываютъ, что дни агитаторовъ прошли на-вѣки и никогда болѣе не вернуться. А въ это самое время дублинская полиція уже слѣдила за однимъ тайнымъ обществомъ, которому суждено было почти десять лѣтъ волновать Ирландію.

Антагонизмъ между двумя враждебными фракціями Молодой Ирландіи не прекратился и послѣ разгрома.

Вынужденные обстоятельства принять участіе въ революціонной попыткѣ, сторонники «Nation» оставались въ душѣ конституціоналистами и доказали это при первой возможности. Выйдя изъ тюрьмы и возобновивъ «Nation», Дуффи тотчасъ-же сталъ проповѣдовать конституціонный образъ дѣйствій. Къ нему-

же присоединились прощенные О'Бриенъ, Джонъ Диллонъ и О'Догерти. Это приводило въ негодованіе оставшихся на свободѣ сторонниковъ Митчеля, но они не имѣли пока возможности выступить снова открыто противъ своихъ старыхъ враговъ.

Въ 1858 году въ Килларне нѣсколько молодыхъ людей основало литературное общество подъ названіемъ «Фениксъ». Въ числѣ приглашенныхъ былъ одинъ изъ представителей крайней лѣвой, Джонъ Стефенсъ, тайно вернувшійся изъ Америки съ цѣлью начать агитацію и долго жившій домашнимъ учителемъ въ одномъ семействѣ въ Килларне, не находя почвы для своей дѣятельности. Съ первыхъ-же собраній Стефенсъ былъ пріятно изумленъ давно не встрѣчавшейся ему смѣлостью и рѣзкостью сужденій этихъ молодыхъ людей. Познакомившись ближе съ наиболѣе выдающимся изъ нихъ, сдѣлавшимся впоследствии известнымъ подъ именемъ Росса, онъ открылъ ему, что если въ Ирландіи образуется значительное тайное общество, съ цѣлью освобожденія ея отъ Англіи, то можно разсчитывать на самую дѣятельную помощь изъ Америки деньгами, оружіемъ и людьми. Россъ, который самъ давно мечталъ о чемъ-нибудь подобномъ, тотчасъ-же согласился на предложеніе Стефенса, образовать такое общество и оба они приступили къ дѣятельной пропагандѣ въ этомъ направленіи. Вскорѣ изъ 100 молодыхъ людей, записанныхъ членами «Феникса», 90 сдѣлались членами новаго тайнаго общества. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя общество «Фениксъ» и называлось почему-то литературнымъ, но литераторовъ въ его средѣ не было ни одного, состояло-же оно изъ ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, сыновей фермеровъ и тому подобнаго люда. Вербовка новыхъ членовъ въ Коркѣ и Керри пошла очень дѣятельно и все изъ той-же среды. Завербованные старались добыть какое-нибудь оружіе и учились владѣть имъ. Тайну они хранили очень плохо, такъ-что вскорѣ о нихъ узнала полиція и заговорили журналы. «Nation» направила противъ нихъ нѣсколько статей, порицавшихъ тайныя общества и революціонный путь въ Ирландіи вообще. Католическое духовенство заговорило противъ нихъ съ каедръ. Все это подѣйствовало — вербовка прекратилась. Привѣтельство сдѣлало нѣсколько арестовъ, но такъ-какъ никакихъ преступленій за обществомъ не оказалось, то по суду всѣ арестованные были оправданы. Тайное общество не уничтожилось, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ влачило довольно жалкое существованіе, ограничиваясь почти исключительно полемикой съ «Nation» и враждебнымъ ему духовенствомъ. Однако, за это время оно сдѣлало важное приобрѣтеніе въ лицѣ трехъ очень талантливыхъ и образованныхъ людей — Кнеггана, О'Лири

и Луби, докторовъ по профессіи и уроженцевъ Типперари. Въ противоположность Молодой Ирландіи, новое общество почти исключительно вербовалось въ низшихъ классахъ народа и для него было большимъ приобрѣтеніемъ нѣсколько образованныхъ людей, способныхъ дѣйствовать за него перомъ. Кромѣ того, американскій членъ общества Джонъ О'Магони придумалъ для него очень удачное названіе «феніевъ». — «Они надѣлаютъ намъ много хлопотъ», сказалъ одинъ проникательный англійскій писатель, услыхавъ объ этомъ. На этотъ разъ ирландцы нашли хорошее названіе. Феніи имѣютъ будущность».

По преданію, семнадцать столѣтій назадъ, «феніями» называлась ирландская милиція. Ореолъ таинственности и древности окружалъ это имя, дѣйствовавшее чарующимъ образомъ на умы ирландцевъ и даже англичанъ. Политическія событія Европы сильно помогли успѣху молодого общества. Въ это время въ Италіи совершалась послѣдняя борьба съ деспотизмомъ бурбоновъ. Сочувствіе всего англійскаго общества бойцамъ свободы было такъ велико, что даже «Times» толковалъ о правѣ народовъ самимъ избирать себѣ правительство и объ обязанности бороться за это право. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель, говорилъ въ томъ-же смыслѣ. Даже въ тронной рѣчи королевы можно было найти намеки на ту-же доктрину. Партія «Nation», желая поймать англійское правительство на словѣ, предложила петицію королевѣ о дарованіи Ирландіи отдѣльнаго парламента и независимаго законодательства.

«Мы надѣемся, говорили петиціонеры, — что наше желаніе, всеобщность котораго можетъ быть провѣрена правильными водами населенія, будетъ признана не менѣе справедливымъ потому только, что мы избрали скромный и законный путь петицій, въ противоположность революціонной политикѣ Италіи, такъ сильно одобряемой министерствомъ».

Эта петиція имѣла пятьсотъ тысячъ подписей, но отвѣта на нее не было получено. А феніи вмѣсто отвѣта указывали на статью «Таймса», гдѣ говорилось: «Недостаточно того, что жители центральной Италіи хотятъ свободы: и канарейка, запертая въ влѣткѣ, хочетъ ея. Нужно знать, готовы-ли итальянцы бороться за свою независимость, потому-что только въ послѣднемъ случаѣ Англія должна прислушаться къ ихъ голосу».

Не малую службу сослужили феніанской агитаціи и похороны Мекъ-Мануса, одного изъ вождей движенія 1848 года, бѣжавшаго изъ ссылки и умершаго въ С.-Франциско. Его тѣло было привезено въ Ирландію и похороны обратились въ громадую манифестацію, которой руководили феніи. Даже враги ихъ, сторон-

ники мирныхъ средствъ во что - бы то ни стало, группировавшіеся вокругъ «Nation», должны были принять въ ней участіе, не рѣшаясь идти противъ всеобщаго народнаго чувства. Почти всѣ города и множество деревень высылали депутаціи на встрѣчу тѣла Мекъ - Мануса, которое при громадномъ стеченіи народа было погребено въ Кинстоунѣ 30-го октября 1861 года. Феніи говорили впоследствии, что за это время они сдѣлали больше успѣховъ, чѣмъ за всѣ предыдущіе годы, вмѣстѣ взятые. Американскіе делегаты, сопровождавшіе тѣло, возвратившись домой, рассказывали своимъ американскимъ соотечественникамъ объ успѣхахъ агитаціи въ Ирландіи. Американскіе ирландцы принялись серьезно готовиться къ дѣлу: они собирали большія деньги и спѣшили записываться въ феніи.

Въ Америкѣ въ это время шла война между сѣверомъ и югомъ. Ирландцы поступали обыкновенно въ войска того штата, въ которомъ жили, и ихъ было не мало въ обѣихъ враждебныхъ арміяхъ. Но лишь только дѣло касалось Ирландіи, все тотчасъ забывалось и ирландецъ соединялся съ ирландцемъ, съ которымъ недавно, можетъ быть, сражался на высотахъ Фридерихстауна, гдѣ особенно отличались ирландцы обѣихъ армій, и вмѣстѣ шли записываться въ феніи. Въ Сѣверныхъ Штатахъ существовало сильное неудовольствіе на Англію за слишкомъ поспѣшное признаніе юга воюющей стороною. Потомъ вопросъ объ Алабамѣ еще болѣе обострилъ отношенія. Феніи надѣялись на войну между Англіей и Америкой и уже незнакомцы съ кельтическими чертами лица, съ американскимъ выговоромъ и въ одеждѣ американскихъ солдатъ, начали показываться въ ирландскихъ деревняхъ. Здѣсь они встрѣчали старыхъ друзей своей семьи и рассказывали имъ о великой войнѣ за океаномъ, въ которой не послѣднюю роль играли и ирландцы, и о томъ, какія приготовленія дѣлаются тамъ для освобожденія ихъ общей родины.

Въ апрѣлѣ 1865-го года американская война окончилась. Ирландскія войска остались безъ дѣла. Съ этого времени каждый пароходъ изъ Америки высаживалъ на берега Ирландіи сотни волонтеровъ и ящики съ оружіемъ. Во всей странѣ началось сильнѣйшее возбужденіе. Съ августа пресса начала наполняться испуганными письмами землевладѣльцевъ, которымъ все чудились приготовленія къ ночнымъ нападеніямъ. Правительство давно готово было дѣйствовать и выжидало только удобнаго момента. Оно уже съ годъ какъ помѣстило при редакціи «Irish People» (Ирландскій народъ)—главномъ органѣ феніевъ—своего агента. Это былъ ирландскій Нигель, сзумѣвшій сдѣлаться доврѣн-

нымъ лицомъ Стефенса и доставлявшій въ полицію точнѣйшія свѣденія о всѣхъ затѣяхъ феніевъ. Въ серединѣ октября 1865 года Нигель узналъ, что въ провинцію отправляется какая-то очень важная бумага. Подкарауливъ гонца, заснувшего на скамьѣ въ типографіи, Нигель ухитрился выкрасть у него изъ кармана эту бумагу и увидѣлъ, что въ ней заключались распоряженія о немедленномъ созывѣ всѣхъ мѣстныхъ феніевъ для выбора делегатовъ, которые должны отправиться въ Дублинъ и тамъ получить нужныя инструкціи и полномочія для немедленнаго дѣйствія.

«Помните, говорилось въ бумагѣ, принадлежавшей перу Стефенса,—не позже какъ черезъ два мѣсяца Ирландія должна стать республикой».

Снявъ копию съ этого въ высшей степени важнаго документа, Нигель тотчасъ-же препроводилъ его по начальству. Правительство разсудило, что медлить долѣе было-бы опасно и въ ту-же ночь была захвачена типографія и арестованы давно уже намѣченные предводители феніевъ за исключеніемъ Стефенса и двухъ-трехъ другихъ, которымъ удалось скрыться. Но это не успокоило общество. «Пока дѣлъ Стефенсъ, ничего еще не сдѣлано», говорили боязливые люди. Прошло около двухъ мѣсяцевъ прежде чѣмъ Стефенсъ, наконецъ, попался, къ великому удовольствію всѣхъ благонамѣренныхъ. Но не долго пришлось имъ радоваться. Черезъ десять дней послѣ его ареста городъ облетѣла вѣсть, что Стефенсъ бѣжалъ изъ неприступной Ричмондской тюрьмы. Этотъ невѣроятный побѣгъ (объясняющійся, какъ оказалось впоследствии, очень просто тѣмъ, что двое изъ тюремщиковъ были феніи) сильно увеличилъ его популярность въ низшихъ слояхъ населенія и наполнилъ ужасомъ высшіе. Со дня на день ждали возстанія, потому-что содержаніе бумаги, выкраденной Нигелемъ у спящаго гонца, было напечатано во всѣхъ газетахъ. Но вотъ годъ кончился благополучно. Начались суды. Захваченные вожди были приговорены къ 20—15 годамъ каторги; Россъ—къ вѣчной. Но и феніи продолжали дѣйствовать: на мѣсто выбывшихъ предводителей назначали новыхъ; вербовка продолжалась; изъ Америки подвозились деньги, люди, оружіе.

Весной этого года американскіе феніи задумали сдѣлать нападеніе на англійскія владѣнія въ Америкѣ. Въ ночь на 31 мая 1866 года отрядъ феніевъ перешелъ рѣку Ниагару, заставилъ отступить Канадійскихъ волонтеровъ и занялъ фортъ Эри. Блескъ успѣха озарилъ на минуту предпріятіе. Но Штаты выказали неожиданную заботу объ интересахъ англичанъ: они воспрепят-

ствовавали дальнѣйшему переходу черезъ рѣку и кое-кого арестовали на своемъ берегу. Канадійскія власти поспѣшили съ подкрѣпленіями. Произошла стычка; нѣсколько феніевъ было убито, нѣсколько схвачено; остальные перешли рѣку назадъ и экспедиція окончилась.

Стефенсъ, бѣжавшій въ Америку, снова объявилъ, что въ этомъ году неминуемо начнется возстаніе, и по мѣрѣ приближенія конца года, ожиданіе стало въ высшей степени напряженнымъ. Но вотъ кончился 1866-й годъ, а возстанія все еще не было. Уже нѣсколько разъ, начиная съ осени 1865-го года, англійская пресса объявляла, что съ феніанизмомъ, наконецъ, покончено и дѣлала изъ этого разные поучительные выводы. На этотъ разъ хоръ былъ громче, чѣмъ когда-либо. Но теперь у феніевъ явилась рѣшимость отчаянія. Они почувствовали, что продолжать готовиться и готовиться къ возстанію, подъ непрерывными ударами правительства, становилось невозможнымъ—терялась бодрость, вѣра. Немногіе изъ вождей надѣялись на успѣхъ, но всѣмъ казалось, что лучше погибнуть въ безнадежной борьбѣ, чѣмъ сдаться безъ борьбы послѣ столькихъ разговоровъ о ней. И вотъ тайный совѣтъ, собранный въ Дублинѣ, назначилъ возстаніе на 12-е февраля 1867 года; потомъ, дня за два до этого числа, отложилъ его на 5-е марта. Вдругъ, 13-го февраля, распространился слухъ, что Западное Керри находится въ возстаніи. Все джентри этого графства, съ женами, съ дѣтьми и наиболѣе цѣннымъ имуществомъ, кинулось въ городъ, позанимало всѣ отели и, запасшись провизіей на цѣлые мѣсяцы, укрѣплялось въ нихъ, подъ защитой войскъ и полиціи. Леди шли мѣшки, а джентльмены наполняли ихъ пескомъ и сносили въ залы, чтобы барикадировать окна. Изъ Дублина, Корва и Лиммерика прибыли войска и цѣлую недѣлю маршировали по горнымъ дорогамъ, пока, наконецъ, не убѣдились, что нигдѣ никакихъ вооруженныхъ бандъ нѣтъ. Эта паника объяснилась впоследствии тѣмъ, что приказъ, отмѣнявшій востаніе на 12-е февраля, всюду дошедшій во время, не былъ полученъ феніями Зап. Керри, и они, ничего не подозревая, выступили на соединеніе съ другими феніями и только дорогой узнали, что дѣло отложено. Они вернулись по домамъ, но были замѣчены и тѣмъ произвели всеобщую панику.

Наконецъ, настало и 5 марта. Правительство, отлично знавшее обо всѣхъ намѣреніяхъ феніевъ чрезъ своихъ агентовъ, находившихся въ самомъ центрѣ заговора, приготовилось встрѣтить и уничтожить феніевъ на всѣхъ пунктахъ. Пересѣченіе западныхъ и южныхъ дорогъ Ирландіи было назначено сборнымъ

пунктомъ для главныхъ феніанскихъ отрядовъ. Здѣсь генераль Массе долженъ былъ въ полночь принять надъ ними начальство. Правительственныя войска съ вечера заняли этотъ пунктъ и арестовали самого генерала Массе. Подходившіе одинъ за другимъ отряды, при видѣ предупредившихъ ихъ войскъ, въ отчаяніи разбѣгались. Это былъ первый и окончательный ударъ возстанію.

Почти такимъ-же образомъ предупредило правительство и попытку инсургентовъ овладѣть Дублиномъ. Изъ донесенія своихъ агентовъ оно знало, что феніи назначили сборнымъ пунктомъ пустырь миляхъ въ пяти отъ города. Сдѣлавъ распоряженіе выпускать въ ночь на 5-е марта всѣхъ желающихъ выйти изъ города, но не впускать никого обратно, оно заняло войсками сборный пунктъ и захватывало или заставляло разбѣгаться всѣхъ подходившихъ.

Серьезнѣе было дѣло въ Кильмалогѣ. Этотъ городокъ утромъ 6-го марта былъ занятъ отрядомъ феніевъ и цѣлый день находился въ ихъ власти, потому-что полиція заперлась въ своихъ казармахъ. Часть отряда занялась осадой казармъ, а другая разсыпалась по городу, всюду разъискивая оружіе, но не трогая ничего другого. Къ вечеру подошли войска и феніи разбѣжались.

Всего сильнѣе было возстаніе въ окрестностяхъ Корка и въ Типперари. Здѣсь полицейскія казармы были взяты, полицейскіе взяты въ плѣнъ, но когда феніи хотѣли двинуться далѣе, противъ нихъ выступила, казалось, природа. Пятаго марта снѣгъ выпалъ въ такомъ изобиліи, въ какомъ почти никогда не выпадаетъ въ мягкомъ климатѣ Ирландіи. Онъ тихо падалъ большими хлопьями цѣлый день и цѣлую ночь и, покрывъ поля и дороги, сдѣлалъ совершенно непроходимыми горныя проходы, гдѣ инсургенты должны были укрѣпиться. Снѣгъ продолжалъ падать и въ слѣдующіе дни, а когда, наконецъ, пересталъ—окончилось и возстаніе, какъ-бы погребенное подъ бѣлымъ саваномъ. Оставалось только судить арестованныхъ. Они появились передъ судомъ, спокойные и мужественные, готовые умереть, не бравирова и не рисуясь. Многіе носили знаки отличія за американскую войну, пожертвовавъ для родины выгодной карьерой тамъ, за океаномъ. Англичане начали сочувствовать еще недавно пугавшимъ ихъ феніямъ. Было произнесено нѣсколько смертныхъ приговоровъ. Но громадный митингъ, съ участіемъ политико-эконома Миля, Брайта и другихъ знаменитостей, собрался въ Лондонѣ, чтобы просить о помилованіи. Не было конца рукоплесканіямъ, когда Миль взволнованнымъ го-

лосомъ говорилъ о примиреніи и прощеніи. Приговоръ не былъ исполненъ.

Этотъ митингъ послужилъ началомъ серьезной работы общественнаго мнѣнія Англіи для изысканія средствъ къ прекращенію «ирландскихъ неудовольствій». Попытка возстанія не послужила, какъ это непременно случилось-бы въ большей части континентальныхъ государствъ, предлогомъ для жестокихъ гоненій противъ всего, имѣвшаго какое-нибудь отношеніе къ неудавшемуся движенію. Подавивъ такъ легко возстаніе, англичане понимали, что этимъ дѣломъ не кончится, что за слабой попыткой должна послѣдовать другая, сильнѣйшая, если не будутъ устранены причины, породившія возстаніе. Поэтому, феніанское возстаніе послужило стимуломъ не къ реакціи, а къ реформамъ. «Нужно что-нибудь сдѣлать для Ирландіи — таковъ былъ голосъ всего либеральнаго общественнаго мнѣнія. Консерваторы, для которыхъ сохраненіе *statu quo* являлось вопросомъ личной выгоды, подняли, разумѣется, вой, но большинство оказалось не на ихъ сторонѣ и либеральному министерству Гладстона удалось провести два важныхъ акта.

Въ сессію 1869 года былъ принятъ, послѣ жаркихъ споровъ, билль, уничтожавшій протестантскую церковь въ Ирландіи, какъ государственное учрежденіе. Церковное имущество, стоимостью въ 60 милліоновъ фунтовъ, обращалось частью на вознагражденіе протестантскихъ пасторовъ, потерявшихъ свои приходы безъ прихожанъ, частью на ирландскія благотворительныя учрежденія. Затѣмъ, въ сессію 1870 года Гладстонъ провелъ «Земельный Актъ», который давалъ фермерамъ право, при изгнаніи съ фермы, получать вознагражденіе за сдѣланныя или улучшенія. Но это право было обставлено такими ограниченіями, что на практикѣ ландлордъ всегда могъ обойти его и выиграть процессъ передъ судомъ. Кромѣ того, актъ не касался источника зла: право ландлорда произвольно поднимать цѣну аренды, хотя-бы въ нѣсколько разъ выше всего дохода съ земли—причемъ право на вознагражденіе при изгнаніи становилось чистой фикціей. Однако, одну несомнѣнно хорошую сторону имѣлъ этотъ актъ: онъ признавалъ въ принципѣ, что и ирландскіе фермеры могутъ имѣть свои права, въ противность давнишнему убѣжденію англичанъ, когда-то провозглашенному Пальмерстономъ при громкихъ рукоплесканіяхъ: «права фермеровъ—ничто иное, какъ нарушеніе правъ ландлордовъ».

Въ томъ-же 1870-мъ году снова начала дѣйствовать и замолкнувшая было конституціонная партія. По ея инициативѣ былъ созванъ въ Дублинѣ достопамятный митингъ, поставившій своею

цѣлью рѣшить, какой программы должны держаться ирландцы, желающіе мирнымъ и законнымъ путемъ достигнуть благосостоянія своей родины. Въ этомъ митингѣ приняли участіе представители всѣхъ политическихъ партій Ирландіи. Преобладали конституціоналисты партіи «Nation», но были и феніи, и ирландскіе консерваторы, стоявшіе за сохраненіе statu quo во внутреннемъ устройствѣ Ирландіи, но враждебные, какъ и всѣ ирландцы, англійскому владычеству.

Послѣ долгихъ преній митингъ пришелъ къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: 1. Истиннымъ средствомъ противъ всѣхъ бѣдствій Ирландіи можетъ быть только учрежденіе отдѣльнаго ирландскаго парламента, пользующагося полной автономіей во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ Ирландіи, предоставляя англійскому парламенту всѣ дѣла внѣшнія, какъ-то: управленіе колоніями, дипломатическія сношенія, организацію арміи и флота и т. д., и обязуясь уплачивать приходящіе на долю Ирландіи налоги.

2. Для достиженія этой цѣли основывается общество, ставящее своей единственной задачей дѣйствовать на общественное мнѣніе и привлекать въ свои ряды всѣхъ ирландцевъ. Всѣ признающіе цѣль, указанную въ первомъ параграфѣ, могутъ быть членами общества, какихъ-бы ни были они убѣжденій по другимъ вопросамъ.

Главою общества былъ признанъ старикъ Бетъ, тори и протестантъ, знаменитый какъ адвокатъ. Общество было встрѣчено очень сочувственно. Только часть католическаго духовенства объявила себя противъ этой агитаціи. Конечно, не могли быть довольны этимъ движеніемъ и республиканцы-феніи. Но они были слишкомъ недавно и рѣшительно разбиты, чтобы ихъ голосъ могъ быть слышенъ въ общемъ хорѣ.

На дополнительныхъ выборахъ 1871—72 года общество въ первый разъ выставило своихъ кандидатовъ и въ четырехъ мѣстахъ одержало рѣшительную побѣду, несмотря на оппозицію лордовъ и духовенства. Осенью 1874 года ожидалась общіе выборы и, желая подготовиться къ нимъ, общество собрало въ Дублинѣ съѣздъ, куда явилось девятьсотъ делегатовъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Ирландіи. Здѣсь окончательно былъ выработанъ уставъ и программа общества, которое было преобразовано въ Лигу Самоуправленія. (Home Rule).

Но парламентъ былъ неожиданно распущенъ въ февралѣ 1874 года, такъ-что вмѣсто осени выборы должны были производиться весной. Это обстоятельство поставило въ большое затрудненіе Home-ruler'овъ, неуспѣвшихъ хорошенько приготовиться къ выборамъ. Со всѣхъ сторонъ къ нимъ обращались съ тре-

бованіемъ кандидатовъ, которыхъ у нихъ не было на готовѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выставили себя кандидатами никому неизвѣстные люди, объявивъ себя Home-ruler'ами, одержали верхъ надъ людьми хорошо извѣстными въ странѣ. Въ результатъ выборовъ оказалось, что изъ 103 ирландскихъ представителей шестьдесятъ оказались Home-ruler'ами.

До сихъ поръ ирландскіе представители никогда не составляли отдѣльной группы, а входили въ составъ различныхъ англійскихъ партій, съ которыми и вотируютъ. На этотъ разъ Home-ruler'ы, подъ предводительствомъ Бета, явились отдѣльной парламентской фракціей и заняли особую скамью.

Кромѣ своей главной задачи — готовить общественное мнѣніе къ парламентскому самоуправленію Ирландіи, они рѣшили заявить рядъ практическихъ требованій, настолько умѣренныхъ, чтобы существующій парламентъ нашелъ возможнымъ удовлетворить ихъ. «Этимъ путемъ вы ничего не добьетесь», говорили имъ феніи. Лучшимъ отвѣтомъ было-бы добиться многого. Они начали съ предложенія расширить «Земельный Актъ» Гладстона въ смыслѣ большаго приближенія его къ ульстерскому праву. Но министерство Дизраэли, вступившее въ управленіе, не было склонно къ уступкамъ. Home-ruler'амъ не удалось доказать практически превосходство своего пути, тѣмъ не менѣе партія ихъ продолжала расти и усиливаться, пока неожиданное обстоятельство не отодвинуло ее на задній планъ, выдвинувъ снова жгучій аграрный вопросъ. Это былъ голодъ 1879 года, начавшійся дурнымъ урожаемъ 1877 и 78 года, точъ въ точъ какъ великій голодъ 1847—48 года.

Ужасный голодъ 1849 года, описанный нами выше, до сихъ поръ съ содроганіемъ вспоминался ирландцами. Неурожай картофеля въ теченіи двухъ послѣдовательныхъ годовъ 1877 и 78 годовъ заставлялъ ожидать возвращеніе всѣхъ ужасовъ 1849 года. Что-же нужно было сдѣлать, чтобы предотвратить ихъ?

Прежде всего необходимо было организовать обширную помощь голодающимъ. Примѣръ 1849 года показалъ, что нечего рассчитывать ни на ландлордовъ, которые при видѣ голодной смерти своихъ фермеровъ *«радовались, что имъ удалось, наконецъ, отъ нихъ избавиться»* (О'Коноръ, «Contemporary Review». Decemb. 1880), ни на правительство, которое начало помогать тогда, когда массы народа уже перемерли отъ голода. Поэтому нужно было организовать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ частную помощь. Честь этого дѣла принадлежитъ дѣлкомъ Земельной Лигѣ, основанной Девигомъ и Парнелемъ. Агитація герцогаини Мельбру, билль о посѣвахъ, билль о вспоможеніи явились

лишь какъ слѣдствіе возбужденія общественнаго мнѣнія, вызваннаго ихъ дѣятельностью. Лучшимъ доказательствомъ небрежности или по крайней мѣрѣ инертности правительства можетъ служить тотъ фактъ, что когда, 27 марта 1879 года, министерству сдѣлано было предупрежденіе о возможности ужаснаго голода въ Ирландіи, государственный секретарь м-ръ Лоутеръ отвѣчалъ, что ему очень пріятно заявить, что послѣдствія неурожая въ Ирландіи далеко не такъ сильны и всеобщы, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Соединеннаго Королевства (!). До конца *ноября*, когда вышелъ циркуляръ, разрѣшающій займы ландлордамъ, правительствомъ ничего не было предпринято.

Но кромѣ прямой борьбы съ голодомъ друзьямъ ирландскаго народа предстояла другая задача, несравненно болѣе сложная. Годы невольныхъ страданій были всегда годами самыхъ ужасныхъ преслѣдованій для ирландскаго фермера. Умиращій съ голоду не можетъ платить ренты. «Но овцы и быки, говоритъ одинъ писатель,—могутъ платить ренту и притомъ очень хорошую. И вотъ земля отнимается у крестьянина и отдается овцамъ и быкамъ». Въ теченіи четырехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за голодомъ (1849 — 52 г.), по свидѣтельству превосходныхъ статистическихъ таблицъ Морисона было 221,845 изгнаній! Число же крестьянскихъ домовъ въ 1841 году равнялось 491,278, а въ 1851 году 135,589! А въ Канаутъ съ 121,346 уменьшилось до 31,586!..

Не подлежало никакому сомнѣнію, что и теперь ландлорды прибѣгнутъ къ той-же системѣ. Уже съ 1876 года, когда неурожай началъ давать себя чувствовать, число изгнаній начало быстро расти. Въ 1877 году ихъ было 1,323, въ 1878—году—1,749, въ 1879 году 3,893, а въ 1880 году ожидалось 15,000! Ужасное число, но оно покажется совершенно ничтожнымъ сравнительно съ числомъ изгнаній въ періодъ великаго голода, когда оно достигало пятидесяти, семидесяти-пяти тысячъ въ годъ.

Эту огромную разницу слѣдуетъ приписать не большому милосердію ландлордовъ, даже не меньшимъ размѣрамъ бѣдствія, потому-что урожай картофеля 1879 года мало чѣмъ превосходилъ урожай 1847 года: она обусловливается исключительно успѣшной дѣятельностью Земельной Лиги.

Но о ней мы поговоримъ подробно въ слѣдующей книгѣ.

В.

II.

РЕФОРМЫ ВЪ ТУРЦІИ И ПАНИСЛАМИЗМЪ.

Судя по грозному и воинственному тону, которымъ заговорили, за послѣднее время, константинопольскія газеты, можно подумать, что Турція, которую мы давно привыкли считать трупомъ, находится наканунѣ своего возрожденія. Только и рѣчи, что о воссоединеніи всѣхъ отдѣльныхъ частей, нѣкогда входившихъ въ составъ турецкой имперіи и о подчиненіи всего мусульманскаго міра верховному владычеству его величества султана.

Усиленіе оттоманскаго честолюбія, которое растетъ пропорціонально потерямъ Турціи, безъ сомнѣнія, доказываетъ твердую вѣру въ свои силы, достойную лучшей участи, чѣмъ та, которая, вопреки Аллаху и его пророку, достается уже давно въ удѣлъ Блистательной Портѣ. Предположивъ, что измѣнчивая фортуна захочетъ, наконецъ, улыбнуться этимъ честолюбивымъ замысламъ, нельзя не замѣтить, что сынамъ Магомета придется не мало поработать и прежде всего слѣдуетъ спросить, много-ли сдѣлано за послѣдніе годы для улучшенія внутренняго устройства Турціи и поднятія этого устройства до уровня ея вѣшнихъ, честолюбивыхъ плановъ.

Событія 1876 г. вызвали и въ Турціи революцію: она нацѣпила себѣ конституцію, выкроенную по западному образцу и при видѣ представителей турецкаго народа, можно было принять ихъ за нашихъ старыхъ членовъ конвента. Безъ сомнѣнія, изъ этой революціи все-таки кое-что уцѣлѣло и западный европеецъ, не безъ удовольствія, можетъ констатировать въ настоящую минуту, что многія изъ учрежденій, встрѣченныхъ въ Турціи, представляютъ сколокъ съ процвѣтающихъ въ его собственномъ отечествѣ.

Возьмемъ для примѣра одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ функцій, отправленіе правосудія. Изъ недавняго процесса, происходившаго въ Стамбулѣ, мы могли судить о сдѣланныхъ успѣхахъ. Слыша о правильно устроенномъ судѣ, о правильной процедурѣ уголовного слѣдствія, о публичности преній, о кассационномъ обезпеченіи,—мы искренно радовались, что даже въ Турціи подсудимые не предаются безъ всякой защиты въ руки произвола и деспотизма. Чтобы дать себѣ болѣе точный отчетъ

въ этомъ отношеніи, остановимся немного на этомъ пресловутомъ процессѣ.

I.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ мірѣ нѣтъ страны болѣе демократичной, чѣмъ Турція, гдѣ человѣкъ, родившійся невольникомъ, можетъ сдѣлаться пашою и наоборотъ. Это равенство всѣхъ предъ судьбою и судомъ, самымъ поразительнымъ образомъ выяснилось изъ послѣдняго процесса. Дѣйствительно, мы видѣли, что прежнихъ министровъ, людей, въ свое время, бывшихъ всемогущими, заключаютъ въ тюрьму, какъ самыхъ обыкновенныхъ подсудимыхъ и приговариваютъ къ смерти, а между тѣмъ, ни въ Стамбулѣ, ни въ Перѣ этому не удивились и этимъ не обезпечились. Никто изъ прежнихъ кліентовъ и креатуръ ихъ не подумалъ о ходатайствѣ въ ихъ пользу. Если они могли отъ кого-нибудь ожидать помощи, то развѣ отъ тѣхъ иностранныхъ державъ, противъ политики которыхъ они такъ часто боролись, и отъ дипломатовъ, съ которыми они играли порой такія злыя штуки, сохраняя обычные формы изысканной восточной вѣжливости.

Извѣстно, въ чемъ заключалась вина этихъ великихъ преступниковъ.

Пять лѣтъ назадъ султанъ Абдуль-Азисъ умиралъ въ своей темницѣ. Изъ протокола, подписаннаго, какъ европейскими, такъ и туземными врачами, оказывалось, что эвсъ-султанъ наложилъ на себя руки.

Публика не повѣрила, однако, протоколу. Никто въ то время не отнесся серьезно къ легендѣ о самоубійствѣ, при помощи ножницъ, пущенной въ ходъ правительствомъ и официально принятой съ самымъ серьезнымъ видомъ всѣми канцеляріями. Но зато внѣ официального міра легенду принимали съ улыбкой. Недовѣрія. Народъ говорилъ объ «убійствѣ». Не было примѣра, говорили стамбульскіе турки, чтобъ султанъ лишалъ себя жизни; министры, низлагая его, подписали его смертный приговоръ. Да и къ чему оставлять его въ живыхъ, когда онъ можетъ причинить имъ еще хлопоты? Итакъ, эвсъ-султанъ былъ устраненъ, вслѣдствіе *raison d'Etat* и съ общаго согласія министровъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ. Неизвѣстно было, кто именно нанесъ ударъ, но никто не сомнѣвался въ самомъ его нанесеніи, а такъ-какъ никто не былъ заинтересованъ поднятіемъ завѣсы, то можно было думать, что смерть Абдуль-

Азиса займетъ свое мѣсто въ ряду неразъясненныхъ государственныхъ тайнъ.

Только не много времени тому назадъ возникъ вопросъ о судебномъ преслѣдованіи предполагаемыхъ убійцъ Абдулъ-Азиса. Велико было удивленіе по всей Европѣ, когда узнали объ этомъ, а равно и объ именахъ подсудимыхъ. Бывшій великій визирь Мехмедъ-Рушди, бывшій шейхъ-уль-исламъ, Гайрулла-эффенди, двое зятьевъ нынѣшняго султана—Махмудъ-Дамать-паша и Нури-Дамать-паша, наконецъ, знаменитый Митхадъ-паша, — таковы были люди, которымъ предстояло явиться предъ судомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими евнухами и дворцовыми служителями, по обвиненію въ царубійствѣ.

Между тѣмъ стали ходить слухи о томъ, что все это дѣло затѣяно султаномъ и его вѣрнымъ Махмудомъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ) единственно съ цѣлью избавиться отъ неудобныхъ для нихъ личностей. Отвѣтомъ на эти слухи было заявленіе правительства, что судоразбирательство будетъ происходить чинно и публично и сообразно со всѣми формальностями, предписываемыми европейскими законодательствами. Увѣряли даже, что самъ султанъ со своими приближенными будетъ присутствовать на судѣ и наблюдать за правильностью судебныхъ преній. Какую-же бѣольшую гарантію можно было пожелать для обезпеченія свободы защиты и независимости судей?

Рѣшено было, что судъ соберется въ одномъ изъ помѣщеній, находящихся въ садахъ Ильдизъ-Кюска, но такъ-какъ всѣ эти помѣщенія были признаны недостаточно обширными, то была раскинута у самаго дворца огромныхъ размѣровъ палатка, могущая вмѣстить и публику. Забыли только объ одномъ, а именно: предупредить публику о днѣ и часѣ судоговоренія, что сдѣлалось известнымъ только въ послѣднюю минуту. Впрочемъ, оно оказалось и совершенно излишнимъ, такъ-какъ тѣхъ, кто явился, безъ церемоніи, выпроводили вонъ, а впускали только лицъ, явившихся съ билетами, которые крайне скупо раздавались во дворцѣ.

II.

27-го іюня начались засѣданія суда. Судьи помѣщены были на особой эстрадѣ. На право отъ нихъ—прокуроръ, на лѣво—шесть секретарей. Позади судей нѣсколько близкихъ ко двору лицъ, бѣольшею частью безбородые люди, щегольски одѣтые и среди нихъ евнухъ и любимецъ султана Хейрединъ-ага со своими стеклянными глазами и доснящимся отъ жару чернымъ ли-

цемъ. Надъ секретарями—адвокатская скамья съ четырьмя официальными защитниками, назначенными правительствомъ, но которымъ запрещено имѣть какія-бы то ни было сношенія съ подсудимыми. Предъ ними нѣсколько соломенныхъ стульевъ для подсудимыхъ. Тутъ-же два столика: одинъ съ вещественными доказательствами, другой съ кораномъ, евангеліемъ и талмудомъ для приведенія къ присягѣ свидѣтелей различныхъ исповѣданій.

Публика немногочисленна, но зато рѣдко можно встрѣтить такое разнообразіе въ какой-бы то ни было залѣ суда. Въ первомъ ряду красуются кресла для дипломатическаго корпуса. Немедленно вслѣдъ за ними размѣстились представители печати. Въ одномъ углу залы виднѣется многочисленная группа офицеровъ генеральнаго штаба и адъютантовъ; въ другомъ—группа улемовъ въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ. Вся середина залы—около шести сотъ мѣстъ,—пустая: кое-гдѣ, впрочемъ, сидятъ константинопольскіе эфенди въ фесахъ или чалмахъ; это любопытные или знакомые подсудимыхъ. Они блѣдны, имѣютъ видъ боязливыхъ и упорно молчатъ, какъ и подобаетъ предъ лицомъ правосудія самого падишаха. Глубокое молчаніе царило во все время преній и даже шумъ шаговъ входившихъ и выходившихъ замиралъ на песокъ, посыпанномъ въ палаткѣ. По временамъ какой-нибудь благочестивый эфенди вставалъ съ своего мѣста и отправлялся въ уголокъ, гдѣ становился на колѣни для молитвы. Другіе подходили къ кувшину съ водой, поставленному для утоленія жажды. Тутъ-же было принесено и два стакана для публики: одинъ для правовѣрныхъ мусульманъ, а другой для *язуровъ*.

Судъ былъ составленъ изъ судей уголовнаго отдѣла стамбульскаго апелляціоннаго суда, что, очевидно, болѣе согласно съ принципомъ, чѣмъ верховный судъ. Предсѣдатель—Сурура-эфенди—старецъ, весьма почтеннаго вида, съ совершенно сѣдой бородой и длиннымъ блѣднымъ лицомъ. Взглядъ его маленькихъ глазъ жесткій и фальшивый, а тонкія, иссохшія и длинныя руки его выдвигаются изъ широкихъ черныхъ рукавовъ, какъ руки привиднія. Этотъ благородный человѣкъ былъ прежде судьей въ Виддинѣ, въ то время какъ Митхадъ былъ губернаторомъ дунайскаго вилайета. Однажды онъ совершилъ какой-то подлогъ, и Митхадъ, удостовѣрившись въ его виновности, примѣнилъ къ нему обычное, освященное традиціей наказаніе: его посадили на осла, лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ возили по городу. Это маленькое происшествіе, повидимому, нисколько не повредило его карьерѣ, такъ-какъ двѣнадцать лѣтъ спустя, мы встрѣчаемъ его предсѣдателемъ столичнаго турецкаго уголовнаго суда. Замѣтимъ встать, что этотъ-же человѣкъ руководилъ и судебнымъ слѣд-

ствіемъ, что во всякой другой странѣ сочтено было-бы несовмѣстнымъ съ предсѣдательствомъ во время судебныхъ пресій. Но такъ пожелалъ Абдуль-Гамидъ, а Сурура-эфенди съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ убить заразу двухъ зайцевъ: отмстить Митхаду и наполнить свой кошелекъ. Онъ еще до суда получилъ, наравнѣ съ остальными своими товарищами, задержанное жалованье почти за полтора года и великодушіе падишаха исполнило благороднымъ рвеніемъ сердца этихъ достойныхъ сановниковъ.

Вице-президентъ—грекъ и, безъ сомнѣнія, онъ былъ назначенъ султаномъ именно съ расчетомъ на свирѣпость христіанина, по отношенію къ невѣрному. Но грекъ греку рознь. Въ ту самую минуту, когда вспыхнуло критское возстаніе Кристофордесъ, т. е. нашъ вице-президентъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поступить на службу въ турецкое судебное вѣдомство. Жесткій и сухой тонъ, въ которомъ онъ допрашиваетъ подсудимыхъ, достаточно показываетъ, что онъ вполнѣ разделяетъ ненависть ихъ могущественныхъ враговъ. Изъ четырехъ остальныхъ судей, одинъ христіанинъ-армянинъ, одинъ мадьярскій ренегатъ, нашедшій убѣжище въ Турціи послѣ событій 1848 г., и два турка, почтенные старцы, которые сладко спятъ во все время засѣданія, отяжелѣвъ подъ бременемъ годовъ и нестерпимой жары. Императорскій прокуроръ Сатиевъ-эфенди занимаетъ свое мѣсто, имѣя по каждую руку товарищей прокурора. Видъ его совершенно напоминаетъ свирѣпость инквизитора. За нимъ возвышается кресло съ позолоченной спинкой, предназначенное для министра юстиціи Джеведета-паши. Этотъ старый мулла, фанатичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ хищный и корыстолюбивый, счелъ обязанностью присутствовать почти во все время засѣданій суда, сидя, попеременно, то позади прокурора, то за предсѣдателемъ. И тотъ и другой безпрестанно совѣщаются съ нимъ и получаютъ отъ него совѣты, равняющіеся приказаніямъ. Но и министръ, въ свою очередь, не болѣе какъ орудіе. Замѣтимъ, что за часъ до произнесенія приговора, онъ получилъ изъ дворца нѣсколько посланій, принесенныхъ безобразнѣйшими неграми и переданныхъ имъ прокурору и предсѣдателю. Это обстоятельство, а равно и то, что министръ юстиціи принялъ участіе въ заключительныхъ совѣщаніяхъ суда, возмутило всѣхъ присутствовавшихъ драгомановъ и одинъ изъ нихъ сказалъ: «Никогда еще несправедливость не была до такой степени безстыдна». (Это подлинныя слова).

Подсудимые вошли въ залу въ половинѣ одиннадцатаго и заняли мѣста лицомъ къ суду и спиной къ публикѣ, отъ которой

ихъ отдѣлялъ рядъ солдатъ. Они были одѣты въ черное; истомленные лица ихъ носили слѣды долгихъ и жестокихъ нравственныхъ страданій, а можетъ быть и физическихъ пытокъ, которые отрицаются, однако-же, константинопольской печатью, впрочемъ, оффиціозной. Замѣчается отсутствіе бывшего великаго визиря Мехмеда-Рушди, который не присутствуетъ на судѣ по бѣдѣ. Шейхъ-уль-исламъ переданъ на рѣшеніе духовнаго суда, а Митхадъ еще не приведенъ.

Генеральный прокуроръ поднимается съ своего мѣста и съ торжественностью, не уступающей торжественности любого западно-европейскаго прокурора, приказываетъ читать обвинительный актъ. Вотъ онъ вкратцѣ: «На другой день по изложениіи Абдуль-Азиса, новый султанъ, Мурадъ, даровалъ диктаторскую власть комиссіи, составленной изъ Митхада, Мехмеда-Рушди, Шейхъ-уль-ислама, Махмуда-Дамата и Нури-Дамата. Эта комиссія была чѣмъ-то вродѣ комитета общественной безопасности на оттоманскій ладъ. Этотъ-то комитетъ рѣшилъ умерщвленіе Абдуль-Азиса, находя его политически-необходимой мѣрой и поручилъ выполненіе приговора Махмуду и Нури. Имѣли въ виду даже одновременное уничтоженіе всѣхъ членовъ императорской фамиліи. Съ этою цѣлью Махмудъ пригласилъ ихъ на завтракъ въ Бехенъ, селеніе, расположенное на горѣ, на европейскомъ берегу Босфора, но они возмѣтили подозрѣніе и никто не явился на приглашеніе. Тогда-то комитетъ рѣшилъ умертвить султана въ его собственномъ помѣщеніи».

Начинается допросъ подсудимыхъ. Прежде всего, вотъ нѣкій Мустафа, коренастый человекъ, отталкивающей наружности, который рассказываетъ сцену убійства, какъ хорошо-выученный урокъ. Когда его и товарищей ввелъ къ султану Фари-бей, они бросились на своего государя, растянули его на диванѣ, и въ то время, какъ одни держали за плечи, а другіе за ноги, онъ, «пеливанъ» Мустафа, разрѣзалъ на рукѣ артеріи перочиннымъ ножомъ, полученнымъ отъ Махмуда-Дамата-паши.

Въ эту минуту рассказъ прерывается крикомъ ужаса. Это улемъ, выражающій свое негодованіе, вѣроятно, для большаго эффекта. Допрашиваютъ еще двухъ низшихъ чиновниковъ, а затѣмъ трехъ ужасающихъ своимъ безобразіемъ черныхъ евнуховъ, со скотоподобными головами на геркулесовскомъ туловищѣ. Они повторяютъ одинъ за другимъ одинъ и тотъ-же рассказъ, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія, съ ужасными, по своей точности, подробностями и съ выразительными, соответствующими рассказу жестами. Описаніе событія у нихъ у всѣхъ вполнѣ тождественно, что доказываетъ безукоризненную дресси-

ровку. Всѣ прибавляютъ, что получали 100 турецкихъ ливровъ въ мѣсяцъ и, сверхъ того, по 30 ливровъ немедленно по приведеніи въ исполненіе своего дѣла. Затѣмъ поднимается одинъ изъ нихъ и объявляетъ, что первое показаніе его невѣрно и есть ничто иное какъ дѣлая сътъ жи. Очевидно, что никакія предосторожности не помогаютъ съ такими скотами. Наступаетъ очередь высшихъ сановниковъ. Первый отвѣчаетъ Махмудъ. Этотъ высокій и толстый человѣкъ изнемогаетъ, повидимому, подъ бременемъ своего горя. Его обрюзгшія щеки, покрытыя рѣдкими волосами, висятъ по обѣимъ сторонамъ челюсти. Звонкій голосъ сдѣлался глухимъ и полонъ слезъ.

Его долженъ допрашивать грекъ Кристофордесъ, который такъ добросовѣстно исполняетъ эту обязанность, что несчастный паша въ изнеможеніи падаетъ на стулъ и заливается слезами какъ ребенокъ. Невольно спрашиваешь себя: тотъ-ли это человѣкъ, который однажды велѣлъ распороть животъ невольницѣ, чтобы найти драгоценный камень, въ кражѣ котораго онъ ее обвинялъ.

Другой зять султана, Нури, маленькій человѣчекъ съ фальшивымъ и злымъ взглядомъ, представляетъ не болѣе интереса. Никто не сомнѣвается, что онъ страстный воръ и всѣмъ извѣстно, что потребовалось болѣе двадцати повозокъ, чтобы перевезти въ его конакъ награбленные въ султанскихъ дворцахъ цѣнные предметы. Нури кончилъ тѣмъ, что сознался, но слагалъ съ себя отвѣтственность на Мурада и ссылался на полученные отъ него приказанія. Многіе полагаютъ, что Нури—орудіе интриги, задуманной для того, чтобы компрометировать султана Мурада, выставить его преступникомъ и такимъ образомъ заставить признать его недостойнымъ престола, въ томъ случаѣ, если онъ придетъ въ разумъ. Хладнокровіе, имъ выказанное, увѣренность, съ которой онъ защищался, и спокойствіе и покорность судьбѣ, съ которыми онъ выслушалъ приговоръ,—все это показалось подозрительнымъ въ человѣкѣ, трусость и подлость котораго извѣстны. Полагаютъ, что онъ заручился какими-нибудь обѣщаніями и имѣетъ могущественныхъ покровителей во дворцѣ.

Нельзя сказать того-же объ Али-бей, симпатичномъ юношѣ, съ кроткимъ и задумчивымъ лицомъ. Онъ младшій сынъ стараго маршала Намыка-паши, который горько жаловался, что дожилъ до того, чтобы видѣть русскихъ въ Санъ-Стефано, а сына своего—на скамьѣ подсудимыхъ. Этого послѣдняго обвиняютъ въ томъ, что онъ сторожилъ у входа во дворецъ, въ то время, какъ совершалось убійство. Али-бей энергично протестуетъ противъ

обвиненія и жалуется, что ему не дали возможности защищаться.

Никто не вѣрить его виновности, а также и виновности Фари-бея, этого юнаго и любимаго камергера Абдуль-Азиса, котораго обвиняють въ томъ, что онъ держалъ своего господина въ ту минуту, какъ убійцы рѣзали ему артеріи. Гораздо вѣроятнѣе, что Абдуль-Гамидъ рѣшился преслѣдовать его за нѣкія ночныя посѣщенія своего гарема.

Но главный интересъ засѣданія сосредоточивался на Митхадъ-пашѣ, который прибылъ, наконецъ, къ 4-мъ часамъ. Его личность рѣзко выдѣлялась изъ среды прочихъ подсудимыхъ. Репутация либерализма, важныя заслуги предъ страной, симпатіи, оставленныя имъ за собой, во время жизни въ изгнаніи, все это заслуживаетъ, чтобы мы посвятили хотя краткій очеркъ этому человѣку, имя котораго не умретъ въ исторіи.

III.

Митхадъ—сынъ вади, т. е. судьи. Отецъ очень заботился объ его образованіи. Онъ принадлежалъ къ числу учениковъ Шейхъ-уль-ислама Арефъ-Бека, извѣстнаго своимъ либеральнымъ толкованіемъ корана. Поступивъ весьма рано на службу, онъ съ самаго начала уже выдѣлялся своимъ образованіемъ, чувствомъ долга, твердостью и благородствомъ характера. Но именно эти качества и возбудили противъ него зависть и козни вліятельныхъ враговъ. Такъ, на примѣръ, послѣ выполненія имъ нѣсколькихъ важныхъ порученій, его отправили въ Румынію, гдѣ въ то время свирѣпствовали разбои въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Недоброжелатели надѣялись, что на этотъ разъ Митхада постигнетъ неудача, но они ошиблись. Успѣхъ былъ изумительный и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ спокойствіе и безопасность господствовали по всей странѣ.

Не менѣе успѣшна была дѣятельность Митхада въ дунайскомъ валайетѣ, куда онъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ губернаторомъ, для примѣненія новаго административнаго устройства, въ выработкѣ котораго онъ принималъ дѣятельное участіе. Положеніе было плачевное: повсюду беспорядки, нищета, бунты; злоупотребленіямъ былъ потерянъ счетъ. Митхадъ мужественно принялся за дѣло. Менѣе чѣмъ въ три года, этотъ валайетъ былъ въ конецъ преобразованъ.

Эти результаты были достигнуты не безъ труда. Митхаду приходилось бороться противъ сильнѣйшей оппозиціи. Злоупо-

требленія были слишкомъ выгодны наживавшимся отъ нихъ людямъ, и само собою разумѣется, что они не имѣли ни малѣйшей склонности къ реформамъ. Къ тому-же въ то время панславистскіе эмиссары уже развѣжали по странѣ и раздували мятежъ. Митхадъ не потерялся. Онъ срывалъ личину съ интригъ и разрушалъ заговоры.

По возвращеніи своемъ съ Дуная, онъ былъ назначенъ председателемъ государственнаго совѣта, который и былъ имъ-же преобразованъ до основанія. Ему удалось придать этому учрежденію настолько вліянія и престижа, что оно могло, по крайней-мѣрѣ на время, служить противовѣсомъ дворцовому и министерскому произволу. Это не понравилось и Митхаду пришлось промѣнять свой постъ председателя на губернаторство въ Багдадѣ.

И здѣсь пришлось ему бороться противъ мѣстныхъ вліяній, упорно державшихся за старую рутину. Но и здѣсь онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, благодаря энергіи и рѣшительности. Приведемъ любопытный эпизодъ изъ этого періода дѣятельности, который обрисовываетъ характеръ этого государственнаго чловѣка.

Городу грозила инсurreкція вслѣдствіе наущенія *меджелисовъ*, т. е. областныхъ совѣтовъ. Мусульмане грозили вторженіемъ въ христіанскіе и еврейскіе кварталы и рѣзней. Митхадъ сидѣлъ за обѣдомъ, когда ему принесли это извѣстіе. Онъ всталъ, распорядился отправкой нѣсколькихъ батальоновъ въ подвергавшіеся опасности кварталы и затѣмъ велѣлъ позвать къ себѣ представителей меджелиса. Эти именитые люди явились верхомъ, со всею азіатскою торжественностью и великолѣпіемъ и съ толпою слугъ.

Большой дворъ губернаторскаго дворца былъ наполненъ солдатами: посрединѣ оставлено было небольшое пустое пространство и въ немъ разставленные въ кругъ кресла для совѣтниковъ. Митхадъ спокойно ожидалъ ихъ, покуривая трубку. Когда-же они собрались, онъ спокойнымъ тономъ произнесъ имъ слѣдующую, краткую рѣчь: «Мнѣ извѣстны всѣ ваши дѣянія; этотъ бунтъ—дѣло рукъ вашихъ, а потому я требую, чтобы вы немедленно прекратили его. Если чрезъ два часа порядокъ не будетъ восстановленъ, я сожгу городъ, перевѣшаю всѣхъ васъ и затѣмъ вернусь въ Константинополь, гдѣ меня разстрѣляютъ, если будетъ угодно». Въ то время, какъ онъ это говорилъ, уже былъ отданъ приказъ прервать сообщеніе чрезъ Тигръ, раздѣляющій Багдадъ на двѣ части, а на пароходахъ уже были раз-

ведены пары и они готовы были принять губернатора и его свиту. Черезъ часъ, послѣ того, мятежа какъ не бывало.

Митхадъ былъ еще въ Багдадѣ, когда въ 1871 г. умеръ великій визарь Аали-паша и на мѣсто его назначенъ былъ Махмудъ-Недимъ. Новый визарь ненавидѣлъ Митхада, либеральныя идеи котораго кололи ему глаза и, наконецъ, добился его изгнанія въ Ангору. Но ранѣе, чѣмъ успѣли вручить ему этотъ приказъ, Митхадъ явился въ Константинополь. Растерявшійся Махмудъ не осмѣливается карать его, но во что бы то ни стало желаетъ отъ него избавиться, такъ-какъ видитъ въ немъ опаснаго соперника и неудобнаго цензора. Онъ назначаетъ его губернаторомъ въ адрианопольскій вилайетъ. Предъ отъѣздомъ туда, на прощальной аудіенціи у султана, Митхадъ нашелъ нужнымъ, съ полною откровенностью изложить султану истинное положеніе дѣлъ въ имперіи. Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ онъ указываетъ на опасность для престола и достоинства государя, заключающуюся въ сохраненіи системы управленія, чудовищный произволъ котораго возбуждаетъ всеобщее негодованіе. Такая смѣлость поразила султана. Онъ отмѣнилъ тутъ-же приказъ о назначеніи Митхада въ Адрианополь и сдѣлалъ его своимъ великимъ визаремъ вмѣсто Махмуда-Недима.

Три года спустя, онъ, въ свою очередь, палъ жертвой интригъ Махмуда-Недима, вошедшаго снова въ милость у султана. Митхадъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Но вскорѣ потомъ, не добившись согласія султана на преобразованія, которыя желалъ ввести въ свое вѣдомство, онъ подалъ султану объяснительную записку и, вмѣстѣ съ нею, прошеніе объ отставкѣ. Прошеніе объ отставкѣ, со стороны министра,—это было неслыханная вещь въ Турціи. Когда кто-то выразилъ свое удивленіе Митхаду, онъ сказалъ: «Посмотрите туда», и онъ показалъ по направленію къ Золотому Рогу, «мнѣ казалось, что я тамъ уже вижу судно, на которомъ меня отправятъ въ изгнаніе».

Мы приближаемся къ достопамятному кризису, о которомъ упомянули вначалѣ и который называли «турецкой революціей». Извѣстно, какую выдающуюся роль игралъ въ ней Митхадъ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ гордиться своимъ участіемъ и отвѣтственностью.

Наградой ему было изгнаніе.

Въ Англію, куда онъ поѣхалъ сперва, а затѣмъ во Францію, куда влекли его личныя симпатіи, онъ былъ встрѣченъ съ большимъ уваженіемъ. Къ несчастью для него, прихоть султана вызвала его изъ гостепріимной страны въ Турцію, пока другая

прихоть не привела его вскорѣ послѣ того на скамью подсудимыхъ.

IV.

Появленіе Митхада въ залѣ суда произвело замѣтное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Онъ вошелъ спокойно и съ большимъ достоинствомъ, предшествуемый дворцовымъ служителемъ, котораго большинство корреспондентовъ приняло за дивизионнаго генерала. Напрасно искали на лицѣ его слѣдовъ унынія; несокрушимая энергія этого человѣка противостояла жестокимъ испытаніямъ продолжительнаго заключенія. Онъ посѣдѣлъ, но сохранилъ прежній добрый и живой видъ. Въ рукахъ у него связка какихъ-то бумагъ, которыя онъ флегматически приводитъ въ порядокъ. Вообще-же былъ похожъ скорѣе на судью, чѣмъ на подсудимаго.

Всего менѣе увѣренности выказываютъ его противники, которымъ этотъ человѣкъ и при настоящихъ обстоятельствахъ внушаетъ инстинктивный страхъ. Боятся съ его стороны какой-нибудь рѣзкой выходки и ожидаютъ, что онъ перейдетъ въ наступленіе противъ своихъ могущественныхъ преслѣдователей. Султанъ рѣшилъ (въ послѣднюю минуту) не присутствовать на судѣ, не смѣя встрѣтиться съ Митхадомъ. Предсѣдатель Сурури, чувствуя также, что мужество покидаетъ его, украдкой удаляется изъ залы, какъ только вошелъ въ нее Митхадъ, и Кристофордесъ принужденный замѣнить его, до какой степени растерялся, что выказалъ ему даже нѣкоторое уваженіе. «Садитесь», сказалъ онъ ему. «Нѣтъ, я буду стоять, какъ и прочіе», отвѣчалъ Митхадъ. «Я не желаю для себя преимуществъ». Увидя, что онъ стоитъ, приставленный къ нему часовой также не рѣшился сѣсть и простоялъ все время засѣданія.

Митхадъ отрицалъ какое-бы то ни было участіе въ убійствѣ султана. «Была назначена не коммиссія, а совѣтъ министровъ, въ которомъ находился Савфетъ-паша и другіе», сказалъ онъ. «Почему-же на меня одного возлагаютъ отвѣтственность, которая должна пасть на всѣхъ? Почему я не вижу здѣсь остальныхъ министровъ». Онъ отрицалъ также, чтобы совѣтъ министровъ отдалъ приказъ объ умерщвленіи султана.

Онъ говорилъ твердо и съ ироніей. Публика слушала его съ видимымъ сочувствіемъ. Оспаривая показанія свидѣтелей, онъ обращается послѣдовательно къ каждому изъ нихъ. Противъ него приводятъ свидѣтельство нѣкоего Разаата-эфенди, который увѣрялъ, что слышалъ, какъ Митхадъ сказалъ какому-то чело-

вѣку, въ Дамаскѣ, слѣдующія слова: «Да вѣдь нало-же было убить этого человѣка, который передумилъ-бы насъ всѣхъ, если-бы снова получилъ власть въ свои руки». «Если-бы я и сказалъ когда-нибудь подобныя слова», отвѣчалъ Митхадъ, «если-бы нашелся въ Сиріи человѣкъ, къ которому можно было съ ними обратиться, то во всякомъ случаѣ это не былъ-бы чиновникъ, присланный ко мнѣ изъ Константинополя и почти мнѣ неизвѣстный?.. И вамъ не стыдно такъ гнусно лгать, послѣ того какъ вы только-что приняли присягу!» говоритъ Митхадъ, обращаясь къ свидѣтелю. «Не оскорбляйте свидѣтеля», вскричалъ на это предсѣдатель. «Хорошо», возражаетъ Митхадъ, «беру назадъ, но да позволено мнѣ будетъ сказать, что этотъ человѣкъ, котораго прогнали изъ Сиріи, явился сюда искать мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ и разсчитываетъ на свое показаніе, чтобы получить его».

Подсудимый указываетъ далѣе на аномалію совмѣщенія въ одномъ лицѣ качествъ свидѣтеля и обвиняемаго, какъ то произошло относительно вышеупомянутаго Мустафы, перерѣзывавшаго жилы султану и нѣкоторыхъ другихъ. А между тѣмъ въ свидѣтеляхъ недостатка не было, такъ, напримѣръ, преступленіе совершено было въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ дворцовыхъ слугъ. Чѣмъ объяснить ихъ отсутствіе въ залѣ суда? Кромѣ того, существуетъ мать султана, женщины его гарема, наконецъ, его сынъ, показаніе котораго, безъ сомнѣнія, заслуживало-бы не менѣе довѣрія, чѣмъ показаніе какого-нибудь Мустафы.

Впрочемъ, этому человѣку не дали ни одной очной ставки съ Митхадомъ. «А я-бы очень желалъ, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ онъ перерѣзалъ жилы султану на глубинѣ пяти сантиметровъ. Мнѣ очень любопытно было-бы узнать, откуда почерпнулъ такія свѣденія о метрическихъ мѣрахъ человѣкъ этого рода и давно-ли обладаетъ ими. По-истинѣ изумительно, что такъ легко относятся къ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь нѣсколькихъ людей; что судьба этихъ людей зависитъ отъ показаній двухъ негодяевъ, къ которымъ, въ обыкновенное время, никто-бы не имѣлъ ни малѣйшаго довѣрія.

Если врачебное слѣдствіе было неудовлетворительно, то почему не произведутъ его вторично? Почему не пригласятъ, наконецъ, европейскихъ медиковъ, такъ-какъ мѣстнымъ довѣрять нельзя. Если этого не дѣлаютъ, по причинѣ большихъ расходовъ, сопряженныхъ съ новымъ слѣдствіемъ, то пусть эти издержки будутъ отнесены на нашъ счетъ, но пусть не приводятъ намъ свидѣтельствъ въ родѣ показанія Марко-паши, который видѣлъ какъ выпрыгнулъ человѣкъ изъ окна дворца Феріэ,

когда онъ самъ стоялъ на противоположномъ берегу Босфора».

Предсѣдатель, съ важнымъ видомъ, замѣтилъ, что если свидѣтели солгали, то ихъ подвергнуть за то преслѣдованію. На это Митхадъ отвѣчалъ иронически: «Да, въ самомъ дѣлѣ, это преслѣдованіе будетъ мнѣ очень полезно послѣ моей смерти. Не напишете-ли вы ихъ приговора на моей могилѣ? Это очень подвинетъ мое дѣло».

Подсудимый можетъ не только требовать новаго сѣдствія, но и присвоеннаго всякому обвиняемому права на подготовленіе средствъ защиты. Адвокату, назначенному Митхаду, только одинъ разъ разрѣшали посѣтить кліента въ его камерѣ, но онъ явился въ сопровожденіи придворнаго шпіона, въ присутствіи котораго подсудимому пришлось только молчать. Изложивъ все это, Мидхадъ потребовалъ, наконецъ, правильнаго вопроса свидѣтелей, который не походилъ-бы на «пародію».

Это выраженіе не было преувеличеніемъ и вообще по отношенію ко всему, что продѣлывали съ Митхадомъ до суда. Онъ содержался въ отдѣльной камерѣ ближайшей гауптвахты и былъ введенъ въ залу засѣданія только тогда, когда уже дѣло дошло непосредственно до него. Онъ не слышалъ ни свидѣтелей, ни другихъ обвиняемыхъ, несмотря на то, что противъ нихъ всѣхъ выставлялось одно и то-же обвиненіе. Митхадъ настаиваетъ на томъ, чтобы переспросили, по-крайней-мѣрѣ, свидѣтелей, показаній которыхъ онъ не слышалъ, а такъ-какъ судъ отказалъ ему въ этомъ, то объявляетъ, что видя себя приговореннымъ заранѣе, не находитъ нужнымъ прибавить что-либо къ тому, что имъ уже сказано.

Наступаетъ очередь генеральнаго прокурора, Сатива-эфенди. Онъ произнесъ рѣчь, соответствовавшую важности дѣла и послѣдствій, которыя оно могло имѣть для него самого. Тонъ рѣчи былъ торжественный, переходящій по временамъ въ патетизмъ. Заключение достойно того, чтобы порекомендовать его нашимъ европейскимъ прокурорамъ. Воспользовавшись фразой одной стамбульской газеты, «Джеридей Гавадисъ» (органъ военнаго министерства, а въ настоящее время Османа-паши), прокуроръ воскликнулъ: «Ужели мы оставимъ безъ отмщенія окровавленную рубашку падишаха!» Съ этими словами обвинитель схватилъ со стола съ вещественными доказательствами рубашку Абдуль-Азиса и, развернувъ ее драматическимъ жестомъ, указалъ пальцемъ на разорванное мѣсто у лѣвой груди, т. е. на мѣсто, проорванное ножомъ, который Фари-бей, по словамъ «Неливана», вонзилъ въ сердце высокой жертвы, чтобы докончить ее. Эта

подробность заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія судей, что ни одинъ изъ медиковъ не замѣтилъ ея.

Послѣ такихъ подавляющихъ доказательствъ, что-же остается говорить защитникамъ? Съ весьма понятнымъ волненіемъ и смущеніемъ они лепетали какіе-то безсвязныя слова. Защитники эти принадлежали къ стамбульскому суду, этимъ все сказано и по этому одному можно судить о степени ихъ независимости. Они не рѣшились-бы, и въ особенности въ дѣлѣ этого рода, даже указать на противорѣчія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и воспользоваться для своихъ кліентовъ несообразностями прокуратуры и суда. Защитникъ Махмуда и Нури, полякъ Сартинскій, даже и не пытался защищать ихъ и ограничился обращеніемъ къ милосердію государя, такъ-какъ дѣло идетъ о столь «высокихъ и благородныхъ особахъ».

Что касается г. Шекри, адвоката Митхада, то онъ такъ испугался, что, какъ слышно, боленъ и до сихъ поръ. Онъ, однако-же, сказалъ свою защитительную рѣчь, хотя произнесъ ее умиравшимъ голосомъ и въ высшей степени безсвязно. Тѣмъ не менѣе, Митхадъ поблагодарилъ его и сказалъ ему: «Все это напрасный трудъ; я долженъ быть повѣшенъ на основаніи свидѣтельства какого-нибудь «неливана» и вмѣстѣ съ нимъ. Впрочемъ, оно и хорошо, потому-что я съ радостью покину этотъ проклятый міръ».

Послѣ объявленія приговора, присуждавшаго смерть чрезъ повѣшеніе всѣмъ подсудимымъ, за исключеніемъ двухъ офицеровъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, судъ собрался на другой день и предсѣдатель обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Такъ-какъ вчера мы не имѣли времени, то судъ собрался сегодня вновь съ цѣлью доставить вамъ возможность послѣдняго слова».

Приглашеніе продолжать защиту, обращенное къ людямъ, уже приговореннымъ къ смерти, — кажется, уже дальше не можетъ идти смѣсь комизма и ужаса!

Толстый Махмудъ, котораго мы оставили плачущимъ какъ ребенка, собралъ послѣднюю энергію и указалъ на статью уголовного кодекса, по которой онъ подлежитъ не смертной казни, а пожизненной каторгѣ, какъ нравственно участвовавшій въ преступленіи. Дѣйствительно законъ выражается въ этомъ случаѣ совершенно опредѣленно и ясно, но не менѣе опредѣленный и ясный полученъ былъ и приказъ изъ дворца. Али-бей еще разъ энергически протестуетъ. Солдатъ схватываетъ его за руки и тащитъ изъ залы. Тогда несчастный начинаетъ кри-

чать раздирающимъ душу голосомъ, что онъ равнодушенъ къ смерти, но не хочетъ терпѣть безчестія.

Этотъ протестъ и эти жалобы тронули до слезъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ европейцевъ. Митхадъ оставался, по-прежнему, спокойнымъ. Ему выражали сочувствіе при выходѣ его изъ залы суда, но эта сдѣлала только европейская часть публики. Что касается турокъ, то они молчали, окованные рабодѣлствомъ и страхомъ.

V.

На слѣдующій день, оффиціозныя стамбульскія газеты, находя минуту удобной для заявленія преданности властелину Ильдизъ-Кюска, начали печатать адреса въ стихахъ и прозѣ, въ которыхъ выражалась благодарность султану за отмщеніе смерти дяди. По приказанію Абдуль-Гамида въ такомъ-же духѣ адресъ былъ поднесенъ обоимъ сыновьямъ Абдуль-Азиса, но принцы отказались на отрѣзъ, прибавивъ, что они продолжаютъ вѣрить въ самоубійство, а не въ убійство отца, находя, что первое дѣлаетъ ему болѣе чести.

Одновременно съ поздравительными адресами султану, газеты наполнялись всевозможными ругательствами и оскорбленіями, относившимися къ жертвамъ султанскаго правосудія. Не было мёрзости, которую не приписали-бы имъ эти почтенные газеты. Не пощадили даже престарѣлаго Мехмеда-Рушди, этого всѣми уважаемаго дервиша: его, впрочемъ, начали осыпать бранью еще до приговора.

Адвокаты оказались не лучше журналистовъ. Защитника Митхада обурялъ такой страхъ послѣ суда, что онъ отказался отъ защиты въ кассационномъ судѣ.

Родственникамъ осужденнаго удалось лишь съ величайшимъ трудомъ приискать другаго адвоката. Впрочемъ оно оказалось излишнимъ. Адвокатъ отправился къ министру юстиціи, для испрошенія *текере*, т. е. разрѣшенія на свиданіе съ кліентомъ. «Я не вхожу въ эти дѣла», отвѣчалъ Джеветъ, одинъ изъ смертельныхъ враговъ Митхада; «обратитесь во дворецъ». Во дворцѣ, адвокату съ величайшимъ трудомъ удалось остановить какого-то камергера, который, узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ выпроводить защитника вонъ и посоветовавъ ему вновь не являться.

Приведу два примѣра, которые дорисуютъ картину того уровня нравственной независимости, до котораго дошли подданные Порты, съ одной стороны и того либерализма, который одушевляетъ

ихъ правительство съ другой. Первый изъ этихъ фактовъ касается Намика-Паши отца Али-бея (молодого человека, возбудившаго всеобщее сочувствіе на судѣ). Съ глубокимъ сочувствіемъ говорили во всѣхъ европейскихъ кружкахъ о горести престарѣлаго турецкаго маршала. Эту горестъ считали самымъ трогательнымъ эпизодомъ этой судебной драмы. Каково-же было всеобщее удивленіе, когда послѣ произнесенія приговора, старикъ оправился отъ своего горя и принялъ прежній спокойный видъ. Онъ продолжалъ отправлять свои служебныя обязанности, въ качествѣ начальника адъютантовъ султана и члена многихъ комиссій, выказывая даже особенное усердіе и не забывая присматривать за постройкой великолѣпнаго дома, который онъ строить для себя въ Перѣ. Въмѣсто того, чтобы питать злобу на своего господина, Намыкъ-Паша довелъ самоотверженіе свое до того, что отрекся отъ сына, говоря что это не его кровь и, что Али-бей напрасно называетъ себя его сыномъ. Эта подлость стараго царедворца, это посягательство на права природы, изумляетъ только однихъ европейцевъ; изъ турокъ-же нашлись люди, которые даже хвалили стараго мушира за то, что онъ подавилъ въ себѣ чувства отца и доказалъ такимъ образомъ насколько велика его мусульманская преданность падишаху.

Другой фактъ, указывающій на степень турецкаго либерализма, касается одного изъ свидѣтелей—врачей. Докторъ Кастро, еврей, родомъ изъ Корфу, оттоманскій сенаторъ и состоящій подъ покровительствомъ британскаго правительства, былъ приглашенъ для поданія мнѣнія своего о трагической кончинѣ Абдуль-Азиса. Подписавъ 3 іюня 1876 г. заявленіе, въ которомъ признавался фактъ самоубійства и чувствуя, что положеніе его до крайности щекотливо, злополучный медикъ, присутствуя на судѣ, ограничился тѣмъ, что горько плакалъ, говоря, что скорбить о покойномъ султанѣ, какъ о родномъ отцѣ. Оказалось невозможнымъ вытянуть изъ него что-либо другое. Выведенный изъ терпѣнія, прокуроръ сталъ публично ругать его, называя «старымъ вралемъ». Два дня спустя, полиція является къ Кастро и, не заставъ его дома, оставляетъ ему приказъ явиться къ указанному лицу судебного вѣдомства. «Старый враль» очень хорошо понялъ, что сіе означаетъ и безъ дальнихъ справокъ укрылся у одного изъ представителей англійскаго посольства. Пробывъ у него три дня, онъ сѣлъ на иностранный корабль и отплылъ отъ береговъ страны, гдѣ свидѣтели принуждены подъ страхомъ строжайшаго наказанія, показывать противъ подсудимыхъ вопреки даже совѣсти, если таковая у нихъ имѣется, а если ея нѣтъ,

то вопреки Талмуду или Корану, на которыхъ они вѣялись на судѣ.

Нельзя не изумляться, что въ такой глубоко - прогнившей средѣ нашелся, однако-же, хотя одинъ судья, а именно Рушди-Эфенди, въ кассационномъ судѣ, который, просмотрѣвъ дѣло, объявилъ, что мнѣніе его составлено и что никакія соображенія не заставляютъ его утвердить первый приговоръ. Само собою разумѣется, что этотъ судья остался единственнымъ въ своемъ родѣ и что рѣшеніе кассационнаго суда было повтореніемъ приговора суда апелляціоннаго.

Глубоко-унизительную роль заставило императорское правительство сыграть двѣнадцати судьямъ, составляющимъ кассационный судъ и обязаннымъ пересмотрѣть дѣло объ убіеніи Абдуль-Азиса. Ихъ заперли въ помѣщеніе, примыкающее ко дворцу, гдѣ они и должны были выполнить свою печальную обязанность подъ надзоромъ самого господина. Рушди-эфенди протестовалъ и заговорилъ о совѣсти. При видѣ такого мужества, столь рѣзкаго и опаснаго въ наше время не только въ Турціи, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, товарищи доблестнаго судьи пріободрились и выказали нѣкоторое колебаніе. Но Джевдетъ-паша не спускалъ съ нихъ глазъ и, обратившись къ этимъ судьямъ-плѣнникамъ, объявилъ: «Я скажу вамъ только одно слово, а именно, что султанъ желаетъ подтвержденія перваго приговора. Что до васъ касается, то вы должны знать, что вамъ дѣлать, если не хотите оставить безъ хлѣба женъ и дѣтей вашихъ. Я сказалъ». Никакое колебаніе не устояло противъ такой враткой, но рѣшительной аргументаціи, и вотъ почему уже 7-го іюля приговоръ кассационнаго суда, надлежащимъ образомъ сформулированный, находился въ рукахъ султана, который начиналъ уже терять терпѣніе. Въ первые дни послѣ того султанъ имѣлъ твердое намѣреніе привести въ исполненіе приговоръ. Увѣряли даже, что, опасаясь какаго-нибудь обмана при повѣшеніи, онъ хотѣлъ замѣнить этотъ способъ казни другимъ, а именно отрубить головы тремъ пашамъ и тремъ наиболѣе скомпрометированнымъ изъ прочихъ лицъ. Говорили, что казнь должна была совершаться на главномъ дворцовомъ дворѣ и Абдуль - Гамидъ намѣревался присутствовать при столь пріятномъ зрѣлищѣ.

Но нѣсколько дней спустя, впечатлѣніе, произведенное процессомъ въ Европѣ, долетѣло до Ильдизъ-Кіоска и заставило призадуматься его властелина. Представитель Великобританіи, лордъ Дуфферинъ, недавно назначенный въ Константинополь, сообщилъ его величеству султану и предупредилъ, что казнь осужденныхъ вызоветъ негодованіе. Затѣмъ посланники собра-

лись, чтобы согласиться относительно формы, въ которой должно быть составлено коллективное заявленіе, при помощи котораго надѣялись спасти, по крайней мѣрѣ, головы приговоренныхъ. Собраніе происходило у персидскаго посланника, извѣстнаго своимъ умомъ, Мозни-хана, старшаго по лѣтамъ дипломата въ Константинополь. Онъ присутствовалъ во все время суда и въ крайне рѣзкихъ и ѣдкихъ выраженіяхъ высказался по поводу судей, прокурора, Джевдета-паши и всѣхъ героевъ гнусной драмы. Ему-то и было поручено редактировать коллективное посланіе къ султану. Въ письмѣ этомъ, написанномъ отъ имени всего дипломатическаго корпуса, Мозни-ханъ заявлялъ султану, что иностранные зрители, присутствовавшіе на процессъ, замѣтили (справедливо или нѣтъ) нѣкоторыя неправильности въ процедурѣ; что повсюду находятъ приговоръ или слишкомъ строгимъ, или недостаточно-мотивированнымъ. Нижеподписавшіеся-же, довѣряя вполне великодушнымъ чувствамъ его величества, убѣждены, что, внявъ голосу милосердія, его величество поступилъ-бы въ одно и то-же время согласно съ политическою мудростью и съ человѣколюбіемъ.

Нѣтъ человѣка менѣе склоннаго къ выслушанію подобнаго обращенія, какъ злопамятный внукъ свирѣпаго султана Махмуда. «Дерзость» дипломатическаго корпуса взбѣсила султана жестокаимъ образомъ и онъ немедленно продиктовалъ одному изъ секретарей гнѣвный отвѣтъ. Въ отвѣтѣ выражалось удивленіе по поводу того, что падишаху дѣлаетъ замѣчанія представитель страны, въ которой правосудіе дѣйствуетъ такъ быстро, что людей казнятъ и безъ всякаго суда. Къ этому прибавлялось, что, «а впрочемъ, его величеству извѣстно какъ слѣдуетъ поступить и онъ не нуждается въ иностранныхъ совѣтахъ».

Передавъ этотъ отвѣтъ товарищамъ, Мозимъ-ханъ занялся отвѣтомъ на ту часть письма, которая касалась его лично. Въ запискѣ къ секретарю Абдуль-Гамида онъ, между прочимъ, говорилъ, что «былъ-бы весьма благодаренъ его величеству султану, если-бы онъ указалъ, когда именно въ Персіи былъ процессъ, подобный только-что происходившему въ Ильдивъ-Кіоскѣ». Долго тянулось эта полемика,—намъ осталось неизвѣстнымъ.

Повидимому, на султана произвело также сильное впечатлѣніе письмо доктора Диксона, врача при англійскомъ посольствѣ, о катастрофѣ 3-го іюня 1876 г. Уже и тогда докторъ Диксонъ, вмѣстѣ съ девятнадцатью другими врачами, подписалъ заявленіе, подтверждавшее самоубійство Абдуль-Азиса, трупъ котораго былъ внимательно имъ осмотрѣнъ. Въ подробномъ письмѣ онъ подтвердилъ свое первое показаніе, но ни одна изъ мѣст-

ныхъ газетъ не отважилась напечатать этого письма, копію съ котораго лордъ Дуфферинъ препроводилъ во дворець.

Нѣсколько дней тому назадъ, сестра Митхада, г-жа Тоссунъ, мужъ которой былъ губернаторомъ въ Албаніи, явилась вся въ слезахъ къ леди Дуфферинъ, которая приняла съ самою доброжелательною предупредительностью. Жена англійскаго посланника сказала: «Вы можете быть покойны относительно главного; всѣ державы ходатайствовали и жизнь вашего брата будетъ спасена. Вотъ все, что могу сказать вамъ въ настоящую минуту».

Полагають, что смертная казнь будетъ замѣнена осужденнымъ вѣчною ссылкой въ одинъ изъ городовъ Аравіи и поговаривають уже для Митхада, о Тайефѣ, лежащемъ къ востоку отъ Мекки. Тайефъ, бывшее мѣстопробываніе Пророка и находится среди садовъ, доставляющихъ превосходнѣйшіе фрукты. Безъ сомнѣнія, это было-бы весьма сносное мѣсто изгнанія и Митхадъ, вѣроятно, предпочелъ-бы его преждевременному вкушенію сладостей рая Магомета, пока новая прихоть судьбы не вложитъ опять въ его руки судьбы оттоманской имперіи.

VI.

Полезной стороною этого процесса можно считать то, что онъ открылъ глаза европейской публикѣ относительно мнимаго преобразованія оттоманской имперіи. На этотъ разъ Блистательная Порта слишкомъ понадѣялась на простодушіе Западной Европы, на недостатокъ котораго, говоря вообще, она не могла пожаловаться. Она не безъ основанія подумала, что можетъ обмануть своей судебной комедіей; вѣдь вѣрятъ-же ей министерству финансовъ, въ которомъ двери открыты должникамъ и герметически заперты кредиторамъ, вѣрятъ-же ей министерству народнаго просвѣщенія, употребляющему свой милліонный бюджетъ (когда онъ бываетъ оснзаемъ) не на учрежденіе школъ, а на содержаніе многочисленнаго штата невѣждъ?

Неудивительно, что Порта рассчитывала на успѣхъ своей комедіи, когда она видитъ, что англійскіе законодатели и дипломаты спѣшаютъ заключать съ нею конвенціи для подавленія невольничества, между тѣмъ какъ всѣ императорскіе гаремы наполнены ими, а торгъ ими совершенно свободенъ и почти публиченъ; когда она видитъ, что совершенно серьезно говорятъ объ ея государственномъ совѣтѣ и комиссіяхъ для экономическихъ реформъ, изъ которыхъ первый устроень для увѣковѣченія

вопросовъ, а вторыя для ихъ погребенія. А министерство общественныхъ работъ, которое она добросовѣстно довѣрила управленію Гассана-Фенина-эффенди, этого адвоката, прикладывающаго всѣ хитросплетенія восточнаго крюкотворства къ тому, чтобы оттянуть на неопредѣленное время уплату по счетамъ прежнимъ поставщикамъ и подрядчикамъ? А министерство двора, продолжающее находить легковѣрныхъ поставщиковъ, несмотря на то, что касса всегда оказывается запертой, когда они рѣшаются, наконецъ, потребовать уплаты по счетамъ? Впрочемъ, въ этой послѣдней отрасли управленія замѣтенъ нѣкоторый процессъ. Въ прежнія времена, т. е. при Абдуль-Азисѣ, когда министерство двора желало избавиться отъ докучливыхъ кредиторовъ, оно поступало слѣдующимъ образомъ. Какой-нибудь робкій армянинъ или не болѣе доблестный еврей представлялъ, напримѣръ, свой счетъ. Его встрѣчали изысканно-вѣжливо и приглашали явиться въ казначейство. Чтобы попасть туда, приходилось пройти черезъ обширный дворъ. Но едва успѣвалъ ступить въ него кредиторъ, какъ останавливался, ошалѣвъ отъ страха, а затѣмъ пускался бѣжать безъ оглядки, а за нимъ мчались два преслѣдовавшихъ его гепарда. Эти звѣри находились въ одномъ изъ угловъ двора и, замѣтивъ пришельца, бросились на него; въ этомъ и заключалась тайна непонятнаго ужаса. Кредиторамъ не было извѣстно, что эти представители кошачьяго семейства были прирученъ и бросались безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній, а лишь съ невиннымъ намѣреніемъ поиграть. Не мало услугъ оказали эти вѣрные сторожа министерству двора Абдуль-Азиса. Въ настоящее время ихъ уже нѣтъ болѣе и кредиторовъ просто приглашаютъ зайти въ кассу, но когда-нибудь послѣ.

Привыкнувъ къ снисходительности общественнаго мнѣнія по отношенію къ своимъ продѣлкамъ, не могла-же Порта предвидѣть, что оно возмутится судебными преніями, постановка которыхъ была такъ старательно ею приготовлена.

И въ самомъ дѣлѣ, чего-же могутъ отъ нея еще требовать европейскія державы?

Серьезное примѣненіе ихъ политическаго устройства къ совершенно неподходящему обществу, не могло не оказаться химерой. Эта нехитрая истина, не споримъ, могла ускользнуть отъ большинства публики, но когда дипломаты и государственные люди впадаютъ въ такую грубую ошибку, то можно предположить, что ихъ простодушіе не вполнѣ безкорыстно. Невозможно до такой степени ошибиться, когда дѣло идетъ о странѣ, разложеніе которой такъ сильно, что для возстановленія ея жизни и здоровья потребовалось-бы героическое средство. Еще

недавно лордъ Дюфферинъ, отправляясь къ своему посту посланника въ Константинополь, повезъ туда цѣлую массу добрыхъ совѣтовъ, въ которыхъ, впрочемъ, и прежде недостатка у турокъ не было. Прежде всего онъ долженъ былъ настаивать на осуществленіи внутреннихъ реформъ, какъ въ Арменіи, такъ и въ европейскихъ турецкихъ провинціяхъ. Можно-ли повѣрить, чтобы вѣра англійскаго правительства не поколебалась послѣ столькихъ опытовъ? Но въ особенности это было-бы странно со стороны лорда Дюфферина, человѣка близко знакомаго и съ турками и съ турецкими порядками. Будучи назначенъ англійскимъ комиссаромъ въ Сирію, послѣ дамаской и ливанской рѣзни, онъ долженъ былъ присмотрѣться къ этимъ порядкамъ и познать всю глубину язвъ турецкаго управленія, всю бездухность, испорченности, недоброевѣстности и дикаго изуверства, которые смущаютъ и изумляютъ цивилизованную Европу. Поэтому онъ долженъ былъ знать чего ждать отъ Турціи. Къ тому-же онъ и самъ заявилъ предъ своимъ отъѣздомъ, что его миссія не будетъ имѣть никакихъ иныхъ результатовъ, кромѣ безплодныхъ переговоровъ о реформахъ, которыя никогда не будутъ осуществлены. Но ему извѣстно также, что слово дано дипломатамъ для того, чтобы скрывать свои мысли и если онъ думалъ въ такомъ родѣ, то официальные рѣчи его выражали противоположное.

Во всякомъ случаѣ, его добрые друзья турки, которые сдѣлали ему такой радушный пріемъ, не ошибаются въ этомъ отношеніи и громко заявляютъ о томъ, какъ видно изъ толкованій, появившихся въ турецкой офиціозной печати, по поводу краткой рѣчи, съ которой англійскій посланникъ обратился къ султану. Въ его любезныхъ словахъ и горячихъ пожеланіяхъ султану и Турціи, увидѣли предзнаменованіе политики столь-же доброжелательной и дружественной, какъ была враждебна по своей сущности и жестка по формѣ политика предшественника его г. Гошена.

«Вакаитъ», зашедшій далѣе остальныхъ въ этихъ радужныхъ комментаріяхъ, взялъ даже на себя трудъ указать англійскому правительству, какой политикѣ оно должно отнынѣ слѣдовать.

Во-первыхъ, оно должно вернуться къ политикѣ лорда Пальмерстона, который поставилъ во главѣ своего *credo* догматы цѣлости и неприкосновенности Турціи; во-вторыхъ, бороться противъ всѣхъ державъ, мечтающихъ о новомъ раздѣлѣ оттоманской имперіи; въ третьихъ, заставить выполнить постановленія берлинскаго конгресса, выгодныя для Турціи, и, наконецъ, въ четвертыхъ, дать займы денегъ, такъ-какъ это един-

ственная вещь, которой не достаетъ Турціи для приведенія въ исполненіе реформъ». Намъ неизвѣстно, что сказалъ султану объ этой программѣ лордъ Дуфферинъ, когда обѣдалъ на другой день послѣ своего пріѣзда въ Ильдизъ-Кіоскъ. Какъ-бы то ни было, и правительство, и его органы продолжаютъ выказывать предупредительность и величайшую любезность къ новому посланнику.

Эта предупредительность и радушіе представляютъ рѣзкій контрастъ съ отношеніемъ турецкаго правительства къ представителю французской республики г. Тиссо. Съ самаго начала тунисскаго кризиса французскому дипломату ни одного раза не удалось добиться аудіенціи у султана. Даже и тогда, когда онъ настойчиво требовалъ аудіенціи, наканунѣ своего отъѣзда въ Парижъ, ему снова отвѣчали отказомъ.

Что касается реформъ, необходимость которыхъ признается Портой, по крайней мѣрѣ, устами ея органовъ, то въ этомъ дѣлѣ вовсе не желаютъ посторонняго вмѣшательства, ни англійскаго, ни какого иного. Порта не допускаетъ даже вмѣшательства въ дѣло уплаты турецкаго государственнаго долга, по поводу котораго начаты переговоры, имѣющіе цѣлью достиженіе компромисса. «Вакитъ» и «Галикатъ» съ негодованіемъ говорятъ о чужеземномъ вмѣшательствѣ. «Только сама Порта имѣетъ право восстановленія равновѣсія въ своихъ финансахъ, помимо нескромныхъ взоровъ чужеземцевъ», говоритъ «Вакитъ». И даѣе въ той-же газетѣ: «Турки лишаютъ себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы удовлетворить своихъ кредиторовъ, долгъ-же этихъ послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы довольствоваться тѣмъ, что имъ дадутъ».

Что именно будетъ дано,—это отчасти можно предвидѣть по турецкой нотѣ 28-го октября, на которую ссылаются оттоманскія газеты. На уплату долга пойдетъ небольшая часть прямыхъ сборовъ, сборъ отъ патентовъ, скажемъ мимоходомъ, несуществующій вовсе, доходы съ Кипра, дань, взимаемая въ восточной Румеліи и Болгаріи, однимъ словомъ—величины, почти неумовимыя.

Эти-то величины и предоставляются кредиторамъ. Англійскій финансистъ г. Лангъ, завѣдывающій шестью косвенными сборами, отъ имени четырнадцати мѣстныхъ банковъ, дѣятельно изыскиваетъ способы дѣйствія съ турками для достиженія предположенной цѣли. Но уже и теперь видны тѣ подводные камни, о которые должны потерпѣть крушеніе переговоры съ Турціей. Прежде всего турки откажутся отъ сообщенія всякихъ точныхъ данныхъ, касающихся ихъ финансоваго положенія, разнѣра до-

ходовъ и въ особенности скандальныхъ дворцовыхъ расходовъ. Затѣмъ они упорно будутъ отказываться отъ отчужденія въ пользу кредиторовъ тѣхъ источниковъ доходовъ, которые сочтутъ себя вправѣ у нихъ потребовать, и если державы не двинутъ вновь своихъ эскадръ, сильныя своею неподвижностью, турки отпустятъ делегатовъ съ пустыми руками и лишній разъ посмѣются надъ гяурами.

VII.

Въ то самое время, какъ Порты считаетъ какимъ-то *point d'honneur* отъ отказываться въ удовольствованіи своихъ кредиторовъ, она не гнушается, однако-же, вновь просить у нихъ денегъ. Если ей удастся заключить тѣ новые займы, о которыхъ она хлопочетъ въ настоящее время яко-бы для приведенія въ исполненіе пресловутыхъ реформъ, то, безъ сомнѣнія, найдетъ имъ превосходное употребленіе.

Воинственный вѣтеръ, дующій въ Ильдизъ-Кіоскъ, быстро вымелъ-бы золото европейскихъ банкировъ, если-бы они согласились открыть свои кассы. Такъ-какъ не удалось подрагаться съ греками, турки съ нетерпѣніемъ ожидаютъ случая помѣряться силами съ какимъ-нибудь другимъ врагомъ. Они охотно бросились-бы, на примѣръ, на болгаръ, если Европа допустила-бы это. Когда, въ прошедшемъ іюнѣ, въ Константинополѣ начали ходить неопредѣленные слухи о намѣреніяхъ Австріи, касательно возможныхъ случайностей въ Болгаріи, совѣтъ турецкихъ министровъ немедленно собрался подъ предсѣдательствомъ султана и единогласно рѣшилъ занятіе балканскихъ проходовъ.

Министры и не подумали, что для этой мѣры имъ потребовалось-бы 30,000 солдатъ и какіе-нибудь пятьдесятъ милліоновъ франковъ, не говоря о расходахъ по постройкѣ бараконъ, дорогъ, укрѣпленій и т. д. Къ счастью, обо всемъ этомъ подумали посланники, которые и пригласили турокъ къ зрѣлому размышленію, прежде чѣмъ бросаться на подобное предпріятіе.

Вмѣсто болгаръ, турки стали искать другой жертвы, а такъ-какъ въ настоящую минуту роль козлища искупленія въ восточномъ вопросѣ играетъ Франція, то Турція, вслѣдъ за другими державами, и обратила на нее свой взоръ.

Недоброжелательное отношеніе Порты къ Франціи проявилось уже съ самаго начала тунисскаго кризиса, сперва робко, но затѣмъ все болѣе и болѣе ярко, по мѣрѣ того, какъ проявлялось раздраженіе Италіи и досада Англіи. Какъ мы уже упо-



минали выше, французскій посланникъ, г. Тиссо, не могъ добиться аудіенціи у султана съ самаго заключенія договора въ Бардо. Даже наканунѣ отъѣзда своего въ Парижъ и несмотря на ходатайство пользующагося особеннымъ расположеніемъ султана, адъютанта Ахмеда-бея, полученъ былъ новый отказъ, причемъ султанъ выразился слѣдующимъ нелюбезнымъ образомъ: «Никогда не приму это животное». Принужденный уѣхать, не откланявшись падишаху, г. Тиссо отправился къ Саиду-пашѣ и сказалъ ему: «Вашъ государь отказался видѣть меня предъ моимъ отъѣздомъ. Какъ человекъ, я равнодушно отношусь къ такому образу дѣйствій, но какъ представитель Франціи, я не могу не быть затронутымъ и не забуду этого. Вашъ султанъ узнаетъ, быть можетъ, когда-нибудь, во что обходится оскорбленіе великой страны, въ лицѣ ея представителя».

Передалъ-ли *батевокомъ* съ точностью эти слова своему господину? Можно подумать, что онъ это сдѣлалъ, читая турецкія газеты, переполненные грубѣйшими выходками противъ Франціи, ея «коварной политики и арміи офицеровъ, которая только-что совершила свои бандитскіе подвиги въ Тунисѣ».

Сверхъ того, и правительство не упускаетъ случая сдѣлать непріятность своей бывшей союзницѣ. Такъ еще недавно это проявилось, по отношенію къ французскому военному агенту въ Константинополѣ, г. де-Торси. Этому офицеру два раза давалось секретное порученіе въ Софію. Первая поѣздка его, совершенная во время губернаторства Митхада-паши, прошла благополучно. Во второй пріездъ свой, находясь въ Дамаскѣ, г. де-Торси пожелалъ посѣтить друзей, которые вотъ уже около двухъ лѣтъ бунтуютъ противъ Порты и съ самымъ вызывающимъ видомъ гнѣздятся на своихъ суровыхъ горахъ. Де-Торси послалъ впередъ драгомана французскаго консульства въ Дамаскѣ, мѣстнаго уроженца. Но при входѣ въ одно изъ ущелій, его арестовалъ турецкій солдатъ, который обошелся съ нимъ крайне грубо; затѣмъ его и отвели въ Дамаскъ, причемъ ни разу не позволили отдохнуть на пути. Солдатъ былъ подвергнутъ взысканію, но послѣ того его наградили деньгами и удостоили похвалы, правда, не официальной.

Между тѣмъ, дамасскій губернаторъ, узнавъ о намѣреніи французскаго военнаго агента посѣтить друзей, обратился за инструкціями къ Саиду-пашѣ, который, по совѣщаніи съ самимъ султаномъ, телеграфировалъ въ Дамаскъ слѣдующее: «Скажите этому французу, что мы не желаемъ терять его экскурсій и чтобы онъ немедленно выѣзжалъ изъ края». Французскій офи-

перъ принужденъ былъ вернуться и отправился въ Парижъ, чтобы отдать отчетъ о неожиданномъ результатѣ своей миссіи.

Нѣчто подобное происшествію съ флагомъ, вызванному итальянцами въ Марселѣ, имѣло мѣсто и въ Константинополѣ, хотя и въ болѣе мирномъ духѣ. Французскій національный праздникъ 14 іюля совпалъ съ днемъ рожденія султана, который праздновалъ 41-й годъ своей жизни. Уже съ самаго утра пушки возвѣстили объ этомъ жителямъ Стамбула и всѣ суда въ гавани были разцвѣчены флагами. Французскій пароходъ *Pétrel* поднялъ французскій флагъ въ честь годовщины взятія Бастиліи и на одной съ нимъ высотѣ—другой, турецкій, въ честь дня рожденія султана. Командиръ *Pétré'ia*, выйдя изъ Терапіи, чтобы отвезти въ Перу новаго посланника, г. Монтолона, замѣтилъ, что на одномъ изъ турецкихъ судовъ забыли отвѣтить на его вѣжливость и не подняли французскаго флага. Было время, когда подобное, пустое обстоятельство могло зажечь войну на всѣхъ четырехъ концахъ Европы, но, къ счастью, это время миновало и дѣло ограничилось обмѣномъ кисло сладкихъ объясненій.

Гораздо серьезнѣе ходъ дѣлъ въ Триполи. Около мѣсяца тому назадъ, мы получили свѣденія объ отправкѣ войскъ и боевыхъ снарядовъ въ эти края. Высадка этихъ турецкихъ войскъ была произведена съ большею торжественностью; пушечные салюты и военная музыка, очевидно, имѣли въ виду произвести впечатлѣніе на мѣстное населеніе, которое цѣлыми массами столпилось на террасахъ и городскомъ валу. Если-бы турецкое правительство руководилось дѣйствительно мирными намѣреніями, то, вмѣсто того, чтобы заставлять гарцовать свою кавалерію по узкимъ улицамъ города, оно, очевидно, отправило-бы ее упражняться въ степь, гдѣ въ просторѣ, кажется, нѣтъ недостатка. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела торжественная выставка войскъ на фанатичное населеніе. Немедленно послѣ ихъ прибытія, порядокъ и спокойствіе исчезли. Былъ случай нападенія арабовъ на жителей въ самыхъ домахъ ихъ и именно по той причинѣ, что эти жители были французы. Извѣщенные объ этомъ власти не приняли никакихъ мѣръ. Въ другой разъ, жена старшаго французскаго драгомана, гулявшая съ дѣтьми своими, подверглась грубому оскорбленію со стороны турецкаго матроса.

Консулъ безпрестанно принужденъ являться во дворецъ за объясненіями и съ просьбами о наказаніи виновниковъ оскорбленій. Ему тѣмъ болѣе хлопотъ, что г. Бартеlemi Сентъ-Илеръ возложилъ на него еще и покровительство тунисскихъ подданныхъ.

8-го іюля, послѣ отхода французскаго броненосца «La Galissonnière», готовился къ отплытію тунисскій бриггъ. У него было карантинное свидѣтельство, подписанное французскимъ консуломъ. Въ минуту отхода, командиръ гавани сталъ упрекать хозяина судна и притомъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, за то, что у него французскія, а не оттоманскія бумаги. Хозяинъ судна, однако, не испугался. Тогда командиръ беретъ лодку и заплѣвъ, появляется на палубѣ тунисскаго бригга, бросается на тунисскаго капитана, бьетъ его, уводитъ съ судна, въ ту минуту, когда оно должно было уже сняться съ якоря, и, наконецъ, везетъ на берегъ, въ тюрьму. Само собою разумѣется, что дорогой онъ лишился кошелька.

При такихъ условіяхъ и если только Порта отправитъ еще нѣсколько батальоновъ для водворенія порядка, — столкновение будетъ неизбежно.

Партія войны, дерзость которой растетъ съ каждымъ днемъ, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы побудить къ дѣйствию. Когда во дворцѣ получено было извѣстіе о бомбардировкѣ и, затѣмъ, о взятіи Сфакса и Габеса, падишахъ былъ такъ взволнованъ и огорченъ, что эта партія считала цѣль свою почти достигнутой.

Въ виду вызывающаго образа дѣйствій Франціи, говорить она, — слѣдуетъ-ли принять энергическія мѣры, чтобы возстановить въ африканскомъ раіонѣ поколебленный авторитетъ падишаха? Таковъ былъ предметъ обсужденія совѣта министровъ, собравшагося въ тотъ-же вечеръ. Саидъ-паша совѣтовалъ осторожность и благоразуміе, но ему дорого обойдется, быть можетъ, этотъ совѣтъ. Старый Махмудъ-Недимъ, которому извѣстны тайныя предпочтенія своего господина, счелъ нужнымъ выставить себя рынымъ патриотомъ; онъ билъ въ набатъ и объявилъ, что слѣдуетъ опасаться Франціи, которая ступила уже на тунисскую землю и протягиваетъ руку къ Триполи. Военный и морской министры, какъ и слѣдовало ожидать, высказались въ подобномъ-же духѣ. Но рѣшить ничего не рѣшили, такъ-какъ кабинетъ раздѣлился, по этому вопросу, на двѣ равныя части. Однако, въ тотъ-же день вечеромъ сторонники войны снова принимались за дѣло. Всѣ министры были опять созваны въ Ильдизъ-Кіоскъ и подъ предсѣдательствомъ султана продолжали обсужденіе того-же вопроса. Османъ-паша потрясалъ саблей, Махмудъ-Нединъ умолялъ султана спасти исламизмъ отъ грозящей ему опасности, а Хейреддинъ, который присутствовалъ на совѣтѣ, какъ и всегда, когда дѣло идетъ объ африканскихъ вопросахъ, вполне присоединился къ мнѣніямъ воинствен-

ной партіи. Немедленно рѣшено было отправить въ Триполи одинадцать батальоновъ и три фрегата. Въ то-же время эскадра, состоящая изъ пяти броненосцевъ, подъ начальствомъ Гобарта-паши, должна была крейсировать въ Средиземномъ морѣ, развернувъ знамя Пророка предъ глазами арабовъ.

Въ томъ-же засѣданіи Османъ-паша изложилъ султану планъ «африканской Плевны», по которому долженъ быть устроенъ въ центрѣ провинціи Триполи, близъ границы и на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, укрѣпленный лагерь, могущій вмѣстити 25,000 человѣкъ. Этотъ лагерь могъ-бы сдержать французскую армию въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ; онъ сдѣлался-бы центромъ мусульманской оппозиціи, противъ французскаго владычества, и образованіе его вызвало-бы значительное распространеніе возстанія въ Алжиръ и Тунисъ. Султану, видимо, понравился проектъ. Но увы, онъ требуетъ денегъ, и не малыхъ, а «нервъ войны» по-прежнему отсутствуетъ въ оттоманскомъ казначействѣ.

Впрочемъ, газеты воинственнаго направленія не останавливаются предъ такою подробностью и совѣтуютъ смѣлую и рѣшительную политику. За успѣхъ онѣ ручаются. По ихъ мнѣнію, «Германія и Италія втайнѣ слѣдятъ за Франціей и ждутъ только случая поставить ее въ такое положеніе, которое заставитъ забыть о бѣдствіяхъ 1870—71 годовъ». Очевидно, что теперь наступила наименѣе удобная минута и «Важить» уже совѣтуетъ захватить Алжиръ въ видѣ отвѣта на тунисскую экспедицію.

«Такой захватъ тѣмъ болѣе удобенъ, замѣчаетъ эта газета,— что блистательная Порта никогда не признавала покоренія Алжира». И далѣе: «Въ то время, какъ германскія арміи наполнили и опустошали Францію, намъ стоило только отправить въ Алжиръ 15,000 войска, чтобы овладѣть этимъ краемъ. Поступая такимъ образомъ, мы-бы все-таки не совершили такого противозаконнаго дѣйствія, какое только-что совершено Франціей, потому-что Алжиръ по праву никогда и не принадлежалъ Франціи. Онъ былъ только занятъ ея войсками. Но, поступая такъ въ то время, мы-бы сдѣлали низость, несогласную съ достоинствомъ оттоманской имперіи». Турецкая газета забываетъ прибавить, что если Порта не попробовала послать тогда 15,000 войска въ Алжиръ, зато она не преминула отправить нѣсколько кораблей въ Тунисъ, для присоединенія его къ имперіи. Но такъ-какъ германскій флотъ не могъ внушать Франціи серьезныхъ опасеній и она не была стѣснена въ своихъ движеніяхъ на морѣ, то тунисское правительство погрозило потопить ту-

рецкіе корабли, которые попытались-бы высадить войска въ Тунисъ, а тѣмъ болѣе тѣ, которые доставили-бы военныя силы въ Алжиръ, не говоря уже, что подобныя военныя операціи вызвали-бы возраженіе со стороны прочихъ державъ. Дѣло въ томъ, что воспоминанія о варварійскихъ пиратахъ не внушаютъ Европѣ ни малѣйшаго желанія видѣть Средиземное море турецкимъ озеромъ.

Можно спорить о долѣ, причитающейся каждой изъ державъ, но что касается Турціи, то существуетъ полное единодушіе относительно исключенія ея изъ дѣлеж.

Правда, турки отчасти и сознаютъ это послѣднее обстоятельство. Любопытная статья, помѣщенная въ «Османли» съ большою точностью изображаетъ положеніе дѣлъ. Статья озаглавлена: «Сѣверная Африка и Европа». «Иностранныя газеты, читаемъ мы въ ней,—передаютъ нѣсколько извѣстій, способныхъ самымъ серьезнымъ образомъ обратить наше вниманіе на честолюбивыя намѣренія великихъ державъ, касающіяся Сѣверной Африки, то есть прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря: Египта, Триполи, Туниса, Алжира и Марокко».

«Болѣе зоркіе органы европейской печати полагаютъ, что эти намѣренія не замедлятъ породить антагонизмъ между державами... Особенно слѣдуетъ обнаружить тайныя планы европейскихъ кабинетовъ итальянскія газеты. Выражая строгое порицаніе Франціи, по поводу вторженія на тунисскую территорію, эти органы прибавляютъ, что если Германія допустила это, то единственно по причинѣ собственнаго намѣренія занять Марокко. Германская печать не отрицаетъ существованія нѣкоторыхъ, хотя мало опредѣленныхъ еще проектовъ этого рода. Но какъ только выяснена будетъ необходимость для Германіи владѣть колоніями, ей всего удобнѣе было-бы завладѣть Марокко. Въ настоящую минуту эта необходимость сдѣлалась почти очевидной. Германія должна сбыть куда-нибудь излишекъ своего населенія, которое ежегодно, и въ значительномъ числѣ, переселяется въ Америку».

«Отвѣчая на нападки итальянской печати, по поводу вторженія въ Тунисъ, французскія газеты обвиняютъ Италію въ честолюбивыхъ замыслахъ, относительно Триполи. Дѣйствительно, итальянское правительство послало туда первую ученую экспедицію, которая не была, однако-же, принята арабами. Газеты, какъ, напримѣръ, «Эль Моставель», стараются дѣйствовать на арабовъ убѣжденіемъ и въ скоромъ времени будетъ отправлена вторая ученая экспедиція. Вотъ какъ мы разумѣемъ это дѣло: если такъ - называемая ученая экспедиція подвергнется какой-

либо опасности, Италия сыграть въ Триполи ту-же роль, которую сыграла въ Тунисѣ Франція».

«Въ настоящее время ничего не слышно объ англійскихъ видахъ на Египетъ. Но развѣ «Times» не обнаружила англійскихъ плановъ по этому поводу? Развѣ эта газета не говорила о «политическомъ контролѣ», который Англія предоставила-бы себѣ на Суэзскомъ каналѣ, въ видѣ вознагражденія за оккупацию Туниса Франціей? Не трудно понять истинное значеніе этого политическаго контроля. Финансовый контроль надъ Египтомъ вполне передалъ финансы этой страны въ иностранныя руки. Послѣ этого можно-ли сомнѣваться, что «политическій контроль» предасть въ ихъ руки и самую политическую власть?»

«Есть-ли необходимость доказывать, что такое положеніе дѣлъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны мусульманъ? Дѣло идетъ объ обширномъ проектѣ раздробленія великаго мусульманскаго тѣла и каждому понятно, что единеніе есть единственное средство противъ этого зла. Тунисскій вопросъ самымъ неопровержимымъ образомъ доказалъ, что центръ единенія есть столица Калифата. Тунисскія дѣла показали намъ, какая участь ожидаетъ мелкіе мусульманскіе народы, если они вздумали-бы оказать преступное сопротивленіе императорскому трону Калифата, этой соединяющей точкѣ всѣхъ мусульманъ. Тунисскій вали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ слѣдовалъ итальянской и французской политикѣ и выказывалъ недовѣріе къ своему законному государю, къ которому пересталъ обращаться. Онъ воображалъ себя, быть можетъ, непобѣдимымъ въ своемъ небольшомъ и разоренномъ краѣ, съ нѣсколькими тысячами, вполне дезорганизованнаго, войска... Бѣда стояла уже у дверей, когда онъ обратился съ просьбами о помощи къ трону Калифа. Но не было-ли слишкомъ поздно? Этотъ примѣръ долженъ пробудить всѣ мусульманскіе народы и заставить ихъ понять, что для нихъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ еще болѣе тѣснаго сплоченія вокругъ трона его величества Калифа и довершенія мусульманскаго объединенія»...

«Всякой иной способъ дѣйствія долженъ имѣть роковымъ слѣдствіемъ расчлененіе исламизма, предвѣстники котораго уже обнаружили и теперь во всемъ своемъ ужасѣ».

VIII.

Мусульманское объединеніе,—такова цѣль, на которую указываетъ статья «Османли» въ своемъ заключеніи. Извѣстно, что этотъ органъ служитъ выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ мыс-

лей султана. Какъ ни химериченъ проектъ указаннаго объединенія, онъ отвѣчаетъ умственному движенію, заслуживающему серьезнаго вниманія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что идея мусульманскаго единства возникла не въ Стамбулѣ. Она образовалась противъ власти самаго султана и ея осуществленіе нанесло-бы, быть можетъ, послѣдній ударъ оттоманскому государю, котораго она стремилась лишить калифата.

Замѣчательно, что вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, такъ сильно занимающій католическія державы и который недавно былъ сформулированъ и въ Россіи,—имѣетъ соотвѣтствующее явленіе и въ мусульманскомъ мірѣ. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ сферахъ дѣйствительно проявилось стремленіе въ отдѣленію власти султана отъ власти калифа. Совмѣщеніе свѣтской и духовной власти въ лицѣ оттоманскаго государя, составляетъ предметъ спора и пропаганды, которые если и останутся безплодными, во всякомъ случаѣ составляютъ весьма важный фактъ, вслѣдствіе вліянія, которое они оказываютъ на общее веденіе дѣлъ въ оттоманской имперіи.

Это движеніе, возникшее только два года тому назадъ и сильно развившееся въ настоящую минуту, имѣло родиной Центральную Азію, а именно Бухару. Въ началѣ оно не заключало ничего враждебнаго калифату. Напротивъ оно скорѣе стремилось искать поддержки въ особѣ султана Абдул-Гамида, такъ-какъ имѣло единственною цѣлью образованіе исламической лиги противъ англичанъ въ Афганистанѣ и противъ русскихъ въ Туркестанѣ.

Въ апрѣлѣ прошлаго года, въ Дамаскѣ, въ то самое время, когда получено было извѣстіе, о до сихъ поръ неразъясненномъ фактѣ убійства меккскаго шерифа, и нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда каравана въ Мекку, въ городѣ сдѣлалось извѣстно, что паломничество на этотъ разъ будетъ служить предлогомъ совѣщаній, которыя, быть-можетъ, приведутъ къ созданію исламическаго союза, независимаго отъ оттоманской власти и имѣющаго подготовитъ освобожденіе арабовъ.

Съ этой поры чисто-религіозное движеніе превратилось въ политическое. Оно развилось и по весьма естественному сдѣленію идей и обстоятельствъ, приняло характеръ, враждебный самой сущности турецкаго владычества.

Движенію, правда, оказали покровительство происки разныхъ вліятельныхъ лицъ, а также содѣйствовали разные недовольные и честолюбцы, изъ среды самихъ должностныхъ лицъ Порты, коихъ имѣется не малое количество. Не осталось безъ влія-

нія на это превращеніе и оскорбленіе національнаго чувства, глубоко уязвленнаго униженіями, испытанными Портой за послѣдніе годы. Приводили въ примѣръ слова того или другого паши, гдѣ эти чувства выражались совершенно открыто. Въ ихъ глазахъ, какъ и вообще въ глазахъ всѣхъ мусульманъ, калифатъ, отождествляемый съ личностью султана, грозитъ привести исламу къ гибели, подобно тому, какъ ранѣе создалъ его величіе. Въ появившемся въ августѣ 1880 г. въ «Journal des Débats», письмѣ «восточнаго государственнаго человѣка» энергично указывалась, по поводу Арменіи, только-что приведенная истина, названная въ письмѣ «патріотической». «Сознаніе этой истины, есть, быть-можетъ, плодъ величайшаго умственнаго усилія, совершеннаго мусульманами нашего времени», прибавлялось въ письмѣ.

Отсюда до мысли объ отдѣленіи мусульманской церкви отъ мусульманскаго государства—одинъ шагъ. Этотъ шагъ уже сдѣланъ. Эволюція совершалась, среди всевозможныхъ интригъ, въ лабиринтѣ которыхъ по-истинѣ можно затеряться и которыми не остались чужды и нѣкоторые европейскіе посланники. Особенно важную роль игралъ въ этомъ дѣлѣ британскій посланникъ, г. Лейярдъ. Онъ желалъ участія въ немъ и французскаго посланника г. Фурнье, для чего и старался узнать, какъ отнесется онъ къ возможному низложенію калифа.

Встревоженный султанъ обратился къ одному изъ наиболѣе знаменитыхъ своими богословскими свѣденіями человѣку, Мунифу-эфенди. Онъ попросилъ его написать объ учрежденіи калифата, а равно о правахъ и обязанностяхъ его, записку, которая могла-бы узаконить права на калифатъ нынѣ царствующей фамиліи. Въ награду за этотъ трудъ Мунифъ получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Рукописные экземпляры «записки» были разосланы всѣмъ вліятельнымъ представителямъ ислама. Въ числѣ другихъ учений, которыя старался опровергнуть Мунифъ, находилось и сформулированное бывшимъ великимъ визиремъ Хейреддиномъ, въ книгѣ, которая была задержана и сожжена. Опираясь на тексты священныхъ книгъ, Хейреддинъ подтверждалъ «право улемовъ и министровъ низлагать султана, если онъ, несмотря на увѣщанія, будетъ продолжать нарушать законъ и слѣдовать собственнымъ прихотямъ».

Противопоставляя ученія доказательства Мунифа, направленнымъ противъ него толкованіямъ Шерифа, султанъ старался бороться со своими противниками не только словомъ, но и дѣломъ и притомъ на ихъ собственной почвѣ. Присвоивъ себѣ починъ

исламической лиги, принадлежавшей Кудояръ-хану, онъ принялъ объединительное движеніе подъ свое покровительство.

По внушенію султана были составлены воззванія (китбеты), говорившія о необходимости союза всѣхъ мусульманскихъ народовъ, въ виду грозящаго ихъ вѣрѣ и любви къ родинѣ христіанства.

Одно изъ такихъ воззваній, отправленное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Мекки для распространенія во всѣхъ исповѣдующихъ вѣру Магомета странахъ, закончивалось слѣдующимъ энергическимъ призывомъ къ чувству мусульманскаго братства: «Братья! Да будетъ вамъ извѣстно, что Исламу грозитъ въ настоящее время полное разрушеніе. Англія господствуетъ въ Индіи; Франція владѣетъ Алжиромъ, а Россія, завоевавъ Туркестанъ, похитила у отоманской имперіи и почти всѣ европейскія владѣнія ея. Братья! Война, которая ведется противъ васъ, имѣетъ лозунгомъ уничтоженіе всѣхъ мусульманъ. А потому: пробудитесь, вооружайтесь и совѣщайтесь о средствахъ избавленія отъ христіанскаго владычества и сохраненія калифа всѣхъ мусульманъ».

Къ подобнымъ воззваніямъ султанъ присоединяетъ всѣ способы воздѣйствія на воображеніе правовѣрныхъ. Отъѣздъ Каравана въ Мекку (изъ Константинополя) 12-го іюля, сопровождался на этотъ разъ небывалой торжественностью и пышностью. Обычное приношеніе, которое султанъ посылаетъ въ святой городъ вмѣстѣ съ довольно значительной суммой денегъ, заключается въ роскошномъ коврѣ, предназначенномъ для покрытія гробницы пророка. Этотъ коверъ, называемый Мехмили-Шерафъ, былъ выставленъ въ палатѣ, въ садахъ Ильдизъ-Кюска, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней правовѣрные приходили молиться предъ священнымъ ковромъ, жгли благовонія и произносили изреченія изъ Корана.

Около полудня старшій евнухъ Гафизъ-Бехрамъ-ага поднесъ этотъ коверъ калифу, и затѣмъ, по его приказу, вручилъ главѣ императорскаго каравана Мехмеду-пашѣ. Громадная процессія, состоявшая изъ около 400 духовныхъ лицъ (въ томъ числѣ находившіеся въ Константинополѣ меккскіе шейхи и другіе шейхи), завывала священныя пѣсни предъ пятью священными верблюдами, навьюченными императорскими дарами. Эта процессія отличалась великимъ разнообразіемъ костюмовъ. Здѣсь были и длинныя, развѣвающіяся одѣянія, и бараньи шкуры; почти у всѣхъ длинныя, грязныя волосы, нечесанныя бороды и босыя ноги. Процессія двигалась между двойными шпалерами пѣхоты и кавалеріи и сопровождалась густою толпою народа,

по крайней мѣрѣ, въ 50,000 человекъ. Все это направилось къ набережной, гдѣ пилигримы сѣли на суда для отплытія въ азіатскій Скутари. По обычаю, караванъ останавливается тамъ на нѣсколько дней, а затѣмъ уже отправляется въ Джедду. Люди, близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Аравіи, серьезно сомнѣваются, чтобы караванъ благополучно дошелъ до священнаго города. Шайки бедуиновъ рыщутъ по всѣмъ дорогамъ и готовятъ передуть или, по крайней мѣрѣ, ограбить пилигримовъ.

Изъ всего вышеприведеннаго слѣдуетъ, что султанъ самъ подвергся вліянію движенія, которое можетъ быть названо панисламическимъ, и было вызвано не имъ. Нѣчто подобное видимъ мы въ Европѣ, когда правительства создаютъ что-то въ родѣ оффиціального социализма, въ видѣ оппозиціи революціонному социализму. Такими же соображеніями руководился и каліфъ, стремясь подчинить себѣ движеніе, развитія котораго опасался, и повернуть его въ благопріятную для своей популярности сторону.

Особенно дѣятельно агитируетъ Порта въ Геджѣ и Іеменѣ. Эти двѣ провинціи — колыбель исламизма, а потому весьма естественно, что именно тамъ сосредоточиваются и изъ нихъ исходятъ всѣ дѣйствія, въ томъ или иномъ направленіи волнующія исламъ. Имѣютъ въ виду сохранить если не дѣйствительное, то по крайней мѣрѣ нравственное вліяніе султана на мусульманскій міръ.

Въ связи съ этой агитаціей находится и назначеніе въ Геджу новаго губернатора, которому дана власть располагать всѣми военными силами того края. Сверхъ того, онъ снабженъ особыми инструкціями, новый характеръ которыхъ слѣдующимъ образомъ опредѣляется въ одной константинопольской корреспонденціи: «Увѣряютъ, что на этого новаго губернатора возложена спеціальная миссія установить сношенія съ предводителями арабскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ, по увѣренію турокъ, дѣйствуютъ англійскіе эмиссары. Дѣло идетъ о томъ, чтобы оторвать ихъ отъ Англійи и убѣдить въ выгодѣ общему сусульманскаго союза».

Если вѣрять свѣденіямъ изъ компетентнаго источника, арабскіе предводители плохо поддаются на убѣжденія Порты. Проектъ общему сусульманскаго союза встрѣчается арабами крайне холодно, съ тѣхъ поръ какъ предлагается имъ отъ имени султана. Въ большинствѣ случаевъ арабы не желаютъ принять участія въ дѣлѣ, которое, въ концѣ-концовъ, можетъ доставить преобладаніе туркамъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ихъ собственному освобожденію.

Сопротивленіе, встрѣчаемое Портой въ Аравіи, группируется

вокругъ могущественнаго семейства Абадитовъ, которое владѣло меккскимъ Эмиратомъ, прежде чѣмъ онъ окончательно подпалъ подъ владычество оттоманскаго калифата. Прежде всего религиозное движеніе имѣетъ цѣлью возстановить на меккскомъ престолѣ это семейство, называемое также Ибнъ-Авни или иную фамилію, независимую отъ константинопольской власти и лишить царствующую въ Константинополь династію всякаго вліянія на Аравію.

Извѣщенный объ опасности, султанъ успѣлъ расположить въ пользу своего дѣла одного изъ соперниковъ семейства Авни, Абдулъ-Монталебба, изъ рода Девизеда, котораго онъ и назначилъ эмиромъ въ Мекку, вмѣсто убитаго въ мартѣ 1880 г. прежняго эмира. Три мѣсяца спустя послѣ водворенія своего, Абдулъ-Монталеббъ открылъ въ Тайфѣ (лѣтней резиденціи меккскихъ именитыхъ людей) комитетъ, занимающійся пропагандой идеи независимости арабовъ. Изъ назначеннаго эмиромъ слѣдствія оказалось, само собою разумѣется, что въ этомъ комитетѣ предсѣдательствовалъ одинъ изъ членовъ семейства Авни. Это лице, а равно и другія, принадлежавшія къ обществу, были подвергнуты изгнанію съ Аравійскаго полуострова.

Однако, можно предположить, что Абдулъ-Монталеббъ не оправдалъ ожиданій султана, такъ-какъ вскорѣ уже сообщили о намѣреніи его смѣнить Эмира, подъ предлогомъ его слишкомъ преклонныхъ лѣтъ.

Въ то же время высказывалось предположеніе о назначеніи Эмиромъ одного паши, извѣстнаго своими воззваніями, обращенными къ фанатизму индійскихъ мусульманъ. Все это происходило до прибытія лорда Дюфферина въ Константинополь. Изъ послѣднихъ-же извѣстій мы узнаемъ, что Абдула - Монталеббъ и его сынъ «внезапно исчезли». Это исчезновеніе до сихъ поръ еще осталась неразъясненнымъ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, положеніе исламистскаго движенія. Выражаемые имъ стремленія далеко не платоническаго свойства. Они движутся въ сѣрѣ дѣйствія, хотя и ограниченной, но не лишенной способности къ расширенію.

Если судить по нѣкоторымъ признакамъ, проявившимся одновременно на различныхъ пунктахъ, а также и по пропагандѣ, которая ведется въ Африкѣ, съ замѣчательной энергіей, можно подумать, что мы живемъ наканунѣ Крестовыхъ походовъ на изнанку, которые двинутъ исламизмъ на христіанскій міръ и Петропъ-Пустынникомъ которыхъ, по всей вѣроятности, будетъ никто иной, какъ пресловутый Бу - Амема.

Ж—ка.

КАРТИПКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

V *).

Передъ пылью и грязью московскихъ улицъ и этихъ безчисленныхъ, узкихъ, кривыхъ переулковъ и проулковъ—настоящихъ засадъ для рыцарей ночи—розыскивать которые даже и знакомому съ Москвой человѣку гораздо труднѣй, чѣмъ розыскать что угодно въ любой европейской столицѣ, куда вы попали въ первый разъ,—передъ этими, дѣйствительно самобытными, благоуханіями на площадяхъ, въ рынкахъ, въ рядахъ, на дворахъ, словомъ—всюду, гдѣ могутъ копиться кучи мусора и разной гниющей дряни,—даже и Петербургъ съ его Сѣнной площадью, домомъ Вяземскаго, зловоніемъ и сыростью подваловъ—этихъ двorcовъ петербургскаго рабочаго люда—съ его «амбре» черныхъ лѣстницъ и «мильолерами», исходящими изъ каналовъ,—кажется опрятнымъ, изящнымъ джентльменомъ передъ матушкой-Москвой, раскинувшей въ живописномъ, но грязномъ беспорядкѣ на своихъ холмахъ и предхолмιάхъ.

Впрочемъ, Москва, восхищающая иностранцевъ своимъ Кремлемъ, монастырями, церквями, садами, хлѣбосольствомъ и пестротой, дѣйствительно, можетъ поразить оригинальностью физономіи стараго историческаго города не только нечистоплотностью, но и другими сторонами, будящими воспоминанія. Это не то, что Петербургъ, молодая исторія котораго лѣзетъ вамъ въ глаза остроконечнымъ шпикомъ Петропавловскаго собора да рядомъ казармъ и домовъ, похожихъ на казармы...

Москва, напротивъ, на каждомъ шагу своими памятниками старины заставляетъ васъ оглянуться назадъ и припоминать. Когда

*) См. № 7 „Дѣло“.

черезъ день послѣ прїѣзда въ Москву, я проходилъ лунной ночью мимо Кремля съ его причудливыми башнями и маковками церквей, серебрищихся луннымъ свѣтомъ, невольно воспоминанія просились въ голову и въ воображеніи проносилось прошлое, нѣмыми свидѣтелями котораго были камни этихъ башенъ, церквей, стѣнъ. Грозный царь Иванъ съ его опричиной и такимъ-же мрачнымъ, узкимъ, тяжелымъ какъ онъ самъ, храмомъ Василя Блаженнаго, — этотъ патологическій субъектъ, бессознательно розыгравшій отчасти роль Ришелье по отношенію къ русскому боярству и это раболѣпствующее, приниженное боярство, дрожавшее ежеминутно за жизнь и въ то-же время покорно подставляющее подъ топоръ свои сѣдые головы, и этотъ безмолвный народъ, молчаливый какъ всегда, испуганный, разступающійся съ воплями передъ несущимися по улицамъ опричниками... всѣ эти картины, какъ-будто, оживали въ тишинѣ ночи и безмолвіи Кремля, нагоняя послѣдующія воспоминанія...

Вонъ, съ той стѣны, если вѣрить преданіямъ, былъ брошень Лжедмитрій. Народъ, по обыкновенію, не принималъ большаго участія въ событіяхъ, словно инстинктивно понимая, что все это дѣла боярскія, а не его дѣло... Тихайшіе цари византійскичинными процессіями, совершавшіе шествіе изъ дворца въ соборъ, появлявшіеся народу съ Краснаго Крыльца, проводившіе время въ молитвѣ и сказкахъ, проходятъ въ памяти, оставляя иногда тяжелый слѣдъ въ глубинѣ Россіи, тамъ, гдѣ долго еще глухо бродило смутное недовольство, выразившееся въ мятежѣ Стеньки Разина, а послѣ въ томъ «вороненкѣ» Пугачевѣ, который заставилъ Екатерину писать оправдательныя письма Вольтеру и Дидро... Вонъ тамъ, на томъ-же добномъ мѣстѣ, среди мрачнаго безмолвія массъ, они сложили свои буйныя головы, сложили надежды голытѣбы и закрѣпощеннаго народа, но долго еще носился на Волгѣ и въ разныхъ глухихъ мѣстахъ этотъ своеобразный духъ протеста, пока не замеръ въ мистицизмѣ раскольничьихъ толковъ...

И другая — помѣщичья Москва — на каждомъ шагу бросается вамъ въ глаза своими привольно раскинувшимися барскими домами, съ садами, службами, съ внутреннимъ устройствомъ, напоминающемъ эпизоды изъ записокъ Багрова и нѣкоторыя главы изъ «Войны и мира». Теперь эти дома глядятъ какъ-то печально передъ высокими, пятиэтажными, вновь строящимися домами современныхъ комерсантовъ, со всѣми приспособленіями и комфортомъ современной архитектуры и со всѣми неудобствами этихъ громадныхъ комфортабельныхъ тюремъ безъ воздуха, безъ зелени, безъ тишины и приволья этихъ «особняч-

ковъ» Москвы, скрывающихся въ тѣнистыхъ садикахъ, но зато совсѣмъ не приспособленныхъ для жизни какой-нибудь скромной нынѣшней семьи съ ограниченнымъ бюджетомъ.

И вотъ эти «особняки», гдѣ нѣкогда будировали престарѣлые генералы, оставшіеся внѣ области благосклоннаго взгляда или благосклонной улыбки, согрѣвавшей больше солнца эти старческія, честолюбивыя сердца,—гдѣ, послѣ знаменитаго манифеста объ улучшеніи быта сельскаго состоянія, раздавались помѣщичьи вопли и обдумывались средства затормозить дѣло, пугая всеобщей революціей въ Россіи, гдѣ наши прабабушки и бабушки шалили въ молодости потихоньку, всегда соблюдая «апарансы», а подъ старость изобрѣтали московскихъ Корейшъ и Альфонсовъ изъ бывшихъ лакеевъ и кучеровъ,—эти «особняки» теперь заняты складами земледѣльческихъ машинъ, средней руки трактирами мебелированными комнатами, число которыхъ въ Москвѣ—этомъ громадномъ сборномъ и проѣзжомъ пунктѣ Россіи—необыкновенно велико. Старинный помѣщичій складъ еще остался въ Москвѣ, но только на ея наружномъ видѣ, и постепенно вымираетъ. Теперь Москва совсѣмъ не «помѣщичій» городъ, какимъ былъ прежде и конечно никакъ не городъ «солдатъ и чиновниковъ», какъ Петербургъ. И въ самодовольно-торжественномъ выраженіи этихъ развѣзжающихъ на тысячныхъ рысакахъ московскихъ тузовъ-купцовъ, и въ своеобразномъ краснорѣчій думскихъ за сѣданій, и въ тѣхъ, болѣе тщеславныхъ, чѣмъ полезныхъ, пожертвованіяхъ, которыми дивятся иногда московскіе комерсанты, и въ этой любви выставить на показъ свои чувства и медали, и въ этихъ аляповатыхъ, безвкусныхъ новѣйшихъ постройкахъ, во всемъ, говорю я, ясно сказывается, что Москва въ рукахъ Разуваева. Онъ царитъ въ ней, даетъ ей тонъ, примируетъ въ думѣ и, какъ у себя въ дальнихъ комнатахъ, держитъ городъ въ грязи, заботясь поразить какимъ-нибудь необыкновеннымъ колоколомъ или замѣчательнымъ злостнымъ банкротствомъ. Онъ, этотъ разбогатѣвшій мужикъ, отецъ котораго еще боялся квартальнаго, не менѣе чорта или домового, смѣнившій поддевку на скюртучную пару и швыряющій деньгами съ французенками, вотъ кто настоящій хозяинъ нынѣшней Москвы. Интеллигенція тутъ какъ-то въ тѣни; общественная жизнь, сильно развитая здѣсь въ трактирахъ, на гуляньяхъ, въ театрахъ, выдвигаетъ преимущественно на первый планъ всѣхъ этихъ Китъ Китычей въ цилиндрахъ и иногда съ дипломомъ коммерческаго училища въ карманѣ, которые пародируютъ въ качествѣ «народа» въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, говорятъ quasi-народнымъ языкомъ, образчики котораго

нерѣдко встрѣчаются въ печати, умѣютъ стоять съ полиціей на дружеской ногѣ, не рискуя своей бородой или волосами, и выдаютъ «Московскими Вѣдомостями» какъ «самдѣлишнѣйшій народъ»—таящій въ себѣ всѣ настоящія качества русскаго духа.

Отъ того, что хозяйство Москвы находится въ рукахъ окулачившагося мужика, московскому населенію, конечно, нисколько не лучше. Для рабочаго люда въ Москвѣ меньше сдѣлано, чѣмъ даже въ Петербургѣ и если подвалы Петербурга скверны, то стоитъ только взглянуть на жилища московскихъ фабричныхъ, чтобы убѣдиться, что онѣ еще сквернѣй. И тамъ, конечно, не одинъ Абрикосовъ, извѣстный московскій кондитеръ, имѣющій большое заведеніе, гдѣ производство идетъ при такой обстановкѣ и рабочіе живутъ въ такой мерзости, что при одномъ чтеніи объ этомъ можетъ пропасть всякій аппетитъ къ знаменитымъ въ Москвѣ абрикосовскимъ конфетамъ и вареньямъ. Судебные процессы и статистическія описанія познакомили нѣсколько публику съ тѣмъ, что сдѣлалъ московскій «хозяинъ» для подневольнаго человѣка. Въ концѣ-концовъ, онъ ничего не сдѣлалъ—смертность въ Москвѣ, не смотря на лучшія, чѣмъ въ Петербургѣ, климатическія условія, стоитъ на одномъ уровнѣ. И если «хозяинъ» попадетъ въ судъ, послѣ какой-нибудь катастрофы въ родѣ пожара на фабрикѣ Гивартовскаго, то выходитъ оттуда, конечно, далеко не убѣжденнымъ, что система хищничества, пользованіе удобнымъ моментомъ, вовсе не есть идеалъ торговли и промышленности.

Поговорите съ какимъ-нибудь знающимъ москвичемъ обо всѣхъ этихъ тузахъ, ворочающихъ милліонами, и если вы охотникъ до біографій во вкусѣ Смайлса, то, конечно, сильно разочаруетесь, такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ вамъ придется выслушать однообразную лѣтопись всевозможныхъ фактовъ, болѣе уголовнаго, чѣмъ педагогическаго характера, представляющихъ богатую канву для сенсаціоннаго романа, въ родѣ похороненій російскаго Рокамболя. Послѣ такихъ эпопей вы еще болѣе поймете, почему у насъ не нарождается еще—да и едва-ли можетъ народиться—та сильная буржуазія, которая держитъ въ настоящее время вездѣ въ своихъ рукахъ не только ключи отъ кассы народнаго производства, но и ключи отъ политики, направляемой, конечно, въ томъ-же духѣ. У московскихъ «хозяевъ» на этотъ счетъ очень просто: въ торговой политикѣ господствуетъ идеалъ нахрапа или каверзы Подхалюзина, въ государственной—«мотивы» Охотнаго ряда. Изъ этого сочетанія дѣйствительно выходитъ нѣчто особенное, какъ-будто оправдывающее «Московскія Вѣдомости».

Но заключившій такимъ образомъ, т. е. вообразившій, что

названная газета дѣйствительно служить выраженіемъ общественаго мнѣнія Москвы—попалъ-бы въ просакъ съ своимъ быстрымъ рѣшеніемъ. Во первыхъ Москва—не одни Китъ Китычи и не одни Подхалюзины; въ той-же Москвѣ есть и другая часть общества, менѣ замѣтная, но болѣе развитая и составляющая очень внушительное меньшинство. Вотъ эта-то часть, напротивъ, пришла-бы въ смущеніе, если-бы ее сочли солидарною съ мнѣніями «Московскихъ Вѣдомостей» и «Руси». Она вовсе не такъ думаетъ, какъ думаютъ названные органы и вовсе не представляетъ той болѣе абстрактной, чѣмъ дѣйствительной «Москвы», которую обыкновенно названные публицисты противопоставляютъ «Петербургу» въ смыслѣ принциповъ. И фактъ, заслуживающій интереса, тотъ, что въ Москвѣ самое большое распространеніе имѣютъ, на примѣръ, такіе органы какъ «Русскія Вѣдомости», «Московский Телеграфъ», «Русскій Курьеръ», какъ извѣстно, не имѣющіе ничего общаго съ «Московскими Вѣдомостями». Мнѣ даже сообщали, что въ послѣднее время, вслѣдствіе невозможнаго тона названной газеты, ея распространеніе еще болѣе уменьшилось и издателю даже не помогаетъ и монополія на станціи московско-курской желѣзной дороги. «Московскихъ Вѣдомостей» просто не берутъ. То-же самое говорили мнѣ и московскіе газетные разношчики. На двадцать-пять нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» или «Телеграфа»—онъ тогда не былъ еще воспрещенъ въ розничной продажѣ—идетъ одинъ нумеръ г. Каткова. Фактъ, повторяю, весьма любопытный, свидѣтельствующій, что «Россія» названнаго публициста далеко не такъ велика, какъ можно было-бы судить по тому апломбу, съ которымъ онъ говоритъ отъ ея имени и подчасъ тѣмъ свободнымъ публицистическимъ языкомъ своихъ передовыхъ статей, который заставляетъ иногда прочитывать ихъ даже людей, вовсе не раздѣляющихъ мнѣнія газеты.

— Единственная газета, тонъ которой напоминаетъ, по крайней-мѣрѣ, хоть одной стороною, тонъ европейскаго органа! горилъ мнѣ одинъ изъ такихъ любителей-москвичей, одинъ присяжный повѣренный.

— Въ смыслѣ тона бѣсноватыхъ газетъ?

— Хотя-бы и такъ. Знаю, что этотъ тонъ, его рѣзкость, его апломбъ могутъ проявляться въ извѣстномъ направленіи...

— Отъ этого онъ еще гнуснѣе.

— Ну, нѣтъ, отчего-же... Этотъ языкъ можетъ возбуждать злость, негодованіе, презрѣніе, но, по крайней-мѣрѣ, не ту скуку, отъ которой вѣтъ во всѣхъ передовыхъ статьяхъ нашихъ другихъ газетъ...

— Но иногда эта скука невольная...

— Все это такъ, но тѣмъ не менѣе непроходимая скука! А тутъ хоть гадости пишутъ, но раздражающимъ тономъ. Вотъ почему вы видите эту газету у меня на столѣ! прибавилъ этотъ своеобразный любитель «изящнаго».

VI.

На другой день прїѣзда, я съутра принялся розыскивать одного знакомаго, адреса котораго не зналъ, да вдобавокъ, и не зналъ навѣрное, въ Москвѣ-ли мой знакомый или уѣхалъ въ деревню. Въ Петербургѣ мнѣ дали адресъ одного студента, который давалъ уроки въ семьѣ моего знакомаго, и могъ помочь мнѣ въ моихъ поискахъ. Адресъ, данный мнѣ, былъ коротокъ: такая-то больница.

Такъ-какъ больница была недалеко отъ Лоскутной гостинницы, я отправился туда.

— Не знаете-ли вы студента такого то? обратился я къ сторожу, вышедшему изъ справочной больничной конторы.

Онъ повторилъ фамилію, куда-то сходилъ и вернулся, рѣшительно объявивъ, что такого студента здѣсь не бываетъ.

— Но мнѣ дали адресъ. У кого здѣсь можно справиться?

— Будьте покойны. Я всѣхъ студентовъ знаю. Это вѣрно. Нѣтъ такого. Вы-бы съѣздили въ другую больницу. Ее часто смѣшиваютъ съ нашей! обязательно объяснялъ онъ, благодаря за двугривенный.

Я имѣлъ глупость повѣрить и поѣхалъ въ другой конецъ города. Во всю длинную дорогу старикъ-извозчикъ тянулъ одну и ту-же пѣсню: «кормы дороги, работа скверная, конки одолѣли».

— И господа не тѣ!

— Какъ не тѣ?

— Не тѣ. Бога забыли, вотъ Богъ имъ и не даетъ!

— Какъ забыли Бога?

— Стало, забыли. Зато и имъ Богъ не даетъ ходу. Отощалъ баринъ.

— Кому-жъ Богъ ходъ даетъ въ Москвѣ?

— Извѣстно кому—толстопузому, купцу.

— Что-жъ, кто лучше по твоему: баринъ или купецъ?

— Толстопузый хуже. Онъ, гляди, изъ нашего брата вышелъ, записался въ купцы и о-о-охъ какъ мужика обидитъ. Въ лоскъ! Барину такъ и не въ домекъ... А зачѣмъ Бога забылъ? Небойсь, положеніемъ недоволенъ, что крестьянъ отняли, и бунтуетъ. Богъ и наказываетъ.

Извозчикъ оказался завзятымъ пессимистомъ, мрачно глядѣвшимъ на все окружающее. Теперь, по его словамъ, все стало хуже, все, будто-бы, направлено къ тому, чтобы подневольному человѣку не вздохнуть. И Бога забыли, и правды въ мѣръ нѣтъ, и народъ сталъ хуже, и земля плохо родить, и господинъ жуликомъ сталъ. «Вотъ намѣдни тоже, какъ-бы человѣка посадилъ, въ родѣ какъ-будто барина, ѣздили мы съ нимъ часа четыре, полъ-Москвы исколесили, остановились у Солодовникова прохода, и слѣдъ его простылъ. «И народъ!» прибавилъ сердито извозчикъ.

Вотъ и больница. Опять справка. Того студента, котораго я розъяскивалъ, нѣтъ. Раздосадованный, я снова поѣхалъ въ первую больницу. На этотъ разъ у дверей стоялъ другой швейцаръ.

— Не знаете-ли студента такого-то?..

— Какъ-же, знаю. Они у насъ въ больницѣ бываютъ. И письма на ихъ имя сюда приходятъ. Какъ не знать?.. Да вы напрасно, господинъ, тогда, какъ утромъ были, у меня не спросили!

— А вы развѣ знали, что я былъ здѣсь?

— Какъ-же... Я слышалъ, какъ вы съ тѣмъ швейцаромъ говорили.

— Такъ что-же вы тогда не сказали?

— Да, вишь, онъ знаетъ... Думаю, пусть онъ и говоритъ. А онъ этого и не можетъ ничего знать, потому онъ при конторѣ, а я при швейцарской...

Оказалось, однако, что студентъ въ этотъ день не былъ, да и не каждый день бываетъ въ больницѣ. Пришлось ѣхать въ адресный столъ.

Тамъ толпа изрядная. Однако, ждать пришлось не долго. Мнѣ дали справку. Читаю: по Воробьевой горѣ...

— Извозчикъ, далеко это?

— За Москву-рѣку, а то кругомъ.

— А за рѣкой близко?

— Рукой подать, вотъ какъ до этой стѣны.

Поѣхали. Жара дьявольская, дорога убійственная. Проѣхали Арбатъ, Пречистенку, проѣхали Дѣвичье поле, впереди блистали купола Новодѣвичьяго монастыря. У монастыря я остановился и вошелъ въ ограду.

Я вошелъ въ церковь, минуя кладбище, гдѣ на памятникахъ все пестрѣли извѣстныя фамилии. Въ темной церкви повѣяло прохладой и свѣжестью. Въ церкви читали часы и собирались понемногу монахины. Что за блѣдныя, истомленные, желтыя лица! Вотъ входитъ одна, высокая, худая, строгая, ока-

залось сестра казначая, свершаетъ при входѣ поклоны на всѣ стороны и затѣмъ идетъ впередъ мѣрнымъ, размѣреннымъ шагомъ, къ своему почетному въ церкви мѣсту. Всѣ низко, пренизко ей кланяются, почти припадая къ полу, и она отвѣчаетъ низкимъ поклономъ. Сколько торжественной строгости въ этомъ ритуалѣ этихъ взаимныхъ поклоновъ сестеръ во Христвѣ!

Что было подъ оболочкой этихъ строго-постныхъ, этихъ желто-блѣдныхъ, безстрастныхъ лицъ? Вѣдь и подъ монашеской рясой бьется женское сердце? И подъ несовѣмъ красивой шапкой, надвинутой на лобъ, бродили, если не бродятъ, какія-нибудь мысли, напоминающія о мѣрѣ, о его прелестяхъ и соблазнахъ? На это не дають отвѣта ни неподвижные взгляды, ни безстрастные лица этихъ темныхъ фигуръ, кажущихся еще темнѣй въ полутемномъ свѣтѣ церкви, безмолвно припадающихъ головами къ полу и осѣняющихъ себя крестами.

Внѣ храма такъ ярко свѣтитъ солнце и такъ свѣтло и жизне-радостно. Я осматриваю памятники и, замѣтивъ приближающуюся монахиню, подхожу къ ней и спрашиваю:

— Скажите пожалуйста, можно посмотрѣть монастырь?..

— Какже. Храмъ всегда открытъ для усердствующихъ.

— Нѣтъ, я храмъ видѣлъ. Мнѣ-бы хотѣлось посмотрѣть кельи... Возможно это?

— Нѣтъ, не допускають. Попросите мать-игуменью. Только теперь ихъ дома нѣтъ, онѣ въ Москвѣ, прибавила монахиня.

— Нельзя-ли хоть посмотрѣть кельи царевны Софїи?

— Какая такая? У насъ никакой царевны нѣтъ!

Очевидно, монахиня этого не слыхала.

— Сколько здѣсь монахинь?

— Около трехсотъ.

— Какого званія?

— Больше крестьянскаго, купчихи есть, двѣ дворянки.

— А мать игуменьи?

Она назвала извѣстную фамилію.

— Такъ нельзя ничего осмотрѣть? еще разъ спросилъ я.

— Спросите у сестры-казначей.

Но и сестра-казначая оказалась такою-же подозрительно-несговорчивою. Ее больше интересовало, кто я такой, зачѣмъ мнѣ осматривать и т. п. Такъ я и ушелъ изъ Новодѣвичьяго монастыря, нечего не выдавши. Онѣ, эти сестры, словно боятся всякаго вопроса, каждый пустякъ окружаютъ какой-то тайной. Напримѣръ, я спросилъ: работаютъ-ли всѣ монахини или нѣкоторыя и въ отвѣтъ получилъ неопредѣленный отвѣтъ, что всякая

по мѣрѣ силъ. Затѣмъ, когда я хотѣлъ войти въ подробности, мнѣ не отвѣчали.

— Если вы, господинъ, любопытны посмотрѣть, сказалъ мнѣ монастырскій дворникъ, то достаньте писемцо къ матери-игуменѣ, такъ лучше всего. Тогда вамъ все покажутъ.

Спустились къ Москвѣ-рѣкѣ; по другой ея сторонѣ высились знаменитыя Воробьевы горы, куда удалялся Иоаннъ Грозный, откуда осматривалъ Москву Наполеонъ и гдѣ теперь въ деревнѣ, расположенной на вершинѣ, живутъ московскіе дачники, которыхъ не пугаетъ отсутствіе удобнаго сообщенія съ городомъ. У самой рѣки, на томъ берегу, были какія-то строенія и около столы.

— Это что?

— Трактиръ. По праздникамъ сюда прѣзжаютъ гулять.

У берега стояла лодка и тутъ-же городской, московской городской, очень мало по наружности похожій на петербургскій. У московскихъ нѣтъ той особенной складки, нѣтъ того полицейскаго «шику», что у нашихъ, и на видъ они куда невзрачнѣе петербургскихъ, да и одѣты не такъ щеголевато.

— Вы здѣсь зачѣмъ стоите? спросилъ я удивленный, что блюститель порядка сторожитъ Москву-рѣку.

— Для порядку? отвѣчалъ онъ.

— Для какого?

— Мало-ли, господинъ, для какого—для всякаго!

— Напримѣръ?

— Чтобы шуму не было...

— На рѣкѣ-то?..

— Вобщемъ, чтобы какъ слѣдуетъ. Чтобы подозрительныя лица не проѣзжали... Мало-ли нонече!

О, святая простота! Кто устоитъ противъ твоей наивности въ образѣ этого маленькаго ярыжки, слѣдщаго за подозрительными людьми? Дай только Богъ, чтобы фантазія не увлекла его какъ-нибудь въ просагъ и чтобы его наблюдательность не превысила данныхъ ему квартальнымъ инструкціей, вѣроятно составленныхъ тоже «вообще» и, надо думать, принаровленныхъ къ его понятіямъ о степени подозрительности.

— Какъ-же вы отличаете подозрительныхъ лицъ?..

— Сейчасъ видно, коли у человѣка на умѣ недоброе... Онъ и видъ такой имѣетъ! простодушно отвѣчалъ московскій стражъ.— Ну, опять, одежда...

На той сторонѣ рѣки, у сѣвернаго трактира, какой-то мальчигъ взялся меня проводить на верхъ... По изрытому рытвинами подъему мы взобрались на гору. Я оглянулся и не раскаялся,

что совершилъ длинное и утомительное путешествіе по жарѣ. Видъ на Москву дѣйствительно былъ превосходный. Вся она была какъ на ладонѣ, блистая своими церквами, утопая въ зелени, оаѣймленная, какъ въ рамкѣ, зеленѣющими полями. Я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой красивой панорамы громаднаго города, сверкающаго на солнцѣ безчисленными куполами, между которыми особенно выдѣлялся ярко-раззолоченный особеннымъ способомъ гальванопластики, куполь храма Спасителя.

Посмотрѣвъ съ того самаго мѣста, гдѣ, по разсказу подошедшаго къ намъ десятичника съ бляхой, стоялъ Наполеонъ, я скоро безъ особенныхъ затрудненій нашелъ того господина, котораго искалъ, въ одной изъ избъ деревни. Отъ него я узналъ, что мой пріятель, нѣсколько дней тому назадъ, уѣхалъ со всей семьей на дачу, верстъ за сто отъ Москвы.

Мой случайный знакомый, съ истиннымъ радушіемъ настоящаго москвича, угостилъ меня завтракомъ и потомъ повелъ показывать виды съ различныхъ пунктовъ Воробьевыхъ горъ. Виды, въ самомъ дѣлѣ, были одинъ другого лучше и не даромъ москвичи ѣздятъ сюда по праздникамъ насладиться прекраснымъ воздухомъ послѣ духоты и вони города.

— Очень здѣсь хорошо! восхищался я, кажется, съ самого того-же мѣста, откуда Наполеонъ, окруженный блестящимъ штабомъ своихъ генераловъ, обозрѣвалъ эту самую Москву, которая такъ дорого обошлась ему впоследствии. — Да и жить здѣсь, я думаю, недурно, не то, что на петербургскихъ дачахъ? Привольно, спокойно, какъ въ настоящей деревнѣ... Лѣсъ, волнующіяся поля, рѣка...

— Однако, вы, кажется, совсѣмъ представляете себѣ идиллію? замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— А что? Развѣ не идиллія... Посмотрите...

— Оно, конечно, недурно, но прежде, года два тому назадъ, лучше было... Болѣе на деревенскую идиллію походило... Первобытность кое-какая еще оставалась.

— А теперь?

— Мало... Да и сельскія власти стали очень внимательны.

— Неужели цивилизація и на Воробьевы горы поднялась, что-ли?

— То-то... Очень стали интересоваться. Иной разъ и въ избу заглянуть, когда васъ нѣтъ дома,—взглянуть: все-ли въ порядкѣ! усмѣхнулся мой собесѣдникъ... Оно, видите-ли, отчасти идиллія и нарушена!

Я вспомнилъ встрѣчу съ «піонеромъ цивилизаціи» у перевоза

и понять, что мои слова восторга могли показаться нѣсколько странными человѣку, имѣющему отъ роду двадцать-пять лѣтъ и носящему ученое званіе студента.

Но гдѣ-жъ искать теперь настоящей деревенской идилліи? Гдѣ «лежать на травкѣ», чтобы любоваться высокимъ, небеснымъ сводомъ, слушать шопотъ стараго дѣса и хоть на нѣкоторое время забыться, отдохнуть отъ этой ужасной «алобы дня»? Оказывается, нѣтъ отъ нея нигдѣ спасенія. Она и на Воробьевыхъ горахъ, также какъ и въ вагонѣ столичнаго поѣзда, она и въ глуши самаго дальняго захолустья, пожалуй еще, въ болѣе уродливой формѣ (если вѣрить наблюдателямъ и кое-какимъ газетнымъ корреспонденціямъ), она, эта «алоба дня», всюду какъ тѣнь, слѣдуетъ за человѣкомъ по городамъ, городкамъ и всямъ обширной русской Имперіи и, съ раздражающей назойливостью, лѣзетъ вамъ въ глаза подозрительнымъ взглядомъ, умышленной недомолвкой, оскорбительной фамильярностью, а подчасъ и грубой, откровенно наглою экскурсіей въ вашу душу какого-нибудь деревенскаго «политика» или урядника, на котораго даже и сердиться нельзя за его невѣжественное усердіе, не предписанное, надо думать, никакими инструкціями, но продиктованное его «собственнымъ умомъ».

«Камо бѣгу отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣгу?» можетъ воскликнуть теперь каждый русскій человѣкъ, желающій убѣжать хоть на время отъ этой раздражающей больной хандры города. Но какъ «Вѣчному жиду», не знающему отдыха и покоя, такъ и современному русскому человѣку—нигдѣ не найти уголка, гдѣ-бы онъ могъ «забыться и уснуть», не напившись до положенія ризъ.

VII.

Я вернулся въ Москву усталый послѣ этой неожиданной прогулки на Воробьевы горы. А мнѣ еще предстояло, согласно программѣ, составленной однимъ знакомымъ москвичемъ, обѣдать у Тѣстова и послѣ ѣхать въ Петровскій паркъ. Быть въ Москвѣ и не разстроить себѣ желудка тоже самое, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Въ Москвѣ трактиры куда демократичнѣе нашихъ, впрочемъ, и не однѣ трактиры; тоже можно сказать и про театры и про общественныя гулянья. У Тѣстова, на примѣръ, въ этихъ роскошно-алаяповатыхъ залахъ съ оркестріономъ и массой половыхъ въ своихъ классическихъ бѣлыхъ рубахахъ, вы увидите самую

разнокалиберную публику: тутъ и помѣщикъ, и чиновникъ, и купецъ въ поддевкѣ и рядчикъ, и актеръ, не то что, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ и въ ресторанахъ публика какъ-то специализируется; у Дюссо, Бореля или у Медвѣдя вы, конечно, не встрѣтите тѣхъ лицъ, какихъ встрѣтите въ лучшихъ московскихъ трактирахъ, а если и встрѣтите, то сейчасъ-же замѣтите какую-то приниженную робость человѣка, попавшаго въ общество натянутыхъ, строгихъ чиновниковъ-дѣльцовъ и офицеровъ, которые измѣряютъ презрительнымъ взглядомъ человѣка, видимо, не ихъ круга. Совсѣмъ не то въ Москвѣ. Здѣсь вездѣ рассчитываютъ на публику, на потребление en masse, а не на избранныхъ. Кто не хочетъ «мѣшаться» съ толпой—иди въ клубъ. Здѣсь нѣтъ именно этой приниженности и со всѣхъ сторонъ вы слышите громкія, оживленныя бесѣды, часто заставляющія васъ вспомнить языкъ комедій Островскаго. Тутъ распиваетъ шампанское какой-нибудь помѣщикъ или инженеръ, а рядомъ скромно попиваетъ чай дѣлая купеческая семья средней руки, съ чадами и домочадцами. Никого такое сосѣдство не удивляетъ.

Это смѣшеніе, эта «толпа» производитъ пріятное впечатлѣніе во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ сборищъ и въ этомъ отношеніи Москва рѣшительно демократичнѣе Петербурга. Въ ней нѣтъ натянутого, мертвого вида нашихъ общественныхъ собраній, тамъ не бьютъ въ глаза тѣ кастовыя раздѣленія, которыя даже вы увидите въ петербургскихъ церквахъ, не давить эта брезгливая чопорность нашихъ *soi disant* аристократическихъ поповеній и боязни смѣшаться «со всѣми», и вотъ почему всѣ общественныя сборища и увеселенія въ Москвѣ оживленнѣе и проще и даже дали поводъ кому-то сравнить въ этомъ отношеніи Москву съ Парижемъ. Если прибавить къ этому, что въ Москвѣ военный элементъ не играетъ преобладающей роли, какъ въ Петербургѣ, нѣтъ того чиновничьяго престижа и погони за подражаніемъ хоть по внѣшности высшимъ классамъ, то московская простота становится еще понятнѣе. Кромѣ того, нельзя забывать, что Москва громадный торговый рынокъ, а торговля, какъ извѣстно, не очень обращаетъ вниманія и на фасонъ платья, и на манеры. Ей нужны больше всего деньги, гдѣ-бъ онѣ не лежали.

Запахъ душистаго скошеннаго сѣна и чудный воздухъ Петровскаго парка пріятно щекотали обоняніе послѣ вонимосковскихъ улицъ. Вечеръ былъ славный и въ Петровскомъ паркѣ было много гуляющихъ и катающихся. Этотъ большой паркъ съ его дворцомъ, петровско-разумовской академіей, нѣкогда владѣніе Разумовскихъ, купленное потомъ казной—одно изъ бо-

лѣе любимыхъ загородныхъ мѣстъ съ дачами и множествомъ разныхъ увеселительныхъ мѣстъ, число которыхъ прибавилось по случаю предполагавшагося открытія московской выставки, огромное зданіе которой выстроено на полѣ, противъ парка, въ двадцати-пяти минутахъ ѣзды отъ Страстнаго монастыря по конно-желѣзной дорогѣ. Въ числѣ увеселительныхъ мѣстъ и ресторановъ, тутъ-же и знаменитый Яръ, особенно посѣщаемый зимой на тройкахъ... Если-бъ стѣны его могли разсказать обо всѣхъ безобразіяхъ, которыхъ онѣ бывали свидѣтелями во время разгула московскихъ старыхъ и молодыхъ купцовъ, то эпопея была-бы, полагаю, очень любопытная, хотя и однообразнаго характера.

Недалеко отъ петровскаго дворца, почти противъ зданія выставки стоитъ Петровскій театръ, ветхое, неказистое деревянное зданіе прежде казеннаго театра, приведенное въ нѣкоторый порядокъ и съ нынѣшняго года арендуемое содержательницей зимняго частнаго театра, такъ - называемаго, пушкинскаго, труппа котораго считается по справедливости лучшей частной труппой Москвы. Однако, лѣтомъ этотъ театръ посѣщается лѣнливо; онъ былъ арендованъ въ расчетѣ на выставку и, вслѣдствіе ея отмѣны, содержатели, конечно, должны нести убытки, несмотря на хорошую труппу, среди которой выдаются такіе талантливые артисты, какъ г-жа Красовская, замѣчательно даровитая комическая старуха, и гг. Бурлакъ-Андреевъ, Писаревъ и Клрѣевъ. Быть можетъ, впрочемъ, плохіе сборы театра до нѣкоторой степени объясняются и строго-серьезнымъ репертуаромъ театра, который не допускаетъ къ себѣ оперетки, столь любимой Москвой, и нынѣшнимъ лѣтомъ окончательно побѣдившей и Петербургъ.

Какъ-бы то ни было, но когда мы вошли въ театръ петровскаго театра, то убѣдились, что охотниковъ смотрѣть «Горе отъ ума», при самой тщательной постановкѣ съ костюмами дѣйствительно того времени, оказалось весьма мало. Театръ былъ болѣе чѣмъ на половину пустъ. Впрочемъ, говорятъ, что лѣтомъ во всѣхъ частныхъ театрахъ—а ихъ въ Москвѣ болѣе чѣмъ въ Петербургѣ—дѣла идутъ плохо, кромѣ театра «Эрми-тажа»—этого бойкаго увеселительнаго мѣста въ самомъ центрѣ города—Демидрона Москвы, любимаго и посѣщаемого публикой. Тамъ и садъ съ разными увеселеніями и театръ съ драматической и опереточной труппами г. Лентовскаго, приводящаго нынче петербургскую публику въ восторгъ своими опереточными представленіями въ Аркадіи...

Г. Лентовскій выбралъ удобное время для пріѣзда въ Пе-

тербургъ. Оперетты теперь какъ-разъ во-время и не даромъ публика—вѣрнѣе извѣстная часть ея—рвется во всѣ театры, гдѣ поютъ раздражающіе, игривые мотивы и отплясываютъ канканъ въ томъ откровенномъ направленіи, который господствуетъ теперь и въ общественной жизни. Созданная во Франціи при Наполеонѣ III, особенно покровительствуемая имъ, эта остроумная французенка легкаго поведенія, теперь уже потерявшая тамъ прежнее значеніе, какъ видно, хочетъ культивироваться у насъ и занять подобающее ей значеніе... Судя по нынѣшнему лѣту, успѣхъ ея несомнѣненъ. Вкусъ къ порнографическимъ увеселеніямъ растетъ по мѣрѣ притупленія другихъ вкусовъ и не даромъ на дняхъ я встрѣтилъ одного солиднаго и непреклоннаго въ своемъ департаментѣ статскаго совѣтника, выходящаго изъ Аркадіи и напѣвавшаго самымъ подзадаривающимъ голосомъ:

«Я невинная дѣвица...

Я невинная...

Онъ вдругъ оборвалъ на слѣдующей нотѣ, встрѣтившись со мной лицомъ къ лицу. Дѣло въ томъ, что того-же дня утромъ я былъ у него по дѣлу, весьма непріятному дѣлу, и имѣлъ честь слышать отъ него такіа солидныя воздыханія, такіа строгія осужденія «вообще», и легкомыслію печати въ особенности, что видѣть его теперь въ этомъ игривомъ настроеніи, напѣвающимъ: «я невинная дѣвица», было для меня однимъ изъ лучшихъ доказательствъ смягчающаго воспитательнаго значенія оперетки.

Онъ поневолѣ узналъ меня — улизнуть было некуда — и первый заговорилъ:

— А вѣдь недурно, а?

— Недурно ваше превосходительство!

Я такъ называлъ статскаго совѣтника, зная, что этотъ, хотя и не принадлежащій ему титулъ, нисколько его не сердитъ, хоть онъ и дѣлалъ изъ приличія видъ, будто сердится.

— По крайней-мѣрѣ, знаете-ли... безобидная сатира... Веселые мотивы и...

— И самый успокаивающій канканчикъ, ваше превосходительство!

— Ну, разумѣется, не то, что вѣчныя, мрачныя картины, обобщенія... Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ преднамѣренности... Ничего этого нѣтъ, что только раздражаетъ общество... Надо его успокаивать, а не раздражать...

Эта рѣчь была отголоскомъ утренней, но все-таки съ нѣкоторой разницей въ тонѣ. Утромъ этотъ статскій совѣтникъ казался непреклонной весталкой, хранительницей священнаго огня,

а вечеромъ, послѣ «Синей бороды» и пѣсеню Булотты походить и самъ на «невинную дѣвицу», пѣсенку которой онъ только-что такъ игриво напѣвалъ... Очевидно, это было дѣйствиємъ оперетты...

Ахъ, если-бы такіе статскіе совѣтники приняли за правило скрѣплять бумаги непосредственно послѣ представленія оперетокъ! Сидѣю думать, что потомство отъ этого-бы нисколько не проиграло!...

Воспользовавшись моментомъ, я началъ-было о «дѣлѣ», но статскій совѣтникъ какъ-будто почувствовалъ себя теперь въ положеніи Булотты, не умѣющей никому отказывать, довольно ловко уклонился отъ «дѣла» и обѣщала поговорить «завтра утромъ».

Но на «завтра», когда я снова пришелъ,—увы!—передо мною опять сидѣла весталка священнаго огня и на всѣ мои доводы отвѣчала неизмѣнно одно и то-же:

— Мы этого не потерпимъ! Мы этого не потерпимъ!

Что если-бы г. Лентовскій давалъ представленія по утрамъ и вечерамъ! Не было-ли бы это еще благодѣтельныѣе для смягченія нравовъ?.. О выгодности такого предпріятія нечего и говорить, особливо, если утреннія представленія будутъ начинаться въ 10 часовъ утра и кончатся въ часъ, какъ-разъ ко времени начала дѣятельности въ канцеляріяхъ и департаментахъ!

VIII.

Когда, поздно вечеромъ, возвращаясь изъ Петровскаго парка, мы проѣзжали по пустынной Тверской улицѣ, любезный спутникъ мой обратилъ мое вниманіе на большой, старинный, двухъ-этажный, раскидистый, слабо освѣщенный, домъ во дворѣ, обнесенный по фасаду рѣшеткой, со львами у подъѣзда, на мрачныхъ фигурахъ которыхъ игралъ лунный свѣтъ. «Это англійскій клубъ!» сказалъ онъ.

Съ именемъ московскаго «англійскаго клуба», съ его знаменитыми когда-то обѣдами и знаменитыми тузами, невольно пронеслась въ памяти цѣлая помѣщичья эпопея, всѣ эти порывы патриотизма на счетъ крѣпостныхъ, всѣ эти московскія ретроградныя бутады и прославленіе въ 1863 году Каткова съ поднесеніемъ ему знаменитой чернильницы. Но отчего этотъ старинный домъ такъ сумрачно смотреть? Увы, кажется, приходитъ конецъ этому частному «государственному совѣту» помѣщичьей знати, когда-то дававшему тонъ всей Москвѣ, дивившему своимъ своеобразнымъ свободомысліемъ и роскошнѣйшими обѣдами. Ока-

зывается, что его существованіе виситъ на волосѣ. Преніе члены, могилане крѣпостничества, мало-по-малу вымираютъ, а новыхъ охотниковъ мало, такъ-что, по словамъ моего чичероне, болѣе чѣмъ вѣроятно, что московскій клубъ, пріютъ всѣхъ Фамусовыхъ и Тугоуховскихъ,—закроется совсѣмъ, въ ужасу тѣхъ одряхлѣвшихъ допотопныхъ генераловъ и помѣщиковъ, которые еще доживаютъ свой вѣкъ въ Москвѣ...

Еще одна свѣжая могила крѣпостной Россіи! Насиженное гнѣздо «московскаго» помѣщичьяго духа, который обезсмертилъ Грибоѣдовъ, само собою разоряется и нынѣшніе потомки преніе звѣздъ крѣпостничества уже не поддерживаютъ его. Да и нѣтъ резона, въ виду вырожденія преніяго «барина». «Дѣти», пожалуй, и смѣются надъ московскимъ «клубомъ» съ его претензіями и нескрываемымъ, открытымъ крѣпостничествомъ. Одни изъ нихъ раззорились и пошли въ отхожіе промысла, разнообразіе которыхъ заключаетъ въ себѣ всѣ ступени карьеры, начиная отъ карьеры блюстителя государственныхъ интересовъ и кончая званіемъ червоннаго валета,—другіе, болѣе дальновидные и искусные, соединили въ себѣ теоретиковъ-крѣпостниковъ съ практиками—Разуваевами и, понявши, такимъ образомъ, духъ времени, обсуждаютъ свои знаменитые контракты добровольнаго соглашенія уже не въ шумной бесѣдѣ, послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ, а въ тиши своихъ кабинетовъ, при помощи услужливаго адвоката и красиво переплетенныхъ судебныхъ уставовъ. За чѣмъ имъ для этого клубъ? Въ клубѣ, въ этомъ самомъ клубѣ, быть можетъ, еще найдутся тѣ, стоящіе одной ногой въ могилѣ старики-помѣщики, которые, находя сообразнымъ съ достоинствомъ дворянина держать гаремы крѣпостныхъ дѣвокъ и мнѣять крѣпостныхъ на собакъ,—сочтутъ «не дворянскимъ дѣломъ» эти разуваевскіе пріемы, эти легальные документы, напоминающіе росписку, полученную шекспировскимъ венеціанскимъ евреемъ. И, кто знаетъ, презрительно-брезгливый взглядъ этихъ «стариковъ», пожалуй, только смутитъ новѣйшаго барина-кулака, этого джентльмена-дѣльца, изящнаго, выхоленнаго, не имѣющаго отталкивающаго вида чумазаго, неумытаго, грязно одѣтаго хищника-Разуваева, но въ то-же время умѣющаго не хуже послѣдняго вести свою «линію» въ томъ-же направленіи.

У насъ въ послѣднее время литература съ особеннымъ тщаніемъ и заботливостью занимается «кулакомъ», но по преимуществу кулакомъ, такъ-сказать чернымъ, кулакомъ-мужикомъ, а не кулакомъ-баринномъ. Правда, первый типъ распространеннѣе, но и послѣдній не лишенъ интереса, тѣмъ болѣе, что онъ,

хотя и менѣе распространенъ, но, по своему положенію и связямъ, заслуживаетъ не менѣе вниманія...

Онъ, этотъ зачастую бывшій «баринъ», а нынче землевладелецъ, земець, содержатель кабаковъ, учредитель «Товарищества Клепки», марка такая-то, агентства во всѣхъ городахъ,—самой лучшей клепки, которая изгонитъ всѣ другія, такъ-что «только изъ клепки марка такая-то (смотри подробности въ объявленіяхъ) современемъ будутъ выдѣлываться всѣ бочки въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ»,—довольно характеренъ. Этотъ изящный, образованный скорпионъ, выдѣлывающій клепку при помощи науки, представителямъ которой не даромъ платитъ большое жалованье, знающій, что за два съ половиной можно по телеграфу послать въ газету опроверженіе, знающій какъ составить докладную записку объ отводѣ казеннаго лѣса подъ клепку, записку, которая-бы заставила забиться сердце патріота,—умѣющій политику замѣшать въ распространеніе кабаковъ, орудовать юриспруденціей въ совершенствѣ, ухаживать за «литературой» въ образѣ ея маститыхъ корифеевъ, «проводить» что-нибудь въ Сельско-Хозяйственномъ Обществѣ или въ «Обществѣ Содѣйствія Промышленности и Торговли» и время отъ времени произносить подчасъ даже либеральныя рѣчи—этотъ кулакъ-баринъ какъ-будто забытъ нашей литературой, сосредоточившей исключительное вниманіе на шпавляхъ деревни, непосредственно сосущихъ мужика...

Между тѣмъ, разные контракты, по временамъ появляющіеся въ газетахъ, свидѣтельствуютъ, что не одни Разуваевы умѣютъ дѣло дѣлать «чисто» и по «совѣсти»... Въ длинному ряду такихъ «документовъ» недавно прибавился еще одинъ, заключенный даже дамой-помѣщицей, г-жей Бруннеръ, и попавшій на страницы газеты «Земство».

Контрактъ этотъ такъ характеренъ, что я приведу изъ него слѣдующіе пункты:

1) «Мы, крестьяне, беремъ въ арендное содержаніе участки земли съ лѣсомъ, принадлежащій г. Бруннеръ, въ количествѣ 500 десятинъ, срокомъ впередъ на 12 лѣтъ, цѣною по 1 р. 25 к. въ годъ за каждую десятину».

2) «Платежъ арендныхъ денегъ обязуемся мы, крестьяне, производить (ежегодно въ два срока въ мартѣ и декабрѣ)... Ежелиже въ теченіи льготныхъ семи дней слѣдующая сумма не будетъ заплачена сполна, то г-жа Бруннеръ имѣетъ право отъ арендованія земли намъ, крестьянамъ, отказать и посѣянный хлѣбъ отобрать и остальные деньги взыскать сполна по сроку усло-

вія, а мы, крестьяне, не должны заявлять на это никакой претензіи...

3) Мы, крестьяне, обязуемся вести запашку на арендуемой нами землѣ по правиламъ трехпольной системы, не допуская ни въ какомъ случаѣ ежегоднаго посѣва, не утомляя земли и не давая ей заростать никакими лѣсными зарослями; такъ, чтобы къ концу аренднаго срока земля, какъ пахотная, такъ и сѣнокосная должны находиться въ самомъ лучшемъ состояніи; ежели же въ числѣ 300 десятинъ арендуемой нами земли окажутся нѣкоторыя десятины дурно разработанными подъ пашни и покосы, то мы, крестьяне, платимъ г-жѣ Бруннеръ неустойку по 10 р. за каждую десятину круговою-же порукою».

4) «Изъ числа пяти-сотъ десятинъ мы, крестьяне, обязаны оставить неприкосновенными подъ лѣсомъ двѣсти десятинъ, которые должны мы *сохранять* всецѣло до окончанія срока аренды (!!!). Продажа всякаго лѣснаго матеріала изъ сказанныхъ двухъ-сотъ десятинъ лѣса въ сторону куда-бы то ни было воспрещается крестьянамъ, а за цѣлость и сохраненіе всего лѣса и прпсмотръ онаго отвѣчаютъ предъ г-жей Бруннеръ крестьяне круговою порукою. Въ случаѣ только какихъ-либо несчастій для поддержки строеній у крестьянъ, можетъ быть дозволено, не иначе какъ съ особеннаго на то разрѣшенія отъ г-жи Бруннеръ, воспользоваться только необходимымъ количествомъ лѣса. Мѣстность, опредѣленная для отвода вышеназванныхъ 200 десятинъ лѣса, должна быть назначена конторою г-жи Бруннеръ».

5) «Строенія обязуемся соорудить по указанію отъ г. Бруннеръ; какое строеніе должно быть поддерживаемо нами, крестьянами, ремонтомъ, никакъ не допуская таковое до ветхости».

6) «Если мы, крестьяне, во все продолженіе настоящаго условія будемъ исправны во всѣхъ платежахъ и обязательствахъ, то я, Бруннеръ, не вижу съ своей стороны препятствія къ заключенію новаго контракта на таковой-же двѣнадцатилѣтній срокъ по цѣнамъ за десятину въ годъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, какія въ то время существовать будутъ; также оставшіяся участки земли съ лѣсомъ должны быть оцѣнены между нами, сторонами, по взаимному между нами согласію».

Контрактъ, какъ всякій видитъ, составленъ «надлежаще». За охрану лѣса вмѣсто того, чтобы платить владѣлицѣ, будутъ платить крестьяне; платятъ они аренду за 500 десятинъ, а пользуются 300-ами съ обязанностью платить за право «сохраненія» остальныхъ 200-тъ десятинъ; затѣмъ воздѣлывать землю, строиться и чиниться они обязаны не иначе, какъ по указу помѣ-

щипы. Этотъ «документъ», конечно, составленъ, какъ слѣдуетъ, и надлежащими властями засвидѣтельствованъ.

Вы скажете: «вольнo-же было подписывать такой контрактъ!».. Нѣтъ, вы этого не скажете, потому-что поймете, что есть «другъ Горацио и т. д.». Точно также по закону вы ничего не скажете и г-жѣ Бруннеръ, ибо кто вправѣ ей запретить совершать акты, закономъ дозволенные?.. Выходить нѣчто совсѣмъ невозможное, какъ-будто-бы крѣпостное право, хотя его *de jure* и не существуетъ...

Когда крестьяне «прозрѣли» какую «бумагу» подписали они—неизвѣстно, какъ происходило это «подписаніе», часто оно происходитъ послѣ обильныхъ возмѣній въ честь Бахуса—они, о свитая наивность, воззвали къ сердцу г-жи Бруннеръ, прося прекратить контрактъ, но въ отвѣтъ получили отъ нея слѣдующій манифестъ, въ которомъ она, какъ средневѣковая владѣтельница, пишетъ вездѣ «мы», «насъ», «намъ»:

«Вотъ нашъ отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ: 1) вы арендуете землю нашу въ Ивановскомъ имѣніи, пермской губерніи, срокомъ отъ 15 марта 1876 года на 12 лѣтъ, т. е. по 15 марта 1888 года. Такимъ образомъ время вашего арендованія длится теперь только 4½ года. Что-же теперь загадывать на будущее время; слишкомъ рано объ этомъ задумали, а теперь ваше дѣло исполнять свои обязанности по арендованію земли, не злоупотребляя данными вамъ правилами. 2) Вы должны въ 12-лѣтній срокъ распахать назначенныя вамъ 300 десятинъ земли, а 200 десятинъ мы должны оставить неприкосновенными до окончанія вашей аренды. Вы знали, что заключали, а взяли-же вы землю, конечно, чтобы ее разработать, а не для того, чтобы рубить лѣсъ и не работать. Вы знаете, что, ежели вы не распашете 300 десятинъ до окончанія срока аренды, то должны заплатить штрафа 10 руб. за десятину, которую не распашете. 3) По вашему контракту, вы не имѣете права никакого отказываться отъ аренды раньше срока, и также не имѣете права передавать аренды кому-либо другому, а обязаны соблюдать до срока аренду. На то есть законы,—*когда заключилъ, держи и исполняй*. Аренда вамъ дана сходною цѣною. 4) Вы не имѣете права продавать никому и рубить лѣсъ изъ тѣхъ 200 десятинъ лѣса, которыя должны оставаться до конца аренды цѣлыми. 5) (говорится объ участкѣ въ 7 десятинъ, отведенномъ для пользованія прислуги г. Бруннеръ, которымъ не должны пользоваться крестьяне). 6) Если васъ возбуждаютъ пустыми толками о томъ, что мы думаемъ о возвышеніи цѣнъ на аренду впередъ, то все пустое, и намъ пріятнѣе, чтобы у насъ жилъ посторонній на-

родъ для заселенія края; разумѣется, что на вашъ участокъ глаза устремлены отъ зависти, но вы не слушайте тѣхъ, которые васъ подбиваютъ и хотятъ хватать большое поле. 7) Земля въ вѣчное владѣніе не будетъ продаваться, то объ этомъ нечего и говорить. Н. Бруннеръ, помѣщица Пермской губерніи и проч.».

Не правда-ли, тонъ манифеста г-жи Бруннеръ не оставляетъ желать нечего лучшаго? Хоть-бы сейчасъ его въ собраніе матеріаловъ исторіи крѣпостного права, хотя онъ и писанъ въ тѣ дни, когда со времени освобожденія прошло болѣе двадцати лѣтъ и, однако, «она въ своемъ правѣ».

IX.

Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, первопрестольная была занята дѣломъ извѣстнаго московскаго милліонера Солодовникова, состояніе котораго такъ велико, что отъ одного отрѣзанія купоновъ его бумагъ, по словамъ свидѣтеля на судѣ, кассиры натирали себѣ мозоли. Объ этомъ дѣлѣ говорили вездѣ и многіе держали пари за исходъ дѣла. О самомъ «герое» процесса рассказывали весьма характерныя подробности. Впрочемъ, лучше того, что выяснилось на процессѣ трудно было и рассказать, а потому я повторять рассказовъ не буду. Замѣчу только, что объясненіе его поступка съ женой и дѣтьми не объясняли только скупостью. Въ Москвѣ есть типы скупцовъ-милліонеровъ, но г. Солодовниковъ къ нимъ не подходитъ. А судя по рассказу, сообщенному корреспондентомъ «Голоса», среди московскаго купечества есть въ этомъ родѣ замѣчательные экземпляры, не уступающіе Плюшкину.

«Вы помните, пишетъ корреспондентъ, конечно, нашихъ «скупыхъ рыцарей» тоже милліонеровъ, Фирсанова и Карташова, съ проклятіями разстававшихся съ жизнью не потому, что имъ жить хотѣлось (оба пожили довольно), а потому что, вмѣстѣ съ жизнью, имъ приходилось разставаться и съ грудями золота, всевозможныхъ акцій, облигацій, талоновъ и купоновъ, которые они, эти «скупые рыцари» новѣйшей формациі, стяжали цѣною многихъ лишеній, страданій и, можетъ быть, слезъ. Это были своего рода отшельники, гордые сознаниемъ своего могущества и, въ то-же время, его безкорыстѣйшіе служители и рабы. Вспомните засвидѣтельствованную полицейскимъ протоколомъ картину осмотра «дворца» Г. Н. Карташова, въ которомъ онъ скончался.

Передняя настолько тѣсна, что въ ней двое съ трудомъ могутъ повернуться. Потомъ «пріемная» комнатка, немного побольше первой. На простомъ, прикрытомъ простынею столѣ—трупъ усопшаго. Направо узенькій коридорчикъ и *конусообразная* «опочивальня»: вотъ небольшая лежанка съ изголовьемъ, на которой спалъ покойный; рядомъ маленькая, грязная скамья, и на ней заскорузлый котелокъ съ водою, прикрытый грязною, запыленною дощечкой; котелокъ до такой степени ветхъ, что стоитъ на боку, иначе вода прольется черезъ обвалившіеся края; за остатки порванныхъ обоевъ зацѣпленъ желѣзный, помятый ковшъ; возлѣ скамьи полуразвалившееся «вольтеровское» кресло о трехъ ножкахъ, покрытое густымъ слоемъ пыли, и тоже трехногій столъ (недостающую ножку замѣняетъ осиновое полѣно); на срединѣ стола покрытый плесенью и перепачканный мухами двухведерный самоваръ; два небольшія окна, выходящія въ переулочъ, защищены массивными, старинной конструкции, рѣшетками.

И въ этой-то конурѣ покоился «рыцарь», обладавшій нѣсколькими милліонами, «рыцарь», которому, дѣйствительно, стоило только «свиснуть» и стѣны его опочивальни одѣлись-бы бархатомъ, узенькая лежанка замѣнилась-бы золоченою кроватью, разбитый котелокъ—севрскимъ фарфоромъ!

Разказы о смерти другого «рыцаря» Фирсанова, проскользнувшіе въ печать, еще характернѣе. Разказываютъ, напри-мѣръ, что, въ предсмертномъ бреду, Фирсановъ пытался засунуть себѣ въ носъ, въ ротъ и въ уши ключъ отъ несгораемаго сундука съ «сокровищами» лишь-бы унести его съ собою въ могилу, лишь-бы съ такимъ трудомъ накопленное богатство не досталось никому».

Не таковъ г. Солодовниковъ—этотъ типъ совсѣмъ другого рода «рыцарей».

Онъ извѣстный всей Москвѣ «жуиръ», одѣвается безукоризненно и, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, еще молодится. Онъ на судѣ упоминалъ имена Джонсона и Бокля для доказательства пользы бѣдности, однимъ словомъ, онъ, нѣкоторымъ образомъ, вкусилъ образованія и тѣмъ позорнѣе для него, конечно, является этотъ знаменитый процессъ, раскрывающій—не въ первый, впрочемъ, разъ—безсердечіе, жестокость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ чертъ порядочности у одного изъ представителей тѣхъ «столповъ» капитализма, которые подчасъ съ такой трогательной наивностью говорятъ о безнравственности, объ оскудѣніи добродѣтелей, когда дѣло касается рабочаго люда. Черты все знакомыя, исторія обыкновенная... Но во вся-

комъ случаѣ мерзость, обнаружившаяся на процессѣ, даже и для такихъ кавалеровъ, является мерзостью необыкновенною — дѣло касается ужь очень простыхъ отношеній, — отношеній отца къ дѣтямъ...

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ сошелся съ одной бѣдной, образованной дѣвушкой, жилъ съ ней, какъ съ «законной» женой семнадцать лѣтъ и прижилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей; но когда, подѣ старость, онъ увлекся новой страстью, то въ одинъ прекрасный день оставилъ и жену и дѣтей рѣшительно безъ всякихъ средствъ, по-просту выбросилъ на улицу. Забудьте, что на судѣ фигура этой брошенной женщины вырисовывается съ очень симпатичной стороны. Она ни словомъ не проговорила о своей семнадцатилѣтней жизни, не рассказала ни одной тайны разбитаго сердца. Изъ показаній свидѣтелей видно, что она, несмотря на милліоны г. Солодовникова, жила всегда очень скромно и вся отдалась воспитанію дѣтей. И вотъ, мать съ пятью человѣками дѣтей, воспитанныхъ, забудьте, въ извѣстной обстановкѣ довольства и роскоши, должна была перебраться въ одну комнатку и терпѣть не только недостатки матеріальныя, но и пытки нравственныя. «Отецъ, ты забылъ, что нужно платить за квартиру — насъ выгоняютъ!» писалъ маленькій сынъ своему отцу, но отецъ не отвѣчалъ и, когда мать явилась къ той «женщинѣ», которая завладѣла старымъ «жуиромъ», съ просьбой не дѣлать несчастной ее и дѣтей, г. Солодовниковъ прогоняетъ и жену и дѣтей и говоритъ, что они ничего не получаютъ. Сценка веселая! На вопросъ, обращенный къ старцу со стороны «фаворитки», узнавшей о прежней долгой связи г. Солодовникова, онъ отвѣчаетъ со смѣхомъ: «Такихъ женъ въ Москвѣ у каждаго по десяти!» А насчетъ дѣтей: «Такихъ дѣтей у него сотни!»

Послѣ всего этого немудрено, что мать, наконецъ, рѣшилась обратиться къ суду, ради дѣтей.

На судѣ г. Солодовниковъ вмѣстѣ съ достойнымъ своимъ адвокатомъ г. Лохвицкимъ считали своимъ долгомъ всячески опозорить эту женщину, но въ то-же время всякій разъ, когда князь Урусовъ, адвокатъ потерпѣвшей, допрашивалъ свидѣтелей съ цѣлью разоблаченія на судѣ гнусныхъ подробностей, отгвняющихъ всю прелесть нравственнаго существа этого отца «сотенъ дѣтей», желавшаго «отдѣлаться» и ничѣмъ не обезпечить дѣтей, изъ-за которыхъ мать рискнула вынести въ залу суда эту семейную драму, — г. Солодовниковъ, говорю, постоянно прерывалъ адвоката, замѣчая, что это «вводные эпизоды», которые заставляютъ рассказывать, чтобы «причинить ему неприятность». Онъ, видите-ли, этотъ московскій набобъ, привыкшій

за деньги не зная неприятностей, еще обижается, что защита желаетъ, въ предѣлахъ существа дѣла, уяснить передъ судомъ всѣ обстоятельства! И надо было видѣть, съ какимъ анимомъ «мѣднаго лба», съ какой поднятой головой держалъ себя г. Солодовниковъ! Онъ, этотъ старый грѣхотворникъ, отрекающійся отъ дѣтей, явился къ своему позорному столбу, въ судъ, во фрагъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, завитой и поглядывалъ вокругъ съ такимъ видомъ, точно дѣло шло о какомъ-нибудь пустякѣ. Надо во-истину обладать такимъ-же «мѣднымъ лбомъ», какъ и г. Лохвицкій—о, этотъ привыкъ ко всему!—чтобы держать себя съ такимъ «достоинствомъ», съ какимъ держалъ себя г. Солодовниковъ.

Разумѣется, желая подѣйствовать на судъ, онъ, за нѣсколько дней до разбора дѣла, внесъ въ сиротскій судъ 50,000 р. на воспитаніе своихъ пятерыхъ дѣтей и, какъ-бы въ насмѣшку, обязался платить матери ихъ по триста рублей въ годъ. Для нихъ этого совершенно достаточно, говорилъ онъ на судъ.

«Я исполнилъ всѣ обязанности, далъ сумму большую, чѣмъ та, которую-бы получили законныя дѣти. Дѣти г-жи Куколевской могутъ быть при томъ воспитаны наравнѣ съ дѣтьми богачей и кончить курсъ въ гимназіи. Я видѣлъ въ городѣ Хемницѣ принцевъ, дѣти которыхъ воспитывались въ гимназіи за плату 800 талер. въ годъ. Большая сумма порождаетъ-бы зависть въ дѣтяхъ законныхъ и была-бы безсильна сдѣлать полезныхъ людей. Лучшіе люди иногда въ молодости зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ; напримѣръ, Джонсонъ, Бокль, извѣстный авторъ «Европейской цивилизаціи», Биконсфильдъ и другіе, не будучи сначала богатыми, трудовой жизнью достигли общаго почета и, наоборотъ, часто дѣти первыхъ богачей выходятъ послѣдними людьми!»

Слышите? Г. Солодовниковъ, получившій милліоны отъ своего отца, и о «собственномъ трудѣ» имѣющій такое-же понятіе, какъ и объ элементарныхъ правилахъ совѣсти, туда-же осмѣливается прочитывать тираду о вредѣ богатства и говорить о зависти между законными и незаконными дѣтьми!..

Г. Лохвицкій, этотъ присяжный защитникъ всякой невозможной пакости, подъ условіемъ, конечно, что пакость совершена субъектомъ, который въ состояніи заплатить не менѣе того, что платятъ съумасшедшіе старцы за обстановку модной кофточки,—разумѣется, былъ на высотѣ своего положенія...

Когда въ Москвѣ стало извѣстно, что подана жалоба на г. Солодовникова, ни у кого не было сомнѣнія, что защитникомъ у него будетъ г. Лохвицкій—бывшій профессоръ и пользующійся

ся *отчаянной* извѣстностью адвокатъ. Съ цинизмомъ, превосходящимъ даже самое смѣлое воображеніе развращеннаго прелюбодѣя слова, онъ готовъ, какъ показала его долголѣтняя дѣятельность въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, «распинаться» за что угодно. Идетъ-ли дѣло о завѣдомомъ подлогѣ, объ ограбленіи, объ истязаніи, объ изнасилованіи, вы навѣрное можете напередъ сказать, безъ боязни ошибиться, что въ такомъ дѣлѣ защитникомъ будетъ никто иной, какъ г. Лохвицкій, если только—объ этомъ нечего и говорить!—попавшій въ объятія прокурора, принадлежитъ въ числу лицъ, въ числѣ добродѣтелей которыхъ есть и «добродѣтель богатства».

Логически-последовательный въ своемъ адвокатскомъ цинизмѣ, ловкій, опытный, образованный юристъ, защищающій нерѣдко завѣдомую гнусность съ увлекательностью, умомъ и остроуміемъ, онъ, конечно, производитъ тѣмъ отвратительнѣе впечатлѣніе. О сохраненіи своего адвокатскаго имени въ чистотѣ для современниковъ и потомства, г. Лохвицкій, очевидно, не заботится и репутація его на столько прочно установилась, что никакая новая съ его стороны адвокатская «выходка» ничего не прибавитъ и не убавитъ къ его репутаціи. По обыкновенію, онъ былъ тѣмъ-же г. Лохвицкимъ на процессѣ г. Солодовникова, какимъ привыкли его видѣть и на другихъ процессахъ. Съ обычной наглостью наемнаго лицемѣра, онъ вызвалъ на судъ къ нравственности и позорилъ мать дѣтей своего кліента за «порочную» жизнь. Г. Лохвицкій, позорящій завѣдомо порядочную женщину за то только, что она жила внѣ брака—это было нѣчто возмутительно-безнравственное, нѣчто отчаянно-развратное, но нисколько не удивительное, какъ только вы вспоминали, что все это говоритъ г. Лохвицкій. «Если судъ присудитъ этой женщинѣ сумму, которую она требуетъ, то это будетъ имѣть значеніе «награды за ея порочную жизнь!» говорилъ, между прочимъ, Лохвицкій. «Надо—воскликнулъ онъ въ заключеніе—и право, казалось мнѣ, будто у г. Лохвицкаго блеснула слеза на глазахъ—надо, чтобы она вышла отсюда съ опущенной головой, а не съ гордо поднятымъ челомъ и въ раззолоченной каретѣ, получивши такой богатый подарокъ за порокъ!» О, онъ скорбѣлъ за порокъ, ссылаясь на французскіе законы (и забывая прусскіе) о незаконнорожденныхъ, этотъ г. Лохвицкій!

Дѣтямъ тоже не слѣдовало присуждать хорошаго обезпеченія—объяснялъ г. Лохвицкій,—они незаконныя и записаны въ мѣщане, а мѣщанамъ вредно быть богатыми и, кромѣ того, не

окажетъ-ли богатство и сивернаго вліянія на нравственность дочери истицы? заботился г. Лохвицкій...

Но довольно... Г. Лохвицкій, распинающійся о нравственности... да можетъ-ли быть еще что-нибудь, болѣе отвратительное въ устахъ завѣдомо «извѣстнаго» своей общественной дѣятельностью адвоката?..

Удивительно еще, какъ онъ не сослался въ своихъ доводахъ на древнее римское законодательство по отношенію къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, когда въ обычаѣ было просто выкидывать ихъ на овощный рынокъ или къ Авентинской горѣ или просто забрасывать, какъ щенковъ?

Когда судъ вынесъ резолюцію о двухстахъ девятнадцати тысячахъ, г. Солодовниковъ, до того съ необыкновенной развязностью внимавшій своему позору, вдругъ какъ-то весь съежился. Апломбъ его пропалъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ его милліоновъ придется отсчитать 219,000. И кому-же?.. Дѣтямъ. *Цифра* на него подѣйствовала. На такихъ людей только цифры и дѣйствуютъ.

И онъ, какъ-бы съ упрекомъ во взорѣ, взглянулъ на г. Лохвицкаго. И г. Лохвицкій отвѣтилъ взглядомъ успокоенія. Вѣдь впереди еще—апелляція, еще не все потеряно, еще, быть можетъ, добродѣтель этихъ двухъ «столповъ нравственности» и восторжествуетъ! Но такъ или иначе, а оба они вышли изъ суда достаточно опозоренными въ общественномъ мнѣніи... Процессъ этотъ повсемѣстно разнесетъ вѣсть объ этомъ позорѣ.

Х.

Это скандальное дѣло, показавшее обществу «*au naturel*» одного изъ нашихъ капиталистовъ, снова затрогиваетъ, между прочимъ, важный вопросъ—вопросъ о такъ-называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтяхъ, не разъ уже возбуждавшійся въ нашей литературѣ и до сихъ поръ остающійся нетронутымъ нашимъ законодательствомъ, и положеніе нашихъ «незаконнорожденныхъ», по сравненію съ положеніемъ ихъ во всѣхъ странахъ Европы, едва-ли не самое незавидное, напоминающее отчасти тѣ времена, когда къ «незаконному» ребенку относились какъ къ существу отверженному, несущему на себя наказаніе, за рожденіе на свѣтъ внѣ узаконнаго брачнаго союза, во всю свою жизнь.

Тогда—какъ во всѣхъ странахъ законодательство болѣе или менѣе прогрессируетъ въ отношеніи улучшенія положенія незаконнорожденныхъ и облегченія ихъ узаконенія, у насъ оно ос-

тается нетронутымъ и законъ не даетъ никакихъ средствъ для узаконенія такихъ дѣтей хотя-бы позднѣйшимъ бракомъ.

Пользуясь весьма интересной брошюрой г. А. И. — «Вопросъ о незаконнорожденныхъ» *), подробно знакомящей съ исторіей этого вопроса, съ современнымъ законодательствомъ о незаконнорожденныхъ во всѣхъ странахъ Западной Европы и у насъ, написанной съ почтеннымъ намѣреніемъ обратить вниманіе на этихъ несчастныхъ, лишенныхъ всякихъ правъ, дѣтей, — я приведу изъ нея нѣкоторые извлеченія, отсылая читателя, желающаго познакомиться съ вопросомъ болѣе подробно, къ самой брошюрѣ.

Съ самыхъ старыхъ временъ почти во всѣхъ странахъ участь незаконнорожденныхъ и подкидышей была самая жалкая. Ихъ выбрасывали, какъ соръ, и даже Аристотель, Сократъ и Платонъ защищали этотъ обычай. То-же самое было и въ Римѣ, гдѣ, какъ и въ Греціи, не допускались такъ-называемые неровные браки. Ребенокъ, поднятый съ площади, дѣлался рабомъ, вещью благодѣтеля, спасаго его отъ смерти и при обозначеніи собственныхъ именъ такихъ дѣтей имъ приписывались буквы S. P. (sine patre) безъ отца. Отецъ въ тѣ времена, какъ г. Солодовниковъ въ нынѣшнія, считалъ себя свободнымъ отъ всякой за нихъ отвѣтственности, и только послѣ Августа участь «незаконнорожденныхъ» нѣсколько улучшилась тѣмъ, что дѣтей, выкинутыхъ на площадь и рожденныхъ отъ лицъ свободнаго состоянія, дозволено было считать свободными и наследовать матери. Первый христіанскій императоръ Константинъ запретилъ даже конкубинатъ, лишивъ какъ матерей, такъ и дѣтей, происшедшихъ отъ такой связи, не только права наследованія, но и всякаго пособія со стороны отца и сравнивалъ дѣтей отъ конкубината со всѣми незаконнорожденными. Нельзя сказать, чтобы христіанство значительно облегчило участь незаконнорожденныхъ; правда, духовныя лица устраивали пріюты и воспитывали дѣтей, но потомъ дѣлали ихъ, такъ-сказать, своими вѣрными. Впослѣдствіи церковь не мало ставило тормазовъ вопросу объ улучшеніи участи дѣтей, такъ-что либеральные относительно законы Юстиніана Великаго, перваго снявшаго рабство съ подкидышей, допустившаго дѣтей наложницъ до наследованія и облегчившаго усыновленіе, — впослѣдствіи были отмѣнены въ IX вѣкѣ папой Львомъ Философомъ, который торжественно назвалъ всѣхъ дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, *отверженными*. Незаконнорожденные не могли вступать въ духовный санъ и даже въ половинѣ XVI вѣка незаконно-

*) Эта брошюра издана въ 1875 годѣ.

рожденному не дозволяли держать экзаменъ на доктора богословскаго факультета въ Парижѣ.

Въ позднѣйшее время Франція первая обратила вниманіе на этотъ вопросъ и конвентъ поставилъ всѣхъ подкидышей подъ защиту государства; но гуманныя постановленія конвента были уничтожены Наполеономъ, который въ своемъ кодексѣ воспретилъ незаконнорожденному отыскивать своего отца. Однако, кодексъ допускаетъ его признаніе по желанію родителей и допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ право наследованія, а въ политическихъ правахъ сравниваетъ законныхъ и не законныхъ дѣтей.

Лучшія изъ современныхъ законодательствъ относительно незаконнорожденныхъ дѣтей—законодательства Пруссіи, Баваріи и Швеціи. Вотъ что говоритъ авторъ брошюры о прусскомъ законодательствѣ:

„Оно старается какъ о томъ, чтобы облегчить незаконнорожденному отысканіе отца, такъ и о томъ, чтобы установить между отцемъ и незаконными дѣтьми его отношенія болѣе нормальныя. Связь нѣсколькихъ сожителей съ матерью одновременно за отговорку не принимается; опека имѣетъ власть принудить каждаго изъ нихъ къ выполненію долга относительно ребенка. До 4 лѣтъ воспитываетъ ребенка мать на деньги, доставляемыя отцемъ. На пятый годъ отецъ можетъ взять его къ себѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія опекуна. Обязанность воспитанія незаконнорожденного съ отца переходитъ на дѣда съ отцовской стороны, потомъ на мать, потомъ на дѣда со стороны матери. Хотя незаконнорожденный не принадлежитъ къ семьѣ отца, не носитъ его фамиліи, не состоитъ подъ его властью, но тѣмъ не менѣе онъ получаетъ часть изъ отцовскаго наследства по закону, кромѣ того, что можетъ получать по завѣщанію безъ всякаго препятствія и ограниченія; онъ носитъ фамилію матери и причисляется къ тому званію, къ которому она принадлежала въ минуту его рожденія, но дворянскаго сословія отъ нея не наследуетъ. Если у незаконнорожденного не отыскивается ни отца, ни матери, то дитя поступаетъ на пощеніе мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій.

Количество содержанія, слѣдующаго незаконнорожденному отъ отца, не должно превышать нормы стоимости содержанія дитяти законнорожденного изъ крестьянскаго или мѣщанскаго званія, съ платою въ школу и за обученіе ремеслу. Это содержаніе родители обязаны доставлять ребенку до 14 лѣтъ, послѣ чего онъ самъ обязанъ себя содержать.

Въ видахъ большаго преустьянія незаконнорожденного въ гражданской жизни и съ цѣлью *снять съ него незаслуженный имъ утрекъ* въ незаконности рожденія, прусское законодательство допускаетъ его узаконять (*Allgemeines Landrecht für die Preussische Staaten*, прилож. къ § 94).

Узаконить прижитаго внѣ законнаго брака ребенка можно:

1) По рѣшенію суда, имѣющаго власть признавать за матерью дитяти полныя права законной жены. Тогда права этого дитяти уравниваются съ правами дѣтей законныхъ; только ему не предоставляется фамилія отца, но оно остается съ фамиліей матери. Судъ можетъ признать ребенка законнымъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ между родителями былъ отложенъ, замедленъ со стороны отца и вовсе не состоялся по его-же винѣ.

2) Черезъ послѣдующій бракъ между отцемъ и матерью прешитаго внѣ брака ребенка всѣ права незаконнорожденнаго, за немногими исключеніями, уравниваются съ правами дѣтей законныхъ; даже если незаконнорожденный умеръ до брака родителей, оставивъ по себѣ законныхъ дѣтей, то послѣдніе по отношенію къ дѣлу и бабѣ имѣютъ права прямыхъ наслѣдниковъ.

3) Ребенокъ, родившійся отъ невѣсты, признается законнымъ, даже и тогда, когда бракъ ея съ женихомъ не состоялся, если только женихъ признаетъ его своимъ.

4) Съ разрѣшенія верховной власти, дѣти признаются законными, когда все не было брака между родителями. Но при этомъ, по принятіи прошенія на высочайшее имя объ узаконеніи, разсматривается, клонятся-ли желаемое узаконеніе къ выгодамъ незаконнорожденнаго, и оно разрѣшается съ условіемъ назначенія къ ребенку опеки, если онъ еще несовершеннолѣтній.

Вслѣдствіе такого узаконенія дитя причисляется къ сословію отца, получаетъ всѣ права законнорожденнаго, но фамилія отца не носятъ, вступаетъ въ его семью лишь по фамильному договору, и между нимъ и законными дѣтьми того, кто ходатайствовалъ объ узаконеніи, устанавливаются такія отношенія, какъ между дѣтьми сводными, т. е. отъ разныхъ матерей и отъ одного отца. Точно также и относительно родственниковъ матери, безъ особеннаго на то съ ихъ стороны согласія, узаконенный не имѣетъ никакихъ притязаній и правъ, кромѣ правъ, присвоенныхъ незаконнорожденному.

Если во время узаконенія дитяти отецъ его имѣлъ уже наслѣдниковъ отъ брака и желалъ надѣлать ихъ указанною въ законахъ частью, то незаконнорожденному такой части не полагается.

Дѣти отъ брака морганатическаго признаются прямыми наслѣдниками отца лишь съ разрѣшенія верховной власти; принятіе ихъ въ семью по фамильному соглашенію.

Кромѣ всего этого, прусскій кодексъ допускаетъ узаконеніе по просьбѣ того или другого изъ родителей, по просьбѣ самого незаконнорожденнаго и даже по хѣдайству за него опекуна. Утвержденіе по этой просьбѣ подлежитъ мѣстному обергерихту; но прочихъ отношеній незаконнорожденнаго къ родителямъ и родственникамъ ихъ оно не измѣняетъ.

Совсѣмъ не то мы видимъ, обратившись къ нашему законодательству. Въ то время, какъ почти во всѣхъ странахъ законодательство облегчаетъ усыновленіе, принимаетъ подъ свою защиту брошенныхъ дѣтей, въ пользованіи политическими правами не дѣлаетъ никакого различія между законными и незаконными дѣтьми и самое названіе «незаконнорожденный» не существуетъ въ официальномъ языкѣ,—по нашему закону узаконить или усыновить незаконнорожденныхъ, можно только двумя способами: или по особымъ высочайшимъ указамъ *), или черезъ приписку къ своимъ

*) Въ примѣчаніи къ статьѣ 144, т. X, часть I сказано, что Высочайшимъ указомъ 29 іюля 1828 г. всѣ приносимыя Его Императорскому Величеству прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопричтеніи къ законнымъ дѣтямъ, рожденнымъ до брака съ настоящею женою, повелѣно—не внося въ комиссію прошеній, оставлять безъ движенія.

семьямъ. Первый способъ относится до лицъ привилегированнаго сословія, второй къ остальнымъ сословіямъ, причемъ, во второмъ случаѣ, можно «узаконять» только воспитанниковъ или приемышей, а о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ ни слова не говорится. Онѣ лишены всякой возможности быть признанными дѣтьми своихъ родителей. Никакой опеки государства надъ незаконнорожденными дѣтьми у насъ не существуетъ и ребенка, отданнаго въ воспитательный домъ, можетъ взять каждая женщина, представившая приемный билетъ; нечего и говорить какое множество дѣтей служитъ предметомъ эксплуатаціи, какое множество нищихъ по профессіи воспитывается такимъ образомъ.

Дѣленій на разряды, какъ то существуютъ въ Европѣ, у насъ нѣтъ. Всѣ дѣти, прижитыя внѣ брака, происшедшія отъ прелюбодѣянія, родившіеся послѣ смерти мужа и матери или по расторженіи брака разводомъ по истеченіи болѣе 306 дней и дѣти, прижитыя въ бракѣ, признаннымъ недѣйствительнымъ, — считаются незаконными и приписываются къ сословію матери, исключая того случая, когда мать дворянка или почетная гражданка. Тогда незаконнорожденный приписывается къ податному сословію. Ребенокъ, родившійся послѣ изнасилованія, даже отъ несовершеннолѣтней, равнымъ образомъ считается незаконнымъ.

Узаконенія черезъ послѣдующій бракъ по нашему закону не допускается; наше законодательство не старается отыскать отца, но дозволяетъ матери уважать его и въ такомъ случаѣ обязываетъ содержать ребенка, вмѣстѣ съ матерью, известное время, но только въ томъ случаѣ, если отецъ и мать ребенка свободны отъ брачныхъ узъ. Въ противномъ случаѣ, за прелюбодѣянiе налагается только наказаніе на того и другого, и то не иначе какъ по жалобѣ оскорбленнаго въ своей чести супруга. Незаконныхъ дѣтей, по нашимъ законамъ, воспрещено опредѣлять въ гражданскую службу съ присвоеніемъ права на полученіе высшихъ чиновъ, хотя-бы они получили воспитаніе даже въ гимназіяхъ и равныхъ имъ заведеніяхъ. По достиженіи 21 года они должны приписаться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ по ихъ избранію (Т. XIII, ст. 557).

Подкидыши или не помнящіе родства, хотя-бы они были воспитаны дворянами, тогда только могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу, когда были записаны сперва въ податное состояніе и изъ этого законнымъ образомъ уволены, и окончатъ курсъ ученія въ какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній,

дающихъ, на основаніи Устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, права на вступленіе въ службу (т. III, ст. 6).

Для воспитанныхъ дворянами, такимъ образомъ, сдѣлана льгота.

Незаконные дѣти, хотя-бы и были воспитаны тѣми, которые именуется ихъ родителями, не имѣютъ права на законное послѣ отца или матери имущество (т. X, ст. 136).

Лицо, рожденное отъ недѣйствительнаго брака, хотя-бы по Монаршей милости и былъ ему предоставленъ какой-либо удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, не приобретаетъ черезъ то права на наследство послѣ другихъ родственниковъ (ст. 137).

Таковы наши положенія о «незаконнорожденныхъ» дѣтияхъ, для пріюта которыхъ у насъ только и есть два воспитательныхъ дома, гдѣ въ живыхъ остаются не болѣе половины приносимыхъ дѣтей. Еще Петръ Великій приказывалъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, при церквахъ, гдѣ пристойно, подлѣ ограды, построить для нихъ гошпиталии, въ Москвѣ каменную, а въ другихъ городахъ деревянныя, но послѣ смерти Петра эти «гошпиталии» были закрыты и, конечно, количество дѣтоубійствъ увеличилось.

Не мѣшаетъ, между прочимъ, въ назиданіе мудрецовъ, полагающихъ, что отъ облегченія усыновленія дѣтей, рожденных внѣ брака, семейная жизнь, будто-бы, расшатается—привести изъ упомянутой брошюры слѣдующую табличку, доказывающую, что гдѣ легче усыновленіе и узаконеніе, тамъ и меньшее число рождающихся внѣ брака. Такъ въ Пруссіи на 100 родившихся приходится 7, въ Саксоніи 15, а въ Баваріи 20 незаконныхъ.

Масульманское законодательство гораздо гуманнѣе относится къ несчастнымъ дѣтямъ, чѣмъ относимся мы. Вотъ что говорить объ этихъ дѣтияхъ Магометъ:

«Покинутое дитя, несчастный плодъ преступленія или нищеты, имѣетъ полное право на состраданіе со стороны своего собрата — человѣка. Потому каждый, нашедшій младенца у дверей мечети, дома, купальни, на улицѣ, или гдѣ-бы то ни было, обязанъ оказать ему всевозможную помощь. Найденное дитя должно быть свободнымъ отъ рабства, если-бъ имѣло родителей даже рабовъ. Принявшій на воспитаніе найденнаго младенца считается его пріемнымъ отцомъ. Онъ обязанъ ему все дать, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, а также возвратить его по востребованію родителей, представившихъ надлежащія доказательства ихъ правъ на ребенка. Пріемный отецъ обязанъ научить найденное дитя такому ремеслу, которое доставляло-бы

ему средства существованія. Если никто не принимает найденныша на воспитаніе, то онъ долженъ быть воспитанъ на счетъ государства».

Но гуманнѣе всего относительно дѣтей законы у евреевъ. По объясненію Талмуда всѣ незаконнорожденные дѣти, хотя-бы отъ публичной женщины, имѣютъ право наследовать отцу и считаются законными.

Говорятъ, что «вопросъ» о «незаконнорожденныхъ» разсматривается въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ давно ходили слухи въ печати, но пока еще даже слово «незаконнорожденный» употребляется въ нашемъ официальномъ языкѣ!

ХІ.

Судьба, видно, судила мнѣ, въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, еще разъ встрѣтиться съ моимъ спутникомъ на желѣзной дорогѣ—Свистунскимъ, съ которымъ я уже нѣсколько познакомилъ читателя въ послѣднихъ «Картинкахъ». Онъ, какъ оказалось, застрялъ въ Москвѣ долѣе предполагаемаго по маршруту времени, изучая, какъ видно, не столько «духъ» московскихъ жителей, сколько кулинарное искусство московскихъ поваровъ и достоинства завтраковъ и обѣдовъ, которые давали ему наивные люди, обманутые, конечно, его враньемъ о данной будто-бы ему миссіи и его амигошонствомъ со всѣми начальниками отдѣленій, отъ которыхъ, будто-бы, зависитъ торговля, промышленность, пошлины, словомъ—чуть-ли не благоустройство всей имперіи.

Москва, несмотря на свой почтенный возрастъ и, если вѣрить г. Каткову, даже «умственную зрѣлость», признаться, довольно-таки еще легковѣрная старушка, охотно готовая не только торжественно принять, накормить до-отвала, но и повѣрить всякому пріѣзжему «генералу», хотя-бы этимъ «въ нѣкоторомъ родѣ генераломъ» и былъ неподражаемый Свистунскій. Если принять при этомъ въ соображеніе его необыкновенную способность врать, не останавливаясь, коли нужно, въ теченіи 24-хъ часовъ въ ряду, прелесть московскихъ завтраковъ и обѣдовъ и обиліе вина, что всегда возбуждаетъ краснорѣчіе, и, наконецъ, вниманіе, съ какимъ чествовавшіе купцы-москвичи слушали невозможное «блягерство» этого «почетнаго гостя», то не трудно понять, почему мой бывшій товарищъ застрялъ въ Москвѣ и восхищалъ своими рѣчами наивныхъ москвичей.

Признаться, я было и забылъ совѣтъ о Свистунскомъ, (его рѣчи въ газетахъ не печатались) когда сидѣлъ однажды въ «Эрмитажѣ» за чашкой кофе послѣ обѣда, какъ вдругъ изъ соседней комнаты до меня долетѣло громозвучное «ура» и вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ этотъ знакомый, крикливый голосъ моего товарища...

«Это онъ!» пронеслось въ моей головѣ, я поспѣшилъ расплатиться и собирался уже уходить, какъ въ корридорѣ совершенно неожиданно столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ былъ торжественъ, возбужденъ и нѣсколько пьянъ, во фракѣ со звѣздой Льва и Солнца и какими-то сіамскими орденами, полученными имъ во время пребыванія въ этой далекой странѣ...

— А, вотъ неожиданная встрѣча!.. восликинулъ онъ, бросаясь ко мнѣ. Нѣтъ, такъ нельзя... Пойдемъ, пойдемъ къ намъ!.. Ты увидишь!

И съ этими словами онъ чуть-ли не насильно втащилъ меня въ отдѣльную комнату «Эрмитажа», гдѣ за большимъ столомъ сидѣли незнакомыя, сіяющія лица господъ, во фракахъ съ большими медалями на шеяхъ. Не успѣлъ я еще осмотрѣться, какъ Свистунскій уже говорилъ:

— Господа! позвольте вамъ представить моего друга... Известный литераторъ...

И, затѣмъ, обращаясь ко мнѣ:

— Я удостоился чести... Достоуважаемые мои друзья, представители Москвы, именитые граждане, въ моемъ скромномъ лицѣ, желали, такъ-сказать, почтить представителя администраціи, не жалѣющей трудовъ... Я очень радъ...

Я не слышалъ дальнѣйшихъ его словъ, изумленный обстановкой этого торжественнаго собранія, и безропотно сѣлъ около Свистунскаго, посадившаго меня на стулъ. Устремленные на него со всѣхъ концовъ стола эти почтительные, масляные, пьяные взгляды, его собственный торжественный видъ, это количество медалей, обстановка, все ясно свидѣтельствовало, что «героемъ» банкета былъ онъ, этотъ невозможный враль, Свистунскій. Его каждое слово ловилось на лету. Онъ съ такимъ покровительственнымъ видомъ обращался то къ одному, то къ другому изъ гостей, точно въ самомъ дѣлѣ воображалъ себя настоящимъ «почетнымъ гостемъ», какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, котораго чествуютъ благодарные сограждане.

Обѣдъ приходилъ уже къ концу, шампанское лилось рѣкою. Мой Свистунскій былъ пьянъ достаточно и потому ни умолкалъ ни на минуту. Онъ говорилъ о задачахъ, о будущности, о Москвѣ,

о тарпофъ, о раскольникахъ, о Москвѣ-рѣкѣ. Онъ обѣщаль во все выплнуть и все разсмотрѣть, когда вернется въ Петербургъ. И всѣ слушали, всѣ выражали одобреніе. Я тоже слушалъ, изумляясь его необыкновенной способности мистифицировать добрыхъ людей. Какой-то толсторожій господинъ въ торжественномъ спичѣ благодарилъ Свистунскаго отъ лица купечества за честь, прослезился и объявилъ, что москвичи всегда были русскими и останутся русскими и послѣ этого такъ крикнулъ «ура!», подхваченное пьяными голосами, что я вздрогнулъ отъ неожиданности.

Тогда Свистунскій всталъ, обвелъ глазами собраніе и произнесъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— Господа! Я не смѣю отнести къ своимъ слабымъ заслугамъ тѣ слова одобренія, которыми вы, именитые представители Москвы, сдѣлали честь только-что почтить меня... Скромная моя служба въ качествѣ столоначальника департамента проектовъ и, наконецъ, еще краткое пребываніе мое на этомъ посту—не даютъ мнѣ права, скажу даже, не позволяютъ мнѣ лично принять отъ васъ, милостивые государи, столь лестные знаки вниманія; я понимаю, что вы чувствуете въ лицѣ моемъ не меня, скромнаго исполнителя предназначеній моего уважаемаго начальника отдѣленія, а всю нашу администрацію, всѣ наши усилія, наши труды, наши желанія послужить на пользу родины... И я могу обѣщать вамъ, господа, и обѣщаю вамъ—тутъ голосъ Свистунскаго пріобрѣлъ торжественную твердость—что мы не сложимъ рукъ, что мы при помощи вашего одобрительнаго сочувствія и—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—вашихъ просвѣщенныхъ совѣтовъ,—достигнемъ успѣховъ на благо нашего отечества. Да, вы правы, господа... Наша политика русская, истинно русская, наши задачи русскія и наши средства будутъ тоже русскія... Программа моя, наша, хочу я сказать, нашего департамента—русская. Мы не смущаемся трудностями, мы ничѣмъ не смущаемся и не смутимся никогда... Пора намъ избавиться отъ иностраннаго вліянія, какъ пора нашей промышленности избавиться отъ иностранныхъ ситцевъ. Пора намъ перестать стыдиться Европы и открыто заявить, что Россія самобытна, а потому и мѣры должны быть вполне самобытны. Я, господа, командированъ по Россіи для ея статистическаго изученія... Москва произвела на меня прекрасное впечатлѣніе и я счастливъ, милостивые государи, что могу вмѣстѣ съ вами повторить: да мы русскіе и останемся русскими и потому провозглашаю тостъ за ваше здоровье, русскіе люди, достойные представители великаго русскаго народа... «Ура!»

Что было потомъ—трудно передать... Восторгъ былъ всеобщій. Шумъ этотъ стоялъ у меня въ головѣ еще долго послѣ

банкета и только черезъ день, по возвращеніи въ Петербургъ, я могъ придти въ себя...

Спустя нѣсколько дней я услыхалъ изъ газетъ, будто-бы Свистунскій былъ задержанъ въ Москвѣ за то, что присвоивалъ себѣ неподлежащее ему званіе. Бѣдный! Онъ такъ и не поѣхалъ, значить, изучать «духъ» Россіи...

Откровенный Писатель.

СО ДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ ВНИЖКИ.

Крутыя горки. Романъ. (Часть вторая. Главы VIII—XIV).	<i>Я. П. Полонскаго.</i>
Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Окончаніе)	<i>Рафаэля Джіованіолі.</i>
Невѣдомая улица. Набросокъ.	<i>М. Альбова.</i>
Нума Руместанъ. Романъ. (Главы VII—IX).	<i>Альфонса Додэ.</i>
Замѣтки и воспоминанія (1848—1871 гг.).	<i>Галлфранка.</i>
Изъ-за пустаковъ. Разсказъ изъ петербургской жизни.	<i>К. М. Станюковича.</i>
Писатель. Романъ. (Часть вторая. Главы IX—XV).	<i>Роберта Гальта.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Идеализаторы раскола.	<i>И. Харламова.</i>
Замѣтки земца о земскихъ изданіяхъ и земскихъ приемахъ.	<i>Земца.</i>
Жизнь и печать. (Литературная хроника)	<i>И. К—ва.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. Ш.</i>
Наши виды на урожай. (1881 года).	<i>И. К.</i>
Политическое обозрѣніе:	
I. Ирландскія дѣла.	<i>В.</i>
II. Реформы въ турціи и панисламизмъ.	<i>Ж—ка.</i>
Картинки общественной жизни.	<i>Откровеннаго Писателя.</i>



